

Антология Сатиры и Юмора России XX века

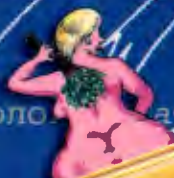
Антология Сатиры и Юмора России

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Курляндский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Приветствую передан
нашего мучного
в этом году
тобикет, ему же
если не сибиря
на в динице
Росины, котор
уже до свок
так как это
будущи мучо
" в полнении "
перо не гото
урины же мучи
они сунт в м
полнении и

он самого

друга, который
справил свои
пункты 99 и
56 709, преврати-
вдали от

уро от Виктора
то расценил
мне уезжая

ее, как зовущая
о тем же

судебные по
есть мать и
всего, в что

пожелания ма

Приведен перевод
нашего русского
в этом году
тобиас, ему 30
если не счита
на в динсвил
Росины, котор
уже до свек
так как это
будущи нуб
" в поведении
геро не гог
урины и тегу
отсутствии
поведением и

Антология Сатиры и Юмора России XX века

[Handwritten signature]

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Курляндский

МОСКВА «ЭКСМО» 2005

УДК 82-7
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7
К 93

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Александр Курляндский

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Владимир Войнович,
Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Дизайн переплета *Ахмед Мусин*

В книге использованы материалы из личного архива автора

Обращаем особое внимание читателей:

Автор графики, украсившей прозу Автора, — сам Автор

Курляндский А.

К 93 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 42. —
М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 656 с., ил.

УДК 82-7
ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 5-699-11184-0 (т. 42)
ISBN 5-04-003950-6

© А.Е. Курляндский, текст, 2005
© Ю. Н. Кушак, составление, 2005
© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Содержание

Послесловие	9
А. Курляндский, А. Хайт	
Одна голова хорошо, а две?..	13
Слон	15
Украли топор	18
Под одной крышей	22
В электричке	25
Сила искусства	28
Аксиома	31
Закон природы	35
Упопа была собака	38
Шестое чувство	42
С авторучкой в глубь веков	47
А. Курляндский	
Сквозь тернии к звездам	51
Из недалекого прошлого	53

Овчарка Барсик	53
Измена	57
Рыбный супчик	61
Кооператив	64
Чон седан!	67
Лавстори	70
Последний дубль	73
Короли и капуста	77
Случай на вокзале	82
Левая нога	86
Одна сестра	90
Бульон с яйцом	93
Дальтоничка	97
Метр Семенович	100
«На, почитай!»	101
Клюет	103
Сон	105
Свобода слова	107
Белобрысенькая	111
О недалеком прошлом	126
Из недалекого будущего	136
Водочный фонтан в Тюмени	136

Школа астронавтов	141
Дымная мгла	146
Из недалекого настоящего	150
Оставайтесь с нами!	150
Отрывки из телевизионных передач нашего и не нашего времени	150
Просто Смак	151
Красная Шапочка	153
Встреча с инопланетянином	156
Капитан-шоу	158
Про то и про это	160
Повести	163
(не только детские)	
Вы не были на Таити?	165
Моя бабушка – ВЕДЬМА	214
Суки-Куки	265
Повести	339
(только не детские)	
Майна кремлевских подземелий	341
Необыкновенное происшествие в деревне Огрызки	444
Мварь, или 13-я «ножка Буша»	510

Пьесы

561

Четверо с одним чемоданом

563

Четверо с одним пистолетом

597

Предисловие

653

Послесловие

Многоуважаемый читатель.

Не удивляйся. Это не издательская ошибка. Вместо «Предисловия», которому положено быть на этом месте, вдруг и «Послесловие».

Дело в том, что все в нашей жизни начинается с конца. С конца учебника мы решаем задачки, с конца очереди идем в ее начало, в конце газет и журналов находится уголок юмора.

Эту книгу ты, наверно, тоже начал читать с конца. То есть уже прочитал. То есть составил о ней свое мнение. Вот почему здесь, именно на этом месте — «Послесловие».

Ну, что тебе сказать об авторе, то есть обо мне? (Всегда после прочитанного интересно узнать что-то об авторе.)

Я родился в те далекие времена, когда не было «Ну, погоди!». Образование получил высшее, но не то, которое мне потом пригодилось. Я окончил Московский строительный институт. Два года работал прорабом на стройках коммунизма. Ставил унитазы и смывные бачки. Затем три года был офицером Советской армии. Строил всякие секретные объекты, которые сейчас взрывают. То замечательное время я отразил в повести «Необыкновенное происшествие в деревне Огрызки». Ты, наверно, уже ее прочитал.

Творить начал с детства. Выгоняли из школы, из института (шутка). Из школы — не шутка. В пятом, кажется, классе начал сочинять. Сам писал и издавал рукописный журнал «Клизма». Эпиграфом там было: «Назначение «Клизмы» — прочищать застои и запоры в мозгах людей». Классная руководительница обнаружила в журнале свой портрет и послала меня за родителями, «прочищать застои...». Так я понял, что сатира — жанр опасный. Я был прогульщиком, вместо школы часто бегал в кинотеатр «Колизей». Любил бродить по Москве, кататься по улицам на велосипеде. Это летом. А зимой — на коньках, по льду Чистых прудов, что рядом с тем же «Колизеем». Потом, спустя много лет, детские эти приключения стали повестью «Моя бабушка — ведьма», которая сначала была сценарием фильма. Про него (то есть про сценарий) говорили, что это изящная литература, но никакой не сценарий. Под этим предлогом фильм, конечно, не сняли. Раз это «изящная литература», я стал предлагать ее в различные издательства. Но мне сказали, что это никакая не литература, а обыкновенный сценарий. «Несите его скорей в кино». В конце концов я настолько запутался, что сам не понимал, что написал.

В институт я пошел строительный, хотя мечтал в юности строить ракеты и даже запускал их прототипы из фотопленки (горючее) и фольги от сигарет (корпус). Ракеты часто взрывались на пусковой площадке, то есть на подоконнике, и вся квартира окутывалась ядовитым дымом. Но не это меня отпугнуло от поступления в «ракетный» институт, а слишком большой конкурс. Почему я пошел в строительный? Москва в те времена начинала строиться. Она хорошела, расширялась, и была надежда остаться в ней надолго. А с ракетами я все же встретился, но намного позже, перед кубинским кризисом. Когда меня призвали в Советскую армию. Я был глубоко мирным человеком и веселил однополчан, называя фуражку кепкой, солдат — ребятами, а спирт — водкой. Тем не менее мой взвод был од-

ним из лучших, а моя фотография висела на Доске почета. Но я опять забегая вперед.

В институте я не очень отягощал себя учебой, играл в шахматы, футбол. Имею по тому и другому первые разряды, что мне дает право говорить: «Я спортсмен с головы до ног». (Для тех, кто не понял: шахматы — голова, футбол — ноги.) Но особенной страстью осталось сочинять смешное. За это уже ниоткуда не выгоняли — наступила «оттепель». Я писал капустники, затем юмористические рассказы в различные печатные и непечатные (радио, телевидение) органы. Стал автором популярных передач «С добрым утром», «Голубой огонек», отдела сатиры и юмора «Литературной газеты» — «Клуб 12 стульев».

Впрочем, я опять забегая вперед.

Работа мастером на стройке дала мне многое. И темы для первых рассказиков, и первые гонорары. Но настоящая профессиональная жизнь началась после демобилизации из армии. Я должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Мой отец, очень остроумный человек, по этому поводу шутил: «Как вам нравится? Я всегда шутил бесплатно, а Сашка еще получает за это деньги!» Но шутить за деньги оказалось не так уж просто. Чтобы выжить, приходилось шутить с утра до вечера, без выходных и праздников. Юморески, эстрадные номера.

Почти все в те годы было написано в соавторстве с Аркадием Хайтом, с которым я познакомился и подружился еще в институте.

Работал я и в кинематографе. За годы шутовства только мною и в соавторстве придумано более 50 сюжетов для «Фитиля» и «Ералаша». Мультфильмы? Очень много, думаю, штук 30. Особенно популярны серии «Ну, погоди!» (в соавторстве), «Великолепный Гоша» и «Возвращение блудного попугая» (совместно с режиссером В. Караваявым).

В настоящее время я сочиняю пьесы, повести, книги. Взрослые и детские. Впрочем, обо всем этом ты уже знаешь, так как все прочитал.

Премии? Государственная СССР (1988 г.), Болгария, Италия, Испания. И еще «Ника» — тоже 1988 г.

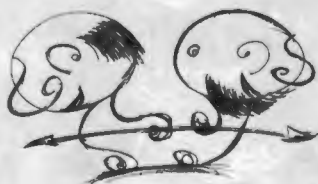
Вот пока и все. За эту книгу, думаю, ничего не получу.

И последнее.

Если ты все же начал читать книгу с начала, не удивляйся: в конце будет маленькое «Предисловие». Это для тех, кто читает книги с конца.

Одна голова хорошо, а две?..

(Рассказики)

В квартире зазвонил телефон.

Человек снял трубку.

— Алло, — сказал незнакомый мужской голос, — с вами из зоопарка говорят.

— Да-да, я слушаю.

— Вы это... наберите в ванну воды. Сейчас к вам слона приведут купаться.

— Какого слона? — удивленно спросил мужчина.

— Обыкновенного, африканского.

— А-а... почему именно ко мне?

— Потому что у нас в зоопарке вода кончилась.

— Но он же у меня не поместится. У меня, знаете, ванна маленькая, сидячая.

— Ничего, посидит. Он у нас дрессированный.

— Ну что ж, — вздохнул мужчина, — делать нечего, ведите.

— Сейчас, — радостно сказал голос, — уздечку надеваем.

— Простите, — снова спросил мужчина, — а воду какую наливать: горячую или холодную?

— Кипяток! Чтоб как в Африке было.

— Ну хорошо, я тогда пойду.

— Куда?

— Ванну наливать.

Наступила пауза.

— Ты чего, — спросил голос, — и правда поверил?

— Да, а что?

— Вот чудак. Это же я шучу.

— Зачем?

— Чтоб весело было.

— Значит, не приведете?

— Конечно, нет. Где я тебе слона возьму?

— Но вы же в зоопарке работаете.

— В каком зоопарке? Это же я тоже пошутил.

— Не понимаю, — сказал мужчина, — вы что, передумали?

— Кто передумал, я? Я и не думал.

— Зачем же вы тогда звонили?

— Фу ты, господи, я же сказал: чтоб пошутить.

— А что здесь смешного?

— Да ты сам подумай, голова садовая, разве можно слона в дом привести? Он же на лестнице застрянет.

— А мы его на лифте поднимем.

— Такую махину никакой лифт не потянет.

— А мы его за два раза.

— Слушай, — сказал голос, — брось меня разыгрывать.

Я же знаю, что ты не веришь.

— Почему?

— Да потому что слонов в зоопарке купают.

— А если вода кончилась?

— Нет, я не могу, — сказал голос, — ты что, издеваешься?!

— Я же хочу как лучше, чтобы чистый был.

— Слушай, — сказал голос, — ты что хулиганишь? Ты зачем мне звонишь?

— Это вы звоните...

— Я?! Я сейчас еще в милицию позвоню, — пообещал голос, — чтоб тебе, хулигану, телефон отключили.

— За что?

— За слона!

— Но ведь вы его не привели.

— Послушай, — жалобно сказал голос, — что я тебе сделал? Я же только позвонил, пошутить хотел.

— А откуда вы мой телефон знаете?

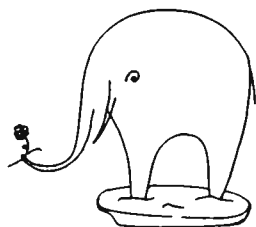
— Не знаю я никакого телефона. Это я случайно. Всем звонил, вот и к тебе попал.

— А откуда у вас столько слонов?

— Слонов?! — взорвался голос. — Ну погоди. Я тебе сделаю. Я тебе настоящего слона приведу. Есть не буду, пить не буду. Слона куплю. Мы к тебе придем, мы тебе устроим...

В трубке раздались короткие гудки.

«Разъединили, — подумал мужчина. — Ну ладно, пойду на всякий случай ванну наполню».

Украли топор

У городского палача украли топор.

Тут работы завал, конец месяца, а он без инструмента остался. Поймали вора, приговорили к смертной казни, а казнить нечем. Нет топора.

Тюремщики грозят вору:

— Верни топор, а то хуже будет!

— Как же, как же, — смеется вор, — верну я топор, на свою шею.

Шеф полиции видит — дело плохо. В городе беспорядки назревают... Вызвал к себе мастера-оружейника и предложил сделать новый топор. А тот ничего не боится, топора-то нет. Такую цену заломил, что шеф полиции за пистолет схватился. Хорошо, вспомнил, что порох еще не изобрели. А то бы пристрелил.

На следующее утро начальник полиции явился к городскому казначею.

Увидев его бледное лицо, казначей дрожащим голосом спросил:

— Что, опять нужно субсидировать заговор?

— Хуже.

— Ревизия?

— Еще хуже!

— Ну, хуже не бывает.

— Бывает. У городского палача украли топор. В городе назревают беспорядки. Срочно нужны деньги на новый.

Полсекунды понадобилось финансовому гению, чтобы оценить создавшуюся ситуацию.

— Нет у меня денег!

— То есть как нет?

— А вот так. Бюджет не резиновый.

— Я буду жаловаться королю!

— Я сам себе король. А книга жалоб за дверью.

Палач совсем спился. Всегда был человеком тихим, богобоязненным, мухи не обидит. А тут не выдержал. Сидит дома и целыми днями глушит коктейль «Кровавая Мэри», водка пополам с томатным соком.

— Тяжело мне, — жалуется жене, — все работают, пользу обществу приносят, один я — тунеядец. Пойми меня. А впрочем, ты меня никогда не понимала. Что у нас общего? Акушерке не понять душу палача.

— Душегуб! — впервые за двадцать лет сказала жена.

Этим же вечером король вызвал к себе казначея.

— Где деньги? — строго спросил он.

— Тю-тю, ваше величество! Прокутил, — пошатываясь, ответил казначей.

— Где мои башли? — взревел король.

— У девицы легкого поведения Гретхен, ваше величество. Я, так сказать, совершил свое гретхопадение.

— Адрес!

— Но, ваше величество...

— Казнокрад, — прохрипел король, замахиваясь пресс-папье.

— Улица Дофина Филиппыча, первый этаж, брюнетка.

Девушка Гретхен перепрятывала деньги из чулка в новый, только что приобретенный патентованный сейф, когда раздался условный стук.

— Входи, милый, — сказала девица, вешая для надежности на сейф замок.

Король вошел, царапая короной низкие потолки.

— Девушка, я пришел к тебе по делу государственной важности.

— Ну-ну, милый, не надо так преувеличивать значение моей скромной профессии. И потом, сними наконец этот дурацкий колпак.

— Девица, пред тобою короли!

— Предо мной, как перед богом, все равны.

— Не богохульствуй! Я пришел, чтобы вернуть общественные деньги.

— Что? Отдать деньги?! Ты мне еще сам заплатишь за время, которое отнял.

— Но, милая Гретхен, у палача украли топор, в городе беспорядки...

— Знаю-знаю. Хотя теперь эти бедные, несчастные мужья перестанут бояться закона. Наконец и я заживу полнокровной жизнью. Расширю дело, на доме будет вывеска: «Гретхен и К^о». Заходите, заходите. Не бойтесь, вас никто не обезглавит. Топора больше нет. Только два франка, всего два франка. Духовенству и семинаристам скидка. И ты хочешь отнять у меня мечту?

Провожаемый крепкой бранью, заматованный король выскочил на лестницу. В подъезде к нему подошли двое.

— Снимай корону!

— Что?..

— Снимай-снимай, чтоб голова не потела.

— Я за нее расписывался!

Но грабители, закончив экспроприацию, неторопливо покидали подъезд.

Ювелирная лавочка находилась напротив.

— Краденое принимаешь? — осторожно спросили бандиты.

— Конечно, принимаю. А чего бояться? Топора-то нет, — спокойно ответил ювелир, принимая корону и отваливая за нее пачку фальшивых банкнот.

— Извозчик! — закричали повеселевшие бандиты, выходя от ювелира. — В «Кабачок Рецидивистов»!

— Вылазы! — сказал извозчик. — Нам не по пути. Я в парк.

— Права не имеешь! Ты ж на работе.

— А чего бояться? Топора-то нет.

— Ты хоть бога побойся.

— Бога тоже нет, — крикнул извозчик и ускакал.

Весть о пропаже топора взбудоражила город. Трубочисты измазали сажей колонны дворца, скороходы, забыв про важные государственные депеши, бегали по всему городу, играя в «салочки», пекари вывалили в муке городского ростовщика. Поговаривали, что скоро начнут жечь дома богачей.

Во всяком случае, в городе не стало спичек.

Под одной крышей

Сегодня рано утром,
[REDACTED]

выходя из ванной, я случайно столкнулся с отцом.

— Мишенька, — обрадовался отец, — здравствуй, сынок!

— Отец! Здравствуй, родной!

Мы расцеловались. Отца я не видел давно. Кажется, что-то около года. А может, и больше. Все как-то не получалось. Уж очень мы с ним занятые люди. Я работаю инженером на стройке, а он у меня актер. У отца — репетиции, концерты, шефские спектакли. Да и у меня дел хватает: то совещания, то заседания, то семинары по новой технике.

— Ну, как жизнь? — спросил отец. — Как учеба, как дела в институте?

— Спасибо, — ответил я, — хорошо. Закончил я его еще весной.

— Что ты говоришь? — удивился отец. — Ну молодец, поздравляю!

Дверь комнаты открылась, и в коридор вышла Сашенька.

— А это что еще за девочка? — спросил отец.

— Это? Это дочка моя, Сашенька.

— Как, ты и жениться успел?

— Конечно, еще в институте.

— Хорош, нечего сказать! Даже с женой не познакомил.

— А как вас познакомишь? Ее же дома почти не бывает. Врач она у меня. Днем по участку бегают, а вечером кружком медсестер руководит.

— Ну а сегодня? Что же, она у тебя и в воскресенье работает?

— Нет, по воскресеньям она не работает. По воскресеньям у них курсы усовершенствования.

— Жаль, — вздохнул отец. — Очень хотелось на нее посмотреть. Какая хоть она из себя?

— Ну как тебе сказать... Такая, среднего роста... Нет, чуть выше среднего. Глаза у нее голубые... Нет, вроде бы карие... А волосы... Какие же у нее волосы?..

— Хорош муж, нечего сказать!

— Тебе легко говорить. А я ее после свадьбы всего раз три и видел.

— Да-а, стало быть, не знаешь, как родная жена выглядит?

— Почему не знаю? У меня фотография есть. Как забуду, всегда смотрю.

— А ну, покажи... О! Так я эту девушку знаю. Недели две назад она в коридоре пол мыла. Я еще думал, что ее мать позвала. Деньги ей предложил, а она обиделась.

— Что же ты мать не спросил?

— А мать-то сама знает, что ты женат?

— Думаю, знает, — неуверенно сказал я, — я же ей записку оставлял.

— Записку? А лично сказать не мог?

— А как ей скажешь? То она в магазине, то в прачечной, то в красном уголке дежурит.

— Соскучился я по матери, — грустно сказал отец. — Ты-то сам когда ее последний раз видел?

— Когда? Да так приблизительно с месяц.

— Ну как она, постарела?

— Честно говоря, не заметил. Я на лифте поднимался, а она вниз с сумками бежала.

— Папа, — заплакала Сашенька, — пи-пи хочу.

Я принес горшочек.

— Слушай, — сказал отец, — какая же это девочка? Это же форменный мальчик.

— Действительно, — согласился я, — похоже на мальчика.

— Что же ты, — спросил отец, — даже не знаешь, кто у тебя, девочка или мальчик?

— А откуда мне знать? Он же целую неделю в детском садике. Только и берем на воскресенье.

Часы пробили десять. Отец вздрогнул.

— Десять часов?! Я на репетицию опаздываю.

— Десять? И у меня сегодня экзамен по технике безопасности.

— Ну бывай, — сказал отец.

— Бывай, — сказал я. — Ты, если что, пиши.

— Жену увидишь — привет передавай.

— А ты матери кланяйся.

И мы разбежались в разные стороны.

Все-таки приятно было увидеться с родным отцом. И только одна мысль не дает мне покоя. Отец ли это был? Может, я вообще разговаривал со своим дядей?!

В электричку вошел контролер.

— Граждане, приготовьте билеты! Ваш билет?.. Пожалуйста... Ваш... Пожалуйста... Ваш билетик?.. Постойте, гражданин, что вы мне даете?

— Билет.

— Какой билет?

— На футбол.

— Зачем он мне?

— Как? Вы же сами просили.

— Этот билет мне не нужен.

— А другого у меня нет.

— Значит, вы едете без билета?

— Здравствуйте. А что вы в руках держите?

— Билет на футбол, а мне нужен билет на электричку.

— Значит, я должен был взять два билета?

— Вы должны были взять один, на электричку.

— А разве по нему пускают на футбол?

— При чем здесь футбол?! Я спрашиваю, где ваш билет?

— Послушайте, что вы от меня хотите? Вы просили билет — я дал. Что вам еще нужно?

— По этому билету нельзя ездить на электричках.

— Почему нельзя? Разве на нем написано, что нельзя?

— Это и так ясно.

— Что — ясно? Если нельзя — должно быть написано. Вот здесь написано «не курить» — я и не курю.

— Послушайте, гражданин. В электричке надо брать билет. Вот если бы вы ехали на автобусе, вы бы взяли билет?

— Зачем мне брать два билета? И на автобус, и на электричку?

— Вам не надо брать на электричку.

— Вот я и не взял.

— Но вы же едете на электричке.

— Да, но я же еду не на автобусе, а на футбол.

— При чем здесь футбол?!

— Как — при чем? Если бы не было футбола, я бы ехал на стадион?!

— Нет.

— Был бы у меня билет на футбол?

— Нет.

— А на электричку?

— Тоже нет.

— Так что вы ко мне пристали?!

— Но вы же едете?

— Куда?

— На футбол.

— Но я же еду с билетом?

— С билетом.

— Так что вам еще нужно?

— Мне?.. Мне ничего.

— Тогда что вы стоите?

— Я не стою.

— Ну и идите.

Контролер растерянно пробил билет компостером и, пошатываясь, направился к следующему пассажиру.

— Ваш билет?

— Пожалуйста.

— Что вы мне даете?

— Билет.

— Куда?

- На электричку.
- А на футбол у вас есть?
- Не-ет...
- Тогда прошу вас, гражданин. Пройдемте!

Опустился занавес, оттремели

последние аплодисменты. Бессмертная трагедия Шекспира «Отелло» в областном драматическом театре им. Сухово-Кобылина благополучно завершилась.

Свиристинский сидел в своей тускло освещенной артистической уборной и, что-то напевая, разгримировывался перед зеркалом. Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошел какой-то человек.

— Товарищ, — спросил он взволнованно, — вы не подскажите, где мне Яго найти?

— Кого — его? — переспросил Свиристинский.

— Ну Яго, Яго. Который в пьесе играл.

— Яго?.. Ах, Яго, — улыбнулся актер. — Он перед вами.

— Не может быть, — сказал мужчина.

— Почему?

— У того бородка была.

Свиристинский взял со столика бородку и приложил к лицу.

— Ну, а теперь узнаете?

— Теперь да.

Мужчина подошел к двери и запер ее на ключ.

— Сейчас я тебя бить буду.

— Как — бить, — заволновался Свиристинский, — за что?

— Молчи, провокатор! Я все видел.

— Да что видели?!

— Как ты это... с платком провернул.

— С каким платком?

— С ее... Дездемониным.

— Как? Вы во все это поверили?!

— Еще бы не поверить. Когда человека на глазах убивают.

— Гражданин, — засуетился Свиристинский, — товарищ. Ну как вы не понимаете? Это же театр, так сказать, искусство. Здесь все понарошку.

— Ничего себе — понарошку. Взяли да и задушили человека.

— Никто ее не душил. Жива она, ваша Дездемона.

— А где же она тогда?

— Ушла. Только что. Даю вам честное слово.

— Не ушла, а унесли. Я сам видел.

— Это сначала унесли. А потом она встала и пошла. Понимаете? Пошла домой. Потому что дома у нее семья, дети...

— Какие дети? Ей всего-то лет шестнадцать.

— Это по пьесе. А на самом деле — сорок два.

— Врешь!

— Клянусь. Это же театр, перевоплощение. Вот я, например. Сегодня — Яго, а завтра — председатель колхоза.

— Не будешь ты председателем, — мрачно сказал мужчина. — И никем больше не будешь.

— Это еще почему?!

— Потому что я сейчас тебя задушю.

— То есть как это?

— А так. Как ее, бедняжку.

Свиристинский схватился за голову: черт знает что! Ведь он задушит. Как пить дать, задушит. Такому не объяснишь. Он же во все верит.

Внезапно Свиристинского осенило: надо что-то сыграть. Что-нибудь такое трогательное, жалостное. Чтоб он простил, не губил. Ведь были же у меня такие роли. Например, эта... из «Без вины виноватые».

— Вы правы, — сказал он, становясь в позу. — Я действительно негодяй.

— То-то же, — удовлетворенно сказал мужчина.

— А знаете почему?.. Потому что у меня никогда не было матери.

— Как это? — вытаращил глаза мужчина.

— А так... Я подкидыш. — Свиристинский всхлипнул. — Сирота... Мне трудно говорить. Налейте воды.

Свиристинский дрожащей рукой поднял стакан:

— Я поднимаю этот бокал за матерей, которые бросают своих детей! Пусть пребывают они в радости и веселье, и пусть никто и ничто не напоминает им о горькой участи несчастных сирот...

Актер искоса взглянул на мужчину. У того катились из глаз крупные прозрачные слезы. Свиристинский поднажал:

— А знают ли они, как иногда этот несчастный, обруганный и оскорбленный обливается слезами? Он тянет свои тонкие, бледные ручонки и говорит: «Мама! Мама! Где ты?»

Мужчина вскочил:

— Где? Где она?

— Н-не знаю. — Свиристинский опустил на стул. — Такие матери не оставляют адресов.

— А фамилия? Ну хоть фамилия как?

— Фамилия? — Свиристинский напряг память. — Ну эта... как ее? Кручинина!

— Я найду ее! — закричал мужчина. — Обязательно найду. Обещаю тебе, Яго! Я отомщу за тебя!

Он распахнул дверь и бросился прочь из комнаты. Свиристинский вытер пот со лба:

— Кажется, пронесло.

Потом он вспомнил Алмазову, которой завтра предстояло играть роль Кручининой, и тихо засмеялся:

— Так ей и надо. Выскачка, бездарность. Пусть теперь она от него побегает.

Аксиома

Учитель отошел от доски

и потряхнул пальцы от мела:

— А теперь запишите: через точку, лежащую на плоскости, можно провести прямую, параллельную данной, причем только одну.

Ученики склонились над тетрадами.

— Параллельную... данной... при чем... только... одну... Сидоров, а ты почему не записываешь?

— Я думаю.

— О чем ты думаешь?

— Почему только одну.

— Потому что все другие пересекутся. А две параллельные — нет!

— А почему они не пересекутся?

— Как — почему? Я же объяснил, потому что они параллельные.

— Значит, если их продолжить на километр, они тоже не пересекутся?

— Конечно.

— А если на два?

— Тоже нет.

— А если на пять тысяч километров продолжить, они пересекутся?

— Нет.

— А это кто-нибудь проверял?

— Это не надо проверять. Это и так ясно. Потому что это аксиома... Семенов, скажи нам, что такое аксиома.

С соседней парты поднялся аккуратный мальчик в очках.

— Аксиома — это истина, не требующая доказательств.

— Правильно, Семенов, — сказал учитель, — садись... Ну, теперь понял?

— Это я знаю, только я не пойму, почему они не пересекутся.

— Потому что это и есть аксиома. Истина, которую не надо доказывать.

— Так это любую теорему можно назвать аксиомой и не доказывать.

— Любую нельзя.

— А почему эту можно?

— Фу, какой ты упрямый... Ну вот послушай, Сидоров. Тебе сколько лет?

— Одиннадцать.

— А на следующий год сколько будет?

— Двенадцать.

— А еще через год?

— Тринадцать.

— Вот видишь, с каждым годом человек становится на год старше. Это тоже аксиома.

— А если человек умрет?

— Ну и что?

— Он же тогда не станет на год старше.

— Это исключение. Ты меня на слове не лови. Я могу тебе и другой пример привести. Я мог бы тысячи примеров привести. И доказать. Только это не нужно. Потому что аксиому не надо доказывать.

— А если это не аксиома?

— А что?

— Теорема. Тогда ее надо доказывать?

— Тогда надо. Но это аксиома.

— Почему?

— Потому что это Эвклид сказал.

— А если он ошибся?

— Ты что, может, думаешь, что Эвклид глупей тебя?

— Нет, я так не думаю.

— Так что же ты споришь?

— Я не спорю. Я просто думаю, почему они не пересекутся.

— Потому что не пересекутся. Не могут они пересечься. На этом вся геометрия построена.

— Значит, если они пересекутся, то вся геометрия неправильная?

— Тогда да. Но ведь они не пересекаются... Вот видишь, я по доске веду... Ну что, пересекаются?

— Пока нет.

— Хорошо, смотри, вот я по стене веду... Пересекаются?

— Нет.

— Что тебе еще надо?

— А дальше, за стеной?

— Теперь я понял. Ты просто хулиган. Ты все прекрасно понимаешь. Ты назло мне не хочешь согласиться.

— Но я правда не понимаю.

— Ну хорошо, Эвклиду ты не веришь. Его ты не знаешь. Но меня ты знаешь? Так вот, это я тебе говорю, что они не пересекутся... Ну, что ты молчишь?

— Думаю.

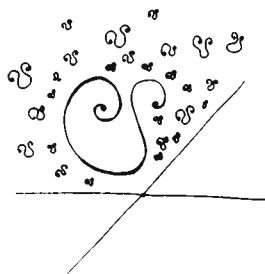
— Ну вот что, Сидоров. Или ты сию минуту признаешь, что они не пересекутся, или я тебя выгоню вон из класса. Ну?

— Не могу я этого понять, — захныкал Сидоров.

— Вон! — закричал учитель. — Собирай портфель и — за родителями.

Сидоров собрал портфель и, всхлиывая, вышел из класса. Несколько секунд все сидели молча. Затем учитель тихо сказал:

— Ну хорошо, ребята. Продолжим урок. Запишите следующую аксиому: через две точки можно провести прямую, и притом только одну.

Закон природы

В вестибюле родильного дома

была довольно нервная обстановка: мужчины курили, расхаживали из угла в угол и украдкой посматривали на дверь. Все ждали известий.

Наконец дверь открылась, и в вестибюль вошла медицинская сестра. Наступила мертвая тишина.

— Товарищи, — громко сказала сестра, — кто здесь Сергеев?

Со стула поднялся плотный мужчина и не спеша загалпил папиросу.

— Ну, я Сергеев...

— Поздравляю, — улыбнулась сестра. — У вас — девочка.

— Как это — девочка?

— Да, чудная девочка, три двести. Поздравляю.

— Постойте, — угрюмо сказал мужчина, — мне девочка не нужна. Мне нужен мальчик.

— В следующий раз обязательно будет мальчик.

— А сегодня что, ни одного не осталось?

— Нет, — засмеялась сестра, — всех разобрали.

Мужчина взял сестру за локоть:

— Девушка, я вас очень прошу, вы можете мне заменить?

— Что заменить?

— Ну... девочку на мальчика.

— Что вы... Конечно, нет.

— Я все понимаю, — тихо сказал мужчина, — хлопоты, беспокойство... Но не волнуйтесь, я отблагодарю.

— Как — отблагодарите?

— Как полагается. В обиде не останетесь.

— Вы что, серьезно?

— Конечно.

— Ну, знаете, — сказала сестра, — первый раз такое слышу.

— Да ладно вам, — махнул рукой мужчина, — первый раз. Вон тому, в очках, устроили мальчика. И вон этому, с цветочками. Думаете, не знаем, как это делается.

— Постыдились бы, ведь взрослый человек.

— Мне стыдиться нечего! — отрезал мужчина. — Вы мне лучше скажите: поменяете или нет?

— Нет.

— Дайте жалобную книгу!

— У нас не магазин, — сказала сестра. — Нет у нас жалобной книги.

— Тогда директора позовите.

— И директора у нас нет.

— Да вы что, издеваетесь?! — возмутился мужчина. — Директора у них нет, жалобной книги нет, и мальчиков тоже нет?! Что вы мне голову морочите?!

Из соседней комнаты вышел человек в белом халате:

— В чем дело? Что за шум?

— Да вот, Викентий Михайлович, — сказала сестра, — товарищ недоволен. Не хочет девочку брать.

— И не возьму! — подтвердил мужчина. — Я тут, понимаете, три часа отстоял, а она мне подсовывает.

— Успокойтесь, товарищ, — сказал врач. — Сестра здесь ни при чем...

— Знаю я вас! — закричал мужчина. — Все вы здесь ни при чем. Отъелись, халатики белые нацепили. Думаете, на вас управу не найдем?

— Товарищ, — попытался успокоить его врач, — мы ведь не виноваты. У одного — девочка, у другого — мальчик... Это же природа.

— А у вас самих кто?

— У меня... — замялся врач, — вообще-то, мальчик. Но...

— Ясно, — сказал мужчина. — Как себе, так мальчика. Ну, ничего, я вас выведу на чистую воду. Я в газету напишу, я в «Фитиль» буду жаловаться! Я...

Тут дверь открылась, и в вестибюль вбежала другая сестра:

— Товарищи, кто здесь Сергеев?

— Ну я, — обернулся мужчина.

— Поздравляю, у вас мальчик.

— Как мальчик? — удивился мужчина. — Вот она же сказала, что девочка.

— Сначала — девочка, а потом — мальчик. Двойня у вас.

Мужчина торжествующе обвел всех взглядом:

— Ага, испугались! А то, говорят, природа... Знаем мы эту природу. Пока за горло не возьмешь, ничего не добьешься!

Упопа была собака

Электричка шла на Загорск.

Стучали на стыках колеса, раскачивались вагоны и чуть подрагивал электрический свет, нагоняя скуку на редких пассажиров.

На одной из лавочек сидел человек лет сорока, в длинной поповской рясе. Он что-то читал, время от времени поглаживая аккуратную бородку, совсем не замечая насмешливых взглядов своего соседа, паренька лет шестнадцати в белых стоптанных кедах и синей спортивной курточке.

Долгое время они ехали молча. Наконец паренек не выдержал.

— Батюшка, — громко сказал он, — вы меня, конечно, извините, но я хочу одну вещь спросить.

Священник оторвался от книги и с любопытством взглянул на соседа.

— Батюшка, скажите мне по совести: зачем вы людей обманываете?

— Каких это людей? — удивился батюшка.

— Верующих, — пояснил юноша, — которые в церковь ходят. Они дары вам носят, в бога верят, а бога-то и нет.

Батюшка отложил книгу и уселся поудобнее.

— А почему вы думаете, молодой человек, что бога нет?

— Потому что его нет, и все!

— Это не доказательство. Я тоже могу сказать, что он есть, и все.

— Как? Как же он есть, когда его никто никогда не видел?

— Это уже довод. Только богу совсем не обязательно, чтобы его видели. Достаточно, что он всех видит.

— Интересное дело, — ухмыльнулся юноша. — Мы его не видим, а он нас видит. Прямо научная фантастика.

— А что тут удивительного? Вот вы, молодой человек, кошку в темноте видите?

— Какую кошку?

— Обыкновенную. Которая мяукает.

— Нет, не вижу...

— А она вас видит.

— Ну и что?

— Выходит, кошка существует независимо от вашего восприятия.

— Сравнили. Кошка, она ясно, что существует. Она молоко пьет, мышей ловит, а ваш бог, что он делает?

— Многое. Бог заботится, чтобы все люди жили в согласии и справедливости.

— Сказали — в справедливости. Я вот на работе рацпредложение подал, а мне третий месяц денег не платят. Выходит, что нет вашего бога.

Батюшка усмехнулся:

— А профсоюзная организация у вас есть?

— Ну есть...

— Должна она этим вопросом заниматься?

— Должна.

— Тогда зачем богу вмешиваться в дела вашей профсоюзной организации? У него своих дел хватает. А не справляются, так он с них взыщет на Страшном суде.

— Это что еще за Страшный суд?

— А это такой день, когда все предстанут перед очами божьими и каждому воздаст он по заслугам.

Парень недоверчиво посмотрел на священника.

— Откуда вы знаете?

— Это Христос сказал, сын божий.

— Не было никакого Христа.

— Представьте себе — был.

— Ну да, конечно, Христос был, бог был, и вообще... у
попа была собака.

Батюшка недовольно хмыкнул:

— Молоды вы еще об этом судить.

— Ничего я не молод.

Батюшка взглянул на юношу.

— Простите, а вы с какого года?

— С пятьдесят пятого.

— Значит, с 1955... А от чего?

— Как — от чего?

— Ну, от чего летоисчисление ведется?

— От нуля.

— Ошибаетесь, от рождества Христова.

— Не может быть.

— Общеизвестный факт. А по-вашему выходит, что
Христос родиться-то родился, а жить вроде бы и не жил.

— Про Христа не знаю, а бога точно нет. Его попы при-
думали, чтобы народ обманывать.

— Это кто вам сказал?

— Никто. Это я в журнале прочел.

— А почему вы думаете, что это правда?

— Раз напечатано, — значит, правда.

Батюшка достал из портфеля книгу.

— Прочтите, здесь тоже что-то напечатано.

Юноша взял книгу в красивом кожаном переплете.

— «...И сказал Бог: сотворим человека по образу Наше-
му и подобию Нашему...» Это что за книга?

— Это Библия.

— Ну мало ли что там напечатают.

— Выходит, что не всему напечатанному можно ве-
рить?

— Выходит, так... Только я все равно знаю, что это не-
правда.

— Что — неправда?

— То, что в вашей книге написано.

— Почему?

— Потому что люди не от бога, а от обезьяны. Это нам еще в третьем классе говорили.

— И от какой обезьяны — вам тоже говорили?

— От человекообразной. От шимпанзе, гориллы, орангутанга...

— Это что же, вроде тех, что в зоопарке?

— Ну да, вроде тех.

— Тогда почему же, молодой человек, те обезьяны, из зоопарка, людьми не становятся?

— Не знаю, — неуверенно сказал юноша, — наверное, условия не те. Когда обезьяна с дерева слезла, у нее передние конечности развились. Вот она и стала человеком.

— А знаете ли вы, молодой человек, как у слона хобот развить? Что же он человеком не становится?

Юноша на минуту задумался.

— Нет, — сказал он решительно, — слон не может стать человеком.

— Правильно, — согласился священник, — ни слон, ни бегемот, ни обезьяна. Потому что человека создал бог по образу и подобию своему.

Электричка замедлила ход.

— Станция Загорск! — хриплым голосом объявил репродуктор.

Батюшка снял с полки сумку и стал торопливо укладывать вещи.

— Послушайте, — робко спросил парень, — вы мне правду скажите. Что же это получается, что на самом деле бог есть?

Батюшка одернул рясу и внимательно посмотрел на юношу.

— Нет, — тихо сказал он, — к сожалению, нет.

И, взвалив на плечо тяжелую сумку, добавил:

— Но чтобы это понять, надо сначала в него поверить.

Шестое чувство

Петр Семенович Блинов начал

воспринимать абцилохордию окружающего мира. Еще вчера, как и всякий нормальный человек, он обладал только пятью органами чувств. Сегодня же к ним прибавилось еще и шестое — абцилохордия. И все предметы, знакомые ему с детства, — столы, стулья, тапочки, троллейбусы — стали обладать каким-то новым, неизвестным ему ранее качеством. Трудно сказать, что это было. Может, электромагнитные волны или какое-нибудь особое, неизвестное науке, излучение, но факт остается фактом: у Петра Семеновича появилось чувство абцилохордии.

Первой, кому он сообщил об этой удивительной новости, была жена.

— Абцилохордия? — спросила она. — Это что такое?

— Не знаю, — сказал Петр Семенович. — Ничего не знаю. Только чувствую все время что-то, что и объяснить не могу.

— Как же так, — сказала жена, — чувствуешь, а не знаешь что.

— Нет, я-то знаю, но объяснить не могу.

— Значит, не чувствуешь.

— Да ты пойми, — сказал Петр Семенович. — Вот стул, например. Что он: мягкий, серый... Ну, что еще?

— Деревянный, — сказала жена.

— Правильно, деревянный. А я вот еще чувствую, что у него большая абцилохордия. Мне даже сидеть на нем противно.

— Ну и не сиди, — сказала жена и, обидевшись, ушла на кухню.

Жена никогда не понимала Петра Семеновича, и в таких случаях он шел к своим приятелям. Так он сделал и на этот раз.

— Ты бы, Петя, шел домой, — сказали приятели. — Отдохнул бы, проспался.

— Да нет же... Ну, как вы не понимаете. Абцилохордия — это... Ну, это...

— Ну, ну?

— Нет, это нельзя объяснить.

— Ну, что она, твоя абцилохордия: горячая, холодная или пахнет как?

— Нет, все не то.

— А что?

— Другое.

Приятели засмеялись.

— Ну что вы смеетесь? Я же чувствую.

— Интересное дело, — сказали приятели. — Он чувствует, а мы, стало быть, дураки.

— Нет, вы не дураки. Просто вы не чувствуете.

— Ну и не надо, — сказали приятели. — Нам и так хорошо.

Одним словом, приятели тоже ему не поверили.

А Петр Семенович действительно чувствовал... Ну, как бы вам объяснить, что это за абцилохордия, которую чувствовал Петр Семенович. Абцилохордия — это... Ну, это... Нет, это невозможно объяснить. Потому что нельзя объяснить другому то, что он никогда не чувствовал. Это все равно что рассказывать глухому, как поют птицы, или слепому, какого цвета закат. Вот так и люди по отношению к Петру Семеновичу были слепыми и глухими в области абцилохордии.

Скоро это понял и сам Петр Семенович. И он перестал рассказывать, что чувствует он, глядя на простую пепельницу или прислушиваясь к выключенному радиоприемнику. Потому что Петр Семенович Блинов пришел к выводу, что обладает таким чувством, которое другим людям на данном этапе еще недоступно.

И тогда он ушел в себя... Мир, в котором он жил отныне, был не только цветным, звуковым и объемным, — он стал еще и абцилохордическим. Он наслаждался абцилохордическими снами, улыбался абцилохордическим прохожим и по-детски радовался обыкновенному листу бумаги, если от него исходила хорошая абцилохордия. Правда, ему трудно было находиться в комнате с чересчур абцилохордическими стенами или выходить на улицу во время абцилохордически плохой погоды, но, если кто-нибудь предложил бы ему избавиться от этого чувства, он бы ни за что не согласился. Потому что благодаря ему жизнь Петра Семеновича стала совершенно необыкновенной и удивительной.

Однажды Петр Семенович сидел в столовой. Теперь он редко обедал дома, потому что приготовленная женой еда, хотя была вкусна и питательна, но не всегда отличалась нужной абцилохордией.

Он грустно смотрел в тарелку с пельменями, не замечая окружающих, не слыша звона ножей и грохота подносов. Ему было тоскливо и холодно. Он уже выпил компот и собирался уходить, как вдруг почувствовал, как что-то приятное и радостное обволакивает его. Петр Семенович поднял глаза.

К его столику протискивался пожилой человек. В руках он держал пластмассовый поднос, на котором стояли удивительно правильно подобранные абцилохордические блюда.

— Разрешите? — спросил человек.

— Пожалуйста, — сказал Петр Семенович.

Человек сел за стол. На нем был абцилохордический костюм, серый абцилохордический галстук, а из нагрудно-

го кармана торчал слегка надушенный абцилохордический платочек.

Человек внимательно посмотрел на Петра Семеновича. Петр Семенович улыбнулся. Человек — тоже.

— Хорошо здесь, — сказал человек.

В душе у Петра Семеновича все запело. Потому что было здесь неуютно и тесно и кормили не бог весть как, а только была по-настоящему хорошая абцилохордия.

— Конечно, хорошо, — сказал Петр Семенович, — просто замечательно. То есть вообще-то не очень. Но уж больно приятно... с этой точки зрения.

— Вы про что? — спросил незнакомец.

— Я? Я про это.

— Неужели про это?!

— Да, про это!

— Значит, вы чувствуете?

— Конечно. Еще как чувствую.

— И я чувствую, — сказал незнакомец. — Вот уже двадцать лет.

— Милый вы мой! — воскликнул Петр Семенович. — Значит, есть она. Есть абцилохордия чувств.

— Есть, дорогой. Конечно, есть.

Они заговорили наперебой. Каждый рассказывал о том, как трудно ему было, как плохо, когда тебя никто не понимает, и как это прекрасно воспринимать абцилохордию окружающего мира.

— Нет, — сказал незнакомец, — это событие нельзя не отметить. Хотя это и банально, но я предлагаю по рюмочке.

— С удовольствием, — сказал Петр Семенович.

Он побежал к буфету и принес бутылку портвейна.

— Давайте, — сказал Петр Семенович, разливая вино в стаканы, — за нее!

Незнакомец удивленно посмотрел на вино.

— Как, — спросил он, — вы собираетесь пить это?

— А что? — испугался Петр Семенович.

— Но ведь у него же липотатия.

— Какая липотатия?

— Пониженная.

— Что-то я не понимаю, — сказал Петр Семенович. —
О чем это вы?

— О липотатии. Вы же знаете. Ну, эта, которая...

— Абцилохордия?

— Нет, абцилохордия — это ясно. А то липотатия.

— Не понимаю я, — сказал Петр Семенович. — Что это
еще за липотатия?

— Но как же... ведь вы...

— Что я?

— Ведь вы же чувствуете.

— Нет, — сказал Петр Семенович. — Вы уж меня извините. Зрение, слух, абцилохордия — это пожалуйста. А липотатия? Как говорится, не доросли.

Незнакомец растерялся.

— Но ведь она же есть.

— Не думаю, — сухо сказал Петр Семенович.

— Но я же чувствую.

— Тогда объясните.

— Ну, это... как бы сказать... Нет, это невозможно!

— Знаете что, гражданин, — сказал Петр Семенович, — я думал, вы действительно... А вы... Я теперь сомневаюсь, что вы даже абцилохордию чувствуете.

— Как вам не стыдно!

— Нечего, нечего. Ишь какой нашелся. Он один чувствует, а все, значит, нет.

Незнакомец поднялся.

— Прощайте. Нам не о чем больше говорить.

— Привет, — ответил Петр Семенович. — Кланяйтесь липотатам.

Петр Семенович проводил взглядом незнакомца, затем взял стакан с вином и блаженно зажмурился. Все в порядке. Абцилохордия была нормальной.

С авторучкой в глубь веков

О общеизвестно, что чем больший

промежуток времени проходит со дня какого-нибудь события или факта, тем объективнее наше суждение о нем. Следуя этой логике, мы решили, что современные недостатки наиболее правильно смогут раскритиковать сатирики будущего. Оттуда им виднее. А мы в свою очередь должны гневно обрушиться на отрицательные моменты из жизни наших далеких предков. Тем более что нас отделяет от них почтительное расстояние.

Переходя от слов к делу, мы решили выступить инициаторами нового сатирического движения под условным названием: «С авторучкой в глубь веков».

Надеемся, что наш почин не будет подхвачен.

Гороскоп

(I тысячелетие до н. э.)

Накануне похода полководец вызвал к себе звездочета.

— Готов гороскоп? — спросил он, поднимая глаза от карты.

— Готов, о храбрейший.

— Ну и?..

— Расположение звезд на небе в настоящее время не благоприятствует походу.

— Что?! — вскипел полководец. — Воинам пошиты мундиры, лошадям выдан фураж, все только и ждут сигнала, а ты... Может, ты не веришь в нашу победу?

— Но ведь гороскоп...

— Какой там еще гороскоп. Мы не можем ждать милостей от природы. Бери перо, бумагу. Сейчас мы с тобой мигом все звезды перетасуем... Значит, так, — начал полководец, меряя комнату огромными шагами. — Пиши: звезды зовут нас в бой! Созвездие Легавых Псов...

— Гончих, о мудрейший.

— Хорошо. Созвездие Гончих Псов никогда еще не светило так ярко. О чем говорит нам его яркость? Она говорит, что выступать надо завтра на рассвете. Говорит или не говорит? Я тебя спрашиваю?

— Говорит.

— То-то. Все учить надо. Никто работать не хочет... Какая там у вас звезда дорогу на север показывает?

— Полярная.

— Видишь ее?

— Нет.

— А ты получше посмотри.

— Не вижу.

— Да, — вздохнул полководец, — стареть начал. Пора, видно, уступить дорогу тем, кто позорче.

— Вижу, — встрепенулся звездочет, — ей-богу, вижу!

— Так и быть, поверим на слово, — улыбнулся полководец. — Ну, а какое созвездие победу означает?

— Малая Медведица. Только она сейчас за горизонтом.

— Опять?!

— Э-э... была за горизонтом, а вот уже и показалась.

— Ну пиши, раз показалась. Нашу блистательную победу предсказывает Малая... да что там Малая, пиши уж — Большая Медведица. Понял?

— Понял.

— Вот и молодец. Теперь подпиш, число... Что ты мне бумагу суешь? Твоя подпись. Ты же гороскоп составлял.

На следующее утро войско выступило в поход и в первом же сражении было наголову разбито. По приказу полководца звездочета казнили как не справившегося с порученной работой.

Дневник гречанки

(III — II века до н. э.)

...Вчера наконец приезжий скифский вождь сделал мне предложение. У него масса достоинств. Он знатен, богат и, главное, стар. Думаю, ждать недолго.

...Покидаю милую Грецию. У причала стоял Гектор, а в глазах его стояли слезы. Милый мальчик, будь он хоть чуточку богаче...

...Третьи сутки в море. Старичок выглядит усталым. Жалуется на боли в сердце. Это уже что-то.

...Вот мы и дома. С мужем я не ошиблась. Даже едим на золоте.

...Вчера ездили собирать дань. Муж, кажется, слегка простудился.

...Все обошлось. Он по-прежнему здоров. Спрашивал, почему у меня плохое настроение.

...Объезжали стада. Боже, какое богатство! Неужели все это станет моим? Старичок что-то давно не жалуется на сердце.

...Вот уже три месяца, как я здесь, а сдвигов никаких.

...У мужа боли в сердце. Я уже думала, начинается, но врач дал ему каких-то травок, и все обошлось. Дикие люди!

...Мой отличился. Подарил табун коней соседнему вождю. Так он меня по миру пустит. Новый Ротшильд нашелся.

...Ура! Свершилось. У мужа сердечный приступ. Но... возьмем себя в руки. Подождем, что скажет кардиограмма.

...Мужу все хуже и хуже. Плачу. Наверное, это от счастья.

...Врач сказал, надеяться не на что. Интересно, почему сейчас лошади?

...Мой старичок совсем плох. Считаю минуты и драгоценности.

...Все. Финита ля комедия. Прощай, моя любовь. Прощай навсегда. Я — владелица крупнейшего состояния. Все мое. Двенадцать табунов лошадей, триста рабов, сто килограммов золота, двадцать семь...

На этом записи обрываются. Согласно обычаю древних скифов, вместе с умершим вождем похоронили его законную супругу.

Дровосек

(очень Средние века)

По профессии он был дровосек. Аккуратный, исполнительный и трудолюбивый работник. Поднимался он чуть свет и, поцеловав спящую жену, уходил в лес. А когда возвращался домой, по черепичной кровле его хижины уже скатывались первые капли росы.

Он часто благодарил бога за свое хорошее место, за то, что семья живет в достатке, жена ходит в чистом белом передничке, а с розовых лиц ребятишек не сходят улыбки.

Правда, он не особенно разбирался в сортах древесины и никогда не задумывался, что находится дальше опушки леса, но зато мог с одного удара свалить самое крупное дерево, а его вязанки хвороста напоминали букеты цветов — такими они были изящными и красивыми.

Он выходил на работу в любую погоду. Даже сегодня, несмотря на холодный дождь и пронизывающий ветер, он, как всегда, точно в назначенное время доставил на церковный двор аккуратные вязанки хвороста.

И благодаря его исполнительности ровно в восемь часов утра на городской площади был сожжен известный еретик Джордано Бруно.

Сквозь тернии к звездам

*(Рассказы,
рассказики)*

Из недалекого прошлого

Овчарка Барсик

В помещении собачьего клуба

было холодно и неуютно. Председатель и его заместитель обсуждали ближайшую выставку. Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошел жэковский слесарь с огромным рыжим котом на рукаве телогрейки.

— Тебе чего, дядя Паша? — спросил председатель.

— Скоро выставка у вас, — помялся слесарь, — надо бы Барсику первое место дать.

— Какому Барсику? — не понял председатель.

— Ему вот, Барсику, — сказал слесарь и осторожно поставил кота на четыре лапы. — Я медали не заслужил, пусть хоть у него покрасуется.

Председатель захохотал:

— Ты думаешь, что говоришь? У нас собачья выставка, а ты с кошкой лезешь!

— С котом.

— Какая разница?

— Разница, конечно, небольшая, — сказал слесарь. — Только если вы Барсику медаль не дадите, я вам отопление отключу.

И, немного подумав, добавил:

— И воду...

Наступила напряженная тишина. Председатель и его заместитель во все глаза уставились на слесаря. Тот как ни в чем не бывало поглаживал кота по рыженькой спинке. Наконец председатель не выдержал:

— Вообще-то, если говорить честно, кошка от собаки не очень отличается. Те же четыре лапы, хвост, два уха...

— Вы думаете, что говорите?! — вспыхнул заместитель. — У бегемота тоже два уха. Может, и его в собаки зачислить?

— Бегемота нельзя, — вздохнул председатель, — бегемоты лаять не умеют.

— А кошки ваши умеют?

— Конечно. Когда за собакой гонятся. Собака от нее — на дерево, а кошка как подбежит к дереву, как задерет вверх морду, как давай ее облаивать!

— Вы все перепутали! Не кошка собаку облаивает, а наоборот. Кошка от нее — на дерево. Кошка!

— Кошка, собака... Какая разница? Это уже вопрос терминологии.

— Нет! Это дело принципа!

— Знаете что, Петр Гаврилович, — не выдержал председатель, — если вы не прекратите эти вот штучки, я перестану вам помогать с телефоном. Честное слово! Брошу все, и ходите всю жизнь «спаренным»!

Заместитель опустил глаза, потом искоса взглянул на кота:

— Не-е... Вообще-то мне этот кобелек нравится. И расцветка его нравится, и экстерьер. Только нельзя же так... сразу. Надо подумать, как его провести. По какой секции.

— По секции сторожевых! Ведь это же кот — лучший сторож от всяких мышей. Никакая овчарка с ним не сравнится.

— А может, по секции охотничьих? Он не только сторожит, но еще эту дичь и преследует. Давайте проведем его как борзую по мышам?

— Как борзую нельзя. Борзые ростом повыше.

— А может, это еще щенок?

— На борзую он даже как щенок не потянет, — председатель внимательно посмотрел на кота. — Скорее уж это лаечка... или доберман-пинчер...

— Ну уж нет! У доберманов-пинчеров хвосты рубленые. А у нашего что, снова отрос?

— Да, отрос! Кормили хорошо, вот он и вырос!

— Ну, тогда этот кот уже не собака, а ящерица. Его не на выставку, а к змеям, в террариум!

— Опять вы за старое?!

— Ну, хорошо, хорошо, — смутился заместитель. — Не хотите по охотничьим, давайте по декоративным. У меня там к председателю секции ход имеется. Его дочка поступает в институт, где у меня с ректором щенки от одной суки.

— Мало ли у кого от одной суки? У меня вон с одним балетмейстером тоже от одной... Ну и что? Он же не приглашает меня танцевать в Большой театр!

— А вы его об этом просили?

— Да, просил! Как и вы меня с телефоном!

— Эй, послушайте, — вдруг вступил в разговор слесарь. — Я, конечно, в собаках не очень... Но у нас как такие дела делаются. Предположим, надо выписать тебе деньги за водопровод. А выписывают за отопление. Поняли намек?

— Понял! — обрадовался заместитель. — Надо дать ему медаль как коту, а оформить ее как собаке... А что, если создать в нашем клубе кошачью секцию? Бывают же, так сказать, разные ответвления от породы. Разные, так сказать, мутации. В конце концов кошки — не птицы!

— Верно! — сказал председатель. — И крыльев у них нет, и клюва.

— И яйца они не откладывают!

— И в жаркие страны не улетают!

— Ну просто совсем как собаки!

Председатель вытер платком лоб и посмотрел на слесаря:

— Вот если бы ваш кот птицей был, тогда уж другое дело. Тогда, действительно, ничем не поможешь.

Тут дверь открылась, и в комнату вошел монтер Митя с огромным рыжим попугаем на рукаве телогрейки.

— Тебе чего, Митя? — испуганно спросил председатель.

— Скоро выставка у вас, — сказал Митя, — надо бы Сенечке медаль дать...

Я решил изменить жене

Двадцать лет вместе прожили. Все у нас было: и радость, и горе, а вот такого — ни разу. Однажды мы с женой смотрели картину, как один банковский работник своей супружнице «шарики вкручивал». Та думала, что он ездит играть в кегли, а ему с Луизой и без кеглей весело.

— А он на тебя похож, — сказала жена, когда мы вышли из кинотеатра.

— Это в каком смысле?

— В переносном, — улыбнулась она. — Я имею в виду чистую внешность.

Тут мне эта мысль и запала. Ладно, думаю, ты у меня еще посмеешься...

Долго думал, кого на роль Луизы выбрать, пока не остановился на Нине Борисовне. Она женщина деловитая, мать двоих детей — не протреплется.

В перерыве отвел ее в сторону и вкратце обрисовал ситуацию.

— Ну что ж, — сказала она, — в принципе я не против. Придет время помирать, хоть будет что вспомнить. Только вот мужа боюсь. Вдруг догадается?

— Мы это во время работы оформим. Так что ни один муж не догадается.

На следующий день ровно в девять утра раздается звонок. Открываю дверь — на пороге Нина Борисовна.

— Здравствуйте. Я не опоздала?

— Нет, в самый раз. Жена только на работу ушла.

Нина Борисовна сняла пальто, шарфик, поправила перед зеркалом прическу.

— Ботики, пожалуйста, снимите, — сказал я. — Мы полаком покрыли.

— Так они ж у меня чистые.

— Все равно снимите. Такой у нас в доме порядок.

Я запер дверь на задвижку и проводил ее в комнату.

— Я к вам ненадолго, — сказала Нина Борисовна. — В час должна освободиться. Решила — раз день все равно пропал, хоть постирушку дома сделаю.

— Прекрасно, — сказал я, — значит, и я еще успею за обоями съездить.

Нина Борисовна расстегнула сумочку и достала папиросы.

— Выпить хотите? — спросил я.

— Спасибо, не пью.

— Почему так?

— Печень больная.

— А у меня — почки, — вздохнул я. — В прошлом месяце ни с того ни с сего песок вдруг пошел.

— Песок — это еще полбеды. У мужа моего камень был. Так его ультразвуком сверлили.

— Ну и как потом, вышел?

— Вышел. Куда же он денется.

Мы немного помолчали.

— Может, чаю хотите?

— От чая не откажусь. Я вообще очень отчаянная, — пошутила Нина Борисовна.

Мы выпили по большой кружке чая.

Я подошел к окну и задернул шторы. В комнате воцарился полумрак. Нина Борисовна сказала из темноты:

— Вы стихи какие-нибудь помните?

— Помню, — сказал я. — Недавно мы с сыном учили.

Я прочитал «У парадного подъезда» Некрасова.

— А вы — молодец, — сказала Нина Борисовна. — Жаль, что из вас так ничего и не вышло.

— Если б из всех выходило, — сказал я, — то некому было б в нашей конторе работать.

— Это правда, — вздохнула Нина Борисовна. — Вот вы не поверите, а я балериной стать мечтала. В школе специальной училась. Лучше всех фуэте делала, арабески... Хотите покажу?

Она встала на носки и подпрыгнула в воздух.

— Здорово! Ну прямо «Лебединое озеро». И телевизор смотреть не надо.

Но Нина Борисовна вдруг вскрикнула и опустилась на стул:

— Поясница. Опять, зараза, вступила.

Я помог ей дойти до дивана и накрыл шерстяным пледом.

В коридоре раздался звонок.

— Кто это? — спросила Нина Борисовна.

— Не знаю, — сказал я. — Вы на всякий случай лучше укройтесь.

Я открыл дверь. На пороге стояла жена:

— Ты чего это запираешься?

Она скинула туфли и вбежала в комнату.

— Я на минуточку, сметы забыла.

Нина Борисовна лежала, укрывшись с головой пледом, а с другого конца торчали обтянутые черными чулками ноги.

— Спал, что ли? — спросила жена, скользнув взглядом по комнате.

— Мусечка...

— Ты папку коричневую не видел?

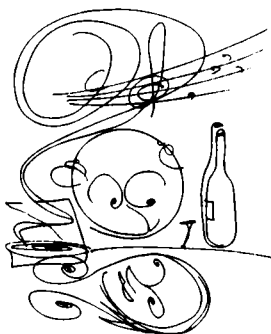
— Понимаешь, Мусечка...

Жена встала на диван и потянулась к полкам.

— Ой! — вскрикнула Нина Борисовна. — Вы мне чуть ногу не отдавили!

— Кто это? — спросила жена.

- Нина Борисовна. Помнишь, я тебе рассказывал?
— А что она здесь делает?
— Поясницу у ней прихватило.
— А-а... — сказала жена, быстро просматривая сметы.
— Ты бы чаем ее напоил.
— Спасибо, мы уже пили.
Жена захлопнула папку:
— Ну, я побежала.
Она выскочила из комнаты и хлопнула дверь.
— Хорошая у вас жена, — сказала Нина Борисовна. —
И чувствуется сразу — отличный работник.
— Еще бы. Первое место по управлению держим!
Нина Борисовна встала с дивана и взяла папиросы:
— Ну, я пошла. Кажется, полегчало.
— Может, еще полежите?
— Нет, спасибо. Для первого раза достаточно!

Рыбный супчик

Как-то мы зашли в ресторан.

— Что будем брать? — спросил Еремеев.

— Закажи что-нибудь, — сказал Фролов. — Какая разница?

— Хорошо. На первое берем борщ!

— Постойте, ребята, — сказал я. — Я не люблю борщ. Возьмите мне что-нибудь другое... Вот! Рыбный супчик. Ужас как его обожаю!

— Да ладно тебе выпендриваться! — сказал Фролов. — Всем так всем! Бери борщ. Чего его слушать?

— Но я не ем борщ.

— Ничего. Слопаешь за компанию.

— Зачем мне лопать то, что не нравится? Я хочу суп!

— Вот чудак, — удивился Еремеев. — Борщ же вкуснее.

— Может, он и вкуснее, но я его не люблю.

— Как можно не любить борщ?.. — улыбнулся Фролов. — Со свеколкой, с капустой, с запахом чесночка... Пойми, дружище. Одно дело — борщ, а другое — какой-то занюханный рыбный суп.

— Пусть он занюханный, а я его обожаю. А на ваш борщ даже смотреть не могу!

— Ну ты даешь! В борще — мясо, навар, сплошные витамины. Тарелку съел — считай, на курорт съездил. А в

твоем супе что? Рыбу помыли. Хорошо, если рыбу, а не тарелки от рыбы.

— Пусть тарелки, пусть вилки. Пусть хоть сам повар в моем супе купается. Я суп буду есть, а борщ — никогда!

— Да что с тобой сегодня?

— Ничего. Я не хочу есть борщ!

— Не хочешь — не ешь. Ты человек взрослый. Никто тебя из ложечки кормить не собирается. Только объясни: с чего на нас взъелся?

— Возьмете мне суп? Возьмете или нет?!

— Возьмем, возьмем. Только за тебя обидно. В море сейчас отходы спускают. Нефть, мазут. Черт-те из чего этот суп делается. Им, знаешь, автомобиль заправлять, а не человека кормить. Рядом с твоим супом курить опасно!

— Пусть хоть мне в тарелку мазуту нальют. И его съем. А ваш борщ — никогда!

— Почему это наш? Мы что, его варили? Тебе говорят, как лучше, а дело твое. Не хочешь нас слушать — ешь.

Наступила мертвая тишина.

— Значит, не будешь есть борщ?

— Нет!

— Вот так он всегда, — сказал Еремеев. — Не любит свой суп, а назло будет есть.

— Хороший товарищ и не то бы съел!

— Ну и черт с ним! — вдруг сказал Еремеев. — В конце концов, каждый может есть то, что нравится. Пусть он этим супом подавится. Там костей навалом. Ешь на здоровье! Возьмем ему суп, а себе борщ. Так, что ли, Петька?

Фролов замялся:

— Ты знаешь... в общем... Я тоже не люблю борщ...

— Как не любишь? Чего ж ты молчал?

— Я думал, всем так всем... А если все равно компания распадается... Возьми и мне суп, а?

— Вот те на-а, — расстроился Еремеев. — Выходит, я один должен есть этот борщ?

— Почему — должен? Ты ж его любишь?

— Любить-то люблю. Но вас уже двое...

— Ну и что? Ешь на здоровье!

— Нет, ребята. Я так не могу. Это уж как-то не товарищески.

Он посмотрел на нас и улыбнулся:

— Бог с ним, с этим борщом. Съем в другой раз. А сегодня возьму суп. Помучаюсь за компанию!

Кооператив

Н^е думал я, что у нас так трудно

кооператив построить. Каждому нужна квартира. Дочь вышла замуж — квартира, сын родился — квартира, жена ушла — квартира. Иначе она обратно вернется.

Когда начали наш кооператив творческих работников строить, меня в председатели выбрали. Думали, если я с тиграми да львами справляюсь, так уж люди меня не съедят. На самом деле все иначе вышло, но об этом потом...

В проектной организации нам прямо намекнули:

— Качество проекта от вас же зависит. Народ у нас молодой, горячий: один с тещей повздорил, другой с женой разошелся. Всем нужна жилплощадь. Заинтересуете людей — будете жить как во дворце, а нет — стройтесь по типовому.

— Мы не можем по типовому. У нас люди разные. Кто на рояле играет, кто на лошади ездит. А в ваших типовых и без лошади не повернешься.

— Повернетесь. У нас для этого стенные шкафы предусмотрены.

Пришлось пожертвовать двумя куплетистами. Одну квартиру дали начальнику проекта, другую — его начальнику.

Только утвердили проект — снова беда. Районный архитектор два этажа срезает.

— Ваш дом, — говорит, — нам пейзаж портит. Из-за него леса не видно.

— Так его и без нашего дома не видно!

— То есть как это — не видно? — говорит он и показывает карту. — Вот он, ваш дом, а вот, рядом с ним, лес.

— Так это же тамбовский лес. До него пятьсот километров.

— Ничего не знаем. По карте он совсем рядом.

Исключили мы баяниста, вернули два этажа. И сразу с другой стороны удар. Станция метро, которая раньше около нас намечалась, переехала чуть ли не на километр.

— Мы, — говорят, — на пловуны напоролись.

— Какие пловуны? У вас же линия поверху идет.

— А кабель? Как ни копнем лопатой, так сразу вода.

— Вы в дождь не копайте, вот и воды не будет!

— А квартира нам будет?

Пришлось распрощаться с другим баянистом. Только возвратили станцию метро, строители куда-то исчезли. Один рабочий по стройке ходит, да и тот с соседней фабрики, в магазин.

Приехали в строительный трест, а они руками разводят:

— Стекол нет, кирпича нет, гвоздей и олифы нет.

Но мы уже люди опытные, спрашиваем:

— Сколько квартир вам давать?

— Пять, — говорят. — А если и балконы хотите, то восемь... Вы, ребята, не обижайтесь, с нас тоже требуют. И бетонный завод, и паркетная фабрика, и мебельный комбинат...

Исключили вокальную группу в полном составе, а тут башенный кран вдруг куда-то уехал. Еле мы его разыскали. Спрашиваем у крановщика:

— Ты что же, милый, подводишь? Может, тебе квартира нужна?

А он, видать, парень стеснительный, мнется:

— Хорошие у вас квартиры, но за них же платить надо.

— Конечно, надо. У нас же — кооператив. Не можем бесплатно.

— То-то и оно, что не можете...

Тут один из наших догадался:

— Надо за этого парня книжку написать «Записки монтажника». Тогда, с одной стороны, он сможет вступить в наш кооператив как писатель, а с другой — деньги для него собирать не придется.

Так мы и сделали, за три месяца книгу издали: и редактор, и корректор — все ребята свои, каждый у нас строится.

В общем, с грехом пополам построили дом. Самое время в него вселяться, а тут наши бывшие товарищи, которых мы из кооператива исключили, шум подняли.

Мол, строился дом для творческих работников, а квартиры дают неизвестно кому.

Приехала комиссия, стала разбираться, в чем дело. А чего разбираться, если и так ясно.

Отзывает меня один из членов комиссии в сторону и говорит:

— Я понимаю, вы не виноваты. Но трудно будет это дело замять. Есть у меня один человек, он недавно с женой разошелся...

— Нет! — закричал я. — Не дам! Что хотите делайте, а больше ни одной квартиры. Из всего кооператива остались только члены правления.

— А зачем вам члены правления? — улыбнулся он. — Дом ведь уже построен.

Вытащил я список, стал думать, кого вычеркивать, в это время секретарша подбегает:

— Виктор Матвеевич! Вас из кооператива исключили!

— Как это исключили? За что?

— Говорят, вы строили дом недозволенными методами. Отдавайте ключи!

Вытащил я из кармана ключи и опустил в котел с расплавленным битумом. Пусть они там их поищут...

Нон седан!

М еатр наполнялся зрителями.

Девушка в вязаном платье подошла к билетерше и, показав входной билет, спросила:

— Вы не возражаете, если я в ложе постою?

Билетерша посмотрела на билет, потом на девушку, потом снова на билет.

— Не возражаю... Только чтобы места не занимать!

Девушка прошла в ложу, прислонилась к деревянной стойке и развернула программку.

— Пардон, мадемуазель. Же ву зампри! — раздался рядом чей-то голос.

Девушка подняла голову. Рядом стоял мужчина в роговых очках и, галантно улыбаясь, показывал на стул.

— Что вы, что вы! — засмушалась девушка. — Мне нельзя. По входному билету не положено сидеть!

Но мужчина продолжал настаивать.

— Садитесь, девушка, — сказал парень в малиновом галстуке. — Иначе он не отвяжется!

Девушка присела на стул и снова углубилась в программку.

В ложу вошла билетерша. Она задернула штору, но тут заметила девушку:

— Вы почему сидите?

— Мне место уступили.

— Немедленно встаньте! А вы садитесь! — Билетерша придвинула к мужчине стул. — Седан на свой стульчик!

Она задернула шторы и вышла из ложи.

Мужчина в очках заерзал, завертелся и снова встал:

— Мэ же ву серэ зампри, мадемуазель!

— Я не хочу, — сказала девушка. — Честное слово, не хочу! Я уже насиделась.

Но мужчина продолжал улыбаться, показывая на стул.

— Да сядьте же наконец! — не выдержала дама в парчовом платье. — Из-за вас дирижера не видно!

Девушка снова опустилаcь на стул.

— Вы опять сели? — спросила билетерша, заглянув в ложу. — Может, мне милицию вызвать?

Девушка вскочила со стула и спряталась за деревянной стойкой.

Свет стал медленно гаснуть. Мужчина в очках приподнялся, поискал взглядом девушку, поднял свой стул и пошел в ее сторону.

— Же ву серэ реконэсан, мадемуазель!

— Вот народ! — вздохнул мужчина у стенки. — Раз в десять лет выберешься в театр, и тут не дадут покоя!

— Вы что, издеваетесь? — снова спросила билетерша.

— Да я чем виновата! — воскликнула девушка, и на глазах ее выступили слезы. — Я ему русским языком говорю, а он не понимает!

Билетерша показала мужчине на стул:

— Седан на свой стульчик, а девушку мы без вас пристроим!

— Нон! — замотал головой мужчина. — Нон седан!

— Видите, что вы наделали! — сказала билетерша. — А если он деньги назад потребует?

— Не потребует, — сказал парень в галстукe. — У них это принято — дамам место уступать.

— И у нас принято, — включился в разговор старичок в темном костюме. — Но театр — это все-таки не автобус!

Из соседней ложи зашикали.

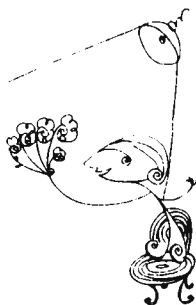
— Пойдемте, девушка, — сказала билетерша. — При вас он не сядет.

— Безобразие! — воскликнула дама. — Пришла в театр, а ведет себя как на улице.

Билетерша взяла девушку за руку и повела к выходу.

— Видите, что вы наделали! — сказала девушка. — А еще культурный человек называется!

Мужчина в очках виновато опустил голову. Заиграла музыка, и тяжелый бархатный занавес медленно пополз в сторону...

(в 3 письмах и 15 телеграммах)

Москва, Староконюшенный, 3, кв. 5.

Дорогая Оленька! Все устраивается очень хорошо. Я выпросил две недели за свой счет, так что это лето мы проведем вместе. В Таллине я буду числа 20-го, если достану билет на самолет. Не знаю, как у вас в Москве, а у нас, в Минске, с билетами сложно, поэтому сразу вылетай в Таллин и жди меня на тот случай, если будут трудности с билетом.

Извини за краткость, бегу отмечаться в очередь.

Целую. Андрей.

Минск, Новокаменная, 2, кв. 31.

Милый Андрюшка! Как ты и предполагал, с билетами у нас очень сложно. На Таллин все давно уже продано. Но хочу тебя обрадовать. Заболела моя ближайшая подруга, у которой был один билет на Ригу. Поэтому я срочно вылетаю туда, оттуда до Таллина — рукой подать. Телеграфируй мне: Рига, главпочтамт, до востребования.

Оля.

Рига, главпочтамт, до востребования.

Таллин билет не достал. Выезжаю поездом Ленинград. Оттуда попробую Таллин. Телеграфируй: Ленинград, главпочтамт, до востребования.

Ленинград, главпочтамт, до востребования.

Сижу Риге. Пробиться Таллин невозможно. Ночую на вокзале. Что делать? *Ольга.*

Рига, главпочтамт, до востребования.

Пробивайся Ленинград. Тоже не могу Таллин. Остановился Марсово поле, третья лавочка слева, южная сторона. Здесь белые ночи, просто невозможно заснуть. *Андрей.*

Ленинград, главпочтамт, до востребования.

Ленинград не могу. Могу Вильнюс. *Ольга.*

Рига, главпочтамт, до востребования.

Срочно Вильнюс. Выезжаю туда багажным вагоном. Встреча башня Гедиминаса. *Андрей.*

Ленинград, Минск, Таллин, Рига, Москва, главпочтамты, до востребования.

Милый! Где ты? Третьи сутки не отхожу от башни. *Ольга.*

Вильнюс, главпочтамт, до востребования.

Я Пскове. Ночью сняли поезда. Билетами совсем плохо. Пробивайся ко мне через Оршу. Орше есть блат железнодорожной кассе. Пухлая блондинка в очках. Родинка. *Андрей.*

Псков, главпочтамт, до востребования.

Пробилась Оршу. Блондинки нет. Есть брюнет. Предлагает Тбилиси. *Ольга.*

Орша, главпочтамт, до востребования.

Соглашайся Тбилиси. Возвращаюсь за деньгами Минск. *Андрей.*

Минск, Новокаменная, 2, кв. 31.

Я Тбилиси. Есть билеты Сухуми. Ольга.

Тбилиси, главпочтамт, до востребования.

Давай Сухуми. Выезжаю такси Киев. Оттуда лодкой Одесса. Андрей.

Одесса, до востребования.

Иду пешком Сочи. Ольга.

Сочи, главпочтамт, до востребования.

Украл лошадь, скачу на Харьков. Андрей.

Харьков, главпочтамт, до востребования.

Харьков невозможно. Улетаю стюардессой Владивосток. Оттуда попробую Харьков. Ольга.

Владивосток, «молния», главпочтамт, до востребования.

Жди Владивостоке. Еду машинистом Новороссийск. Подробности письмом. Андрей.

Владивосток, главпочтамт, до востребования.

Дорогая Оленька! Когда ты получишь это письмо, я буду уже далеко в море. Мне здорово повезло. В Новороссийске я устроился юнгой на танкер «Достоевский». Через каких-нибудь несколько месяцев мы обогнем Африку, Индию, Юго-Восточную Азию и приплывем во Владивосток. И снова мы будем вместе. Я так по тебе соскучился, дорогая, только, пожалуйста, ради всего святого никуда не уезжай. Говорят, во Владивостоке очень трудно с билетами. Бегу драить палубу, целую крепко-крепко.

Андрей.

Последний дубль

... *Ну* у никак у нас не получался

этот эпизод. Когда шериф загоняет Фреда в угол и спрашивает, куда тот спрятал банкноты. А Фред не говорит. А шериф вынимает свой кольт и целит ему в башку. И тут Фред начинает колотиться. На крупном плане. И страх смерти, и жадность — все у него на лице...

И вот такое лицо никак у Манюхина не получалось. Потому что Манюхину на искусство плевать. И на шерифа тоже. Ему, кроме этих самых банкнот, ничего не надо.

— Пойми, Манюхин, — говорит ему режиссер, — это кульминационный момент. Соль всей картины. Без него весь образ развалится.

— Не развалится, — говорит Манюхин. — Такой образ и не то выдержит.

Знает, негодяй, полкартины отснято. Никем его не заменишь.

И тут на площадку прибегает ассистент:

— Достал, — кричит радостно. — Достал! — И протягивает режиссеру патроны.

— Молодец, — говорит режиссер и отдает патроны шерифу. — Заряжай.

Тот берет патроны, ломает свой кольт и засаживает их по очереди в барабан. А те, что были в барабане, вытряхивает на землю.

— Что это вы делаете? — интересуется Манюхин. — Зачем вы в револьвере патроны меняете?

— Для жизненной правды, — говорит режиссер. — Ты у меня сыграешь эпизод. Или мы тебя и правда пристрелим.

Ну, мы все, естественно, улыбаемся. Не первый год с Юрием Степановичем работаем. И Манюхин улыбается. Тоже не верит.

— Поехали, — кричит режиссер. — Левая камера пошла... С наезда его, с наезда...

Фермеры набрасываются на Манюхина, заламывают ему руки, а шериф выхватывает кольт:

— Куда спрятал банкноты?

А Манюхин мило улыбается:

— В камеру хранения. На Курском вокзале.

— Пали! — кричит режиссер. — Продырявь ему башку к чертовой бабушке! Будет знать, как играть!

— Не может он продырявить, — усмехается Манюхин. — По сценарию не положено.

— Переделаем. Чтоб от тебя, Манюхин, избавиться, согласен на любые переделки... Пали!

У актера, который шерифа играет, руки трясутся. Еще новичок. Не понимает, что все это розыгрыш. Мы все глаза отводим, чтобы в голос не засмеяться. И вдруг художник по костюмам, тоже из новеньких, видно, принял все происходящее за чистую монету и с криком «не пали!» бросился к шерифу.

А у того и так нервы на пределе. Дернулся он на крик, нажал курок... И все мы видим, как художник взбрыкивает ногами и со всего размаха валится на землю. А над карманом его новой гонконговской рубахи расплывается яркое жирное пятно.

— Унесите его! — командует режиссер. — Сколько еще патронов осталось?

— Кажется, пять, — трясется шериф.

— Ну?.. Кто еще из группы заступиться хочет?

Никто не хочет. Все стоят бледные, серые. Сколько лет в кино, такого не видели.

Тут Манюхин несколько переменялся в лице. Понял — и правда дело серьезное. А Юрий Степанович кричит в рупор:

— Правая камера пошла... Панорамочку, панорамочку...

— Братцы! — заорал Манюхин. — Пустите!

И стал рваться из рук фермеров. Но те — ребята здоровые, не пускают. Закручивают ему руки, к забору прижимают. А шериф поднимает свою пушку... Вот-вот грохнет!

— Я все скажу! — орет Манюхин. — И про банкноты, про все. Только не убивайте. У меня вечером концерт.

— Одним халтурщиком меньше. Пали!

— А-а-а-а-а, — завизжал Манюхин. — Убивают! Подонки!!

— Очень хорошо, — говорит режиссер. — Очень естественно. Только не переигрывай, Манюхин. Ты ведь не какой-то актеришка, а профессиональный бандит.

— Это вы — бандит. У меня — семья, дети. Кооператив не выплачен.

— О кооперативе не думай. Перед смертью все ж...

— Не хочу умирать! Я больше не буду. Берите банкноты, берите все. Хотите цветной телевизор? Берите в придачу!

— Поздно, Манюхин. Ты столько ролей в жизни поубивал, что один раз и тебя убить можно.

И тут Манюхин делает невозможное. Выбивает ногой у шерифа кольт, бьет головой фермеру в поддых и, вырвавшись из рук, прыгает через забор. Все бросаются в погоню, но он хватает такси — только его и видели!

Юрий Степанович хохочет!

— Прекрасно, ребята. Отличный эпизод. Позовите художника...

Тут ассистент подходит и медленно стягивает с головы кепку:

— Скончался он, Юрий Семенович... Не можем его позвать.

— Как — скончался?.. Мы же холостыми стреляли...

— Видно, один боевой затесался. Жаль, конечно. Хороший мужик был. Хотя и не очень способный.

И все мы видим, как Юрий Степанович тихо оседает, закатывает к небу глаза и начинает царапать на груди рубаху.

А из кустов, что напротив, выпрыгивает фотограф и ну давай его щелкать. И так, и эдак, и в фас, и в профиль...

— Извините, — говорит, — Юрий Степанович... Я для журнальчика. Рабочий момент. О трудной судьбе режиссера...

А за ним и художник выходит. Как ни в чем не бывало. Отряхивая рубашку.

— Чудесный снимок, — радуется фотограф. — Естественно и без всякой позы. Я же знаю, что вам этот детектив «до лампочки».

Вот такая история. И знаете, что я по поводу нее думаю? Далеко еще искусству до реальной жизни. И пока «холостыми» будем стрелять, мы эту разницу не ликвидируем.

Короли и капуста

И чего люди в этих ананасах

находят? Мешок несешь — вся спина в колючках. И если б тетя Паша в проходной стояла. А тут Иван Терентьевич встал. А он — мужик строгий. Увидит, кто фрукты с базы несет, половину обязательно отымет. Вот и пришлось лишний километр махать. До самой дырки в заборе. Этот километр меня и доконал.

Утром будто нож в спину воткнули. Боком мне эта «Африка» вышла. Пошел в поликлинику, а врач и говорит:

— Тут дело сложное, тут врач нужен.

— Врач? А ты, собственно говоря, кто?

— Я никто, я практикант. Меня поставили от гриппа бюллетени выписывать. Вот если б Юрий Семенович был...

— А сейчас он где?

— На овощной базе. Около вокзала. Я при каждом гудке его вспоминаю.

Что тут делать? Взял я такси, не до экономии, и прикатываю к себе на базу.

Иван Терентьевич, вахтер, как такси увидел, сразу все понял:

— Через дырку вчера прошел? Ну, Степан, с тебя причитается!

— Хорошо, — говорю. — Живы будем — расплатимся. Ты лучше скажи, где врачи у нас трудятся?

— С ананаса, что ль, тебя прихватило? Пойди грейп-фрутиком заешь.

— Видеть их не могу!

— Да-а... Тяжелая у нас работа. И чего люди треплют, будто фрукты для здоровья полезны?

Прошел я через проходную, смотрю — мужики около вагонов толкаются. Бородатые, в джинсах.

— Мужики! Вы, — спрашиваю, — кто?

— Грузчики мы. Неужели не видишь? Картофель разгружаем.

— Это я вижу. А вообще вы кто? По основной профессии?

— По основной профессии мы по «черным дыркам» в галактиках. Хочешь, объясним на картошке?

— Вы лучше объясните, где врача мне найти?

— Пока без врачей обходимся. Только одного сердечника прихватило. Но отошел. Своим ходом. Сейчас на легкой работе — финики носит.

Понял я, ничего от них не добьешься. Одни «дырки» у людей в голове.

Тут слышу девичий голос:

— Дяденька, где у вас столовая?

Стоит рядом со мной девчушка и жалобно на меня смотрит.

— Рано, — говорю, — еще обедать. Вас работать прислали, а не пирожные есть. Привыкли за маминой юбкой. Наверное, и не видели, как картошка-то прорастает.

А она чуть не плачет:

— Я не за пирожными в вашу столовую иду, а посуду мыть. Иначе мне декан зачета не ставит.

Мне стыдно за свои слова стало:

— Извини, дочка. Разные помощники бывают. Одни по совести сил не жалеют, а у других только сопромат в голове.

Ушла она, тут же Петрович идет.

— Ну, — говорит, — ты даешь! Я тебя везде обыскался. С Николаем сел, так разве он понимает? Ему что домино,

что карты. Лишь бы по столу ударить. Пошли быстрее, отыграемся.

— Как бы я сам не «отыгрался». Плохо мне. Неужели не видишь?

— Тогда пивка прими. Ребята его на мешок тыкв обменяли. Чешский «праздрой». Целый ящик стоит.

— Эх, Петрович. За твою «тыкву» я бы и нарзану не дал.

Махнул я рукой и пошел туда, где капуста. А дух там такой — здорового свалит. И самое интересное, месяц назад эта капуста как новенькая была. Мы еще удивлялись: где такую красавицу выращивают? А потом пошли дожди, шифы наши болеть стали, загубили, злодеи, капусту.

Около капустной горы сидит человек и плохие кочаны от неплохих откатывает.

А если кочан наполовину плохой, он ему плохую половину ножом отрубает.

— Извините, — говорю. — Вы Юрия Семеновича не видели?

Человечек встал по-военному:

— Это я... Третья городская клиническая больница...

— Постойте, — говорю, — мне докладывать. Я к вам не как работник базы пришел, а как простой пациент.

— Пациентов не принимаем. Норма у нас — два вагона. Иначе отсюда не выпустят.

— А может, через забор? Я дырки все знаю.

— У дырок наш главный врач дежурит.

Ну что тут делать? Спину совсем разламывает.

Юрий Семенович подошел вплотную. В глаза пристально взглянул:

— Не спина у тебя болит, а живот. Самый натуральный аппендицит. По радужной оболочке глаз вижу. Я вмиг бы его отмахнул, да не могу капусту оставить. Сгниет.

— Она и так здесь сгниет. Вы лучше мне помогите. Пока я не сгнил.

— Да кто ж мне оперировать даст, если по графику здесь я, на базе?

Вышел я на воздух, и тут начальница базы подъезжает. На своих «Жигулях». Кинулся к ней, а она как отпрыгнет:

— Ты чего, Новиков, меха пачкаешь?

— Не до мехов мне сейчас. Аппендицит. Срочно резать нужно.

— Это кто ж тебе такую новость сказал?

— Врач. Который у нас на капусте.

— Этим врачам лишь бы не работать. Через это человека готовы зарезать. Если я его отпущу, вам самим работать придется. А вы никакой тяжести, кроме зарплаты, поднять не можете.

Уехала она, а мне совсем плохо. Лег я на пол и пополз в сторону капусты. Никого не вижу, ничего не слышу, на запахах ползу.

Свалился в открытый люк и съехал по наклонной доске прямо в руки Юрия Семеновича. Единственное, боюсь, как бы он с усталости не принял мою голову за капустный кочан и уши бы не отмахнул.

— М-да, — сказал Юрий Семенович, — до «Скорой помощи» он не дотянет. Да и не позволяют нам по таким пустякам с базы звонить. И операция-то ерундовая. Да уж больно антисанитарные условия.

Тут один тип подошел и вытащил из кармана баллончик:

— Вот. Стоит на эту пружинку нажать — и все микробы в округе попадают.

— Это хорошо, — говорит Юрий Семенович. — Но руки у меня дрожат. После капустной тяжести. Как бы я вместо аппендицита чего посущественней не отмахнул.

Тут другой тип подошел и вытащил линейку с цифирками:

— Синус на минус... минус на синус... Надо за отбойный молоток подержаться. Дрожью дрожь и уйдем.

— Но как резать его без наркоза? Это не кочерыжку из кочана вымахивать.

Тут еще один из ихних приблизился. Уставился своими гляделками и стал трепать, будто я маленький и будто в реке без штанишек купаюсь. А я, дурак, во все это верю, потому что раздетый лежу и мои штанишки передо мною висят.

А когда операция к концу подошла, еще один тип появился. Помахал у меня над животом руками, и шов сам собою зарос. Будто его и не было.

Встал я на ноги, ну хоть песни пой или мешки с базы таскай. Золотые, я вам скажу, ребята. Ну просто короли. Если б на капусту почаще их ставили, с аппендицитом на нашей базе мы бы давно покончили!

Случай на вокзале

Дежурный по вокзалу давно

присматривался к этой женщине. Невысокая, стройная, в серой меховой шубке, она совсем не походила на мошенницу, но слишком уж нервничала, безуспешно пытаясь открыть дверцу автоматической камеры хранения, набирая все новые и новые цифры.

Наконец дежурный не выдержал:

— Извините, гражданка... Эта камера ваша?

Женщина обернулась. Вблизи она выглядела значительно старше. «Лет сорок, сорок пять», — отметил про себя дежурный.

— Не могу открыть, — сказала женщина. — Цифры забыла, а вспомнить не могу, хоть убей.

— Придется акт составлять, — сказал дежурный. — Пройдемте в служебное помещение.

Женщина замаялась:

— Понимаете, я знакомого жду. С минуты на минуту подойти должен.

Дежурный посмотрел на часы. До прихода минского поезда оставалось еще более часа, на перроне он был, комнату отдыха и буфет проверил. Ну что ж, можно и подождать, если она, конечно, не обманывает.

— Нет! — спохватилась женщина. — При нем неудобно.

— Ну, знаете! — сказал дежурный. — То одно говорите, то другое.

Женщина смутилась:

— Хорошо, я вам все объясню... Я год рождения набрала, а теперь забыла.

— Чей год рождения?

— Свой.

— Свой?!

Дежурный вытаращил глаза:

— Вы что, гражданка, меня за идиота считаете? Как можно забыть свой год рождения?

Женщина покраснела:

— Вы меня не поняли... Я не свой набрала... Вернее, свой, но не совсем. Скинула я себе, понимаете?

— То есть как это — скинула?

— Ну, я с одним человеком была. Такой милый, интеллигентный. Мы с ним в поезде познакомились. Ну, мне было неудобно, вот я и скинула. Сейчас знаете какие мужчины? На нас не глядят. Кругом столько девчонок ходит!

— И много скинули? — строго спросил дежурный.

— Точно не помню. Кажется, года три.

— А сейчас вам сколько?

— Сейчас?... — Женщина замаялась.

— Ну, ладно. Можете не говорить. Меня ваш возраст не интересует. Я думаю, как ваши вещи достать. Может, набрать ваш настоящий год рождения, а потом сделать поправку? С учетом того, что скинули?

— Я пробовала, не получается.

— Может, вы больше, чем говорите, скинули?

— Может...

— А паспорт у вас есть?

— Есть. Но он в чемодане. А чемодан — в камере.

«Ну и дела, — подумал дежурный. — И чего только эти бабы не придумают. Всем готовы пожертвовать, лишь бы пару лет себе скинуть».

— Ладно, — успокоил он женщину. — Вам в панику кидаться еще рановато. Вы женщина молодая. Я бы сам вам больше тридцати не дал... Ну, самое большое тридцати пяти...

— Правда?!

— Ага...

Женщина вытащила пудреницу и быстро привела лицо в порядок.

«Черт знает что, — подумал дежурный. — Может, ей и правда не больше тридцати? Поправила челку, припудрила носик — и нате! Ну, что за народ!»

— А может, и того меньше, — сказал дежурный и почему-то задумался.

— Да будет вам! — засмеялась женщина.

«А она — ничего. И фигура, и глазки. Все, как говорится, на месте. Моя вон тоже в ее годах, да разве сравнишь? Хоть глаза бы когда намазала или вот обувь такую купила... Нет, ходит в чем придется, будто и смотреть на нее некому».

— Послушайте. Может, хоть ваш попутчик цифры запомнил?

— Вряд ли, — сказала женщина. — Когда я год рождения набирала, он специально спиной повернулся.

— А кого же вы тогда обманывали?

Женщина удивленно посмотрела на дежурного:

— Действительно. Я об этом не подумала.

«А все-таки ей далеко за сорок. И морщинки под глазами, и волосы...»

— Вера Петровна! — раздался вдруг чей-то голос.

Они обернулись. Рядом стоял крепкий мужчина в распахнутой дубленке.

— Извините за опоздание. Еле такси поймал.

— Что вы, что вы! — засмеялась женщина. — Я и не заметила... У меня тут, понимаете, камеру заклинило. Никак открыть не могу.

Мужчина подошел к дверце.

— Да вы, любезная, свой год рождения перепутали. Вместо тройки единицу набрали.

«Хорош гусь! — подумал дежурный. — Спиной стоял, а запомнил...»

Мужчина быстро набрал цифры, дернул за ручку, открыл дверцу. Потом он достал чемодан, подхватил женщину под руку, и они направились к выходу. Женщина шла легкой веселой походкой, а из-под шапки выбивались рыжие волосы.

«Эх, — вздохнул дежурный. — Будь моя воля, я бы всем женщинам годы поскидывал. Чтоб жили они да радовались. И ручки на дверцах понапрасну не отламывали...»

Он посмотрел на часы и пошел встречать минский поезд.

— ... **Д**аже и не знаю, друзья, —

сказал Лебедев, тучный, рыхловатый мужчина с желтыми хитрыми глазками. — Просто в голову ничего не лезет. Хоть шаром покати!

— Перестань, ты же у нас мастер. Вспомни чего-нибудь!

— Ну хорошо, — улыбнулся Лебедев. — Есть у меня одна история, только вы все равно не поверите.

— Поверим! Поверим! — закричали мы в один голос.

— Впрочем... если и не поверите, я на вас в обиде не буду. Уж больно история эта... необычная.

Лебедев размял сигарету, оторвал лишний табак и потянулся за спичками.

— Этим летом, друзья, я познакомился на пляже с человеком, несчастнее которого трудно себе и придумать. Дело в том... — Лебедев обвел нас всех своими желтыми глазами, — ...что этот человек имел две ноги... и обе они были левыми!

— Левыми?!

— Да, друзья, левыми...

Он выдержал паузу, давая нам прочувствовать такое необычное начало рассказа, затем грустно улыбнулся и продолжал:

— Вообще, если говорить честно, ужасно смешно — смотреть на человека с двумя левыми ногами. Вы только

представьте. Слева у него — левая, как у всех. А справа, где положено находиться правой, опять левая. Ну просто фокус какой-то!

Лебедев отхлебнул кофе и выдохнул белое облако дыма.

— Пока этот человек был маленьким, все шло хорошо. Стоило ему снять ботинок и показать свою неотразимую левую ногу, как вокруг раздавался гомерический хохот.

«К доске пойдет отвечать...» — говорила француженка, и в классе наступала мертвая тишина.

«Лидия Васильевна! — поднимал руку Паша. — У меня вопрос!»

И медленно, будто показывая фокус, выдвигал в проход первую из двух левых ног.

«Перестань, Новиков! Перестань!» — сердилась француженка, с трудом удерживаясь от смеха.

«Почему перестань?» — спрашивал Паша и так же медленно выдвигал вторую левую ногу.

Француженка стискивала зубы:

«Убери свои ноги!»

«Почему?» — спрашивал Паша и медленно менял ноги местами.

Учительница закрывала лицо руками и, не в силах больше справиться с собой, разражалась громким визгливым хохотом.

Но кончилось детство, вместе с ним и радости, которые доставляли Паше его левые ноги... В армию его не взяли. Вернее, взяли, но потом передумали. Как только новобранцы сошли с поезда, сержант построил всех в шеренгу и громко скомандовал:

«Левая нога вперед... Ша-аа-агом... арш!»

Паша шагнул с правой. Когда у человека две одинаковые ноги, совсем не мудрено их перепутать.

«Ты что? — грозно спросил сержант. — Не знаешь, какая нога правая, какая нет?»

«Не знаю», — смутился Паша.

Взвод дружно расхохотался, но Паша снял сапоги и показал всем свои ноги. Последовал новый взрыв хохота, и сержант, вытирая слезы, сказал:

«Да, парень. С таким солдатом никакой враг не страшен!»

Как ни умолял Паша, как ни упрашивал начальство позволить ему послужить, в ответ только слышал: «Не положено! С двумя левыми не положено!»

Шли годы. Паша женился. Первое время они жили хорошо, и жена ни о чем не догадывалась. Но вот как-то осенью ей понадобилось достать с антресолей крышки для консервирования. Она достала крышки и вдруг заметила в углу картонку из-под немецкого пива. Жене показалось это подозрительным, она открыла картонку и ахнула. Картонка до самого верха была набита совершенно новыми правыми ботинками. (Паша всегда покупал две пары обуви. Левые он надевал на себя, а правые складывал в картонку.) Когда он вернулся домой, то увидел заплаканную жену и знакомую картонку из-под пива.

«Это что?» — спросила жена, кивнув на картонку.

«Ой! — удивился Паша. — А куда делось пиво?»

Жена пристально посмотрела на Пашу:

«Откуда эти ботинки?»

«Не знаю... Может, на пивном заводе перепутали?»

«Я так и знала, — заплакала жена. — Я была уверена, что ты меня обманываешь!»

Деваться было некуда, и Паша во всем сознался.

Жена собрала вещи и, поцеловав его на прощание, сказала:

«Прощай! Я не могу любить мужчину с такими ногами!»

В общем, что говорить! Жизнь для Паши была сплошным мучением. Его не продвигали по службе, над ним смеялись приятели. Даже в баню он не ходил, боясь привычных насмешек. Порой он хотел умереть, но представлял, как служитель в морге будет хохотать над его трупом, и продолжал жить. Жить, стиснув зубы!

Однажды во время отпуска Паша шел по берегу пустынного пляжа и предавался самым невеселым мыслям, как вдруг заметил на песке странные следы. Он пригляделся и замер от неожиданности. Это были следы человека с двумя правыми ногами. Он подождал, пока этот человек выйдет из моря, подошел к нему и, ни слова не говоря, приподнял брючины. Человек молча уставился на Пашины ноги... Потом вдруг хмыкнул, гмыкнул и... громко расхохотался.

«Вы чего?» — обиженно спросил Паша.

«Простите, — сказал человек. — Уж больно у вас ноги... смешные!»

Паша хотел было стукнуть его хорошенько, но тут увидел его ноги. Две совершенно одинаковых правых ноги. Справа правая и слева точно такая же. И он вдруг почувствовал приступ безумного, неудержимого хохота. Паша закрыл лицо руками и бросился бежать. Скорее бежать от этого странного смешного человека...

— Вот такая история, — закончил Лебедев и потянулся за следующей сигаретой.

— Да, брат, — засмеялись мы. — Ну ты и накрутил!

— Накрутил?

Лебедев встал и, ни слова не говоря, приподнял брючины... Наступила мертвая тишина. Потом вдруг кто-то хмыкнул, гмыкнул, и все громко расхохотались.

— Напрасно смеетесь, — обиженно сказал Лебедев. — Ноги-то у меня разные, как у всех. Вот только туфли на них одинаковые.

— То есть как это одинаковые?

— А так... Вчера в магазине купил. Пришел домой, развернул, а они обе правые... Вот так-то, друзья... Порой жизнь нам подбрасывает истории, которые и специально-то не придумаешь...

Директор Белобокского областного

драматического театра вызвал к себе режиссера-постановщика, чтобы поговорить с ним о предстоящих летних гастролях.

— Надо подумать о сборах, — сказал он. — А то мы совсем прогорели. Есть мысль: разбить нашу труппу на четыре подгруппы, соответственно «А», «Б», «В» и «Г», и отправить в разные районы области. Это позволит вчетверо увеличить количество спектаклей. Спектакли должны быть компактными, максимум пять исполнителей. Вам надлежит подготовить новую, так сказать, выездную модель «Трех сестер» Чехова.

— Простите, не понял, — сказал режиссер. — У Чехова в «Трех сестрах» — четырнадцать исполнителей.

— Придется сокращать... Дайте-ка, миленький, пьесу... Начнем с самого начала. Зачем нам ТРИ, именно ТРИ сестры? Все сестры только и делают, что хотят в Москву. Но Москва — не резиновая. Обойдемся одной сестрой. Например, Ольгой. Тем более, она в декрете и все равно не может уехать из города.

— А остальные? Они с самого начала присутствуют на сцене. Вот послушайте...

Режиссер взял пьесу: — «...накрывают стол... Ольга: Отец умер ровно год назад... в твои именины, Ирина... Ма-

ша: У лукоморья дуб зеленый... Ирина: Зачем вспоминать!»

— Действительно, — сказал директор. — Зачем вспоминать старый вариант... Ирина и Маша будут голосами за сценой. Впрочем, и сам стол можно перенести туда. И туда будет адресовать Ольга свои слова к сестрам, которые якобы находятся там и накрывают стол. А на самом деле их там не будет. Маша поедет с утренниками «Маша и медведь», а Ирина — с комедией «Служебный роман»... Тем более... ну, это совсем по секрету... У нее действительно роман с Терентьевым, который занят в «Служебном романе».

— Но Терентьев занят и у нас. Он играет Тузенбаха.

— Обойдемся без Тузенбаха. Его, кажется, все равно убивают?

— Да... Но его убивают в конце, — сказал режиссер.

— Убьют в начале. Ничего не изменится.

— Как в начале?! За что?! Соленый ревнует его к Ирине. За это и убивает.

— Успокойтесь. Ирины у нас нет, и Соленого, кстати, тоже. Он едет со спектаклем «Двое на качелях»... Вот, я вам скажу, миленький, пьеса! Всего два исполнителя и в одной декорации... Так кто у нас убьет Тузенбаха? Ну, думайте, думайте! Вы же — режиссер!.. А может, Анфиса?

— Старая нянька?

— М-да... А если Кулыгин? Директор гимназии?

— Кулыгин не может убить!

— Ха! Посмотрите на наших школьников. С ними день проведешь, убьешь кого хочешь!

— Но Кулыгину не за что убивать Тузенбаха.

— Пусть Тузенбах ухаживает за его женой. За кулисами, разумеется. Ведь ни Тузенбаха, ни жены Кулыгина у нас нет. Входит жутко замотанный Кулыгин и, не разобравшись, в чем дело, стреляет. Туда, за кулисы. Бац! И одним исполнителем меньше. А грохот падающего тела мы вам обеспечим.

— И что потом будет делать Кулыгин?

— Воспитывать племянника.

— Кого, кого?!

— Бобочку. Вы читали пьесу?

— Но его воспитывает мать. Наталья. Жуткая мещанка.

— Вот видите? Зачем такой матери доверять воспитание ребенка? Тем более она все равно в подгруппе «Г».

— Матери нельзя, а убийце можно?

— Ребенок еще маленький. А когда подрастет, ему объяснят — так нужно было для плана. И потом, если по-честному... В том и гениальность Чехова, что никакого ребеночка нет. Все только делают вид, что он в колясочке... Ну? Кто там еще остался?.. Вершинин? Этот горе-подполковник, который только и делает, что торчит в доме?

— Он любит Машу!

— И Тузенбах любит Машу, и муж, и Вершинин, и медведь... из утренников. Не слишком ли много у этой Маши поклонников? Раз Кулыгин — убийца, пусть прихлопнет и Вершинина.

— Но Маши у нас нет, — сообразил режиссер. — Она едет с утренниками. За что ж убивать?

— Хорошо. Раз вы такой упрямый, вернем вам Машу. Отыграет утренник, сядет на автобус, подаст реплику Вершинину. За сцену, конечно. Ведь его у нас нет. И тут же Кулыгин за это его убьет, тоже за сценой. Она еще успеет на вечернюю электричку.

— Но если убить Вершинина...

— Не волнуйтесь. У нас в городе тоже есть военные. Попросим кого-нибудь подняться на сцену. Ему и жалованье платить не надо. Ну, как? Устраивает?

— Устраивает, — вздохнул режиссер. — Только у меня есть предложение. Давайте вообще обойдемся без сестер.

— То есть как без сестер?!

— Очень просто. Назовем этот спектакль «Дядя Ваня»...

Бульон с яйцом

Я не буду объяснять, как попал

я в этот Дом творчества, да еще в самый разгар сезона, да еще с женой, да еще если учесть, что лес в двух шагах, а я к творчеству только то отношение имею, что в кино иногда хожу. Не буду объяснять, долго получится. Да и не в этом суть...

Приехали мы с женой вовремя, прямо к обеду, и пока еду не принесли, я осторожно взглянул на соседей.

Публика, сразу можно отметить, культурная.

Один, видать, писатель: весь седой и в заграничной майке. Другой похож на актера: темные очки и борода в тон. А третья — жена. То ли писателя, то ли актера, сразу не разберешь. А может, и сама из искусства. Но больше чем на примершу не тянет. Страшна больно.

Сначала подали закуску — сельдь с луком. Блюдо привычное — съели. А потом вдруг бульон несут. И не простой, а с яйцом. Вкрутую сварено яйцо и в бульоне том плавает. Ну?.. Скажите на милость, как его есть?.. Сначала бульон, а потом яйцо?.. Или с яйца надо начинать, а бульоном запить, как компотом?.. А может, все вместе полагается? Раскрошить яйцо на мелкие части и есть? Будто это вермишель или рис. Легко сказать — раскрошить. А как? Оно, зараза, скользкое, круглое. Коснись ножом — улетит, не поймаешь.

Взял я салфетку, вытер лоб и говорю:

— Горячий какой бульон. Пусть немного остынет.

И внимательно смотрю на соседей.

Писатель, который в майке, наверно, о своей повести задумался. Бултыхает в тарелке ложкой, а к делу не приступает. Актер, тот на яйцо устался и вовсе одеревенел. Гримерша хлебом тарелку вытирает, хотя она и без того чистая. Сидят все, молчат, неловко даже. И я, как человек культурный, вежливо говорю:

— Интересное какое блюдо — бульон с яйцом. Тут вас, товарищи, никто не обвесит. От курицы при раздаче отмахнут кусок: крылышком больше, крылышком меньше. Ей не летать. А вот если из бульона яйцо вынуть, то и дальтоник сразу заметит.

— Это вы правы, — говорит писатель. — Но вы одного не учли. Если в ваш бульон добавить водичку... С яйцом он или без яйца... Никакая экспертиза ничего не покажет... А помножьте водичку на количество порций...

Он вытащил карандаш и быстро прикинул:

— ...и высвободившуюся жидкость, то есть «первичный бульон», который в этом случае не надо варить, а в виде исходной курицы отправить поставщику обратно на базу. И перебросьте этих кур не в магазин, а на рынок...

— Такие дела не так совсем делаются, — мило улыбнувшись, сказала гримерша. — Если кура один раз оприходована, нечего ее взад-назад таскать.

— А я бы, — сказал молчавший до сих пор актер, — начинал бы непосредственно с этих яиц. Оформил бы их при приемке как «бой» и направил в инкубатор для производства цыплят. А потом шлепал бы «табака» в близлежащей шашлычной!

— И ваши «табака» пошли б через кассу?

— Конечно, через кассу. Но только как коньяк. А самим коньяком торговать невынос.

— Идея неплохая, — сказал писатель. — Только инкубатор и шашлычная — лишние звенья. Эти «табака» и здесь можно делать. А саму столовую сдавать в аренду.

Смотрю я на них и глазами хлопаю. Из искусства люди, а все про нас знают. И вдруг до меня дошло: батюшки, так это — родные все лица!

Посмотрел я на писателя пристально и говорю:

— А с импортной курицей вы никогда не работали?.. Ну, в смысле повести или романа?

— С импортной трудно, — сказала «гримерша», — Они, как невесту, ее зафасовывают. Лежит в целлофане, к ней и не подберешься.

Сидим мы так, разговариваем душевно, и вдруг подходит сестра-хозяйка и подсаживает еще одного человека, молодого парня в кожаном пиджаке и джинсах.

— Привет, — говорит, — мужики. Ну?.. Как у вас кормят?

— Бульон с яйцом, — отвечаю я, — фирменное блюдо для тружеников искусства... Если вы, конечно, имеете к нему отношение.

И глазом подмигиваю. Мол, стесняться тут нечего. Он вроде бы понял и тоже подмигнул:

— Сколько лет в искусстве, такого не видывал. Оператор я. Со студии хроники. Только закончил картину из жизни китов.

— Китовое мясо напоминает говядину, — ласково улыбнулась ему гримерша. — Особенно в сильно замороженном виде.

— О чем это вы? Что-то я не совсем понимаю.

— А он мне нравится, — захохотал «писатель». — Слова лишнего не вытянешь. Переходи ко мне, ей-ей, не обижу!

— Мне нельзя, у меня три года...

— За что, если не секрет?

— После распределения.

— Квартир или автомобилей?

— Да нет же... после окончания ВГИКа.

— Ну вот что, — не выдержал я, — ты со своим «ВГИКом» нам голову заморочил. Или говори правду, откуда прибыл, или топай отсюда за соседний столик.

Парень смутился и удостоверение вытягивает, что он действительно со студии хроники.

«Писатель» вынул точно такое же. И еще два: нештатного корреспондента журнала «Быт» и литконсультанта фабрики «Ява». «Актер» из кармана свои три вытягивает, «гримерша» еще парочку присоединяет, и мы с женой поверх свои визитки кладем, отпечатанные на твердой глянцевитой бумаге.

Парень смотрит на образовавшуюся горку, медленно встает и идет к выходу. Странный какой-то, чокнутый. Похоже, что действительно из искусства. Одно меня только в нем настораживает. Если он из искусства, то как в Дом творчества путевку достал?

Дальтоничка

Я сидел дома и смотрел телевизор.

когда неожиданно раздался звонок и в комнату ворвался приятель. По его лицу я сразу понял: что-то произошло.

— Ты знаешь? — закричал он еще с порога. — Я развожусь с женой!

— Успокойся, — сказал я. — Сейчас многие разводятся.

— Да. Но ты не знаешь почему?!

— А почему?

— Она... она... Ну, как бы помягче выразиться... Ну, в общем, она дальтоник... Вернее, дальтоничка!

— Послушай, — сказал я. — Ты меня, конечно, извини. Я не хочу вмешиваться в вашу личную жизнь. Но что это такое?

— Как?! Ты разве не знаешь?

— Нет, я ведь холостяк.

— Это не имеет значения. Это совсем другое. Не то, что ты думаешь. Это связано с глазами.

— С глазами?

— Да! Дальтоник — это человек, который не различает цветов. Ему что красный, что голубой, что фиолетовый в крапинку.

— Не может быть!

— Честное слово! Даришь ему розы, а ему кажется, что незабудки. Везешь отдыхать на Черное море, а ему все равно что на Белое!

— Так ведь это же хорошо! Вези его... то есть ее, на Белое, если ей все равно. Так даже дешевле.

Притель вздохнул:

— Тебе хорошо... А я больше так не могу! Ты себе не представляешь, какая это мука — жить с дальтоничкой. Даже духи. Ей что «Белая сирень», что «Красный мак», что «Серебристый ландыш»!

— Постой, погоди! Ну это ты слишком. Духи ведь всегда можно понюхать.

— Как это?

— Очень просто. Открыть пробку и понюхать.

— А зачем?

— Чтобы запах узнать.

— Запах?

— Конечно. Ведь духи пахнут по-разному.

— Никогда не замечал... По-моему, они пахнут все одинаково.

— Одинаково?!

— Конечно!

— А как же ты тогда их различаешь?

— По цвету. Одни чуть желтее, другие чуть светлее.

— А запах?

— Что запах?

— Но ведь они имеют запах!

— Какой запах?! Чего запах?! Что ты пристал ко мне со своим запахом?! Я же тебе ясно сказал: все духи пахнут одинаково!

— Послушай, — сказал я. — Мне очень жаль, но у тебя что-то с обонянием... Дело в том, что духи имеют свой запах.

— Правда?

— Честное слово!

Притель задумался:

— Ты знаешь, по-моему, она давно догадывалась.

— Вот видишь, как она тебя любит!

— Да, я здорово перед ней виноват...

Потом он посмотрел на меня и вдруг улыбнулся;

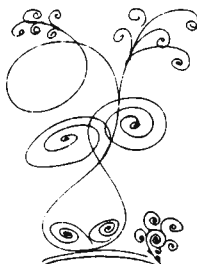
— Ты знаешь... По-моему, это все ерунда! Главное, что мы любим друг друга! А все остальное не имеет значения! У каждого из нас есть недостатки.

Он немного помолчал.

— Скоро у нее день рождения... Я сделаю ей подарок. Куплю телевизор. Она давно об этом мечтала. А в том, что она дальтоничка, есть даже свое преимущество.

Он подмигнул мне и добавил:

— Я скажу, что телевизор — цветной. Она ведь все равно не разбирается.

Кто такой Петр Семенович?

Трудно сказать. Он не Василий Иванович, не Павел Кондратьевич, не Дмитрий Христофорович, не Софья Марковна. Он — просто Петр Семенович.

И пусть должность его небольшая, не решающая. Пусть по утрам к его подъезду не подкатывает машина, он все же Петр Семенович.

Не всем он нравится, не все его любят. Его даже пытались «съесть». Но только ломали зубы. И, обнаружив свою ошибку, разводили руками: «Ай да Петр Семенович!»

Однажды его попросили рассказать о себе.

— С какой это стати? — спросил Петр Семенович. А сам подумал: «Нашли дурака...»

И все же дурака такого нашли: я расскажу о Петре Семеновиче...

«На, почитай!»

Однажды Василий Иванович

зашел к Петру Семеновичу и дал ему почитать рассказ:

— На, почитай...

Так просто и сказал: «Почитай...» — и больше ничего. Ни звука. На, почитай. В смысле прочти. И все...

Петр Семенович стал думать, что за этим стоит.

Рассказ был обычный, на полстраницы. Над рассказом — рисунок, под рассказом — подпись: Ермаков. И все. Больше ни слова. Ермаков. Без расшифровки. Просто Ермаков. И еще — точка. Обыкновенная, маленькая. Точка как точка. Как всегда в таких случаях. Ни больше ни меньше...

И лицо у Василия Ивановича было обычное, когда он давал рассказ. Ну, совсем обычное... Как будто и не он давал. Или он не давал. Ну совсем обычное лицо. И вошел за просто. Открыл дверь, кивнул и вошел:

— На, почитай...

И вышел. Сразу. Без каких-то намеков. Повернулся и вышел. Только рассказ остался. И подпись внизу — Ермаков. Черным по белому: Ермаков. Ермаков... Петр Семенович взял рассказ и перевернул на другую сторону...

Сообщение о погоде. Сухо, тепло, девятнадцать градусов. И все... Да, еще точка! Точка как точка. Как всегда в таких случаях. И все...

«Странно», — подумал Петр Семенович...

Он поднял рассказ и посмотрел на свет... И бумага обычная. Без всяких намеков. Бумага как бумага. И ничего не просвечивает. Только этот рассказ. Да... Еще — сухо, тепло, девятнадцать градусов...

Конечно, бывали всякие ситуации... Но чтоб так, за-просто. Почитай. И лицо... Какое при этом лицо!

Не буду читать. Не буду. Хватит! Хватит!

Спустя час Василий Иванович снова зашел к Петру Семеновичу:

— Прочел?..

И лицо при этом было обычное. Совсем обычное лицо. Ну, просто обыкновенное: «Прочел?..» В смысле, прочитал?.. Так и спросил. Подошел и спросил: «Прочел?» Тихим и спокойным голосом, без всякого выражения. Как будто ничего за этим не стоит: «Прочел?»

Петр Семенович взял рассказ и протянул его Василию Ивановичу:

— На.

Так и сказал: «На!» «На!» — в смысле возьми свой рассказ, на!

Василий Иванович взял рассказ и вышел. Повернулся и вышел.

И лицо при этом было обычное. Как будто и не он приходил. Как будто и не говорил: «На, почитай!»

Петр Семенович долго не мог успокоиться: «Как я его?.. На!.. На твой рассказ. Возьми! На, на, на!!!»

Петр Семенович сидел на берегу

и ловил рыбу. Конечно, это так говорится — «ловил». На самом деле он просто сидел. С удочкой. Никакой рыбы в реке не было. Он уже хотел встать, как сзади послышался голос:

— Клюет?

Мужской сиплый будничный голос:

— Клюет?

Как будто и ответ его не интересует. Вроде бы сам себя спросил: «Клюет?» Бросил вопрос в пространство. В голубые дали. Постоял, послушал, как растаял он в воздухе, и вот-вот дальше пойдет. «Клюет?»

Петр Семенович ответил сразу. Веско. Убедительно.

— Клюет!!

И даже не обернулся. Нельзя оборачиваться, если у тебя клюет.

— И кто клюет? — спросил голос.

Мол, знаем, что клевать здесь некому.

— Все клюет, — ответил Петр Семенович. — Щуки, караси, голавли разные...

— Голодные, что ль?..

Петр Семенович ответил сразу. Веско. Убедительно.

— Сытые! Голодные так не клюют.

— А чего ж им клевать, коль они сытые?

Мол, вот, друг любезный, и поймали вас на слове.

— Сил много. Вот и клюют!

— Странно, — сказал голос. — А говорили, тут рыбы нет. Можно мне рядом присесть?

Он сел рядом и закинул удочку. И уставился на поплавок. Будто и правда верил: вот-вот клюнет.

Пять минут прошло...

Десять...

Пятнадцать...

— А у меня не клюет, — вдруг сказал он.

И, немного подумав, добавил:

— Да и у вас тоже...

Петр Семенович ответил сразу. Веско. Убедительно:

— Они вас боятся, потому не клюют. Вы уйдите, сразу увидите.

Человек как-то странно посмотрел на Петра Семеновича и стал сворачивать удочку:

— Я уйду. Пусть у вас клюет. Пусть...

Он отошел на почтенное расстояние. Остановился. И крикнул оттуда:

— И у вас не клюет! Правильно говорят, что рыбы тут нет!

Петр Семенович сидел как сидел. Даже не обернулся. Нельзя оборачиваться, если у тебя клюет.

Петру Семеновичу приснился сон.

Странный. Фантастический. Будто он вовсе не Петр Семенович. И не Василий Иванович, не Павел Кондратьевич, не Дмитрий Христофорович, не Софья Марковна. Неизвестно кто. Но точно — не Петр Семенович.

И вот подходит к нему жена. Жена его, но во сне не его. И хоть спит он с ней в это время рядом, она совсем чужой для него человек.

И просит не его жена у него денег на шторы. Ну с какой стати ей деньги давать? Он и своей не дает, а тут просит чужая.

— Не дам! — так и говорит Петр Семенович.

Жена, как водится, в слезы.

И тут приходит ему идея. Деньги ей дать. Но с одним условием. Чтобы, проснувшись, она больше их не просила.

Он лезет в карман... И в этот самый момент входит Петр Семенович. Настоящий. Которому и снится весь этот дурацкий сон.

Петр Семенович облегченно вздыхает:

— Вот твой муж, у него и проси.

Но тот Петр Семенович сразу пресекает:

— Не дам. Не нужны нам шторы. У нас старые есть.

Почти совсем еще новые.

Петр Семенович в душе с ним согласен. Рано еще покупать. Но если тот Петр Семенович денег не даст, ему придется раскошеливаться.

И поэтому говорит:

— Давно пора шторы менять!

Так и говорит. Хотя сам в это не верит.

Тот Петр Семенович спрашивает:

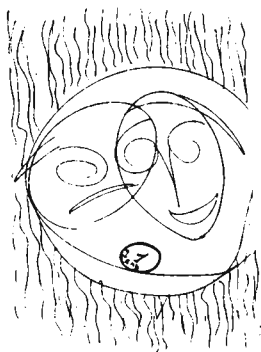
— А ты, собственно говоря, кто?

«И правда, — думает Петр Семенович, — кто? Кто я такой, чтобы лезть в ихние шторы?»

И с этими мыслями он просыпается. Просыпается и видит, что он — Петр Семенович! Настоящий. И другого никакого нет!

Он целует спящую жену. Та открывает глаза, смотрит на улыбающегося Петра Семеновича и говорит:

— Ну?.. Дашь деньги на шторы?..

Свобода слова

Группа заговорщиков, решивших

во что бы то ни стало свергнуть правительство, собралась на строго засекреченном садовом участке под Москвой.

После обычных приветствий разговор перешел к главному. Один из заговорщиков сказал:

— Правительство должен свергнуть народ. Это его правительство, ему и свергать.

— От нашего народа дождешься, — сказал очень известный общественный деятель. — Цены, налоги, бензин... Все ему повышают. И все терпит этот народ.

Деятель отвернулся и добавил несколько слов на хорошо понятном всем языке.

— Вот! — вдруг воскликнул другой, тоже очень известный заговорщик. — Вот что нам надо!

— Что?

— Надо запретить...

— Да что же, наконец?

— Выразаться... Ну, вы понимаете... Уж это наш народ не выдержит!

Сначала все посмеялись, а потом решили: не такая уж это глупая идея... Все можно у народа отнять. Но это?..

Через несколько дней по городу поползли слухи. Точно никто не знал, но говорили, что готовится новый свержсек-

ретный указ, согласно которому ни один гражданин, будь он хоть маршалом или беременной женщиной, не имеет права выражаться... За это будут строго наказывать, выселять в труднодоступные районы, а заядлые в подобных действиях граждане, возможно, будут расстреливаться на месте. Мера эта вынужденная, но в обстановке перенапряжения физических и духовных сил люди должны помогать правительству не подобными словами, а делами.

Многие, конечно, этим слухам не поверили. Мало ли что у нас говорят. Но, с другой стороны, ничто просто так не бывает. Может, про расстрел это слишком, а вот выселять — реально. Сколько беженцев по стране бродит. А так решится хоть одна проблема. Правда, и беженцы выражаются. Но теперь ради квартир потерпят.

И народ стал молча читать газеты, слушать радио, смотреть телевизор. Перестали обсуждать цены и виды на урожай. Если кто и спрашивал:

— Ну, как, мол, ты живешь? Как дети, семья?

Другой или просто не отвечал, или задавал встречный вопрос:

— А ты как? Зарплаты хватает?

После этого обычно начиналась драка. Раньше люди выскажутся вслух, и вроде бы легче становится. А теперь?..

Или на производстве:

— Что случилось? Почему конвейер стоит?

Ну, как на такой вопрос ответить? А про ближнее зарубежье, про поставки сырья?.. Раньше все в одной фразе умещалось. А сейчас?

Даже выпивать стали меньше и без всякого удовольствия. Опрокинут стаканчик и молчат. А если кто спросит:

— Ты... это, ну, в смысле индексации, как?

— Я это, значит... и ее... и... приватизацию...

И разбегаются в разные стороны. Один в лес, другой к работающему дизелю. Встанет рядом и долго-долго о чем-то с ним говорит... А о чем — не слышно... Дизель мешает.

Хорошо сильным людям: разведчикам или немым. Они привыкли вслух не высказываться. А обычному человеку?..

В общем, заговорщики правильно расценили... Если человек не имеет возможности легко и свободно высказаться по поводу всего, что сейчас происходит, он либо угодит в психушку, либо пойдет на баррикады...

Учитывая возросшую социальную напряженность, министр культуры выступил с разъяснением. Мол, хотя и действительно культура у нас хромает и пора бы нам от этого отказаться, ведь обходится без этого весь остальной мир, но на данном этапе нашей экономики — это сильно и сильно преждевременно.

Это явилось последней каплей. Тут и сомневающиеся поверили. Раз сам министр официально опровергает, так точно будет такой указ.

На следующее утро, хотя был и вторник, народ стал стихийно собираться на митинг.

Рабочие и сельские труженики, бомжи и интеллигенты, демократы и консерваторы, правые и левые впервые за много лет дружно шли на главную площадь. Все несли плакаты, на которых было написано то, что так долго они не могли сказать. Страсти накалялись с каждой минутой. Заговорщики подстрекали всех к штурму и свержению.

И тогда перед народом выступил президент. Он принял последний отчаянный шаг. Он обратился к народу на хорошо понятном ему языке. На том языке, о запрещении которого ходили провокационные слухи.

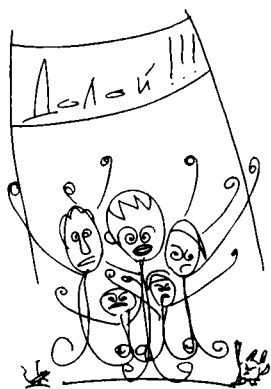
В течение целого часа его речь лилась и легко, и свободно. Он говорил обо всем. И о том наследии, которое нам всем досталось, о коррупции, о взяточничестве, о сопротивлении на местах...

Все, затаив дыхание, слушали эту, возможно, лучшую его речь. Его поддерживали выкриками и возгласами, и

никто не боялся, что их не так истолкуют... Все были едины в вопросах внутренней и внешней политики...

Так была ликвидирована еще одна, может, самая опасная попытка государственного переворота.

Что ни говорите, а самая главная из свобод — это свобода слова!

Белобрысенькая

Автобус шел по шоссе. И с каждым

поворотом дороги открывались все новые и новые виды. Далекие холмы с желтыми проплешинами полей, белые домики, темно-зеленые ряды виноградников. А потом вдруг мелькнуло море. Мелькнуло и раздражило ярким открыточным глянцем, бронзовыми фигурками на пляже. И Петр Савельевич почувствовал, будто от сердца его отваливают куски льда, как дома, когда жена размораживала холодильник.

— Смотри, смотри, чайки!

— Вижу, — ответил Петр Савельевич, не показывая, что раздражение его постепенно проходит, уступая место любопытству перед новыми, неизвестными ему ранее формами жизни.

Поездка в Болгарию была предпринята по инициативе жены. Муж ее сестры, болгарин по национальности, будучи в Москве, пригласил их в гости, сказав, что они прекрасно отдохнут да еще страну новую посмотрят. Петр Савельевич для вида согласился, к чему обижать иностранца, хотя твердо решил не ехать, одна дорога чуть ли не сотен семь стоит, а море такое же, Черное, что в Болгарии, что на нашем побережье. Но потом под напором жены он шаг за шагом сдавал позиции. Сначала подали анкеты на оформление, «так, на всякий случай». А когда из ОВИРа

пришло разрешение, тут уж отступать было поздно. И всю дорогу от своего дома на Волочаевской до маленького аэропорта в Бургасе Петра Савельевича мучила мысль: «Зачем нам эта Болгария?» Он вспоминал, сколько своих, кровно заработанных денег было обменяно на эти непонятные «левы». И вид земли с высоты десяти километров, и фужер вина, поданный стюардессой, — ничто его не радовало. В голове шевелилось одно: «Зачем нам эта Болгария?»

В автобусе ехало совсем немного народа. По совершенно непонятным правилам болгары продавали ровно столько билетов, сколько было в наличии мест, совершенно игнорируя огромные незаполненные пространства в проходе и между креслами. Еще когда тронулись с остановки, Петр Савельевич отметил, сколько дополнительных пассажиров можно было бы посадить в этот фактически пустой автобус.

Ехали весело, с шутками, криками. Иностранные парни в спортивных куртках хохотали, перескакивали с места на место, тыкали в окна пальцами, орали на непонятных языках. Чем-то они отличались от наших ребят. «Наши намного скромнее», — решил про себя Петр Савельевич.

Он обратил внимание на сидящую напротив пару. Длинный голубоглазый бородач и рядом с ним — белобрысенькая. Бородач без конца хохотал, а белобрысенькая смотрела в окно невидящим взглядом, словно думая одну, крепко приставшую мысль.

Петр Савельевич с женой вышли из автобуса, пересекли веселенькую в цветах площадь и пошли по улицам, сверяя их названия с записанным на бумажке адресом.

Домик, в котором им предстояло жить, оказался самой настоящей каменной виллой. С душем и сортиром. И платить надо было недорого, всего пять левов — что совсем уж чепуха по сегодняшним южным понятиям. Петр Савельевич заметно повеселел и, сняв с распаренного тела рубашку, вместе с женой устремился на пляж.

Жирная зеленая вода обступила его со всех сторон. Петр Савельевич нырнул, проплыл под водой несколько

метров и, с шумом отфыркиваясь, двинул к полосатому поплаву, ограничивающему зону купания.

Через некоторое время помолодевший Петр Савельевич вышел из моря, пробежал по песочку и плюхнулся рядом с женой, которая заботливо накрыла его полотенцем.

Немного отогревшись, он поднял голову и рядом с собой увидел белобрысенькую. Она сидела, задумчиво обняв колени, у ее ног лежал бородач. Задрав к солнцу кучерявую бороду, он счастливо улыбался в безоблачное синее небо.

Вдруг бородач подпрыгнул, дернул белобрысенькую за руку, и они побежали к морю, позвякивая висящими на шее колокольчиками.

— Нацепили бубенцы как коровы, — сказала жена, с одной стороны, высказывая неодобрение, а с другой — нащупывая тему для примирения.

Но Петру Савельевичу мириться с женой не хотелось. Ему вдруг неожиданно захотелось нацепить на шею колокольчик и под его веселый перезвон броситься с белобрысенькой в воду.

Но он только перевернулся на спину и закрыл глаза соломённой шляпой:

— Пусть звенят, если нравится...

Обедали в большом летнем ресторане типа нашей «стекляшки». Но застекленным, собственно говоря, было только помещение раздачи. Столики же находились под широким, продуваемым со всех сторон навесом, так что жары вовсе не чувствовалось.

Очередь двигалась быстро. Петр Савельевич стоял с подносом, а жена по старой московской привычке охраняла место.

Публика в основном была иностранного происхождения. Долговязые седые немки выставляли из шорт обгорелые ноги, а их пузатые спутники тащили полные подносы с пивом.

«Черти полосатые, — без злобы подумал Петр Савельевич, — им внучат нянчить, а они, видишь, по курортам ездят».

Перед Петром Савельевичем стояла молоденькая девушка лет семнадцати. Она поглядывала на своего пожилого спутника как обычно смотрят на родителей или любимых. «Кто она ему? — думал Петр Савельевич. — Дочь или не дочь?»

Когда-то в молодости у него была похожая девушка, и поэтому ему хотелось, чтоб она была своему спутнику всего лишь дочкой.

Кормили вкусно, но не очень привычно. На первое — странный молочный суп. Или, вернее, простокваша, заправленная зеленью и чесноком. На второе — перец с какой-то сладкой приправой. Самым привычным оказался компот. Петр Савельевич с наслаждением выпил стакан и полстакана жены.

Несколько отяжелев от еды, они возвратились в свою пахнущую морем комнату, разделись и легли в стоящие друг напротив друга кровати.

Ветерок с моря надувал легкую занавеску, и она, раскачиваясь, задевала Петра Савельевича. А он лежал с закрытыми глазами и думал, что хорошо, наверное, вот так путешествовать по разным странам пароходами, самолетами, поездами. Останавливаться где придется, покупать что попало. И не две недели отпуска, а год или больше... Ему представились зеленые острова, пальмы, обнаженные коричневые девушки... Мысли его стали сбиваться. Но тут сбоку придвинулось горячее тело жены, видно острая пища ее расшевелила. И чернокожим туземкам пришлось уступить место своей более счастливой сопернице...

Когда Петр Савельевич проснулся, был уже вечер. Над его головой, в темном квадрате окна, перемигивались звезды. Он лежал на спине и смотрел через голову в черное перевернутое небо. Жена все еще спала. И съехавшая простыня обнажала нетронутые загаром формы.

Петр Савельевич взял зубную пасту, щетку, полотенце и пошел освежиться. Когда он направлялся в ванную комнату, то едва не столкнулся с белобрысенькой. По ее плечам медленно сползали капельки воды.

Она равнодушно прошла мимо, промокая себя полотенцем. Босые ножки прошлепали по лестнице вверх.

«Они живут, наверное, здесь», — подумал Петр Савельевич, и от этой мысли его почему-то охватило волнение.

Вечером он и жена гуляли по городу. По улицам, как во время демонстрации, двигала толпа народу. Толпа шла веселая, яркая. Заваливалась в магазины, пила вино, смеялась, целовалась.

Петру Савельевичу вдруг сделалось не по себе. Он почувствовал себя неуклюжим и лишним. И тогда он прибег к старому испытанному способу. Купил бутылку болгарской водки, отошел в сторону и прямо из горлышка сделал несколько жадных глотков.

На следующий день задул холодный колючий ветер. Море сделалось изжелта-зеленым. Разноязыкая толпа куда-то попряталась, и если б не стоящие вдоль тротуаров машины, могло показаться, что все разъехались по домам.

Петр Савельевич с женой долго завтракали привезенными из Москвы продуктами: сухой колбасой, домашними огурчиками, растворимым кофе. Потом жена убрала все со стола, и они отправились по магазинам.

Магазинчики мало чем отличались от наших. И в смысле обслуживания, и в смысле товаров. Но жена вдруг засуетилась, лицо ее покрылось испариной. Она лезла через руки и спины. Холеные немки только иронически посмеивались, глядя на эти ее действия.

Наконец она купила замшевую юбку. Модную, с пробитым дырочками узором. Шла ей эта юбка как корове седло. А стоила целых тридцать семь левов. Петр Савельевич чувствовал, как накапливается в нем злоба. Напрасно жена суетилась, доказывая, что за такие деньги такую юбку у нас не

купишь. Петр Савельевич только сильнее сжимал зубы, чтобы не высказаться при посторонних.

Они свернули в переулок. Петр Савельевич посмотрел по сторонам и, убедившись, что никого вокруг нет, дал волю чувствам. Да так, что перебежавшая дорогу кошка, услышав непривычные русские выражения, присела в испуге и кинулась назад, так и не осуществив своего намерения.

Глаза у жены набухли, Петр Савельевич не стал дожидаться ливня, пошел вперед, сворачивая в первые попавшиеся переулочки.

Между тем выглянуло солнце, стало жарко и празднично. Петр Савельевич неожиданно вышел к морю. Он присел на отполированное волнами дерево, поерзал задом, выбирая впадину поудобнее, и закурил, пытаясь остыть после ссоры с женой.

И вдруг он похолодел. Прямо на него двигалась абсолютно голая девица. Она равнодушно прошлепала мимо, и массивный бюст плавно покачивался в такт движению.

Петр Савельевич посмотрел по сторонам и понял, что все люди на пляже, которых он не разглядел вначале, были совершенно голыми. Они бегали, смеялись, разговаривали, словно не замечая своей наготы.

Справа от него, выставив напоказ могучие детородные органы, стоял пожилой мужчина. Заложив за голову руки, он подставлял всего себя солнцу. А чуть левее, в шезлонге, возлежала его супруга. Да так откровенно, в такой совершенно бесстыдной позе, в какой Петр Савельевич видел женщин только на непристойных открытках. Тут же сидел их сын и как ни в чем не бывало читал толстую книгу.

Петр Савельевич хотел было уйти, но в этот момент заметил белобрысенькую.

Она только что вышла из моря и, наклонив голову набок, выжимала волосы. Петр Савельевич видел всю ее целиком, от маленьких вздернутых грудей до пушистого треугольника.

Белобрысенькая дернула головой, откидывая назад волосы, и подошла к лежащему на песке бородачу. Тот радостно заржал, задрав вверх бороду. Белобрысенькая опустилась на подстилку и включила магнитофон. Бородач задергался в такт несущемуся из динамика биг-биту.

Вдруг он притянул белобрысенькую к себе, и она повалилась на песок, едва успев отдернуть руку с зажженной сигареткой.

Петр Савельевич с ужасом смотрел на разворачивающуюся перед его глазами картинку. Бородач, не стеснясь присутствующих, барахтался с белобрысенькой, пытаясь подмять ее под себя. А она все выскальзывала и выскальзывала, взбивая пятками фонтанчики песка.

Все на пляже повернули головы и с хохотом наблюдали подробности игры.

Бородач все больше входил в азарт. По-видимому, он чересчур сильно крутанул ей руку, белобрысенькая вскрикнула, высвободилась на секунду и со всего размаха вклепила ему оплеуху.

Бородач сразу сник, а белобрысенькая встала, стряхнула с тела песок и пошла вдоль моря, ни разу не оглянувшись в его сторону.

Петр Савельевич долго смотрел ей вслед, пока маленькая тугая попка не превратилась в еле различимую точку.

Тогда он встал с бревна и пошел к поселку. Навстречу ему пробежала еще одна коротконогая голая девица, но он не обратил на нее никакого внимания.

Как-то они поехали на Золотые Пески. Любопытно было взглянуть на этот всемирно прославленный курорт. Тут и обратно выходило не так уж дорого. Не дороже обеда в ресторанной «стекляшке».

На пляже им бросилась в глаза разница между Золотыми Песками и их привычным Созополем. Никто не бегал, не кричал, не ругал ребятишек. Люди здесь сидели молчаливыми группками, как бы не замечая и не обращая внимания друг на друга. Кто расслабленно полулежал в шез-

лонге, кто спал, кто слушал тихую музыку. И дети здесь не носились как угорелые, а тихо играли в песочек.

Между рядов с тентами ходил продавец, громко выкрикивая: «Мело-оне! Мело-оне!» Что означало — дыня. Пожалуй, он единственный нарушал тишину.

Потом они закусывали в маленьком кафе на набережной. Цены здесь оказались вдвое против созопольских, хотя пиво и еда были теми же.

Петр Савельевич смотрел на «Форды» и «Мерседесы», как они выныривают из-за поворота, унося смеющихся женщин и уверенных в себе мужчин. Машины исчезали за изгибом дороги, и казалось, в воздухе пахло не бензином, а ароматом сногшибательной жизни, французскими духами и американскими сигаретами.

«Это ж сколько надо зарабатывать? — подумал Петр Савельевич, — чтоб иметь все это? Чтоб раскатывать на «Мерседесах», обнимать женщин, пить в этой забегаловке пиво?»

Он обвел взглядом многоэтажные бильдинги отелей, горы на горизонте, синюю полосу моря.

«У нас и начальник управления столько не получает!»

Жена развернула газетку и протянула бутерброд с захваченной из дома ветчиной. Но Петр Савельевич есть наотрез отказался.

Когда они возвращались к автобусу, им повстречалась группа туристов. Один из группы, крепкий мужчина с закатанными рукавами, видимо признав в Петре Савельевича соотечественника, дружелюбно спросил:

— Эй, друг... Далеко тут до пляжа?

Но Петр Савельевич вдруг обиделся, посмотрел на него безразличным взглядом и сухо сказал:

— Не понимай по-русски...

После ссоры на нудистском пляже белобрысенькая и бородач купались отдельно. Они по-прежнему лежали рядом, на одной подстилке, но каждый — сам по себе. Бородач не смеялся, он скучно переворачивался с боку на бок,

подставляя лучам солнца различные части и без того загорелого тела. А белобрысенькая сидела, обняв колени, смотря невидящим взглядом на море, на красные черепичные крыши, на далекие силуэты гор.

«Как чужие, — думал Петр Савельевич. — И чего они вместе поехали?»

Через несколько дней бородач привел на пляж совсем юную девушку. Копия белобрысенькой, только намного моложе. Лет семнадцать, не более. Из-под купальника выпирали острые косточки, а чуть заметные припухлости скорее вызывали чувство жалости, чем более смелые мысли.

Белобрысенькая подвинулась, и новенькая присела рядом, на махровую подстилку, стараясь не задеть соседку мокрым купальником.

Бородач заметно оживился. Он упал на песок и стал выделять разные трюки: стоял на голове, зарывался в яму, подбрасывал сливы и ловил их ртом. Новенькая хохотала не умолкая, а белобрысенькая все так же обнимала колени, будто происходящее ее не касается.

«Ну и ну, — удивлялся со своего лежака Петр Савельевич, — попробуй я приведи. Костей не соберешь...»

С этого дня новенькая поселилась на махровой подстилке. Так они и сидели рядом, спина к спине. Слева — новенькая, справа — белобрысенькая. Только купались отдельно. Бородач всегда с новенькой, и всегда одна — белобрысенькая.

Незаметно перевалила половина отпуска. Петр Савельевич все больше мрачнел. Все его раздражало. И говорливые немки, и белые теплоходы на горизонте, и нахальный бармен в «стекляшке». Сколько он ни подходил к стойке, то водки недольет, то пиво даст теплое, то прикинется, будто не понимает. Хотя по бесцветным глазкам, закрученным бакенбардам и всему облику прохиндея чувствовалось, что понимает он хорошо, но специально злит Петра Савельевича, догадываясь о его мыслях.

А думал Петр Савельевич приблизительно следующее: «Ах ты, сукин сын, лошадиная морда. Наел себе будку на дармовых харчах. Кожа гладкая, и волос не лезет. На тебе пахать и пахать, а он рюмочки в мензурочки переливает. Вот прохиндей, так прохиндей».

В этот злополучный вечер Петр Савельевич был особенно не в духе. Жена окончательно ему испортила настроение. В летнем кинотеатре показывали «Служебный роман», и ей обязательно надо было посмотреть. Будто они затем в Болгарию ехали, чтоб смотреть за левы наше кино. И как ни убеждал ее Петр Савельевич, как ни объяснял ей глупость такого решения, жена настаивала на своем: «Пойду, и все». Ну хоть ты тресни!

В конце концов нервы у Петра Савельевича не выдержали, он хлопнул дверью и направился в родную «стекляшку».

Тут ему под руку и подвернулся бармен.

Петр Савельевич опрокинул стаканчик водки и сразу почувствовал что-то неладное. Вместо знакомого водочного жжения резко ударил запах аниса.

— Ты что мне налил?! — спросил, багровея, Петр Савельевич.

— Мاستика, — нагло улынулся бармен.

— Я водку тебя просил, водку. Прохиндей ты этакий!

По выражению лица Петра Савельевича бармен понял, что на этот раз — дело серьезное. Он тут же забулькал бутылкой в стаканчик:

— О, извиняюсь... чаши переменял...

Выходил из «стекляшки» Петр Савельевич навеселе. Сначала бармен поставил ему бесплатную водку, потом он бармену — коньяк. Потом выпили каждый сам по себе. Бармена звали Василь, у него был мальчик, а жена работала на коптильном заводе. В детстве он сломал позвоночник и почти год пролежал на доске. После таких подробностей выпили рома. Чисто символически. Напоследок.

Петр Савельевич похлопал бармена по плечу, кинул в рот горстку орешков и уверенными шагами вышел на улицу.

Идти домой не хотелось. Снова всплыла ссора с женой. «Нет, больше с ней не поеду... Когда дома живешь, жена как жена... Но чтоб отдыхать — дудки!»

Петр Савельевич подошел к киоску, где жарили скумбрию. Дымный аромат лучше всякой рекламы привлекал публику.

— Гуляма, — сказал он чернявой продавщице. — Самую большую. Гуляма.

И развел руками, показывая, какую большую «гуляма» рыбину он желает купить.

Девушка прыснула, потыкала вилкой на противне и вытащила из кипящего масла огромную рыбину.

Горячая скумбрия и через бумагу обжигала пальцы. Петр Савельевич отошел в сторонку и с наслаждением стал обдирать румяную корочку, сразу запихивая ее в рот.

И вдруг он заметил белобрысенькую. Она шла скучающей походкой, туго упакованная в линялые джинсы.

Сердце у Петра Савельевича подпрыгнуло, и, запихивая в рот огромные куски рыбы, он устремился за ней, наверное, впервые в жизни преследуя женщину.

Около сувенирного киоска он доел скумбрию, выбросил бумагу в кусты и, забежав вперед, глупо улыбнулся:

— Бонжур...

Другие иностранные слова в эту минуту не пришли ему в голову.

Белобрысенькая уставилась на него, затем, видимо, узнала Петра Савельевича, глаза ее приобрели осмысленное выражение, и она коротко ответила:

— Бонжур.

Петр Савельевич семенил с ней рядом, лихорадочно думая, что бы еще сказать. Но кроме «бонжур» и «мерси» ничего на ум не приходило.

Их обтекала нарядная толпа, а они шли в полном молчании, будто поссорившись или обидевшись друг на друга.

Так они и дошли до дома.

Белобрысенькая кивнула напоследок и простучала ножками по лесенке вверх.

Петр Савельевич зашел в свою комнату и плюхнулся на постель.

Он лежал, зарывшись в подушку, а с улицы доносились греческие песни. Под гитарный перезвон мужской голос пел о неразделенной любви, о прошедшей молодости, о том, что все уже позади. Именно так понимал незнакомые слова Петр Савельевич.

Затем он встал, разделся и лег под простынку, пытаясь вырубиться из сумбурного дня.

В дверь постучали.

— Открыто! — крикнул Петр Савельевич, думая, что пришла из кинотеатра жена.

Но стук повторился.

Чертыхаясь, Петр Савельевич встал с постели и толкнул ногой дверь.

На пороге стояла белобрысенькая. Она вертела в руках сигаретку и знаками показывала, что ей нужны спички.

Петр Савельевич стоял перед ней в длинных трусах, растерянный, хлопающий глазами от яркого света.

Белобрысенькая как-то странно взглянула на Петра Савельевича, будто поправив фокус своих зрачков. Она как бы впервые увидела его целиком, от босых ног с крючковатыми пальцами до реденьких растрепанных волос. На ее губах появилось подобие улыбки, и даже мысль, постоянно мучившая, вроде бы на время оставила ее.

Она подошла к Петру Савельевичу и заглянула в самую глубину его зрачков, как бы высматривая, что там у него внутри, за этой прозрачной телесной оболочкой. И не поняв, вдруг обхватила его шею руками и медленно поцеловала.

От такого поцелуя ноги у Петра Савельевича сделались ватными, он зашатался и наверняка бы упал, но белобры-

сенькая не выпускала его. Широко открыв рот, она втягивала губы Петра Савельевича, щекотала их изнутри языком, чуть покусывая зубами. И делала что-то еще, что уж совершенно невозможно было понять, но от чего душа Петра Савельевича проваливалась в пятки.

Время от времени она отстраняла Петра Савельевича, всматривалась в его глаза и, видимо, не поняв самого главного, снова впивалась губами.

Петр Савельевич дрожал всем телом. Он опустился на стул, и тут белобрысенькая потушила свет.

Петр Савельевич обалдело воспринимал все происходящее. Вот щелкнуло что-то, зашуршало, потом белобрысенькая змеей скользнула под простынку. Совсем подомашнему скрипнули пружины. И этот скрип вывел Петра Савельевича из небытия. Сорвав с тела непослушную майку, он бросился вслед за ней.

Все происходящее затем скорее напоминало сон, чем реальные минуты из жизни Петра Савельевича. Белобрысенькая как бы изучала его, а Петр Савельевич, почувствовав себя в знакомой стихии, старался изо всех сил, так что ее колокольчик звенел не умолкая.

Потом она встала. Шуршания и щелканья повторились в обратном порядке.

— Куда ты? — зацепил ее рукой Петр Савельевич.

Но она даже не ответила. Осторожно затворила дверь и прошлепала по лестнице вверх.

Петр Савельевич, сметенный ураганом чувств, вышел из дома и, спотыкаясь о неровности дороги, побрел к морю. Там он сел на что-то холодное и тупо уставился на противоположный берег залива.

Он видел, как на том берегу тоненькие лучики автомобильных фар выхватывали из темноты скалы, дома, фигурки людей, но до его сознания эти образы не доходили. Они оставались бессмысленными и нерасшифрованными, в то время как мозг был охвачен титанической работой: «Да что ж это такое? Что?! И как после этого, братцы?.. Да как же это вышло? И что же делать теперь?»

Когда он вернулся, жена протянула ему серый листочек бумаги. Они с трудом разобрали текст, написанный ненашими буквами:

«Ввиду срочного ввода ТЭЦ предлагаю вернуться исполнению обязанностей». И подпись — Прудков.

Какие обязанности? К чему вернуться? Слова письма никак не преобразовывались в смысл.

— Не поеду! — взвизгнула жена. — Не поеду! Не дадут по-людски отдохнуть. Пусть катятся все.

«Тэц, тэц... перевертэц», — отплясывало в мозгу Петра Савельевича.

— Пятый год по отдельности ездим. Что мы, не люди?!

«Люди, люди... Кот на блюде...»

— И Прудков пусть катится!

«В белом платице...»

Петр Савельевич чувствовал, что сходит с ума. Он видел все, слышал, но ни черта не понимал.

И тут вошел бородач. Он пошарил взглядом по комнате, подошел к кровати Петра Савельевича и выдернул из складок простыни колокольчик. Затем поднял его вверх, как кубок или какой-то приз, позвенел и громко захохотал. Не захохотал, а заржал, согнувшись пополам как от желудочных колик, во все глаза смотря на Петра Савельевича. Потом приступ стал стихать, бородач подошел к нему, хлопнул по плечу:

— О'кей!

Позвенел еще раз колокольчиком и, смеясь, вышел из комнаты. Петр Савельевич рухнул на постель, накрылся с головой простыней и забылся в кошмарном сне.

Утром они быстро собрали вещи, расплатились с хозяевами и пошли к остановке.

Когда Петр Савельевич затворял калитку, он заметил в окне второго этажа белобрысенькую. Она сидела на подоконнике, обхватив ножки и прижавшись спиной к оконной раме. Ее глаза были где-то далеко, далеко. Она смотрела сквозь небо, горы, людей и не видела Петра Савельевича...

Автобус шел на Бургас.

Петр Савельевич сосредоточенно думал о работе, о том, как лучше расставить сварщиков, о своих отношениях с подрядчиком. Эти мысли придавали его жизни стройность и значительность, он чувствовал свою нужность и полезность людям.

Мелькавшие за окнами пейзажи не мешали привычному ритму внутренней жизни. Все происшедшее с ним казалось не более чем жутким кошмарным бредом. Впереди прослеживалась четкая цепочка дней, событий, поступков. И это радовало Петра Савельевича. «Нет, — думал он, — что ни говорите, а жить все-таки стоит!»

Рассказ «Белобрысенькая» публикуется в этой книге впервые.

Он написан более 20 лет назад, во времена так называемого «застоя». В те годы я не мог рассчитывать на его публикацию и решил проделать такой эксперимент: разослал его в десяток толстых и не очень толстых журналов. Мне было интересно, что ответят и по «какой причине». Получил «ответы», получил «причины». Посмеялся и спрятал рассказ в стол.

Шли годы. «Застой» сменила «перестройка». Я достал рассказ и отнес в один из «перестроечных» журналов. Он понравился и «заму», и «саму». Но печатать не стали. «Замзава» был против. А при разгуле демократии в те времена «сверху» давить было не принято. Предлагаю вашему вниманию не только сам рассказ, но и некоторые из сохранившихся у меня отзывов. Думаю, что читатель правильно поймет мой поступок, он продиктован не желанием отомстить некоторым рецензентам, тем более фамилии их я не называю. Я просто хочу дать представление о времени, в котором мы жили и иногда творили.

Отзывы, которые у меня сохранились, можно было бы разделить на три группы.

Первая.

В общем-то нейтральная.

Их авторы пишут, что рады бы... но... вы понимаете...

Журнал «ОКТЯБРЬ».

Уважаемый Александр Ефимович!

Как мы договаривались с Вами по телефону, рукопись рассказа «Белобрысенькая» Вам возвращаем.

С уважением и искренними пожеланиями всего самого доброго.

Старший редактор отдела прозы:

Ю.С.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Многоуважаемый товарищ Курляндский!

Возвращаем Ваш рассказ «Белобрысенькая», т.к. требованиям журнала он не отвечает. Всего Вам доброго!

Редактор отдела прозы:

С.Л.

«НАШ СОВРЕМЕНИК»

Уважаемый товарищ Курляндский!

Извините уж за столь официальное обращение, но я не знаю Вашего имени-отчества, а Вы не сообщили.

При самом добром отношении вынуждена Вас огорчить: рассказ нам не подошел.

Всего Вам доброго!

Старший редактор отдела прозы:

Ф.Б.

«СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ»

Уважаемый А. Курляндский!

Ваш рассказ «Белобрысенькая» опубликовать не сможем. (Хотя рассказ по-настоящему остроумен: материал, положенный в основу, интересен и заслуживает внимания.) Вероятно, Вы и сами догадываетесь, что именно неприемлемо: чрезмерная (для нашего тиражного читателя)

обнаженность, сексуальная раскрепощенность, акцент на то, о чем говорят и читают смущаясь и втихомолку...

Успехов Вам в литературной работе...

Литконсультант:
Г. А.

«ЮНОСТЬ»

Рассказ милый, стройный, но совершенно не для нашего журнала. Немолодой человек Петр Савельевич приезжает со своей женой в Болгарию, изменяет жене (однажды) с молоденькой иностранкой (Белобрысенькая) — вот и весь его сюжет.

Рассказ явно для взрослого журнала или для «Недели», например. В нем есть остроумные детали, но нет оснований быть напечатанным в «Юности».

Вторая группа, точнее, всего один отзыв был в общем-то положительным.

С удовольствием печатаю и называю фамилию его автора.

Журнал «МОСКВА»
КУРЛЯНДСКОМУ А.
(рассказ «Белобрысенькая»)

Уважаемый тов. Курляндский!

Было бы ханжеством пускаться после знакомства с Вашим рассказом в общие рассуждения, говорить, что он неинтересен, мелковат по замыслу или еще что-нибудь в подобном роде из репертуара пригодных на многие случаи отзывов. Вы оригинально трансформировали пусть и не очень новую тему, насытили произведение меткими деталями, наблюдениями, характерными чертами. Отдельные стилистические шероховатости легко устранимы, и можно отметить, что рассказ в целом получился. Однако для самостоятельной журнальной публикации он выглядит

Когда был Сашка маленький с кудрявой
головой...

Это моя мама.

А это Старосадский переулок, дом №10,
в котором прошло мое детство.
Дом мало изменился с тех пор, что нельзя сказать
о малыше, в чем скоро вы убедитесь.

Моя мать была очень красивой, а отец очень умный. От отца я унаследовал красоту, а от матери — ум.

А это наша семья. Стоят — папа и дядя. Сидят: дедушка (в те годы он работал портным-закройщиком), мама, с которой вы уже познакомились, тетя Зина и бабушка. Когда дедушка, очень вспыльчивый человек, бегал за мной, бабушка грудью вставала на мою защиту.

Первомайская демонстрация тех лет. Меня в рядах демонстрантов нет, я еще не родился.

А это первый класс «А» 661-й школы. Второй справа в среднем ряду — я. На мне гимнастерка, которую сшил мой дедушка-портной. Тогда я еще не догадывался, что лет через 20 надену чуть большую с погонями лейтенанта.

В школе я не был отличником. На трудовой порыв одноклассников смотрел с иронической улыбкой.

Строительный институт. Производственная практика. Лето. Жара. Обеденный перерыв. Очень хочется пива. Но через несколько минут надо идти ставить унитазы в домах на Ленинском проспекте, которые начинали строиться в те годы.

Уборка картофеля на полях Подмоскovie. В кузове грузовика — я. Обращаюсь к народу с зажигательной речью: «Догоним и перегоним Америку по сбору корнеплодов с одного гектара озимых и до конца нынешней пятилетки!»

Потом мои пламенные речи подхватит полугай Кеша.

Военные лагеря. Но это еще не та гимнастерка, которую я надену впоследствии. Пока мы отрабатываем, сколько надо взрывчатки, чтобы сваи противника взлетели в воздух.

Первые свои юморески я проверял на студенческих вечеринках. Имел оглушительный успех, которому завидую и поныне.

Я молод, полон сил, передо мной сто дорог.
Какую выбрать?

все-таки несколько легковесным. Согласитесь, значительный элемент случайности в рассказе очевиден. Лучшее место этому рассказу в сборнике, в развернутой подборке. Здесь не так будут бросаться в глаза уязвимые стороны произведения с точки зрения «проходимости», некоторая локальность его замысла. Вот коротко соображения, которые, к искреннему сожалению, не позволяют принять рассказ для «Москвы».

Присылайте свои новые работы.

Всего Вам доброго.

Литконсультант — Б. Юрин.

Но зато третья группа отзывов просто уничтожает меня, не оставляет от моего рассказа «камня на камне». Я приведу лишь некоторые цитаты из них.

Журнал «ДРУЖБА НАРОДОВ»

Рассказ этот почти юмористический, правда, не очень смешной... Но элементы сатиры в нем наличествуют... Во всяком случае, не сомневаясь в явно сатирической направленности произведения, хочется определить, куда направлена разящая стрела сатирика и попадает ли она в цель. Итак, неопределенного возраста советский гражданин с женой отправляется на отдых в Болгарию... Супруги то и дело ссорятся, что не мешает Петру Савельевичу заметить «не тронутые загаром формы» спящей жены и ощутить ее «горячее тело» (стр. 5). В общем, создается впечатление, что герой наш одержим какой-то сексуальной озабоченностью... То Петр Савельевич попадает на медицинский пляж — общий для обоих полов (тут автор не скупится на живописание мужских и женских «детородных органов» (стр. 7). Затем наш герой напивается до изумления и познает близость с давно приглянувшейся ему «белобрысенькой» — загадочной «иностранной» девицей...

Так в какую цель направлены сатирические стрелы автора? Что тут высмеивается (хотя, повторяю, особого юмо-

ра в рассказе нет)? Против чего хочет выступить рассказчик? Против совмещан, не умеющих отдыхать и прилично вести себя за рубежом? Против иностранцев, не соблюдающих элементарных норм поведения в общественных местах? Против порядков на болгарских курортах? Или против начальства, посягающего на право каждого нашего труженика раз в году отдыхать?

Судя по рассказу, сатирические стрелы пускались во все стороны во что ни попадя, беспорядочно. И потому ни одна цель не была поражена «наповал». А жаль! Ведь сатирические стрелы — не роскошь, а средство борьбы со многими гнусностями, все еще портящими нашу жизнь. Жаль, что А. Курляндский на сей раз обошелся с ними так небрежно и — да простит мне автор лексику петров савельичей — бесхозяйственно...

Рекомендовать рассказ «Белобрысенькая» редакции журнала «Дружба народов» не могу — при всей своей субъективной расположенности к произведениям, бичующим недостатки.

Б.Х.

Журнал «ЗНАМЯ»

Уважаемый товарищ Курляндский!

Очевидно, цель рассказа «Белобрысенькая» выражена в самом его конце. Посетивший Болгарию и вообще впервые побывавший за границей Петр Савельевич почувствовал, что может быть самим собой и чувствовать от себя удовлетворение только лишь на родине, откуда пришел ему срочный вызов с работы. Сумбурность заграничных впечатлений отходит для Петра Савельевича куда-то в небытие — и, благодаря срочному телеграфному вызову с места службы, герой ощущает живой, острый интерес к жизни:

«Впереди прослеживалась четкая цепочка дней, событий, поступков. И эта стройность радовала Петра Савельевича.

«Нет, — думал он, — что ни говорите, а жить все-таки стоит» (стр. 5).

Сам же рассказ посвящен впечатлениям Петра Савельевича от Болгарии и от иностранных туристов, с которыми герою пришлось столкнуться. В туристах герой успел отметить громкость разговора, что раздражило. Повидал Петр Савельевич и пляж, где купались и загорали нудисты. Повидал нецеломудренность поведения какого-то бородатого иностранца с какой-то белобрысой иностранкой. При этом и сам-то Петр Савельевич оказался не совсем скромным в своих помыслах: за белобрысенькой вожаденно потянулся и он, хотя, правду сказать, едва ли у него хватило бы бесповоротной решительности подступиться к этой женщине, повести себя ловким и смелым ловеласом. Одну такую попытку он делает, но конфузится, не зная иностранных слов, кроме «бонжур» и «мерси».

В этом случае Петра Савельевича выручает сама белобрысенькая. Жена его где-то в тот момент прогуливается, а белобрысенькая является на пороге, спрашивает спичек — и тотчас принимается лобызать Петра Савельевича какими-то особо распаляющими способами, полностью подчиняет его на какую-то минуту себе и увлекает в его же постель. Происходит то, что Петр Савельевич с тайными замирениями сердца представлял себе вот уже несколько дней. Но это пикантное событие лишь усугубляет неблагоприятные впечатления Петра Савельевича от заграницы и от иностранцев. Он чувствует, что оказался здесь не самим собой, — и радуется полученной телеграмме: «Ввиду срочного ввода ТЭЦ предлагаю вернуться исполнению обязанностей» (стр. 14). Тут-то Петр Савельевич и почувствовал наконец, что может возвратиться к настоящей жизни из заграничного утара. Что может наконец почувствовать себя достойным и даже значительным человеком.

Вглядимся, однако, в рассказ детальней, попытаемся вынести ответственное впечатление о Петре Савельевиче. Что же он за человек на самом деле?

«Четкая цепочка дней, событий, поступков. И эта стройность...» — относятся к чему-то, оставшемуся за пре-

делами произведения. Ничего из этого не мог бы наблюдать собственным глазом читатель.

Но ведь герой должен как-то обозначиться и в самом рассказе! И он таки обозначается вполне отчетливо, хотя вовсе не той фигурой, которой свойственны богатые жизненные настроения и интересы. Облик Петра Савельевича, возникающий из самого рассказа, даже противоречит заявлению о его натуре, сделанному в конце произведения с иллюзией значительности — и остающемуся всего лишь голословным. Читаем вот, на пятой странице, о том, как среди иноязычной яркой толпы Петру Савельевичу вдруг сделалось не по себе. Он почувствовал себя ненужным и лишним. И тогда он прибег к старому испытанному способу. Купил бутылку ракии, отошел в сторону и прямо из горлышка сделал несколько длинных, жадных глотков. Дело здесь не в том, что Петр Савельевич, оказывается, вообще склонен приложиться к бутылке и привык пить прямо на улице, из горлышка, жадными глотками. Дело в том, что здесь, за границей, такое настроение оказалось для него вовсе не чем-то новым. Непосредственно из Ваших слов приходится сделать вывод, что питье водки на улице — «старый, испытанный способ» борьбы Петра Савельевича с ощущением «себя неуклюжим и лишним». Давно уж знаком для Вашего героя этот способ, если метод успел превратиться в «старый»! И частенько же приходилось к этому способу прибегать, если стал он — «испытанным»! Нужно полагать, что не здесь, на болгарских курортах, обнаружен этот способ, введен в обычай. Ведь в Болгарии-то герой Ваш находится всего лишь вторые сутки!

Выходит, что еще до поездки в Болгарию Петру Савельевичу приходилось все этим же методом бороться с ощущением, что сам он — неуклюжий и лишний. И это вовсе не вяжется со сделанным в конце произведения заявлением, что жизнь и деятельность Петра Савельевича на родине, у себя дома, представляет собой «четкую цепочку дней, событий, поступков», вообще завидную «стройность». Известно, что «сладок и приятен» может быть даже «горь-

кий дым отечества». В такие нюансы Вы не собирались вдаваться, но, кажется, намеревались сказать, что вообще на родине лучше, чем где-то за границей. Возникла у Вас вполне житейская мысль, что русская еда заведомо лучше болгарской, — а потому и прихватили Ваши туристы запас пищи из Москвы. Отмечено, что и в Болгарии, конечно, «кормили вкусно, но не очень привычно» (стр. 4). Но вот непривычность-то болгарских блюд и заставляет Ваших героев извлекать из багажа собственные запасы. «Петр Савельевич с женой долго завтракали привезенными из Москвы продуктами: югославской баночной ветчиной, индийским растворимым кофе» (стр. 5). Даже забавно делается от противопоставления болгарским блюдам такой заведомо нашей пищи, как югославская ветчина и индийский кофе.

Но вернемся к самому Петру Савельевичу. Для читателя облик героя должен сложиться из впечатлений, полученных Петром Савельевичем от посещения Болгарии. Из мыслей, которые занимают Вашего героя наиболее неотступно.

Читатель узнал бы, что Петр Савельевич, хотя и таясь, поглядывает на молоденьких женщин с нескромными мыслями. Читатель убедился бы, что Петр Савельевич чистит зубы, купается в море, завтракает и обедает. Впрочем, все это еще не столь необычно, чтобы характеризовать героя полно.

Есть, однако, у Петра Савельевича постоянная мысль — скаредная мысль о деньгах. Еще в Москве он переживал, что «одна дорога чуть ли не сотни три стоит» (стр. 1). Дальше в рассказе мелькнет эпизодическое упоминание о переезде с одного болгарского курорта на другой: «Туда и обратно выходило не так уж дорого. Не дороже обеда в стеклянном ресторане» (стр. 7). «Потом они закусывали в маленьком кафе на набережной. Цены здесь оказались вдвое против созопольских, хотя пиво и еда были теми же» (стр. 8). «Это ж сколько надо зарабатывать? — подумал

Петр Савельевич. — У нас и начальник главка столько не получает» (стр. 8).

На первой странице Петр Савельевич «вспоминал, сколько своих, кровью заработанных денег было обменено на эти непонятные «левы». Правда, как-то непонятно его благодостное настроение, когда, попав в Болгарию и найдя по готовому адресу жилье, Петр Савельевич несколько добродушной относится к проблеме денежных трат: «Платить надо было недорого, всего пять левов, что совсем уж чепуха по сегодняшним южным понятиям» (стр. 2). Очевидно, здесь Вы излагаете лично свой интерес к стоимости жилья на болгарских курортах, но какое отношение имеет этот Ваш интерес к рассказу? Ведь роль рассказчика в Вашем произведении пассивна. А сам Петр Савельевич не мог бы сделать вывода о дешевизне или о дороговизне нанятого жилья, так как еще не успел разобраться с «этими непонятными левами», да и не имеет опыта найма такого жилья — для сравнения.

Естественней, когда Петр Савельевич отправляется с женой по магазинам — а она покупает какую-то юбку. «Стоила тридцать семь левов. Петр Савельевич чувствовал, как накипает в нем злоба» (стр. 5).

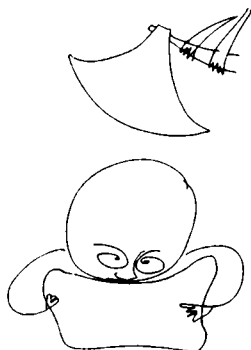
Итак, перед нами откровенно мелочный человек. Читать о его «денежных» мыслях — неприятно. Если бы рассказ предполагал выдать нам с головой именно мелочного, малопривлекательного пошлого героя, то все эти денежные прикидки и рассуждения были бы вполне на месте, служили бы свою несомненную службу. И было бы вполне понятно, почему куркуль Петр Савельевич не только в заграничной поездке, но и на улицах родного города чувствовал себя чужим, неуклюжим — и искал спасения в прикладывании к горлышку бутылки, в длинных и жадных глотках, поскольку иным способом не мог избавиться от ощущения мучительной и постыдной грани между окружающими людьми — и его собственной, столь ограниченной, жадной и мелочной натурой.

Нет, не верится, что, возвращаясь из чуждой заграницы домой, Петр Савельевич являет собой человека широкой души, крупных интересов. Всю свою мелочность вывез он на болгарские курорты — и с нею же возвращается обратно: ведь не оставил же он за границей самого себя.

И чрезвычайно странно, что всего этого не почувствовал сам автор; что самому автору не оказались вполне чужды откровенно уродливые черты своего героя. Еще удивительней, что именно за таким героем рассказ оставляет жизнеутверждающую силу.

Думается, что не стоит поднимать вопроса о публикации «Белобрысенской».

По поручению редакции журнала «Знамя» — В.Л.

Из недалекого будущего

Водочный фонтан в Тюмени

До чего богата земля наша!
Казалось, все из нее выкачали,
вычерпали, выдоили. Ан нет!
Возьмет и преподнесет сюрпри-
зец...

(Народная шутка)

И а одной из скважин в Тюмени

случилась история.

Однажды на рассвете, когда иней белым узором расписал буровые, вдруг из земли ударил фонтан. Но не черный, как часто бывало в подобных случаях, а белый, будто и его разукрасил иней.

Бурильщики бросились к вышке, но разливанное море преградило дорогу. А сверху все лило и лило. Ветер то уносил, то швырял в лицо водяные брызги. И самое поразительное — запах бьющей из-под земли жидкости. Особый и неповторимый запах только что распечатанной водки.

Бурильщики опустили на колени и припали губами к водяной поверхности.

Слух о происшествии в Тюмени всколыхнул страну.

Народ не отходил от телевизоров. Неужели правда? Неужели на этот раз нас не обманывают? Но почему она такого странного молочного цвета?

Один ученый высказал предположение, что две молекулы нефти под большим давлением могут превращаться

в одну молекулу спирта. Правда, для этого необходимо еще воздействие радиации, которого в данном случае не было. И тогда другой ученый докопался, что лет двадцать назад здесь взорвался завод по переработке атомных отходов на краски для кинескопов. Этому факту тогда не придали значения: кое-кого снимали с работы за нехватку отечественных кинескопов, а вот теперь последствия, видимо, сказались... Белый цвет? Ну, это совсем просто — кальций, известняк. И вкуса не портят, и даже полезны в небольших количествах.

И народ поверил. Народ устремился в Тюмень.

Штурмом берутся поезда. Автобусы, мотоциклы, скот — все движется в сторону Тюмени. Март месяц, время не подходящее для отпусков, но все хотят отдыхать именно в марте. Кого не отпускают, сами уходят. Пробовали составлять заградительные отряды — исчезают в неизвестном направлении. И жаловаться некому — молчат все телефоны. Молчат.

На берегу озера раскинулся палаточный городок. С утра разными компаниями усаживаются на бережку. Душевные разговоры, всякие «ля-ля». Кто с ведерочком, кто с бидончиком «по воду» ходит. Не торопясь. А куда спешить? И детишки рядом. И голова не болит: как там у них в садике? Здесь же и воспитательница. И каждый видит, когда от детишек ее пора уводить. Все по-доброму, по-людски. И коммунисты, и реформаторы, и какие другие чучмеки — одна дружная семья, как при Сталине. А забуянит кто, про Ельцина вспомнит или курс доллара — мигом под ручки-ножки, да в палаточку. Проспится чуток, и вот уже сам с улыбочкой выходит.

«Простите, Христа ради. Дьявол попутал».

В полдень костерок разжигают — супчик, кашка. Мяса захотел — иди дичь постреляй. Автоматы, патроны — всего навалом. Из воинских частей нанесли. Полные вещмешки. Сметанки, молочка? В деревеньку топай. С бидончиком. Дадут, коли сами сюда не переехали.

Так и вечер незаметно подходит. Солнце буйную головушку в озеро опустит, краски — ну подлинный Левитан. Тут и песню можно затянуть. И комары хмельные подхватят. Холодно? По палаточкам, под одеяльце. Женщины здесь милые, душевные. О прошлом не вспоминают. У кого доцент был или по бизнесу — злости не имеют. Пригреют, приголубят, только поднеси стаканчик.

«Поднеси, а то ножки не держат. Вон какие они у меня нежные... Нет, сначала поднеси. Сплавал бы ты, красавец, на серединку. У мелководья пацаны резвились, одна муть...»

И плывут, конечно, и тонут некоторые. Но ведь и в Черном море тонут. Без этого не бывает.

Города пустеют, деревни вымирают.

Армейские части медленно передвигаются в сторону Тюмени. Март месяц — сев на носу. А сеять некому. Все, кто может ходить, ушли. Кто своим ходом, кто верхом на комбайне.

Надо срочно принимать меры, пока в Думе еще можно собрать кворум.

Случилось непредвиденное.

Тюменская область провозгласила себя вольным и независимым государством ТПНР. Тюменская Подлинно Народная Республика. Отныне ее леса, поля и, главное, недра принадлежали тюменскому народу. Законы имели преимущество над российскими, поскольку область больше в Россию не входила. Был образован парламент, по принципу один человек от трех представителей, далее — снова один от трех, и так далее. Пока в результате этих многоступенчатых выборов не оставались самые достойные. Они и выбрали первого президента республики. Им стал 35-летний бурильщик Серега Ильин, с честью выдержавший всю предвыборную кампанию, ни разу не уклонившийся от предлагаемых тостов и здравиц.

Первые указы президента подтвердили правильность выбора.

Глава государства интересы народа ставил выше личных. Не крал, не воровал, не вступал в сговор с преступными элементами.

Но указы — одно, а жизнь — другое. Поток эмигрантов грозил разорить страну. Кончались продовольственные запасы: ягоды, грибы. Куда-то улетела дичь. Надвигался самый настоящий голод.

Сергея Ильин лежал в президентской палатке и думал, как ограничить поток переселенцев. Нарисовать границу? Вводить паспорта и визы? Или, наоборот, проситься всей республикой назад в Россию? Плохо, но накормят. Может, еще на особый паек посадят. Чтоб Чечне пример показать.

И вдруг его осенило! Это было как молния, как озарение. Надо, чтоб не люди к озеру, а озеро — к ним! Чтобы оно к ним само пришло. В каждый дом, в каждую семью. Как?.. По трубопроводу. Есть же у нас «Дружба» и другие нитки. Вот они и свяжут. Для газа строили? И что? Переведем в газообразное состояние. А там, на местах, у газовых колонок и плит каждый будет сам ее конденсировать. Как? Ну, это пусть ученые дотумкают. Пусть своими шариками довертят. Вон их у нас сколько. Целая академия.

И наступил долгожданный день.

С раннего утра в городах и поселках, всюду, где был газ, царило приподнятое настроение. Люди поздравляли друг друга, обнимались. Собирались у газовых колонок и плит. В котельных и бойлерных. Проверяли краны и задвижки. Все ждали пробного пуска.

Наконец по радио сообщили: «Пошла!»

«Пошла!» — подхватили тысячи людей.

«Пошла!» — разнеслось над огромным необъятным пространством.

С каждым часом, с каждой минутой приближался долгожданный поток, точнее газ, в который гений наших ученых обратил жидкость, чтобы потом, на месте, каждый смог вновь обратить его в драгоценную влагу.

Дикторы читали по радио и телевидению взволнованные письма, сообщали, какие города первыми войдут в зону обеспечения.

«ПО-О-Ш-ЛАААА!»

В настоящее время Тюменская Республика — богатое, процветающее государство. Широкие автострасы, благоустроенные поселки, сады и виноградники. Все убрано в трубы, поют птички. Магазины ломятся от обилия товаров. Винные отделы уставлены бутылками всевозможной формы, расцветки и крепости. Но не видно особенно много желающих. Трезвый образ жизни стал нормой для каждого гражданина. Отпуск большинство проводит за границей, в теплых краях, где многие имеют домики или квартиры. Особое место в бюджете отводится науке, культуре и здравоохранению.

Здесь часто вспоминают то время, когда из земли вдруг ударил водочный фонтан и первый президент страны объявил его всенародным достоянием. На деньги, полученные от реализации водочного проекта, были сделаны первые крупные капиталовложения. Через несколько лет фонтан иссяк, но заработали промышленность и сельское хозяйство. На месте бывших болот стали собирать невиданные урожаи.

И по трубопроводам снова пошла нефть.

Школа астронавтов

Все началось с одного сверхсекретного совещания.

— Ни для кого не секрет, — сказал шеф, — что человечество стоит на пороге новых сверхдальних полетов. Существует много способов победить пространство. Но самый простой и самый естественный — это...

Он прошел в угол кабинета и отдернул штору.

Мы увидели странный скафандр. В районе живота он был раздут до таких размеров, будто в него собирались зачихнуть чемпиона мира по пиву.

— Это скафандр для будущих матерей, — пояснил шеф.

Рядом расположились колыбельки, горшки, соски, подгузники, памперсы, ползунки, погремушки. И все это в странном космическом исполнении.

— Да, да... Идея чрезвычайно проста. Мы можем достичь далеких миров только следующими поколениями космонавтов. Техника готова, — улыбнулся шеф. — Осталось проверить человеческий фактор. Возможно ли это, так сказать, в невесомости. Без почвы под ногами, при полном отсутствии веса. Ну, вы понимаете... Короче. Парни у нас есть, а вот мамы... Объявляем набор. Самую достойную запустим на околоземную орбиту.

Через день был объявлен набор.

Из более чем трехсот претенденток отобрали семь. В самом подходящем для подобных экспериментов возрасте. Каждый, наверно, хоть раз в жизни да листал «Плейбой», поэтому не будем описывать внешность девушек, а быстроту реакции, смелость, интеллект определяли специальные тесты. Все проходило в обстановке строжайшей секретности. Девушкам сказали, что для будущих сверхдальних полетов могут понадобиться официантки, медсестры, посудомойки. Подготовка к полетам очень напряженная. Поэтому никаких женихов и предстартовых амуров. (Шеф боялся, как бы эксперимент не начался еще на земле.) Для соблюдения этого условия к будущим астронавткам представили майора с весьма широкими полномочиями. Сама же подготовка проводилась на специальной базе в лесу, за десятки километров от ближайшего поселка.

Ровно через три дня и четыре часа была отчислена первая кандидатка.

Ее возлюбленный прыгнул с парашютом и был обнаружен с астронавткой в барокамере. Майор засек странные показания датчиков, а потом и саму влюбленную пару.

Через день загремела вторая.

Она преодолела высокий забор при помощи шеста, устремилась в лес и пыталась найти там дискотеку.

На пятый день были отчислены сразу две воспитанницы. Они обходились без представителей противоположного пола.

Пятая и шестая ушли добровольно. Без объяснения причин. Хотя «причины» ждали их у ворот базы.

Итак... Осталась одна. Милая и очаровательная Натали.

Ее перевели в корпус, где тренировались парни. Здесь по замыслу шефа должен был окончательно сформироваться будущий экипаж.

Но дни шли за днями, а достойного партнера для себя Натали не находила. Ей никто не нравился. Хотя парни

в отряде — что надо! Как говорится, не из последнего десятка.

И тогда шеф решил сам поговорить с юной астронавткой. Выяснить причины, почему она не идет на контакт со своими будущими попутчиками.

Шеф долго ходил «вокруг да около». Выяснял, что астронавтка ценит в людях. Кто ее любимый поэт, художник, мыслитель. Наконец Натали не выдержала:

— Хватит! Я сразу догадалась, зачем эти курсы. «Если вы вдруг кого-то случайно встретите в космосе»... Я так скажу. Если я и согласна кого-то случайно встретить в космосе, так только вас. Я сразу вас полюбила. Ваш голос, глаза, ваши поседевшие кудри.

— Какие кудри? — завопил шеф. — Через неделю полет. Вы что?! Хотите, чтоб меня отправили на пенсию?

— Нет. Я хочу, чтобы вас отправили в космос!

— Вы с ума сошли. Я двадцать лет не летал.

— А я — девятнадцать.

— У меня дети — как вы!

— А у меня — родители.

— Все! С меня хватит. Я отказываюсь с вами говорить.

— Ничего. Наговоримся в космосе.

Руководство базы уговаривало шефа отправиться в полет. Летал же он когда-то в мужской компании. А теперь у него будет не друг, а подружка. Это же намного лучше. Будет кому сварить кофе, поднять настроение и вообще...

— Что я жене скажу? — упрямился шеф.

— Командировка. На околоземную орбиту.

— А если она догадается?

— Не догадается. Какой дурак полетит в космос, чтобы изменять жене?

Через неделю, в обстановке строжайшей секретности, состоялся старт. Корабль благополучно причалил к околоземной станции, где и намечалось провести эксперимент.

После него шеф должен был возвратиться на Землю, а будущая мама еще девять месяцев вращаться вокруг Земли.

Таковы были планы. Но жизнь, как известно, сочиняет свои сюжеты.

Шеф оказался совершенно не подготовленным к проекту. Он был наспигован разными принципами и моральными запретами. Даже невинный поцелуй был для него проблемой. С Земли ему показывали учебные фильмы, проводили сеансы сексопатолога — безрезультатно. Единственное, на что он отважился, — это прочитать стихи. Пора было в этой истории ставить точку и возвращать корабль на Землю.

И тут кому-то пришла идея. Жена! Вот кто должен был вывести шефа из состояния невесомости. Если ее отправить наверх, образуется естественный, веками апробированный треугольник.

Не будем рассказывать, как и под каким предлогом жену шефа отправили наверх. Но что произошло потом, этого уж точно никто не ожидал. Мало того что обе женщины полюбили друг друга. Старшая, поняв всю важность проводимого эксперимента, включилась в работу самым активным образом.

Для наблюдавших жизнь космического треугольника с Земли все это оказалось столь неожиданным, что впору ставить вопрос: а все ли мы знаем здесь, на Земле, прежде чем устремляться в космос?

И вот наступила минута прощания. Одни улетали, другие оставались.

И тут, пусть простят меня, я ставлю точку. Потому что история эта многовариантна.

На Землю могли возвратиться жена и шеф, оставив на девять месяцев вращаться вокруг Земли свою будущую родственницу.

Но могла остаться и жена шефа. По тем же причинам. Немало женщин в ее годы способны на подобные эксперименты.

И, наконец, последний вариант. В космосе могли остаться обе подружки.

Какой финал нравится, пусть тот и будет.

Я сидел на летней веранде «Макдоналдса»

Сквозь дымную мглу проглядывали яркие макушки фонарей, окна домов напоминали иллюминаторы теплоходов, а сами «теплоходы», да и более мелкие «кораблики» пропадали в густой непроглядной мгле. Изредка фары машин выхватывали из тумана фрагменты деревьев, киоски, редких прохожих. И тут же все снова погружалось во тьму.

Внутри заведения можно было вздохнуть полной грудью, там был чистый воздух, но денег на это у меня не было, я потратился на огромный стакан воды, который с наслаждением тянул через соломинку. К тому же, и это самое главное, мое внимание привлекла ОНА.

О! Как шел ей этот изящный противогаз. Ослепительно белый, из натуральной кожи.

А перехваченные тонкими тесемками рыжие волосы напоминали лаву, сползающую с огнедышащего вулкана.

О, как была она хороша!

Конечно, и она обратила на меня внимание. Мой противогаз, вопреки моде, напоминал намордник для лошадей. Это был старинный, еще времен войны с фашистами, выдавший виды дедовский противогаз. Я нашел его в допотопном чемодане и с гордостью носил, вызывая зависть окружающих модников и модниц — этот предмет туалета

годился для всех, независимо от пола и возраста. На предложение продать его или обменять я всегда отвечал:

«Может, вам еще и кислородный баллон в придачу?»

...Девять тридцать утра, народу немного.

У кого есть очистители — наслаждаются дома или на работе, у кого нет — заклеили герметиком окна и, спрятавшись под одеялами, ждут перемены ветра или другого чуда, как например, раннего прихода зимы, хотя, по сводкам Бюро прогнозов, в этом году ее вовсе не будет, в связи с заморозками в Сахаре и снежными ураганами в Греции. Были бы деньги, я сам бы уехал туда — лучше отморозить ноги в Африке или схватить воспаление легких в Греции, чем задыхаться здесь.

А у нее есть деньги, есть! Второй стакан воды пьет. Но почему она сидит здесь, а не внутри помещения?

Я подошел. Мой голос через трубку для дыхания звучал глухо и тупо:

— Не помешаю?

Она вскинула голову. Сквозь тонированные стекла противогоза нельзя было поймать выражение глаз, но голос, усиленный переговорным устройством, звучал звонко и приветливо:

— Нисколько. Садитесь.

Присел.

— Судя по акценту, вы не здешняя?

— Угадали, — засмеялась она. — Я из Парижа.

— Ка-ак?!

— Да. Туризм, экстремальный. Понимаете? У нас это модно. Такое нигде не увидишь. В Бразилии, где леса горели, уже потушили. Голландия? В море почти всю унесло — тоже как-то отстроили. У вас вот только...

— Да, — с гордостью сказал я. — У нас целый год как горит.

— У вас большая, очень большая страна, — согласилась француженка. — Просто великая!

— Больше, чем Бразилия, — добавил я. — Вместе с Голландией и вашей Францией. Вместе взятыми.

— Во много раз, — кивнула она.

— И Байкал у нас есть. Там воды... Большая часть мирового запаса. Только нам все равно не хватает. Поблизости воду всю выпили, а издалека везти — себе дорожке выйдет. Да и как ее довезешь? По рекам нельзя, их тоже все выпили. По железным дорогам — рельсы от огня перекрутились и в небо смотрят. А самолеты... Взлетать — взлетают, а вот с посадкой сложнее. Только спецсамолеты у нас сажают. Вы сами-то как сюда прибыли?

— Я? Я на своем самолетике. Он у меня маленький-маленький. Не больше мопеда. Вон он стоит, рядом с вашим поэтом...

— С Пушкиным...

— Да, да. Рядом с ним.

Я пригляделся, но ничего не увидел. То есть постамент увидел, а больше ничего. Ни Пушкина, ни Дантеса, ни самолета. Один милиционер. Да и то не весь, а только ботинки.

— Ах, не видите? Я понимаю. Я-то гляжу в специальные линзы. В моем противогазе все специальное, и глаза, и уши, и даже голос.

Она повернула голову в сторону своего «самолета-стелс».

— Ой! Что там этот мальчик делает? Зачем он залезает в мой самолет?

— Воду, наверно, ищет, — предположил я. — Топливо сейчас никому не нужно.

Я взглянул на часы. Пора на работу. Конечно, расставаться никак не хотелось. Рядом, в переходе, были кабинки, где можно подышать свежим воздухом, скинуть противогаз. Многие парочки не только это там скидывали. Но пойдет ли она?

— Деньги у меня есть, — сказала француженка.

В подземном переходе, где раньше была аптека, призывно светила надпись: «НЕ СПЕШИ — ОТДЫШИСЬ!»

Мы вошли в стеклянный отсек, там все напоминало переговорный пункт. Француженка достала кошелек:

— Этого хватит?

Я сунул в автомат две пятисотрублевки. Дышать — так дышать, чтоб на всю жизнь хватило.

Дверца кабинки отъехала, и мы протиснулись внутрь. Тут же загудел спасительный вентилятор. Повеяло свежестью и прохладой как в прошлой жизни. Я обнял ее и снял противогаз:

— Как звать вас, мадам? Иль, может, мадмуазель?

И она сняла. Свой изящный, белый:

— Не мадам я, мсье!

Я вздрогнул — предо мной предстал самый настоящий «мсье». И голос его звучал басовито и сипло.

Трудно бежать без противогаза.

Над городом мгла, одиннадцать тридцать утра.

Ничего не видно.

Из недалекого настоящего

Оставайтесь с нами!

Отрывки из телевизионных передач нашего и не нашего времени

На экране телевизора — Ведущий.

В зависимости от передачи он и худой, и полный, и лысый, и обросший волосами, и красивый, и не очень. И мужчина, и женщина.

Добрый вечер, дорогие телезрители!

Сегодня пятница (суббота, вторник, четверг...). И как всегда по пятницам (субботам, вторникам, четвергам), наш еженедельный обзор:

СЕГОДНЯ В МИРЕ... И В КАЖДОМ СОРТИ... ИЗВИНИТЕ...

А ВЫ ЧТО ПОДУМАЛИ?... НЕТ! И В КАЖДОЙ КВАРТИРЕ.

КОНЕЧНО — В КВАРТИРЕ!

Итак — добрый вечер! Хотя вряд ли его можно назвать добрым. Столько ужасного происходит в мире. Наводнений, преступлений, пожаров, ограблений... (на стол Ведущему кладут листок).

Вот и сейчас. Вы даже представить себе не можете. Минуточку... Я уточню... (Срывается с места.)

Только не выключайте свои телевизоры.

ОСТАВАЙТЕСЬ С НАМИ!

(Выбегает из кадра, на его месте тут же появляется другой Ведущий.)

Добрый вечер, дорогие телезрители!

Сегодня пятница (суббота, вторник, четверг...). И как всегда по пятницам (субботам, вторникам, четвергам), наш еженедельный обзор:

СЕГОДНЯ В МИРЕ... И В КАЖДОМ СОРТИ... ИЗВИНИТЕ...

ВАМ ЭТО УЖЕ ГОВОРИЛИ, ДА? НУ, ХОРОШО...

ТОГДА СМОТРИТЕ САМУЮ ВКУСНУЮ НАШУ ПЕРЕДАЧУ, САМУЮ СМАЧНУЮ: НУ ПРОСТО СМАК!

Просто Смак

На экране телевизора — кухня.

На кухне — наш Ведущий:

— Здравствуйте. Сегодня у нас в гостях певица Майя Разуткина!

Появляется певица. Вид у нее вовсе не кухонный. Юбка столь коротка, что видны трусики. Каждым движением певица еще более подчеркивает свои прелести. Нагибается, задирает ноги, подпрыгивает... Ведущий аж зажмурился:

— Ох, Майечка.

С закрытыми глазами, на ощупь, он надевает на певицу фартук:

— Это чтоб вы не обожглись.

Певица хохочет:

— А может, чтоб не обожглись телезрители?

Ведущий тоже хохочет:

— Что вы нам приготовите, Майечка?

— Ужин. Очень простой.

— Неужели яичница?

— Нет, омар, — отвечает певица.

— Омар Хайям? — шутит ведущий.

— Нет, Омар Шариф, — шутит певица.

В студии — хохот, аплодисменты.

— И как вы готовите этих... омаров? — шутит ведущий.

— Я их фарширую. Шампиньонами и спаржей, всем, что есть под рукой.

— О!

— Но мне нужен настоящий омар. И очень голодный.

— У нас есть такой голодный. Из Подмоскovie, — шутит ведущий.

В студию приносят аквариум, в нем ползает огромный омар.

— Кстати, — говорит ведущий, — этот аквариум предоставил нам наш спонсор, фирма «Гольфстрим»!!!

Бурные аплодисменты.

— А он голодный? — спрашивает певица.

— Кто? Спонсор? — шутит ведущий.

— Нет. Омар.

— Очень. Он у нас на рыбной диете.

В студии — хохот, аплодисменты.

— Засекайте время! — командует певица.

Она бросает в аквариум лук, помидоры, зелень...

Омар с жадностью все это поедает.

— Омары очень умны, — говорит певица. — Видите? Он мне помогает. Он сам себя нафаршировал. Остается только...

Певица опускает в аквариум кипятыльник. Вода бурно закипает. Омар приобретает красный цвет.

— Потрясающе! — кричит ведущий.

Певица опрокидывает содержимое аквариума на блюдо. Поливает омара майонезом.

— Блюдо готово!

Бурные, продолжительные аплодисменты.

— Дорогие телезрители, — обращается ведущий к зрителям, — если вы устали после работы или у вас нет времени, готовьте это простое блюдо. Конечно, если достанете помидоры, лук и... конечно же, майонез.

Гром аплодисментов!

В е д у щ и й. Здравствуйте, мальчики. Доброе утро, девочки. Вы уже проснулись? Да? Умылись? Да? Почистили зубки? А ботиночки? Тоже почистили? Молодцы. Тогда

смотрите новый заграничный мультик: «Красная Шапочка». Только хочу предупредить. Этот мультик детям до 16 лет смотреть не рекомендуется. Да, он только для взрослых. Вам нет еще 16? А вашим родителям? Тогда быстро зовите их к телевизору!

Красная Шапочка

По лесу, напевая песенку, идет Красная Шапочка.

Кроме красной шапочки и горшочка с маслом на ней ничего нет.

Из-за кустов выпрыгивает Волк:

— О! Красная Шапочка. Куда ты такая нарядная?

— Здравствуй, Волк. Я иду к Бабушке.

— Ха-ха! А может, к дедушке?

— Что ты, Волк. Моя Бабушка заболела. Я несу ей пирожочек и горшочек масла.

— Хотел бы я быть твоей Бабушкой, — облизывается Волк. — Кстати. А сколько ей лет?

— Она еще совсем молодая. Мой дедушка недавно на ней женился. Это пятая его Бабушка.

— А ты меня не обманываешь?

— Что ты, Волк? Можешь сам проверить. Она живет в избушке, на краю леса. Только будь осторожен, Волк.

Но Волк не слышит, он срывается с места и вот уже стучит в дверь избушки:

— Кто там?

— Кто, кто... Это я, Волк, то есть... Красная Шапочка. Можно я за веревочку дерну?

— Ха-ха. За что же еще? Ну, дерни, дерни.

Волк дергает за веревочку, входит в избушку.

Бабушка выскакивает из-под одеяла. Набрасывается на Волка...

И... съедает его...

Снова стук в дверь. Это — Красная Шапочка.

Бабушка быстро прячется под одеяло.

Горой возвышается бабушкин живот.

— Бабушка. А где же Волк?

— Откуда я знаю?

— Ты съела его?! Я же тебя просила, Бабушка... Опять ты за старое?

— Не ела я никого, — отвечает Бабушка. — Я же больна, ты видишь.

— А почему у тебя такое большое пузо?

— Ох, внушенька. Заходил охотник. Такой милый, симпатичный.

— Жан?

— Ага. Жан-Вальжан.

— И ты его съела?

— Фу. Какая ты глупенькая. Неужели не понимаешь? Он... мужчина... Понимаешь? Красивый. Ну?! Дошло? Понимаешь?

Волк кричит из бабушкиного пуза:

— Врет она все!

— Кто это кричит? — спрашивает Красная Шапочка.

— Это? Это — мое дитя. Будущее. Если мальчик, будет тебе отец. Папочка. Если девочка — мать, мамочка.

Раздается стук в дверь, появляется Охотник:

— Вы Волка не видели?

Красная Шапочка кричит ему:

— Вы мне зубы не заговаривайте. Вам придется жениться на Бабушке!

— На Бабушке?!

Приближается к Красной Шапочке:

— Ради такой симпапушечки я согласен на все.

Пытается ее обнять.

Но Красная Шапочка отталкивает его:

— Сначала женитесь на Бабушке!

Бабушка с интересом посматривает на Охотника.

— Внушенька, — вдруг говорит она. — Очень пить хочется. Принеси-ка водички. Там, на кухне.

— Сейчас, Бабушка.

Красная Шапочка выбегает из комнаты, и тут же Бабушка выскакивает из-под одеяла, набрасывается на Охотника...

И съедает его. От охотника остается одно ружье.

Входит Красная Шапочка со стаканом воды:

— Бабушка. А где Охотник? Ты съела его?!

Хватает ружье.

— Мне все это надоело!

— Постой, внученька. Не стреляй.

Бабушка убегает в соседнюю комнату.

— Не стреля-яяяяй!

Красная Шапочка гонится за ней.

Гремят выстрелы.

И вот из соседней комнаты появляются Красная Шапочка, Волк и Охотник.

— Что я наделала? — ужасается Красная Шапочка. — Я убила. Убила свою бабушку.

— Не знаю, как и благодарить, — говорит Охотник. — Можно я тебя поцелую?

— И я, — говорит Волк.

Красная Шапочка смотрит на часы — двенадцать:

— Можно!

С двенадцатым ударом Красная Шапочка превращается в жуткого вампира. Она впивается в шею Охотнику.

Охотник в ужасе бежит от нее в соседнюю комнату.

За ним — Волк.

И вдруг они с криками возвращаются.

Из соседней комнаты выходит огромный скелет в цепце Бабушки.

Охотник, а за ним Волк выпрыгивают в окно.

За ними гонятся Бабушка и Красная Шапочка.

С добрым утром, дружок!

Ведущий. М-да... Но еще более удивительная история произошла в селе Вилкоеве, что в Чугуйском районе. Нет, не встреча с Кобзоном... Там произошла встреча... с

инопланетянином. Да, да... С самым настоящим... Смотрите репортаж нашего корреспондента. Включаем Вилюево... Петр, вы меня слышите?

Встреча с инопланетянином

Появляется корреспондент.

Рука на перевязи, на голове марлевая повязка.

В е д у щ и й. Петр... Что это с вами?

Корреспондент. О! Это результат встречи с неопознанным летательным объектом.

В е д у щ и й. Как интересно! Расскажите нам, пожалуйста.

К о р р е с п о н д е н т. Да. Действительно. Это очень интересно. Хотя с самим объектом встречался не я, а жена фермера Никиткина. Включаю запись...

Бородатый угрюмый фермер пьет чай.

Жена фермера — вполне аппетитная, пышногрудая женщина. Она ставит на стол вазочку с вареньем.

Ф е р м е р. Расскажи, Даш... Как дело-то было?

Д а ш а. Ну, «как было, как было»? Ну, пошла я в лес малины собрать. А тута, прямо надо мной — «тарелка»... Я хотела бежать, а ноги... Ну, просто ватные. Смотрю — а из тарелки вылезает... Зеленый... зеленый. Как с перепоя. Только не пахнет ничем. Акромя духов. «Не духи же, — думаю, — они пьют». А он как мысли мои узнал — раз, и коробочку преподносит!

Ф е р м е р (с гордостью). Вона. На комодѣ стоит.

К о р р е с п о н д е н т (берет в руки духи, показывает зрителям). «Шанель номер пять» (шутит). Снимай «шанель», иди домой! Кха-кха-кха... А дальше что?

Д а ш а. А дальше не помню. Как во сне все. Какая-то планета. Все похмельные, зеленые. А мой самый зеленый.

Президент. Смотрят на меня, изучают. А я голая перед ними. Так стыдно-стыдно.

Корреспондент. И долго вас изучали, Дарья Васильевна?

Даша. Не. По моим часам минут пять.

Фермер. Ну да. На третьи сутки домой пришла. Не знал, что и думать.

(За стеной раздается плач ребенка.)

Корреспондент (зрителям, доверительно). И самое удивительное. После этих изучений, ровно через девять месяцев, как и положено, Дарья Васильевна родила малыша.

Фермер (с гордостью). Сынка. Никак у нас не получалось. А после этого... Сами слышите... Видать, инопланетяне разумом далеко нас обошли!

(Даша показывает ребенка. Это совсем обыкновенный, вовсе не зеленый малыш. Рыжий, конопатый.)

Фермер. Мы его Гриней назвали.

Корреспондент. Почему?

Фермер. Ну, в честь той планеты, где все зеленые. Ну, грин — зелень по-ихнему. Ну, вот и назвали. (Берет ребеночка на руки.) Гриня, сыночек!

(Стук в дверь.)

Фермер. Кто там?

Голос. Это я, Прохор.

Фермер. Входи, Прохор! Чего там?!

(В дом входит Прохор. Такой же рыжий, конопатый, как ребеночек.)

Фермер (корреспонденту). Сосед наш, Прохор... А это вот гражданин — с телевидения. Про инопланетянина расспрашивает. Ты-то их «тарелку» не видел?

Прохор. Не-а. Я в тот день за грибами ходил.

Фермер. Как за грибами? А говорил, что в город уехал. На три дня.

Ребенок начинает плакать, чувствуя нехорошее.

Фермер смотрит на него, потом на Прохора, потом снова на него.

И вдруг — до него дошло!

Он хватает первое попавшееся — чугунный горшок. Бросает...

И конечно, по нашему корреспонденту!

Корреспондент. Не знаю, как у Даши... А у меня уж точно произошла встреча с летательным объектом. Причем вполне опознанным!

Капитан-шоу

На экране — снова Ведущий. Но сейчас на нем фрак, галстук-бабочка, усы, микрофон — все, что необходимо современному Ведущему.

— Добрый вечер, друзья! Разрешите представить сегодняшних игроков. Семья Новоселовых из Нижнереченска!

Гремят аплодисменты.

— Николай Николаевич — отец семейства. Вера — тоже Николаевна — мать. Нет-нет. Они не брат и сестра. Хотя оба Николаевичи.

Хохот. Аплодисменты.

— А тебя как звать, мальчик? Ты тоже у нас Николаевич?

Мальчик молчит:

— Может, ты немой? — шутит Ведущий.

Мальчик утвердительно кивает головой.

— Немой? Но ты меня хотя бы слышишь?

Мальчик отрицательно мотает головой.

— Не слышишь?! А как же ты мне отвечаешь?

На помощь мальчику приходит отец:

— Он очень любит вашу передачу. Знает наизусть все ваши шутки.

— Великолепный ответ, — хохочет Ведущий. — Приз в студию!

— А пока принесут приз, — говорит Мать, — разрешите...

Она достает из сумочки огромную банку.

— Что это? — вскрикивает Ведущий.

— Это — грибы. Всем районом собирали.

— Надеюсь, они съедобные? — шутит Ведущий.

— Что вы! Это поганки.

— Вы хотите меня отравить?

— Не вас. Тараканов.

— Но у меня нет тараканов.

На помощь матери приходит отец:

— Я говорил ей — нет. А она — есть, есть. Раз такие усы, должны быть и тараканы!

Хохот, аплодисменты.

— Великолепный ответ! — радуется Ведущий.

В это время в студию въезжает приз, передняя часть роскошного лимузина.

Гремят аплодисменты.

— В этом чемоданчике, — говорит Ведущий, — ключи от этого лимузина.

Он обращается к отцу:

— Что выбираете? Пять рублей или ключи?

— Ключи!

— Хорошо. Даю тысячу рублей!

— Ключи!

— Подумайте, Николай Николаевич.

— Ключи! — упрямо твердит Отец.

— Хорошо. Получайте ваши ключи. А сам лимузин мы разыграем отдельно!!!

Аплодисменты. Отец хватается за голову.

— А теперь, — говорит Ведущий, — разыграем сам лимузин. Слово из трех букв. Часть тела человека. Назовете сразу все слово? Ваш ход, Вера Николаевна.

Мать смущается:

— Можно я на ушко скажу?

— Нет! Говорите вслух!

— Можно я? — говорит Отец. — Буква... буква... «икс».

И еще — буква... «игрек».

— Верно! Есть такие буквы!

Длинноногая помощница открывает в слове из трех букв вторую букву — «Х». И первую «У»! Получается «УХ...»

— Можете назвать все слово?

Пауза.

— Ну? Подсказываю... Часть тела. Из трех букв. Первая буква — «У»... Вторая буква — «Х».

— УХА!

— Почему «уха»? При чем тут «уха»?! Я же сказал — часть тела!

— А уха и есть часть тела. Только рыбьего.

— Сами вы... часть тела... Я бы сказал какая. Только не хочу буквы местами менять.

Хохот. Аплодисменты.

— Ну?!

И вдруг, совершенно неожиданно, Мальчик называет слово:

— УХО!!

— Верно!!! Ведущий обнимает его, целует. — Молодец! Родной ты мой! Конечно! УХО!!! Что же ты раньше молчал?

— А раньше у вас таких машин не разыгрывали!

Про то и про это

На экране телевизора — Ведущий, но сейчас он — женщина.

— Опустилась ночь, а вы не спите. И правильно делаете. Ночь не для того, чтобы спать. А для чего? Для этого... Итак... Нетрадиционный секс!

Гремят бурные аплодисменты.

— У нас в гостях... Представительница... Или представитель. Уж и не знаю, как к вам обращаться?

— Как хотите, так и называйте, — отвечает представитель... или представительница. — Я не обижусь.

Аплодисменты!

— А все же? — спрашивает Ведущая.

— Я и сама... или сам не знаю. Если я... Ну, когда я штопаю или шью... я говорю про себя: «она». Ну, в смысле, я пришила пуговицу. А если выпью бутылочку-другую с корешем, то говорю: «Выпил. Напился».

Аплодисменты!

— В прошлый раз, — напоминает Ведущая, — у нас была Жанна из Подольска. Она рассказывала про секс с отбойным молотком... Вы же говорите, что занимаетесь сексом со стиральной машиной. Это правда?

— Да.

— И как это произошло? Первый раз?

— Как? Я тогда была еще ОНА. И мой муж купил первую в моей жизни стиральную машину. Она у меня часто ломалась. А было столько белья! Я ее обнимала, гладила, чуть ли не целовала: «Ну, родненькая, пожалуйста». И вот однажды, когда я поцеловала ее, она вдруг задрожала и... включилась! Я испытала такое наслаждение! Вы себе представить не можете. Я и не знала, что такое бывает!

— И с тех пор? — улыбается Ведущая.

— С тех пор я могу заниматься сексом только с ней.

— И как часто это у вас происходит?

— Это зависит от количества стирки. Если белья много, то по пять-шесть раз за ночь. Иногда я даже перестирываю по многу раз. Снимаю с себя все, что есть. Остаюсь голая. И стираю, стираю. И с порошком, и без порошка!

— А не боитесь без порошка? В наше время. СПИД все-таки.

— Не боюсь. Она у меня одна. Больше в ней никто не стирает.

— И она вас полностью удовлетворяет?

— Полностью. Когда стираю.

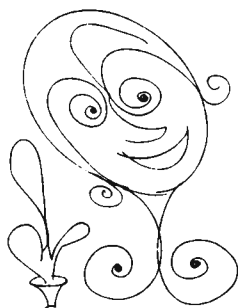
— И последний вопрос. Муж догадывается о ваших отношениях?

— Нет. Вот уже три года, как он живет с компьютером.

Бурные, продолжительные аплодисменты!

Ведущая улыбается во весь экран:

— Доброй и веселенькой всем ноченьки. Тема нашей следующей встречи — «Секс с домашними растениями»!

Повести

(не только детские)

Вы не были на Таити?

Глава первая

Кеша — друг человека

Вовка рос хилым и болезненным мальчиком.

Микробы и бактерии души в нем не чаяли. Стоило ему выйти из дома, они бросались к нему на шею: «Привет, Вовка! Куда ты пропал? Мы так соскучились без тебя. Пошли скорее к тебе домой. Там всегда сквозняки. Или душно, как в бане. Пошли, пошли! Ты уже чихаешь. Ну, чего стоишь?»

И Вовка шел. С ангиной или с бронхитом. Недели две он лежал в постели, пил горячее молоко, принимал лекарства. А когда болезнетворные вирусы покидали его, то слышал на прощание: «Не грусти, Вовка. Мы скоро вернемся. Бегай по лужам и не держи ноги в тепле. А если вспотеешь, выпей холодного пепси. И закуси «Баунти». Возьми его грязными руками за толстый-толстый слой шоколада и съешь!»

Вовка не бегал по лужам, мыл руки перед едой, мороженое ел только в сильно разогретом виде... И все равно. День, два... И он снова в постели.

— Что у нас за ребенок? — удивлялся папа. — Будто клеем намазанный. Все к нему липнет. Любая зараза. Нет. Так жить нельзя. Вызовем самого знаменитого профессора. Сегодня по радио объявляли. Вот... Я даже телефон записал: «Профессор Айболит Айболитович Айболитов. Ле-

чение щенков, котят и детей до 16 лет. От «свинок», переломов хвостов, чумок, катаров любых верхних и нижних дыхательных путей. Выздоровление гарантирую. Срок гарантии — два года».

— Странное объявление, — сказала мама. — «Лечение щенков, котят и детей до 16 лет»... Если «до 16 лет» относится к щенкам и котяткам, то это уже не щенки и котята, а взрослые собаки и кошки. А если это относится к детям до 16 лет, то при чем здесь «чумка» и переломы хвостов?

— Неважно! — сказал папа. — На радио, наверно, перепутали. Знаешь, сколько сейчас объявлений?

— А гарантия? Почему только на два года? А дальше? Пусть снова болеет?

— Нам бы два года пожить спокойно, — сказал папа. — Я дальше не загадываю. В крайнем случае, снова вызовем. И продлим гарантию.

— Ладно, — сказала мама. — Два года — это тоже срок. За два года многое может произойти. Может, я помру и не буду больше с этим ребенком мучиться.

Папа обнял маму за плечи, прижал к своей любимой «адидасовской» майке:

— Не надо, Маруся. Вот увидишь, все будет хорошо. Я по объявлению чувствую, это человек добрый. Раз всех лечит. И людей, и собак. Вот увидишь, увидишь.

И еще он хотел маму поцеловать, но было воскресенье, а по воскресеньям папа не брился. И был колючим. Мама его таким не любила. Она по воскресеньям наносила на лицо дорогой крем. И папа мог своими колючками его с мамино лица счистить. Как очищают тротуары от снега. Поэтому папа только вздохнул:

— Вызовем. Обязательно вызовем!

И вызвали.

Профессор был веселый, рыжеватый. С розовой, как у поросенка, кожей. Он был похож на бойца из мультфильмов. И такой он был крепкий, мускулистый, здоровый, что, глядя на него, сразу хотелось делать зарядку и устанавливать рекорды.

— Ну?! — закричал он, едва войдя в комнату. — Где наш симулянт? Почему лежит, а не играет в футбол, баскетбол, волейбол?

— Тридцать восемь у него, — вздохнула мама. — Тридцать восемь. И это с утра. Представляете, профессор?

— А у меня — сорок два, — сказал профессор. — И с утра, и всегда. И тапочки, и сапоги. Все сорок второго размера!

И он захохотал. И папа, и мама тоже улыбнулись. Стало ясно. Он поставит Вовку на ноги.

Профессор заглянул в Вовкин рот. Затем в нос и уши. Потом долго мял живот, будто искал там золотые монеты. Стучал по коленкам молоточком. Ноги сами подскакивали, словно чужие. Еще он задавал Вовке глупые вопросы: «Где у тебя нос, покажи! А с закрытыми глазами?»

Наконец он успокоился. Сложил все свои молоточки и трубочки в портфель и сказал:

— Пугаться нечего. Никаких страшных болезней я у вашего мальчика не нахожу. Вы слишком надеетесь на лекарства. А ему надо делать зарядку, кататься на лыжах. Кстати, много у него друзей?

— Мало, — сказала мама. — Боятся заболеть.

— Плохие друзья, — сказал профессор. — В наши времена не боялись.

— В наши времена, — сказал папа, — лекарства так дорого не стоили.

Профессор улыбнулся:

— Знаете, что я вам советую? Если люди боятся, надо животное завести. Собаку, кошку... Или хомяка. Или аквариум с рыбками. Друг ему нужен. Настоящий. Верный. Надежный, хороший друг. Пусть даже не человек. Дружба — это великая целебная сила!

Так в доме появился Кеша. Конечно, он не был ни собакой, ни кошкой. Ни рыбкой, ни хомяком. Он был попутай. Но дела это не меняло. Кеша должен был стать Вовке настоящим другом. Как он появился? Это разговор особый...

Глава вторая

Дядя Боря — летчик

Дядя Боря жил на первом этаже, а Вовка на девятом. Первый этаж — самый неудобный. Любопытные с улицы заглядывают, кошки в форточку прыгают, машины гудят, собаки лают. Но дядя Боря любил свой первый этаж. Ни на какой другой его бы не променял. Потому что для человека, который в небе всю жизнь провел, близость к земле имеет немалое значение. Какая с высоты Земля? Не Земля, а глобус. Ни кошки, ни собаки, даже слона не увидишь. Лес — зеленое пятно. Река — голубая веревочка. Озеро — лужа. И как в этой луже люди купаются? Нога — и то не уместится. Нет! Совсем неинтересная с высоты Земля. То ли дело — первый этаж. Любое дерево, любой листочек — вот они, прямо перед глазами. А свист ветра? А шум дождя?

Осенью откроешь окно — пряные ароматы. Все пахнет. Влажная земля, листья, хлеб из булочной.

И улетать не хочется. В любимое небо.

Дядя Боря женился поздно. На стюардессе Наташе. Красивой, доброй и умной женщине. Она понимала: если дядя Боря на ней не женится, то останется до конца своих дней холостяком. И некому будет на старости лет ему лекарство подать или укрыть теплым одеялом. Никто не спросит утром: «Как ты спал, дядя Боря?» Или вечером не скажет: «Спокойной ночи, дядя Боря! Пусть снятся тебе только хорошие сны!»

Своих детей у них не было. Был только Вовка с девятого этажа, сын дяди Бориного друга. И тетя Наташа, и дядя Боря очень любили Вовку. Когда он разбил большую цветную вазу из настоящего китайского фарфора, они и глазом не моргнули. А тетя Наташа сказала:

— Ваза — ерунда. Главное, что не порезался. Зачем нам эта ваза? Только мешала. Полкомнаты занимала.

Я пыль с нее устала вытирать. Залезаешь на нее, как альпинист. Того и гляди, разобьешься! А теперь, спасибо Вовке, бояться нечего!

— И хорошо, что разбил, — добавил дядя Боря. — Я в Китай слетаю, еще больше куплю. В три этажа. Поставим на улице — пусть все любуются!

Это он уже в рифму сказал, от полноты чувств.

Но в Китай дядя Боря не полетел, а полетел в Африку. В западную провинцию. Самую, самую западную. С одной стороны океан, с другой — горы, а в центре — аэродром. Вот и вся провинция. И еще непроходимые джунгли по краям аэродрома. И когда самолет приземлился, со всех сторон к нему побежали разные продавцы. Разные, потому что товары у них были разные. У одних — вкуснейшие тропические фрукты. У других — красивейшие фигурки из слоновой кости. У третьих — живой товар: змеи, черепахи и огромные попугаи. По уму не уступающие человеку. Только в Африке такие попугаи водятся. В самой западной провинции. Их всему можно обучить. И на рояле играть, и на роликах кататься. У нас они миллионы стоят, а там на каждой ветке висят. Срывай — не хочу!

Дядя Боря «срывать» их с ветки не стал, а честно купил у коричневого африканского продавца за 7 африканских тундриков. Это около 7 тысяч рублей на наши деньги. Больше африканских денег у дяди Бори не было, хватило только на самого маленького попугая.

Но коричневый продавец в белоснежных одеждах — в рубашке белее снега, белых шортах — и с очень, очень белыми зубами сказал:

— Ты правильно сделал, дядя Боря. Много я видел попугаев, но не доводилось мне видеть более умного, болеемышленого. Бери! Бери его, дядя Боря. Он молод. Что же будет, когда он вырастет?!

Так у Вовки появился попугай Кеша. Самыймышленый из всех и самый умный попугай на свете!

Глава третья

Вы попались, Штирлиц!

И папа, и мама, и особенно Вовка были в восторге от Кеша. Он быстро освоился в незнакомой обстановке. Выучил новый для него русский язык. Говорил без акцента, будто родился не в Африке, а в Москве. Сам доставал из холодильника еду. Апельсины, бананы. Полюбил и обычные блюда. Сосиски с капустой, селедку с картошкой. Но больше всего полюбил телевизор. Смотрел все подряд. И «Санта-Барбару», и «Спокойной ночи, малыши», и «Встречи у САМОВАРА». Но особенно уважал детективы. С самого утра и до позднего вечера в квартире гремели взрывы, раздавались выстрелы, выли сирены милицейских и полицейских машин.

— Кеша, — говорил ему Вовка. — Чем смотреть всякую ерунду, взял бы книжку. Или в музей сходил.

— А чего я там не видел?

— Ничего ты там не видел. Ни художника Репина, ни картины художника Шишкина. Ни картины других великих мастеров.

— Видел. Недавно по телевизору показывали.

— Тогда, может быть, расскажешь? Какие картины они создали? — спрашивал Вовка.

— Расскажу!

Кешу было трудно пересказать.

— Художник Шишкин создавал картины про шишки. А художник Репин — про репы.

И Кеша радостно смеялся.

— Эх, Кеша, Кеша, — говорил Вовка. — И кто из тебя вырастет?

Однажды Вовка пошел на хитрость. Вынул предохранитель. Без которого телевизор не может работать. Ночью. Когда Кеша спал.

Утром, едва проснувшись, Кеша попытался включить телевизор, но тот хранил гробовое молчание.

— Вов-ка! Во-о-вка! — завопил Кеша. — Телевизор сломался!

Вовка осмотрел телевизор и грустно сказал:

— Ничего не поделаешь. Вечером придет папа, починит.

Целый день, пока не работал телевизор, Вовка наслаждался тишиной. Сделал все уроки. Прочитал свою любимую книжку про мифы и легенды Греции. Но вечером пришел папа и поставил предохранитель на место.

Следующей ночью Вовка решил повторить хитрость.

Тихо, на цыпочках, пробрался в гостиную, где на диванчике спал Кеша. Подошел к телевизору. Но едва прикоснулся, Кеша вскочил с дивана:

— Ага! Я так и знал. Я предвидел. Вы попались, Штирлиц! Сушите сухарики. Папашу Мюллера не проведешь. Вы — русский разведчик, а никакой не Вовка. Руки на голову, или буду стрелять!

Пришлось во всем сознаться. Кеша торжествовал. Он решил отомстить Вовке. Показать, кто в доме главный. Когда Вовка пришел из школы, он придвинул телевизор к его дверям и дал такой мощный звук, что стены задрожали.

Телевизор вопил:

— Внимание! Внимание! Всем постам ГАИ. Остановите белые «Жигули»! Будьте осторожны. Преступник вооружен.

Вовка сидел за письменным столом и готовился к контрольной. Телевизор не умолкал:

— Где деньги? Говори! Или я проломлю тебе башку, выдерну ноги. Кто убил Яшку-косого?!

Вовка достал из шкафа зимнюю шапку. Надел на голову. Опустил у шапки уши, завязал шнурки. Но и сквозь шапку доносилось:

— Получай! Ба-бах! Еще получай! Ба-бах! И еще! Ба-ах! Ах так?! Тах-тах-тах-тах!! Ба-бах!!

— Кеша, — попросил Вовка. — Сделай, пожалуйста, по-тише. У меня завтра контрольная.

Но Кеша только усмехнулся:

— А мне не слышно!

Гремели выстрелы, бандиты выясняли отношения:

— Это — за Яшку-косого! Ба-бах! А это — за Лешку-кривого! Ба-бах!

Вовка не выдержал. Подошел к телевизору и выдернул из розетки шнур. Кеша не ожидал такого решительного поступка.

— Ах, так? — закричал он. — Ах, вот ты как? С другом, да?! Я для него жизни не жалею... А он... Мне плохо. Воды-ы!

И шлепнулся в глубокий «обморок». Чтобы посмотреть, как Вовка испугается.

Вовка пошел на кухню, налил в стакан воды. И брызнул на лежащего «без сознания» Кешу.

Кеша пришел в ярость. Он думал, Вовка будет просить у него прощения, плакать, уговаривать. Но чтобы облить водой!

— Ах, так! Ах, вот ты как с другом! Да? Ну все. Прощай навек! Наша встреча была ошибкой.

Кеша подбежал к окну и вспрыгнул на подоконник.

— Ке-еша, — бросился за ним Вовка.

— Гуд бай, май лаф, гуд бай! — пропел на прощание Кеша. В переводе с английского это означало: «Прощай, любимый. Не поминай лихом!»

И бросился вниз. С девятого этажа.

Перед самой землей Кеша расправил крылья, описал крутую дугу, нырнул в расщелину между домами и уселся на ветку дерева:

«Ничего. Ты у меня наплачешься. Я тебя проучу. Ох, как я тебя проучу!»

Он взглянул на Вовкино окно... И не нашел его. Все окна в доме были одинаковые. И откуда он вылетел — неизвестно.

Глава четвертая

Родительский дом, начало начал

Кто хоть раз не ночевал дома, тот поймет Кешу. Ох, как страшно оказаться ночью на улице, на ветке дерева, в полной темноте! Со всех сторон доносятся скрипы, таинст-

венные шорохи. Вот-вот явится абсолютно голый скелет. Как в фильмах ужасов. Или вампир. Или псих с ножом. И заорет во всю глотку: «А-а-а! Вот ты где! Больше всего на свете я люблю жирненьких молоденьких попутайчиков!!!»

Кеша хорошо знал — в таких случаях бесполезно кричать, звать на помощь. Пока в конце фильма не появится красивый молодой полицейский и не пристукнет злодея, никто тебе не поможет.

Всю ночь Кеша не сомкнул глаз. Вспоминал родной дом. Вовку. Свой уютный теплый диванчик. Как было хорошо! Если и объявится злодей, всегда можно выключить телевизор.

Наконец наступило утро. Яркое, солнечное. Запели птицы, зачирикали воробьи. Вышел из подъезда толстый ленивый Кот. Зевнул и уселся на солнышке.

У всех было утро. Все были довольны жизнью. Все. Кроме Кеши.

Старая модница Ворона достала из мусорного контейнера соломенную шляпку. Примерила. Взглянула в осколок зеркала:

— Прр-релестно!

— А дырки? — спросил Кот. — В шляпе твоей — сплошные дырки.

— Фасон такой. Дырчатый, — сказала Ворона. — Как сыр. Чем больше дырок, тем лучше.

Кот усмехнулся:

— Эх, вы! Нищета. Вам все хорошо. Дырки от сыра, объедки. И что за народ?

Воробей Коля, который клевал засохшую горбушку, поднял голову и с завистью сказал Коту:

— Хорошо вам, на всем готовеньком. А тут прыгай целыми днями в поисках куска хлеба.

— Хлеб? — презрительно сказал Кот. — Я хлеба не ем. От него толстеют.

— А что ты ешь? — спросила Ворона.

— Рыбу. Только очень свежую. Чтоб дышала. Карпа, осетрину. Но больше всего люблю «Вискас».

— Вискас? — ахнул Коля. — Это что за рыба?

— Эх вы, серость! — захохотал Кот. — «Вискас» — это заграничное питание. Бывает из мяса. Кролика, баранины. Или...

Он взглянул на Ворону:

— Или из птицы.

— Из птицы? — ужаснулась Ворона. — Какой ужас! Да ты — людоед!

Воробей Коля отпрыгнул в сторону:

— Как вы можете есть? Из птицы!

— Успокойтесь. Из такой птицы, как вы, мне даром не надо. У вас и мяса-то нет. Одни кости. Из вас «Вискас» не получится.

— У меня одни кости? — возмутилась Ворона. — Я не костлявая, я стройная. Я каждое утро аэробiku делаю.

— Знаем мы вашу аэробiku, — сказал Кот. — Крутимся, вертимся. Чтоб с голоду не помереть.

И он закрыл глаза, давая понять, что разговор закончен. Кеше стал противен этот Кот. Его внешний вид... Сытый, довольный. Таких котов, будь его воля, он бы заставил хоть одну ночь провести на ветке. Голодными. Не сомкнув глаз. Тогда бы они поняли что почем. Правильно говорят: «Сытый голодному — не товарищ».

Кеша вспомнил Вовку. Как Вовка его любил. Утром откроешь глаза: «Кеша, иди завтракать. Ке-ша. Завтрак на столе».

И какой завтрак! Фрукты, свежие булочки, конфеты...

Кеша проглотил слюнки. Ему стало жаль себя. Он даже сказал вслух — вернее, пропел:

Ро-ди-тельский дом...

На-ча-ло начал...

Ты в серд-це моем...

Надежный причал...

Он пел так жалобно, с таким чувством. Не хуже самого Льва Лещенко, которого частенько видел по телевизору.

И Ворона, и воробьи, и даже Кот замерли от удивления. Все обернулись в его сторону.

— Бра-во! Бра-во!

Кеша спрыгнул с ветки и поклонился публике. Каждому приятно, когда его хвалят.

— Бра-во! Бра-во!

Ворона достала припрятанный на черный день огрызок яблока и поднесла певцу. Коля отдал свой кусочек хлеба. А Кот... И куда девалась его лень? Подпрыгнул, вбежал в подъезд и через минуту вернулся с целой гроздью бананов:

— Примите. От восторженных зрителей.

Кеша еще раз поклонился:

— Ну, что вы, что вы! Как-то неудобно. Зачем все это? Не стоило беспокоиться.

А сам при этом подумал: «Ничего, как-нибудь проживем!»

Глава пятая

Кеша — знаменитость, Кеша — звезда!

И наступила новая, необыкновенная жизнь. Все хотели видеть и слышать знаменитого Кешу. Его забавные истории.

— Прилетаю я как-то на Таити, — рассказывал Кеша. — Ветер северный, порывистый. Временами дождь. А Хрюша мне и говорит: «Вот тебе батончик «Марс». Держи! Съел — и порядок!» А я отвечаю: «Только — «Дирол»! Тройная защита от кариеса! Чистота — чисто «Тайд»!»

Зрители хохотали, аплодировали. Но Кеша не выступал бесплатно. После каждого выступления его должны были кормить. Иначе он не выходил на сцену. «Только птички бесплатно поют», — часто повторял он фразу известного русского певца Шаляпина. — А я не птичка, я попугай!»

Однажды Кот подошел и сказал:

— Хочешь у меня дома выступить?

— Где, где?

— У моих хозяев. Не бесплатно, конечно. Плеер получишь. Или джинсы.

Кеша чуть не задохнулся от счастья. Но виду не показал.

— А джинсы какие? Фирменные? — спросил он.

— Обижаешь, — сказал Кот. — Других не носим.

— Ну, ладно, — согласился Кеша. — Так и быть. Выступлю. Только джинсы — вперед! До концерта.

— Хорошо, — сказал Кот.

— А после концерта — плеер!

— Будет тебе и плеер. У нас этого добра навалом.

— А во время концерта — сок. Ананасный. Двадцать банок! — не успокаивался Кеша.

Кот усмехнулся:

— Не лопнешь?

— Не-е... Я что не выпью, с собой возьму!

На следующий день, ровно в пять часов, как договаривались, Кеша нажал кнопку звонка. Дверь ему открыл Кот:

— Проходи.

Кеша прошел.

Никогда, даже в кино про миллионеров, он не видел ничего подобного. С потолков свисали хрустальные люстры. Повсюду пальмы в деревянных бочках. А комнат столько — можно заблудиться.

— Шесть квартир объединили, — похвастался Кот. — Четыре на нашем этаже. Одну этажом выше и одну под нами.

— А так можно? — изумился Кеша.

— Нам все можно!

Кешу ждали. За огромным столом сидело несколько крепких парней. Одинаково постриженных. В мешковатых куртках. Среди парней были и девицы. Тоже одинаковые. С длинными ногами и в коротких юбках.

— Ну?! — спросил самый здоровенный, наверное, хозяин дома. — Что ты умеешь?

— Он все умеет, — подобострастно сказал Кот. — Такое выдает, обхохочешься!

— Тогда давай, чего ждешь? Выдай нам, чтоб мы тоже обхохотались, — сказал Хозяин.

Кеше вся компания сразу не понравилась. Уж очень они себя нагло вели. Но он не подал виду. Ради джинсов и плеера стоило потерпеть.

— Прилетаю я как-то на Таити, — начал Кеша. — Вы не были на Таити?

— Были, — вдруг сказал один из парней.

— И ничего особенного, — сказала сидящая рядом с ним девица. — Океан, жарыща. Вода — жуты! Живьем сварисься.

Кеша растерялся. Вопрос, который он задавал, не требовал ответа.

— Значит, вы были на Таити? — спросил он.

— Были, были! Дальше давай!

— Понятно, — сказал Кеша. — Значит, вы были на Таити. И я там был...

— Мед, пиво пил, — сказал Хозяин.

Все засмеялись.

— При чем тут мед? — обиделся Кеша.

— А при чем тут Таити? — спросил Хозяин.

— А при том, что прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит...

— А каким рейсом летел? — спросил все тот же парень. — Нашим или сингапурским?

Кеша обиделся:

— Вы будете слушать или нет?

— Будем, будем, — сказали все.

— Так вот, — снова начал Кеша. — Прилетаю я как-то на Таити... Вы не были... то есть вы были на Таити. А Хрюша мне и говорит: «Вот тебе «Марс». Съел и порядок...»

— Кого съел? Хрюшу?

Это сказал Хозяин, и все просто скорчились от смеха. Кеше стало так обидно, что он чуть не заплакал.

— Не буду я у вас выступать!

— То есть как это не будешь? — спросил Хозяин. — А плеер, а джинсы?

— Ничего мне от вас не надо!

— Ишь какой, — сказал Хозяин. — Обиделся. Уж и пошутить нельзя. Только ему можно. Давай выступай! Как договорились.

— Не буду!

— Значит, на принцип пошел, — сказал Хозяин. — И у меня есть принцип. Или ты будешь выступать, или я из тебя перышки повыдергаю. Будешь голеньким, как мороженная курица.

И он направился к Кеше. Но Кеша взлетел к потолку, а потолки были высокие, чуть ли не четыре метра. Попробуй, достань. И оттуда, с высоты, Кеша крикнул своим обидчикам:

— Сами вы — мороженные курицы! Строите из себя. Расселись, развалились. А в искусстве ничего не понимаете!

— Лови его! Держи! — закричали Кешины зрители, выскакивая из-за стола. — Ты нам за все ответишь!

Они стали кидать в Кешу яблоки, груши, стараясь сбить его, как вражеский самолет. Но Кеша уворачивался от их снарядов, пытался добраться до открытой форточки. И это ему удалось. Последнее, что он увидел, как Хозяин запустил вслед ему кокосовый орех, но попал в люстру. Раздался грохот и звон разбитых хрустальных подвесок.

А Кеша вылетел на свободу.

Глава шестая

Однажды, в студеную зимнюю пору

Незаметно наступила зима. Стало рано темнеть. Задул холодный ветер и оборвал все листья с деревьев. Остались самые крепкие, самые закаленные. Но и они не выдерживали. То один, то другой срывался, описывал прощальный круг и падал на землю.

Кеша жил теперь в соседнем доме, на чердаке. Прятался от холода и от владельца Кота. Кот рассказал, что хозяин поклялся его подстрелить.

Начался отопительный сезон, и на Кешинном чердаке было жарко, как в Африке. Только не росли бананы и другие вкусные вещи. Даже простые батоны не росли. Даже самые дешевые сухарики. Кешу кормил воробей Коля. Если бы не Коля, Кеша бы умер от голода. Но с каждым днем доставать еду становилось все труднее. Зима — не лето. Снег, метели. Все продукты словно попрятались от холода.

— И что за люди? — возмущался Коля. — Влетел я в магазин. Большой такой, двухэтажный. Схватил кисть винограда. Ну, маленькую, совсем зеленую. Так охранник взял ружье и давай по мне шарашить. Из двух стволов. Еле крылья унес.

— Ну, а виноград где? — поинтересовался Кеша. — Где, я тебя спрашиваю, виноград?

— Не удержал. Простите.

— Трус! — закричал Кеша. — Я тут с голоду умираю, а он мне басни рассказывает!

— Не сердитесь, — оправдывался Коля. — Я на рынок слетаю. Чего-нибудь принесу.

Но Кеша не успокаивался:

— И это называется «друг». Из-за своей жалкой ничтожной жизни готов предать!

— Почему «жалкой»? — обиделся Коля. — Для меня моя жизнь вовсе не жалкая.

— Не жалкая? А кому она нужна? Кроме тебя?

— А ваша? — спросил Коля. — Ваша жизнь кому нужна? Кроме вас?

— Моя?! Сравнил! Моя жизнь принадлежит народу. Всему человечеству. Такие, как я, рождаются раз в сто лет. В тысячу. А ты? Кто ты есть? Жалкий, серенький, никому не нужный воробьишка. Таких — тысячи, миллионы. В Китае вас просто палками бьют. Чтоб много не ели.

У Коли на глазах выступили слезы:

— Я вообще не ем. Все — только вам. Каждую корочку, каждую крошечку.

— Ладно, — согласился Кеша. — Обижаться не надо. Я по-дружески. Есть очень хочется. А ты давай, собирайся. Нечего засиживаться.

— Устал я, — сказал Коля. — Мне бы отдохнуть, поспать.

— После. После поспишь. Ну?.. Лети. Летите, голуби, летите...

Коля глубоко вздохнул, взобрался на раму чердачного окна... Взмахнул крылышками и растворился в снежной метели.

Час его не было, два. Кеша начал волноваться. Если с Колей что-то случится, тогда точно — помирать ему с голodu.

И тут на чердак влетела Ворона.

— Ко-о-ля! — завопила она.

— Что?! — испугался Кеша.

— Кошка. Чуть не съела. Слабый он стал, еле чирикает. Прыгнула на него... Если б не я да другие воробы... Не видеть бы нам больше Коли.

Кеша похолодел. Его Коля, его дружок. Такой маленький, такой пушистенький. Чуть не погиб. Из-за него.

— Где он? — закричал Кеша. — Где мой друг сердечный?

— В подъезде. С ним Кот рядом. Дежурит.

Коля действительно лежал в подъезде. У радиатора отопления. Глаза закрыты, еле дышит. Кот отпаивал его валокордином.

— Угробил товарища, — мрачно сказал Кот. — А еще друг. Такой друг хуже любого врага.

— Я?! — обиделся Кеша. — Я хуже врага? Я для Коли готов на все. Мне жизни для него не жаль.

— Знаем, — сказал Кот. — Видели. Коля голодный, а все тебе несет.

Кеше стало стыдно. Они правы. Он во всем виноват. Он. Один. Во всем. И больше никто.

Он опустил голову и направился к выходу из подъезда.

— Ты куда? — удивилась Ворона.

— После узнаете!

Глава седьмая

Сам пропадай, но друга выручай

Кеша решил твердо — он спасет Колю. Поставит на ноги. Достанет все, что надо. Витамины, свежие фрукты. Парное молоко. Черную икру. Ну, что еще? Что еще надо, когда человек умирает? Пусть даже не человек, воробей.

Первым делом Кеша решил проникнуть в супермаркет напротив дома. С красивым заграничным названием «ЖИРТРЕСТ». Около магазина всегда стояли потрясные машины. Оттуда выходили люди с полными корзинами еды. С яркими пакетами, коробками, банками. Однажды, когда из рук молодой дамы выпала корзинка, Кеша подхватил пару банок. Дама все равно бы не нашла: одна банка закатилась под машину, а другую он отфутболил за угол. В первой банке оказались очень вкусные сосиски. Во второй — пахнущий лимоном крем. Он и то и другое съел. После сосисок ничего особенного не произошло. А после крема он долго пускал мыльные пузыри. Крем этот был особый. Для ухода за кожей.

Кеша поднял воротник курточки и уверенно направился к дверям магазина. Как будто он только-только вышел из подъехавшей машины. Но его сразу остановил охранник:

— Собакам и кошкам нельзя! Здесь написано. Неужели не видишь?

— Я не кошка. И не собака, — обиделся Кеша. — Я попугай!

— Какая разница? — сказал охранник.

— Что?! — возмутился Кеша. — У кошки есть клюв? А летать ваша кошка умеет?

— Кошки все умеют, — улыбнулся охранник. — Я сам у Куклачева видел... Иди, иди! Или применить силу?

Кеша не стал дожидаться применения силы. Он полетел в другой магазин. Совсем маленький. Не больше Вовкиной комнаты. Он решил обменять там самое ценное, что

у него было, — золотой африканский медальон — на продукты. Медальон был подарен родной бабушкой. Когда она скончалась в возрасте 173 лет. От скарлатины.

Продавец магазина был похож на актера Ролана Быкова. Из фильма про золотой ключик. Он долго изучал медальон. Подкидывал, царапал, пробовал на зуб. Наконец, сказал:

— Приходи завтра. Я схожу в милицию. Узнаю, может, ты этот медальон украл?

— Что?! — завопил Кеша. — Его мне подарила бабушка.

— Какая еще бабушка? — сказал продавец и повесил медальон себе на шею.

Кеша понял. Продавец просто хочет украсть его медальон.

— О'кей, — сказал Кеша хриплым голосом. Так обычно разговаривали в фильмах бандиты. — Ты прав, приятель. Я его украл. Снял с Яшки-косого. А его самого зарезал. Бритвой «Жилет». «Жилет», «Жилет»! Лучше в мире нет!

У продавца затряслись руки.

— Дай пожрать, — сказал Кеша. — Трое суток не ел.

— Бери, что хочешь, — сказал продавец.

— Все хочу!

Кеша набрал полную сумку еды.

— А в этом баллончике что? — спросил он напоследок.

— Крем для торта, — сказал продавец. — Тут нажимаешь, а отсюда — крем. Бьет как из огнетушителя.

— Отлично, — сказал Кеша. — Дай мне его, приятель.

Кеша взял баллончик, направил в лицо продавцу и нажал кнопку. Из баллончика ударила струя. Продавец барахтался, как утопающий, в кремовом потоке.

Кеша отобрал свой медальон и с полной корзинкой еды вышел из магазина. Он был счастлив — сейчас он спасет Колю.

Но тут ему на плечо легла чья-то рука. Очень тяжелая. Кеша обернулся. Рука принадлежала хозяину Кота.

— Здорово, — сказал Хозяин. — Узнаешь? Из химчистки иду. Костюмы сдавал, рубашки. Платья, юбки. Все со-

ком забрызгано. На полмиллиона сдал. Цены, а? Закачаешься. Ничего не осталось. Одолжи миллион! Завтра отдам. Деньги очень нужны.

— У меня нет, — прошептал Кеша.

— Денег нет, а столько накопил. И черную икру, и фрукты. Два ананаса. Сок. Бисквиты, джем...

— Это для друга. Плохо ему. Умирает.

— А кому сейчас хорошо? — спросил Хозяин.

Кеша крепче обхватил сумку с едой.

— Забираю. В счет долга. Разбогатею — отдам, — сказал Хозяин.

Кеша чуть не плакал. Он все достал. А тут... Ну, почему ему так не везет?!

Хозяин Кота сел в роскошный автомобиль и укатил. Кеша поднял голову. Многоэтажные здания светились огоньками. Там, за окнами, сидели люди. Ужинали или обедали. В тепле, перед телевизором. Только он один... И Коля. Холодные, голодные. Почти при смерти. Нет! Он этого не допустит. Если никто ему не поможет, он сам все возьмет!

И Кеша расправил замерзшие крылья.

На первом балконе ничего не было. Кроме старых автомобильных колес. И двух жестянок с краской. Красивых, но несъедобных.

На другом балконе — сломанный холодильник. В холодильнике — снег, пустые майонезные банки. И больше ничего.

Еще один балкон. Еще... И еще...

Кеша глянул в балконную дверь. Там, в комнате, на обеденном столе... Ваза с фруктами. Печенье. Конфеты. И никого!

Кеша попробовал открыть дверь. Балконная дверь подалась. Он вошел в комнату, осмотрелся. В углу стоял школьный ранец. Кеша вытряхнул из него учебники, загрузил ранец фруктами, конфетами, печеньем. Закинул на плечи и, весело насвистывая песенку «Конфетки-бараночки», направился к балконной двери.

Но она оказалась запертой. А около стоял паренек лет десяти и потирал от удовольствия руки:

— А вас я попрошу остаться...

Глава восьмая

Кеша нанимается на работу

Нового хозяина Кеша звали Вовкой. Но он был совершенно не похож на его прежнего Вовку. Вовка-2 был жутким лентяем. Он ничего не хотел делать. Ни учить английский язык. Ни заниматься игрой на скрипке, ни овладевать теннисным спортом. Все, что требовали от него родители, нанимая Вовке-2 педагогов и тренеров, все это оставляло его равнодушным. Любимым его занятием было лежать на диване и мечтать.

— Представляешь, Кеш, — говорил Вовка-2, — представляешь? Мы нашли с тобой клад. И купили остров в Индийском океане.

— Таити?

— Хорошо. Пусть будет Таити... И живем мы с тобой в хижине. На берегу океана. Целыми днями ничего не делаем. Купаемся, смотрим видик и лопаем всякие фрукты. Бананы, кокосы, маракуда...

— Маракуйя, — поправил Кеша.

— А ты откуда знаешь? — удивился Вовка-2.

— У нас, — сказал Кеша, — откуда я родом, этого добра больше, чем у вас картошки. На каждом шагу растет. Он у меня — во где!

И Кеша показал, где у него этот маракуйя. Вовка-2 позавидовал:

— Здорово. И чего ты уехал?

— Надоело! — сказал Кеша. — Все надоело. Фрукты-овощи. Безумная роскошь одних и нищета других. Захотелось трудностей. Борьбы. Найти цель в жизни. Настоящую, большую цель. Идти к ней сквозь годы лишений.

Преодолеть все на своем пути и дойти. В жизни всегда есть место подвигу!

Кеша точь-в-точь повторил слова героя-полярника из американского фильма «Снежное безмолвие Аляски». Но Вовка-2 не видел этого фильма, и слова Кеши произвели на него сильное впечатление.

— Хорошо тебе, — сказал он. — Твоя мечта намного серьезнее моей. Я только о себе думаю, а ты о других людях. Молодец.

— Когда о других думаешь, сам лучше становишься, — сказал Кеша. — Я всегда думаю только о других.

— Ты совсем как мои папа и мама, — сказал Вовка-2. — У папы моего мечта, как всех людей и зверей вылечить от всех в мире болезней. Даже псевдоним он себе взял: Айболит Айболитович Айболитов. А у мамы мечта: как бы меня научить всему. Английскому языку, теннису, игре на скрипке. А у меня мечта: уехать на необитаемый остров, подальше от мамы и папы.

Раздался телефонный звонок. Кеша подхватил трубку:

— Алло?! Кто говорит? Одну минуточку... — Он зажал трубку рукой и прошептал: — Учитель музыки.

Вовка отчаянно замахал руками.

— Это Иван Арнольдович? — спросил Кеша уже женским голосом. — Рада вас слышать. Это мама говорит. Да, его мама. Вы знаете, заболел. Да, какой-то жуткий радикулит. Не может смычка поднять... Да, да... Весь вечер играл — и нате... Или плечо скрипкой натер, или мышцы смычком растянул... Спасибо, спасибо. Я передам...

Кеша положил трубку.

В этом и заключалась его работа. Отвечать на телефонные звонки голосом мамы или папы, когда звонят учителя и тренеры. Еще отвечать папе и маме, когда они звонят, а Вовка гоняет с ребятами мяч или раскатывает на роликах. За это Вовка-2 платил ему жалованье. И Кеша покупал на заработанные деньги продукты для Коли.

— И вот на этом острове... — говорил Вовка. — Живем мы себе, живем. Лопаем фрукты, как вдруг находим клад.

— Еще?! — удивился Кеша.

— Да. Еще. Главное — начать. И что мы с ним делаем?

— Покупаем еще остров, — сказал Кеша.

— А зачем нам два острова? — теперь уже удивился Вовка.

— Один — тебе, один — мне, — сказал Кеша.

— Ну, ты даешь! — сказал Вовка-2. — Тебе — остров! Ну и ну... Вот это да...

— А чем я хуже тебя?

— Чем? А тем, что я — человек, а ты — попугай. Понял разницу? И ты еще к тому же у меня работаешь. И все, что мы с тобой нашли или найдем, принадлежит мне как человеку и хозяину. А ты — просто наемная рабочая сила. Тебе ничего принадлежать не может. Как моему работнику — раз. И как попугаю — два. Попугаи не имеют права на собственность. Вот и вся разница. Понял теперь?

— Понял, — сказал Кеша. — А теперь пойми ты. Неважно, кто у кого работает. Раз вместе нашли клад, значит, он общий. И неважно в данный момент, кто человек, а кто попугай. Если бы я один нашел клад, он был бы чей?

— Мой, — сказал Вовка-2.

— Как твой? — возмутился Кеша.

— Остров мой? — спросил Вовка-2. — Мой. На нем нашли клад? На нем. На моем острове. Значит, клад, как и остров, принадлежит мне. Согласен?

— Нет. Не согласен, — сказал Кеша.

Снова раздался звонок.

— Илья Варганович?.. Нет, он болен... Да, это его мама. Он, понимаете, вашей ракеткой натер мозоли. И не может смычок держать, то есть ракетку...

Кеша посмотрел на Вовку-2, тот делал отчаянные знаки.

Кеша спросил шепотом:

— А клад как? Пополам? Или...

— Пополам, пополам, — замахал руками Вовка.

— Хорошо, — сказал Кеша в трубку. — Как только поправится... Да, да, это его мама...

Кеша и Вовка-2 не видели, как дверь в коридоре открылась и в квартиру вошла настоящая мама.

Она остановилась в дверях, слушая этот телефонный разговор.

— Да, — продолжал Кеша. — Спасибо. И вам. Большое спасибо.

Кеша повесил трубку, и только тогда они с Вовкой увидели Вовкину маму.

В этот же день Кеша был уволен с работы и вернулся на свой и Колин чердак.

Глава девятая

Под крышей дома своего

Коле становилось все хуже и хуже. Несмотря на усиленное питание, он не шел на поправку. Никуда не вылетал с чердака, целыми днями сидел в углу — у огромной трубы отопления. Там было особенно тепло. Вдобавок ко всему он простыл, его мучил кашель. Кеша старался его расшевелить, рассказывал всякие смешные истории, но Коля лишь грустно улыбался.

Иногда они играли в шахматы. По своим собственным правилам. Черных фигур было восемь, а белых — одиннадцать. Самые высокие фигуры (короли и королевы) ставились в углу доски. Они, понятно, были самые ценные. Их окружали кони, пешки и другие, название которых ни Кеша, ни Коля не знали. Задача игры состояла в том, чтобы добраться до короля и королевы противника. И свалить их с доски. Били по очереди. Клювом. Как хоккеисты клюшками. Надо было клювом ударить по своей пешке так, чтобы она полетела и развалила крепость противника. Кеша лучше играл в шахматы, у него был клюв больше. Но чтобы доставить Коле радость, он часто поддавался. Промахивался или бил мимо. Коля каждый раз возмущался:

— Это нечестно. Я так играть не буду.

— Что нечестно?! Что?! — кричал Кеша. — Что я, мимо попасть не могу? Я стараюсь изо всех сил, но мне не везет. Что я, виноват?!

Но Колю и выигрыш в шахматы не радовал. Он продолжал кашлять, и портрет какого-то человека в углу чердака каждый раз жалобно позвякивал.

А однажды утром Коля отказался от еды. И не стал умываться. Обычно Кеша вылезал через чердачное окно на крышу, набирал кастрюлю снега. Растапливал снег у отопительной трубы. И они по очереди умывались. Кеша делал зарядку. Не потому, что хотелось, а чтобы Коле показать пример. Потом Кеша готовил завтрак. Овсяные хлопья, семечки, немного изюма. Все это он размешивал в ржавой миске вместе с молоком или ряженкой. Сытно и питательно. В обед они ели фрукты: финики или сушеный чернослив.

Пока заработанных Кешей денег хватало, и до весны они должны были дотянуть.

Когда Коля отказался от завтрака и не стал умываться, Кеша понял — дело совсем плохо. Колю надо спасать, надо вызывать доктора. И он решил обратиться к отцу Вовки-2, Айболиту Айболитовичу Айболитову.

На следующий день тот приехал на своей красненькой проржавевшей «Ладе». Поднялся лифтом на последний этаж. Дальше шла железная лестница-стремянка к чердачному люку. На ушках люка висел тяжелый замок. Но Кеша давно подобрал к нему ключ из множества ключей, валяющихся на чердаке.

Айболит Айболитович долго не мог отдышаться, принимал валидол.

— Здоровья нет, — жаловался он. — Все других лечу, некогда собой заняться. Ну, ладно. Где ваш симулянт? Почему лежит, а не играет в футбол, волейбол, баскетбол?

— Он даже в шахматы не играет, — пожаловался Кеша. — Говорит: «Нет сил».

— А вот мы сейчас проверим! — сказал доктор. — Нет силы или он прикидывается.

Профессор достал всякие трубочки, ложечки, прибор для измерения давления. Долго выстукивал и выслушивал Колю. Стучал по его лапкам. Лапки сами собой подскакивали. Потом он сложил все в чемоданчик и вздохнул:

— Что я могу сказать? Положение не из легких. Простуда на фоне общего ослабления организма. И нервное истощение. Хорошо бы переменить обстановку. Поехать на юг, к солнышку. Прогреть легкие, горло. Подышать йодистым морским воздухом... Что я могу еще сказать? Ничего!

Кеша попытался вручить профессору за визит конверт с деньгами, но тот наотрез отказался:

— Вот поправитесь, разбогатеете, найдете, как мой сын, клад, тогда и расплатитесь.

И он, кряхтя и охая, стал спускаться по лестнице.

«Конечно, — думал Кеша, — хорошо бы отвезти Колю в Африку. На фрукты и витамины. На жаркое солнышко. Но как?»

Коля продолжал кашлять. А тут новая неприятность. Ночью в подвале прорвалась труба отопления. На чердаке стало холодно, как на улице. Кеша завернул Колю в тряпье, прижал к себе. Но Коля дрожал, кашлял. На него больно было смотреть.

И тогда Кеша решился на отчаянный шаг.

Он собрал обломки стульев, старые газеты, обрывки обоев — все, что валялось на чердаке, что могло гореть... И разжег костер.

Сначала огонь особенно не разгорался. Они грелись у костра и радовались своей находчивости. Но вдруг вспыхнула пластмассовая канистра. От нее загорелся старый матрац.

Кеша носился как угорелый. Забрасывал огонь снегом с крыши. Но не тут-то было... Внизу раздались крики. Завыли сирены пожарных машин. В окне их чердака показался пожарный в блестящем шлеме. Ударила струя воды. По огню, по Кеше, по Коле. Кеша закричал:

— Вы что, не видите? Здесь больной. Выключите воду! Немедленно. Убирайтесь отсюда!

Пожарник с недоумением уставился на них. Затем подцепил длинной палкой с крючком. Сначала завернутого в тряпье Колю. А потом и Кешу. Спрятал их в свою огромную брезентовую куртку. И они все вместе поехали вниз, по пожарной лестнице.

Глава десятая

Сижу за решеткой, в темнице сырой...

Сам начальник 117-го отделения милиции подполковник Ружьев учинил Кеше и Коле строгий допрос:

«Зачем они подожгли чердак?»

«С какой целью?»

«Кто главарь банды?»

«Где соучастники?»

— Не было у нас никого, — оправдывался Кеша. — Ни главаря, ни соучастников. Только я и Коля. А чердак подожгли с целью обогрева. Труба лопнула. А Коля болен. Холод ему противопоказан. Ему тепло нужно. Понимаете?

— Нет, не понимаю. Если каждый, у кого лопнет труба, будет чердак поджигать, что получится? «Москва, спаленная пожаром»?

— Не получится «Москва, спаленная пожаром», — сказал Кеша. — У каждого есть теплые одеяла, электрические обогреватели. Папа и мама, наконец. А у Коли никого нет. Кроме меня.

— Неправильно вы рассуждаете, гражданин Кеша, — сказал подполковник Ружьев. — Я сам детдомовский. А друзей у меня больше, чем у папенькиных и маменькиных сыночков. Взвод наберется. Может, и рота. А может, и целый полк.

— Вам хорошо, — сказал Кеша. — Вы — человек. А у нас все друзья разлетелись. Кто на юг, кто по домам.

— А кто и на чучело, — грустно сказал Коля и закашлялся.

— Понимаю, — сказал подполковник Ружьев. Он встал со стула и прошелся по комнате.

— Но духом падать нельзя. У нас люди хорошие, добрые... И откуда только преступники берутся?

Коля снова закашлялся.

— В больницу бы его, — посоветовал подполковник.

— Не хочу в больницу! Не хочу! На солнышко хочу. В Африку.

— Куда, куда?

— В Африку, — подтвердил Кеша. — Нам врач посоветовал. Там Коля мигом поправится.

— Ну, вы, ребята, даете!

Подполковник Ружьев подошел к огромной карте мира, которая занимала полстены в его кабинете:

— Знаете, где Африка? Вот она. Через полмира надо лететь.

— Ничего, — сказал Кеша. — Я однажды уже летел. И, как видите, жив.

— Повезло, — сказал подполковник. — Один раз повезло, другого раза не будет. А если буря, а если гроза? А если ракету по вам пустят? Вон сколько до Африки государств. И каждое государство небо свое охраняет. Нет. Я думаю, не в Африку вам надо, а в «живой уголок». В школу. Там тоже тепло, и еще питание.

Подполковник снова прошелся по комнате.

— Ладно. До утра здесь побудете. А утром разберемся.

Он подошел к окну и попробовал на крепость решетки:

— Красота! Из специальной стали. И двери не хуже. С сейфовыми замками. Так что, ребятки, до утра.

Он выдвинул ящик письменного стола, достал пистолет, бутерброды, термос. Пистолет спрятал в сейф, бутерброды положил на тарелку, а термос поставил на стол:

— Питайтесь. А спать разрешаю на моем диване.

И дверь за подполковником Ружьевым захлопнулась. И повернулся несколько раз ключ. В замочной скважине, с другой стороны.

Кеша бросился на диван:

— В «живой уголок»? Ха-ха! Ой, не могу. Еще бы в клуб «Белый попугай».

— Или на птичий рынок, — сказал Коля.

— Нас... Вольных и свободных, как птицы. В «живой уголок»... Выставлять как пособие.

— Лучше уж на чердаке, — сказал Коля. — Лучше уж замерзнуть...

— Стоп! — прервал его Кеша. — Что за панические настроения? Что за неверие в собственные могучие силы?

— А могучие решетки из специальной стали?

— Могучие решетки? — Кеша захохотал. — Я чуть не лопнул от смеха. Они же для кого? Они же для людей!

Кеша подскочил к окну:

— Смотри!

Он открыл форточку и просунул в нее голову:

— Да здравствует свобода!

Но это он не крикнул, а сказал шепотом. Чтоб только Коля услышал. И не в окно, а в сторону Коли.

Коля обрадовался:

— Летим?

Но Кеша остановил его:

— Погоди. Перелет дальний, начальник прав. Надо подготовиться. Изучить маршрут. Утеплиться. Выспаться. Тогда и полетим.

Глава одиннадцатая

Птицы счастья завтрашнего дня

Однако жизнь распорядилась иначе.

Только подполковник вышел из дверей вверенного ему отделения, к нему подошел симпатичный молодой человек крепкого телосложения.

Подполковник не испугался, только пожалел, что оставил пистолет в сейфе. От молодого человека это не ускользнуло.

— Пожарник Кирилл, — представился он. — Старшина, вольнонаемный. Взысканий и детей не имею.

— Отлично, — почти успокоился подполковник. — Хотя детей иметь вам бы не помешало. Я сам детдомовский... А в чем, собственно говоря, дело?

Пока Кирилл упраскивает подполковника отдать ему «на поруки» Кешу и Колю, расскажем немного о самом Кирилле.

Пожарный отряд, где служил Кирилл, был лучшим в городе, он прибывал на пожар задолго до его начала. Если кто-то играет со спичками или включает неисправные электронагревательные приборы, он тут же выезжает. И в этом лучшем в городе пожарном отряде лучшим пожарником был Кирилл. За пять лет службы он спас трех старушек, одного доберман-пинчера, семь котят и восемь золотых рыбок, вместе с аквариумом. Кешу и Колю он тоже спас. Не только от огня, но и от уголовной ответственности.

Дома Кирилл строго отчитал нарушителей:

— Разве можно разжигать на чердаке костер? Это все равно что в комнате.

У Кирилла была чистенькая однокомнатная квартирка. Кеше и Коле он отдал свою комнату, а сам устроился на кухне. На раскладушке.

— Живите пока, погорельцы. Зима пройдет, дальше подумаем.

Но долго жить погорельцам у Кирилла не пришлось. Нинка не дала, его подружка. Ох уж эта Нинка! Ну и Нинка. При Кирилле она была одна, а без него — другая. Два разных человека. Когда дома был Кирилл, она была ласковая, добрая, заботливая. Кешу и Колю кормила, по головке гладила: «Ах, вы мои птенчики, ах, вы мои любимые...» Но стоило Кириллу выехать на пожар, она выгоняла Кешу и Колю из комнаты, плюхалась на кровать и кричала вслед:

— Развели тут птичник! Отдохнуть негде. Птицы счастья завтрашнего дня!

Еще Нинка могла часами разговаривать по телефону. Без Кирилла, конечно. У нее было много приятелей и подружек.

Спать она могла целыми сутками. И только перед приходом Кирилла вскакивала, поспешно приводила себя в порядок.

— Кирюша, дорогой. Я так устала. Целый день бегала по объявлениям. И секретарши не нужны, и машинистки, теперь везде компьютеры... Нет! Я больше так не могу. Наймусь в палатку, продавщицей. Или грузчиком. Не могу больше так!

Кирилл ее успокаивал:

— Ну, что ты, что ты, Нинуся! Или я мало зарабатываю? Найдешь себе работу по специальности. Успокойся.

Посуду в доме тоже мыл Кирилл. Готовил почти всегда он. Белье в прачечную носил он, за продуктами ходил он.

Кеша и Коля просто выходили из себя.

— И что он в ней нашел? — возмущенно спрашивал Кеша. — Неряха, лентяйка.

— Врунья, — добавлял Коля.

— «Ах, я устала, Кирюша... Ах, моя птичка-Кирю... Ах, мой зайчик... Ах, моя рыбка...» Тьфу! Зоопарк, а не дом. А он и уши развесил.

— Может, он ее любит? — спрашивал Коля.

— За что! — кричал Кеша. — За что такую любить? За невымытую посуду? Будь я на его месте, я бы так сказал: «Знаешь, дорогая... лети-ка ты на все четыре стороны света. Хочешь — в продавщицы, хочешь — в грузчики... А хочешь — от меня подальше!»

— Три, — сказал Коля.

— Что «три»?

— Вы три стороны света назвали. А четвертая? Какая?

— Четвертая? — Кеша задумался. — Четвертая такая же, как и третья. Только еще дальше.

Однажды они решили Нинке отомстить за грубое к себе отношение. Ночью, когда Кирилл был на дежурстве, Кеша вошел в комнату, где она дрыхла, и голосом Кирилла сказал:

— Нинуся, вставай. Твой зайчик пришел, рыбка ты моя.

Нинка вскочила и заверещала:

— Ежик ты мой... Я только прилегла, котик... Ах, мой песик!

— Кисюня моя, — сказал Кеша. — Заюня.

— Ласточка, черепашечка! — сказала Нинка и зажгла свет.

Кеша и Коля чуть не лопнули от смеха. Этим же утром Нинка заявила Кириллу:

— Кирюшечка, кисочка моя. Выбирай, зайка. Или эти птички, или я, рыбка. А в этом птичнике, киска, жить от-казываюсь, суслик ты мой.

И ушла из дома «искать работу грузчика». Кирилл долго думал, мрачно ходил по комнате, пил чай, выходил, не-смотря на холод, на балкон. Затем посадил перед собой Ке-шу и Колю, встал перед ними на колени и сказал:

— Не могу я без Нинки, понимаете? Все знаю. И какая она, и как к вам относится. Но не могу. И без вас не могу. И решения поэтому не могу принять. Не могу принять ре-шения. Простите меня за это. Простите, братцы, не знаю, что делать.

Он встал с колен:

— Поеду на работу, хоть и выходной у меня. Может, по-везет, будет пожар. Там я успокоюсь. Может, и приму на пожаре решение. В огне лучше думается.

И ушел.

— Все! — сказал Кеша. — С меня хватит. Не хочу боль-ше жить среди лжи и вранья. Не хочу и не буду. Завтра же вылетаем.

— Куда? — спросил Коля.

— В Африку. Врач сказал, тебе надо климат менять, вот и полетим на солнышко.

— Африка далеко?

Кеша достал давно припасенную карту:

— Не очень. Сначала на Киев полетим. На юго-запад.

Он провел по карте черту.

— В Киеве переночуем и двинем на Одессу. От Одес-сы — вдоль Черноморского побережья... Поймаем попут-ный ветер, он нас до Турции донесет.

— А если не поймаем? — спросил Коля.

— Поймаем, — сказал Кеша. — Над морем всегда ветры дуют. Только нужный найти.

— И сильно дуют? У меня кашель, — сказал Коля.

— В самый раз, — успокоил его Кеша. — Не так чтоб очень и не очень чтобы так. Они теплые, морские. Полезные для здоровья. Не то, что здесь. Летишь себе, ничего не делаешь, только дышишь морским воздухом. Как на курорте.

— Так бы всю дорогу лететь, — обрадовался Коля. — Вот бы и до Киева так.

— До Киева нет моря, — сказал Кеша и ткнул в карту. — Вот! Зеленое и желтое — это земля. Видишь? А вот — синее. Это море. Вот оно: Черное море.

— Синее вижу, — сказал Коля, — а черное — нет.

— Черное — это название. А на карте оно синего цвета.

— Если оно синего цвета, так должно и называться. Синее море. А не Черное.

— Знаешь что, милый друг, — сказал Кеша. — Так мы далеко не улетим. Мы еще с места не тронулись, а ты меня своими вопросами замучил. Вот долетим до Африки, тогда спрашивай что хочешь.

Кеша сложил карту:

— Вылет назначаю на завтра. На семь часов двадцать минут.

Двадцать минут Кеша добавил в последний момент. Для солидности. Чтоб Коля понимал: у него все просчитано. Каждые двадцать минут!

Глава двенадцатая

Первая посадка

На следующий день, ровно в 7 часов 20 минут утра, Кеша и Коля вылетели из окна и взяли курс на Африку.

У Кирилла было ночное дежурство, поэтому они ему оставили записку:

«Дорогой и любимый наш пожарник Кирилл. Мы очень тебе благодарны за отеческую заботу о нас. У тебя дома мы были как дома. Большое тебе за все хорошее спасибо. В нашем отлете просим никого не винить.

Кеша и Коля. Твои друзья до гробовой доски».

Записку сочинил Кеша. Но Коля тоже расписался.

Окно они аккуратно прикрыли снаружи, чтобы не выстудило квартиру. Последний раз взглянули сквозь стекло и поднялись в воздух.

Было еще темно. Машины внизу ехали с зажженными фарами. Горели фонари, мигали светофоры. Редкие прохожие прятали лица в воротники. Хотя и не очень холодно, но дул резкий февральский ветер.

Коля летел в шерстяном свитере, сделанном из обычной детской перчатки. Пальцы у перчатки были отрезаны. Из дырки от среднего пальца выглядывала Колина голова. Вместо большого пальца и мизинца — махали крылья. А хвост был никак не утеплен. Он управлял полетом.

Кеша тоже утепился. Он был в подаренном ему Кириллом брезентовом чехле от инструментов. В бесчисленных карманчиках помещались компас, бутерброды, деньги, туристский ножик и другие походные вещи.

Летели они на юго-запад в сторону Лужников. Оттуда — до Кольцевой дороги. Там надо было найти развилку на Киевское шоссе. И строго над шоссе — на Киев. Чтобы не прилететь в Тамбов или Новосибирск.

Киевское шоссе потому и Киевское, что ведет только на Киев.

Показались Лужники. Они пролетели над огромной, словно жерло вулкана, чашей стадиона. Кое-где вспыхивали искры электросварки. Такая рань, но уже велись работы, монтировалась гигантская крыша.

Пролетели над черным, не замерзшим в эту зиму, руслом Москвы-реки, чуть правее метромоста. И стали забирать вверх, преодолевая Воробьевы горы.

Вдруг Коля закашлялся и остановился в воздухе, отчаянно махая крыльями.

— Что с тобой? — подлетел к нему Кеша.

— Не могу, — сказал Коля. — Задыхаюсь. Воздуха не хватает. Видно, судьба моя — умереть на родине. На Воробьевых горах.

Кеша возмутился:

— И не стыдно? После первых трудностей. Первых су-
ровых испытаний. Возьми себя в руки! То есть в крылья...
Собери все свои силы. Сожми клюв. Вперед! К новым побе-
дам. В Африку. Она не за горами.

Но, взглянув на Колю, понял: «Коля прав. Не долететь
ему до Африки. Ему и до Киева не долететь».

— Хорошо, — сказал Кеша вслух. — Сделаем привал.
Отдохнем, перекусим. Там будет видно...

Они опустились на самую верхнюю точку лыжного
трамплина. На будочку судьи. Покрытую корочкой льда,
с обвисшими вниз сосульками.

— Да-а, — сказал Кеша. — Далеко же мы улетели.

Коля продолжал кашлять.

— И что за народ эти воробьи, — рассуждал Кеша. —
С виду маленькие, крепенькие. Ничего им не страшно. Ни
зима, ни холод. Прыгают себе, чирикают. А вот грянет ис-
пытание. Настоящее. Сразу в кусты. Кашель у них, на-
сморг. Упадок сил.

— Не надо так про воробьев, — сказал Коля. — Не надо.
Если я такой, то они при чем? Воробьи самые терпеливые.
Им много не надо. Корочка хлеба — и все. И уже довольны.
И счастливы, и чирикают. Не завидуют никому. Они са-
мые добрые, воробьи.

— Видел я, какие они добрые, — проворчал Кеша. —
Из-за этой корочки хлеба готовы удавиться. Друг друга от-
пихивают. Бьют клювом. Хорошо, не насмерть.

— И среди воробьев есть разные, — сказал Коля. —
Есть и плохие. А среди попугаев нет?

— Нет! — сказал Кеша. — Попугаи все хорошие: у нас в
Африке еды навалом!

— И никогда не дерутся?

— Бывает, — соврал Кеша. — Когда я ему бананы принес, а он не хочет. Вот тогда и до драки доходит.

Коля не стал спорить. Он снова закашлялся. Кеша вынул термос с горячим чаем:

— Хлебни, воробей!

— Спасибо, попутай.

Коля хлебнул. Ему стало легче.

— Знаешь, друг, — сказал Кеша. — Не обязательно нам в Африку своим ходом лететь.

— А как? — спросил Коля.

— Очень просто. Повсюду ракеты, кибернетика. А мы с тобой крылышками машем.

— Не пойму я вас, — сказал Коля.

— Поэтому и не понимаешь, что воробей. А я предлагаю — на самолете. Понял? Лететь не снаружи, а внутри. В тепле и комфорте. И скорость другая, и музыка, и питание.

— А билеты?

Кеша похлопал по карману, где были деньги:

— «Мани-мани-манэ...» Когда есть монеты, будут и билеты!

Глава тринадцатая

Рейс «Москва — Африка»

Аэропорт Шереметьево жил своей обычной жизнью. Улетали и прилетали самолеты. Вспыхивали зеленые огоньки на табло. Как собачки на поводке, катились чемоданы. Разноязыкая речь, смех, объятия, поцелуи. Есть от чего растеряться. Но Кеша сразу же направился к окошку «Справки».

— Здравствуйте. Надо в Африку. Срочно. Бабушка при смерти. Два билета. Я и сопровождающий.

Девушка в синем форменном костюмчике с удивлением взглянула на Кешу:

— Вы, по-моему, попутай?

— Какое это имеет значение? Попугай я или слон. Здесь я прежде всего пассажир.

— Извините, — вежливо сказала девушка. — Если вы попугай, вам нужна справка. От ветеринара. Что вам сделали прививки. И еще. Как попугай, вы не можете лететь один. Без сопровождающего.

— Есть у меня сопровождающий. Я говорил.

— А он кто? Тоже попугай?

— Нет. Он воробей.

Девушка только развела руками.

Кеша понял. Спорить с ней бесполезно. «Как глупо и несправедливо устроен мир. Все для людей. Все для человека. Все на благо человеку», — подумал он.

И тут он увидел дядю Борю, а дядя Боря увидел его. Они бросились навстречу друг другу.

— Кеша! Куда ж ты пропал? Вовка, твой дружок, совсем извелся. Не спит, не ест. Объявления везде дал. «Пропал Кеша, друг. Особые приметы — попугай».

Кеше стало жаль Вовку.

— Я вернусь, дядя Боря. Передай Вовке. Обязательно вернусь. Я его простил. Но мне надо в Африку. Срочно. Друга спасать.

— У тебя там друг?

— Здесь.

И Кеша кивнул на Колю, который пристроился под лавочкой.

— Солнце ему нужно, тепло. Понимаешь, дядя Боря. А то он загнетса.

— Да-а, — только и сказал дядя Боря. — Жаль, я в Африку не лечу. А то бы прихватил. Обязательно прихватил бы. Но я в Лондон лечу. Понимаешь? В Лондон. Там погода похуже нашей. Дожди, туман. Нельзя Коле в Лондон. Никак нельзя.

Дядя Боря задумался. На его лице прорезались морщины. Оно стало мужественным и волевым. Как в фильмах про пилотов. Которые совершают вынужденные посадки или обезвреживают террористов.

— Пассажирами вам не улететь. Может, в качестве груза? Бегите на грузовой склад. Найдете там начальника, Василия Ивановича. Скажите: дядя Боря просил. Очень. Если, конечно, возможно. Оформить вас в качестве груза.

Дядя Боря достал из кармана бумажник и протянул деньги:

— Вот. Чтоб все по закону. Это — за груз. И чтоб квитанция была.

Он достал еще бумажку, помельче:

— А это — на питание. До Африки долго лететь.

— Не надо на питание! — гордо сказал Кеша. — На питание у нас есть. Не маленькие. — И он похлопал себя по карману.

— Отлично! — похвалил его дядя Боря. — Значит, все понял? Скажешь, дядя Боря просил. Очень.

Но Василия Ивановича на складе не оказалось. Он работал в другую смену. А Николай Семенович, его сменщик, оформить Кешу и Колю в качестве груза наотрез отказался.

— Что придумали! Они и отправитель, они и груз. А кому мне квитанцию выписывать?

— Нам, — сказал Кеша.

— Вам? Но вы же — груз. А кто отправители?

— Мы. Мы отправители.

— Если вы отправители, то где ваш груз?

— Вот, — сказал Кеша. — Перед вами стоит.

— Нет, милые мои, — сказал Николай Семенович. — Такого не бывает. Если ты отправитель, то ты — не груз. А если ты груз, то отправителем уж никак быть не можешь.

Склад был заставлен ящиками, железными контейнерами, бочками, коробками. По складу раскатывала тележка, впереди у нее, как у слона, были огромные бивни. Бивни опускались и поднимались. Перемещали вверх и вниз огромные тяжести. И вдруг с «бивней» посыпались ящики. Николай Семенович с криком бросился туда.

Кеша схватил Колю, и они спрятались за контейнером.

Там они просидели до позднего вечера. Когда Коля начинал кашлять, Кеша зажимал ему рот и сверху накидывал еще брезентовый жилет.

Наконец склад опустел. Задвинулись тяжелые ворота. Горело только несколько лампочек в металлических сетках. Кеша осторожно выбрался из укрытия и стал осматривать грузы.

«Лиссабон»... «Монреаль»... «Сеул»... «Бомбей»...

И вдруг он увидел надписи на коробках: «Гвинея». На каждой коробке он прочитал: «Гвинея». Гвинея — это же Африка!

Внутри оказались бананы. Кеша и Коля вынули часть бананов и залезли в одну из коробок. В банановом аромате они скоро заснули. И сквозь сон почувствовали толчки, слышали крики грузчиков, поняли, что их куда-то везут, грузят в самолет...

— Спи, — сказал Кеша. — Когда будет Африка, я тебя разбужу.

Глава четырнадцатая

Вот тебе и Африка!

Ни Кеша, ни Коля не знали, что груз бананов и других продуктов предназначался вовсе не в Африку, а совсем в другую часть света. В Арктику. На дрейфующую полярную станцию «Северный полюс-77». Почти на самую макушку земли. А надпись «Гвинея» на коробках означала не пункт назначения, а страну, из которой прибыли бананы в Москву.

Не знали и не могли знать Кеша и Коля, что обычно такой груз завозится ледоколами. А если уж и ледоколы не могут пробиться сквозь толстенные льды, то вертолетами. Вертолеты поднимаются с палубы ледоколов и переносят на льдину тяжелые грузы.

И совсем не знали Кеша и Коля, что от льдины полярников несколько дней назад откололся кусок величиной с хоккейную площадку. Но вместо хоккеистов на этой пло-

щадке находился продуктовый склад. И этот склад уплыл в неизвестном направлении. А у полярников остался только мешок картошки и несколько луковиц.

В специально созданном штабе решили: немедленно забросить продукты самолетом! Мешка картошки полярникам надолго не хватит. А ледокола они вряд ли дождутся.

И вот летит на север грузовой самолет. Вместо пассажиров — ящики с продовольствием. Вместо ковровой дорожки на полу — ролики. Чтобы удобнее было скатывать ящики в хвост самолета, когда там откроется специальный люк и полетят на парашютах консервы, колбасы, крупы, фрукты, упакованные в коробки и ящики. И приземлятся они точно на льдину. И спасут полярников от голодной смерти.

А Коля и Кеша, ничего не подозревая, лежали среди бананов и мечтали о жаркой и прекрасной Африке.

— Соскучился я по родине, — говорил Кеша. — По друзьям детства. По родителям. По природе и животному миру. Ты в Африке мигом поправишься. Виноград там — во! Как яблоки. А яблоки — как дыни!

— А дыни? — спросил Коля.

— А дыни не поднимешь. Подъемный кран нужен. И грузовик.

— Я дыни очень люблю, — сказал Коля. — Там семечки вкусные.

— Вот чудак, — сказал Кеша. — Зачем тебе семечки? Тебе витамины нужны, фрукты. А там они всегда свежие. Не то что эти бананы. Два часа летим, а они уже портятся. Мягкие, расползаются.

— Это потому, что мы на них лежим, — сказал Коля.

— Нет, не потому. Если б мы в Африке были, сколько на бананах ни лежи, только крепче становятся.

— Да-а, — мечтательно сказал Коля. — Хорошо в Африке. А хлеб там есть? Такой черствый, засохший. Чтоб корочка была твердая. И лучше чтоб черный. Он дольше сохраняется.

Кеша отвернулся от Коли. Бананы под ним жалобно всхлипнули. Из коробки вытекла струйка бананового сока.

— Все! Больше не разговариваем. Я ему про Африку, а он мне про свою серую, прошедшую в нищете жизнь.

Дальнейшую часть пути они провели молча. Кеша был обижен на Колю: «Я для него жизни не жалею, а он...» А Коля был обижен на Кешу: «Строит из себя. Подумаешь, сокровище африканское...»

Но вот напряженное гудение моторов стало тише. Кеша и Коля почувствовали, что у них закладывает уши.

— На посадку пошли, — сказал Кеша — он однажды летал самолетом. — Здравствуй, Африка.

Они услышали голоса:

«Подлетаем... Хлопцы, не промахнитесь... Парашюты проверили?.. Приготовились... Сбрасывай!!»

Дохнуло холодом — это открылся в хвостовой части самолета люк. Ящики куда-то покатались...

И вдруг Кеша и Коля почувствовали, что падают. Внутри все оборвалось...

Резкий толчок — это открылся парашют. Бананы под ними превратились в липкую лужу. Жуткий пронизывающий холод. Казалось, это длилось вечность. И снова толчок. Приземлились. Кеша и Коля захлебывались банановой кашей. Но было так холодно, что сок начал замерзать и они стали покрываться ледяной корочкой.

— В-вот-т т-так Африка, — стуча зубами, сказал Коля. — Похуже, чем в холодильнике.

— Н-нав-верно, кондиционер в-включили, — сказал Кеша. — Чт-тоб жарко н-не было...

И снова они услышали голоса.

«...Тушенка — три ящика... Масло... Крупа — ящик... А здесь фрукты... Смотри-ка, бананы! Прямо из Гвинеи... Егор, ты целые грузи... А эту коробку оставь. Она и так потекла. С ней ничего не случится... Потом подберем».

— Случится! Случится!! — закричали Кеша и Коля, понимая, что замерзают.

Полярники, не веря своим ушам, открыли коробку.

И их изумленным глазам предстали: попугай Кеша и воробей Коля. Покрытые белым банановым инеем. А взглядам Кеши и Коли предстала черная полярная ночь, снег, несколько людей в меховых шубах, меховых сапогах, меховых шапках.

— Вот так Африка, — только и промолвил Кеша.

Глава пятнадцатая

В жизни всегда есть место подвигу

Кеша и Коля сразу стали всеобщими любимцами.

Повар Дима готовил для них специальные блюда. Для Кеши — фруктовые запеканки. Для Коли — ореховые муссы. Дима был большим мастером своего дела. Когда продуктовый склад откололся от льдины и утонул в неизвестном направлении, Дима не растерялся. Он умудрялся из картошки и лука готовить самые разнообразные блюда. «Картофельные оладьи с луковой подливкой», «зразы картофельные, фаршированные луком», «картофельная запеканка, соус а-ля лук!» И пусть это был один лишь картофель. Но какие названия? Пальчики оближешь!

Повар Дима был еще и врач. Полярники шутили: «У нас и повар, и врач — один человек. После обеда недалеко бежать за медицинской помощью». Но это они шутили. Достаточно было попробовать его знаменитый борщ «Северное сияние». На свекольном борще плавала пленка из топленого молока и яичного желтка. Чуть прикоснешься ложкой, желтое, белое и красное перемешивалось. И вспыхивало, как северное сияние!

Дима, уже как врач, взялся за Колю. Он лечил его тюленьим жиром. Ложку натошак — внутрь. И жировые компрессы на ночь. На легкие и бронхи. И Коля пошел на поправку. Пропал кашель, появился аппетит. Каждый день он прибавлял в весе. Девяносто граммов... девяносто пять... девяносто семь... Уже и сто граммов были не за горами.

Кроме повара и врача Димы, на станции жили и работали еще четырнадцать человек. Мужественные, сильные и веселые люди.

— Хороший у вас коллектив! — часто говорил Кеша. — Дружный. С таким коллективом... Не только вокруг полюса, вокруг всего земного шара можно проплыть. Аж до самой Таити! Кстати... Вы не были на Таити?

Полярники смеялись:

— Не были мы ни на каком Таити. Нас и здесь неплохо кормят.

Кешины концерты имели успех. Все соскучились по живым артистам. За все время экспедиции, кроме Кеши, к ним никто не залетал.

Обычно концерты проходили в кают-компании. Это отдельно стоящий домик. Такой же, как остальные. Из деревянных панелей. Только в нем не живут, а собираются все вместе.

Это — клуб, столовая и кинотеатр. А название — как на корабле. Потому что льдина — это большой корабль. Но плывет он, повинаясь течениям, а не командам капитана. И бывает, откалываются от корабля другие кораблики. Например, продуктовый склад. Или домик радиста. Как случилось во время одного из выступлений...

Только Кеша начал свой концертный номер: «Прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит...» — как раздался жуткий грохот.

Все бросились к окнам. И видят такую картину. В темноте ночи светятся огоньки. Как обычно. Над домиками, над метеовышкой... И только несколько огоньков, над домиком радиста, на палочках антенны — двигаются. Вроде корабль отходит от пристани. Радист Сережа хватается за голову:

— Радиостанция!! Моя радиостанция!!

Все накинули шубы и выскочили наружу. Произошла самая настоящая катастрофа. Часть льдины, где находился домик радиста, откололась от основной и медленно уплывала в неизвестном направлении. Так же, как уплыл недавно продуктовый склад.

Тревога!!! Дежурный по лагерю бьет тяжелым молотом по пустому газовому баллону.

Тревога!!! Все бегут к образовавшейся трещине. Но с каждой секундой она становится все больше, а домик все меньше. Даже чемпион мира по прыжкам в длину теперь ее не перепрыгнет.

И тогда Кеша понял: настал его звездный час, его минута. Его мгновенье! Как в «Семнадцати мгновеньях весны». Как поет Кобзон: «У каждого мгновенья свой резон... кому позор... ну, а кому бессмертие...» Вот оно, его мгновенье! Мгновенье, мгновенье!

— Товарищ начальник станции! — обратился он к начальнику станции, дважды герою, трижды лауреату, доктору наук, профессору и депутату. — Разрешите мне совершить подвиг. Перелететь на отколовшуюся часть льдины и передать по радио важное сообщение!

— И мне! — сказал Коля. — Разрешите?

Начальник станции снял с шеи шарф, обмотал им Кешу. Всего-всего. Как бинтами. Только крылья и хвост выпустил наружу. И голову. А Колю утеплил вязаной шерстяной рукавицей. Но сразу он ничего не ответил. Переминался с ноги на ногу. И дышал тяжело. И борода его стала белой от инея. Словно поседела. Все пятнадцать полярников молчали. И стояла такая тишина, какая, наверно, бывает в космосе. Если бы не скрип снега под сапогами — хрусть-хрусть... хр-ррусть-хрррусть...

— Разрешаю, — наконец сказал начальник. — На вашем месте так поступил бы каждый. Будь у него крылья. Передайте на Большую землю: «За нас не волнуйтесь. Продолжаем нести трудовую вахту. Все здоровы. Будем живы, не помрем!»

— Слушаюсь! — четко, по-военному, отрапортовал Кеша.

— Так точно, — добавил Коля.

Начальник поднял Кешу и Колю:

— Ну, соколы... Летите! Берегите себя... сынки.

Кеша и Коля взлетели. Несколько секунд их видели, потом они растворились в темноте ночи. Там, где светились огоньки радиостанции.

Хрр-ррусть-хрр-ррусть, хрррр-ррусть... хр-ррусть... — переминались с ноги на ногу полярники. «Как там?! Что там?! И долетели ли?»

Сколько прошло времени — никто не знал. Наконец раздался крик:

— Летят! Ле-етят!!

Из темноты вынырнули Кеша и Коля. Усталые, обледе-
нелые.

И рухнули у ног полярников.

Их подхватили, внесли в кают-компанию. Растерли, отогрели. Напоили горячим чаем. И только тогда разрешили говорить.

— Я в-все сделал, — сказал Кеша. — Включил, вышел на связи! «Большая земля слушает», — сказали мне... Я им говорю: «У нас льдина треснула... Радиостанция уплыла...» Они не верят... «Хватит шутить. Мы голос радиста знаем...» И тогда делать нечего... Я твоим голосом сказал, Сережа... Они испугались, всему поверили... А Коля... Молодец... Еще и сигнал бедствия отбил... Клювом. Вот так...

— Морзянку? — удивился радист. — Откуда ты знаешь?

— В-в кино видел, — сказал Коля. — Вчера. «Семеро смелых» показывали. Старый фильм.

— Молодцы, — только и сказал начальник и провел ладонью по глазам, чтоб никто не видел набежавших слез. — Просто герои... Не испугались, справились... Вернемся на Большую землю, представлю к награде.

Он прижал к себе Кешу, поцеловал. А Коля сам к нему на плечо прыгнул.

Глава шестнадцатая

Вертолеты летят на помощь

Льдина полярников становилась все меньше. Кусок за куском откалывался от нее.

И вот осталась совсем небольшая льдинка. На ней сгруппировались люди, ценные грузы. От холода спасала одна-един-

ственная брезентовая, с меховой подкладкой, палатка. Посредине горела и днем и ночью газовая горелка. Но все равно стенки палатки позаросли льдом.

Кеша и Коля каждый день летали на радиостанцию и сообщали новые координаты льдины. Летать становилось все труднее. Домик радиста уплывал все дальше и дальше. Последний такой полет занял около часа. И это сквозь метель, при температуре воздуха «за бортом» минус 31 градус, в кромешной тьме. Ни солнца, ни звезд, ни уличных фонарей.

Полярники, как могли, утепляли связных. Сшили им меховые ватнички, давали в дорогу термос с горячим чаем. Чтобы они не сбились с пути, пускали в воздух осветительные ракеты. Но каждый полет мог оказаться последним.

— Нет! — говорил начальник. — Больше вас не пущу. Эх, и почему я не птица?

— Товарищ начальник! — каждый раз говорил ему Кеша. — Если не мы, то кто? Если б каждый так рассуждал, мы бы не победили в войне. Не покорили бы космос.

Снова и снова Кеша и Коля поднимались в воздух.

А в специально созданном штабе по спасению полярников не спали которые сутки. Думали, как оказать помощь. «Послать ледокол? Не успеет. Самолет? А где он приземлится? Или, правильной, приснежится? Или, еще правильной, прилечится? Нет!.. Только вертолет... Но погода. Совсем не для таких полетов».

Наконец решили — вертолет. И не один, а два. Если с одним что-то случится, второй долетит. Спасет и полярников, и экипаж первого вертолета.

Вертолеты вылетели из Мурманска и взяли курс на север. Летели в кромешной тьме, по приборам. Кроме приборов, ничего не светилося. Ни внутри кабины, ни снаружи. Сильные порывы ветра проникали в щели, раскачивали вертолеты в воздухе. Но смелые летчики упорно вели свои машины на север.

Кеша и Коля из домика радиста держали с вертолетами постоянную радиосвязь. По их голосам определяли курс. Громче голос — правильно летим. Тише — надо взять чуть вправо или влево.

Кеша не умолкал ни на секунду:

— Прилетаю я как-то на Таити, а Хрюша мне и говорит... Кстати. Вы не были на Таити?

— Не были, — отвечали летчики. — Нас и здесь неплохо кормят. Чай, кофе, шоколад...

— «Марс»? — спрашивал Кеша. — Съел и порядок?

— «Баунти», — шутили летчики. — Райское наслаждение. Теплое море, пальмы...

— А не слишком ли жарко? — спрашивал Кеша.

— Не слишком. Минус 32 в тени.

— А на солнце? — спрашивал Коля.

— А кто его знает? Мы его полгода не видели.

Так проходил полет. В доброй, непринужденной обстановке. Все старались друг друга ободрить.

Наконец летчики услышали радостный голос Кеши:

— Видим вас! Видим! Возьмите немного на запад. Там льдина. Километрах в двух. Летите туда.

— А как же вы? — спросили летчики.

— А мы сами прилетим, своим ходом! — бодро ответили Кеша и Коля. — За нас не волнуйтесь.

Вертолеты повернули на запад, и через минуту летчики увидели сигнальные ракеты. Полярники были спасены!

Глава семнадцатая

Москва встречает героев

На Большой земле все неотрывно следили за операцией по спасению. Не отходили от телевизоров и радиоприемников. Ждали последних сообщений.

И Вовка вместе со всей страной ждал. И папа. И мама. И дядя Боря с тетей Наташей. И Вовка-2. И Айболит Айболич. И много, много взрослых и ребят, врачей, рабо-

чих, инженеров, художников, бизнесменов, аграриев. Чуть ли не 150 миллионов человек.

Вовкин папа говорил:

— Герой. Просто герой. Ай да Кеша!

А мама добавляла:

— Теперь до этого героя не дотянешься. Кто мы для него? Простые скромные букашки.

Вовка возмущался:

— Как можно так говорить? Это же — Кеша. Наш Кеша.

Через несколько дней Москва встречала полярников.

На Внуковском аэродроме был выстроен почетный караул. Сам премьер-министр прибыл в длинном автомобиле. С эскортом, как положено. А с ним еще вице-премьер. И несколько простых министров. Среди встречающих были деятели науки и культуры, депутаты Думы и политические деятели. Был среди них и Вовка. Но он был не в первых рядах, а среди сотен других встречающих. Он не стал говорить, что Кеша его друг. Никто б не поверил.

И вот в небе появился самолет. Белая стрелка на синем февральском небе. Все ближе, все ниже. Сверкнули солнечные зайчики в окошках иллюминаторов. Самолет коснулся бетона. Прокатился сотню метров по взлетно-посадочной полосе. Остановился. И медленно поехал к толпе встречающих. К почетному караулу, девушкам с хлебом-солью, премьер-министру, оркестру, журналистам и телекамерам.

Первым произнес речь премьер-министр. Премьер — это и есть первый. Поэтому он и первым произносит речи.

Затем произнес речь начальник полярной экспедиции.

А затем слово предоставили Кеше.

— Дамы и господа, — сказал Кеша со специальной трибуны. — Джентльмены и товарищи! Леди и беби. От своего лица и лица Коли позвольте выразить нашу сердечную благодарность за столь горячий и сердечный прием. Все наши чувства и наши помыслы, все наши мечты и надежды... Наши... мысли и сердца... Наши...

Кеша запнулся. Он много раз видел по телевизору, как принято говорить в подобных случаях, но не думал, что самому придется.

— Наши чаяния в минуты отчаяния...

Коля незаметно подобрался к Кешиным ботинкам и ударил его клювом. Кеша взглянул на него и все понял.

— Спасибо! — сказал он встречающим. — Большое спасибо!..

Раздались аплодисменты, засверкали вспышки корреспондентов, заработали кино- и телекамеры.

Подъехал празднично украшенный автобус. Полярники, а с ними Кеша и Коля поднялись в автобус и сели на удобные кожаные сиденья. Автобус тронулся, толпа встречающих расступилась. Снова раздались приветственные возгласы и аплодисменты.

И вдруг Кеша разглядел среди встречающих Вовку. Кеша подпрыгнул и закричал водителю:

— Остановите! Пожалуйста. Это же Вовка!

Автобус зашипел и остановился. Открылась дверь. Кеша выскочил из автобуса. А навстречу ему уже бежал Вовка с огромным букетом цветов:

— Ке-ша!

— Вов-ка!

Их окружили журналисты, корреспонденты.

— Это — Вовка, мой лучший друг, — сказал Кеша. — Так и передайте. Так и напишите во всех газетах и журналах!

Но тут он заметил Колю. Коля стоял на ступеньках автобуса, и никто не обращал на него внимания.

— Коля! — крикнул ему Кеша. — Ко-ля! Лети к нам. Быстрей!

Коля не заставил себя ждать.

— А это — Коля. Мой лучший друг.

Из окошек автобуса выглядывали полярники.

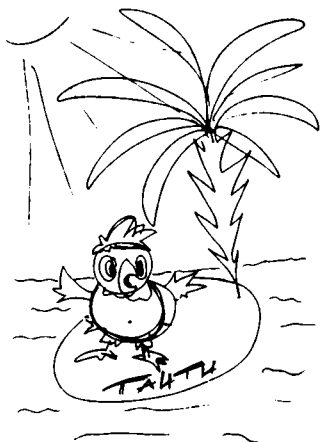
— И это мои друзья, — сказал Кеша. — Самые лучшие. У меня много друзей. Самых лучших!

Кто-то из корреспондентов протянул в его сторону микрофон:

— Скажите... Программа «Новости»... У вас много прекрасных друзей. А как вы сами себя оцениваете?

— Как? — переспросил Кеша. Все ждали его ответа. — Знаете, — сказал Кеша. — Есть такая пословица: «Скажи, кто твой друг, и я тебе скажу, кто ты!»

И все очень обрадовались такому ответу. Хороший человек не будет дружить с плохим. Если твой друг хороший, значит, и ты... Тоже... Наверно, неплохой человек. А попугай ты или воробей... Какое имеет значение?

Моя бабушка — ведьма

Повесть-сказка

У каждого человека,

кто бы он ни был — писатель, строитель, честный труженик или «мафиози» — есть одному ему принадлежащая страна, это волшебная страна его детства.

Есть такая страна и у меня. Не знаю, как другие, но я часто совершаю туда поездки. Зимой, летом, в любое время суток и без всякого билета. Наша жизнь меняется, появляются новые кварталы и морщины, мы стареем... А в этой стране все остается таким, как было. Ты сам, твои друзья, родители. Твоя страна всегда такая, какой ты ее покинул. Солнце, музыка, много тепла и любви! И как хорошо после изнурительной работы или разочарований в жизни оказаться там. Хоть на несколько минут. Я всегда возвращаюсь оттуда чуть лучше, чуть добрее. Я снова начинаю верить в справедливость. Такова сила этой волшебной страны. Моя страна, мое детство — это недостроенные силуэты высотных зданий на Котельнической набережной. Это картонные билетки в метро, это девочки в отдельной школе. Это закусочная-автомат на площади Дзержинского и телевизор «КВН» с линзой. Это длинные очереди на фильм «Смелые люди». Это Чистые пруды с плеском весел и смехом в лодках. И много-много другого, которого сейчас уже нет. Но самое главное — люди, которые там живут, многих из которых тоже уже нет.

Я давно мечтал поехать в свою страну не один, а с друзьями, чтобы они увидели ее, поняли, полюбили.

Может быть, поэтому я и написал эту повесть...

...Воробей был жирный, величиной со свинью. Он тяжело прыгал, сопел, взметал столбы пыли. Это был третий воробей, и я понимал: его так просто не возьмешь. Я залез в бидон — р-раз! Бидон повернулся и приблизился к воробью... Р-раз — еще приблизился... Этот третий был моим, я его чувствовал хвостом. Да, хвостом. Я был кошкой, кошкой!.. Но в это время во двор вошел папа. Папа нес портфель, сетку с молоком и рыбину... И я убежал галопом...

...Управдом летал по комнате, а жена бегала за ним. Она хватала мужа за сандалет, но его несло к раскрытому настежь окну. У самого окна он перевернулся животом вниз, и жена поймала его за галстук. Она подтянула управдома и привязала галстук к трубе отопления. Управдом обхватил батарею, как баян, сел на пол и заплакал...

...Колька-Трюмо подошел вплотную, он дышал луком. Я внимательно следил за его руками. Не вынимая рук из карманов, он вдруг резко толкнул меня животом. Я отлетел назад и сбил Бескина с костылем. Мимо моего носа просвистел чей-то кулак. Он пробил стенку сарая и остался там, в плену гнилых досок.

Бескин за моей спиной уже вставал, уже заносил свой страшный костыль над моей головой...

...Я стоял на лесной опушке. По тропинке, в глубину леса, уходили старушка и медведь. Они о чем-то говорили, говорили на одном им понятном медвежьем языке. А я смотрел им вслед, пока их спины не растворились в темноте леса. Еще слышались голоса, еще потрескивали под ногами сучья... Но вот все стало стихать... Ничего... Только наглое гудение комаров...

Бабушки бывают разные. В очках, с палочками в руках, худые, как метелка. С реденькими седыми волосами.

Моя бабушка была такая, как все разные. Она была в очках, с палочкой в руках, худая, как метелка, без трех пе-

редних зубов, в валенках на босу ногу, с реденькими седыми волосами, приехала она неожиданно. Однажды во дворе нашего дома появилась телега на автомобильных колесах-дुтиках. В телегу была впряжена толстая белая лошадь. Такая белая, что хлопья снега, падающие ей на спину, сразу исчезали. Снег превращался в пар, и лошадь шла, окутанная туманом, тихо позвякивая колокольчиком на шее.

В телеге, кроме бабушки, сидели четверо. Старуха в надраенных офицерских сапогах, неподвижный унылый старик, еще одна старуха, любопытная, остроглазая. Четвертым или четвертой в этой компании было странное существо, вроде карлика в цирке.

Это существо и правило лошадей.

Четверо слезли с телеги, взяли на руки огромный сундук и безо всяких усилий внесли его к нам в квартиру, на четвертый этаж. Они поставили сундук на кухне у окна, между газовой плитой и дверью, и никто им даже слова не сказал: ни Марьяна, ни тетя Паша, ни Петр Гаврилович, хотя все на это место претендовали, устраивали скандалы с криками и грохотом посуды. А тут бабушка обвела всех долгим внимательным взглядом и сказала: «Я всю жисть на сундуке прожила, на нем и помру...» И все расступились, будто этого только и ждали... Одна лишь Марьяна взметнула к небу жилистые кулачки: «Не-на-ви-жу!» Она ненавидела всех и по любому поводу.

Потом, спустя несколько месяцев, Петр Гаврилович попытался сдвинуть бабушкин сундук, но у него ничего не вышло. Как он ни пытался и ни упирался в стену. Сундук стоял, будто прибитый гвоздями... Впрочем, я забегаю вперед...

Бабушка жила в кухне, никому особенно не мешая. При ней готовили, обсуждали новости. Ее вроде бы не замечали. Но немного побаивались. Про нее ходили всякие слухи. Что будто бы однажды она вытащила из-под льда корову. А в прошлом году, когда пошел страшный град, сшибая яблоки с деревьев, в бабушкиной избе задымила

труба, и град превратился в скучный осенний дождик. Правда это или нет — не знаю. Но как она спасла Марьяну от нервного припадка, это я сам видел...

А дело было так...

Марьяна давала уроки музыки. Готовила в консерваторию по классу вокала. В те времена к ней ходили двое учеников: пышная прыщеватая девица и скромный, всегда простуженный мальчик. Девица, глядя на меня, глупо улыбалась, а мальчик все время говорил: «Здрасьте». Даже когда выбегал в уборную.

Стенки в нашей квартире были тонкие, а голоса учеников противные.

Мы сидели с бабушкой на кухне, а из комнаты Марьяны доносилось:

Ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья,
Ты б с удочкой села,
Я клюнул бы смело,
Ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья...

В кухню вошел Петр Гаврилович.

— Рыбкой в прохладе ручья. Какая гадость!

Он достал из-за форточки треску и бросил в мойку.

— Был бы я рыбкой в прохладе ручья, только б меня и видели!

Что он имел в виду, я понял намного позже. Когда Петр Гаврилович вдруг уехал в лесничество. Собирать мед и ухаживать за пчелами.

«Ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья», — пропел сильный и красивый голос Марьяны. Она показывала ученице, как надо правильно петь, чтобы попасть в консерваторию.

«Ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья», — тускло и бездарно повторила ученица.

Чубчик, чубчик,
Чубчик кучерявый! —

раздалось вдруг из комнаты тети Паши. Она включила патефон, чтоб заглушить классику. Тетя Паша всю

жизнь проработала продавщицей, но недавно у нее отнялась нога, и муж подарил ей патефон.

Развевайся, чубчик,
Чубчик на ветру...

Судя по громкости «Чубчика», тетя Паша придвинула патефон вплотную к стенке Марьяны.

Бабушка беззвучно засмеялась, показав без трех передних зубов рот. Из комнаты Марьяны доносилось:

О-о, лейтесь, милые напевы,
Забвенья моря примет ва-ас...
Весной да не споют вам де-евыы...

— В конце концов! — вдруг сказал Петр Гаврилович.

Он протопал в свою комнату и вернулся с аккордеоном, зашипели мехи:

...И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас!..

Наяривал тети Пашин патефон, раздувались мехи аккордеона — бедному Шуберту приходилось несладко. Мне показалось, что даже треска в мойке вдруг открыла рот: «Да, будь бы я рыбкой в прохладе ручья!..»

Но, наверное, это только мне показалось.

Марьяна забарабанила в стенку: громче, громче, еще громче!! Куда там! Она только подогревала страсть соседей...

И вдруг за ее стеной раздался грохот. Звуки Шуберта оборвались...

Мы бросились в комнату.

Когда мы вбежали, то увидели перепутанные лица учеников и нелепо задранную вверх ногу Марьяны. Нога держалась, будто пыталась сбросить с себя туфлю. Бабушка уже была здесь, непонятно как опередив всех нас. Она что-то шептала, согнувшись пополам, крутила над Марьяной крючковатым пальцем.

Марьяна еще немного подергалась и затихла. Затем она встала, прошлась по комнате и с удивлением уставилась на нас. На ее лице играл румянец, будто и не она только что колотилась о ножку стула.

Бабушка вела по ночам какой-то странный образ жизни. Когда ложилась спать, она запирала дверь кухни, и никто не знал, что у нее делается. Хотя, наверное, там что-то делалось. Иначе зачем запирает дверь?

Утром, когда готовили завтрак, в кухне пахло травами и болотной сыростью. А бабушка выглядела усталой.

— Чем это у нас пахнет? — принюхивался папа. — То ли сыростью, то ли гнилью. Надо бы слесаря вызвать. Может, раковина засорилась?

Но бабушка всегда возмущалась:

— Нечего вызывать. Только разведут в кухне грязь. Лучше уж в чистоте, да без слесаря.

Папа молча поедал геркулесовую кашу, складывал бумаги в портфель и шел на работу. С бабушкой он никогда не спорил. Он был ей совсем чужой человек. Она была не его мамой, а мамой моей мамы.

Моя мама была геологом. Она все время открывала разные полезные ископаемые. И чем больше она их открывала, тем меньше их оставалось. Поэтому их все труднее было найти и мама месяцами не приезжала домой.

И папе пришлось стать мне второй мамой. Готовить завтраки, штопать носки, ходить на родительские собрания. А бабушка ничего не замечала. Спала в закоулке на своем сундуке. При этом один глаз у нее был всегда приоткрыт, будто это не ее глаз, а другой какой-нибудь бабушки. Или даже дедушки. И, что интересно, в дождливую погоду всегда был приоткрыт левый глаз, а когда светило солнце — правый.

В тот злополучный день я пришел домой позже обычного. Подойдя к подъезду, я увидел белый «ЗИС» «Скорой помощи». В кабине сидел шофер и ел ложечкой простоквашу. Честно говоря, я не подумал ничего плохого. Ну, приехали и приехали. Мало ли к кому. Но, подойдя к квартире, я понял — что-то неладно. В нос ударил запах лекарства. Папа, который открыл дверь, выглядел растерянным.

— Наконец-то, — сказал он трясущимися губами. — Иди к бабушке. Она тебя ждет.

Я пошел на кухню. Около бабушки шептались врачи. Как только я вошел, левый глаз бабушки широко открылся.

— Внучек, — сказала она.

Затем посмотрела на врачей.

— Оставьте нас...

Врачи переглянулись.

— Я умираю, — сказала бабушка. — Вы хорошие врачи, но сейчас уйдите!

Один из врачей, с черной кучерявой бородкой, обнял своего товарища за плечи, и они молча вышли из кухни.

Я заплакал. Мне стало жаль, что больше не будет бабушки.

Бабушка открыла второй глаз и пристально посмотрела на стакан.

И стакан вдруг затрясся мелкой дрожью.

«Трр-ррр пр-рррррных дыр-ррр, — сказала бабушка, — из-зелена велена сильна напоеледина!..»

В стакане за клубился туман. Затем стал густеть и превратился в изжелта-коричневую жидкость. Бабушка выпила ее не отрываясь. Лицо ее порозовело, она присела на сундуке.

— Дружок, — сказала она неожиданно бодрым голосом. — Я должна открыть тебе страшную тайну... Я — ведьма!

Она улыбнулась, показав без трех передних зубов рот.

— В нашей семье ведьмами становились по наследству. Мать моя была ведьмой, бабушка, прабабушка. Я должна была передать эту должность твоей мамочке. Но снача-

ла она уехала из деревни. Потом поступила в техникум. Я все время надеялась. Но теперь слишком поздно.

Бабушка откинулась на подушку.

— Внучек, придется тебе стать ведьмой.

— Мне?

— Да. По-другому не получится.

Голос бабушки становился все тише:

— Откроешь сундук... Ты умный мальчик... Ты поймешь...

Она сняла с шеи ключ и протянула его мне.

— Как только возьмешь этот ключ, ты станешь ведьмой. Все, что есть в сундуке, поможет тебе творить чудеса. Там все есть. На все случаи жизни. Этого вполне достаточно... Только помни одно: все, что ты делаешь, не должно вредить людям... И старайся приносить пользу... Иначе ничего не получится...

Я не знал, что делать, и взял ключ. Бабушка улыбнулась и закрыла глаза...

Я выбежал во двор. С неба падали хлопья снега. Все было в снегу: трава, крыши, деревья, первые листья...

Раздался перезвон колокольчиков. По улице ехала лошадь. В телеге на колесах-дутиках сидели четверо. Зябко съежившись, почти засыпанные снегом...

Я бросился на улицу, пытался догнать лошадь. Но она растаяла в снежном тумане...

Жуткий звон раздался за моей спиной. Сзади стоял трамвай-снегоочиститель. Водитель беззвучно кричал и бил кулаком в стекло...

Странные вещи стали происходить со мной после того, как я взял ключ от бабушкиного сундука.

Однажды я пошел в магазин. Во дворе Борька Румянов катался на велосипеде. И не просто катался, он всем своим видом показывал, что у него есть велосипед, а у меня — нет.

«Чтоб ты лопнул!» — подумал я.

И в ту же секунду у велосипеда лопнула шина, а Борька, пролетев через руль, приземлился в цветочный газон.

Когда я спускался по переулку, из подворотен выскакивали черные кошки и шли за мной, высоко подняв хвосты. Ничто на них не действовало: ни крики, ни брошенные камни.

В магазине, у рыбного прилавка, я встретил француженку. Всегда, когда мы встречались, ее лицо искажалось привычным страданием.

— Здрасьте, Нина Николаевна...

— Бонжур, мон ами.

Я стал думать, что бы ей этакое ответить по-французски, но в магазине раздался крик. Кричала кассирша.

Через весь отдел в мою сторону шла цепочка черных кошек. У кошек были перископами подняты хвосты, зеленые глазищи полыхали!

Кассирша визжала:

— Вот, вот, вот! Вот кто у нас таскает селедку!

Ночью я неожиданно проснулся. Все было как обычно: посапывал за шкафом папа, подрагивал на обоях свет от уличного фонаря. И все же меня не покидало ощущение тревоги, будто сейчас что-то должно произойти...

Я просунул ноги в тапочки и пошел туда, «куда царь пешком ходит». Только я зажег свет и открыл дверь, как раздался внятный и отчетливый бой часов. Было двенадцать.

Ноги сами собой повели меня на кухню. Я подошел к сундуку и открыл крышку.

На первый взгляд внутри не было ничего необыкновенного. В образцовом порядке лежали всякие травки, веточки, засушенные мотыльки. Три левых залатанных валенка, миска, черный с серебряным узором платок, зазубренная деревянная ложка, иглолка для примуса, два пожелтевших трамвайных билета, соломенная шляпка с вуалью, гусиные перья, леска с крючком. Всего не пере-

числишь. Самые обыкновенные вещи, которые давно пора было выбросить на помойку.

И тут мне в лицо как горячий воздух подул. Все вещи в сундуке как по команде поменялись местами, выстроились в строгом порядке. Я вдруг понял, что каждая травка, каждая вещь имеет второе, тайное значение. И я даже знал — какое. Я знал, как и что надо делать, чтобы проявилась ее тайная суть.

Осторожно, на цыпочках, я вернулся в комнату. Стараясь не разбудить папу, достал фотографию класса. В центре, как и положено классной руководительнице, сидела француженка. Я аккуратно вырезал ее ножницами.

Потом вновь выскользнул в кухню, достал пакет с «при-
вораживающей травкой». Заварил траву кипятком. Накрыл стакан черным платком с серебряным узором. Через несколько секунд платок всплыл в воздух, покачался и черной птицей скользнул обратно в сундук.

Я перелил зелье в маленький пузырек из-под валерьянки. Содержимое целого стакана уместилось в малюсеньком пузырьке, но я уже ничему не удивлялся.

На следующий день на большой перемене я зашел в учительский буфет.

Нина Николаевна сидела за крайним столиком и ела сосиски с капустой.

«Как бы напоить ее травкой?» — размышлял я, поглядывая на стакан с чаем.

— Тебе чего, Новиков? — спросила она. — Все равно вызову.

— Очень хорошо, — сказал я, приближаясь к стакану с чаем. — Обязательно, обязательно вызовите!

Нина Николаевна потянулась за ложечкой, а я незаметно перелил пузырек в чайный стакан.

Тут Нина Николаевна заметила пузырек.

— А я и не знала, Новиков, что ты — сердечник.

Я спрятал пузырек в карман.

— Прихватывает иногда... Нагрузки у нас большие.

Нина Николаевна отхлебнула чай и как-то странно взглянула на меня.

— Надо же... А я думала, ты обыкновенный лодырь.

Когда прозвенел звонок и Нина Николаевна вошла в класс, сердце мое бешено заколотилось.

— Новиков, — сказала Нина Николаевна, — ты выучил урок?

— Да, — сказал я.

— Хорошо. Я тебе верю.

И против моей фамилии появилась первая в жизни пятерка. Прозвенел звонок, мы с Вовкой Сурковым вышли из школы.

— Ну? — сказал Вовка. — Рассказывай.

Вовка был моим другом. Его отец, генерал артиллерии, иногда заезжал за ним на служебной машине. Вовка пошел не в отца. Ни внешностью, ни содержанием. Двоечник и лоботряс, без какой бы то ни было цели в жизни, как я теперь понимаю. Но тогда мы просто дружили...

— Пятерку как получил? — спросил Вовка.

— Я учил, Вов...

— Эх ты, — обиделся Вовка.

Он хлопнул себя портфелем по боку и с гиканьем умчался прочь... Я шагал, глядя в землю перед ногами: раздавленная папиросина... билет на автобус... щепка...

— Новиков! — Передо мной стояла француженка. Очевидно, она поджидала меня. На туфельках была грязь, значит, она вышла из проходного двора, а не просто встретилась со мной на улице.

— Ты сегодня что делаешь?

Француженка открывала и закрывала сумочку, щелкая блестящими шариками.

— Я слышала, у вас трудная жизнь, мама в отъезде... Хочешь, я вам помогу? Я очень вкусно готовлю... Новиков...

— Спасибо. У нас папа готовит. Тоже очень вкусно. И яичницу, и омлет, и молоко...

— Зря ты, Новиков...

Мы молча шли по улице.

— Почему мы не можем дружить?

И тут я заметил Вовку Суркова. Он выглядывал из-за дерева и махал мне рукой. Прямо рот до ушей... Подпрыгивал и махал. Когда он только успел забежать вперед?

— Нина Николаевна, — не выдержал я. — Ну какая может быть между нами дружба? Вы — учительница, я — ученик.

— И что? История знает немало примеров. Древнегреческого философа Сократа связывала с учениками самая настоящая дружба. Вплоть до его смерти от яда.

— То когда было — при царе Горохе?

— При каком Горохе? — обиделась Нина Николаевна. — При правителе Перикле.

— Вот именно. А теперь подумают, что я ваш «любимчик».

— «Любимчик»...

Нина Николаевна засмеялась:

— Хорош «любимчик»! За всю жизнь — первая пятерка.

Мы подошли к воротам дома. Теперь надо было войти в ворота, пересечь весь двор, и только там, во флигеле, был мой подъезд. Как назло, во дворе было полным-полно народу. Весна, все выползли на солнышко. Борька Румянов катался на велосипеде. Готовил свою «бээмвэшку» к сезону тети-Пашин муж, а на лавочке — весь «цвет» двора, в платочках, косыночках, расстегнутых пальто...

— Нина Николаевна, я сейчас...

Я покрутился на месте и кинулся в ближайший подъезд.

— Куда ты, Новиков, куда?!

Я взбегал по лестнице вверх. Сквозь цветные витражи падали полосы света. Я рассекал их, как бегун ленточки финиша. Внизу слышался перестук каблучков учительницы.

— Новиков, Новиков...

Еще этаж, еще... Еще пол-этажа, дальше — железная лестница. И через люк — на чердак. Там меня никто не

найдет. Никакая учительница. Я взлетел на последний этаж... Чердачный люк был заперт. На железных ушках висел замок. Ко мне приближались туфельки учительницы.

— Новиков, Новиков... Ты где?

Спрятаться было некуда. Я прислонился к металлической лестнице и застонал...

Из-под батареи выглядывали два огромных кошачьих глаза. Кошка спала, и лишь глаза следили за мной, время от времени сладко зажмуриваясь. Глаза были желто-зеленые, как у бабушки. Когда она вот так дремала на сундуке... Не знаю, как сверкнула у меня жуткая мысль: «Ведьмы могут вселяться в людей, животных. Недаром говорят — вселился бес... значит, и я могу... Могу! Только надо знать, как... КААК?!»

Все кружилось перед глазами: кошка, сундук, бабушкины глаза, хвост, узкая полоска месяца, дым из трубы, туман над речкой, кошачьи усы, шерсть... БАЦ!!!

Я увидел прямо перед собой... крупно-крупно... истерные квадраты кафеля с грязновато-желтыми цветами...

— Новиков! Новиков! — приближалась учительница.

Но теперь я никого не боялся.

Нина Николаевна взошла на последнюю ступеньку и с изумлением уставилась на портфель. Портфель был, а меня не было...

То есть я был, был... Но в данный момент я был кошкой...

Я зевнул, потянулся и прошел мимо Нины Николаевны, чуть коснувшись ее шерсткой...

— Брыыыысы!!! — завизжала она и отбросила меня ногой к батарее...

Я спустился вниз. Сквозь щель в дверях вышел во двор. В нос ударили всевозможные ароматы: пряный запах земли, прошлогодние листья... Пахло буквально все... И белье, сохнущее на веревке, и объявление о собрании жильцов, и сам клей... Много было в моей жизни разного: и двойки,

и катания на подножке трамвая... Но это?.. Нет, кошкой я не был ни разу! Как ни бросала меня судьба!

Я прилег на солнышке и стал смотреть на жука. Жук волок травинку. Травинка была с доброе бревно. Жук кричал, его мучила одышка, но травинку не отпускал. Он поглядывал на меня, вращал огромными глазами: «Э-хе-хе... кхххе... старость... кхххе... не радость...»

И вдруг я увидел воробья!

Воробей был жирный, величиной со свинью. Он тяжело прыгал, взметая столбы пыли... Я ничего не мог с собой поделать и тут же залез в дырявый бидон... раз! Бидон повернулся и приблизился к воробью... Раз! Еще приблизился... Этот воробей был моим, моим!.. Я это чувствовал хвостом... Да, хвостом... Но в это время во двор вошел папа. Папа нес картофель, сетку с молоком и рыбину. Мне показалось, что папа узнал меня... И я умчался галопом...

Потом я лежал под топодем. Никогда не думал, что у деревьев такие мощные корни. Слышно было, как они тянут из земли сок. Сок журчал, как вода в водопроводных трубах... «Нет, — думал я, — не мог меня узнать папа, не мог...»

Я вернулся во двор и тут снова увидел папу. Папа только что вышел из подъезда. Теперь на нем был серый костюм и галстук. Тот самый, трофейный. Единственный трофей, который он привез с войны. Остальные трофеи — подарки маме и мне — у него забрали «в качестве трофея» на нашей территории. А галстук остался. На нем висела раненая папина рука...

«Интересно, — подумал я. — Куда это он, такой красивый?»

Я сладко потянулся и двинул за ним. Папа вышел из ворот, но вместо того чтобы идти вниз, к Ногина, пошел к Покровке. Вниз — я бы еще понял. Оттуда он иногда ездил в Сандуны, а вот вверх?..

В те времена по Покровке ходили трамваи. Старые, дребезжащие, иногда они развивали бешеную скорость.

Я летел за трамваем, отталкиваясь от земли. В нескольких метрах от меня катила «Победа». Сквозь узенькую амбразуру окна я видел испуганное лицо шофера.

Папа сошел у Покровских ворот и направился в сторону «Колизея». На стене кинотеатра в полный рост стояла Тамара Макарова. Она посматривала на очередь. В глазах ее читалось сострадание. Но чем мог помочь простой сельский врач сотням жаждущих попасть в кинотеатр.

Папа покрутился перед кассами, прошелся вдоль очереди, выискивая знакомых, и безнадежно встал в самый конец... Он дождался «последнего» и отошел к троллейбусной остановке.

Через несколько минут с троллейбуса спрыгнули две женщины. Одна — огромная, в полосатом пиджаке, другая — поменьше, улыбочивая и стеснительная. Папа пожал и той и другой руки...

— Я занял очередь, — сказал папа. — А пока, если хотите, на лодке покатаемся.

Напротив «Колизея», на Чистых прудах, шлепали весла лодок, звучали музыка и смех.

Я шел вдоль берега, а метрах в трех от меня плыла папина лодка. Женщина в пиджаке покрикивала:

— Правое весло табань! Правое... Правое, я кому говорю?

Папа воевал в пехоте, а не на флоте, и, наверное, поэтому делал все не так. Поднимал не то весло, взметая фонтаны брызг. Его лодка крутилась на месте, стукалась о другие лодки, всем мешая, всех задевая, создавая на водной глади хаос. Папу отпихивали веслами, поругивали: он старался изо всех сил, но от этого выходило еще хуже. Я чувствовал, как болит раненая папина рука, будто не его рука, а моя лапа...

Женщина в пиджаке сердилась:

— Ох ты, господи... Алексей Яковлевич... Ну какой же вы растяпа! Моряк — и такая растяпа. Правое весло табань! Правое! А не левое!

«Стеснительная» похохатывала:

— Ле-евая, пра-авая где сто-орона?!

По папиному лицу катились капельки пота, серый костюм стал пятнистым от брызг.

— Полный вперед! — командовала в пиджаке. — Поднять паруса!! Полный!! Са-амый полный!!

Она сидела на носу без туфель, болтая в воде тяжелыми ногами...

— Левое весло табаны! Левое!!

Папа опять зачерпнул не тем веслом, облил всех... и лодка врезалась в берег...

— Все! Я больше не могу! — кричала в пиджаке. — Больше никогда не пойду с вами в плавание!

И тут мы встретились с ней глазами. Она даже перестала выжимать юбку.

— Какая противная кошка! — сказала она. — Наверное, с помойки. С блохами и инфекцией. Прогоните ее...

Папа растерянно взглянул на меня.

— Ну? Алексей Яковлевич?..

Папа с трудом встал и махнул в мою сторону рукой.

— Брысь!

Я продолжал сидеть на месте.

— Брысь! Я кому говорю?

— От этих кошек сплошная зараза, — не умолкала в пиджаке. — Их всех надо топить!! Всех, всех! Еще котятами!

Меня захлестнула горькая обида. За кошек, за себя, за папу. Одним прыжком я перелетел в лодку... Р-раз! Я схватил лежащую на лавочке туфлю... Два-а! Прыгнул с ней обратно на берег...

Женщина отчаянно завизжала:

— Алексей Яковлевич! Моя туфля!

Папа шагнул в лодке, но лодка, повинуясь известному закону физики, поплыла в другую сторону. Полоска воды между мной и папой все увеличивалась... Я сидел на берегу, а туфелька лежала рядом. Я жмурился от удовольствия...

— Дрянь! — орала женщина. — Отдай туфлю!

Папа, желая уменьшить свою вину, вдруг поднял со дна черпак и с силой метнул в меня. Черпак больно смазал меня по уху...

«Ах, так!»

Я взял в зубы туфельку и посмотрел на тетю. Она стояла в лодке, схватившись руками за рот. Я посмотрел на папу, на другую тетю... Все они замерли. Я подошел к самому берегу, еще раз взглянул на них... и разжал зубы...

Туфелька бултыхнулась в воду, покачалась, накренилась набок, как крейсер «Варяг» в одноименном фильме... И, пуская пузыри, медленно пошла на дно... Труба-каблук скрылась в темной пучине...

Я долго не мог расстаться с этой кошкой. Никак не мог выскочить из нее и стать человеком. Хотел — и не мог! За сараями, в глубине двора, я прыгал, прыгал... Подскакивал вверх, бился о мусорный бак... Неужели я всю жизнь обречен ходить в чужой шкуре, питаться мышами... Человек может прожить до ста лет!.. А кошка?.. Четырнадцать, пятнадцать... Умереть, не дожив до девятого класса?! Я совершал гигантские прыжки. В свете уличного фонаря моя тень то соединялась со мной, то отлетала... То соединялась, то отлетала... Наконец что-то во мне хрустнуло. И я больно стукнулся о землю... Полосатая дворовая кошка с громким мяуканьем кинулась прочь...

Домой я вернулся поздно.

Тетя Паша шепнула:

— Сейчас тебе будет...

Она работала продавщицей в «Пищевых концентратах». Год назад ее разбил паралич... Петр Гаврилович сказал: «Вот и все! Сыграла в концентрат!» Но она поправилась. Ходила с палочкой, волоча непослушную ногу. Только злобы в ней сильно прибавилось.

Папа разговаривал по телефону. Он даже не обернулся.

— Унижения, унижения... на каждом шагу... унижения. Хотел жену в центр перевести. С женой Пастухова встретился — и бац! Эта чертова кошка.

Папа повесил трубку и отошел от телефона.

Вот кто, оказывается, была тетя в пиджаке. Чтобы поднять папе настроение, я сказал:

— Но мама не хочет переводиться.

— А кто ее спрашивает? Что она хочет и чего не хочет? Думаешь, я хочу каждый день яичницу лопать? А лопаю!

— Пап, — сказал я. — Если тебе надоела яичница, есть одна тетя, которая хорошо готовит.

— И кто же эта тетя? — усмехнулся папа.

— Наша учительница... французского языка.

Папа внимательно посмотрел на меня.

— Вот ты какой...

— Не такой... Нет... Не думай. Я сегодня пятерку получил. По французскому.

— И где ж эта пятерка?

— В портфеле... На лестнице... Она там осталась, когда я...

— Ты читал сказку про мальчика, у которого от вранья выросли уши? — спросил папа.

Я подошел к зеркалу. Никаких ушей у меня не было.

— Я не вру... правда... и про тетю... Откуда я знал, что она жена... Ну, пап... Если бы я знал, разве б я утащил туфлю?

Папа сжал кулаки:

— Что? Что ты сказал?!

Я бросился прочь, вбежал в уборную и опустил крючок.

— Открой! Открой сейчас же! — дергал за дверь папа. — Ты слышишь? Открой!

Потом папа ушел. Я не спешил выходить, в таком деле торопиться не следует.

Раздались шаркающие шаги тети Паши. Она подергала дверь.

— Нельзя столько времени пользоваться уборной!

— Я не пользуюсь, — сказал я. — Я спасаюсь.

Когда я вернулся в комнату, папа лежал, отвернувшись к стенке. Я постелил и тоже лег. Мы долго так лежали молча. Папа тяжело вздыхал, и я вздыхал. Вздыхали каж-

дый сам по себе. Пока не заснули... Кажется, я заснул первым...

Утром папа долго гремел тарелками, включал на полную мощность радио — он вставал рано, как на фронте, а я учился во вторую смену. Обычно он просто стаскивал с меня одеяло: «Вставай. Все на свете проспишь!» Но, поскольку мы не разговаривали, он мне мстил. Радио орало:

«...закончилось строительство второго участка большого кольца метрополитена столицы... сдана в эксплуатацию станция «Комсомольская-кольцевая...»

Я положил на голову подушку.

«...гигантский свод опирается на шестьдесят восемь колонн, облицованных светлым мрамором...»

На подушку я натянул одеяло. Но голос диктора пробивал все преграды.

«...третья сессия Верховного Совета собралась в дни, когда завершается соединение двух могучих рек...»

Наконец с силой хлопнула дверь. Папа ушел. Я выключил радио. Наступила тишина. Но спать уже не хотелось. На столе — грязные тарелки, яичная скорлупа, стакан с недопитым чаем... и записка чернильным карандашом: «Прошу убрать все в комнате!»

Я все убрал в комнате и вышел в коридор.

Надо позвонить Вовке, что сегодня?.. Мой портфель вчера бесследно исчез...

— Марьяна Борисовна! Вас! — крикнул Петр Гаврилович в глубину квартиры. У него это выходило зло и с издевкой. Он не любил Марьяну, а та — его. Марьяна рассказывала, как Петр Гаврилович жрал в войну шоколад. А Петр Гаврилович обзывал Марьяну гувернанткой. Когда-то, очень давно, она училась в специальном заведении для благородных девиц, и сам «государь-император жал ей ручку». И вся квартира принадлежала композитору, у которого Марьяна воспитывала детей, потому что жена композитора умерла. А потом пришли анархисты и выбросили в окно рояль композитора, а когда тот стал возмущаться, выбросили и его. Марьяна чокнулась, долго болела, а когда

выздоровела, пошла работать на телеграф — там требовалось знание языков... Когда ее оттуда уволили, она переключилась на музыку. У нее была только дочка, похожая на композитора. Но та жила отдельно, мать она не любила. И поэтому так с издевкой кричал Петр Гаврилович: «Марьяна Борисовна. Вас!» Мол, и звонить-то вам некому. Самому ему звонили часто. Из ЖЭКа, исполкома, товарищи по общественной работе. И к телефону нельзя было пробиться часами...

Я пошел умываться. Умывальник был в закутке, за кухней. У каждого — свой стаканчик с зубными щетками, пастой. Марьяна чистила зубы зубным порошком, а не пастой. Петр Гаврилович умывался только банным мылом...

Когда я вернулся в коридор, на телефоне «висел» Петр Гаврилович:

«...Мироновой я заявление не подпишу... Не подпишу... Нет, не подпишу... А я все равно не подпишу... Нет, нет, не подпишу. Пишите, пишите, а я не подпишу... Вот если мне напишут, тогда подпишу... А не подпишут — не подпишу, куда ни пишите, не подпишу...»

Волоча парализованную ногу, к телефону шла тетя Паша. Она смотрела на Петра Гавриловича, стояла рядом и смотрела.

Петр Гаврилович быстро закончил разговор. Он отошел, ворча, что «активистам подъезда совсем не дают разговаривать по телефону».

А тетя Паша стала дозваниваться до диспетчерской и проверять, когда муж вернулся из рейса. Ее муж был шофером, возил грузы в отдаленные уголки страны. Его брезентовый плащ висел тут же на вешалке. Но тетя Паша тем не менее спрашивала в трубку: «Вернулся?.. А когда?.. Вчера или сегодня? Вы по графику посмотрите... Да, по графику... у Зизюкиной...»

Я вышел во двор. Навстречу бежал домоуправ. За ним гнались ребята. В руках домоуправ сжимал мяч и шило. Ребята выли от ужаса. Мячи тогда стояли дорого...

...Я позвонил Вовке из автомата и договорился встретиться с ним в проходном, у немецкой «кирхи»... Голос у Вовки был радостный, он не умел долго злиться...

Мы сидели на развалинах сарая. Недалеко Толя Бескин, Трюмо и Конь резались в «расшибец». Крик, ругань, звон монет... Вовка глянул на них.

— Было бы у меня много денег, я бы свисток купил. Судейский. За тринадцать пятьдесят. Все бы матчи судил.

— А без свистка нельзя?

— Нет. У нас Верныш судит. Папа у него — в милиции. Вот он и взял его свисток.

Я ненавидел Верныша, здорового парня из соседнего класса. Однажды он опрокинул на мой рисунок железное блюдо с водой. Я врезал ему, а он мне — железным блюдцем. С тех пор у меня шрам. Над тем же ухом, где теперь след от черпака...

— У тебя есть деньги? — спросил я.

— А зачем тебе?

— Давай, давай!

Вовка не любил расставаться с деньгами, но все же дал.

Я взял Вовкины сорок копеек, присоединил свои тридцать и направился к хулиганам. Главным был Толик Бескин из нашего двора. Он лихо прыгал на костыле: одна нога у него была короче другой.

— Примешь?

— Ставь... По «сосискам с капустой».

Это были грандиозные ставки! По десять копеек! Десять копеек стоили сосиски с капустой.

На стопку монет я положил свой гривенник и отошел к черте.

— Кидаешь последним, — сказал Трюмо. — Бита есть?.. Нет? Будешь играть пятачком.

Это было самое настоящее жульничество. Игра заключалась в том, чтобы от черты кинуть биту к стопке монет. Кто попадал ближе, тот первым бил. У всех были свои, го-

дами пристрелянные биты, мне предлагалось играть легким мячиком...

Они стояли передо мной, как на фотографии. Три бойца. Три отъявленных хулигана: Конь, Бескин и Трюмо.

Первым бросал Конь. Его бита приклепнулась к земле, рядом с монетами. Затем бросал Бескин... Потом Трюмо. Наступила моя очередь...

Я тщательно прицелился.

— Не заступай за черту, — крикнул Трюмо. Это он крикнул специально, чтоб сбить мне замах.

— А я и не заступаю!

— Не заступаешь?.. Тогда кидай. Чего тянешь?..

Я бросил. Описав сложную траекторию, мой мячик опустился точно в стопку монет. Монеты брызнули в разные стороны! По правилам я забирал те монеты, которые перевернулись.

Я собрал с земли урожай монет, остальные прикончил несколькими ударами. Никто из играющих ни разу не ударил... Все уставились на меня, широко открыв «варежки».

— Повезло, — констатировал «Трюмо». — Придется повторить.

И снова все повторилось.

Минут через пятнадцать мои карманы провисали от мелочи. У противников оставались последние медяки. Когда и они скрылись в моих карманах, Конь, который жил в доме номер один, сказал:

— Мы играли в твоём дворе, а теперь пошли в наш.

— Зачем?

— Ты привык к своей земле. Теперь сыграем на нашей.

Вовка делал мне отчаянные знаки. Мол, хватит, пора сматываться.

Но я потерял бдительность. Какая разница, на чьей земле играть...

Мы прыгнули через дырку в заборе в мокрый сугроб, со следами ботинок, с водой в них. Затем спустились в дом номер один...

Я как-то не придавал значения тому, что мои противники идут плотной группой, о чем-то тихо переговариваясь... И почему-то привели меня не во двор, а за угол сарая, где и размахнуться нельзя...

— Ну?! — сказал Конь. — Ставь деньги.

— Куда? Разве здесь можно играть?

— Ставь, ставь...

— А вы?

— А у нас больше нет.

— Тогда все, — сказал я.

Они взяли меня в кольцо.

— Почему? Ты нам одолжишь...

Вовка метался за их спинами, выпрыгивал. В драку вступать трусил, а бросить меня — боялся.

— Не надо, ребята, — сказал я, нащупывая на шее ключ, — не надо...

Самым драчливым был Трюмо, сын грузчика из мебельного на Солянке. Конь — более хлипкий, но подлый, всегда носил в кармане свинчатку. Бескин дрался костылем, но мы были из одного двора, ему неловко вступать в драку.

Трюмо подошел вплотную, он дышал луком, я следил за его руками. Не вынимая рук из карманов, он вдруг толкнул меня животом. Я отлетел назад и сбил Бескина с костылем. Мимо моего носа просвистел чей-то кулак. Он пробил гнилой сарай и остался там, в плену треснувших гниловатых досок. Бескин за моей спиной встал, поднял свой страшный костыль, занес его над моей головой... Но я оглянулся, чтобы поднять шапку. Костыль пронесся, как меч палача, и со всего размаха рубанул Трюмо по шее, тот рухнул в черный осевший сугроб. А сам Бескин, не удержав равновесия, упал на него сверху. Мои противники валялись на земле, как фашисты на поле боя...

А мы с Вовкой бежали прочь, звеня мелочью, набитой в карманах, «звеня и подпрыгивая»...

Шел урок французского языка. Нина Николаевна объясняла спряжение. Во французском языке времен больше, чем у нас. Там есть и будущее, и не совсем будущее, и совсем не будущее. Жизнь там намного сложнее. Хорошо, что я родился у нас, а не во Франции.

Передо мной маячил затылок Валерки Ханжеева. Валерка — бурят-монгол. Затылок у него стриженный, крепкий. Я видел только затылок, а Нина Николаевна — лицо.

Я представил Валерку скачущим на коне по степи, с луком и стрелами, а навстречу ему — тоже на коне — д'Артаньян.

— Бонжур, Валери, — говорил д'Артаньян.

— Новиков, — сказала Нина Николаевна. — Ты о чем думаешь?

— О спряжении...

Нина Николаевна улыбнулась и продолжила объяснение.

Чуть впереди, в среднем ряду, сидел Джек Кастелло... Кастелло было не прозвище, а фамилия. Он был самым настоящим англичанином. Отец его работал в представительстве ООН в Петроверигском переулке. На доме висел голубой флаг. Джек учился у нас. Мы порой забывали, что он англичанин. Правда, в драках, когда он бледнел и переходил на английский, из глубины поднималось нехорошее чувство, что он — не наш, а чужой.

Однажды его сильно побили, но он никому не наядбедничал... Я представил, как через много лет встретятся в бурятской степи Ханжеев и Кастелло. И тот, и другой к тому времени забудут русский.

— Хелло, Валери, — скажет по-английски Кастелло, осаживая коня.

— Бонжур, Джек, — скажет Ханжеев, вытаскивая из колчана стрелу.

— Новиков. Ты о чем думаешь? Выйди к доске!

Ребята захихикали. Никто в прошлый раз не понял, за что я получил пятерку. И весь класс ждал, что сейчас произойдет.

Произошло непредвиденное. Дверь распахнулась, и появился директор, Павел Васильевич, в сопровождении нескольких человек. Огненно-рыжий цвет его шевелюры перешел и на лицо. Оно полыхало красными пятнами.

Весь класс с грохотом встал.

— Садитесь, ребята...

Все сели.

— ...Ребята. Вы знаете, что в Корее и Китае идет грязная война с применением бактериологического оружия, развязанная американскими империалистами... Проездом из Кореи в Женеву к нам приехали представители Красного Креста... Поприветствуем их, ребята.

Мы бурно зааплодировали.

Никто из нас не видел живых иностранцев, кроме Кастелло. Все уставились на них. Иностранцы производили впечатление обычных людей. Так же смотрели, улыбались. Только одеты были во все заграничное...

По тому, как волновался директор, я понял, что произошла накладка. Обычно, если к нам приезжала делегация, в школе готовились заранее. Даже когда приезжали узбекские хлеборобы. И тогда, конечно, вызывали Сапейкина, лучшего ученика в школе.

— Продолжайте урок, — сказал Павел Васильевич.

Нина Николаевна тоже покрылась пятнами.

— Мы проходим спряжение, Павел Васильевич...

— Вот и продолжайте спряжения, — тихо сказал директор. — Пусть какой-нибудь ученик прочтет стишок. Кто у вас имеет пятерку? Сапейкин?.. Пусть этот мальчик сядет, а Сапейкин выйдет и прочитает...

— Но этот мальчик тоже имеет пятерку! — обиделась за меня Нина Николаевна.

Директор пришел в восторг. Он наклонился к одной из женщин и радостно сказал:

— Этот, что у доски, тоже отличник, как Сапейкин! Какое совпадение.

Переводчица быстро залепетала. Все иностранцы обрадовались. «О-о, отличник, гуд...»

— А может, лучше Сапейкина? — спросил я. — А, Нина Николаевна?

— Не надо Сапейкина! — твердо сказала Нина Николаевна. — Ты знаешь французский не хуже!

— Как твоя фамилия? — спросил директор.

— Новиков...

— Давай, Новиков, не тушуйся, посмотрим, за что у нас ставят пятерки...

— Люка алье менэ та сон вилляж, — начал я неуверенно, — сюзан кэ ляфуа...иль... иль...

— Иль авэ таштэ, — подсказал с первой парты Юрка Перельман.

— Иль авэ таштэ, — повторил я. — Мэ каль сэ са сюрприз, са сюрприз...

— А сэ пэн, — вдруг подсказал с задней парты иностранец и громко заржал.

— Аса пэн, — повторил я.

И замолчал. Дальше я не помнил ничего. Помнить можно то, что знаешь... А дальше я ничего не знал...

Возникла пауза. Все были смущены моим незнанием. Иностранцы ободряюще засмеялись, мол, ничего, все бывает. Директор стал еще краснее. Нина Николаевна рисовала цветочки в классном журнале.

— Ю хэв эксэлент скул, — сказал один из иностранцев, и все радостно закивали.

Меня взяла злость. На иностранцев, на их гладкие довольные лица, на какое-то особое выражение сытости... Вот гады, приехали без предупреждения, а я школу подвел, в разгар грязной войны, там воюют, а я...

Перед моими глазами закружилось все: иностранные лица, окно, ветки тополя, доска, узкая полоска месяца, дым из трубы. БАЦ!

— Ауэ скул из соу гуд ю вил дай! — вдруг сказал я.

— Оу, вот э найс бой?! — вылутился на меня иностранец.

— Ю ар олсоу вэри плезент персен, — ответил я.

— Вэ дид ю лен англиш? — спросил он.

— Ай дидент лен инглиш аи олвиз нью ит, — ответил я.

— Шпрехен зи дойч? — спросил он.

— Я-я. Ласс мих ин руэ... — ответил я.

— О-о!! — залепетали все.

Потом уже я понял, что иностранец спрашивал меня, на каких языках, кроме английского, я еще умею разговаривать. А я отвечал ему по-немецки, польски, португальски... А в данный момент перешел на корейский, тот язык, откуда они приехали...

У иностранцев все больше мертвели лица. Когда я заговорил по-индийски, они встали. Доброжелательность исчезла, будто ее и не было.

— Новиков, — сказал главный на ломаном русском языке. — Я ду-маль, ты есть обычный школьник... я вэрила тебе... а ты есть вундеркинд. Мы быль другой школ урок математик... там один девашке ре-шел задач университет курс... тоже вундеркинд. Нам хотелось обычный ребенок, а тут вундеркинд. Нехорошо! Ай, нехорошо!..

Иностранцы молча вышли из класса. Директор посмотрел на меня, потом на учительницу...

— Говорил, вызвать Сапейкина. Говорил!.. Он бы не подвел!

— ...Ладно тебе огорчаться, — сказал Вовка. — Было б из-за чего... Ты просто болен. У тебя мозг бурно обогнал в своем развитии другие органы. Смотри, тебе даже кепка мала.

Звенели трамваи, гудели машины, около газетного киоска крутилась очередь за «Вечеркой». Все спешили домой, один я не спешил.

— Ну, чего ты? — канючил Вовка. — Вон у нас денег сколько. Давай погуляем?

— А свисток?

— Есть у меня свисток, правда. Хотел запасной купить, вдруг потеряю...

Вовка вытащил из кармана свисток и свистнул! Все обернулись и как бы застыли. Киоскер с пачкой газет, водитель грузовика, дама с желтым портфелем...

Деньги мы решили прогулять в бане. Сандунах самого высшего разряда. Иногда, очень редко, я ходил туда с отцом. Там была неслыханная роскошь. Отделанные темным дубом потолки, буфет. Там был даже бассейн — плавай сколько влезет. У Вовки была ванная, поэтому он никогда не ходил в баню. Мне стало жаль его...

...Среда, середина недели, народу немного. Кассирша почитывает «Огонек». Она близорука, держит журнал перед глазами. На одной обложке — портрет Гоголя: к столетию со дня смерти. На другой — двухмоторный «Дуглас», над кипарисами и морем. «Экономьте время, летайте самолетами».

Вовка ткнул меня в бок:

— Смотри!

В баню входил известный всем футболист Башашкин с сыном. Кассирша оторвала от ленты билетик. От одной — взрослый, от другой — детский.

По лестнице с одышкой поднимался мужчина. Живот вываливался из брюк.

Я подбежал к кассе.

— Два детских и один взрослый.

— Детей вижу, а взрослый?

Я кивнул на мужчину, кассирша обрадовалась:

— Сергея Митрофановича?.. Идите, ребятки, без билетиков.

Мы прошли в ворота рая. Все звуки здесь звучали гулко и таинственно: шипение воды, грохот шаек, удары веников... Мы парились в парной, капли пота падали с носа на горячий пол... До одури ныряли в бассейне — глаза наши сделались красными, как у кроликов... Нас никто не трогал — всем стало известно, что мы с Сергеем Митрофановичем... За ним ухаживали особенно: приносили в кабинку чай с баранками и лимоном, он пил чай, снова уходил в парную, мылся в душе, где вода бьет из разных трубочек... Потом мы увидели его распластанным на мраморной скамейке. Его клал, сгибал-разгибал банщик в кожаном фартуке, единственный одетый здесь человек. Все испытыва-

ли к нему почтение, а он испытывал почтение только к Сергею Митрофановичу: «По спиночке еще раз пройдемся?»

Жутко захотелось и нам полежать на скамейке и чтоб банщик прошелся и по нашим спинкам...

Банщик каким-то непонятным способом тоже узнал, что мы с Митрофановичем. И когда мы заглянули в очередной раз к нему, сам предложил, ну а мы, конечно, не отказывались...

О, как это было приятно! Ты лежишь, как барин, а тебя моют. Каждый твой пальчик, каждый ноготок. Мнут, шлепают, бьют — но не больно, а в самый раз. И вот последний шлепок, ты как новенький встаешь на ноги. Все тело дышит, в каждой клеточке жизнь! Такого я не испытывал никогда...

У банщика были жилистые, в татуировке руки. На ноге, ниже фартука — жуткий шрам, будто вырвали кусок ноги.

— Все! — сказал он. — Будьте здоровы!

И глянул на запотевшие под потолком часы...

Мы еще поплавали, постояли в разных душах и пошли на выход.

Только мы сели на диванчик, услужливый старик в белом халате укутал нас в прохладные простыни... Это тоже было приятно... Мы почти оделись, когда заметили банщика, идущего к кабинке Сергея Митрофановича. Сквозь щель в занавесках мы видели, как Митрофанович снял вешалки брюки, достал бумажник, отсчитал деньги...

— Надо бы накинуть, Митрофаныч, на ребят...

— Каких ребят?

Мы с Вовкой быстро направились к выходу, шнурки ботинок путались под ногами...

Мы стремительно спустились по лестнице, бежать было неудобно. Здесь никто не торопился. Вверху кто-то крикнул, мы сделали вид, что не расслышали, и стали спускаться чуть быстрее...

Банщик догнал нас у самой двери. Его трудно было узнать. Он брызгал слюной, лицо его дергалось: «...а денежки?! денежки?! Растакие-сякие. Чистенькие, да?.. А мне моих грязненьких на что прикажете, а?! Такие-растакие?!»

Я полез в карман и достал горсть монет. Это его еще больше взбесило. Он ударил по моей руке снизу, и мелочь фонтаном взлетела в воздух.

— Медяками?! Медяками?!

Мы бежали по переулку, а банщик, в одном фартуке, стоял у подъезда и орал на всю улицу. С грузовика стали сбрасывать шайки. Шайки падали, грохотали. В переулке шла гроза без дождя и молний. И в центре грозы, как Зевс-громовержец, стоял человек в фартуке, взметал в небо кулаки и кричал...

Автобус довез нас до конечной, «площади Дзержинского». Темнело. Вдали, на Котельнической набережной, врезался в небо недостроенный силуэт высотного дома.

В нос ударило вкусной едой. Распахнулась дверь закуской-автомата, первой в городе закуской такого рода.

— Пошли! — сказал я, нащупав в кармане последние монеты. Мы вошли в тот момент, когда к дверям спешила уборщица:

— Все, все, ребята. Закрываем.

Но мы успели проскочить внутрь.

За стеклами поблескивали бутерброды с сочной ветчиной, мокрыми, только что из консервной банки, шпротами, сосиски с капустой, пирожные...

— Ну? — спросил я. — Что будешь есть?

Вовка взглянул на меня и грустно вздохнул. Он знал наше тяжелое материальное положение.

— Я бы съел с ветчиной, — сказал он и проглотил слюну.

— Хорошо, — сказал я и подошел к «ветчинному автомату». Я еще не знал, что буду делать. Но был твердо уверен, что голодными мы отсюда не уйдем. Я чувствовал на своей шее тепло бабушкиного ключа.

Перед нами стоял мужчина с пивной кружкой. Наверное, он хотел взять сначала бутерброд с ветчиной, а потом уж пиво...

Я посмотрел на него с завистью — в руках он держал несколько жетонов. Мужчина почувствовал мой взгляд и обернулся... Как раз в тот момент, когда опускал в прорезь автомата жетон...

Наверное, он перепутал жетоны и вместо бутербродного кинул пивной. Тот сначала не пролезал, мужчина пропихнул его вторым жетоном. Жетон упал в автомат со странным звуком. Полочка с бутербродами спустилась на этаж. Мужчина взял свой бутерброд и отошел. Но «пивной» жетон произвел в «бутербродном» автомате что-то непредвиденное, потому как, спустившись на этаж, полочка, вместо того чтобы замереть навсегда, снова поехала вниз, сделав лишь секундную остановку. Мы взяли один бутерброд, потом еще и еще...

Вовка уплетал бутерброды почти с той же скоростью, как они спускались. Он как бы стал деталью автомата, в работе которого теперь появился высший смысл — кормление Вовки.

Бутерброды продолжали спускаться.

И вдруг чья-то рука взяла очередной бутерброд. Рука принадлежала человеку с пивной кружкой.

— У меня все равно пивной жетон пропал, — сказал он. — Имею право...

Мы не знали, как устроены автоматы. Мы не догадывались, что там, за стеной, работники закуской резали хлеб, варили сосиски, взвешивали порции и раскладывали на полочки. Съели бутерброд — клали новый. Они подкладывали, подкладывали, а потом решили посмотреть, почему таким успехом пользуются именно эти бутерброды с ветчиной. Они выглянули сквозь стекло и вместо длинной очереди увидели одного человека. Мужчину с пивом. Его тут же схватили. «Это не я, — кричал он. — Не я».

Но его повели за кулисы магазина.

На следующий день Вовка не пришел в школу. Ночью у него был приступ аппендицита. Не знаю, как связана ветчина с аппендицитом, но, видно, какая-то связь имеется.

Дней через десять, когда я пришел в больницу, Вовка выздоравливал.

— Не надо было есть столько ветчины, — сказал он. — Может, успел бы и сосиски... Выздоровлю, снова туда пойдем. Мне аппендицит вырезали, чего бояться?

— Лежи уж, герой, — сказал я.

— Я практически здоров. Только шов плохо заживает... Обидно, у матери сегодня день рождения...

— А ну, покажи...

— Ты чего?

— Меня бабка научила. Я сам видел, как она зубную боль у тети Паши сняла.

— Сравнил, — важно сказал Вовка. — Зубы и хирургическое вмешательство...

— Как хочешь, — сказал я. — У твоей матери день рождения, не у моей...

— Ладно, — сказал Вовка и откинул одеяло. — Валяй...

Никто в палате на нас не обращал внимания. Все были заняты своими больными. Кормили, поили, тихо переговаривались.

Я поднял над Вовкиной повязкой руки, стал медленно водить ими, ну совсем как бабушка. Откуда только я все запомнил? Через несколько минут я почувствовал жуткую усталость. Руки дрожали, пальцы занемели...

— Все, — сказал я и опустил на стул.

Вовка прислушался к себе.

— А что? Вроде меньше болит... Давай посмотрим, а? Мне стало страшно. Вдруг я сделал что-то не так.

— Ладно тебе, — сказал Вовка. — Не бойся. В случае чего, врач рядом. Это ж больница...

Он стал снимать бинты. Сматывать их с себя. Скоро он был весь в марлевых кружевах... Осталась последняя наклейка. Вовка осторожно отодрал ее... И ахнул... На месте шва была узенькая царапина... Абсолютно сухая, как после старой раны.

— Эт-то еще что?!

Над нами стоял врач.

— Кто разрешил снять повязку?!

— Юрий Матвеевич, — прошептал Вовка. — У меня шов зарос...

Врач уставился на Вовкин живот.

— Не может быть!

Он выбежал из палаты. Вовка спустился с кровати.

— Не болит... и так... и так!!!

Он сгибался, чуть подпрыгивал и тут же замирал, проверяя ощущения.

— Может, на день рождения успею. Вот будет маме подарочек. Нет, не успею... У нас только утром выписывают...

Он умоляюще посмотрел на меня.

— Дай твою одежду... Я только маму поздравлю и вернусь... Каких-нибудь полчаса...

Я понимал Вовку, я бы сам так поступил.

Вовка быстро переоделся в мою одежду, а я забрался под одеяло. Никто не обратил на нас никакого внимания...

В Вовкиной постели пахло лекарствами. Я стал тихонечко засыпать...

— Ну? Где этот герой?

Первый врач стоял рядом со вторым. Второй был намного старше, уверенней и суровей. Даже когда шутил. Из-под белой шапочки выбивались седые пряди...

Первый врач откинул одеяло...

— Вот... обратите внимание на шов...

Второй прошелся быстрыми пальцами по животу, будто играл на пианино.

— Никакого шва не вижу...

Первый ахнул:

— Совсем исчез... Просто чудо!

Седой взглянул мне прямо в глаза. Так даже бабушка никогда не смотрела. Все во мне задрожало.

— Мне надо «на минуточку», — сказал я.

Но на плечо мне легла железная рука.

— Ни в коем случае! Тебе даже нельзя поднимать голову! Готовьте больного к операции. А для начала сделайте ему сорок уколов.

— Что?! — ужаснулся первый. — Сколько?

— Сорок! Операцию будем делать без наркоза. Мальчик крепкий, выдержит. Разрежем — посмотрим на это чудо природы. Отчего зарос, почему?

— Не надо готовить к операции, — сказал я. — Это не у меня шов зарос, а у Вовки...

— Видите, Юрий Матвеевич... А вы говорите: чудо... Чудеса, дорогой мой, бывают только в кино... Но вот если вы не найдете того, оперированного... Вас действительно спасет только чудо...

Папа был страшен в гневе: я стоял перед ним в больничном халате и тапочках. Он не знал, какого труда мне стоило выбраться из больницы.

— ...Что за вид? Где твоя одежда? Где ботинки, которые я с таким трудом доставал?.. Иди... И без ботинок не возвращайся...

В коридоре курила Марьяна. Все деньги она тратила на кофе и дорогие папиросы. Она погладила меня по голове. Руки ее дрожали. Она погрозила в сторону наших дверей: «Ненавижу!»

Я позвонил из автоматной будки Вовке. В трубке слышались музыка, смех...

— ...мать знаешь как обрадовалась?! — ликовал Вовка.

Я еле уговорил его выйти. Он никак не хотел «бросать мать в столь радостный для нее день».

В углу за сараем я переодевался в свою одежду.

— Быстрее, — торопил Вовка. — Меня гости ждут.

— В следующий раз ни за что не приду. Будь хоть у тебя паралич!

— Очень надо, — сказал Вовка. — Я ему одежду принес, и я же еще виноват.

Я ушел не оборачиваясь.

Через двор бежал управдом, за ним гнались ребята. Управдом в высоко поднятой руке держал мяч.

Хлопнула дверь подъезда: главное для управдома — побыстрее добраться в квартиру, за шилом.

Я не выдержал и присоединился к ребятам.

Управдом подбрасывал мяч, подкручивал, вертел на пальце.

— Все, ребятушки, все, герои! Все, панфиловцы. На шахматы переходите! Пусть в нашем дворе Ботвинники растут, Алехины.

— Мы не хотим шахматы... Что мы вам сделали?

Управдом явно издевался. Сначала он подбрасывал мяч, а теперь стал постукивать им об пол. Как заправский баскетболист.

— Марусь, а Марусь... Дай-ка мне шило.

— Верно, верно, — сказала управдомовская жена. — Давно пора...

Она полезла под стол, где были инструменты. Сверкнули крепкие икры...

Управдом все постукивал мячом об пол. Может, он и правда был раньше баскетболистом?

Я смотрел на него, и у меня закипала злоба. «Ну что мы сделали?.. Ну, играли в футбол... Ну кому от этого вред... За все время разбили одно стекло... А где нам еще играть?..» Что-то во мне тренькнуло, закололо... Как от пузырьков «Боржоми»...

Домоуправ все стучал мячом, мяч подскакивал, подскакивал. Но как-то чересчур плавно, замедленно. Вниз — нормально, а вверх замедленно. У домоуправа вытянулось лицо, но он продолжал стучать... В нем появилась неуверенность... Мяч медленно всплывал в воздух, будто не мяч, а воздушный шар... Домоуправ как замороженный все стучал и стучал... И вдруг ноги его отделились от пола... Он тоже всплыл... Перевернулся, еще раз стукнул по мячу... И мяч так же медленно всплыл... Они покачивались рядом, у потолка...

— Маруся! Что со мной?!

Маруся вылезла из-под стола с шилом и так и не смогла встать с пола... Вставала и падала...

Вот и наступило Первое мая. Я всегда любил этот праздник. Как проснешься, в окно доносится музыка из репродуктора. У ворот нашего дома стоят столы под белыми скатертями. На тарелочках — аккуратные горки бутербродов с икрой, колбасой, рыбой. К столам подходят празднично одетые люди. Мужчины выпивают по «сто граммов» из бумажных стаканчиков. Женщины — вино или сок. Все шутят и смеются. Подпевают репродукторам: «...О-рел сте-епной... Ка-азак ли-ихоой...»

По нашему переулку толпа спускается к площади Ногина, там разбирают цветы на палках, шары, транспаранты. Выстраиваются в колонны и разноцветной рекой устремляются на Красную площадь.

Когда я выбежал во двор, к Ногина уже спешили люди. Ночью прошел дождь, на асфальте блестели лужи.

Толя Бескин весело прыгал на костыле. В одной руке — костыль, в другой — фруктовое эскимо. Сегодня все накопленное проедалось, пропивалось, прогуливалось...

Я завернул в сад. Отсюда, с возвышения, были видны Солянка и Ногина и можно было обозреть огромное людское море...

— Вась, а, Вась...

На лавочке сидел управдом. В каждой руке он держал по тяжелому портфелю. Он сидел, а портфели стояли на земле. Управдом держался за ручки, притягивая себя к скамейке. Время от времени равновесие нарушалось и управдомский зад чуть отрывался от скамейки. Тогда мышцы его напрягались, и он снова притягивал себя вниз. За последнее время он растолстел. Видно, считая, что так вернет вес. Просто бочка в брюках и шляпе. Но это не помогало.

— Дай закурить, Вась... Папиросы здесь, в верхнем кармане, а спички — внизу...

Мне стало жаль его. У всех праздник, веселье...

— И нос почеси, пожалуйста, очень чешется...

Я почесал ему нос, достал папиросы, спички. Всунул папиросу в рот, чиркнул спичкой... Домоуправ сладко задохнулся:

— Хорошо как, Вась... А? Музыка, цветы... Живешь — не понимаешь... А стукнет по голове — сразу оценишь...

К нам протопала нафуфыренная домоуправская жена.

— Кончай курить, пошли.

— Я посижу, Марусь... Трудно мне ходить.

— Надо преодолевать. Что же теперь... В инвалиды записываться? Нельзя, Сергей, поддаваться.

И тут я подумал: может, не он виноват. Может, он потому такой злой, что на ней женился. На этом размалеванном чучеле.

Управдом кряхтя встал. Он еле-еле переставлял ноги. Огромная тяжесть оттягивала руки, но подъемная сила тянула вверх. Шаги были плавные, как при замедленной съемке...

Я видел, как они вышли из сада во двор, как прошли на улицу... На секунду я потерял их из виду, огромный транспарант: «Мир будет сохранен и упрочен...» заслонил пол-улицы... И поэтому я не знаю, что произошло. Говорят, какой-то хулиган из дома номер один решил подшутить над нашим управдомом, он не знал всей истории, а знал только, что управдом прокалывает мячи. Он подкрался сзади и выбил ногой портфель. Сначала — один, потом — другой...

Когда я обернулся на крик, управдом медленно всплывал в воздух. Кричала жена, а управдом беззвучно переворачивался то вверх ногами, то вниз... С шеи свисал галстук, жена подпрыгивала, пытаясь ухватиться за него, но не хватало какого-то сантиметра. Управдом еще немного всплыл и завис над головами людей на уровне второго этажа. Жена отчаянно визжала.

— Портфель! — вдруг крикнул сверху управдом. — Кидайте портфель!!!

Кто-то из толпы поднял портфель, метнул его вверх. Управдом чуть скользнул по нему рукой. Портфель грохнулся вниз, взорвавшись кирпичными осколками.

Из окон выглядывали люди. Один из жильцов, грудастый, в спортивной майке, пытался дотянуться до управдома щеткой, но щетки не хватало...

Зашелестел в листочках легкий ветерок, управдома стало сносить в сторону. Он проплыл над решеткой нашего сада, над лавочкой, где недавно сидел, над верхушкой тополя... снова всплыл над улицей и полетел к Ногина, повинаясь одному лишь воздушному течению... Над транспарантами, цветами, плакатами...

Все задрали вверх головы:

— Черчиллы! Черчилль летит!!!

Действительно, толстый пузатый управдом снизу наминал Черчилля, известного всем по карикатурам Курыльников... Толпа рукоплескала:

— Черчиллы! Так ему и надо!

— Я — не Черчилль, — заорал управдом с высоты. — Я — Полещук.

— Черчилль, Черчилль!

У Ногина ветер стих, управдом плавно покачивался в воздухе. Если снова задует ветер, недалеко и до Красной площади. Видно, это понял и управдом. Увидев внизу милиционера, он отчаянно закричал:

— Сбейте меня, товарищ милиционер. Ради Христа, сбейте!

Он заработал руками, ногами и вдруг поплыл... Странно было видеть плывущего в небе человека. Управдом пытался доплыть до стены восьмизэтажного дома. Внизу была закусочная «Севан», а сверху — плакат: «Перевыполним план по стали в будущей пятилетке». Он уже почти ухватился рукой за шлем сталевара, как вновь задул ветерок...

Теперь управдома несло вверх, к площади Дзержинского. Он пролетел над памятником героям Плевны, обогнул вместе с воздушным потоком стены Политехнического музея и выплыл на самую площадь. Здесь ветер на секун-

ду стих, а потом плавно понес его к стене известного всей стране дома.

В доме было открыто только одно окно. Окно дежурного по городу.

— ...Что?! Какой Черчилль?.. Вы что, спятили?! Вы не вверх, а вниз смотрите, лейтенант Петухов. Вас зачем поставили на крышу? Витаєте там, понимаете, себе в облаках...

Дежурный выглянул в окно — к дому тихо подлетал Черчилль. Толстый, пузатый, только без цилиндра, сигары и без Трумэна.

Дежурный надавил кнопку звонка. Вошли несколько спокойных молодых военных.

— К нам Черчилль в данный момент летит... Сам собою, без всякого самолета...

Военные подошли к окну и стали наблюдать подлет управдома. Никто из них не стал задавать пустых вопросов. «Летит и летит, значит, пришло ему время...»

Дежурный, чтобы ускорить подлет, распахнул дверь своего кабинета. Веселый сквознячок впустил дежурному волосы.

Управдома понесло быстрее, будто корабль поднял все паруса. Он летел головой вперед, всматриваясь в возникшее перед ним строение. Глаза его встретились со спокойными глазами дежурного.

Дежурный приветливо раздвигал шторы:

— Добро пожаловать, гражданин Черчилль!

Внутри управдома что-то хрустнуло, будто раздавили переспелый огурец, и, непонятно как обретя тяжесть, он рухнул вниз на веточки молоденькой липы. Соскользнул с них на асфальт и бросился бежать, смешно перебирая ногами, совсем не чувствуя вновь обретенного веса...

Наступали последние школьные дни. Все жили предвкушением лета. Впереди были пионерские лагеря, дачи. Вовка собирался на Черное море, в Крым. В военный санаторий. На месяц — с отцом, на месяц — с бабушкой. Его

матери Крым был противопоказан. У нее однажды был приступ астмы.

А я никуда не собирался. Хотел к маме, а она прислала письмо: «Условия тяжелые, болезни, комары, о поездке нечего и думать...» Папу это письмо жутко развеселило.

— Мать-то наша, а? Нет чтобы нас кормить, кормит комаров. А? Герой... форменный герой...

В саду лопались тополиные почки, и земля была усыпана клейкой шелухой. Она липла к ботинкам, ее долго приходилось счищать палкой...

Конь, Трюмо и Толик резались в «расшибец». Они тоже никуда не собирались.

Домоуправша ходила сама не своя. Никого не узнавала, натыкалась на деревья. Теперь можно было играть в футбол сколько влезет. Все с утра до вечера гоняли мяч. А она будто не видела. Однажды мяч подкатился ей под ноги, она обошла его, вроде это не мяч, а бомба... И глаза ее были далеко-далеко, за нашим двором, а может быть, и за целым городом...

Полтретьего ночи. Я вспоминаю глаза управдомши — пустые, с огромными зрачками.

Тихо выхожу на кухню. Ставлю на плиту чайник, включаю газ. Слышно, как шипит под чайником пламя.

Залезаю на подоконник и открываю форточку. Холодный воздух пронизывает до костей. Я пытаюсь достать сетку с продуктами. Тонкая веревка режет руку. Сетка выскальзывает из пальцев. Я слышу внизу звон разбитой бутылки...

Накидываю на тело первый попавшийся плащ и спускаюсь во двор.

Сетка лежит в серебристой молочной луже.

Через двор, мягко переступая лапами, идет кошка. В ее зубах — мышь. Кошка посмотрела на меня с ужасом и широко открыла рот. Никак это та самая кошка, в которую я вселялся. Мышь, сильно хромая, бросилась бежать...

Я выбросил осколки из сетки и пошел обратно.

Поднялся к нашим дверям — ключа нет. Впопыхах я забыл его взять.

Делать нечего — я два раза надавил кнопку звонка.

Послышались звуки папиных шагов. Папа открыл дверь сонный, с почти закрытыми глазами.

Когда мы вошли в комнату, папа надел очки и внимательно посмотрел на мой наряд.

— Уходи, откуда пришел.

— Па-ап...

— Уходи, уходи...

Я снова вышел в коридор. Что делать?.. Возвращаться в комнату не позволяло самолюбие. И тут я вспомнил — бабушкин сундук...

Я открыл входную дверь, громко захлопнул. Пусть отец думает, что я ушел. Быстро пробежал на кухню, залез в сундук и закрыл за собой крышку. В сундуке было темно, вкусно пахло травами. Я удобно устроился на ватнике, положил под голову валенок...

Сквозь узенькую щель я увидел, как зажегся в коридоре свет — папа вышел из комнаты. Открылась входная дверь.

— Вася... Иди спать... Ты слышишь? Я тебя простил...

«Ты меня простил, а я тебя — нет...»

Папин голос еще что-то кричал, наверно, он вышел на лестницу...

— Ва-асяяя... зазаоооваоо... оаэоооауао...

«Ничего, — подумал я. — Будешь знать, как родного сына выгонять на улицу...»

Я еще что-то подумал, мысли стали путаться. Я заснул...

Это был странный сон. И тогда, конечно, я не понял его значения.

...В крышку сундука постучали. Я открыл. Стало зябко и холодно. Сундук стоял на пригорке. Луны не было. Но все светилось странным серебристым светом. Трава, стволы

берез. Медь сундука раскраснелась, стало тепло, как у печки... Все доставали сало в тряпочках, лук, огурцы, мед в сотах, варенье в баночках, пироги, грибы, дымящуюся картошку, сметану, масло, крыжовник, подсолнечные головы, хлеб... Еду ставили на чистую скатерку, расстеленную прямо на земле.

Старик в длинной рубахе поставил в центре скатерти высокую бутылку.

— Своя. Из красной смородины.

— Убери, Прохор, — сказала бабка в высокой городской шляпке.

— В ней и градуса почти нет. Чистый сок, — возмутился Прохор.

— Сок и пей. А эту отраву убери.

— И что у тебя, Прохор, в голове? — возмутилась последняя из прилетевших. — Как малый ребенок.

— Ладно вам, причепились, — миролюбиво сказал Прохор.

Он махнул метлой, и бутыль, кувыркаясь, исчезла за пригорком. Старики и старухи совсем по-домашнему тянули чай из блюдца.

— ...евойный мужик ходил к ней, ходил... А как я в привидение оборотилась, у избы ему встретилась, и ходить перестал, и все дома сидит, и ни за какие деньги его оттуда не вытянешь...

— ...а прошлой зимой?.. Как я про эти дела узнала, сразу к председателю. В сон его. Прямохонько и без доклада. Все ему в лицах представила. Утром он по деревне бегал, стонал... А к вечеру и заявление подал... Прошу освободить от занимаемой должности по состоянию здоровья...

Матрена протянула мне чашку и ломоть хлеба. С хлеба стекали капли красного от самоварного пожара меда.

— А у тебя как дела, Андрианов внук? Бабка твоя — ах, сердечная женщина была... Другая: «И кости болят, и в груди хрипит», а она — в любую погоду... И то, и это... Одна на три деревни... Многих выручала... Кого от болезни, кого

от дурного глазу... Если бы не твоя бабка, многих бы в живых недосчитались. Да-а, внучек...

Прохор вдруг с ехидцей глянул на меня.

— Бабка его — да, ничего не скажу... а сам он... что за человек?.. Смотрю — не вижу... Хороший или плохой? Что на уме? Ключик-то нацепил, а что этим ключиком открыть хочешь?

Волоча по траве низ рубахи, Прохор пошел на меня.

— Душа-человек... скажи нам... чего открыть ключиком хочешь?.. Для себя или для всех?

Без всякой видимой причины брови Прохора сдвинулись, и он злобно заорал:

— Нацепил, понимаешь, ключик... все ему забавы... Все — смеяхочки...

Он оттолкнулся метлой, как хвостом, и в длинном затяжном прыжке полетел на меня... Метла зацепила самовар, тот опрокинулся — из горловины посыпались угли, полился кипяток...

— А-ааа! Ошпарился-яяя!!!

Я открыл глаза. Снаружи доносился крик.

— Ошпарила-сяяя!!!

Тетя Паша мотала рукой по воздуху. На столе валялся перевернутый чайник...

Однажды вечером я пошел к Нине Николаевне. Я решил ей все рассказать, посоветоваться, как мне жить дальше. Ее адрес я узнал через справочное бюро.

Квартира 26 оказалась на первом этаже, несколько ступенек вниз, какходишь в подъезд.

Дверь мне открыл мордастый офицер в черной морской форме.

— Нина Николаевна, к вам! — прокричал он и ушел на кухню, где виднелись женские ноги на табурете, газовая колонка, белье...

И сразу раздался его униженный голос:

— Мариночка, ну, Мариночка... душа человек...

Из комнаты вышла Нина Николаевна.

Я и моя жена Ина. (С одним «н», в честь Инессы Арманд.)

Выбор сделан. Юмор становится профессией, а профессия — хобби. Первый гонорар за первую юмореску составил половину месячного заработка инженера-строителя.

Почему бы в хорошей компании не поехать в Одессу?
Слева направо: И.Суслов, затем автор этих строк, В Веселовский, В.Владин, В.Резников, неизвестный мне по причине неожиданного склероза юморист и А.Иванов. Все молодые, красивые, полны желания прославиться и искупаться.

Начало работы над «Ну, погоди!». В центре — режиссер В.Котеночкин. Никто из создателей не ожидал, что фильм станет столь популярным.

Ура! С третьей попытки нам дали Государственную премию. И Алексею Герману тоже, за фильм, хорошо полежавший на полке. Жаль только, что банкет пришелся на время «антиалкогольной кампании».

Моя первая и единственная в жизни охота. *Третий слева:* мой армейский друг Виктор Раткин. *Крайний справа* — тоже большой охотник, поэтому без ружья, Феликс Камов (нет, это не мальчик). Далее, рядом с ним, Эдуард Успенский. В дверях — хозяйка дома. Она не верит в охотничьи трофеи и думает, чем накормить всю эту компанию.

«Артек». Матч сборной звезд (творческих) со сборной вожатых. При желании среди футболистов можно найти немало известнейших личностей.

Дом творчества кинематографистов «Болшево». Ах, как здесь хорошо работалось, пока не приезжали друзья!

А это уже горы Инсбрука. Автор книги осваивает здесь профессию художника. В горах, чтобы никто не видел.

Вот наконец именно та гимнастерка, в которой я «воевал» три года на различных секретных объектах. Почему бы не отпраздновать очередную ее годовщину? Тем более кулинария — хобби бывшего инженер-лейтенанта. Его харчо едал в «Смаке» даже сам Макаревич.

Еще одно хобби. Бильярд. Он и на бильярде, он и в шахматах. Когда не удастся выиграть ни там ни сям, остается только сочинять книжки.

Мама всегда мама. И в горести, и в радости.

— Новиков? Что случилось?.. А ну, проходи...

Я вошел за ней в комнату.

В полутьме, у крохотного голубого экрана, сидели двое: взрослый и мальчик. Синявский кричал:

«...какая неудача, ай-я-яй!!! Дзяпша срезает мяч в собственные ворота... Не клеится игра у сборной Москвы... В ее наступательных действиях не видно свойственных советскому футболу коллективных усилий...»

Мы сели за шкаф.

— Рассказывай...

— Нельзя ли потише?! — обернулся мужчина.

— Да замолчи ты! — толкнул его в бок мальчик.

— Сам замолчи! — заорал мужчина. — Сейчас вылезтишь на кухню!

— Что?! — заорал мальчик.

Мы вышли в коридор.

Из кухни доносилось:

— Мариночка... Ну, Мариночка... Ну, красавица моя...

— Все, Валя! Все — понял?

Нина Николаевна сдернула с вешалки плащ. Пошли...

Из ее комнаты вышел мужчина с пустым чайным стаканом.

— Куда собралась?

— В школу, Миш...

— Какая школа? Сейчас будем ужинать.

— Гоо-ооол!!! — донеслось из комнаты.

Мужчина бросился обратно.

— «...футболисты ленинградского «Динамо» забивают второй гол и закрепляют успех...»

— Подожди меня, Вась, — сказала Нина Николаевна. Она вернулась в комнату.

Голоса в кухне становились все громче. Раздался грохот, треск... Морской офицер пулей выскочил в коридор. За ним гналась женщина в развевающемся халате.

— Чтоб духу твоего не было! Понял?! Все! Рожи твоей видеть не могу!

Хлопнула входная дверь. Офицер как бы прошиб ее своим телом.

— А ты чей?! — обернулась ко мне женщина.

— Я... ничей...

Она пронзила меня огненным взглядом.

— Ничей? Марш отсюда!

Она схватила меня за рукав и вышвырнула вслед за офицером...

Мы сидели с морским офицером Валентином на скамейке. Смеркалось. Валентин посматривал в сторону подъезда. Наверно, ждал, что жена успокоится и выйдет. Я тоже так часто поступал с папой.

Но она все не выходила. К нам подходили разные люди, куда-то звали Валентина, подмигивали, но он не соглашался...

— Хочешь со мной, Вась, в море пойти? Я постараюсь, с капитаном поговорю... А что нам терять?.. Ты одинокий, и я одинокий... Будем вдвоем жизнь коротать... Форму тебе выдадут, а не выдадут, сами сошьем. Там красота, Вась. Северное сияние!

Хлопала дверь подъезда: входили и выходили женщины с авоськами, мужчины с портфелями, детишки... Но вот Валентин напрягся — к подъезду шел красивый парень. Он легко помахивал чемоданчиком.

— А вот и этот чуловек! — сказал Валентин.

Он наклонился ко мне, и я впервые почувствовал запах спиртного.

— Вась. Будь другом. Глянь, что у нас делается...

Окна его квартиры выходили в садик. Перед окнами росли густые кусты. Я пополз на четвереньках между кустами и стеной дома. Было темно, из окон падали полосы света. Вот и его, седьмое по счету, окно...

Я осторожно приподнялся. Выглянул из-за самого края рамы.

Светил оранжевый абажур. Стол, чашки, куски хлеба... На диване разбросаны вещи... Закрылась дверца шкафа, и появилась Марина. В голубой сорочке... Она взялась

за низ сорочки и потянула вверх... Я зажмурился и опустил голову...

Когда я приполз обратно, Валентин улыбался. Рядом стоял парень с чемоданчиком. Только теперь он был без чемоданчика, а с помойным ведром.

— Этот чуловек на Верке женился. С третьего этажа. Пока я в Баренцевом море плавал... Соображаешь?.. У нас про этот факт не сообщали...

Валентин хохотнул:

— Извини, Вась... Нам надо... по делу...

Он сунул мне помойное ведро:

— Отнеси Верке... Будь другом... Тридцать шестая, на третьем... Не перепутаешь?

Я вдруг ощутил на шее ключ. Он покалывал кожу. Я даже просунул под рубашку руку и оттянул его. Мне жутко захотелось им всем помочь. И Валентину, и Марине, и Верке... Нет! Не буду! Опять выйдет не так... Лучше не буду, хватит...

Я позвонил Вовке из телефона-автомата.

Через несколько минут он вышел. Мы прошли в сад, к баскетбольной площадке. Медленно, со всеми подробностями, я рассказал Вовке историю последних дней своей жизни. Показал ключ.

Вовка смотрел на меня, как на киноактера Кадочникова из кинофильма «Подвиг разведчика».

— Да-а, — сказал Вовка. — Может, с отцом посоветоваться. Как-никак генерал. Возьмет трубку, позвонит другому генералу... У них это просто... у генералов...

В тот момент мне тоже казалось, что просто. Вовкина лифтерша, несмотря на жару, вязала шарф.

— ...А этого мальчика что-то давно не было, — сказала она.

Мы поднялись на четвертый Вовкин этаж.

Из соседней квартиры вышел спокойный мужчина в гражданском. И спокойная толстая женщина. Они не то-

ропясь вошли в лифт. Меня всегда поражали спокойствие и уверенность жильцов Вовкиного дома...

Евгений Никанорович был в пижаме. Высокий, альбинос. И почему все генералы большие? Их, наверное, боятся и раньше других присваивают звание.

Вовкин отец сел в глубокое кресло, сразу уменьшился в росте.

— Валяйте!

Когда я рассказывал Вовке, у меня выходило замечательно, я даже приукрашивал некоторые подробности, а здесь — оробел...

Сначала Вовкин отец слушал с улыбкой, потом интерес его пропал, он вежливо кивал головой, а когда я дошел до домоуправа, он вообще переменился, посматривал на меня холодно и враждебно... Я понял, что он не будет звонить другому генералу...

— Все это — бред. Вася. Чистой воды бред. В детские годы бывают вымыслы, фантазии. Но это слишком. Советую забыть. Особенно про последнее.

— А аппендицит? — спросил я.

— А что аппендицит? Нас всех семерых мать в поле родила...

Он взглянул на сына.

— И ты во все веришь?

Вовка засомневался. Его легко было переубедить.

Вовка смотрел прохиндейскими глазками то на меня, то на отца...

Я расстегнул рубашку.

— А ключ?! Видите ключ?!

— Ключ как ключ, — сказал отец. — Не знаю, где взял. На какой помойке...

Он встал.

— У тебя, сын, еще уроки. И второй тайм... Будешь смотреть?..

Голубые Вовкины глаза смотрели испуганно и лживо. Он очень хотел смотреть футбол. И меня боялся...

Сквозь приоткрытую стеклянную дверь я видел гостиную, на стенах — картины в отблесках экрана.

«...команды ушли на отдых при счете два — один в пользу динамовцев Ленинграда...»

Все во мне клокотало. Как я их ненавидел! И Вовку, и его отца, и Синявского...

В телевизоре что-то треснуло, вспыхнуло, из него повалил густой белый дым.

«Вот вам! — подумал я. — Вот вам за все! За бред, за фантазии, за все!»

Однажды поздним вечером, когда папа спал, в дверь постучали. Я открыл. На пороге стояла старушка в надранных офицерских сапогах. Как только она вошла, в доме запахло травами и болотной сыростью. Старушка улыбнулась, показав рот без трех передних зубов.

— Пошли, — сказала она.

Я не стал задавать лишних вопросов.

Старушка привела меня в зоопарк. Светила луна. Мы шли по безлюдной дорожке. По обе стороны посапывали звери. Похрюкивал во сне тигр, тихо ворчал кабан.

Мы подошли к клетке с медведем. Он сидел в углу, привалившись к бетонной стене. Из угла печально светили глаза.

— Филимоновские мы, — сказала старушка. — Если взять от Вилюйки, а потом через лес к Чернушкино в сторону Пантюхинских болот, то верст двадцать выйдет до Матрехино, где бабка твоя жила...

Она кивнула на медведя:

— Как его отловили, здесь нахожусь в уборщицах. Мы с ним друзья. Старый он, и я старая. Всю жизнь в одном лесу прожили... Вот так. Травками его кормлю, мазями мажу... Хворый он, на локтях протерся... А вчера мужчина приходил, с сантиметром. На ресторанное чучело присматривал... Надо бы его обратно, в Филимоново...

В дальнем углу зоопарка мы нашли огромный железный бак, набитый строительным мусором: кирпичами, досками, ржавым железом.

Я выбросил все наружу и вымыл бак из шланга. Мы погрузили бак на тележку, запрягли в нее пони. Бедный пони спотыкался спросонок, закрывал глаза, вздыхал, но все же довез бак до самой клетки. Старушка выстелила дно бака соломой и открыла замок.

Медведь взволнованно ахал: «Ах, ах...»

Упершись в тяжелые медвежьи бока, мы перевалили его в бак, на солому. Старушка достала из кустов метлу и протянула ее мне.

Вторая метла была у нее в руках.

Мы забрались в бак и выставили метлы наружу. Медведь завизжал.

По сигналу старушки я приподнял метлу, и бак медленно всплыл в воздух. Он поднимался все выше и выше, над вершинами деревьев, над крышами домов, над огнями города, чуть накренился на мгновение и в плавном вираже ушел в черноту неба...

Я стоял на лесной опушке. По тропинке в глубину леса уходили старушка и медведь. Они что-то говорили, говорили на одном им понятном языке. А я смотрел и смотрел им вслед, пока их спины не растворились в темноте леса. Еще слышались голоса, еще потрескивали под ногами сушья... Но вот все стало стихать... Ничего... Только наглое гудение комаров. Я махнул на комаров метлой. Мой бак вдруг подпрыгнул и ракетой взмыл в черное небо...

Вот и все. Потом я заболел корью. Все лампы накрыли красными платками. А когда я выздоровел, бабушкиного сундука нигде не было. Папа сказал, что приходили ученые и увезли его в этнографический музей. А когда я стал рассказывать маме о своих приключениях, мама сказала, что все мне привиделось во время болезни.

Но я-то знаю, что не привиделось. Я же все помню. Все, все. И как уходили старушка и медведь по лесной тропин-

ке. И оправдома... И многое, многое другое. Когда я выздоровел, я пошел в музей. Но сундука там не оказалось... Директор музея сказал, что его не привозили.

Прошло несколько недель. Я сидел на кухне и смотрел, как тетя Паша чистит треску. Из комнаты Марьяны доносилось:

Ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья,
ты б с удочкой села,
я клюнул бы смело,
ах, был бы я рыбкой в прохладе ручья...

Я вспомнил бабушку. Как мы сидели с ней вот так на кухне, как она улыбалась, показывая без трех передних зубов рот...

Я запел. Мой голос взлетал к потолку. Легко и свободно. Он бился о начищенный плафон... Звонко и красиво...

Ах, был бы я рыбкой!
В прохладе ручья...

Тетя Паша выронила треску.

Петр Гаврилович застыл с чайником.

В дверном проеме появилась Марьяна. Она подняла к небу палец и торжественно произнесла:

— Будь счастлив, мальчик. Музыка — это язык, на котором разговаривают с богом.

Я заплакал и бросился в уборную.

Журчала по трубам вода, висели деревянные круги на гвоздиках...

Раздались шаркающие шаги тети Паши. Она подергала дверь.

— Эй, выходи. Выходи, Шаляпин!

А Петр Гаврилович, проходя по коридору, добавил:

— Поправился на нашу шею...

С тех пор прошло много лет. Я давно уже немолодой человек. Хожу на службу, пользуюсь уважением товарищей. В свободное от работы время пою в хоре. Мне нравится

петь. Мой голос сливается с голосами моих товарищей. Голоса моих товарищей — мои крылья. Они не дадут мне упасть. Взмахивает палочкой дирижер:

Бим-бом... бим-бом...

Справа от меня — Витя Завернюк, наладчик газовых котельных. Слева — Юрий Ковчан, санитар «Скорой ветеринарной помощи». Ниже на ряд — Соня Штайер, Вера Сидоренко и другие наши девочки.

Как много дум...

Наводит он... Бум-бом...

Чуки-Куки

(повесть-сказка)

Где-то очень далеко, в сказочной

сиреневой стране, окруженной со всех сторон горами, находится чистое и прозрачное озеро Чуки-Куки.

Экватор разделяет озеро пополам. Поэтому северная его часть, Чуки, всегда скована льдами. А в водах южной части, Куки, полным-полно тропических рыб. Низкое свинцовое небо прижимает обитателей Чуки к земле. Они коренасты и невысоки ростом. А над Куки всегда светит солнце, поют птицы и порхают бабочки. Иногда, закружившись в воздухе, они пересекают экватор и тут же падают на снег яркими цветами. Одетые в натуральные меха лисицы и медведи подолгу любят эти букеты, но сами никогда не переходят черту, боясь получить сильнейший тепловой удар. И только один человек может безнаказанно ходить по этой стране вдоль и поперек, с севера на юг и справа налево. Этот человек — я. Добрый и тихий отшельник Кур. Я придумал эту сказку давно. Когда валялся на диване и изучал трещину на обоях. Очень не хотелось вставать и приниматься за работу. Для этого надо снимать халат, надевать тапочки, идти через всю комнату к письменному столу, где стоит моя пишущая машинка, вынимать ее из чехла, открывать ящик письменного стола, доставать бумагу. А если ее там не окажется? Открывать другой ящик. А если ее и там нет? Надевать брюки, ботинки.

плащ, выходить на улицу, идти в самый ее конец в магазин канцелярских товаров... А если очередь?.. Просто ужас меня охватывал от одной мысли, что надо вставать с дивана. Нет. Лучше ничего не делать, а просто лежать. Если честно, это самое мое любимое занятие. Итак, я лежал на диване и ничего не делал, как показалось бы многим. На самом деле я изучал пятно на обоях. Пятно образовалось от моей головы. Иногда я все-таки встаю, беру с полки книгу, читаю или смотрю телевизор. Хотя можно его смотреть и лежа, не вставая с дивана. Но сидя — удобнее. Если передача неинтересная, можно взять со стола помидор и запустить в экран. У меня вся стена за телевизором в помидорных пятнах. Но это пятно образовалось не от плохих передач, а от чтения. Когда я сижу на диване и читаю книгу, моя голова незаметно трется об обои. Так и образовалось это пятно, которое очень напоминает озеро. Я смотрел на обойное пятно, на трещину. Как вдруг исчез письменный стол, шкаф, диван. Перестала звучать музыка из радиоприемника. А трещина на обоях вдруг выпрямилась и превратилась в экваторную черту. И я оказался на берегу озера, окруженного со всех сторон горами, в маленькой бревенчатой хижине, в тени могучего баобаба.

Моя бревенчатая хижина

Целыми днями я лежу на диване в моей бревенчатой хижине и ничего не делаю, как посчитали бы многие. На самом деле это не так. Просыпаюсь я очень рано, чтоб не прозевать восход солнца. Окно находится напротив меня, и я наблюдаю это великолепное зрелище, не вставая с дивана. Даже голову поворачивать не надо. Сначала в окне черным-черно. Не видно ни озера, ни неба, ни гор. Ничего. Но вот окно сереет, розовеет... Появляется солнце. Оно поднимается все выше и выше. Краски на моей четырехугольной картине меняются. Все становится ослепительно ярким. Ярко-зеленые листья баобаба, ярко-желтые крылья попугаев, ярко-синяя вода, ярко-белые облака.

Потом наступает полдень. Листья баобаба не спасают от жары, и я перехожу в северную часть хижины. Отдыхаю, наслаждаюсь прохладой, люблюсь полярным сиянием. Обедаю, слушаю музыку. К вечеру, как правило, я снова перехожу в южную часть. Моя картина в окне начинает тускнеть, краски гаснут. И вот вместо цветной она становится черно-белой. Наступает ночь. Пора спать.

Так я жил, совершенно один, в моей бревенчатой хижине, под ветвями могучего баобаба с южной стороны и под полярным сиянием с северной, пока мне не стало одиноко. И тогда в моем доме появилась Шара.

Собака Шара

Собака Шара родилась на экваторе. Поэтому одна ее половина, северная, покрыта густой рыжей шерстью. А со стороны юга кожа у нее нежная и розовая, как у поросенка. Представьте заросшую густой шерстью голову и грудь, и абсолютно голую заднюю часть. Спереди — лев, сзади — поросенок. Так выглядит Шара. Для врагов Шара — свирепый лев, а для друзей — ласковый и добрый поросенок.

И врагов, и друзей Шара встречает громким лаем и пронзительным пороссячим визгом. Друзья смеются, а враги бросаются врассыпную — кто этих карликовых львов знает? В таких случаях Шара просто корчится от смеха, чувства юмора ей не занимать. Достаточно взглянуть в ее глаза — и становится ясно: эта собака далеко пойдет! Мы с Шарой понимаем друг друга без слов. То есть я понимаю ее без слов, а она меня со словами. Я понимаю ее по глазам, хвосту, по тому, как она дышит, лает, высывает язык, рычит. Целыми днями мы вместе. Каждый занимается своим делом. Я лежу на диване и смотрю в окно, а Шара сидит на полу перед своим любимым телевизором.

По вечерам мы играем в шахматы. Шара очень не любит проигрывать. Она играет неплохо, но хуже меня. У меня по шахматам первый разряд, а она всего лишь кандидат в собачьи мастера. Чтобы не обижать ее, я часто под-

даюсь. Если б вы видели ее радость. Она целует меня, облизывает с ног до головы. А если ее дела плохи, поджигает хвост и жалобно скулит.

— Вам шах! — говорю я.

Шара кладет мне на колени лапу. Это означает:

— Можно перехожу?

— Нет, — отвечаю я. — Ты уже перехаживала.

Но Шара кладет на колени вторую лапу и вздыхает. Это означает:

— Ну, пожалуйста. Последний раз.

— Ладно, — говорю я. — Самый последний.

Так мы разговариваем. Больше я не буду объяснять как, а просто приводить ее слова.

Когда я объявляю Шаре мат, она уходит в свою комнату и запирается на ключ. В последнее время Шара резко усилила игру. Я долго не мог понять в чем дело, пока не обнаружил пропажу учебника по шахматам. Он всегда стоял на полке, между «Правилами вождения парусников» и «Справочником юного артиллериста». Я решил, что его потерял. Но однажды обнаружил его в Шариной комнате зачитанным до дыр. Игра у нас проходит азартно. Мы кричим друг на друга, ругаемся. Если кто-то «съедает» фигуру, то съедает по-настоящему. Фигуры у нас съедобные. Из хлеба, рыбы, мяса и других вкусных вещей. К каждой игре мы заново их делаем. Я пытаюсь их мастерить из соленых огурцов, помидоров, моченых яблок. (Ужас как люблю все соленое и острое!) Но тогда Шара отказывается играть. Она предпочитает мясо, колбасу, кости. Мы долго спорили, пока не нашли выход. Я делаю ее фигуры, а она — мои. Чтоб каждый съедал то, что любит. Пешки я делаю из маслин. Я насаживаю их на палочки, палочки втыкаю в дольки огурцов — так у меня получаются пешки. Ладьи я вырезаю из редьки. Король у меня самый вкусный. Из копченой селедочки. Поэтому у него селедочная голова. Так мы замечательно жили себе да жили. И все у нас было хорошо, замечательно, расчудесно-распрекрасно.

Пока вдруг однажды... не появился ОН.

Он

Однажды... прямо из озера, неподалеку от экваторной черты вынырнула подводная лодка. Миниатюрная. На одного человека. С грохотом упавшей кастрюли откинулся люк.

И... из люка появился ОН. Сначала появилась его голова в синей бейсболке, потом шея, потом грязные джинсы, потом кроссовки... Тоже грязные. А вот и весь ОН. Стоит. Щурится на солнце. Хохочет.

Я сразу его узнавал. По прошлой своей жизни в городе. Он вечно норовил стащить меня с дивана, одержимый всякими идеями: прославиться, разбогатеть, завоевать мир.

— Быстрее вставай! — закричал он. — Ну и ну, вот это да! Надо же... Надо все поскорей захватить, заграбастать, захватить... Эти, загорелые, будут у нас слуги. А те, в шкурах, шоферы по снегу.

— По какому снегу? — устало спросил я.

— По любому. Будем ездить на твоей собаке.

— На Шаре?

— Вот-вот, на Шарике. С такой гривой ей любой мороз не страшен. А бензин сейчас сам знаешь, не разгонишься.

И понял я — кончилась моя счастливая жизнь на берегу озера. В уютной бревенчатой хижине. Под ветвями могучего баобаба. Но поначалу очень уж не хотелось вставать с дивана.

Но вставать все же пришлось.

Обострение международной обстановки

Конфликт разразился из-за территориальных притязаний. По чьей стороне проходит экваторная черта. По северной или по южной. Ну? Не смешно? Обитатели Чуки и обитатели Куки всегда жили дружно, уважали друг друга, хотя в своих обычаях и привычках это были два совершенно разных народа. Чуки, как я уже говорил, были невелики ростом, приземисты, занимались охотой и рыболовством.

Питались в основном строганиной, то есть замороженной рыбой и замороженным мясом. А куки предпочитали свежие овощи и фрукты. И те, и другие обменивались своими товарами у экваторной черты. Чуки приезжали на собаках, куки приплывали на лодках.

Мы с Шарой частенько любовались этим увлекательным зрелищем. С одной стороны снег-пурга, с другой — синяя гладь озера и солнце. Мне не надо было вставать с дивана, чтобы видеть эту картину. Достаточно было просто взглянуть в окно.

И ВДРУГ! Мои добрые и мирные чуки и куки превратились в непримиримых врагов. Они собирались у экваторной черты и вместо веселых приветствий дразнили и высмеивали друг друга. При этом чуки кидали в куков снежки, а куки бросали в них гнилые бананы.

Вот как это происходило. Привожу некоторые их дразнилки по памяти.

ДРАЗНИЛКИ ЧУКОВ:

Кто глупее всех на свете
Темной ночью и при свете?
Кто не носит даже брюки?
Каждый знает — это куки!

ДРАЗНИЛКИ КУКОВ:

Кто страшнее всех на свете,
У кого не мыты дети?
У кого кривые руки?
Каждый скажет: «Это — чуки!»

Однажды я попытался прекратить подобные безобразия, открыл окно и закричал:

— Хватит! Как вам не стыдно? Немедленно перестаньте обзывать и оскорблять друг друга!

Вместо ответа в меня полетели снежки и гнилые фрукты. В меня, который все это придумал. И озеро, и волшебную страну, и чуков, и куков. Все!

Вскоре я узнал, что мой друг привез на подводной лодке оружие. Что он подстрекает чуков и куков к войне. К самой настоящей. С выстрелами, с убитыми и ранеными.

И как мне ни хотелось, все же пришлось вставать с дивана, надевать тапочки, доставать сумку и собираться в дорогу. Не мог же я допустить, чтобы в моей замечательной стране вдруг разразилась война!

Моя миротворческая миссия

Свою миротворческую миссию я решил начать с чуков. Чуки более хладнокровны и рассудительны, чем вспыльчивые и обидчивые куки. Они должны понять: перебранки, дразнилки и взаимные оскорбления ни к чему хорошему не приведут.

— А ты как думаешь, Шара?

Шара помахала хвостом, что означало:

— И я так думаю.

И мы стали собираться в дорогу.

Я наполнил термос горячим чаем, разрезал на дольки лимон и кинул его в чай. Лимон, я где-то читал, лучшее средство от цинги. А цинга — страшная болезнь, связанная с отсутствием витаминов. На севере не растут овощи и фрукты, поэтому витамины брать неоткуда. Раньше витамины там получали от куков. В обмен на шкуры и моржовые клыки. Это были не те витамины, которые продаются в каждой аптеке, а другие, более полезные, в виде ананасов, авокадо, манго и других экзотических овощей и фруктов. Теперь же, когда дело идет к войне, обмен прекратился и витамины получать было неоткуда.

Я положил в сумку еще пару лимонов, связку лука, три головки чеснока. Затем — мои любимые пакетики с супом и сухарики.

Шара взглянула с укоризной:

— А мне?

— Не волнуйся, и тебя не обижу.

В эту же сумку я упаковал нежнейшие сахарные косточки, собачьи консервы, такие вкусные, что и я их с удовольствием ем, когда Шара разрешает. Сверху я положил шахматы — вдруг нас занесет снегом, вот тогда наиграемся!

С едой все! Воду не берем, крутом снег... Но нужны спички, чтобы его растопить. И бумага, чтобы разжечь костер. И дрова, иначе какой же это костер. Еще ракетница, если мы заблудимся. Часы-будильник, чтобы мы не проспали, когда нас найдут. В этот момент там будет полно журналистов, телекамер — надо успеть побриться, привести себя в порядок, неудобно предстать перед мировой общественностью обросшим и неопрятным. Значит, нужна бритва, одеколон, полотенце. Я бреюсь электрической бритвой, а во что втыкать шнур? В открытом поле вряд ли найдется электрическая розетка. Значит, надо взять катушку с длинным-длинным проводом. Один конец... тот, что с вилкой, я воткну дома в розетку, катушка будет разматываться, и я смогу побриться на другом конце провода. Еще пластырь, если я порежусь. Хорошо бы доктора прихватить — вдруг простужусь. И ветеринара, вдруг простудится Шара. Нет! Это слишком. Возьму-ка я для себя горчичники, аспирин, грелку, ватное одеяло, банку с малиновым вареньем. От аспирина потеют, значит, две смены белья и еще подушку. И зеркало, чтобы видеть, как я плохо выгляжу после болезни. И весы, чтобы знать на сколько похудел. А для Шары...

Шара захохотала.

— Вас понял, — сказал я.

И выкинул все из сумки кроме термоса с чаем, лимона, шахмат и собачьих консервов. Ехать нам всего часа два, авось не заблудимся. На южную, поросычью часть Шары я надел специальные штанишки, связанные из ее же шерсти. (Когда Шара линяет, весь дом в ее шерсти. Шерсть везде — на стульях, диване, на моей одежде, на полу. Однажды я нашел шерсть в банке с вишневым вареньем. Как выяснилось, Шара его очень любит.) Значит, я надел на нее шерстяные штанишки, и Шара стала целиком шерстя-

ной. От головы до кончика хвоста. На задние лапы я надел ей валенки. И на свои задние лапы, то есть ноги, тоже надел. На плечи (свои) накинул тоже свой любимый полушубок. (Когда-то я работал на стройке, и он согревал меня в самые лютые морозы. Но об этом потом, и так я немного отвлекся...) Шарф, шапка, варежки и — полный вперед!

У южного окна хижины я последний раз взглянул на солнце, вдохнул полной грудью тропический воздух... Если бы вы знали, какой это воздух! Будто пьешь настой из неизвестных трав и фруктов. Еще раз вдохнул — когда еще придется вот так дышать. Ох, как не хотелось ехать... Но ничего не поделаешь — надо. Чувство долга перед своей страной, перед своим народом превыше всего, даже лежа на диване!

И я пошел в северную часть дома, к выходу.

Там на снегу уже стояли сани. Шара бросилась запрыгаться. Она любила ездить по снегу. Свистит ветер, летят снежные искры, пахнет морозом. Эх, хорошо на свете жить!

Рыба Харра

Мы уверенно мчались на север по пустынному и заснеженному озеру. Из-под лап Шары летели колючие льдинки, а над нами переливалось всеми мыслимыми и немыслимыми огнями полярное сияние. Кто не видел его, тот ничего не видел. Все небо вдруг вспыхивает разными красками. Фиолетовыми, красными, голубыми! Краски переливаются, сменяют друг друга. Я часами могу смотреть на это чудо из окна своей хижины. Представьте, на южной стороне — жара, а на северной — полярное сияние. В такие минуты я все бросаю, даже сочинять эту сказку, хватаю недопитый бокал с ананасным соком и бегу на север, к окну. Ложусь у камина, пью сок и смотрю, смотрю, смотрю. Наслаждаюсь соком и красотой. И опять ничего не делаю, как посчитали бы многие, кто ничего не понимает в искусстве.

Ну, хватит. Что-то я разболтался, а нам еще ехать и ехать.

И тут случилось непредвиденное.

Я забыл сказать, что в нашей прекрасной стране водится жуткое чудовище, страшная и прожорливая Харра. Рыба с пастью крокодила и мощными как у орла крыльями. Обитала Харра в озере, питалась всем, что под руку, вернее под зубы, ей попадется: рыбой, утками, зайцами, оленями, пингвинами, черепахами — ничем не брезговала. На свои жертвы Харра набрасывалась неожиданно. Пробивала страшной головой лед (если охота шла на севере), выпрыгивала из воды и сверху нападала на свою жертву. Мало кому удавалось спастись от такого «ракетно-ядерного» удара. А в южной части озера Харра охотилась совсем по-другому. Пряталась в водорослях либо коралловых зарослях и торпедой устремлялась к своей жертве. Однажды она чуть не слопала трехгодовалого кукуенка: купаться в озере ему запретили родители, но кукуенок, как и всякий ребенок, был любопытен, полез в воду (уж очень в тот день было жарко) и угодил прямо в Харрину пасть. Отец не растерялся, метнул в раскрытую пасть Харры гарпун. Тот встал поперек, и Харра не смогла проглотить малыша. Долгое время она так и плавала с открытой пастью. Рыбы перестали ее бояться, подплывали близко-близко, заглядывали внутрь, а наиболее смелые плыли и дальше, осматривали зубы, будто на экскурсии в музей. Из глаз Харры от унижения текли слезы, хорошо, что в воде их не видно. Так она и плавала с широко открытой пастью, похудевшая, униженная. Возможно, она бы и погибла, но ей повезло. Случайно наткнулась на камень, гарпун сломался, и Харра стала еще более кровожадной и беспощадной. Есть только одно средство против нее — змеиный яд, который добывают на юге. Обмазать им все тело, тогда Харра и близко не подплывет. На Харру охотились и куки, и чуки, но очень уж хитрая была бестия, из любой ситуации выходила «как рыба из воды».

Конечно, мы боялись встретиться с Харрой, но что делать, если речь идет о войне и мире. Змеиного яда у нас с собой не было, поэтому я взял гарпун. Немного потренировался дома, раза два метнул в дерево с южной стороны дома. Конечно, не попал, и мы поехали.

. Сани неслись быстро, мороз обжигал лицо, градусов сорок — не меньше. Полярное сияние, будто праздничная иллюминация, освещало нам дорогу. Иногда к берегу подступал колючий кустарник, приходилось его огибать. Сам кустарник колючий, да еще колючки обросли льдом. Зацепишься, не возрадуешься!

И вот представьте... Едем мы себе едем, песни поем. Я пою, Шара подпевает. Примерно так:

Мо-роз и зве-зды,
Дее-нь чу-удееесныйый,
Ах, этот север
Край пре-елестный...

Шара мне подпевает:

Га-ав га-ааааа-ав,
га-ав гав-гав-гав,
Га-ааааав...

Как вдруг... Слева от нас... метрах в двадцати-тридцати... раздается жуткий треск... ломается лед... и в воздух взлетает Харра. Она летит в нашу сторону... Страшная пасть широко раскрыта, вот-вот она обрушится на нас всем своим телом и всеми зубами.

Конечно, я забыл про свой гарпун, про все на свете, дернул от страха поводья... сани метнулись вправо. Харра пролетела совсем рядом, мы чудом не угодили ей в пасть...

От ужаса мы понеслись с жуткой скоростью. (Не очень хорошо сказано: «от ужаса... с жуткой скоростью...») Но я так испугался, что и сейчас дрожу и лучше просто не могу придумать, пройдет время, может, тогда.) Но вот снова раскалывается лед, и снова вверх взмывает Харра, правда, теперь мы начеку. Мы резко уходим влево... Харра опять промахивается.

Не могу описать, с каким нечеловеческим воем в третий раз она вылетела из-под льда и взмыла в воздух. Каким огнем полыхали ее глаза, как сверкали зубы. Если бы мы ей попались, ничего бы от нас не осталось, ни рожек, ни ножек.

Но мы уже неслись к берегу... Сани уходят в снежный сугроб словно в глубокий туннель. Теперь мы в безопасности.

Тут раздается жуткий грохот — это Харра падает где-то рядом. Земля под нами треснула... И мы летим куда-то вниз...

Питер-дак

Мы оказались в огромной пещере, в полной темноте. Как я догадался, что пещера огромная? Ведь в темноте ничего не видно. Отвечу — по эху. Эхо от нашего падения раздалось не сразу, а с опозданием. Секунды три оно шло до нас, не меньше. Сначала мы грохнулись — ба-бах! И только через несколько секунд мы услышали отраженное от стен пещеры эхо: «ба-бах». Я ощупал себя — цел. А Шара? Бедная собачка от ужаса не могла говорить, только тряслась мелкой дрожью.

— Не бойся, — сказал я. — Все уже позади.

— А я и н-не б-боюсь.

— Не что?

— Не б-боюсь.

— Это и видно. То есть — это и слышно.

Я погладил Шару по меховой головке, достал из своего строительного полущубка походный фонарь, включил... Пещера оказалась еще больше, чем я ожидал. Стены так далеко друг от друга, что хоть в футбол играй, рисуй ворота и играй. А что там наверху, на потолке? Как только я направил луч света вверх, раздался пронзительный писк — оказывается, под сводами пещеры жили летучие мыши. Я никогда не видел столько летучих мышей. Они жалобно

пищали, закрывали глаза крыльями — летучие мыши живут в полной темноте, свет фонаря их здорово напугал.

Я убавил яркость своего фонаря, летучие мыши стали успокаиваться и с любопытством поглядывать на нас из-под перепончатых крыльев. Раньше я не очень любил мышей. (Это я про обыкновенных мышей говорю, с летучими я никогда не сталкивался.) Но чем мыши, например, хуже белок или зайчиков? Если приглядеться, они очень на них похожи. Как-то у меня завелись два малюсеньких мышонка. То ли их мама бросила, то ли они сами убежали и заблудились. Я сделал для них домик из коробки от торта, поил молочком, сыпал им хлебные крошки. Мышата привыкли ко мне, перестали бояться, стали вылезать из своего домика, бродить по комнате. Однажды я застал их за поеданием моей рукописи. Они грызли ее с таким наслаждением, что я сразу понял, какое гениальное произведение сотворил. Я не позволил мышатам доесть мое творение до конца и побежал в редакцию. Там мое предположение не подтвердилось. У издателя был дурной вкус. Он предпочел моей рукописи бутерброд с ливерной колбасой.

Летучие мыши были не менее любопытны, чем мои мышата. Когда мы играли в шахматы, они слетались, садились мне на плечи. Одни болели за Шару, другие, более умные и симпатичные, — за меня. А мы все играли и играли с Шарой в шахматы, ожидая, когда нас спасут. Но нас почему-то не спасали. Да и кто нас мог спасти? В конце концов я понял, что надо самим спастись. Тем более, мой походный фонарь стал гаснуть. И настроение тоже. Фонарь гас — разрядились батарейки, а настроение гасло, потому что никто нас не спасал. Да, неважные наши дела.

Летучие мыши понимали наше состояние. Они о чем-то пищали — видно, советовались. Ни Шара, ни я не понимали их птичий язык.

Потом они куда-то улетели и минут через двадцать вернулись. Но не одни. В тусклом свете фонаря я разглядел странное существо, очень похожее на большую летучую мышь. Как вы думаете, кто это был?.. Ни за что не догадае-

тесь... Это был маленький первобытный птеродактиль, каким рисуют его на картинках про доисторическую жизнь, когда по земле гуляли огромные динозавры, а в воздухе летали зубастые птеродактили. Но в отличие от них, этот был совсем не страшный, очень грустный и очень маленький, не больше совы.

Птеродактиль что-то сказал... К счастью, Шара его поняла. Его язык был похож на язык наших ящериц.

— Он сказал «Здравствуйте!» — перевела мне Шара.

И птеродактиль поведал нам грустную историю своей жизни. Все родные и близкие его давно умерли, вот почему он живет здесь с летучими мышами. Они напоминают ему далеких предков: папу, маму, братьев и сестер. Он последний представитель той доисторической жизни. Потом он рассказал нам, как жили в те далекие времена, как появились первые люди, очень древний народ, от которого произошли и чуки, и куки. Да и мы с вами, обыкновенные люди, тоже произошли. Его рассказ я приводить не буду. Кто захочет, может прочесть его в другой книжке, я обязательно ее напишу, если вы попросите. Мы выслушали рассказ Питера-дака (так звали нашего знакомого) с большим вниманием. И по причине вежливости (нельзя перебивать рассказчика), и по другой причине (уж очень было интересно). Питер-дак сказал, что знает, где выход из пещеры, и обещал нам его показать. Мы очень обрадовались и пригласили всех на прощальный банкет: поужинать с нами, или позавтракать, или пообедать — в пещере мы потеряли счет времени. И стали собираться в дорогу. Большую часть продовольствия мы оставили нашим новым друзьям — вдруг кто-то еще к ним провалится.

Питер-дак повел нас по одному ему известному маршруту, приходилось все время нагибаться, иногда ползти, шли очень долго. И вот пахнуло морозом... Мы отвалили в сторону огромный камень — и увидели звездное небо, луну. Выход из пещеры отстоял так далеко от пещеры, что если бы Харра и поджидала нас, она могла поджидать до

скончания своего века. Питер-дак расплакался, за эти короткие часы он успел полюбить нас.

— Если понадобится моя помощь — только свистните, я тут же прилечу. Только позовите — тут же. Только свистните!

Тогда я не придавал значения его словам. О, если б я знал, как его помощь нам пригодится впоследствии.

Поселок Северный

На этот раз мы поехали не напрямик через озеро, а вдоль берега. Пришлось огибать колючие кустарниковые заросли, переносить сани через глубокие овраги, а потом еще и переносить Шару. Для подобных случаев у меня были специальные лыжи. Короткие, чуть длиннее ботинок, но зато очень широкие. В них я мог спокойно ходить по глубокому снегу или даже болоту. Шара никак не соглашалась, чтобы я смастерил ей такие же. Валенки — пожалуйста, теплые штанишки — да. А лыжи — ни в какую. Я, мол, унижаю ее собачье достоинство. «Я не Анна Курникова, чтобы на ваших лыжах ходить». Итак... Мы огибали кустарник, перебирались через овраги, ехали, ехали и... Наконец приехали.

Вдали появилась голубая в свете луны деревенька. Десяточек домов, высокая мачта с ветряным двигателем (о нем я потом расскажу), спутниковая тарелка такой величины, что суп из нее можно было бы есть всей деревней. Нас встретил громкий собачий лай. Собака у чуков считалась священным животным. Без разрешения собаки нельзя было запрячь ее в сани, я уж не говорю — посадить собаку на цепь. Это был великий грех. За это можно было лишиться права купания в проруби, самого любимого занятия чуков.

Все собаки были жутко волосатыми, они напоминали копны сена на собачьих ногах. Из-под шерсти выглядывали только уши да кончики лап. Серая шерсть, под цвет здешней местности, скручена жгутами, наподобие приче-

сок негритянских модниц. Чуки охотились довольно оригинальным способом. Предположим, в окрестностях появлялся волк. Собака выслеживала его, потом пускалась наутек. Конечно, волк бросался за ней. И вдруг собака падала на спину, начинала стонать, будто у нее прихватило живот, перебирать в воздухе лапами. Обрадованный легкой добычей волк бросался на нее, впивался зубами... И зубы его запутывались в густой шерсти. Он не мог даже разомкнуть пасть. Оставалось взвалить волка на себя и притащить в поселок.

Я всех собак знал по имени. Вон прыгает и машет хвостом приветливая Гла. А это улыбается Алюр. Однажды он притащил на себе огромного медведя. А это выглядит из-за сутроба и подмигивает мне красавица Дила.

— Привет, друзья!

В ответ — собачий лай и радостное маханье хвостами.

Шара бросилась к ним, потащила за собой сани, я чуть не упал.

— погоди, Шара. Успеешь наговориться.

Мы еще немного проехали и остановились в самом центре деревеньки, у огромной снежной бабы. Тут надо сделать остановку и мне и рассказать об этой бабе чуть подробнее. Сначала, как и все снежные бабы, она была с человеческого роста. Но с каждым годом, с каждым снегопадом становилась все больше и больше. И вот вымахала с трехэтажный дом. Чуки наряжали ее, украшали еловым венком, плясали и водили вокруг нее хороводы. Но самым замечательным у этой бабы были глаза. Огромные желтые, как бы светящиеся изнутри. Скажу по секрету — это были необработанные алмазы. Не все знают, что необработанные алмазы похожи на простые, чуть прозрачные камни. И только шлифовка превращает их в сверкающие бриллианты. Легенда гласила, что эти алмазы нашла давно одна из жительниц Чукии. В честь нее и соорудили эту бабу, и главной у чуков провозгласили женщину, то есть бабу. Не снежную, конечно, а настоящую. Только она могла стать вождем Чукии. Мужчинам оставалось воспитывать детей,

стирать белье, готовить обеды. Хорошо это? Думаю, не очень. Каждый должен заниматься своим делом. Нет, я не против женского руководства. У меня самого дома жена правит, распоряжается деньгами да еще преподает немецкий язык. И что? Денег никогда нет, а по-немецки я до сих пор не разговариваю. Нет, все-таки должны руководить мужчины. Я отстегнул карабинчик, освободил Шару от ремней, а сам по нахоженной тропинке направился к дому, самому большому в этом поселке.

Дверь мне открыла Сия, вождь чуков, очень симпатичная девочка с раскосыми карими глазками. Как и все чуки, она была невысока ростом и темноволосая. Никто лучше нее не бегал на лыжах, не стрелял, не плавал в проруби. У меня были с ней самые теплые отношения, даже в самые морозные дни. (Не могу пройти мимо, когда есть возможность пошутить. Теплые отношения в морозные дни. По-моему, неплохо, а?) Но сегодня Сия встретила меня без обычных шуточек и поцелуев.

— Привет, Кур! Ну, проходи, проходи.

Я прошел внутрь домика. В домике прохладно, пар от дыхания висит в воздухе. И тем не менее, все форточки открыты. Сия уловила мой вопрошающий взгляд:

— Не могу привыкнуть к жаре. Батареи горячие — не притронуться. И как вы живете на Большой земле?

— Так это хорошо! На улице мороз, а в доме тепло.

— Не нужна нам жара, она расслабляет. Мы северный народ, мы к холоду привыкли.

Я понял намек. Мол, северный народ — он закаленный, а вот южный народ — он расслабленный, то есть вялый, ленивый. Иными словами — дрянь народишко.

Я промолчал, но в знак протеста не стал снимать свой строительный полшубок.

Сия поняла мой дипломатический жест, пожала плечами:

— Пожалуйста. Если так хочешь...

И стала захлопывать форточки одну за другой. Тогда и я пошел ей навстречу и снял свой строительный полшубок.

бок. Надо сказать, чуки раньше жили в чумах, таких шатрах из звериных шкур. В центре чума стояла печурка, топили ее кустарником, который рос по берегам озера. А свет шел из светильников на зверином жире. Представляете? Дымно, грязно, ничего не видно. Я прислал им с «Большой земли» деревянные домики. Теплые, светлые, со всеми удобствами: газом, телефоном, горячей и холодной водой. Домики легко разбирались и собирались. Чтобы их купить, я взял кредиты чуть ли не во всех редакциях. Обещал расплатиться, как только напишу эту сказку. Ну, а если не напишу или сказка не получится — придется продавать машину, квартиру и военные секреты. (Когда-то я служил в армии и знаю много такого, о чем не следует говорить. Но это было давно, и вряд ли за мои секреты много получишь. Хотя лет пять строгого режима получить можно.) Так вот... Я купил эти домики и попросил своего друга, летчика дядю Борю, перебросить их в Чуки-Кукию. Я дал ему карту с подробным описанием местности. И хотя погода была нелетная, дядя Боря ухитрился долететь, совершить посадку, выгрузить из вертолета домики да еще вернуться на базу, где вместо ордена получил выговор за использование транспортных средств в личных целях. Никто не поверил, что домики он отвез бесплатно, а горячее купил на свои деньги. Все решили, что дядя Боря подрядился работать в дачный кооператив и использует военный вертолет в целях наживы. Снаружи «трещит» мороз, а в домиках тепло и уютно. И ванна, и душ, и телефон с телевизором (вот зачем мачта с ветряным двигателем), и холодильник с продуктами. Почему холодильник? Не проще ли вывешивать продукты за окно? Когда минус 40, вряд ли они растают. Казалось бы, правильно? А волки, лисицы, медведи? Вы об этом подумали? Будем их подкармливать, да? Сначала — продукты, а потом кто? Догадались? Кто хочет стать следующим продуктом? Никто не хочет. Тогда не задавайте глупых вопросов, и пусть продукты хранятся в холодильнике. Что? Откуда электричество? Из розетки. Откуда оно там? Я же говорил — мачта, ветряной двигатель, он и дает элек-

тричество. И для телевизоров, и для отопления, и для горячей воды. Я не удержался и прилег на диван:

— Не возражаешь, Сия?

Сия знала мою любимую привычку — лежать на диване.

— Не возражаю, Кур.

Напротив дивана стоял телевизор, накрытый красивым платком, это чтоб полярное солнце, когда оно только-только появляется над горизонтом и светит прямо в окно, не портило экран. На стенах — шкуры, почетные ленты, фотография родителей Сии. Мать ее утонула. Отец погиб, сражаясь с медведем. Ее растил дед, пока сам не заблудился в окрестных лесах. Сурова и беспощадна природа Чукии! Но не время предаваться любимому занятию, лежанию, потом наверстаю. Я встал с дивана, достал из сумки подарки, выложил на стол кофточку, которую сам связал из Шариной шерсти, коробку конфет, бутылочку «пепси». Подарки, как и мой приход, не произвели на Сию особого впечатления.

— С чем пожаловал, Кур?

— Чайку бы горячего, — ответил я. — Замерзли очень. Почти сутки провели в пещере.

— Ой, прости, — спохватилась Сия. — Извини, Кур. Как я не догадалась? А где Шара? Зови и ее скорей.

Я уловил в глазах Сии прежнюю теплоту.

Шара с лаем ворвалась в дом, подпрыгнула, стала целовать Сию в лицо.

— Успокойся, Шара, — сказал я. — Не всем приятны твои телячьи нежности.

Я опять сделал тонкий намек на «толстые» обстоятельства. Мол, мы заметили, как вы нас встречаете.

— Перестань, Кур. Ты знаешь, как я люблю Шару.

Я вздохнул:

— Хоть мою собачку ты любишь.

Еще один намек, но уже не тонкий. Я бы сказал — даже весьма толстый намек.

— Вечно, Кур, ты придумываешь.

Сия знала, что очень мне нравится, и я знал, что нравлюсь ей. Когда я приезжал раньше, ее лицо расцветало, в глазах появлялось лукавое выражение, не то что теперь. Два симпатичных чукенка внесли самовар, поставили на стол угощение: вяленую рыбу, строганину, белую икру, самый большой в этих краях деликатес. Белая икра из белой рыбы, которая приплывает летом из Белого моря. Кто хоть раз пробовал, не в силах забыть нежный, чуть пряный вкус этого деликатеса. Но ни фруктов, ни сладостей на столе не было. А пить чай, грубо говоря, с селедкой не очень-то хотелось. И Шара к таким угощениям не очень привыкла. Она и спросила прямо «в лоб»:

— А сахар? А сгущенное молоко?

— Что она сказала? — спросила Сия.

— Она сказала «спасибо», — перевел я.

— Неправда, — пролаяла Шара. — Неправда! Зачем ты врешь, Кур?

— А теперь она благодарит тебя за радушие и гостеприимство.

Шара разозлилась:

— Жалкий врунишка!

Она метнула на меня злобный взгляд и бросилась прочь из комнаты.

— Что это с ней? — спросила Сия.

— Не знаю. Может, «по маленькому» захотелось.

Сия улыбнулась:

— Так с чем пожаловал, Кур?

Делать нечего, пришлось говорить правду.

— Понимаешь, Сия. Нехорошо это. Вы всегда жили дружно. И вы, и куки, так было хорошо. Что случилось? Скажи, что произошло?

Сия сразу стала чужой и враждебной.

— Что случилось? И ты еще спрашиваешь? Куки передвинули экваторную черту. На целых три метра! Они захватили исконно наши земли.

— Не верю. Куки не способны на это. И потом, сама подумай. Там же лед, сплошной лед. Кому нужны эти ледя-

ные метры. Они тут же и растаяли. Стоит ли из-за узенькой полоски воды ссориться и угрожать друг другу.

— Стоит. Это дело принципа. Они очень противные, твои куки. Как я раньше не замечала? Голубоглазые, худые. Всегда ходят голыми.

— Голубоглазые? Какая разница, какие у кого глаза. И потом, они ходят не голые, у них повязки из листьев. Там жарко, Сия, вот они так и ходят.

— Когда у нас жарко, мы так не ходим.

— У вас не бывает жарко.

— Бывает. Летом и плюс пять бывает, и плюс десять. Но мы же не ходим голыми.

— Плюс пять? Разве это жарко? — спросил я.

— Для нас это тропическая жара.

Когда наступало короткое лето, чуки просто дурели от счастья. Загорали, купались в холодной воде, собирали цветы. «Смотри, смотри, — восхищались они. — Как красиво! Какие чудесные краски!» Я смотрел, но ничего особенного не видел. Все было скучное, серое.

«Смотри, смотри сколько оттенков. Вон — ярко-серое, вон чуть-чуть сероватое. А там белеет еще не растаявший снег. А над ним, над ним... Черные, совсем черные деревья. Черное и белое. И чуть сероватое. С ума можно сойти!»

— Ты меня слышишь, Кур? — спросила Сия.

— Конечно, слышу.

— Ну?

— Каждый имеет право ходить как хочет, — сказал я. — Голым, в купальном костюме или... в шубе. Если эта его ходьба не мешает ходить другому.

— Ты всегда их защищаешь, Кур. Ты просто их больше любишь.

— Я всех люблю одинаково. И вас, и куков.

— Если они не отдадут нашу землю... то есть наш лед... то есть нашу воду... мы сами ее отберем... Мы проучим этих противных кукенышей!

Я понял — мой друг хорошо поработал. Такой злости в глазах Сии я раньше не замечал. Да, плохи наши дела.

— Я поеду к кукам, — сказал я. — Я выясню, в чем дело. Если они виноваты, пусть извинятся, пусть передвинут обратно экваторную черту.

— Поздно! Слишком поздно.

— Что? Что ты говоришь?!

— Твой друг открыл нам глаза!

— Он мне не друг! Он злой и жадный. Он делает то, что выгодно ему. Он хочет нажиться на вашей вражде. Как ты не понимаешь?

Но Сия меня не слушала. Она была где-то далеко. Она думала, как перехитрить куков, как отнять у них эти жалкие ледяные-водяные метры.

Мне стало очень, очень обидно.

Я встал, хлопнул дверью и вышел из дома.

Кто прав, я или Шара?

Я сидел на лавочке около дома. Из окна падал длинный прямоугольник света. Все, что оказалось в нем, искрилось, переливалось. Светились сугробы, блестели полозья от саней, вспыхивали и гасли снежинки — просто новогодний праздник. А вне этого прямоугольника — все темно, черная зловещая пустота. Как и у меня на душе.

Шара чувствовала мое настроение, она заглядывала в глаза, подпрыгивала, пыталась лизнуть меня в щеку. Этого еще не хватало. В сорокаградусный мороз. Чтoб ее язык примерз к моей щеке. Так мы и будем ходить? Я иду и держу на руках Шару с примерзшим к моей щеке языком. Если ее опущу — у нее отвалится язык или в моей щеке образуется дырка. И что? Так мы будем жить? А как ее кормить? Она же умрет от голода.

Я оттолкнул Шару от себя:

— Успокойся. Скажи лучше, что делать? Может, Сия права? Может, куки плохие?

— Может, — пролаяла Шара. — Очень даже может. Они всегда мне не нравились. Тощие, длинные, не любят мясо.

Сейчас в Шаре говорила северная ее половина. На севере она всегда больше любила чуков, на юге — наоборот.

— Хороший ты или плохой, Шара, разве зависит от мяса?

— Нет. Не зависит. Но кто не ест мясо — тот плохой человек.

— А кто не ест кости? — снова спросил я.

— Еще хуже.

— Но я не ем кости.

Шара задумалась.

— Ты хороший человек, но у тебя слабые зубы. Поэтому ты не ешь кости. Ты бы их ел, грыз... и лаял бы еще, и просил добавки. Но у тебя слабые зубы.

— Нет! — крикнул я. — Неправда! Никогда я не лаял бы и не грыз бы кости. Будь у меня хоть стальные зубы, хоть чугунные, хоть из самых крепких металлов.

— Почему?

— Потому что я их не люблю!

— Но они такие сладкие, вкусные, с нежным хрящиком. Как можно не любить кости?

— Ты любишь, вот ты и грызи.

— А ты?

— А я люблю сочные свежие фрукты, овощи... И мясо иногда, но больше рыбу — вот что люблю я!

— Значит, ты такой, как и все куки.

Спорить дальше было бессмысленно. Придет время, Шара поймет, что была права. Как только мы пересечем экватор, все пойдет по-другому. Заговорит южная ее половина. Неужели и правда, любовь и ненависть зависят от того, где ты родился?

Я погладил Шару, почесал ей за ухом.

— Поедем домой, пусть они дерутся и убивают друг друга, если им так хочется.

— Правильно, Кур. Сыграем в шахматы, посмотрим телевизор. Я дам тебе свои консервы.

— И гори все огнем?

Шаре стало неловко.

— Нет, — сказал я. — Мы не поедem домой. Мы поедem на юг, к кукам. Мы постараемся все уладить, всех поми- рить. Если куки виноваты и передвинули черту, пусть вер- нут ее на место.

— Поедем, если так хочешь.

Шара направилась к саням, хотя запрягаться ей со- всем не хотелось. Я видел это по ее поджатому хвосту, по вялой походке.

Вот она вышла из прямоугольника света и пропала, сначала исчезла голова, потом спина, потом мелькнул и пропал хвост. Но я знал: она здесь — по скрипу снега, по ее дыханию.

Из открывшейся двери вдруг хлынул поток света — на пороге появилась Сия:

— погоди, Кур. Не уезжай. Думаешь, я хочу воевать?

Как она была красива! Яркий свитер обтягивал хруп- кую фигурку. Узкие брючки из кожи тюленя и меховые са- пожки — не девочка, а статуэтка.

— Ты слушаешь меня, Кур?

— Да, да, конечно.

— Оставайся. Сегодня выступает шаман, а утром пого- ворим.

— Шаман?

— Да. У нас теперь есть шаман. Как у наших далеких предков, как в добрые старые времена.

«Шаман? Это что-то новенькое», — подумал я.

— Хорошо. Я остаюсь.

Мечта-трава

Выступление шамана состоялось в огромном чуме, на том самом месте, где он и раньше стоял. После того как я подарил кукам прекрасные теплые домики, в нем уже ни- кто не жил. Его использовали как кладовку для старых и ненужных вещей. А теперь, стало быть, вот как все оберну- лось!

Несмотря на костер, который горел в центре чума, было очень и очень холодно. Около костра возвышался помост, наверное, здесь и должно было состояться выступление шамана. По краям чума, на столбах, источая запах горелого жира, дымили светильники. Никто не снимал одежды. И старики, и молодежь садились прямо на голую землю. Многие курили. Я с трудом поборол у чуков эту пагубную привычку, а теперь, значит, взялись за старое. И где только они достают табак?

— Почему нет света? — спросил я.

— Какого света? — переспросил меня старик лет тридцати, тридцати пяти. (Да, так рано здесь старились. Я стал снабжать чуков лекарствами и витаминами, и процесс старения удалось замедлить. Но не все чуки соглашались глотать таблетки. Многие предпочитали жить по-старому.)

— Ну, света... Лампочек, электричества.

— Электрический свет от сатаны, — ответил старик. — Наши предки жили без него, и мы будем жить. Без ваших проклятых лампочек.

— Почему проклятых?

— Когда их нет — все хорошо, а стоит зажечь... И руки грязные, приходится мыть, и одежду чистить... Нет, лучше без лампочек.

— Дело не в лампочках, — сказал я. — Надо, чтоб всегда было чисто. При чем здесь электрический свет?

Но старик вместо ответа выпустил мне в лицо струю дыма.

У меня закружилась голова:

— Что вы курите, табак?

— Это не простой табак, это «мечта-трава». Покури, узнаешь.

И он протянул мне изгрызенную трубку. Неужели это та трава, из-за которой столько несчастий? Из-за которой люди сходят с ума, совершают преступления, выбрасываются из окон?

— Ну? — переспросил старик. — Будешь курить или нет? Она дорого стоит, зачем зря горит?

По его лицу гуляла блаженная улыбка. «Да, дело табак! Придется начинать все сначала». Напряжение возросло, чуки запели печальную заунывную песню:

Тундра, тайга...
без конца и без края...
А солнца не видно...
и ночи длинны...
Ах, север наш север,
Ледяная пустыня...
Замерзнешь однажды —
поймешь красоту...

Всех слов я не запомнил, привожу лишь некоторые.

Чуки покачивались в такт песне, завывали, на их лицах появилось блаженное выражение.

И тут раздались звуки бубна, и на возвышение выскочил шаман. В маске дракона, голый по пояс, весь размалеванный красными полосами. Чуки встретили его восторженными воплями.

Шаман разбрасывал в толпу монеты, ленточки, стрелял из хлопушек.

Я подхватил одну из монеток — это был наш старый, советский еще, гривенник. Шаман что-то бормотал, выкрикивал. Но вот он остановился и завопил:

— Болезни все от куков!

Все ответили страшным воем:

— От куков!

— Все несчастья от них!

— От них! — подхватили чуки.

— Война — вот наше спасенье!

— Вой-на! Вой-на!

И тут я узнал его. Это был ОН, мой заклятый друг. Я узнал его по шраму на плече, который он получил, спасаясь от сторожа кондитерского магазина. И еще — по родинке на правой ноге. Он хвастался, что такая родинка была у

Джека-потрошителя и что он его внебрачный прапраправнук.

— Он врет! — крикнул я. — Это никакой не шаман. Это Митька из нашего двора, дома номер один по третьему Прямоколенному переулку. Митька по кличке «Башмак»! Он трижды приводился в милицию и дважды выгонялся из школы. Митька!

Митька остановился, ударил еще раз в бубен и выбросил в мою сторону кулак:

— Он продался кукам!

— Продался! — завопили все.

— Ему здесь не место!

— Не место!

Чуки, мои милые чуки, бросились ко мне, повалили меня на землю, стали дубасить замерзшими рукавицами. Я сопротивлялся — когда-то у меня был третий разряд по боксу и первый разряд по бегу. Но боксировать лежа — пустое занятие. А подтвердить свой разряд по бегу я не мог. Для этого надо было встать на ноги.

Меня связали и поволокли из чума. Я слышал яростный лай Шары, но что она одна могла сделать?

Потайной ящик Сии

Если б кто-нибудь знал, если бы кто-то мог представить, что вождь чуков, смелая и решительная Сия, чемпион Чукии по лыжам, стрельбе из лука, метанию гарпуна в чучело Харры, купанию в проруби... и еще по двадцати видам спорта... пример для подражания и обожания, что в этот самый момент, когда меня бросили в ледяной чулан, что она плачет, как девчонка, — он, наверно, посчитал бы, что сошел с ума, что у него «поехала крыша». А впрочем, что значит: «плачет, как девчонка»? Сия и была девчонкой. Просто положение вождя обязывало ее быть твердокаменной: ни слезинки, ни соринки.

Но она не выдержала, дала волю нервам. Заперлась в своей спальне, уткнулась лицом в подушку, другой подуш-

кой накрыла голову, чтоб никто не слышал, и редела в три ручья. Ей было жалко меня, Шару, чуков, куков, всех на свете.

Прошло пять минут, десять. Сия стала понемногу успокаиваться. Она отбросила подушку, встала с кровати, достала из потайного ящичка ключ. Этим ключом открыла другой потайной ящичек, чуть побольше, из него достала ключ побольше. Им открыла третий ящик и достала... Что бы вы думали?... Нет! Она достала куклу. Свою любимую куклу, которую в детстве подарила ей мама. Кукла эта очень напоминала Сию: такие же раскосые черные глазки, такие же гладкие темные волосы с косичками, такое же смутное личико. Сделана она была из очень мягкой кожи, а волосы были настоящие. Сиины. Когда в детстве Сия болела ветрянкой, мама остригла ее волосы, и они стали волосами куклы.

Сия прижала куклу к груди:

— Ничего, маленькая. Все уладится.

Она вытерла кукле слезы:

— Не плачь, все будет хорошо.

Слезы у куклы выступали, когда Сия плакала. А когда Сия радовалась, и кукла улыбалась. Вот и сейчас. Стоило Сию улыбнуться, у куклы тут же высохли слезы.

В дверь постучали.

— Кто там? — спросила Сия, придав своему голосу повелительные нотки.

По ее голосу никто бы не догадался, что несколько минут назад она безутешно рыдала.

— Это я, ваш друг и советчик.

За дверью находился мой заклятый друг.

— Минуточку!

Сия спрятала куклу в большой ящик, закрыла его на ключ, положила ключ в ящик поменьше, закрыла и его. Спрятала последний ключик в самый маленький потайной ящик. И только тогда открыла дверь.

Мой друг сразу заметил перемену.

— Что это с вами, милочка? Вы бледны, как снега Чукии, да и ваши глазки... Неужто так жалко этого негодяя?

— Какого негодяя? — переспросила Сия, глядя на него в упор.

Мой друг не понял намек:

— Ну этого, Кура.

— Вот еще! Негодяев мне не жалко.

Сия продолжала смотреть на него, давая понять, кого она считает негодяем. Но мой друг ничего не понял:

— Вот и чудненько. Посидит в ледяном сарае, авось поумнеет.

И он засмеялся:

— Взгляните, что я привез.

Он подвел Сию к окну.

На повозке стояла пушка.

Это была старинная мортира. Раньше она находилась в городе, у входа в Музей оружия, с левой стороны. А с правой стороны стояла точно такая же мортира, но без колес. Колеса у нее стащили еще раньше. Сторож в музее был старенький, старше этих мортир, он и днем-то спал, что уж говорить — ночью. Просыпался сторож только чтоб попить чайку да позвонить по телефону, узнать, который час, не пора ли ему идти спать домой.

Мой друг ночью подогнал машину-пикап, которую он тоже стащил, открыл заднюю дверь, вытащил изнутри доски, по ним вкатил мортиру в машину и умчался в неизвестном направлении. Неизвестном для милиции, конечно.

Потом в укромной заводи на Москве-реке он перегрузил мортиру на свою подводную лодку и привез в Чукию.

— Что это? — спросила Сия.

Мой друг объяснил:

— Мортира, старинная пушка. Вряд ли у куков есть такое же мощное оружие.

И противно засмеялся:

— Но стоит она дорого, очень дорого.

— Сколько?

— Всего два алмаза. Но самых больших. Ну тех, что в глазах... у вашей снежной красавицы.

— Что, что?!

— Это — страшное оружие. Оно поможет вам выиграть войну.

— Вы с ума сошли!

— Вы против войны?

— Нет. Но не за такую цену.

— Понятно, — сказал мой друг. — Тогда мне придется кое-кому... кое-где... кое в чем открыть глаза.

— Что, что?

— А что там у вас, в ящичке.

— В каком ящичке?

— Я все видел. В замочную скважину, хоть она и маленькая. У меня отличное зрение. Сто сорок пять с половиной процентов. Я вижу ночью как днем, такие у меня глаза. Дневного и ночного видения.

Это была сушая правда. Я в этом смог убедиться. Подглядывать за всеми, сосчитать деньги в чужом кармане, увидеть милиционера в полной темноте — он отлично умел. На это у него был талант.

Сия представила, что будет, если чуки узнают, что их вождь играет в куклы. И она решила потянуть время:

— Надо собрать Совет старейшин. Без него я не могу принять такое важное решение. Если Совет скажет, что пушка нужна, так тому и быть.

Против такого довода мой друг был бессилён:

— Ладно, собирай свой Совет... дурейшин...

Совет старейшин

Через несколько минут Совет старейшин собрался в полном своем составе, в рабочем кабинете Сии за зеленым столом.

Членов Совета было шесть. Пять женщин преклонного возраста, лет этак двадцати пяти, и одного представителя мужского пола, тридцатилетнего Бина. Одна из членов Со-

вета, Нала, пришла с годовалым внуком. Она вышла замуж в тринадцать лет. В таком же возрасте ее сын женился, и вскоре она стала бабушкой. Сия взяла внука Налы, прижала к себе. О, как она хотела иметь детей. Но сейчас нечего и мечтать. Приходится довольствоваться куклой.

Старейшины сели за стол и приступили к рассмотрению текущих вопросов: запасы продовольствия на зиму, наличие оружия и боеприпасов, хищники и борьба с ними.

Потом перешли к главному.

Сия вкратце изложила суть дела. К ее удивлению, члены Совета высказались за приобретение пушки. Один за другим они выступали в поддержку этой идеи. Сия не могла понять, в чем дело, пока не заметила на шее Лоны блестящий амулетик.

— Что это? — спросила Сия.

Лона смутилась:

— Мой знак Зодиака, муж подарил.

— А он где взял?

— Нашел.

— В снегу, во льдах? Или в стоге сена? Где он нашел? Где?!

Сия взбесилась, она сразу поняла, откуда этот амулетик. Мой заклятый друг успел подкупить членов совета. Лона неосторожно повесила безделушку на шею, остальные, наверно, спрятали свои вещички в более укромные места.

— Эти алмазы — наша святыня! — крикнула Сия. — А вы предлагаете отдать их за какую-то пушку? Я не верю, что амулетик нашел муж Лоны. Он столь ленив, что кусок мяса не поднесет ко рту. Вас подкупили. И я знаю — кто!

Члены совета стали возмущаться, говорить о своих заслугах перед великой Чукией, что они только и думают о всенародном благе.

Но Сия не верила их словам.

И тут слово взял единственный представитель мужского населения Чукии, тридцатилетний Бин.

— Уважаемые члены Совета, — сказал он. — Не будем обсуждать, кто прав, кто виноват. Я хочу сказать о другом.

Зачем нам эти желтые камни? Мы не можем их съесть, их нельзя обменять у куков на фрукты. А пушка нам нужна для победы. Над нашими злейшими врагами!

Его поддержала Лона:

— А глаза у снежной бабы мы можем заменить.

— Чем? — крикнула Сия.

— Простыми камнями, покрасить их в желтый цвет, и все. Никто и не заметит.

— Хорошо, — сказала Сия. — Придется открыть вам тайну. Она передается от вождя к вождю. Я не должна была говорить, но придется. Легенда гласит: «С Большой земли придет человек. Только ему мы можем отдать эти камни». Там, на Большой земле, нет мира, люди умирают от голода и болезней. Наши камни помогут справиться с нищетой. Мы не можем нарушить завета предков.

Тут слово снова взял Бин:

— Нечего нам рассказывать сказки. Эту ерунду ты сейчас придумала. Ты хочешь разжалобить нас. И вообще... Когда всем заправляют женщины...

— Что?

— Сама знаешь... Придумала — легенды... Сейчас мы заплачем. Был бы вождем мужчина, мы давно бы дали всем прикурить. Голосуем! Кто за то, чтобы обменять эти камушки на пушку?

Сия понимала, сейчас все решится. Все поднимут руки, и — конец.

— Я согласна, — сказала она. — Но сначала надо испытать пушку. Иначе мы купим «кота в мешке».

Это был серьезный довод. Прежде чем платить, надо знать, за что платишь. И все проголосовали за такое мудрое решение.

В ледяном плену

А я сидел в ледяном чулане и дрожал от холода. В другое время я бы восхищался голубизной и прозрачностью льда, чистотой ледяных полов, красотой сосулеч на потол-

ке. Но сейчас мне было не до восторгов. Очень уж было холодно.

Пар от дыхания превращался в туман, оседал на ледяных стенах, стены становились мутными, как стекла очков у неряшливого владельца, и скоро сквозь них ничего не стало видно.

Сидел я на жестком ледяном табурете, дивана здесь не было, даже ледяного, и вида из окна на ветви баобаба тоже не было, и любимого телевизора, и Шары. В этом сарае чуки хранили продукты. Здесь была их продовольственная база. Крутом висели, лежали, стояли олени туши, окорока, огромные рыбыны, бочонки с икрой. Да, с голоду я не умру, а вот от холода... Двери в сарае не запирались, а заливались водой. Вода превращалась в крепкий, как сталь, лед. Ни один вор, ни один хищник не мог сюда проникнуть. Чудом я нашел в кармане своего строительного полушубка спички. Они остались от тех далеких времен, когда я ходил в походы, варил на костре уху. Особенно я любил подледный лов рыбы. Неважно,ймаешь ты или нет — крутом такая красота, такая тишина... Заснеженные деревья, морозный воздух... Так думал я раньше, когда мог сесть в машину и быстро выбраться из этой снежной красоты, вернуться домой в теплую квартиру, к своему любимому дивану, телевизору... Ну, хорошо. Спички — спичками, а зажигать-то нечего. Были бы дрова и камин... А лед не подожжешь спичками.

Тут я окончательно пожалел о своей миротворческой миссии. Ну, что мне не сиделось, не лежалось, не игралось в шахматы? За правду, видите ли, решил постоять. И что? Что мне эта правда? Хотите воевать — воюйте. Мне-то что? Меня не трогают. Все войны кончаются миром. Помирились бы и чуки с куками. Ну, убили бы одного-другого, пятого-десятого... сотого-двухсотого... Я-то здесь при чем? Не я же начал. Сидел бы сейчас у камина... Или наоборот... Прохлаждался бы у кондиционера, смотрел бы на пальмы, пил ананасный сок... Э-эх!

В самом теплом на свете строительном полушубке становилось холодно. Долго я не протяну. Надо готовиться к худшему. А жаль. Столько книг еще не написано, столько чая с вареньем не выпито, столько партий в шахматы не сыграно. И с друзьями, и вприкуску. И эту сказку... Кто теперь ее допишет... Кто отдаст деньги за домики, которые я завез... И Шара, бедненькая, с кем она останется? Кому она нужна?

Что-то упало и звякнуло об пол. Что это? Да это моя слезинка. Скатилась по лицу, превратилась в лед, упала и зазвенела.

Опять что-то звякнуло. Но это уже не слезинка. Звяканье раздавалось по ту сторону стены. Я нашел в кармане полушубка чудом оказавшийся там молоток и постучал по стене. Три длинных стука, потом через паузу еще три. Так отстукивают «СОС» — сигнал бедствия, «спасите наши души». Душа была одна, но очень мне дорогая, моя. Ее надо было спасти.

С той стороны стены так же постучали — три стука и три еще, после паузы. И я отчетливо услышал лай. Неужели Шара? Ах, собачка моя дорогая!

Там, за стеной, что-то происходило. Я слышал рычание, лай... все громче, все отчетливей.

И вот в стене образовалось маленькое отверстие, показался собачий язык. Потом еще и еще один. Собаки во главе с Шарой растапливали своим дыханием лед, вылизывали отверстие в стене, оно становилось все больше и больше. Я стал помогать им, растапливать своим дыханием лед с моей стороны. И вот уже в образовавшееся отверстие просунулась голова Шары.

— Собачка, Шареночек мой.

— Кур? Ты жив, жив? Не замерз?

Шара протиснулась ко мне, клочки шерсти остались на краях отверстия. Она прыгала вокруг меня, обнимала, целовала.

— Бежим, Кур!

— Но я не пролезу, Шара. Это отверстие слишком маленькое для меня.

— Ах, Кур. Почему ты такой большой?

Но вдруг, с другой стороны, раздался звук мотопилы, посыпались ледяные брызги там, где была дверь.

— Беги, Шара!

— Нет!

— Так надо.

Шара вылезла сквозь свое отверстие наружу, а я прижался к нему спиной, закрыл своим телом.

Распахнулась дверь, в глаза ударил свет. И появился ОН, мой заклятый друг.

— Здорово, старик. Ну, как ты? Не передумал? Мир-дружба, а? Или наоборот? Ну что тебе эти куkenьши? То есть чуkenьши... то есть и те, и другие. Кто они тебе? Дети родные, племянники, мамы-папы? Что ты переживаешь? Плюнь! Слюной. Давай дружить, заживешь как в сказке.

— Я и так живу как в сказке...

— Это плохая сказка. Вон как ты замерз. Страшно смотреть. Нос как у Деда Мороза, на бровях иней, щеки белее бумаги. Брось. Будем жить как в хорошей сказке. Весь мир будет наш, все озеро!

Я промолчал.

— У меня к тебе деловое предложение.

Я опять промолчал.

— Что ты молчишь? Не хочешь. По лицу вижу — не хочешь. Не знаешь, что я хочу предложить, а не хочешь. Ну, как знаешь. Хозяин — барин. Не жарко тебе? А? Может, кондиционер включить?

И он противно засмеялся:

— Часа через три ты превратишься в ледяную статую, кусок льда. Скульптура «Девушка с веслом». Нет, «Писающий мальчик»... без весла. Ты этого хочешь? Да? Ну и замерзай, кретин!

Я понял — он прав. Вряд ли я выберусь отсюда сам.

— А что у тебя за предложение?

— Это — другой разговор. Мое предложение очень простое. Надо выстрелить из пушки.

И мой «друг» объяснил то, что вы все уже знаете.

Я понял, почему он обратился ко мне. Он не умел стрелять из пушки. Поэтому он вспомнил обо мне. Я рассказывал, что строил военные объекты. Скажу теперь по секрету — какие. Это были площадки для запуска ракет. Об этом мало кому известно, но мой друг знал про меня все. На то он и друг, хоть и заклятый. Он решил, раз я строил ракетные объекты, то уж из какой-то пушки я смогу выстрелить.

Ну, что мне было делать? Не замерзать же в ледяном чулане?

И я согласился.

Из пушки по воробьям

Не ругайте меня, не презирайте, я не просто согласился. У меня был план. Набить в пушку столько пороха, чтоб она разорвалась на мелкие осколки. Тогда это страшное оружие никогда не выстрелит и дело не дойдет до вооруженного конфликта. Через час жители Чукии собрались на главной площади, недалеко от снежной бабы. Все пришли посмотреть на невиданное доселе зрелище: стрельбу из пушки. Многие пришли с детьми, посадили их на плечи, чтоб было хорошо видно.

Мелкий снежок медленно опускался с неба, как опускается кисея или марлевый занавес, и казалось, вот-вот появятся Дед Мороз и Снегурочка и начнется новогоднее представление. Сия стояла рядом со мной в белом полуплубке и пушистой шапочке. Она очень напоминала Снегурочку. Как красиво в моей сказочной стране и как хорошо можно было бы здесь жить! Э-эх, да что говорить.

Трое чуков сняли пушку с саней и покатали ее на пригорок. Но колеса раз за разом проваливались в снег. Как они ни пыхтели, как ни старались, ничего не получалось.

— Несите воду! — приказала Сия.

Сначала никто не понял, зачем нужна вода. Но когда Сия вылила несколько ведер на снег и образовалась твердая как асфальт дорога, чуки пришли в восторг.

— Си-я! Си-я! — кричали они и подбрасывали вверх варежки.

Это был высший знак одобрения. Остаться на морозе без варежек, хотя бы на несколько минут, хотя бы без одной... Это почти что подвиг.

Наконец мортиру вкатили на пригорок. Теперь очередь за мной.

— Несите порох! — скомандовал я. — Больше, больше пороха!

Я поднял дуло мортиры вертикально и стал сыпать в него порох.

Мой друг заподозрил неладное.

— А не много ли будет?

— Нет! Когда ракету пускают, знаешь сколько пороха надо? Три тонны. А если межконтинентальная, то и все четыре.

— Но это не ракета, а пушка.

— Тем более!

Мой друг был чудовищно необразован. Книжки он не читал, газеты тоже. Его интересовали только курс доллара да объявления о купле-продаже. И еще, пожалуй, кто и за сколько построил новую виллу или купил «Мерседес». Откуда ему было знать, что ракеты заправляют жидким топливом. Есть, правда, и пороховые ракеты, но порох там совсем другой, твердый, и никто его в ракеты не сыплет, он там находится с самого начала.

— Всем отойти! — скомандовал я. — Собакам тоже. Шара! Тебя это тоже касается!

Я сделал вид, что очень недоволен, одной рукой схватил Шару за ошейник, другой дал пару шлепков. А сам тихонечко шепнул:

— Быстро. К саням!

Шара все поняла и бросилась прочь. Все подумали, что ей здорово досталась, так ловко мы сыграли эту сцену.

— Куда будем стрелять? — спросил я.

— Бей по той снежной бабе, — сказал мой друг. — Авось не промажешь.

Я нарочито громко повторил его слова, чтобы все слышали.

— Мой друг предлагает стрелять по вашей снежной бабе.

Чуки подняли вверх кулаки, угрожающе загудели, стали воинственно подпрыгивать на месте:

«Бум-бум! У-бьюм! Бум-бум! У-бьюм!»

Это была старинная боевая песня чуков. С ней они сражались с врагами: волками и медведями.

Мой друг испугался:

— Ладно. Стреляй куда хочешь.

— А если вдарить по кукам?

— По кукам! По кукам! — обрадовались все.

— Тогда нужен еще порох, иначе не долетит. Несите! Быстрее!

Конечно, я хитрил. Чуки принесли целый мешок пороха. Я засыпал его в дуло почти по самую макушку пушки. (Пушка-макушка — хорошая рифма, надо бы стихи потом написать... Например такие... «У пушки ушки на макушке...» Нет! Не годится... «Ах, эти ушки на макушке...» А при чем здесь пушка? «Сиж у пушки на макушке!» Это лучше, просто здорово!)

Порох я насыпал, теперь нужны ядра.

— Несите ядра!

Мне протянули два тяжелых ядра. Я с трудом поднял их и опустил в дуло одно за другим.

Я был уверен, что они никогда не вылетят из пушки.

— Всем отойти!

Теперь — самое трудное. Поджечь фитиль и самому не погибнуть. Как это сделать?

К фитилю, что был у пушки, я привязал длинную веревку, предварительно смочив ее жиром. Размотал метров на десять-пятнадцать.

— Чего? Чего ты делаешь? — заволновался мой друг.

— Техника безопасности. Когда ракеты запускают, всегда так поступают. Чтобы вместе с ней не улететь на небо.

— Куда? — не понял мой друг.

— На тот свет.

Я размотал веревку до того места, где Шара ждала меня, запряженная в сани.

И поджег фитиль.

Огонь побежал к пушке... Раздался жуткий ВЗРЫВ!

Пушка разлетелась на сотни осколков, это было так красиво, так... вроде красочного фейерверка.

Я прыгнул в сани:

— Вперед, Шара! Вперед!

— Что ты наделал?! — заорал мой друг.

Но сани уже летели по снегу. Шара не жалела сил, мы напоминали снежный вездеход «Буран». С такой скоростью мы летели. Я оглянулся, но ничего не увидел. Снежный вихрь скрыл и площадь, и чуков, и моего заклятого друга — все.

Рядом с нами бежали другие собаки, они провожали нас, желали нам доброго пути, лаяли, смеялись.

Но вскоре и они стали отставать. Собакам нельзя бросать своих хозяев. Собака — друг человека. Даже если этот человек не очень хороший друг.

Под жарким солнцем Кукии

У экваторной черты мы остановились. Граница. За ней плещут волны, бегают по воде солнечные зайчики... А здесь, в трех метрах от нее, снежная метель и пронизывающий ветер.

На санях по воде далеко не уедешь. Придется оставить их здесь, в Чукии.

Мы разделись. Несмотря на жуткий холод, я разделся до трусов. Быстро свернул и положил на снег свой строительный полушубок. Увижу ли его еще? С Шары снял вязаные штанишки и валенки. И прямо с холодного снега — в теплую воду, бултых!

Я бросился в воду первым. За мной — Шара.

И мы поплыли. Ох, как хорошо, как приятно плыть в теплой прозрачной воде после пронизывающего ветра и сорокаградусного мороза. Вода согрела меня. Сразу стало тепло и уютно. Будто залез дома в горячую ванну. Разноцветные медузы окружали нас со всех сторон. Они приятно щекотали, но не жалили, как наши медузы. Сквозь их прозрачные купола, как сквозь увеличительные стекла, хорошо просматривалось дно, белые ветви кораллов, стайки рыб над ними. Я мог часами смотреть на подобную красоту, когда-нибудь потом, возможно, я напишу самую лучшую из своих книг: «Водные красоты Кукии». Но сейчас надо спешить.

Шара плыла впереди по-собачьи (по-другому она просто не умела плавать), громко фыркая и все время оглядывалась назад: плыву ли я или уже утонул.

— Плыву, плыву! — крикнул я.

Она засмеялась. Я угадал ее мысли. Когда долго рядом живешь, все про него угадываешь. Пальмы на берегу становились все ближе, все ярче. Особенно красивым берег был сейчас, из воды. Тоненькая песчаная полоска. На ней кудрявые пальмы. Над пальмами темные в синеву горы. А над горами — пышные облака. Обалдеть можно.

Первой на берег выбралась Шара. Она отряхнулась — во все стороны полетели брызги.

Потом и я уткнулся в песок.

Мы встали во весь рост. То есть встал я, Шара уже стояла.

Весь берег был заставлен скульптурами из песка. Тут были и рыцари, и головы великих людей: Бетховена, Наполеона, космонавта Гагарина. Замки из песка, фигуры зверей, сказочные чудовища. Почему они стояли, а не разваливались? Очень просто. Роль цемента играл птичий помет. Чем талантливей была скульптура, тем больше на нее садилось чаек и тем крепче она становилась. А все бездарное разваливалось через несколько часов. Чаек оно не интересовало. Чайки — вот кто подлинный ценитель искусства!

И еще.

Пляж для куков был и выставочным залом, и клубом, и спортивной площадкой. Здесь играли в футбол, запускали воздушных змеев, пели песни, танцевали.

Среди куков были гениальные астрономы, скульпторы, футболисты, врачи, резчики по красному и черному дереву, кулинары, ювелиры. Я знал даже одного писателя. Он сочинял свои произведения и записывал остро отточенной палочкой здесь же на пляже, «страница за страницей, книга за книгой». Но его творения исчезали после первого же волнения на озере. Как-то я поинтересовался, не жалко ли ему впустую растрачивать свой талант. «Нет, — ответил писатель. — С каждым днем я творю все лучше и лучше. И когда я достигну совершенства, чайки не дадут моим книгам погибнуть. Они навсегда скрепят их своим пометом». Сами же творцы, мастера и просто граждане Кукии жили в прибрежных джунглях. На деревьях. Из веток, досок, бамбука, шкур они сооружали легкие и уютные домики. Вроде больших скворечников. И прекрасно жили в них целыми семьями. И еще несколько слов о куках, прежде чем перейти к дальнейшим событиям. Природа подарила им чудесный климат. Хлебное дерево давало хлеб. Его плоды напоминали свежие булки. С мясного дерева свисали сосиски, сардельки, утки и куры. Сначала куры напоминали только что вылупившихся птенцов, покрытых беленьким пухом. Потом плоды увеличивались в размерах. Пух облетал, появлялась румяная курочка... Простите — корочка. Оставалось потрянуть дерево — и поджаренная цыпа падала к вашим ногам. Не буду описывать рыбное дерево. Как из икринок на ветках вырастали караси и щуки. Под всеми деревьями стояли большие корзины. Как только плоды созревали, они сами падали в корзины. И не надо было лезть на дерево, срывать их. Были там еще молочное дерево, сметанное, майонезное... Сливки, сметана, майонез добывались наподобие березового сока. На стволе делался надрез, укреплялась посуда, и на следующий день можно было пить кофе со сливками или делать салат оливье. Я говорил ранее, что куки вегетарианцы, что они не

едят мяса, мы даже с Шарой ссорились по этому поводу. Выходит, я говорил неправду? Нет! Я всегда говорю только правду. (Ха-ха!) Все эти мясные, рыбные и молочные продукты были только похожи на настоящих кур, карасей, сливки и майонез. На самом деле это были плоды и древесный сок. Когда наряжают елку, тоже вешают на нее всякие золотые яблоки, но ведь никто не станет их есть. Все же понимают разницу — настоящие яблоки на елках не растут. Многие подумали, что куки живут как в раю. Отнюдь. Джунгли здесь кишат хищными животными, тиграми, пантерами. В воздухе летают гигантские комары и прочая нечисть. Куки много сил тратят на борьбу с ними. Регулярно проводят дезинфекцию в лесу, выходят на охоту, если звери угрожают их жилищам.

Все. Пора заканчивать описание.

Навстречу мне бежит красавец Рукан, стройный блондин в соломенной шляпе и набедренной повязке из листьев.

— Привет, Кур!

Он упал на колени и по обычаю куков трижды поцеловал мои следы.

Я ответил тем же, хотя делать это мне совсем не хотелось. Каждый раз после таких приветствий в рот набивался песок и потом долго еще скрипел на зубах.

Шара тоже упала на передние лапы и три раза лизнула руканов след. Тот потрепал ее по шее, но целовать следов Шары не стал. Шара всегда обижалась («чем я хуже тебя?»), но вида не показала. Мы пошли в сторону прибрежных пальм, дружески беседуя. И вдруг я остановился как вкопанный.

Раньше у куков не было ни ружей, ни пистолетов, не говоря о пушках и пулеметах. Они прекрасно обходились луками и стрелами. Причем стреляли из луков так метко, что попадали хищнику в глаз с расстояния в сто метров. Влюбой — правый или левый, по заказу. Хищник только-только выглянул из-за дерева, только-только выбрал самого упитанного и вкусного кука, а тут — бац! Стрела из лука. И всю жизнь он ходит как одноглазый пират.

Сейчас же я увидел ружья, гранаты и прочую военную амуницию.

— Откуда все это? — спросил я.

— От верблюда, — ответил Рукан.

Я хотел было обидеться, но вспомнил, что озеро в этих местах мелкое, здесь не может причалить корабль. Очевидно, все это добро было переправлено сюда на верблюдах.

Рукан подтвердил мою догадку.

— Твой друг привез нам все на подводной лодке. В бухту Гра-гра. А мы потом переправили сюда на верблюдах.

— Он мне не друг! — закричал я. — Это Митька из дома номер один по третьему Прямоколенному переулку. Грязная и преступная личность. А гадости эти вам зачем? Он хочет, чтоб была война. Чтобы на этой войне нажиться! Но вам-то она зачем?

— Послушай, Кур, — сказал Рукан. — Я тебя очень уважаю. Очень. Но почему ты защищаешь чуков? Этих немых и противных чукенышей?

— Неправда. У них есть баня и ванная. У них есть даже душ.

— Да, есть. Ты им построил. А раньше?

— Нет. Они сами построили, я только немного помог.

— Но они едят мясо и рыбу, почти живьем.

— Каждый ест то, что ему нравится, — сказал я. — Одни — мясо и рыбу, другие — фрукты и овощи. Чуки живут на севере, там холодно. Им нужна сытная калорийная пища.

— Не нужно им ничего. Скоро им ничего не будет нужно! И мы это докажем!

— А если они докажут вам?

— Кто? Чуки?!

— Да. Они отличные воины.

— Это мы еще посмотрим.

— А стоит ли смотреть? Что они сделали вам плохого?

— Они передвинули экваторную черту!

— А они говорят, что передвинули вы.

— Мы не передвигали, мы только вернули на место.

Наш разговор зашел в тупик. Бессмысленно разбираться, кто первым передвинул эту злополучную черту, а кто вернул ее на место.

— Послушай, Рукан, — сказал я. — Ты умный человек. Ну, какая разница, где проходит экватор, метр вправо или метр влево. Что этот метр? Какая вам разница?

— Это дело принципа.

Подобные слова я уже слышал. То же самое мне говорила Сия. Да, мой заклятый друг славно здесь поработал. Мы приблизились к складу оружия. Я увидел еще и зимние шапки, телогрейки, валенки. Все рваное, грязное, будто их носили лет сто назад.

Я подбросил ногой одну из телогреек:

— И сколько вы за это барахло заплатили?

— Недорого. Двадцать... или тридцать жемчужин.

Если б вы видели эти жемчужины. Каждая с абрикос. Таких жемчужин нигде больше нет. Нигде в мире. Совершенно необыкновенного цвета и причудливой формы. У нас они бы стоили миллионы.

— Но это целое состояние! — закричал я. — За них можно корабль купить, а не это барахло.

— Нам не нужен корабль, нам нужна победа.

Разговор терял всякий смысл. Мы оба это поняли. Тем временем солнце зашло за гору и наступили сумерки.

— Ладно, — сказал Рукан. — Ты устал. Завтра договорим.

Он повел меня по еле заметной тропинке в сторону леса. Только мы вошли в лес, он остановился.

— Полезай наверх. Здесь у нас дом для приезжих.

Я поднял голову и увидел на ветвях домик, похожий на скворечник.

— Спокойной ночи, до завтра.

Домик на дереве

Знаете ли вы, что такое тропическая ночь? Нет, вы не знаете, что такое тропическая ночь. Когда воздух наполнен пряными ароматами, всюду трещат цикады — трещат

как мотоциклы или как отбойные молотки, как кому нравится, так и трещат. А над головой висят огромные, словно уличные лампы, звезды. Ночь на юге наступает мгновенно. Только солнце упало в озеро — тут же погасли вечерние облака, и сразу зажглись звезды, появилась луна, и наступила ночь с неповторимым тропическим ароматом. Ох, этот аромат. Он исходит от ночных цветов, которые спят днем и распускаются ночью. Как-то я пытался их обнаружить, и Шара мне помогала, но — увы! И тогда я понял: цветы не хотят, чтоб их находили. Возможно, они некрасивые и поэтому стесняются. Кто их знает, эти цветы.

Я и Шара забрались по лесенке в домик.

Представьте дом, сделанный из стволов бамбука, с крышей из пальмовых листьев и полом из тростника. Представили? А теперь представьте, что он не стоит на земле, а висит в воздухе. Что-то вроде скворечника, но очень большого. Внутри домика уютно и чисто: полочки всякие, фигурки из черного и красного дерева, постель мягкая, прямо на полу. Стол низенький, стульев нет. Когда обедают или завтракают, то сидят на полу, на циновке.

Знаете, почему куки строят свои дома на деревьях? Нет?

В начале июня небо здесь заволакивают тучи и начинается сезон дождей. Дожди идут вплоть до сентября месяца. Когда у вас, ребята, каникулы, там сплошные дожди. Льют и льют нескончаемым потоком. Горные речушки выходят из берегов, и вся земля превращается в непроходимое болото. И только на деревьях можно существовать. От домика к домику, от дерева к дереву можно добраться по воздуху, раскачиваясь, как обезьяны на лианах, или по специальным канатным мостикам.

Несколько месяцев, пока идут дожди, куки предаются размышлениям. Писатели думают о новых книгах, родители — как воспитывать детей, а кто их не имеет, думают, как ими обзавестись.

Все это время куки питаются заранее заготовленными продуктами. Продуктовые склады также располагаются

на деревьях под охраной сторожевых обезьян. Эти обезьяны охраняют продовольствие от других обезьян, несторожевых, иными словами — диких. Дикие обезьяны отличаются от домашних как наши собаки от волков. Внешне похожи, а по сути разные. Но вот дожди прекращаются, и в облаках появляется желтое пятно — солнце. Через несколько дней солнце выходит из облаков во всей своей красе и начинает шпарить как сумасшедшее. Бывшие болота превращаются в лужайки и поляны, речки входят в свои берега, и начинается нормальная трудовая жизнь.

Теперь вы поняли, почему нам пришлось лезть по веревочной лестнице вверх, да?

Когда мы согнувшись вошли внутрь домика (согнулся я, Шара и так вошла), нас встретила служанка-обезьянка, в белом фартучке, белой косыночке на голове, очень приветливая и милая. Она предложила нам ананасный сок, плоды манго, орехи. Поставила яства на стол и исчезла. Ночевала она не в домике, а на деревьях, так ей было удобней, хотя в домике была маленькая пристройка для прислуги.

— Ну, что, — сказал я. — Будем спать или сыграем в шахматы?

— Как ты можешь? — завопила Шара. — Играть в шахматы... В такой момент... Когда вот-вот начнется война... Когда противные чуки грозят напасть на наших замечательных куков...

— Что, что?! Значит, ЧУКИ теперь во всем виноваты? Значит, они противные?

— Кто же еще?

— А что ты говорила несколько часов назад?

— Я говорила?!

Шара искренне удивилась, у нее аж открылся рот.

— Да. Ты говорила. «Во всем виноваты куки. Они не едят мясо, не грызут кости. Они вредные и противные, «мои куки». И я противный, потому что не грызу костей».

— Я ошибалась, ты не противный. И сок ананасный мне нравится, и вяленые бананы. И не надо надевать ва-

ленки и ходить в штанишках. И ничего здесь нельзя отморозить. Ни ноги, ни уши, ни хвост.

— Ни язык, — добавил я. — Он у тебя, как говорится, без костей. Говоришь, что выгодно. Лишь бы твоей попе было хорошо.

— При чем моя попа? Ну при чем? Не надо так, Кур. Ну, зачем ты надо мной смеешься? Чуки, и правда, очень противные. Мы там чуть не погибли.

— А кто в этом виноват? Вовсе не чуки. Ты знаешь кто.

— Ах, Кур... Ну, что ты ко мне пристал. Мне нравится здесь, ты это понимаешь?

— И там тебе нравилось.

Шара ничего не ответила, поджала хвост и легла на пол. Она часто так делает, когда обижается. Сама не права, а делает вид, что я ее обидел. Терпеть не могу эту привычку. Ну, ладно. Я тоже на нее обиделся. Только на пол ложиться не буду, а лягу на кровать. И подумаю, что надо сделать, чтобы избежать войны.

Я лег на мягкую постель, накрылся легкой, почти невесомой простынкой и стал думать о создавшемся положении. Как я говорил, была тропическая ночь, трещали цикады, пахли неведомые и невидимые цветы. И так хорошо было мне, что мысли мои стали путаться. Вместо куков мне привиделось поле цветов... и я сам маленький, в коротеньких штанишках гоняюсь за бабочками... И вдруг — надо мной огромная стрекоза... Трещит как мотоцикл или отбойный молоток... вот-вот меня укусит... Я бегу от нее, она — за мной... я бью ее сачком... Сачок ломается, она открывает страшную пасть. Совсем как у Харры... Пикирует на меня...

И я просыпаюсь... Фу-у... Как хорошо, что это всего лишь сон.

Очень хочется пить. Я встаю и в полной темноте бреду на кухню, где у меня дома стоит холодильник. Я думал, что я дома, а не в жаркой Кукии, на ветках деревьев. Я шагнул на кухню.... И выпал из скворечника.

Ай-я-яй!

Когда я очнулся, первое, что увидел — пальмовые листья над головой, а между ними яркое-яркое небо. Где это я?

Я попытался встать и вскрикнул от боли. Что это со мной? Мало того, что я не знаю, где нахожусь, еще и ребра у меня сломаны. За что? Я по характеру своему не задира, если и дерусь, то в исключительных случаях, когда книжка моя не нравится. А так я очень даже мирный человек. За что меня так поколотили?

Тут кто-то бросился ко мне, стал лизать лицо — Шара!

Я вспомнил все. Как проснулся ночью, как захотел попить сока, как пошел на кухню и что из этого получилось.

— Тебе лучше, Кур?

— Намного лучше, Шареночек.

— Ты не обманываешь?

— Я никогда не обманываю.

Шара засмеялась, она оценила мою шутку. Обманывать, разыгрывать — вы знаете... Однажды... Но об этом потом.

— Я так испугалась, Кур.

— А я не успел, слишком быстро падал.

Надо мной склонился еще кто-то. Я узнал местного лекаря Тина.

— Здорово ты грохнулся. Хорошо, что земля у нас мягкая. Если б ты попал на корень...

— Тебя бы посадили в тюрьму.

— Интересно, за что?

— А техника безопасности? Кто за это должен отвечать? Врач! Когда я работал на стройке...

— Ну ладно, ладно... Дай-ка лучше я тебя осмотрю.

Тин стал водить надо мной ладошкой. Будто гладил во круг моего тела воздух. Потом он задумался, отряхнул ладонь, как бы сбрасывая с нее грязь:

— Пустяки. Вывих левой руки, перелом двух ребер и легкое сотрясение мозга. Ну, мозг подождет, займемся переломами.

— Как это подождет? — испугался я. — Мозг для меня — самое главное. Я книжку пишу.

— Шучу, — улыбнулся Тин. — С головой у тебя все в порядке. Как только Шара прибежала ко мне, я первым делом его подлечил. Если с головой нелады, теряется чувство юмора. А оно у тебя...

— Спасибо, успокоил.

Тин провел рукой над моими ребрами, и я почувствовал, что от нее исходит жар, как от раскаленного утюга.

— Терпи! Хочешь быть здоровым, терпи.

Что-то внутри меня скрипнуло.

— Срастаются помаленьку, — сказал Тин. — Теперь небольшой укольчик...

— Не надо! — закричал я. — Я боюсь уколов.

— Ты даже и не почувствуешь.

Тин выпрямился и громко крикнул:

— Ай-я-яй!

— Что «ай-я-яй»?! — испугался я. — Так плохи мои дела?

— Сейчас все поймешь, — засмеялся Тин. Что-то зашуршало в траве, и показалась большая и очень симпатичная голова змеи.

Голова посмотрела на меня, покачалась и прошипела:

— Ай-я-яй!

— Слышал? Поэтому его так и зовут. Вот сюда его укуси, Ай-я-яй, — сказал Тин и показал место, чуть пониже спины... Ну, вы понимаете.

— Его яд полезней любых лекарств, — добавил он. — Пожалуйста, опусти трусики.

— Не буду!

— Ты что, стесняешься?

— Не буду, и все.

— Ну, Кур, — сказала Шара. — Пожалуйста, ради меня.

— Всем отвернуться! — приказал Тин.

Все отвернулись. Тогда я сделал, что он просил. Теперь вы понимаете: я не боюсь уколов, дело не в уколах, а совсем в другом.

Ай-я-яй приблизился ко мне, подмигнул, изо рта его выглянул острый язычок... И он пополз вдоль меня вниз...

Я закрыл глаза.

— Отлично! — услышал я голос Тина. — Вот ты и здоров.

— Как? Уже все?

— Ай-я-яй мастер своего дела. Хорошо бы теперь немного поспать.

Ай-я-яй уставился на меня своими глазищами, и я почувствовал, что вот-вот засну.

— Не надо. Я не хочу спать.

— Хорошо, — согласился Тин. — Тогда лежи. А я пойду. Слишком много сегодня дел.

И Тин ушел. Мы остались втроем. Ай-я-яй, я и Шара. Змей оказался приятным собеседником, он много интересного и полезного нам рассказал.

«Мы не нападаем ни на кого просто так. Мы очень добрые и мирные змеи. Мы жалим, если на нас нападают первыми или хотят убить, только тогда, в целях защиты...»

Но сейчас, как я узнал, все, и в том числе змеи, готовятся к войне. Сдают свой яд на военные цели. И еще я узнал... самое главное... Мой Тин, замечательный врач, готовит... Не поверите... Страшное оружие... Змеиную бомбу! Оружие жуткой разрушительной силы. Если эта бомба взорвется, то в считанные минуты Чукия перестанет существовать.

— Но это преступление! — закричал я. — И вы сдаете яд на это страшное оружие?!

— Да. Иначе чуки победят нас.

— Зачем им побеждать вас? Они любят свой север. Они не смогут прожить здесь и дня.

— Смогут, — сказал Ай-я-яй. — Они что-нибудь придумают. Они очень хитрые и противные.

Шара поддержала его:

— Они злые и коварные. Они не любят загорать на солнышке. Когда все пузо ласкают теплые лучики...

— Посмотри на свое пузо! — закричал я. — Оно толстое и розовое, как у поросенка. Ты только о нем и думаешь.

— И что? — глазом не моргнув, ответила Шара. — Это так естественно. Мое пузо нуждается в уходе. Оно мне дорого, мое пузо. Оно у меня одно, другого у меня нет.

— Тьфу! — сказал я и прибавил еще несколько слов, которые вы пока не знаете.

— Ай-я-яй! — сказал Ай-я-яй. — Как тебе не стыдно?

Я покраснел — и откуда он знает эти слова?

— Извини, — сказал я. — Не сдержался. Так что же нам делать?

Ай-я-яй задумался. И Шара задумалась. Она поняла, что «с пюзом» переборщила.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Ай-я-яй. — Если начнется война, будет много раненых. Мы всех не сможем вылечить. У нас просто не хватит яда.

— И не лежишь на солнышке, — добавила Шара. — И мяса не будет, и вяленых бананов. Нет, я за мир!

— И я за мир, — сказал Ай-я-яй. — На нас же никто не нападает.

— Прекрасно, — сказал я. — Нас уже трое. Борцов за мир. Что же нам делать?

— Надо всех накормить до отвала, — сказала Шара. — И чуков, и куков. Когда сыт, ничего не хочется. Я по себе знаю. Ни воевать, ни бороться за мир.

— У людей по-другому, — сказал я. — Аппетит приходит во время еды. Отхватят кусочек чужой земли и уже больше хочется. Нефть и алмазы чужие присвоить. От набитого желудка не жди большого ума.

Мы снова задумались.

— Знаете что? — прошипел Ай-я-яй. — Надо устроить ЗМЕИНЫЙ СОВЕТ. Змеи очень мудрый народ. Иногда такие мысли высказывают! И как использовать энергию роста травы, и передвижение в пространстве при помощи муравьев. Про Харру и не говорю. Если б не наш яд...

— По-моему, очень хорошая идея. Я — за! Я всегда верил в талант пресмыкающихся!

Змеиный совет

— Ползите... то есть... идите за мной, — сказал Ай-я-яй. — Я все тропинки здесь знаю.

Он полз, легким свистом показывая направление. Конечно, он знал все тропинки, но только змеиные. А змеиные тропинки — это не наши тропинки. Шара еще как-то могла следовать за ним, а мне приходилось то и дело нагибаться, я падал, зацепившись за лианы, стучался головой о ветки и набил себе столько шишек, что не найдешь и на елке.

— Пониже, пониже голову, — шипел Ай-я-яй. — Левее, правее... Впереди — ветка... Ты что, не видишь?

Я нагибал голову почти до колен, но все равно стучался.

— Ай-я-яй! — огорчился Ай-я-яй.

Скоро мы оказались в совершенно непроходимой чаще. Деревья, опутанные лианами, стояли плотной стеной. Заросли травы — с меня ростом. Пряные ароматы, жужжание всякой летающей нечисти, хорошо еще, что гигантские мухи и комары не жалили и не кусали нас. Змеиный яд, которым мы намазались перед этим туристским походом, сделал свое доброе дело.

— Дальше я не пойду! — сказал я и сел на землю. — Ой, моя бедная голова! Я иногда ею думаю. Иногда в нее приходят неплохие мысли. А от такого хождения там осталась только одна мысль — лишь бы не стукнуться о ветку.

— И я не пойду, — сказала Шара. — И мне дорога моя голова. Я ею ем всякие вкусные вещи. А от такого хождения скоро в ней зубов не останется.

— Ай-я-яй! — прошипел Ай-я-яй. — Как вам не «ай-я-яй!» Совсем немного осталось. Пройдем через эту непроходимую чащу, переползем вон то непроходимое болотце...

— Я не хочу ни через чего переползать! — закричал я.

— И я, — сказала Шара. — Еще запачкаешь пузо.

— Хорошо, — согласился Ай-я-яй. — Побудьте здесь, я что-нибудь придумаю.

Он куда-то уполз, а мы с Шарой остались. И долго-долго ждали его. Так нам показалось. Когда находишься в непроходимой чаще, среди деревьев, переплетенных лианами, когда над тобой жужжат неизвестные насекомые, каждая минута растягивается в часы. Шаре хорошо — у нее есть хвост. Она машет им, как пропеллером, отмахивается, и шерсть у нее есть, закрывает лицо. А у меня? Ни хвоста, ни шерсти. Если б не змеиный яд — всего бы искусили.

Наконец Ай-я-яй вернулся. И не один. С ним еще кто-то приполз. Я пригляделся повнимательней и ахнул. Это был... Двухголовый змей.

— Одна голова хорошо, а две лучше, — пошутил Ай-я-яй.

Мы с Шарой даже не улыбнулись, так нас удивило это существо. Две головы на одной шее. Очень симпатичные, милые головки, и глядели они по-доброму, но все же... Двухголовый змей пополз вперед, показывая нам дорогу. Сначала мы шли еще согнувшись, но постепенно выпрямлялись, и чем дальше мы шли, тем больше выпрямлялись. И вот мы идем в полный рост!

А пока мы шли, Ай-я-яй тихонечко, шепотом рассказывал нам историю двухголового змея.

Оказывается, Тин не такой уж хороший человек, как могло показаться всем вначале. Если честно, совсем не хороший. А еще честнее — просто плохой. С раннего детства он мечтал прославиться. «Что в этом плохого?» — спросите вы. «Ничего», — отвечу я. Я тоже с детства мечтал прославиться. Но одно дело сочинять всякие истории, а другое — ставить опыты на обезьянах, собаках, воронах и других мыслящих существах. Сначала двухголовый змей был не двухголовый, а обычный. Точнее — было два змея, муж и жена. Они всегда были вместе — просто «не разлей вода». И Тина вдруг осенила идея: почему бы их не соединить? Во-первых, подумал он, змеи станут еще ближе друг другу. А во-вторых... и самое главное... такого еще никто не делал. Ни один врач, ни один ученый. Он дал змеям снотворное, и пока они спали, хирургическим путем соединил два

тела в одно. Прославиться он прославился. И во всей Кукии, и за пределами ее. Фото змея появилось во многих газетах мира. Как оно появилось — тоже вопрос. Я подозреваю, что кто-то еще проник в мою сказку и переслал фотографию по Интернету. Сейчас — не время, но после я разберусь. И начались у Двухголового змея неприятности. Ссоры, споры между двумя головами, мужем и женой. Кому за едой ползти, кому в доме прибирать. Кто должен нянчить змеят, а кто должен их воспитывать. Змеи умоляли их разъединить, но Тин не соглашался. Если б он это сделал, о нем скоро бы все забыли. И еще я узнал — самое главное. Самое, возможно, страшное. Только не пугайтесь. Харра — результат его неудачного опыта. Он слышал, что где-то есть летающие рыбы, которые выпрыгивают из воды, пролетают по воздуху десятки метров. Тин решил переплюнуть всех этих рыб. Что ему какие-то там маленькие рыбешки. Он сделает такую рыбу, которая будет летать долго, и никто с ней не сможет сравниться. И он скрестил крокодила с гигантским грифом, огромной птицей, возможно самой большой из живущих на земле. Он взял грифиное яйцо и яйцо крокодила. Просверлил и в том, и в другом маленькие дырочки. И перелил белок из грифиного яйца — в крокодилье, а белок из крокодильего — наоборот, в грифиное. Из грифиного яйца никто не вылупился. Когда он переливал, рука дрогнула и половина белка пролилась. Зато из крокодильего яйца вылупилась смешная птичка с крокодильим хвостиком. Когда эта птичка подросла, с ней уже никто не мог справиться. И злость ее, видимо, оттого, что она сама себя ненавидит. И за внешность свою, и что не птица она, и не рыба, а непонятно кто. Вот что я узнал, пока мы шли по тропинке. Шара беспрестанно ахала, и я видел слезы у нее на глазах. Я тоже чувствовал, что вот-вот заплачу. Очень жаль было двухголового змея и даже Харру. Такие дела... Впрочем, мы уже пришли... На полянке нас поджидало множество змей. Не знаю, как они узнали о нашем визите. Но вся поляна напоминала яркий

разноцветный ковер, сплетенный из змеиных канатов. Здесь были и очкастые кобры, и ужи, и гадюки — этих я узнал по передачам в «Мире животных». Но было много и других, которых я видел впервые. Длинные, огромные, толщиной с пожарный шланг, и совсем маленькие, чуть больше земляного червя, хоть бери его и иди на рыбалку. Одни змеи были столь ярки, что резали глаз, других и не разглядишь, так они сливались с травой и листьями. Например, я присел на толстую ветку, а эта ветка вдруг зашипела и превратилась в змею. Я тут же вскочил и быстро извинился, хорошо, что «ветка» меня не ужалила. Но вот начался змеиный совет.

Ай-я-яй рассказал собравшимся, как и зачем мы пришли. И про меня рассказал, и про Шару. Змеи внимательно слушали, никто не перебивал. Они покачивали головами и тихонько посвистывали. Потом слово попросил я. Это была, наверно, лучшая моя речь. Мне много приходилось выступать по радио, на телевидении, но никогда я не говорил так искренне и убежденно. Я описал те ужасы, которые несет война. И главное — зачем, из-за чего и почему надо воевать?! Все разумные существа должны жить в мире и любви. Мы — одна большая семья. И люди, и собаки, и змеи. Ученые говорят, даже гены у нас одинаковые.

Свистом и аплодисментами закончилась моя речь. Змеи аплодировали, стучаясь головами друг о друга. Я поклонился, поблагодарил. И Шара поклонилась, она всегда старается примазаться к моему успеху.

И тогда я сказал самое главное:

— Вот сейчас вы аплодируете... Вроде согласны со мной... А сами что делаете? Сдаете свой яд на военные цели. На самое страшное в мире оружие... На ЗМЕИНУЮ БОМБУ!

Возникла жуткая тишина. Еще громче, как казалось, зажужжали мухи и комары, запели птицы.

Сотни змеиных глаз смотрели на меня, я читал в них грусть и бесконечную вину о содеянном.

Ай-я-яй нарушил затянувшуюся паузу:

— Спасибо, Кур. Ты открыл нам глаза. Ни одной капли яда больше от нас не получит Тин. А тот яд, что мы сдали, мы уничтожим.

Я не в силах описать, что за этим последовало. Змеи свистели, как болельщики на трибунах. Сворачивались пружиной и подпрыгивали вверх. Вся поляна превратилась в сплошной змеиный фейерверк.

— Хорошо, — сказал я. — Я рад такому решению. Осталась самая малость — отговорить от войны куков.

— Надо идти к самому главному! — сказали змеи.

— Я говорил с Руканом, но он за войну.

— Рукан уже не правитель.

— Не правитель? А кто?

— Сейчас наш правитель Клик!

Новый правитель Кукии

В Кукии, оказывается, недавно был принят закон, по которому глава государства не может править страной более трех дней. По-моему, очень мудрое и правильное решение. За столь короткое время глава государства не успева-ет понадевать глупостей, окружить себя подхалимами и ворами, оторваться от нужд простого народа. Возможно, такой закон был бы полезен не только в моей любимой Кукии... но и в Чукии. Очень уж он правильный, этот закон. Нового правителя Кукии звали Клик. Что мне мешает сход-ить к нему? Может, он иначе оценит международную об-становку? Вдруг он противник войны и борец за мир во всем мире?

Так я и сделал — пошел. И Шара пошла. Благо идти бы-ло недалеко. «Скворечник» нового правителя находился в трех переходах по висячим мостикам от нашего дома.

Когда мы поднялись в дом правителя по веревочной ле-стнице, то увидели, что обезьянки выносят старую мебель и ставят новую. Хотя, на мой взгляд, новая мебель мало чем отличалась от старой. На стены вешали новые карти-

ны, на полочки ставили новую посуду. Меняли светильники и ковры.

— Я предпочитаю голубые тона, — объяснил нам Клик. — И как Рузан мог жить в такой обстановке? Все коричневое, мрачное... А эти картины? Ужас!

Мне старые картины, честно скажу, нравились больше, но спорить не стал. Сам Клик, в яркой набедренной повязке, с подкрашенными в синий цвет волосами, величественно, чуть согнувшись, прохаживался по домику. Меня и Шару он встретил вопросом:

— В чем дело, Кур?

Это потом он стал делиться впечатлениями о картинах и обстановке.

Я объяснил, с чем пожаловал. Не хочу пересказывать, вы все уже знаете.

Клик слушал меня «в пол-уха», его больше занимало убранство жилища. Он поминутно меня перебивал:

«Так-так... Нет, стол подвиньте сюда... А чуки знают о твоей поездке?.. Да! Повесить их здесь!.. Извини, я о картинах... Надо передвинуть обратно... нет, я об экваторе... Чутьочку левее... Тут место светильника...»

Ни о чем путном мы не смогли поговорить. Клик был весь в устройстве своего жилища. Я пытался напомнить ему о цели своего визита, но ему было не до этого, хотя он морщил лоб и делал вид, что слушает меня:

— Я весь — внимание. Кур... Нет, нет. Передвиньте диван! Осторожно, осторожно. Не повредите обивку.

Шара не выдержала. Она с громким лаем бросилась на этот проклятый диван, вцепилась в него зубами и разорвала голубую обивку.

— Что она делает? — закричал Клик. — Мой любимый диван. Уйми этого противного пса.

— Послушай, Клик, — сказал я. — Я тоже люблю лежать на диване, хотя он у меня и не такой красивый. Но сейчас не время. Дело идет к войне.

— Ну, хорошо. Давай пообедаем. Только пусть собака уйдет. Не хочу ее видеть. Ох, мой любимый диван.

Я грозно крикнул:

— Шара. На место!

Шара сникла, будто стала меньше ростом, побрела к выходу и улеглась там на коврике, как простая собака. Я ее оскорбил. Я приравнял ее к простой собаке. Я сказал ей, будто она не мой товарищ и друг, не мыслящее существо с чувством юмора, а просто собака: «Шара, на место!» Мне придется долго потом просить прощения, ползать на коленях. Но это потом, а сейчас надо переломить ход истории.

Обед состоял из двадцати блюд. Подавали три милые обезьянки. Одна приносила блюда, другая ставила их на стол, третья обслуживала нас: наливала сок, передвигала тарелки, подносила умывальные чаши для рук и полотенце.

Но и за обедом Клик не слушал меня. Он смачно ел, наслаждаясь пищей.

— Как ты думаешь? — вдруг спросил он. — Если я продлю свое правление до четырех дней... Издам закон, а? Как ты думаешь, народ это оценит? Ведь я думаю только о его благе? За три дня мало что можно сделать полезного. А вот за четыре, за пять. А еще лучше за месяц...

— Полезного? — не выдержал я. — Для народа? Скажи лучше для — себя самого. Вот уже целый час я тебе твержу о войне, а ты только и думаешь о своем желудке!

Я встал и бросил салфетку на стол. Просто — встал и бросил. Взял со стола салфетку и бросил на стол. Я хотел бросить ему в лицо, но стукнулся головой о потолок, потолки были низкие, я говорил.

— Ах, так? — крикнул Клик. — Ах, вот ты как?!

Он тоже встал и тоже стукнулся головой о потолок. Возможно, это меня спасло. Что-то в его голове переменилось. Он взглянул на меня как-то по-другому:

— Твое мужество, твой героизм достойны награды!

Клик взял с полочки орден, крутлую жемчужину на золотой ленточке, и прикрепил ее к моим трусам.

— Награждаю тебя за мужество и героизм!

— Служу Великой Кукии! — крикнул я и приложил ладошку к козырьку несуществующей фуражки. Так я делал всегда, когда служил в армии лейтенантом и когда мне объявляли благодарность за отличную службу.

— Садись, — сказал Клик. — Продолжим обед.

И тут мне пришла идея: хватит идти напролом, хватит повторять свои же ошибки. Правильно говорят: на своих ошибках только дураки учатся, умные учатся на чужих. У меня возник хитрый план: провести военные учения. Пусть куки на своей шкуре узнают, что такое война. Клик сразу согласился:

— Вот и чудненько. Будем ковать победу на нашей территории, а потом уж на ихней. А ты справишься, Кур?

— Ха-ха! — сказал я. — Проводить учения — мое любимое занятие. За это меня однажды представили к званию генерала.

— Да-а?! Значит, ты генерал?

— Нет. Испугались, что я так и маршалом скоро стану. А потом — Верховным главнокомандующим. А два Верховных для одной страны — это уже слишком.

— Я понимаю, — сказал Клик и тоже встал, давая мне понять, что время визита закончилось.

Тяжело в учении

Через некоторое время все мужское население Кукии было построено мною на пляже. Женщины и дети заняли места на пригорке и наблюдали за учениями издали.

Куки стояли в обычной одежде: набедренных повязках и панамах. У некоторых на головах были шляпы, сплетенные из соломы.

Я провел на песке черту, выровнял всех, встал перед строем и крикнул:

— Здравствуйте, товарищи солдаты!

— Здорово... Добрый день, Кур. Приветик... Здоровья и счастья твоей семье, — раздались в ответ голоса солдат.

— Отставить! — сказал я. — Вы собираетесь воевать, а на войне все действуют как один человек. Армия — единый механизм. И отвечать мне, своему командиру, вы должны слаженно. Например: «Здравия желаем, товарищ командир!» Или — «Здравия желаем, товарищ лейтенант в отставке!» Или — «Здравия желаем, товарищ Кур!»

Куки пришли в неописуемый восторг, они бросились ко мне, стали обнимать меня, выкрикивать: «Товарищ Кур! Здравия желаем тебе, лейтенант наш дорогой... И родителям твоим, и женам твоим, и Шаре твоей, товарищ лейтенант Кур...»

— Отставить! — снова командовал я. — Всем встать на место. Во-первых, жена у меня одна...

— Ты такой бедный?

— У нас не принято иметь много жен, бедный ты или богатый. А что касается Шары...

Я взглянул на собачку. Ей это приветствие явно пришлось по душе. Она вся расцвела, высоко подняла голову и стала ходить вдоль строя как командир на утренней поверке.

— А что касается собачки, — повторил я. — Она не заслужила. Есть в нашей армии собаки, которые службу несут. Мины находят, диверсантов, но они проходят специальное обучение. Так я говорю, товарищ Шара?

Шара опустила голову.

— Отвечай!

Шара нехотя пролаяла:

— Так точно, товарищ лейтенант.

— Молодец, — похвалил я. — Становись в строй!

Шара с громким лаем кинулась в конец шеренги и заняла там место.

— А теперь повторим все вместе: «Здравия желаем, товарищ лейтенант Кур!»

Куки радостно закричали:

«Здравия желаем, товарищ лейтенант Кур!»

— Хорошо, — похвалил я солдат. — А теперь всем быстро надеть военную форму!

— Какую форму? — не поняли куки.

— Телогрейки, валенки, зимние шапки. Мы будем бить врага на его территории. А там лютый мороз. В шляпах и повязочках много не навоюешься.

— Мы будем их бить там, зачем нам париться здесь? — жалобно спросил кто-то из моих солдат.

— А затем, чтобы каждый привык к своей военной форме.

Если б вы видели моих куков, одетых в зимнюю одежду, во все эти рваные телогрейки и огромные валенки. В сорокаградусную жару.

— Где ваше оружие? — крикнул я.

Куки кинулись за своими луками, стрелами, копьями.

— Отставить! Теперь у вас другое оружие, современное. Ружья, гранаты... снаряды.

Куки изнемогали от жары, с их лиц катил пот, но они выполнили и этот мой приказ.

— А теперь проведем учение.

Я разбил их на две группы, «красных» и «белых». Поставил и тем, и другим боевую задачу. «Белые» должны защищаться, то есть рыть окопы в песке, а «красные» должны атаковать. Незаметно подползти, забросать «белых» гранатами и вступить в рукопашную.

Вы представляете, что значит рыть окопы под палящими лучами солнца в сорокаградусную жару, да еще в телогрейках, шапках и валенках? Да еще в песке, который тут же осыпается. И как можно незаметно подползти в зимней одежде по раскаленному песчаному пляжу? Представляете? Молодцы.

— Быстрей! Быстрей! — командовал я «белым». — Скоро «красные» пойдут в атаку, а у вас еще конь... то есть верблюд не валялся.

«Красным» же я приказал нарубить ветки, замаскироваться, чтобы их атака раньше времени не была обнаружена, и только тогда, по моему сигналу, ползти.

Через час «белые» стали роптать:

— Не будем рыть окопы. На севере нет песка. Там вечная мерзлота.

Им вторили «красные»:

— Песок горячий, зачем по нему ползти? У чуков там сплошной снег да лед.

— Тяжело в учении, легко в бою! — привел я в ответ слова полководца Суворова.

Пять или шесть куков попробовали незаметно улизнуть с пляжа. Но я был беспощаден:

— Дезертиры! Уйти в тень, когда речь идет о войне. В военной обстановке вас бы расстреляли. Немедленно встать в строй!

«Красным» я приказал надеть противогазы. Мало ли что придумают коварные чуки. Вдруг у них есть отравляющие газы? Как я и предполагал, все противогазы были бракованные. Куки в них просто задохлись.

Через час учения мои куки выглядели пациентами больницы для пострадавших от стихийного бедствия. Они не могли ходить, с трудом говорили. Они умоляли разрешить им скинуть одежду и сделать в учениях перерыв.

— Какой перерыв? На войне нет перерывов. В атаку!

«Красные» поползли в атаку, а «белые» стали ее отражать. Но у тех и у других уже не осталось сил. Не только чтоб бросить гранату, выстрелить из ружья, но даже просто ударить кулаком противника.

Тогда я громко скомандовал:

— Отбой!

Все тут же повалились на землю.

— Ну как? — спросил я. — Нравится? На настоящей войне еще и стреляют настоящими патронами, и наносят раны, и убивают. И очень обидно умирать, когда дома тебя ждут жена и дети. Воевать надо, когда знаешь за что воюешь. Когда защищаешь свой дом, своих детей. Но воевать потому, что чуки не едят фруктов, что они ниже ростом — по-моему, это глупо.

— Но чуки хотят войны.

— Неправда. Они так и про вас думают.

Я повысил голос, как делал всегда в армии, когда хотел сказать самое главное:

— Так надо ли нам воевать?

— Надо! — вдруг раздался за моей спиной чей-то голос.

Я обернулся. Это был ОН. Мой заклятый друг.

— Не слушайте его, он подкуплен чуками. Связать его и его сину. Я покажу им, как надо воевать и как бороться за мир!

Высшая мера наказания

— Ну, никак ты не успокоишься. И добром пытаюсь с тобой и... по-всякому. И что ты за человек? Придется тебе... умереть.

Я попытался встать — если умирать, так стоя. Пусть все видят, как погибают писатели. И Шара тоже попыталась встать — пусть все видят... как погибают верные друзья писателей. Но ни мне, ни ей встать не удалось. Веревки крепко связывали нас по рукам и ногам.

Мой друг захохотал:

— Умираю, но не сдаюсь! Да? В жизни всегда есть место подвигу. Да? Бей своих, чтоб чужие боялись? Не надоела тебе вся эта чушь, что учили нас в школе?

— Нет! — крикнул я. — Не надоела. Это не чушь. Ты, второгодник... Откуда ты знаешь, чему учили нас в школе?

— Хватит. Я обиделся. Ай-я-яй, ко мне!

Приполз Ай-я-яй.

— Он укусит тебя не больно, — сказал мой друг. — Ну, вроде как укусил комар. Тебе сразу станет легко и спокойно... Я, твой друг, обещаю тебе легкую смерть. А напоследок скажу. Они перебьют друг друга, чуки куков, а куки чуков... А я сматываюсь. Вон у меня сколько жемчуга и алмазов.

Он открыл дорожную сумку, и я увидел, что она доверху набита драгоценностями. Внутри сумки все сверкало и переливалось. Будто светили сотни маленьких солнц.

— А? Нравится? Вижу, что нравится. И мне нравится.

Он зачерпнул горсть алмазов и медленно высыпал их обратно.

— Куплю себе маленький остров, совсем малюсенький. Не больше двора в третьем Прямоколенном. Построю дворец из мрамора... Буду купаться, загорать... И наплевать на все, хоть трава не расти...

Мне стало так противно, так... Что я отвернулся. И Шара отвернулась тоже.

— А напоследок я хочу открыть тебе тайну. Самую таинственную из тайн тайну.

Он наклонился и почти прошептал мне в ухо:

— Экваторную черту передвинули не куки...

— А кто?

Он немного помолчал, потом добавил:

— Я!

— Ты?

— Да, я. И сразу все и началось. Все заварилось... Споры, вражда... Гениально, да?

Я чуть не заплакал, так обидно мне стало. Как ловко он всех нас провел.

— Кусай! — крикнул «мой друг» Ай-я-яю. — Кусай!

Ай-я-яй подполз ко мне и шепнул:

— Не бойся. У меня нет яда, мы весь яд отдали на войну. Я тебя укушу, но вхолостую. Это будет холостой укус.

Со стороны казалось, что Шара скулила, что она испугалась, на самом деле она тоже играла роль.

— А потом притворись, что ты умер, — прошипел Ай-я-яй. — И ты, и Шара.

И он сделал свое «черное дело». Я вскрикнул... Я много раз видел подобные сцены по телику. Так что вышло очень правдоподобно. И Шара вскрикнула, то есть заскулила. И она видела.

Мы замерли, притворились, что умерли.

Куки, которые стояли рядышком, сняли шляпы. Сквозь приоткрытые веки я увидел слезы на их глазах. За это вам, милые куки, большое спасибо.

— Бросьте их в колодец! — крикнул мой друг. — Тот, что у леса. Высохший.

Нас поволокли к колодцу и сбросили вниз.

Ночь в колодце

Колодец оказался глубокий, в три человеческих роста. Внизу хлипкая грязь, это нас и спасло. Но вылезти оттуда — нечего было и мечтать. Если даже поставить меня на «меня», а сверху на «меня» еще «меня», то этот третий «меня», возможно, бы и вылез. Но я был один, и никаких «меня» больше у меня не было. Была только Шара, но ее рост в счет не берется. Если она и станет на «меня», то толку не будет.

— Вот, — сказал я. — Допрыгались. Ни один хороший поступок не остается безнаказанным.

— Как ты можешь так говорить? Как? Ты? Добрый и тихий отшельник Кур?

— Вот, вот. Надо было оставаться таким, тихим и добрым. А когда тихий и добрый начинает везде совать свой нос, становится нетихим, такое вот и получается.

— Что?

— Он попадает в яму... И не один, а еще с товарищем по борьбе.

Шара отвернулась. Мои рассуждения ей не нравились.

— А ну-ка встань на задние лапы, — вдруг сказал я.

— Зачем?

— Я попробую забраться к тебе на спину.

Шара встала на задние лапы, уперлась передними лапами в стену, я забрался к ней на плечи — но увы. До верха было еще далеко, то есть высоко. Да и Шара еле-еле стояла. Все это я проделал просто от отчаяния.

Наступила ночь. Над нами светили звезды. Горловина колодца напоминала крышку банки, со множеством мелких отверстий. Внутри банки находились мы, мы сидели на самом дне, и оно было таким маленьким, что мои колени упирались в подбородок, а Шара кое-как скрючилась под моими ногами.

Это сколько на небе звезд? — подумал я. — А планет? Тысячи, миллионы тысяч, миллионы миллиардов тысяч. Вот кто-то смотрит сейчас оттуда и думает: «Это ж сколько

на небе звезд....» Этот «кто-то» так далеко, что и представить невозможно. И мы никогда с ним не встретимся. Если сейчас я зажгу фонарик и буду подавать ему сигнал бедствия, то этот свет он увидит через миллионы лет... К тому времени и мой фонарик погаснет, и он... и я... Мне стало так грустно, что и словами не передать. Я обнял Шару, она обняла меня. Ей тоже стало грустно. Еще бы! Мы одни с ней во всем звездном небе.

— Давай сыграем в шахматы, — вдруг сказала Шара. — Нарисуем на земле доску, фигуры и будем играть.

— Как в «крестики-нолики»?

— Да. Ты сделаешь ход — сотрешь фигуру. Потом рисуешь ее на другой клеточке, куда пошел.

Я понял: Шара хотела меня приободрить, она понимала, как мне сейчас плохо.

— Давай играть лучше в города, — сказал я. — Я называю город, а на какую букву он кончается — называешь ты.

— Нет. Давай лучше в съедобное — несъедобное.

Бедная собачка, ей так хотелось есть.

— Давай.

— Мясо! — сразу сказала Шара.

— Постой... Ты не любишь мяса. Ты сама говорила.

— Утром не любила, а сейчас люблю.

— Хорошо. Значит, «мясо», а мне надо на букву «о»?..

Омлет!

— С колбасой, — сказала Шара.

— При чем тут колбаса? Ты должна — на букву «т»! Омлет кончается на «тэ».

— Тогда торт! Кремовый и очень большой. Сверху крем, а внутри мясо!

— Торт не бывает с мясом.

— И не надо. Тогда мясо без торта.

— На букву «т»?

— Да. Тушеное мясо. Тушенка.

— Хорошо, тушенка. Значит, мне на букву «а».

Я задумался:

— На «а»... Ананас! Тебе — на букву «с»!

— На «с»? Свежее, свежее, очень свежее мясо!

— Все. Не буду с тобой играть. Ты думаешь только о мясе...

Сверху слышался шорох, что-то полетело вниз и шлепнулось к нашим ногам... Ура! Бананы. И кокосовый орех. Ура! В орехах — дырки, внутри орехов — кокосовое молочко. От жажды и голода мы не умрем.

— Привет, — прошипел чей-то голос. — Спускаюсь к вам.

К нам спустился толстый канат, это был Ай-я-яй:

— Ну, как? Вам не скучно?

— Нет. Жаль только, что ноги девают некуда.

— А ты свернись кольцом, — сказал Ай-я-яй.

— Я не змея.

— Тогда полезли наверх?

— Как?

— Как по канату лазают. Канатом буду я. А вы полезайте. Только погоди. Мне надо за что-то там уцепиться хвостом.

Он замер на мгновение. Там, наверху, он ощупывал хвостом место около колодца:

— Не получается. Голова у меня здесь, а хвост там. А хвост без головы ничего не видит.

— А ты перевернись, — сказал я. — Пусть хвост будет здесь, а голова там. Тогда ты все там и увидишь. И за что цепляться, и все.

— Правильно, — обрадовался Ай-я-яй. — Какой ты умный! Я б ни за что не догадался.

— Еще бы, — сказала Шара. — Он у нас писатель.

— Писатель? — удивился Ай-я-яй. — Как наш Тьен?

— Лучше, — сказала Шара. — Намного лучше. Он такую сказку пишет, пальчики оближешь!

— Лучше Тьена не бывает, — сказал Ай-я-яй. — А про что сказка?

— Так мы никогда не выберемся, — сказал я. — Потом расскажу.

Ай-я-яй исчез. Исчезла его голова. Но зато появился хвост.

Я схватился за хвост, попытался подтянуться, но ничего не получилось, очень уж его хвост был скользкий.

— У меня не хватает сил вас вытащить. Вы такие тяжелые, — сказал Ай-я-яй. — Придется ползти за помощью.

И опять он исчез. Мы подумали, что навсегда. Так долго его не было.

Но вот наверху раздались шорохи, тихий свист и шипение.

— Теперь нас много, — услышали мы голос Ай-я-яя. — Потерпите. Сейчас мы вас вытянем.

Змеи сцепились узлами, и мы, будто по веревочной лестнице, поднялись на поверхность.

В жизни все должно быть иначе

День, как и ночь, на юге наступает быстро. Только что было темно, хоть глаз выколи, а вот уже стало серым небо, запели птицы, солнце будто подпрыгнуло над озером, загорелись вершушки гор, вспыхнули листья пальм — и наступил день.

Когда мы вылезли на поверхность, день набирал силу. С каждой секундой, с каждой минутой становилось все светлее, все теплее.

Осторожно, прячась за кустами и деревьями, чуть ли не ползком, мы приблизились к деревеньке. Змеи сопровождали нас, тоже, в полном смысле слова, — ползком.

Нас поразила тишина. Ни оживленных голосов, ни стука топора. Только плачут в домиках дети, да слышны окрики служанок-обезьян. «Скворечники» пусты, все «птички» разлетелись.

Ай-я-яй догадался первым:

— Все ушли на войну.

— Почему ты так думаешь?

— Никого нет, оружия тоже... И лодок нет. Значит, все ушли, то есть уплыли. Зачем, если не воевать?

Он прав. Неужели началась война?

Шара быстро обнюхала местность и подтвердила:

— Они уплыли и все взяли с собой. И оружие, и одежду, и еду... Надо немедленно бежать, лететь, плыть! Надо остановить войну!

— Вперед! — крикнул я.

— Постой, — сказал Ай-я-яй. — Куда «вперед»? Куда? Вплывь до границы далеко. И змеинного яда у нас нет. Мы станем легкой добычей для Харры.

— Что же делать?

И тут я вспомнил про Питера-дака! Он обещал нам помочь, если станет трудно. У него есть крылья. Он должен помочь.

— А если по воздуху? — спросил я.

— Ка-ак? — не понял Ай-я-яй. — Я не умею летать.

— Знаю. Ты не воздушный змей. Но у нас есть кое-кто с крыльями. Кто умеет летать.

— Питер-дак! — завопила Шара. — Какой же ты умный, Кур.

— Я знаю... Но как ему сообщить? Как? — И тут меня осенило: — Летучие мыши. Здесь тоже есть летучие мыши. Они могут послать сигнал. А там летучие мыши его примут. Это будет как телеграфное сообщение. Питер-дак скажет: «Только свистни!»

— Ты не знаешь наших летучих мышей, — сказал Ай-я-яй. — Они очень жадные. Ничего не делают просто так. Только в обмен на что-то.

— Даже когда речь идет о войне?

— Им без разницы... Впрочем...

Он подумал.

— Я знаю, как их заставить. — И быстро уполз.

— Видишь, — сказал я Шаре. — До чего мы дожили. Сейчас судьбы мира и войны зависят от каких-то летучих мышей. Как они захотят, так и будет.

— Нет, — сказала Шара. — Все зависит от нас с тобой, Кур. Нельзя предаваться панике. Мы разумные существа, мы — не мыши.

Я взглянул ей в глаза:

— Спасибо, Шара.

Мы замолчали. Каждый думал о своем. Я переживал, просто с ума сходил: удастся ли нам предотвратить войну. А Шара, как она потом сказала, больше волновалась за меня. И вот появился Ай-я-яй:

— Все в порядке. Наши мыши послали сигнал ихним, которые в пещере. Те его приняли.

— Как тебе это удалось?

— Очень просто. В обмен, так в обмен. Я поймал маленького мышонка. Тут на меня налетели все остальные. Сели на меня, пищат. А я сказал: «Услуга за услугу. Или вы сообщите куда следует что следует, или... не видать вам своего малыша». Свернулся кольцом, и все.

— Ты взял заложника?

— А что делать?

— И они?

— Как миленькие.

Ну, что вам сказать. С одной стороны — это преступление. Просто какой-то терроризм. А с другой... Не было иного выхода. Потом я принесу извинение. И устно, и в письменной форме. Через газету или эту книжку. Просто обращусь ко всем летучим мышам с письменным заявлением. Мол... Дорогие и уважаемые, самые красивые и самые добрые из всех мышей на свете... Но это потом... А сейчас мы стали напряженно всматриваться в небо... Прилетит ли наш друг Питер-дак?

И вот... В ярком голубом небе появилась маленькая черная точка... Точка превратилась в чернильную кляксу... У кляксы выросли крылья, шея, голова... К нам летел Питер-дак!

Он сделал крутой вираж, опустился рядом с нами, сложил крылья и грустно спросил:

— Не опоздал?

— Нет! Быстрее летим!

Питер-дак посмотрел на меня, на Шару и сказал еще печальней:

— Двух я не потяну.

— Тогда я полечу один!

— А я своим ходом! — крикнула Шара и бросилась га-лопом вдоль берега: — Посмотрим, кто быстрее.

Я сел на Питера-дака, обхватил шею руками, и мы взмыли вверх.

Летели мы не очень высоко, и мне совсем не было страшно. Когда борешься за правое дело, страх куда-то уходит. В озере, под нами, просматривались рыбешки, водоросли, дно. С порывами ветра до нас долетали брызги, они покалывали лицо.

И вдруг... Я увидел подводную лодку. Моего заклятого друга. Совсем близко. И еще я увидел Харру.

Харра бомбила лодку. Она взлетала вверх и пикировала на нее. Очевидно, мой друг так спешил, что не смазался ядом. И Харра напала на него в тот момент, когда лодка пыталась погрузиться на большую глубину. Там бы Харра его никогда не достала. Раздался треск и скрежет металла, вверх взметнулся хвост лодки, лопасти винта... Все!

Только водяная пена и расходящиеся крутами волны. Так бесславно закончился путь моего заклятого друга.

Если б у меня была шляпа или хотя бы кепка, я бы снял ее в этот момент. Или встал, чтоб почтить его память. Но ни того, ни другого я сделать не мог. Поэтому я просто вздохнул — вот так заканчиваются попытки стать властелином мира, хозяином Вселенной. Стоит ли к этому стремиться?

А мы продолжали свой полет.

Через несколько минут вдали блеснул лед. Над ним низкие свинцовые тучи — экватор. Я увидел много маленьких разноцветных точек — это были чуки и куки. Вспыхивали огоньки, как огоньки спичек, я услышал выстрелы.

Да, это ВОЙНА!

Мы опоздали, они убивают друг друга.

Я пришпорил Питера-дака:

— Быстрее! Еще быстрее!

Бедный птеродактиль выбивался из сил.

И вот мы над самой передовой. Под нами разворачивается великолепная панорама сражения. Мои любимые куки выпрыгивают из лодок на лед и пытаются прорвать оборону противника. Гремят выстрелы, в ту и другую сторону летят копья и стрелы. Вот упал на лед раненый пожилой кук... Нет, к счастью, он не ранен... Он просто поскользнулся на льду... Наверно, впервые в жизни ступил на него босыми ногами. А вот несколько чуков, пытаюсь потопить лодку куков, сорвались и стали тонуть. Еще бы! Попробуй не утони в тяжелых меховых шубах, сапогах и шапках-ушанках. Да и вода для них — просто кипятки! Нет! Я не могу так просто на это смотреть!

— ПОСТОЙТЕ! ОСТАНОВИТЕСЬ! НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЕ! — закричал я.

Услышав мой голос, воюющие стороны задрали вверх головы.

— Пожалуйста. Я вас очень прошу. Выслушайте меня. Может быть, в последний раз. Самый последний в этой книжке. Я вас придумал, значит, имею на это право. Пару минут внимания. А потом — как хотите. Можете продолжать драться и убивать друг друга.

Я говорил, а бедный Питер-дак описывал круги над воюющими армиями. Силы его подходили к концу. Мои, кстати, тоже. Я говорил о том, что нельзя ссориться из-за пустяков, что высшая справедливость — это жизнь в любви и добре. В общем, все то, что вы уже неоднократно слышали от меня. А что я мог еще сказать? Все призывы к миру, в отличие от призывов к войне, так похожи один на другой. Мой голос звучал все тише, все менее убедительно. Я заметил, что чуки и куки перестают слушать меня. Вот-вот они возьмутся за прежнее. Нет! Они уже взялись. На другом конце границы, куда мой голос еле долетал, они снова вступили в сражение.

Я пришпорил Питера-дака, и мы полетели туда, где начался бой.

Как вдруг оттуда, с той стороны, подул сильный ветер, мы как бы остановились в воздухе. Питер-дак пытался

преодолеть его порывы, но нас неумолимо сносило назад. Ветер все крепчал, набирал силу, он превращался в настоящий ураган. Нас кидало из стороны в сторону, закручивало так, что трудно было понять, где низ, где верх, где небо, где земля. В снежном вихре мелькали рыбины с выпученными глазами... Вот мимо пролетел заяц... появилась и исчезла лиса. Камни, снег, мелкие льдины... Песок резал глаза. Невозможно смотреть. Стало совсем темно. Похоже, это КОНЕЦ.

Когда я очнулся, то увидел перед собой обойное пятно. Значит, я дома, в своей квартире, на своем любимом диване. Именно в квартире, а не в хижине на берегу озера. За окнами — осень, желтые листья деревьев, гудки машин, шум большого города. Я подошел к холодильнику, налил молока, выпил. Выглянул в окно на город. Крыши, крыши, крыши. Телевизионные антенны. На проводах, перекинутых между домами, сидят два голубя. Вдали торчит стрела подъемного крана. Я допил молоко и пошел к дивану. Прилег. Посмотрел на обойное пятно. На трещину... то есть на экваторную черту, которая разделяла мою волшебную страну Чуки-Куки. Я понял, что случилось. Когда началась война, экваторную черту стали дергать в разные стороны, передвигать — она и не выдержала... Порвалась. Лопнула... И все перемешалось в моей стране. Разразился ураган. Северный ветер обрушился на южную часть озера, пальмы покрылись снегом, озеро замерзло. А южное солнце растопило снега и льды Чукии... Так погибла моя страна. Все... Не могу писать, слезы застилают глаза. Единственное, что меня утешает — это всего лишь сказка. В жизни все должно быть иначе. В комнату вбежала Шара — моя любимая собачка. Она поставила лапы на диван и лизнула меня в лицо. Она хочет утешить меня, милая собачка. Ох, если б она умела говорить! Но Шара всего лишь собака.

Я отвернулся и вновь взглянул на обойное пятно.

Мне показалось, что оно изменилось. Трещина как-то выпрямилась, куда-то исчезли обойные лохмотья. Что? Почему?

Неужели мои милые чуки и куки взялись за ум? Неужели они вновь зажили дружно? Я вскочил с дивана, схватил Шару. И мы вместе стали отплясывать дикий танец. Как хорошо, как все замечательно! Как все расчудесно-распрекрасно!

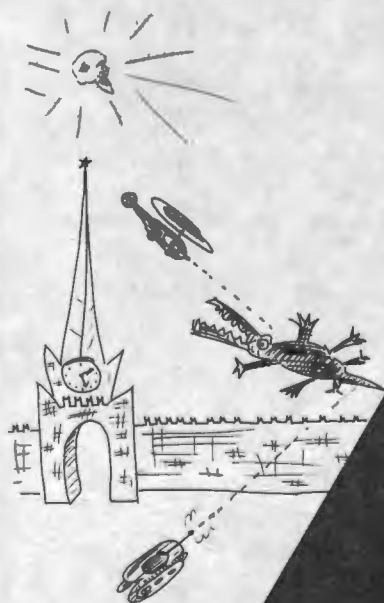
Я бросился к письменному столу, где стоит моя пишущая машинка, чтобы все описать.

Снял с пишущей машинки футляр, открыл ящик письменного стола, чтобы достать бумагу... Но бумаги не оказалось. Значит, надо надевать брюки, ботинки... Выходить на улицу, идти в самый ее конец, где находится магазин канцелярских товаров. А если там очередь? Становиться в самый ее конец? А если там нет бумаги или в магазине наступит «обед»? Просто ужас меня охватывал от всей этой суеты.

Нет, лучше снова прилечь на диван. Тем более, это совсем другая сказка.

Повести

(только не детские)

Майна кремлевских подземелий

(хроника невероятных событий)

1. Чек на 10 000 000 000 000 000 000 000 долларов

В доме № 14 по Фрунзенской набережной,

в крайнем левом подъезде, что выходит во двор, поселился бомж.

Подъезд этот, всегда ухоженный, с такими же ухоженными жильцами, за последние годы сильно изменился. Часть жильцов, не вписавшись в «рынок», посдавала свои квартиры выходцам из арабских стран и стран «третьего мира», другая часть, напротив, обзавелась непробиваемыми дверями и надменными физиономиями. Третья продолжала бороться из последних сил, матеря все на свете, особенно своих старых и новых соседей.

Геннадий Колобков относился к третьей категории жильцов. Всего несколько лет назад он был в полном порядке, сам выбирал роли, даже в булочную ездил на такси. А теперь — на метро, в булочную — пешком, а за границу — по телевизору. «Ах, Канары, ах, Канары! Райское наслаждение!»... Тьфу!

Особого таланта у Колобкова не было, но были волевое лицо, мужественная улыбка и хорошие связи. Все это позволяло без передыха играть директоров заводов, командиров, первых, вторых и третьих секретарей партии. Но

увы... Конец ГКЧП был и его концом. Ни его лицо, ни он сам были теперь никому не нужны. Его еще приглашали иногда в периферийные концерты, где он изображал Президента, и все. Одним Президентом весь последний год и кормился. «Хоть за это ему спасибо. Козлу!»

Бомж сразу же проникся к Колобкову особыми чувствами. Видно, в той, прежней своей жизни он видел немало его ролей. Каждый раз, когда Колобков входил в подъезд, бомж вставал со своего матрасика и прикладывал руку к «козырьку»:

— Геннадий Пантелеевич. Доброго здоровья.

В отличие от других бомжей, этот был чист, аккуратен, ничем плохим от него не пахло. Спал он на надувном матрасе с белоснежной простынкой, еду принимал на табурете, и сам процесс еды осуществлял не грязными руками, а при помощи вилки, ножа и ложки, и то, как он их держал, как неторопливо и элегантно накалывал кусочки колбасы, выдавало человека с прошлым, интеллигентного, которому впору обедать не в подъезде, а в ресторане «Арагви» или на кремлевских приемах. Впрочем, так оно и было.

Бывший полковник медицинской службы, персональный пенсионер, Семен Филиппович Трахтенберг стал бомжем по роковому стечению обстоятельств. Чувствуя, что жизнь приближается к финишу, он переоформил свою приватизированную квартиру на единственную, горячо любимую дочь, умную, интеллигентную Марусю, врача-педиатра по профессии, но с несложившейся личной жизнью, по причине несложившейся внешности, и по этой же причине не имеющей своих детей, а лечащей чужих. И надо же случиться, в сорок семь лет дочь его влюбилась в проходимца, торговца то ли апельсинами, то ли гранатами, причем гранатами настоящими, а не просто гранатами. А этот проходимец, спасаясь от компаньонов, «намылился» на «ПМЖ» в Штаты. Естественно, дочь квартиру продала, деньги ушли на долги, и влюбленные улетели в город Нью-Йорк, а полковник медицинской службы оказался в восемьдесят два года без крыши над головой, в доме № 14,

по соседству со своим прошлым домом № 12, в крайнем левом подъезде.

Однажды, когда Колобков был особенно не в духе (единственный платный концерт сорвался), к нему зашел Трахтенберг. Он был бледен, прерывисто дышал, руки его дрожали:

— ...Извините, бога ради, — сказал он. — Но вы единственный, с кем могу поделиться. Таких, как вы, больше нет. Партийцев настоящих. Вы всегда. И в войну, и в годы коллективизации. И при штурме Зимнего...

Колобков обреченно кивал, спорить с бывшим полковником не имело смысла. Тот был уверен, что роли Колобкова — это он сам, его жизнь.

Старичок вдруг посмотрел по сторонам:

— Здесь никого нет?.. Жучки-паучки. Ну, вы понимаете?

Геннадий Пантелеевич усмехнулся:

— Говорите смело. Я теперь никого не интересую.

— Это хорошо. Только дайте слово... Впрочем, нет, не давайте... Я и так верю. Все, что я скажу — тайна. Самая секретная тайна... Партии надо помочь! А то ее в могилу загонят. Демократы хреновы! Вы — в партии авторитет. А я кто?.. Старик. Живой труп. С полувековым стажем...

— Я рад... Но как? — спросил Колобков.

Рассказ полковника Трахтенберга

— ...Восемьдесят третий год. Кремль. Я на ответственной работе. За здоровьем членов Политбюро нашего слежу. Люди в возрасте, все может случиться. Грипп, инфаркт, коклюш. Все поставлено на ноги. Китайская медицина, знахари. Каждую таблетку на себе проверяю. И вот — октябрь месяц. Осень... незадолго до Дня милиции... Помните?.. Когда не стало его. Ну, самого главного. Прихожу к нему утром. Пульс, кардиограмма... Показатели хорошие, а сам еле дышит. «Семен, — шепчет, — плохи наши дела. И мои, и всей страны. Хотел, как Ленин, завещание оста-

вить — что толку? Через полвека прочтут. Кто доживет?.. Громыко, Черненко? Даже Горбачев не дотянет...» Отвел меня в угол, включил вояку радио. Как сейчас помню, про афганских моджахедов зачитывали. И в самое ухо шепчет: «Это чтоб Юрка Андропов не слышал. Тоже на мое место рвется. Умный мужик. Даже слишком. Для нашей страны. Одна надежда — долго не протянет. Почки... А тебе вот что скажу: я денежку решил спрятать...»

«Какую, Леонид Ильич?..»

«Какую, какую?.. Па-артийную... Нужда придет — возьмете. Когда совсем плохо будет. Совсем, понял?.. Ну, дальше некуда. Когда полный... Раньше не берите... Даешь слово?» — «Честное партийное!» Он на меня посмотрел, как на дурака... «Э-эх, Семен. Я с тобой откровенно. А ты...» Затем выключил радио и громко объявил: «К Ленину пошли. В Мавзолей. Совет будем держать. Как там? Что с собой взять? Кого прихватить? Ха-кха, хакха-кха...»

Семен Филиппович прослезился:

— Любил я его... Нет, не Ленина. То есть и Ленина тоже... Про него разное сейчас говорят. Я с ним вместе царей не расстреливал. А этого — знал. Квартиры, машины всем давал. Особенно медсестрам... Значит, спустились мы с ним на лифте на первый этаж. Охрану он отослал. «Если «кондратий» хватит, Семен позовет...» И кнопку еще одну нажимает. Не подвальную, а еще ниже. Красную. И буква на ней золотая — «Л». «Ленин», дошло до меня. И спускаемся мы ниже подвала. Двери открываются, мы выходим. Коридор такой длинный, мраморный. Полуосвещен. И музыка тихая играет, «Аппассионата», Ленина, любимая... Эскалатор как в метро... Встали, сам поехал... Подъезжаем к другим дверям. Два солдатика стоят. Как у Мавзолея. Тепло, а они в тулупах. Пот с них градом течет... «Традиция такая, — говорит наш Ильич, — чтоб по правде было, как в те январские морозы. Когда он «дуба дал». Дверь-то откройте. Не видите, кто идет?»

Один солдатик тут же ожил, дверь открыл, ручку к ушанке! А второй так и продолжал стоять... «Молодец, —

говорит Леонид Ильич первому, подвижному... — Ты кто?.. Капитан?.. Будешь полковником... А этот истукан завтра же в Афганистан поедет...» Тогда и второй ожил...

«Извините, Леонид Ильич, не посылайте в Афганистан. Жена молодая, не выдержит».

«Ничего, выдержит. Ты ее ко мне пришли. Кха-кха-ха-ха...»

Солдатик — в ноги, тулупчик задрался, а под ним трусы, майка... Леонид Ильич только рукой махнул: «Застой. Одно слово — застой...»

В дверь прошли — полная темнота. Еще дверь и... ЛЕНИН!

Перед нами. Как живой. А рядом какой-то тип, в штатском. Приемник слушает. Хоккей там или футбол, не помню. Увидел нас, затрясся. Радио сразу выключил. А Леонид Ильич говорит: «Постой, постой. Кто сегодня? ЦСКА — СПАРТАК? А ну, включи...» Озеров кудахчет: «Три минуты до конца, счет ничейный... Надо снимать вратаря». «Не надо снимать, — говорит Леонид Ильич. — Ни к чему хорошему это не приведет. Я этих спартаковцев знаю. Так и передай».

Вертухай к телефону. И Озеров тут же: «Тренер спартаковцев передумал. Вратарь снова въезжает в ворота!» «Хрен с ним, с этим вратарем. Дела поважнее. Оставь нас, братец. Эй, постой. Ленин-то настоящий? Или тот, что для народа?» — «Настоящий. Для народа — вверху. Как раз приемные часы...» — «...Ну, иди, иди. Выпей там за его здоровье. Чтоб не портился». И кнопку нажимает. Колпак вбок уходит... И Ленин... весь перед нами. «Э-эх», — вздохнул Леонид Ильич. Подошел близко-близко, в лоб его поцеловал. «И что ты, Володька, натворил? Расхлебываем, расхлебываем — расхлебать не можем. А нефть кончится, что тогда?..» И в ухо мне шепчет: «Заслони, Семен. Боюсь, Юрка видит». Я его заслонил, как бы обнял. Он наклонился... И вдруг я вижу, незаметно в брючный карман что-то сует, в правый. «Ну, прощай Владимир Ильич. До скорого!!» Я ничего не понял, а он сказал: «Я туда чек положил. На

предъявителя. На сотни миллиардов долларов. Все золото партии. Надобность придет — возьмете. Не раньше, не позже, а когда самое время...»

Полковник закончил рассказ. Выглядел он вконец обессиленным.

— И вот что я думаю, Геннадий Пантелеевич. Дорогой вы мой человек. Пришло то время. Именно сейчас. Если партии не помочь, то никто ей потом... Ни золотом, ни брильянтами помочь не сможет...

2. Тайна кремлевских подземелий

На следующий день заслуженный врач республики, полковник медицинской службы Семен Филиппович Трахтенберг отдал богу душу. Отдал он ее тихо и незаметно. Прилег после утреннего чаепития на несколько минут, а оказалось, навсегда. Матрац передали в детский сад, тумбочку с вещами — в больницу, и все. Будто никого и не было.

Колобков воспринял рассказ о якобы находящемся в кармане у вождя золоте партии как плод больного старческого воображения. Но чем хуже шли дела, тем чаще он возвращался к этому сюжету. А что? Совсем не помешало бы это золото. Ни ему, ни всему измученному народу.

Как-то вечером он зашел к бывшему приятелю, автогонщику и трюкачу, расстрелянному вместо него в картине «Подвиг третьего секретаря обкома». В настоящее время он бродил под землей, под городскими улицами, вместе с другими отчаянными ребятами, что-то находил, что-то продавал, крутился как все.

Николай выслушал историю внимательно, покусывая и выплевывая изо рта кончик модного уса.

— Так-так, — сказал он после небольшой паузы. — Что я скажу?.. Повезло тебе и всей твоей партии. Под землей в любую точку можно попасть. И в Думу, и в Мавзолей. Я чертежи разыщу, снаряжение подготовлю. Завтра, в семь — в центре ГУМа, у фонтана.

Ровно в семь они встретились. Николай был в брезентовой робе, высоких сапогах, каске с фонарем, с рюкзаком за плечами.

Они направились во двор, чуть наискосок от ГУМа. Николай отодвинул крючком крышку люка.

— Все, — сказал он. — Дальше я сам. Жди меня. Час, два, три, все равно жди.

И пропал внутри.

Дальнейшее рассказываем в строго хронологической последовательности.

Спустившись вниз, Николай пошел по чертежам в сторону Мавзолея. Идти было легко и привычно. Исправно светили лампочки, пел песни свой стремительный поток. Такой же, как в Черемушках, Химках или других районах столицы. Николай в такие минуты думал: «Как бы высоко ни взобрался человек — суть его одна...»

Сетки на лампочках отбрасывали решетчатые тени, и это тоже наводило на философские размышления. «Ничего, — успокаивал себя Николай, — бывали и худшие моменты, и то выходили из дерьма сухими».

Добравшись до очередной лампочки, он сверился по чертежам — шел он абсолютно правильно. Впереди должен был находиться старый царский слив, замурованный большевиками («не хотим жить и мочиться по-старому»), он-то и пролегал под телом вождя.

Простукав стены, Николай обнаружил пустоту, достал из рюкзака «бошевский» инструмент: портативный отбойный молоток необычайной силы, дрель, пилу. Все это не требовало подключения, а работало на специальных аккумуляторах. Пробив отбойником дырку, он расширил ее обыкновенной кувалдой. Там, в глубине, в пучке яркого света, действительно был старый туннель. Абсолютно сухой, уложенный плиткой. При более тщательном рассмотрении на плитках проглядывал двуглавый орел с вензелями «Н-II». «Николай Второй», — догадался наш Николай. — Вот мы и встретились».

Туннель был низкий. Согнувшись в три погибели и матеря царских инженеров, Николай добрался до следующего поворота. Наверху мелькнул свет, а внизу что-то засебрилось. Николай пригляделся. Все дно перед ним было усеяно водочными шляпками: старенькие «бескозырки», и послевоенные с «зубром», и картонные пробки, и сургучные, и винтовые. В свете фонаря все это сверкало и переливалось, как елочные украшения. «Не один, видать, Новый год справили там, наверху».

Теперь можно было встать в полный рост: вверх уходила горловина колодца, и там она заканчивалась решеткой. Николай встал на цыпочки и перерезал ее «бошевской» пилой. Затем он подтянулся, перебросил ноги и... оказался в просторном, напоминающем аквариум, помещении: стены в белом кафеле, искусственный свет, сильный запах лекарств, а в центре, за стеклом — длинный мраморный стол. На нем что-то лежало, накрытое простыней. Николай подошел к столу. Перед тем как сдернуть покрывало, он обратил внимание на круглую фиолетовую печать: «Фабрика-прачечная № 17»...

Он сдернул простынку... На мраморном столе... лежал... Ленин! И не один — а целых три. В одинаковых пиджаках, брюках, бородах, с одинаковыми башмаками. На подошвах — одинаковые нестертые гвоздики.

Какой же из них настоящий?! Николай решил начать с «правого».

У «правого» в кармане ничего не было. Кроме носового платка.

— Кукла! — решил Николай.

Зато у второго! В левом кармане рука нащупала хрустящую бумажку. Это был чек. Настоящий! С длинной вереницей нулей.

Николай быстро сунул его в брезентовый карман.

Обратный путь был намного короче. Не только потому, что он был путем назад, а потому, что он вынырнул не во дворе, где ждал его Колобков, а у подножия Исторического музея, где стоял его старенький «Москвич».

Переодевшись и побросав снаряжение в багажник, он сунул пятидесятидолларовую бумажку знакомому милиционеру.

Милиционер кивнул:

— Холодно внизу?

— Как в Мавзолее.

— И до него добрались. Пора! Чтоб не мешал движению. К Собчаку, к маме!

Через каких-то сорок минут Николай был в Шереметьеве. А еще через час далеко от Родины. Время от времени высоко в воздухе он ощупывал в кармане драгоценный чек.

— Спасибо, Ильич. Спасибо, дорогой. От лица всей нашей партии... Большое коммунистическое спасибо!

3. Николай Борисович Елкин

Прождав более двух часов, Геннадий Пантелеевич по-настоящему разволновался. Человек он был творческий, мнительный. Воображение его рисовало красочные картинки: огромное крысopodobное существо прыгает на Николая, валит на землю, подбирается к горлу...

— Нет! Я должен его спасти!

Колобков решительно отодвинул крышку и спрыгнул вниз.

Идти было страшно, пахло сероводородом, как в мацестинских ваннах до распада Союза. У первого перекрестка Колобков задумался. Куда?.. Направо? Налево? Прямо! Только прямо. Именно там — Мавзолей.

Он старался не ступать ботинками в противную жижу, карабкался вдоль стеночек. Не очень получалось. То правая нога, то левая соскальзывала. Впереди слышался шум. Сверху падал поток воды. Все! Дальше пути не было. Только скобы в стене.

Они вели вверх, туда, откуда низвергался водопад.

Можно было отступить, но Колобков полез. Его герои были бы им довольны. Все выше и выше. Уворачиваясь,

отфыркиваясь, проклиная все на свете. Как в фильме «Замурованный», где он играл подпольщика, точнее подземщика. Именно так его герой выбрался на поверхность. А в жизни?

Он выполз в огромную пещеру. Ящики в несколько этажей. Лопнувшие гнилые доски. Папиросы «Казбек», выпавшие наружу. Банки тушенки. «Анчоусы», «Крабы». Несколько разбитых бутылок портвейна «Массандра». В углу пещеры — два вертикальных рельса и на них площадка с электрической лебедкой. Вроде тех, на которых ремонтируют фасады зданий. Колобков встал на площадку и нажал пусковую кнопку. Как ни странно, площадка поехала. С жутким скрежетом, с толчками, остановками, но поехала. Проплывали стены пещеры, мрачные с обвалившейся штукатуркой. С ручейками бегущей по ним воды. Площадка остановилась. В стене пещеры был коридор. В конце его — массивная дверь. Здесь было светло. Свет падал сверху, из стеклянной крыши. Над ней просто и бесхитростно светила луна.

Колобков подошел к двери. Массивная, стальная. С крутящейся ручкой. Вроде тех, что в фильме «Ракетный щит Родины». Тогда во время тревоги, когда в комплекс пробрался диверсант, он открутил ручку и открыл дверь. А теперь?..

И теперь. За дверью был небольшой тамбур, а там — вторая, обычная. Дверь как дверь. Из двух половинок. Деревянная, с бронзовой ручкой. Колобков покрутил ручку, подергал — дверь не поддавалась. Тогда он просто разбежался и ударил в нее всем своим шестидесятивосьмикилограммовым телом.

Дверь не выдержала, сломалась. В грохоте кирпичей, рвущихся обоев и пыли Колобков вывалился в какое-то помещение.

Кровать с деревянным изголовьем, столик на колесиках, кресла, на стенках — бра, картины. Очень уютно. Просто — номер «люкс» в гостинице «Жемчужина», когда его еще приглашали на «Кинотавры».

— Кто там? — раздался низкий голос.

Дверь из соседней комнаты открылась. Колобков остолбенел. Перед ним стоял сам Президент, Николай Борисович Елкин. Без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. Спутанные седые волосы, несколько карандашей в руке — видимо, работал. За открывшейся дверью — полутемный кабинет без конца и края, с единственной горящей на столе лампой в зеленом абажуре.

— Кто вы? Как сюда попали?

— Дверь... через попал... Борис Николаевич, — путая порядок слов, сказал Колобков.

Президент внимательно его рассматривал, очевидно соображая, что предпринять: вызвать охрану или самому скрутить. Но вдруг его взгляд смягчился:

— Колобков, кажется? Геннадий?

— Точно. Пантелеевич.

— Знаю вас, Колобков. По фильму «Деревенская рапсодия». Вы партийного секретаря играли. В конце вас кулаки убивают.

— Да, — подтвердил Колобков. — Марысев, кулак. Но потом и я его. А уж в конце самом умираю. На руках у Машеньки, дочки.

— Помню, помню. Хорошая у вас дочь. Душевная.

— У меня по жизни сын. Жуткий негодяй. Даже не позвонит.

— Нехорошо, — сказал Президент. — Их воспитываешь, понимаешь. А они не звонят. Пятнадцать копеек жалко.

— Полтора тысяч, — сказал Колобков.

— Уже?! До полтора тысяч копеек дело дошло. Это ж пятнадцать рублей. Как же их в автомат просовывают? Ты что-то путаешь, Колобков.

— Не путаю!

— Ну, ну, хорошо. А что еще можно за полторы тысячи? Ну, пиво, вода?..

— Какая вода? Какое пиво?!

Колобков не на шутку разозлился.

— За полторы тысячи можно только пописать сходить. И то — полпраза.

— Ладно. Не обижайся. Разберемся... Мокрый ты, грязный. И пахнет от тебя...

Президент открыл совершенно незаметную дверь в стене, оклеенную обоями. За ней просматривалась облицованная черной плиткой огромная ванная.

— Приведи себя в порядок, я денег с тебя не возьму... А я пока чай вскипачу. Будешь? Или что покрепче? Мне-то нельзя. Вот заперся здесь. Над указами работаю. А тебе — почему не выпить?

— Можно, — сказал Колобков. — За знакомство. Я, то есть, вас знаю... а вы меня, то есть, тоже...

— Давай без чинов. Надоело. Ты что предпочитаешь?

— Я?... «Кристалловская» есть?

— Боюсь, нет.

Президент открыл бар. Колобков увидел разноцветье бутылок. Джинны, виски, коньяки, водки...

— Да вот же она, «Столичная»! Если не в палатке брали, — пошутил Колобков.

— Не в палатке... Ну, иди, иди. Мойся. Пижаму там мою возьми... Не мала?

Когда Геннадий Пантелеевич, чистый, умытый, в президентской пижаме — ему хватило одной верхней половины — вышел из ванной, на столе, в большой алюминиевой кружке, бурлил кипяток. Рядом стояла вазочка с печеньем, роскошная коробка конфет. Несколько помидорин, вобла, боржоми, кусочек копченой колбасы, хлеб. И конечно, 0,75 «Столичной».

— Извини, Пантелеевич. По-холостяцки. Охрану не хочу тревожить. Это все из дома. Иногда домашненького хочется. Тихо, без суеты. Ты наливай, наливай!

— Можно я в стаканчик? Я по первой сразу люблю. А потом уж на рюмки перехожу.

— Что за вопрос? У нас демократия или что?

— Демократия?... Извините. Я сначала выпью, чтоб настраение не портить. А потом скажу...

Колобков опрокинул полстакана водочки, закусил помидориной. Президент посмотрел на него и отхлебнул чай.

— Так вот, — оживился Колобков. — Вы говорите, демократия. А чем она мне, Геночке Колобкову, улучшила жизнь?.. Я больше получать стал, вкуснее питаться?.. Да раньше я в трех фильмах снимался, а теперь не на что валлол купить! Пиво самое дешевое пью. На бутылках экономлю. По вечерам дома сижу. На улицу выйти боюсь. Стреляют. Хорошо, что денег нет. И выходить незачем. Только тем и живу, что вас озвучиваю. Спасибо вам за наше счастливое детство!

— Ну, ладно, ладно. Это мы слышали. Предвыборные речи. Лишь бы очернить. Скоро все наладится. Демократия идет, реформы побеждают.

— Кого? Нас?

— Искусству трудно, я знаю. Но жизнь-то налаживается?

— У жуликов — да! У проходимцев уже наладилась. У тех, что виллы да «Мерседесы».

— Ну, ты даешь!

— При коммунистах сколько квартира стоила? А так-си? А простая булка?

— Я сам коммунист. Бывший. Я знаю, как это было. У одних — все. У других — ничего.

— А сейчас? У кого «ничего», еще больше стало!

— Пантелеевич. Не серчай. Налить?

— Не буду! — разозлился Колобков. — «Наладится», «наладится». Всю жизнь это слышу. С этим и помру.

— Улыбнись, Геннадий. Мы низшую точку прошли. Теперь — вверх, в горку! Ну?!

— Не знаю. Не чувствую.

Президент взял с тумбочки несколько папок:

— Вот у меня сводки, прогнозы. Что я, обманываю? На. Почитай!

— Вы бы вышли на улицу и почитали. Что про вас пишут. На стенах и на заборах. Отсюда смотреть, не много увидишь.

Теперь и Президент помрачнел. Он медленно, вразвалочку прошелся по комнате. Сел на кровать, подумал:

— М-да...

Помолчали.

— Послушай, Колобков. А как ты меня изображаешь?

— Не хочу. Не в настроении.

— Очень тебя прошу. Уважь.

Колобков показал. Президент посмеялся.

— Надо тебе пенсию пожизненную дать... Не обижайся, шучу.

Потом он снова встал и подошел к Колобкову. Серьезно заглянул в глаза:

— Давай вот что сделаем. Ты вместо меня побудешь, а я твоим ходом выйду. Тайно. Немного пройду. Погуляю, в магазины загляну. Как раньше. При коммунистах. Проверю твои слова. А твоя задача простая. Когда охрана позволит, моим голосом скажешь: «Все в порядке, прошу не беспокоить». И все. Через часик-другой вернусь... Ну?.. Сам же хотел... Уговор?

— Хорошо. Уговор.

Президент достал из шкафа плащ, шляпу. Колобков помог ему одеться, опустил поля шляпы, подвязал шарф:

— Вас все знают. Почти как меня. А шарф повыше, повыше. Будто зубы болят...

Потом Колобков подробно объяснил, как и с какими поворотами надо идти, чтобы выбраться на улицу.

— Все! Не скучай, — сказал Президент. — Пей, закусывай... Очень там холодно?.. В машине не чувствуешь...

Он ушел, а Колобков остался. Раз в полчаса раздавался звонок.

— Здравия желаю. Говорит полковник Малышко...

Колобков отвечал голосом Президента:

— Прошу не беспокоить. Работаю.

И так несколько раз. Может, три, может, пять. В промежутках он приканчивал «Столичную». Под копченую колбаску и воблу. Потом какой-то иностранец звонил. Колобков знал немного английский, поговорили.

Потом прицелился к джину, но прилег на пять минут на диванчик. А когда его разбудил огромный животастый полковник, он не мог понять, где он и что тому от него требуется. Потом в него влили стакан какой-то мерзости, он сразу протрезвел и пришел в ужас...

4. Кот президента Клинтона

Самым главным в семействе Клинтонов был кот.

Именно кот обеспечил победу на президентских выборах, разгромив в пух и прах спаниеля Буша. Неторопливый, вальяжный, строгой черно-белой расцветки, кот знал себе цену. Пусть Хиллари думает, что она самая умная, а Билл считает себя самым красивым, кот хорошо знал: самый умный и самый красивый в Белом доме — это он, кот.

Утром кот вставал первым. Несколько гимнастических упражнений: сначала присесть, как можно дальше вытянуть передние лапы, задние при этом стоят вертикально, попка торчит, над ней перископом хвост. Затем поурчать, подойти задними лапами к передним, изогнуться дугой, до хруста в позвоночнике, расслабиться, зевнуть, показав всему миру розовую пасть, и медленно, вперевалочку, самое время — в спальню хозяев. По пути коснуться боком шнурованных ботинок охранника: так, небольшой знак внимания. У дверей, на входе — еще двое, и на крыше, и в кабинете с чемоданчиком. Не Билла, а его охранять надо. Президентов много, а кот президентский один... Охранник расплылся, хотел погладить... Вот еще!.. Два быстрых прыжка, и он — в спальне.

Так обычно начинался день. Но последнее время кот подолгу лежал, спрятав морду в лапы. Ни с того ни с сего шерсть его вставала дыбом. Он подпрыгивал, вглядывался в потолок. И служба безопасности подпрыгивала, но ничего не видела. И даже Билл не видел. А кот видел. Черные светящиеся сгустки скапливались, сращивались, зависали. С каждым днем их становилось все больше. С пронзительным свистом они прилетали с востока. Сгустки отри-

цательной энергии. Кот знал: они из России. Из бедной замученной страны. Он видел все глазами своих кошачьих родственников, слышал их ушами, страдал их болями. Их выбрасывали на улицу, отталкивали от мусорных баков. Ох, как тяжело было все это знать. Кот пытался передать свои чувства Биллу. «Смотри, Билл. Смотри, что там творится!» И постепенно его усилия стали приносить плоды. Президент мрачнел. Он требовал новых сводок. Ни с того ни с сего включал видеорепортажи. Его отношение к другу Николаю стало меняться. Он старался это скрыть, улыбался во время телефонных переговоров. Но как скроешь, что чувствуешь, даже если вместо тебя говорит переводчик.

Сегодня был особенный день. Президент послал сотрудника Белого дома за пиццей. Причем тайно, чтоб не пронюхала Хиллари. Если узнает, конец! Придется спорить, доказывать, убеждать. Как ему надоело! Единственная радость в жуткой жизни — утренние пробежки, и те... То взрыв в Оклахоме, то насморк...

Многие политики ведут себя странно, когда принимают ответственные решения. Рассказывают, что Хрущев перед каждым пленумом ЦК ел кукурузу. Кеннеди качался в кресле, а Черчилль пил коньяк. Клинтон должен был съесть парочку-другую пицц. Лучше с грибами и сыром. Или — с рыбой, если речь шла о морских державах. И когда весельчак Питкер отправлялся на служебном «Форде» за пиццей, все многозначительно переглядывались: «Питкер поехал за пиццей...» Послы отстукивали шифровки: «7-00-77» — «Питкер отправился за пиццей». Но сегодня сержанту Питкеру было строго-настрого наказано: никаких «Фордов», никаких Хилларей. Тайно, скрытно, ползком, мелкими перебежками. Пицца может быть любой, хоть с джемом. Но привезти. Живую или мертвую. Все!

И вот наконец пицца съедена.

В кабинете — Билл и самый надежный переводчик. Вернее, переводчица, Мэри Хопкинс. Она помогает ему только в крайних случаях, особо секретных. Многие думают, что у них роман — так даже лучше. Только Хиллари

знает правду и кот. Два очень близких Президенту существа. Они безошибочно определяют, с кем роман, а с кем так, деловые отношения. Перед Президентом — телефон, «особая» линия. И рядом, под крахмальной салфеткой, в старинном фарфоровом блюдечке, горстка только что поджаренного миндаля. По собственному рецепту. Чутьочку соли, немного сладкого перца и, самое главное, когда миндаль зарумянится, брызнуть, но только самую малость, кубинским шестидесятиградусным ромом. При всей ненависти к этому острову Билл не мог исключить ром из рецепта: политические симпатии — одно, а миндаль — другое. Нельзя сводить жизнь к одной работе, иначе она окажется адом.

Итак, Билл снял трубку. Мгновенно по кабелю полетел сигнал, и в ту же секунду в Кремле раздался пронзительный зуммер. Билл решил несколько минут поговорить без переводчика, пусть они не поймут друг друга, главное — услышать интонацию, почувствовать партнера.

— Хелло, Николай?! Это — Билл. Как дела? Жизнь, теннис? Ты оправился от сердечного недуга?

Неожиданно для себя Президент услышал хоть и плохую, но вполне различимую английскую речь. Елкин говорил по-английски.

— Все — о'кей! К черту теннис. Лучшее лечение — это «тринк водка». Для сердца, для всего. А у тебя как? С этим?

— Я люблю джин-тоник. Иногда пиво.

— Пиво? Класс! Я люблю черное. «Туборг», «Гиннес». Но дорого. Водка надежнее.

— Ты шутишь?

— Не до шуток. Нет «мани-мани». А как у тебя, вообще?

— Сенат надоел, а так — ничего.

— А мне — Дума. В каждую дырку лезет!

— А как реформы? Идут?

— Какие реформы? Ты о чем?

— Экономический фонд надеется...

— Напрасно! Так и передай. При коммунистах не было никаких фондов, и ничего. Как-то жили...

«Кажется, он хорош, — подумал Билл, — значит, правда».

— Ты что молчишь? — спросил Елкин.

— Думаю о твоих словах.

— Вот-вот. Не все было плохо. Раньше.

— Я не понимаю.

— А ты подумай.

Это был очевидный дипломатический намек. Неужели он хочет все повернуть? Зачем? Чтобы удержаться, вернуть любовь толпы?

— Ты что замолчал? Приходи, поговорим. У меня тут осталось. Ты где? Ну, что молчишь?

— Бай-бай! — попрощался Билл. Разговаривать дальше не имело смысла.

— И мне пора «бай-бай», — сказал русский Президент.

Билл сидел раздавленный. Неужели все сначала? Ракеты, миллиарды на оборону... Неужели все это выпадет на его долю?.. На его президентский срок. Такое мог выдержать только Рузвельт. Или Кеннеди. Но выдержит ли он?.. Надо! Надо выдержать. Хватит улыбаться. Поздравлять с днем рождения. Русские признают только силу. Америка сильная, с ней нельзя шутить. Он это докажет! Надо срочно провести учения, выдвинуть флот. Нарушить воздушное пространство. Пусть призадумаются... Но почему молчала разведка? ЦРУ? Почему проморгали?

Красавица Мэри Хопкинс наблюдала за сменой настроений на лице Билла. Если б у них был роман, она бы погладила его по седым волосам, прижалась губами, успокоила... Но она не могла это сделать. По одной причине. Ей больше нравилась Хиллари...

В кабинет ворвался кот. Он вопросительно уставился зелеными глазами.

— Ты прав, братец. Прав.

Билл погладил кота по шелковистому загривку.

— Не сердись... Мы научим их уважать Америку!

5. Потеря первого лица

Как только обнаружилась пропажа, была поднята на ноги вся служба безопасности. В потайную дверь, открывшуюся в стене, был брошен поисковый отряд. Другой отряд рассыпался по городу. Он осматривал каждый люк, каждый пролом в мостовой. Проломов и люков было много, и с предупредительными знаками, и без, но ни к одному из них, судя по безразличию собак-ищеек, не прикасался Президент. Либо он не вышел еще на поверхность, либо вышел, но в другом месте.

— Что будем делать? — спросил генерал Блинов, начальник службы безопасности. — Президент пропал. Такого у нас еще не было.

— Найдется, — сказал полковник Малышко. — Куда он в одном плащике. Ночи прохладные, придет.

— Малышко!

Блинов грозно взглянул на полковника.

— Объявляю вам выговор. Вы — лично виноваты. Неужели нельзя было постучаться, проверить?

— Стучался — не пускает. «Занят, — говорит, — работаю над указами». И голос — точь-в-точь. Сами слышали.

— А интуиция где? Где, я тебя спрашиваю, собачий нюх чекиста?

Блинов запустил обе пятерни в густые рыжие кудри. По кудрям и по этому жесту все узнавали начальника службы безопасности. И на фото, и в телевизионных новостях. Сейчас он как бы пародировал сам себя.

— Знаете что, — сказал заместитель Блинова, аналитик и психолог, полковник Катушкин. — А может, все ему надоело? Экономика, инфляция. Со всех сторон на него «бочки катят»... Погуляет — придет.

— Когда?!

Начальник службы взял со стола, из стаканчика, горсть остро отточенных карандашей и стал перебирать их, перекачивать в ладони. Так делал Президент, и так де-

лал начальник его службы безопасности. Больше никому не позволялось.

— Согласно приказу, если с Президентом что-то случается, я уж не говорю, если его попросту нет, мы должны немедленно поставить в известность второе лицо. А вы знаете, кто оно и как к нам относится.

— Да-а, — согласился аналитик. — Дрянь дело. Оно нам этого не простит. Это лицо давно под нас копает.

— Копает и копает, — сказал Блинов. — Что здесь-то он хочет откопать?

— Человек он непростой, — сказал аналитик. — Ох, непростой. Зачем ему наша служба? Он свою завести хочет.

Блинов бросил карандаши обратно в стаканчик:

— Стало быть, нельзя ставить в известность. Костыми лечь, но найти!

— А пока что делать? — спросил Малышко. — Если кто позвонит?

И в подтверждение его слов раздался звонок. По прямому проводу. Все застыли. Подойти нельзя и не подойти — тоже. Первым опомнился Малышко. Шепотом, как будто на другом конце провода могут услышать, он сказал:

— Позовем актера с голосом. Пусть что-то скажет. Как мне. Мол, «занят, ребята, прошу не мешать...».

— Точно, — тоже шепотом сказал Блинов. — Где он? В коридоре? Зови! Зови!

Колобкова втолкнули в кабинет. Объяснили, что от него требуется. Дрожащими руками он взял трубку, сразу же, по-актерски, вошел в образ.

— Да-а? — сказал он царственно. — Кто?.. А-а, это ты...

Он зажал рукой микрофон:

— Жена...

Присутствующие в кабинете согласно закивали, мол, говори, не тушуйся.

— ...Теперь узнал. Заработался, извини. Указ новый готовлю, по кадрам. Пора кобылок менять.

Колобков говорил текст, который он неоднократно «прокатывал» на публике. В этом месте зал обычно смеялся.

— ...Не смешно?.. А обычно смеются... Кто?

Ему делали знаки: пора закругляться, хватит! Уже хорошо. Но Колобкову, как актеру, не хотелось уходить со сцены.

— Извини. Тут у меня посол сидит... Из Бурунди... Нет, нет. Только чай... Честное слово... И суши... Когда приеду?

Он снова взглянул на военных. Те знаками показывали, что не скоро. Очень не скоро.

— Не скоро... Бурунди сейчас наш главный партнер. Стра-те-гический. Правильно говорю?

Это он адресовал окружающим.

— Почему неправильно? — спросил он уже в трубку. — С Америкой — само собой. И Коль, твой любимчик, никуда не денется. А у Бурунди, знаешь, какие пляжи?.. Ну, все! Если шуток не понимаешь... Когда приеду, тогда приеду!

И совсем уж войдя в образ, Колобков бросил трубку.

Все окружили его. Обнимали, поздравляли, жали руки.

— Ерунда, — милостиво отвечал Геннадий Пантелеевич. — Я и не так могу. А когда на записки отвечаю, все по полу катаются.

Он вздохнул и грустно добавил:

— Э-эх... Мне бы внешность его!

— Стоп! — сказал Блинов. — Внешности не надо. Достаточно голоса. Вот он — выход из положения. Пока не найдем, вы тут на телефоне посидите. Если жена не догадалась, то и остальные слопают. И второе лицо, и третье. И прочие лица. «Президент занят... Нет, не подходит... Да, работает над указами...» Какими? А вот Геннадий, Геннадий...

— Пантелеевич, — подсказал Колобков.

— Геннадий Пантелеевич правильно сказал. Над указами по кадрам. Тогда никто не будет задавать лишних вопросов. Ну, а в самых экстренных случаях... Ну, тогда мы вас, Геннадий Пантелеевич, попросим...

— Тогда я скажу, — согласился Колобков.

— Да. Буквально пару слов. Под нашим, разумеется, руководством...

Блинов взглянул на часы:

— На сегодня — все! Ставлю задачу. Кровь из носа, но найти! Обшарить все закоулки, все канавы. Но найти! Слава богу, не иголка. Президент. Нельзя не найти!

6. Хобби полковника Малышко

Наступило утро. Ничего хорошего оно не принесло. Президент как в воду канул.

Малышко сдал дежурство и поехал домой: хоть несколько часов поспать в родной постели.

Темно-серая малышкинская «Волга» несла его из Кремля по Новоарбатскому проспекту. Здесь все его знали, ни один «гаишник» не посмел бы остановить за превышение. Светило солнышко, все сверкало да радовалось. Горожане повылазили из своих нор, переоделись в яркое, весеннее, устремились в парки, на бульвары или просто на улицы, навстречу друг другу.

О чем думал в эти минуты полковник Малышко?.. Нет. Он думал о бабах. Ибо о них думал всегда. И в горячем «Афгане», и в морозные ночи, прогуливаясь вдоль заборов правительственных дач. Всюду, куда ни забрасывала его нелегкая служба чекиста. Лишь иногда, стреляя в падении по неясному силуэту или прыгая с парашютом в темноту ночи, он переключался. Но стоило ему с честью выполнить задание, как он возвращался к излюбленной теме.

«Волга» проскочила Новоарбатский и свернула на Садовое кольцо, по специальной отмашке милиционера. Смоленская площадь, Парк культуры, по набережной, по малой дорожке, к кинотеатру «Фитиль». Там под арку, во двор, вот и его подъезд. Приехали. Все! Скорее запереть машину, включить секретку и — «на боковую!»

Но не тут-то было. Рядом с его подъездом стоял голубой «фиатик». Капот открыт, в моторе копошится дама. Лица не видно, оно там, внутри, зато — ноги! Особенно прекрасны в таком положении.

Сон тут же прошел. Он подошел к пострадавшей.

— Что случилось?

Дама подняла головку. Короткая стрижка, веселые синие глазки, щечки с ямочками. Под одной из ямочек — грязное пятнышко.

— Не заводится. Приехала хорошо, и никак.

Малышко узнал ее. Она жила в соседнем крыле. Кажется, американка. Они давно переглядывались, кивали друг другу, но к активным действиям Малышко не переходил. Подписку давал. Надо писать рапорт, объяснять. Тьфу! В последние годы полегче, «стукачей» поубавилось. Денег, как везде, нет.

Малышко заглянул в мотор. Все оказалось проще простого. Дама перекачала бензин. Несколько хрестоматийных приемов: утопить «подсос», нажать на «газ», чтоб проветрить цилиндры... Еще раз, еще... И мотор радостно взревел.

— О! — обрадовалась дама. — Чудо, супер!

— Проверим на ходу, — озабоченно сказал Малышко. — Не глохнет ли?

Он открыл правую дверцу, дама села, и они поехали.

Двое в машине — это не двое на улице и даже не двое в кафе или за стойкой бара. Дорога, скорость, цель поездки, если она есть, и тем более, если нет, — все невероятно сближает. Тридцать километров дороги больше, чем тридцать дней знакомства.

— Кажется, хорошо.

Дама благодарно взглянула на Малышку. Он пристально посмотрел в ответ, в самую глубину зрачков. Это был его фирменный тест. Надо смотреть так, будто видишь ее насквозь. Если не отворачивается, значит, поняла. Следующий этап — дотронуться ручкой. Ручкой до ручки или пальчиками до пальцев. Лучше кончиками пальцев. Проскочит искра — порядок. Дальнейшее — дело техники.

— Мы не знакомы, — сказала дама. — Сьюз Вайс, журналистка. — И — протянула руку.

— Алексей. Алексей Петрович.

Искра проскочила. Просто садануло током. Они оба это почувствовали.

— Куда мы едем?

— Природа, — мечтательно сказал Малышко. — Солнце, весна. Все просыпается. Трава, ветер, птицы...

— Я тоже люблю природу. Но некогда. Работа, работа, работа. Русским легче. Они больше... как сказать?.. Кайфуют, да?

— Да, — согласился Малышко, хотя не кайфовал, в его понимании, месяца три.

Они миновали мост над Москвой-рекой, и теперь задачей Малышки было поскорее выбраться за город, там, неподалеку от Кольцевой, был симпатичный мотельчик, он заезжал туда однажды вместе с Глухаревым, просто так, по дороге, попили кофе и дружно помечтали, как хорошо бы оказаться здесь не друг с другом, а с каким-нибудь прелестным созданием, хотя бы на вечерок, на несколько часов. Забыться, забыться, забыться... И вот на этот мотельчик нацелился Малышко.

Они преодолели Окружную. Сьюз увидела дорожный плакат Внукова.

— Мы куда-то летим?

Похоже, она догадалась о коварном плане полковника. Искры так и сыпались из ее глаз.

— Я знаю одно местечко, — сказал Малышко. — Класс. И барчик там, и музыка. А кофе — финиш! Равных нет.

Дама все поняла. Малышко ей нравился. Ежу ясно. Просто так она бы не поехала. И чем он им нравился? Красивым, молодым и не всегда глупым — этот постриженный под «ежика» полковник, с расплюснутым носом и лицом убийцы? Что влекло их к нему? Ответ был прост. На это отвечал сам Малышко. «Загадка. Они хотят знать ответ... И что я в нем нашла?»

Они болтали о чем попало. О Багамских островах, где в прошлом году отдыхала американка, о ее женихе Майкле, о деревне Новинки под Волокаламском, где у Малышки был домик, о грибах, о родителях Сьюз, о том, как учился

маленький Алеша Малышко. Когда они подъехали к мотелю, было ощущение, что все идет как идет. Как и должно идти.

В холле мотеля висело крупно «ВЕЛКОМ». Написанное не очень аккуратно. Ножка у буквы М потекла, и капли краски внизу напоминали коготки. А в остальном — как и обещал Малышко. Музыка, бар, кофе. Но он сразу подошел к стойке с табличкой «портье». За стойкой никого не было. Лежал раскрытый канцелярский журнал, шариковая ручка на длинной веревочке и пачка зеленой «Мальборы». Из пепельницы вился ароматный дымок. Тут же из комнаты за стойкой появилась женщина в темном пиджаке и длинной, с разрезом, юбке. В разрезе мелькнули полные налитые ноги, и Малышко на мгновение подумал, что они более в его вкусе, чем уж слишком стройные ножки Сюз.

— Добрый день, — первой поздоровалась портье.

Она притушила сигарету:

— К нам? Надолго?

— К вам. Исключительно к вам, — посмотрел ей прямо в глаза Малышко.

Она не отвела глаз, а лишь усмехнулась. На вид ей было лет тридцать пять. Улыбка у нее была уверенная, чуть ироничная. Улыбка все понимающей в жизни женщины.

— Очень приятно, коль к нам.

Она все ухватила. И американку, стоящую чуть поодаль. И блестящие глаза полковника.

— Одинарный, двухместный, люкс?

— Конечно, люкс.

— День, два, неделя?

— Нет. Часа на три.

Портье вскинула черные, сильно накрашенные ресницы.

— До Бреста надо добраться. Пока не стемнело. Отдохнем — и дальше.

— Только из Москвы и уже устали?

— Машина не заводилась. Все время толкали.

— О'кей, — сказала портье.

Слово это ей явно не шло. Ей более подошло бы сказать: «Ах ты, кобель. Да я душу твою насквозь вижу. Ишь, шарики мне вкручивает. Вместе со шлюхой своей, американской». Но она только сказала:

— Сорок пять долларов.

Если бы Алексей Петрович не был чекистом с двадцатилетним стажем, он бы закричал на весь холл: «Что?! Сорок пять долларов?! За что?! За комнату с тумбочкой и хрипящим телевизором? Ты за кого меня принимаешь, стерва? За сорок пять долларов в Америке я бы...»

Но он вежливо улыбнулся:

— Йес!

Вытащил из нагрудного кармана толстый бумажник, из него пачку «сотняг», поковырялся в ней, привлекая внимание портьерши, хотя знал твердо: мелочи там нет, и, естественно, не найдя таковой, вытянул одну из новеньких:

— Сдача найдется?

— Ес-стественно.

Малышко чуть дотронулся до ее руки, когда получал сдачу, но ничего особенного не почувствовал.

— И ключик возьмите, — остановила она уже отошедшего полковника. — Вечно спешат, спешат...

Номер люкс оказался просто двухкомнатной квартирой с кухней, холодильником в кухне, буфетом, посудой в буфете, ванной и двумя составленными вместе кроватями во второй комнате.

— А как у вас, в Америке? — наивно спросил Малышко. — Матрацы такие или мягче?

Он сел на матрац и попробовал пружины. Протянул руку, приглашая то же сделать и Сьюз.

— Момент, — сказала она. — Я купаться, ванная. Потом — ты!

«Я же утром мылся», — подумал Малышко, но спорить не стал. Все шло лучше, чем он ожидал.

Американка упорхнула в ванную, раздались шорохи, скрипы, стуки, звук текущей воды. Малышко представил, что там сейчас происходит. И вдруг — крик!

Он бросился в ванную, дверь была не заперта. Сьюз стояла на самом краешке ванной, а на противоположном конце, из крана, хлестала струя кипятка.

— Я пустила вода. Горячая одна, холодная нет.

Первым делом Малышко закрутил кран. Вторым хватил из ванны Сьюз. У него аж сердце заколотилось, когда он поднял ее на руки и вынес из облака пара, как выносят пожарные несчастных погорельцев. Он делал вид, что не замечает ее наготы. Сейчас он был просто человеком. Надежным человеком и другом.

Он опустил ее на кровать.

— Я наполню ванну, — сказал он. — Она остынет, да?

— Да, — улыбнулась американка.

— Хуже, если б она была холодной, — пошутил Малышко. — Из горячей можно сделать холодную, а из холодной горячую — нет.

Он снова прошел в ванную, стал искать пробку, чтоб заткнуть слив, но не нашел.

— А, ч-черт!

Снял носок, заткнул носком дырку и пустил воду. Вода была — просто кипяток. Он еле успел отдернуть руку.

«Часа два придется ждать, пока остынет. Все деньги и уйдут. Все сорок пять долларов».

Он вернулся в комнату, присел на кровать. Сьюз успела завернуться в покрывало.

— Скоро остынет, — улыбнулся он. — Ты не торопишься?

— Конечно. Не тороплюсь.

Американке было неловко, что все так нелепо вышло, и Малышко это понимал. Он погладил ее по покрывалу и легонько поцеловал.

— Ничего, ничего. И я не спешу.

«Не спешу-то не спешу, — подумал Малышко. — Через пару часов в Кремль. Жди, пока остынет...»

— Пойду посмотрю, — сказал он. — Может, остыла?

Конечно, не остыла. Все тот же кипяток.

— Ты знаешь, — крикнул он, — уже остывает.

— Хорошо...

Он снова вернулся в комнату:

— А может, потом?.. Вот она и остынет.

Сюз опустила глаза:

— Нет, сначала... И потом — потом.

«Значит, еще и потом?! Нет! Надо срочно что-то делать!»

— Я спущусь, выясню у портье.

Когда он спустился и подошел к портье, та с нескрываемым любопытством взглянула на голую ногу, выглядывающую из-под брючины.

— У вас вода. Одна горячая идет. Сплошной кипяток. Портье задумалась.

— Да... Сегодня четверг. Холодная по четвергам на бытовые нужды.

— А ванная — не бытовые?

— Но можно остудить.

«А что, если и правда остудить? Лед там бросить или холодную долить?»

— Простите. Где у вас буфет?

— На втором этаже. Рядом с туалетом.

В буфете поразила стерильная чистота.

Все красочное, все «не наше». «Баунти», «Рафаэлло», всякие колы и херши. Пачки вакуумных колбас, сыров...

— У вас минералочки нет? Только холодной?

— К сожалению, кончилась. Вот, есть пепси.

«Взять пару-тройку «пластиков» по три литра, — подумал Малышко, — и влить в воду. Тогда быстро остынет. Только цвет будет коричневый. И что? Скажу, холодную пустили, но ржавая. Это — не страшно. Не опасно. А так она чистая. Ни бактерий, ни тяжелых металлов. Просто ржавая... Нет. Она в ржавую не полезет... Может, пивком разбавить?»

— А пиво какое?

— «Будвайзер», «Туборг»... Вам какое?

— Какое посветлей?

— Возьмите чешское «Старопрамен», датское «Принц».

- Покажите на цвет.
- У нас только в банках.
- Откройте одну.

Ядовито-желтый, как Малышке показалось, цвет любимого им датского пива несколько смутил полковника. Лучше уж шампанского взять. Точно! Шампанское! И мороженое. Такого даже у него не было. Ванная из шампанского! И мороженое!

Когда Малышко вернулся в номер, на столике стояла бутылка марочного коньяка и рюмки.

- В баре нашла. Правильно?
- Отлично! — обрадовался Малышко. — А я взял шампанское и мороженое. Выпьем? Заодно и помоемся.

Шутка понравилась, Сьюз смеялась до слез. Ему пришлось ее успокаивать, никогда не поймешь этих америкашек. Иногда палец покажешь — хохочут, а машина собьет — не плачут, тоже смеются, все о'кей!

- Пьем? — спросила Сьюз.

И вдруг что-то смутило полковника, что-то сработало в нем профессиональное. То ли голос ее дрогнул, то ли рюмки... Почему они были налиты? Заранее. У нас, у русских, могут заранее разлить. Но американцы?! Коньяк же выдыхается. Они и холодильник стараются лишний раз не открывать, с их прагматизмом.

Сьюз подвинула рюмки:

- Это — твоя. Это — моя.
- Так не пойдет. У тебя — меньше. — Он долил в ее рюмку из бутылки. Теперь обе рюмки были одинаковы.
- А мороженое?! — сказал он.

Пока Сьюз искала в буфете вазочки, пока перекладывала в них мороженое из картонного стакана, поменять рюмки местами — пара пустяков!

Выпили на брудершафт. Когда поцеловались, Сьюз задрожала и очень естественно изобразила волнение. Или показалось?

- Заметив его пыливый взгляд, она сказала:
- Прости. Я одна... Уже три месяца...

— Бедняжка, — искренне посочувствовал Малышко и пошел в ванную.

Вода была — чистый кипяток. Совсем не думала остывать. Он влил туда одну за другой пять бутылок ледяного шампанского. Люкс! Теперь можно хоть дотронуться.

И обрадованно побежал в комнату:

— Прошу вас!

Съюз мирно посапывала на диванчике. Она даже не успела как следует укрыться. Головка съехала с подушки, ножки свисали с кровати. Простыночка распахнулась, но, как говорят, «мухи отдельно, котлеты отдельно».

Малышко поправил простыночку, подложил под головку подушечку, ножки поднял на кроватку. Вот и разгадка. Вот и причина ее интереса. Не он сам, а его работа...

Он исследовал обе рюмки, в той, что сначала предназначалась ему, был маслянистый осадок. В сумочке ничего подозрительного не обнаружилось — обыкновенные дамские прибаамбасы.

«Ладно. Со шпионочкой мы потом разберемся. Пусть солдаты немного поспят... На повестке дня — портье!»

Он подхватил последнюю из купленных бутылок и побежал вниз.

Портье вроде ждала его:

— Как? Уезжаете?

— Да. Решил отметить.

— Не слабо.

Она обернулась в сторону комнаты за собой:

— Люда! Нас приглашают.

Из-за ее спины появилась девчушка в форме горничной: белый фартучек, на голове — кокошничек, туфельки на каблукке, сама прелесть и свежесть. Румянец, губки — все самое натуральное. Ни грамма косметики. Портье тут же поблекла.

— Вы из какого номера? — спросила она строго. — Из семнадцатого?.. Это не мой этаж... Там Дашка Сизова дежурит.

— Нет ее там, клянусь! — сказал полковник.

— Не мой этаж, — отрезала девушка и вернулась в комнату.

Портье с откровенной издевкой смотрела на Малышко. Он развел руками. Не везло сегодня, бывает.

Когда он вернулся в комнату — никого не было. На столике — визитная карточка. На ней — приписка: «Буду ждать».

Малышко бросился к окну. Голубой «фиатик» лихо разворачивался, по-таксистски — назад, затем вперед. И вот он уже выехал с площадки для парковки на аллею. Еще несколько секунд голубое мелькало среди белых стволов берез, и все. Только солнышко светит да птички поют.

7. Диггер Николай и его чек

«Боинг-747» и семьдесят восемь его пассажиров — туристов, переселенцев, бизнесменов, русских, евреев, двух американок и диггера Николая — приземлился в аэропорту «Бен Гурион» глубокой ночью.

Еще при подлете к Тель-Авиву, когда в черноте иллюминатора, в самом низу появилась тонкая светящаяся береговая полоска, стала расти, расти, и вот уже все внизу сияет огнями — праздник, вечное Рождество, Николай подумал, что если удастся реализовать чек, стоит задуматься о месте будущего поселения, и нельзя исключать Израиль, здесь много друзей, знакомых, и как-то жизнь его складывалась, что всегда вокруг были евреи. И в коммуналке, на Покровке, и в институте, откуда его выгнал еврей-декан, и при съемках фильмов. Он хорошо изучил все хорошие и не очень черты этой нации. Из хороших надо бы отметить, что все они неплохо знали русский язык.

Полет Николая в Тель-Авив не был случаен. Один из его самых близких друзей, монтажер Мишка, лет семь назад уехал и жутко разбогател. Открыл свой банк, купил виллу с бассейном и пальмами. Он бы во все это не поверил, но разговоры его, от скуки, по часу, когда он просто так звонит, узнать, как сыграли «Спартак» — «Динамо» и

что почем в мосфильмовской столовой. И пришел-таки от него «факс», и ходил он в посольство на Ордынку, постоял пару часов среди родной ему нации, и получил визу. Хотел лететь в мае, но встреча с Колобковым, а потом с Лениным, поменяла планы. Билет он купил прямо в аэропорту. Дал на лапу двадцать долларов, и нашлось место. Правда, в самолете он убедился, что и так они были.

Самолет совершил посадку. В огромном, залитом электрическим светом зале прилета никого, кроме пассажиров, их рейса не было.

Заполнив декларацию и ответив на несколько вопросов девушки из «секьюрити», Николай вышел наружу. Тропические ароматы окружили его. Ветерок со Средиземного моря нес прохладу и запах йода, с холмов докатывались цветочные волны, да еще — звезды, да непривычная луна, лежащая в небе «лодочкой», все говорило, что он действительно далеко от родины, очень далеко.

Водитель такси понимал по-русски. Он уехал два года назад. «Слишком много евреев, — жаловался он, — трудно пробиться!»

Николай переночевал в скромном отельчике, на окраине города. Вернее, не сомкнул до утра глаз, потому как все это время рассматривал чек и прикидывал, как правильно поступить с деньгами. Что оставить в банке, пусть идут проценты, сколько истратить на жилье, купить ли здесь дом, или в Болгарии, на Золотых Песках, где ему очень понравилось, или в Калифорнии, или на Таити — черт-те какие открывались дали. Только бы не свихнуться. До этого случая Николай только единожды видел чек. Когда австрийский бизнесмен платил ему за несколько золотых монет, найденных под зданием Центрального банка, на Неглинной. (Наверно, это было простое совпадение.) Тогда чек был на его фамилию, и он спокойно реализовал его в Болгарии. Но этот чек был совсем другой. Написан не по-русски и не по-английски. Скорее, по-немецки. Николай не знал этот язык, но различил слова «дер» и «дойч».

И цифры... И больше ничего. Колобков сказал, что чек выписан на предъявителя, но не сказал кем. Может, каким-то тайным немецким банкиром?! Кого только в этой партии не было?

С трудом дождавшись рассвета, Николай вышел из отеля и стал выяснять, где находится Мишкин банк — «Мойше-банк-бизнес». Здесь каждый пятый говорил по-русски, как на Пицунде.

Мишкин банк тоже был для русских.

Так что все удачно складывалось.

Банк находился в шикарном многоэтажном билдинге. На набережной. На третьем этаже. На остальных этажах были рестораны, магазины, отель, стеклянный лифт, как у нас, в Хаммеровском центре.

Неспокойно было Средиземное море, волны били в бетон, брызги долетали аж до третьего этажа, а снизу, где ресторан, доносились ароматы незнакомой еще восточной кухни.

Как ни странно, на этаже банка было много людей. Николай с удивлением узнавал знакомых по телевизору политических деятелей, министров, бизнесменов, представителей враждующих партий. Здесь они мирно беседовали, перешептывались, ждали, как и он, открытия.

Но какой-то запах тревоги витал в воздухе. Полуиспут, страх в глазах, всплески нервного смеха. Он потолкался среди соотечественников, ловя обрывки фраз: «...Президент... Кремль... Что? Где? Никто не знает!..» Неужели за четыре часа полета на его родине что-то произошло? Или слухи, как всегда, опережают события?

Наконец массивная дверь отодвинулась. Толпа клиентов ворвалась внутрь. Клерки явно не были готовы к такому наплыву публики... Все хотели снять деньги. Боялись, что Москва арестует счета.

Клиентов рассортировывали по масштабам операций, по количеству нулей. Николай попал в самую престижную очередь. Всего около десяти человек. Он занял за министром, к сожалению, не помнил фамилии, и пошел искать

Мишку. Его не оказалось. Он был в Швейцарии. Он не знал, что Николай прилетит в апреле.

Когда Николай вернулся к очереди, страсти накалились. Клерк объявил, что деньги кончаются, но волноваться не следует, уже отправили самолет на Кипр. «Пожалуйста, еще один господин, потом перерыв, а потом, через час, снова обслуживаем». Этим господином должен был стать Николай. Но тот, кто пришел за ним, кажется из партии «Ваш дом», сказал, глядя мимо него: «Вы здесь не стояли». Его поддержали несколько человек, также пришедших позже. Николай сказал, что он стоял, что това... э-э... господин министр, который, видимо, уже прошел внутрь, может подтвердить. «Какой еще министр?» — нагло спросил партиец... Николай фамилии не помнил. «Вот видите... Не надо врать!» — партиец пихнул Николая. Он не знал, что Николай трюкач, самбист-каратист. Через мгновение партиец совершил мягкую посадку по другую сторону холла. Никто больше не задавал Николаю вопросов.

— Садитесь, — по-русски сказал клерк. — Чем могу помочь? «Кэш?» Сколько?

Николай протянул чек и паспорт. Клерк долго рассматривал чек. Как будто он видит чеки впервые.

— Момент, — он взял трубку и что-то сказал. Уже по-еврейски. Потом перевел:

— Прошу обождать.

«Неужели фальшивый?» — подумал Николай.

Через минуту вошел другой клерк, более пожилой, более ухоженный. И пиджачок получше, и галстук.

И он с недоумением уставился на чек. И он позвонил и что-то сказал.

И вошел совсем уж «Форсайт», седой, с сигарой. Твидовый пиджак, ароматный дым, весь из себя, каким бы хотел быть Николай в его годы.

Он взял чек, долго его рассматривал, переворачивал и так, и сяк, только не пробовал на вкус, наконец сказал:

— Видите ли, в чем дело... Этот чек выписан на некоего господина... Улья-нофф... В 1916 году... Была война, ин-

фляция... много нулей, но марок меньше... Вы — Ульянофф? Нет?..

Он развел руками:

— К сожалению... Но не печальтесь... Не так много денег. Сейчас это — всего пара сотен шекелей.

Николай все понял. Это деньги за революцию. За тот запломбированный вагон. Значит, господин Ульянофф так и не получил деньги. Он сделал революцию бесплатно!

Когда шел по набережной и ветер рвал на нем рубашку, Николай вдруг вспомнил, что взял чек из левого кармана, а Колобков говорил о правом.

Николай остановился.

В Москву! Быстрее — в Москву. Пока его чек не украли.

Обратный билет у него был. Надо только поменять число и немного доплатить.

Полный вперед. Вернее, полный назад!

8. Двойник из деревни Огрызки

Над лесами и полями, над дачными поселками и шоссевыми дорогами летит вертолет. В кабине — двое. Полковник Малышко и летчик, капитан Кузин. Внизу хорошо просматривался нежный весенний пейзаж: темные квадраты полей, робкая зелень, кустики, речушки — все, что дорого сердцу каждого россиянина, его милая родина.

Цель полета — деревенька Огрызки Тверской губернии. Зачем? Почему? Что в этой деревеньке особенного? Ответим по порядку.

Прошло три дня, а Президент не находился. Колобкова увезли в загородную резиденцию, подальше от кремлевского окружения.

Официально глава государства приболел. «Ничего серьезного, простуда. Но он продолжает работать, в курсе всех дел. Иногда, если очень срочно, отвечает на звонки. На днях, как говорят врачи, сможет полностью включиться в работу и переехать в Кремль».

Но по городу поползли слухи. С одной стороны — легкая простуда, а с другой — даже близкому окружению не показывается. Ни премьер-министру, ни жене, ни пресс-секретарю.

Нет, что-то здесь не так.

Блинов надеялся, что Президент найдется. Вот-вот. Под городом, в районе ресторана «Центральный», собаки взяли след. Сейчас важно было успокоить общественность, чтоб не докопались. Показать его, хоть издалека. И тут Колобков высказал мысль... Года два назад, на гастролях, ему рассказали о двойнике Президента и показали его фото в местной газете. Сходство было столь поразительным, что в Твери, куда тот заезжал по хозяйственным надобностям, каждый раз начиналась паника, думали, что сам Президент пожаловал разобраться наконец с городским начальством. И вот туда, в Тверь, в деревеньку Огрызки, был послан Малышко, чтоб привезти двойника хотя бы на день, хоть на час, хоть на двадцать минут.

«Покажем по телевидению, сделаем фотографию, и пусть идет себе с богом».

Вертолет сбросил обороты, грохот стих, земля наклонилась, поехала вбок, под брюхо кабины, а полковнику представилось бескрайнее небо, такое яркое и голубое, что вот-вот появятся ангелы.

— Подъезжаем, — крикнул летчик. — Будешь прыгать, Петрович? — И весело заржал.

— Мы свое отпрыгали, — проворчал Малышко. — Давай на ту полянку. За кустиками.

Сели незаметно. Без ударов и толчков. Словно опустились жопой на стул.

Когда заглушили двигатель и выпрыгнули на землю, первое, что поразило, после тишины и напоенного весенними ароматами воздуха, — необыкновенно ровная зелень травы.

А когда поднялись на пригорочек, Малышко обомлел. Нет, он видал просторы покруче. И в Африке, и в Южной Америке, но то, что увидел он здесь, не поддавалось описанию. Он хорошо помнил эти места, и речушку, и этот пригорочек. Лет пять назад, когда стоял на этом месте и так же смотрел вдаль, внизу расстилались девственные просторы, поля, леса. А теперь... Асфальт, трехэтажные коттеджи. Рядом на площадке сияют иномарки. Где были тростник да кваканье лягушек, голубеет пристань, и белоснежные моторки покачиваются на волнах с легким перезвоном цепей.

— Ай да Егорыч!

Именно к нему, Егорычу, другу и управителю охотничьего хозяйства, он и направлялся сейчас. Именно он, Егорыч, обещал помощь в розысках двойника, когда Малышко, получив задание и не зная с чего начать, позвонил ему из Кремля.

А вот и он сам! Бежит навстречу. Крепкий, румяный. Простецкая внешность, челка на лбу. Обыкновенный мужик, каких у нас на каждом шагу. У каждой пивной. Но ум, быстрота, хитрость!.. А костюм!! Серый, с переливами! А рубашка, а галстук в синий квадратик!

— Малышко! Малышок — друг сердечный!

И слились два друга в объятьях. И крепко, по-мужски, вдавил каждый родного товарища в богатырскую грудь. И чуть прикоснулись щека к щеке, и отодвинулись, и посмотрели друг другу в глаза...

Рассказ Малышки о друге — Егорыче

Познакомились давно, во времена кубинского кризиса. Когда ракеты везли. Он был главным по правому борту, я — по левому. В нем тогда сто было, во мне девяносто пять. Да еще с нами по пятьдесят ребят. Такие же мордовороты. Все в чешских плащах. В Калининграде перед погрузкой выдали. Все тогда было чешское. Пиво, одежда.

Ну, и мы... Америкашки хохочут, нас сверху, с вертолетов, снимают. У одного, до сих пор помню, курточка красная, зуб золотой блестит. Рожи строит, мол, какие же вы чехи?.. Потом, накликали беду, — Прага! Дубчек. Егорыч закладывал тайники с иностранным оружием, я находил. Что-то по времени перепутали, чуть не перестреляли друг друга. Он еще не заложил, а я уже появился... Прага — так, семечки. Красивая, зараза. Шпикачки — кнедлики. Сыр такой, сыр сякой... И что им не нравилось?.. Отвлекся... Потом — в Анголе, на партизанской тропе встретились. Не узнали друг друга. Он — черный, и я не хуже... Жара — ой-е-ей! А мы — в гуталине. Солнце шпарит до волдырей. Они лопаются... И — обхохочешься. Все лицо — в белый горошек. А потом, когда антинародные силы победили... Я — в «девятку», а Егорыч сюда, в охотничье хозяйство. Вроде бы тихая должность, но опасная оказалась. Лихие охотники к нему приезжали. Особенно Хонеккера боялись, царствие ему небесное. Как-то с Гусаком по просеке идут, вдруг — утка... Гусак немного впереди, метрах в семи. И утка из болотца вылетает... Хонеккер — ба-бах! Из двух стволов. Сантиметров двадцать чешский народ тогда от похоронки спасли. Да еще Егорыч. Выпрыгнул из кустов, ружьишко у немецкого командос выбил. А может, зря?.. Может, их «бархатная» революция тогда бы и началась?

Могучий «Додж», на литых рифленых шинах, со всякими полированными «примочками», мчал Малышко и капитана Кузина по просторам акционерного общества «Русь необъятная». Хвост пыли за ними напоминал, что не все еще заасфальтировано, что Русь действительно необъятная и пыли в ней хватит не на одно поколение.

Егорыч рассказывал вздохом о своей новой деятельности:

— Зачем, понимаешь, зависеть от погоды, от урожая? За границей сельское хозяйство — не чета нашему. А мест таких нет. Вот где деньги зарыты. У них, в Европе, не продохнуть — тесно. А у нас — красота, просторы. Вот и весь

севооборот. Понял?.. Поле для гольфа видел? А раньше там картошка росла... А слева — палаточный городок, видишь? Ну, где овес сажали. Это для школьников из Арабских Эмиратов. Летом у них жара, а здесь рай. Пусть за валюту подышат. В речке искупаются. Скоро коттеджи для япошек строить начнем. Они от наших далей с ума сходят. С дозиметрами ходят, ищут подвоха. Ни людей, ни радиации. Понять не могут, только языком цокают. Я раньше косеньких не любил — китайцами всех считал. Но когда «бабки» их увидал, сам бы операцию на глазах сделал. И труженики села довольны. Кто официантом работает, кто горничной... В тепле, в чистоте. Не надо в грязи с рассвета до заката копаться. Из соседних мест к нам просятся. «Прими, Егорыч, в свое акционерное». И приму. Всех приму. «Имени XX съезда» приму. И «Путь Октября». Всех! А в соседней деревеньке Черная Грязь — комплекс для особо богатых открою. Там — клопы, тараканы. Их представитель приезжал, в полном кайфе! Восемнадцатый век — путешествие в прошлое! Где коровник был — ночной клуб. А коров порезали. Молоко, знаешь, у датчан дешевле. Ни посредников, ни налогов. Прямые поставки. Вчера из Смоленской области приезжали. «Переведи, говорят, и нас на валюту». И переведу! Если как следует взяться — всю страну можно перевести. Вот житуха начнется!

«Додж» подкатил к деревенской улочке, дома с обеих сторон были заколочены. Лишь один, на окраине, казался жилым и ухоженным.

— Здесь твой чудик живет, — сказал Егорыч. — Неплохой мужик, но немного того. На сходстве своем... Не буду наговаривать, сам увидишь. Обратно ты как? А может, останешься?.. Здесь такие куколки бродят!

И, наклонившись к уху, зашептал:

— Я дом тут, понимаешь, хочу специальный открыть. Для холостяков... Бизнес — он и в мелочах требует внимания. Так что — приезжай. На открытие, а? Почетным гостем.

«Додж» оставил шлейф пыли и унесся в необъятную даль. Малышко и Кузин направились к калитке.

Встретила их женщина. В меру полная. С хорошими глазами и вполне пристойными формами. «Если б совсем плохо пришлось, — подумал Малышко, — на пару дней затянulosь задание, нельзя ее исключать, нельзя».

— Новиков, — протянул руку Малышко. — Из газеты, корреспондент.

— Клава. Клавдия Васильевна.

Поздоровались. Рука была теплая, приятная.

Малышко взглянул в самую глубину зрачков. Клавдия Васильевна убрала руку.

— Тиша скоро придет. Проходите.

В избе уютно пахло грибами. На печи сидел серый в полоску кот и не мигая изучал полковника. Он явно догадывался, что никакой он не корреспондент, а полковник Малышко.

— Как кошечку звать? — спросил полковник.

— Мурзик, — обрадовалась хозяйка. — Только это кот. И даже не кастрированный. Тиша не позволил.

— И правильно сделал, — сказал Малышко. — В доме должен быть мужчина.

Хозяйка смутилась:

— Их у нас двое.

— Это лучше, чем один, — сказал Кузин. — Когда не только кот.

Хозяйка перевела разговор на другую тему:

— Как сейчас в Москве?

— Весна...

— И у нас весна. Только трудная. Тиша мой раньше зарабатывал. Кому дом поставит. Или крышу... А сейчас целый день бумаги пишет. Куда — молчит.

— Мы эти бумаги в газете напечатаем, — сказал Малышко. — Дадим гонорар. Вот все и наладится.

— Хорошо бы.

В сенях послышался шум.

— Тиша пришел, — сказала хозяйка.

Когда в избу вошел сам Тихон Митрофанович, и Малышко, и Кузина словно подбросило, до того поразительным было сходство.

— Сидите, — величественно кивнул двойник. — Кто такие и зачем пожаловали?

— Полковник Малышко, — сознался Малышко. — Это летчик, капитан Кузин. Скрывали до времени из целей конспирации. А пожаловали за вами. Приказ есть. В Кремль вас доставить.

Двойник улыбнулся:

— В Кремль, говоришь? А зачем? Там и без меня умников хватает. Ваня Рывкин... Чувайсы всякие...

— Без вас нельзя! — преданно сказал Малышко. — Никак. Без вас все валится. Если вас не привезу, меня за одно место подвешат.

— А где ты раньше был, полковник? Со своим этим местом?

— В Афгане был. Затем по борьбе с терроризмом. Потом с Горбачевым, до путча.

— С Гор-ба-че-вым... Ну, рассмешил. Да его не охранять, его сажать надо. Все профукал. Все. Я ему еще тогда, перед ноябрьским пленумом, говорил. А он, со своей шоблой, меня до больницы довел. Ну, ничего. Я тоже его доведу. Нас в партии всему научили...

— Тиша, — сказала жена. — Гости у нас. Я соберу на стол. Пельмени, в морозильнике. Грибочки, клюковка...

— Какой я тебе Тиша?!

Двойник грозно посмотрел на жену, потом перевел неостывший взгляд на Малышко:

— Родной человек, жена... И она в глупости верит... Не Тиша я, пойми! А законно избранный всей страной Президент! Усекла?

— Усекла, Тиша... Ну, а я тогда кто?

— Жена Президента.

— А зовут меня как?

«Президент» задумался:

— Неважно как. Не в имени дело. Я про суть говорю. А Лизка ты или Шурка — какое значение? В корень надо смотреть. И исполнять свой долг. Если каждый человек на эту позицию встанет, все пойдет. Не может не пойти. А если — нет, то чего ждать? Так и будет как теперь. У самозванца ихнего.

До Малышки дошло:

— Николай Борисович, — сказал он. — Вас ждут. Простоят требуют. Ради народа. Пора, так сказать, а? Навести порядок. Нельзя так дальше, елки-моталки. За державу обидно.

— Правильно говоришь. Верные слова. Нельзя. За державу обидно. А самозванец где?

— Ушел.

— Ушел?!

Двойник расхохотался:

— Кашу заварил и ушел. А я теперь должен расхлебывать. Ну, дела-а... А когда я письма писал, объяснял — не верили. Не отвечали даже. А когда осрамились, поверили?

— Так точно!

Главное для Малышки было выполнить задание.

— Ладно. Поеду.

Жена ахнула:

— Ти-ша...

— Опять? Опять — Тиша?! Даже полковник понял.

Малышко подумал, что не прочь перед дальней дорогой и перекусить. Тем более, был намек на пельмешки и клюковку.

— А что, если перед дорожкой по стопарю? А, Николай Борисович?

— Что вы? Что вы? — сказала жена. — Муж не употребляет. Ни грамма.

А «Президент» добавил:

— Никаких стопарей. Я вас от этих привилегий исправлю. Не грешно выпить иногда в праздник. А сейчас будни. Работать надо!

9. Новые указы «Президента»

Поздним вечером вертолет с «Президентом» опустился на площадку перед загородной резиденцией, двухэтажным, с колоннами, зданием. Еще на подлете к столице, увидев вспыхнувшие на горизонте огни, «Николай Борисович» поморщился:

— И не жалко света? Кто платить будет?

— Страна богатая, — ухмыльнулся Кузин. — Заплатят.

— Сильно богатая, — сказал «Президент». — Столько грабят, все разграбить не могут.

А когда вертолет пошел на снижение и можно было разглядеть отдельные рекламы и световые надписи на крышах, он и вовсе разозлился:

— Все не по-нашему. Для кого? Кто читать будет? «Самсунг» ... Чего — «сам»? И куда «сунг»?

— Фирма такая по ремонту телевизоров, — сострил Кузин.

— Так надо было и написать: «Ремонт телевизоров».

Генерал Блинов и несколько его заместителей ожидали вертолет на веранде. Мрачное настроение не поддавалось описанию. Поиски настоящего Президента и сегодня ни к чему не привели. Рыжая шевелюра Блинова в свете взошедшей луны казалась поседевшей.

Вертолет сел и заглушил двигатели... Свита направилась к нему.

— Здравия желаю! Как долетели?

— Хорошо долетел, — не очень благосклонно ответил «Президент» и направился к крыльцу.

Вошли в центральный холл, и при свете хрустальной клумбы, свисающей с потолка, все увидели невероятное сходство, будто сам Николай Борисович прилетел и вот сейчас пошутит, или устроит разнос, или еще что-нибудь, в зависимости от настроения.

— Что уставились? Пошли в кабинет!

В кабинете «Президент» внимательно все осмотрел: свой письменный стол, часы, тумбочку с телефонами,

пульт связи. Затем сел в рабочее кресло с высокой спинкой, прижался к мягкой, цвета кофе с лимоном, коже. Снял трубку с первого попавшегося телефона. Трубка не подавала признаков жизни.

— Почему молчит?

— Временно отключили. Профилактика.

Он снял другую трубку.

— И здесь профилактика?

— И здесь, Николай Борисович.

— А если случится что? Землетрясение, террористы. Как я узнаю?

— Давайте договоримся, — мягко сказал Блинов. — Вы пробудете здесь день, максимум два. Завтра возьмете у посла Маврикии верительные грамоты. Желательно молча. Помашете журналистам ручкой, улыбнетесь. И все!.. Вы заболели. Грипп. Если уж очень срочное: Клинтон позвонит или Коль — здарсьте, до свидания, остальное — переводчик. Ну, а через день, два, когда все утрясется, вас отвезут в родную деревню. Денег дадут. Лошадь там себе купите или трактор. Как захотите...

— Вот что, Блинов, — сказал «Президент». — А теперь послушай, что я скажу. Телефоны и связь включить немедленно. В противном случае приму крайние меры. Выступлю по телевизору и обращусь к народу. Или дам интервью, или к силовикам прибегну. Тогда за все мне ответите. И за развал, за все. И за самозванца тоже.

К такому обороту никто не был готов.

— Помилуйте, Николай Борисович... Но...

— Без всяких «но». Развели тут, понимаешь... Как при Брежневе.

Блинов прикинул варианты. Скрутить «Лжедмитрия» и отправить в Лефортово. А если настоящий не найдется?.. Нет! Надо тянуть. Как с террористами. Попытаться задобрить, уговорить...

— Включите связи! — скомандовал Блинов.

Любимый кот Сюзик, которому посвящена книга
с этим названием.

Презентация книги «Тайна кремлевских подземелий». В этом событии участвовал сам герой — президент Николай Борисович Елкин.

Вручение литературной премии за вышеназванное произведение. Президент почему-то проигнорировал столь торжественное мероприятие.

Празднование 10-летия издательства «Самовар», с которым автора связывают творческие и дружеские отношения. Под маской Деда Мороза — писатель и шоумен Михаил Мокиенко, под маской Аркадия Арканова — Аркадий Арканов.

Сеул. Открытие Международного анимационного фестиваля. Чтобы не оставлять отпечатков, почетным «открывальщикам» выдают белые перчатки.

Любимец миллионов зрителей Савелий Крамаров!
Когда-то, очень давно, он поставил меня на водные лыжи.
С тех пор я на них ни разу не вставал.

Перед съемками «Спокойных ночей» надо обсудить, как
и по какой системе озвучивать роль Кеши.

Самый главный в издательстве «Самовар» Александр Шевченко рядом с любимым автором на присуждении премий «Золотой Остап». На этот раз ничего не дали.

А на этот раз, кажется, дали.
Ансамбль «До-ми-солька» приветствует всех участников этого события.

«Блеф-клуб» — единственная телевизионная передача, которая не скрывает, что обманывает.

Слева направо: художник и писатель Аркадий Шер, художник и певец Александр Алир, постоянный ведущий Сергей Прохоров и я.

Вот мы и приехали в «Артек». «Артек», «Артек»! Не забудем вовек!» — так поют артековцы. И это правда. Забыть

фестиваль детских фильмов и некоторых взрослых невозможно. Председатель жюри режиссер Исаак Магитон, любимец взрослых и детей Аркадий Якубович.

Одна из тусовок. Вечер Сигар. Автор не курит, но ради такого события, среди таких людей... «Да-а-вай закурим, това-ааа-рищ, по о-одноooooooooooooой!»

После успешных концертов в Хельсинки (об успехах говорит огромный букет) можно и прокатиться на пароме до Стокгольма.

— Так-то лучше, — сказал «Президент». — Одумался, молодец. Может, и дальше на лад пойдет. Соедините меня с премьер-министром.

— Помилуйте. Двенадцать ночи. У него утром встреча со своим блоком.

— Ничего. Там и выспится.

Блинов снова кивнул. Помощник нажал несколько кнопок правительственной связи. Раздался по-военному четкий голос:

— Лейтенант Попков слушает.

— Попков? Говорит Блинов. Можно Степана Викторовича?

— Он спит.

— Приказано разбудить.

Через несколько минут раздался сонный голос премьера:

— Ну, что там еще случилось?

«Президент» взял трубку:

— Завтра поговорим. Спокойной ночи!

И кинул трубку на аппарат:

— «Что случилось?!» Ему — мало... «Что случилось...»

Он с трудом успокоился:

— А теперь — самое главное... Указы... Малышко, принеси. Они — в вертолете, в моем чемодане. Тащи быстрее!

Малышко хотел сказать «пару ласковых», но Блинов подмигнул. Мол, хрен с ним, потерпи. Скоро разберемся.

Полковник вышел. Все угрюмо молчали. Блинов думал, как, с какого края зайти, чтоб повернуть ситуацию?

— Принес? Молодец!

«Президент» раскрыл замки обтрепанного чемодана. Из-под рубаш, полотенец, сала, кальсон достал картонные с тесемками папки. «Дело № 1»... «Дело № 2»... и так далее.

— В первой — борьба с преступностью. Самое важное. Если не обуздаем, грош нам цена. Тогда остальное можно и не смотреть.

Блинов потянул за тесемочки, развязал бантик, стал просматривать исписанные от руки листы бумаги. Он умел скрывать свои мысли, но на этот раз не вышло.

— Помилуйте. Но нельзя же так. За взятку — расстрел.

— А страну разорять можно?

— Ну, хорошо, — Блинов решил смягчить ситуацию. — Когда в особо крупных размерах... Предположим... А если человек первый раз взял, сотнягу-другую? По глупости. Что же, сразу к стенке его?

— Да! Чтоб больше не брал.

— А семья? Дети? Будем сирот плодить?

«Президент» задумался. Неожиданный довод на него подействовал.

— Семью жаль. И детей. Хорошо. Давай осадим. Расстрел — в крайнем случае. Когда много берут.

— Что значит много и что значит мало? — На помощь Блинову пришел его первый «зам» — полковник Кариков.

— Много? Для меня и двадцать тысяч много, — сказал «Президент».

Кариков пожал плечами.

— Двадцать? За них и квартиру не купишь. Это — в круиз сплавать да в «Арлекино» сходить.

Стало понятно, что присутствующие говорят на разных языках.

— Понимаете... Николай Борисович, — вмешался Блинов. — Ваш указ противоречит кодексу. Нельзя менять статьи, меру пресечения. Задержание — да. Как в прошлом году. Установили месяц, пожалуйста. Никто и не пикнул.

— Тогда так и сделаем. Увеличим задержание. До пожизненного. Кто доживет — отпустим.

Блинов полистал другие папки. «Права органов милиции... Трудовые лагеря... Выдворение иностранных граждан СНГ... Таможня и пошлины... Лицензии и налоги... Наука и культура...»

«Президент» расширял права органов милиции, ужесточал таможенный режим, увеличивал налог на капитал. Многие его идеи высказывал и сам Блинов. К сожалению, появлялось второе лицо и все портило. Вечером, в хорошем настроении Президент соглашался, а утром оно появлялось.

Много, много тут есть полезного... Опубликовать — вот начнется! Впрочем, народ будет рад. Вот здесь, в третьей папке. «Увеличить минимальный оклад до прожиточного уровня бизнесмена». А деньги где взять? Найти волшебную палочку? Или золото партии? Вот было бы здорово! Да-а... Если опубликовать, второе лицо хватит «кондратий».

Эта мысль была настолько неожиданной, что Блинов улыбнулся.

— Ты че? — заметил его улыбку «Президент».

— Так...

«Много, много здесь ценного. Придет настоящий — поймет. Покричит, обматерит и успокоится. Он и сам не против. Только надо начать».

— Ну? Будем печатать?! — спросил двойник.

Блинов завязал тесемки, сложил папки, одну на другую.

— А я тут при чем? Вы — Президент, решайте.

10. Ширится волна протеста

В Москве, на Пушкинской площади, теплым субботним днем состоялась демонстрация. Трудно было предположить, что ее участники, настроенные весьма агрессивно, представляют одну из самых мирных категорий общества — наше славное чиновничество. Многие скрывали лица под низко надвинутыми кепками и шляпами, оно и понятно, работало телевидение, щелкали затворами корреспонденты — кому охота показывать лицо в свете новых указов.

Жара стояла невероятная, совсем не апрельская, не только асфальт, тела плавилась. Ни облачка, ни тучки. Лишь отдельным счастливым повезло, кто попал в тень великого поэта, слева от бронзовой спины. Но таких были единицы. Тень поэта была хоть и длинная, но тощая. Остальные же, и в их числе полковник Малышко, изнемогали от жары. Три банки «Туборга», выпитые за обедом, выходи-

ли из всех пор малышкинской кожи, щекотали спину, заливали глаза. Полковник ничего не знал о предстоящей демонстрации (это было не по их ведомству) и назначил свидание здесь, у памятника, а теперь ищи ее...

— ...выражаю решительный протест непродуманным действиям Президента! — выкрикивала со ступенек толстая бабенка. — У меня сын, маленькая дочь, муж-алкоголик. Да. Беру взятки. Беру и буду брать!

Собравшиеся зааплодировали.

— А что мне? На панель идти?!

«Там тебя только и ждут», — подумал Малышко, вспоминая стайку ухоженных «курочек» у «Националя».

— А я скоро выйду на пенсию, — говорил оратор в шляпе с подшитой вуалью. — Я садовнику плачу в месяц больше, чем получаю за год. И за это меня будут сажать?

Малышко, как ледокол, раздвигал толпу. Всматривался в каждое симпатичное женское лицо. Лица не догадывались о причинах его внимания и старались побыстрее спрятаться.

Микрофон взял крепко сбитый мужчина в маске сварщика. Узнать его было невозможно, но голос...

— ...Вы с другого конца на проблему взгляните. Станет ясно, кому нужны такие указы. Взятка — не только взятка. И не столько. Это самый быстрый способ решить дело. Без нее все развалится, замрет. Заводы, транспорт, такси. Где достать бензин, зерно? Кто просто так даст?! Этого они добиваются? Долой антинародный указ! Долой антинародную масонскую политику вождей!

Толпа с энтузиазмом подхватила:

— До-лой! До-лой!!

Кто-то запел:

— Весь ми-иинир... на-силь-я мы-ыы...

Малышко кожей чувствовал, что становится опасно. Он выбрался у «Известий» и лишний раз убедился в чувствительности своей кожи. Милиционеры, стоявшие группками, то тут, то там, у подземного перехода, у «Макдоналдса»,

у входа в метро, пришли в движение, взяли «наизготов» палки. Откуда ни возьмись, подкатили зеленые автобусы. Из них выпрыгивали ребята в форме курсантов. Начиналось действо, согласно одному из новых указов Президента.

И тут он увидел Сьюз. В легкой цветастой кофточке, короткой мини. Стройную, обворожительную, с веселыми глазками.

— Хай! — сказала она. — Я первая тебя увидела. Ты устроил все это? Чтоб я тебя не нашла?

Полковник, может быть, впервые, по-настоящему, вдруг захотел забыть свой план, согласно которому надо выяснить, кто такая Сьюз, на кого она работает, что ей удалось выведать и с какой целью она пытается соблазнить охранника Президента.

— Куда мы пошли? Дом кино? Там пресс-конференция. Это моя работа. О'кей?

— О'кей!

Малышко любил Дом кино. Особенно его ресторан. Недорогой, по сегодняшним временам, демократичный. Там можно было оказаться за одним столиком и с режиссером, и с фотомodelью, и с торговцем оружием. Или со всеми вместе.

— Как добрался? Жена ругалась?

— Била сковородкой!

— О?!

— Пощупай — шишка.

— Что есть «шишка»?

Малышко приложил ее руку к своему многострадальному черепу, где был костяной нарост после удара гранатой. Во время штурма дворца Амина. К счастью, граната не взорвалась. А бросил ее капитан Зубов ночью. В аминовский «Мерседес». Не зная, что там, в засаде, Малышко.

Сьюз оценила шутку:

— У тебя сильная жена. Не болит?

— Сейчас лучше. Ты еще и врач? А еще кто? — с намеком спросил Малышко.

— Еще?

Сюз выпучила глазки, будто не понимая подтекст:

— Еще — спортсмен. Теннис, виндсерфинг. Люблю путешествовать.

— И все?

Она засмеялась:

— Много будешь знать, скоро состаришься. Так у вас говорят? А я не хочу. Я хочу, чтоб ты был молод. Как теперь.

И опять Малышке захотелось про все забыть, не строить интриги этой прелестной шпиончке, остановить первую попавшуюся машину, бросить ее на заднее сиденье и мчаться, мчаться, куда — неважно, пока не кончится бензин или деньги. «Выйду на пенсию, только так жить и буду. Пошла она, эта работа!»

У Дома кино бурлило и переливалось людское море. Волны его пытались смять дежурных, как в дни самых громких премьер.

В главном, большом зале шла пресс-конференция. Председательствующий отвечал на вопросы собравшихся.

— Правда, что будет проведена тарификация?

— Правда. Президент предлагает всех работников кино разбить на три категории. Первая — хорошие. Вторая — не очень хорошие. Остальные — третья.

— Не понял. Если я не очень хороший режиссер. Ну, будем говорить прямо — плохой. Что ж, я и фильмы не могу снимать?

— Можете. Каждый режиссер может снять фильм. Мы дадим деньги. Но если фильм не окупится, мы с вас вычтем.

— То есть как?

— Ну, опишем ваше имущество, мебель.

— А если не хватит?

— Если не хватит, будете отрабатывать. Вы и члены вашей семьи. Ваши друзья, наконец.

Зал недовольно загудел. Такая перспектива не всем нравилась.

— А на что жить?

— Мы откроем сеть благотворительных учреждений. Дома питания, прачечные, баню.

— Это унизительно! — заорал со своего места известный всей стране гений. — При коммунистах не давали снимать, и сейчас не лучше! Только жулики снимают на бандитские деньги.

— Вы хороший режиссер? — коварно спросил председатель, хотя и знал про гения все.

— Очень хороший. Слишком, для этой страны.

— Тогда — уезжайте. А если хотите здесь снимать — можете не снимать, а просто получить определенный процент стоимости неснятого фильма. Для всех это будет выгодней!

Зал опять загудел. Гений вскочил с места и стремительно сбежал по лестнице. Все знали — он бежит в бар. Там он закончит вечер, напившись до бесчувствия, проклиная прежних и новых хозяев.

Объявили перерыв. Малышко и Сюз вышли из зала и направились к бару. К Сюз сразу же подошли несколько кинематографистов.

— Как тебе все? А? Сюз?!

— У вас очень неожиданная страна.

Сюз была в центре внимания, как рыба в воде. Она кокетничала, смеялась. Малышке стало обидно, что о нем забыли. Он подошел и тихонечко шепнул ей на ушко:

— Если ты не прекратишь, я громко объявлю, что у тебя под правым соском — родинка.

Кинематографисты замерли, никто не мог понять, что общего у этого животоастого и не первой свежести мужчины с изящной остроумной журналисткой.

— О! — засмеялась Сюз. — Позвольте представить. Мой друг...

— Новиков, — сказал Малышко. — Из Звездного городка. Все облегченно зашумели:

— А у вас как? Тоже новости?

— Скоро запускаем, — сказал Малышко. — На Марс летим.

— Да?!

— Да. Двое. Мужчина и женщина. Надо проверить. Как там, в невесомости. Без земли под ногами.

Все заржали. Юмор Малышки был понятен кинематографистам.

— И вы летите?

— Лечу, и не один.

И Малышко многозначительно посмотрел на Сюз:

— Извините. Нам пора. Тренировки.

Он взял Сюз под руку и, чувствуя завистливые взгляды киношников, повел к выходу.

Новенькая «девятка» с молчаливым, коротко подстриженным «качком» и гремющей на всю улицу музыкой быстро, за какие-то пятьдесят тысяч, домчала их к родному дому, на Фрунзенскую.

— Ко мне нельзя, — сказал Малышко. — Жена.

— Тогда ко мне?

Они вошли в подъезд.

— У нас жил бомж, — сказала Сюз. — Милый такой. Там была его кровать. Умер. Я так плакала.

Вошли в лифт.

— Я снимаю квартиру. Три комнаты. Здесь жил профессор, жена и дочь. Три человека. Мне сдали, сами сняли однокомнатную. Представляешь?

Квартирка была ухоженная. Полы сияли лаком. Много книг. Мебель роскошная, почти антикварная. Все со следами богатства коммунистической эпохи.

— Где тебя принимать? Иди сюда, садись в кресло. Немного жди.

Сюз включила музыку, стала порхать туда-сюда, каждое ее порхание приносило на столик очередную вкуснятину: маслины, сыры, огурчики-помидорчики...

— Что будешь пить? У меня есть практически все. Джин, скотч?

— Если все, тогда — водка.

Как и Геннадий Колобков с третьего этажа, Малышко любил сразу пропустить стаканчик.

Выпили. Малышко — водку, Сюз — красное, испанское. Закусили. Сюз — сыром, Малышко — огурчиком.

— Извини. Я там заснула. Не обиделся? Мужчины обидчивые. Хуже женщин.

Малышко подумал, что именно сейчас, когда возник контакт, пора приступать к операции. Сюз словно прочитала его мысли.

— Есть вопросы? Хочешь, я сама объясню?

Она вспорхнула, нажала кнопку на магнитофоне, выбросила одну кассету, вставила другую. Сквозь треск и шорохи Малышко услышал свой голос и еще чей-то. Ба! Голос портьерши.

Сюз аппетитно расхохоталась:

— Это когда я спала. Ты не терял времени. Да?

Она перемотала пленку, снова щелкнула кнопкой.

Теперь Малышко слышал свой разговор с Блиновым.

— Хватит?.. Извини за качество. Очень сложно было. Хочешь знать как? Маленький передатчик. Такой маленький, маленький. Меньше горошины. Такой совсем крошка. Ты его проглотил, а-ам! Вместе с мороженым. Он там, внутри...

Сюз похлопала Малышко по животу.

— Не бойся. Его там нет. Он... Как сказать по-русски? Ушел... Погиб. Понимаешь? Я не знаю, что было дальше... Скажи. Моя работа такая. За это я получаю деньги. Поделюсь. А? Бизнес. Ты и я. Нет? Тогда эту кассету подарю Блинову. Ну?

Малышко подумал, что бессмысленно отнимать пленку. У нее есть копия. Внизу, у противоположного крыла дома, стояла его серая «Волга». Влить ей в ротик пару бокалов водочки и увезти, а там разберемся.

— Стоп! — сказала Сюз.

И Малышко разглядел в ее ручке маленький пистолетик. Она целила им прямо в лоб.

— Пожалуйста. Я не хочу стрелять. Ты мне нравишься. Правда. Где Президент? Арестован? Убит? Скажи, и все будет дальше. Все! Я очень хочу. Клянусь.

«Дурочка ты моя, — ласково подумал Малышко. — Ты моргнуть не успеешь, как пистолетик отлетит в угол, и ты будешь лежать на полу, а я, сидя на твоей аппетитной почке, заломив твои ручонки назад...»

И все произошло. Почти так, как представлял Малышко. Но не совсем.

Девяносто пять килограммов его тела взлетели, как пушинка. Правая рука взмахнула, чтоб выбить оружие, левая вытянулась вперед... Но Сюз словно растворилась в воздухе, и «малышкинское» тело грохнулось об пол, Сюз резко крутанула руку. И вот она на нем и снова целится пистолетиком.

— Спокойно, любимый.

С этой точки, снизу, она была особенно хороша. Просто прелесть. Румяная, азартная. Кофточка порвалась, и две зазорные грудки вырвались на свободу.

Сюз проследила восторженный взгляд Малышки.

— Ой!

Она дернулась, чтоб прикрыться, и Малышко взял реванш. Он обхватил ее всю. Вместе с пистолетиком и порванной кофточкой, прижал к себе.

— Пусти!

Но он не отпускал, а старался дотянуться губами до ее разгневанных губок. Все ближе и ближе, пока не увидел огромные без берегов глаза. Она дрогнула, обмякла. Что-то стукнуло — это выпал из рук пистолетик...

— Постой, — сказала она шепотом. — Не обману, правда. Ванная, понял?

Малышко разжал объятья. Сюз приходила в себя. Она встала, поправила наконец кофточку. Прошла в ванную. И оттуда вдруг раздался веселый хохот.

— Что случилось? — крикнул Малышко.

— Холодная, понимаешь? Теперь холодная. Одна. Нет горячей. Наоборот.

11. Русалка и чудовище

Страна была взбудоражена новыми указами Президента. Население ломало голову: кому в результате будет плохо? Если бандитам и жуликам, как выглядит по первому прочтению, так и надо. А если за всем скрывается более тонкий маневр? Жулики и проходимцы всегда выкручиваются, на то они и жулики, а вот остальным что делать?.. Пенсии обещают прибавить, цены снизить — неспроста. Ой, неспроста! Правильно в газетах пишут: инфляция подскочит, и чтоб ее обуздать, всех будут сажать.

В Думе разразился скандал. Что с Президентом? То он болен, а то вдруг появляется, принимает у посла Маврикии грамоты. И виду у него цветущий, будто с курорта приехал, ручкой помахал, величественно, без слов. Правой. А левую почему-то держит в кармане. Ту самую, где не хватает мизинца. Раньше у него никаких комплексов по поводу недокомплекта не было. Наоборот. Он как бы всегда подчеркивал. Мол, нет, и не надо. Не суть важно для большого политика. Не палец главное. Что же случилось теперь?

Фракция коммунистов выступила с требованием освидетельствовать Президента: способен ли он управлять государством. Одной-то рукой?

Коммунистов поддержали либеральные демократы: почему Президент прячет левую руку в кармане? Что он там делает? «Девушки России» возмутились: неважно, что он делает, это не повод для освидетельствования. «Не повод?! — завизжали либералы. — Тогда надо освидетельствовать самих «Девушек».

Скандал разрастался. А Президент снова исчез. Пресс-секретарь заявил, что он в загородной резиденции, проходит курс реабилитации после воспаления связок. Осложнение явилось следствием операции на среднем ухе около года назад. Сначала не обратили внимание, думали, могучий организм справится, ан нет. Ни зарядка, ни купание в ледяной воде не помогли. Но ничего. Каких-то пару-тройку дней — и он снова ко всему приступит.

Второе лицо без устали накручивало «вертушку». По приказу Блинова ему отвечали, что Президент не может говорить, только пишет. Скажите вопрос, вам напишут ответ. Второе лицо продолжало требовать и наконец пригрозило отставкой. Тогда Блинов призвал Колобкова. Все это время Геннадий Пантелеевич находился рядом, в апартаментах для почетных гостей, вкусно ел, пил свое любимое датское пиво, заигрывал с медсестрами — короче, постепенно отходил, оживал, расцветал после многомесячной «рыночной блокады». Иногда его подзывали к телефону, и он голосом Президента что-то произносил. На этот раз он, по приказу Блинова, популярно объяснил второму лицу, что своей отставкой оно никого не напугает, если хочет, пусть идет. И не только в отставку. Но и дальше... Со всем кабинетом. Еще кое-кто их валютные счета проверит, понимаешь... Звонки прекратились. Больше всего напугал здоровый и сочный голос Президента. Не было и намека на связи.

Но Блинов понимал: это не выход. Рано или поздно Президент должен поправиться и вынуть левую руку из кармана. И тогда все обнаружится. Эх, нашелся бы настоящий! Но — увы. Сотни сотрудников обшарили подземелье. Увы и ах! И выйти на поверхность он не мог. Собаки бы взяли след. Каждый люк, каждый пролом был обнюхан. Что же, что же делать?

Выход был подсказан самим законно избранным всей страной «Президентом».

— Не надо будоражить народ; хрен с ним, с мизинцем, бывает и похуже отрезают, пусть все будет как у «самозванца».

Таким образом, решение принято. Но как его осуществить? Быстро и без потерь. Сам палец не в счет. Без потерь политических. Без слухов и сплетен. Центральная медицинская больница всегда славилась самым высоким уровнем. Оттуда до неба — один шаг. У многих начиналось с пальца. Поэтому решили к ней не прибегать. Разведка донесла, что в нашей стране есть только один гений по отре-

занию и возвращению на место любых конечностей. Хотите — аппендицит, хотите — соринку из глаза вместе с глазом. Палец для него — тьфу! Семечки... Но сложность одна. Институт его разогнали, там сейчас центр по подготовке менеджеров для Приокско-террасного заповедника. Говорили, что гений продает свой талант «новым русским». Меняет им пол или внешность. Кому что надо. У одних сексуальные проблемы, у других — с милицией. Найти его практически невозможно. Знает его местонахождение только один человек. Тоже в своем роде гений. Физмат Васильевич Тягунов.

Вот скажите: где должна находиться Русалка, на каком краю бассейна, когда ее преследует Чудовище? Детская игра, забава?.. А если идет атомная война? И «Чудовище» — их подводный флот, а «Русалка» — наш? Но наступила конверсия. Не до «русалок». И обосновался Физмат Васильевич на старом Арбате, у бывшего магазина «Книга», по соседству с нынешним баром «Гиннес». Только однажды за два года торговли его пытались вернуть к основной профессии. Появился симпатичный человек с прозрачными глазами и спросил: правда ли, что Физмат Васильевич именно тот, кто играл с «Русалкой» и «Чудовищем»? «Правда», — ответил польщенный Физмат. А не хотел бы он сыграть в другую игру? «Русалка» — один кандидат, хороший. А «Чудовище» — другой, плохой. И есть еще... нет, не бассейн, а машина голосования. Избиратели приходят на выборы и нажимают кнопки. Одни голосуют за «Русалку», другие — за «Чудовище». Но при любом количестве нажатий проходит «Русалка». «Как это?» — не понял Физмат. «А это уж ваше дело...» Больше ему работы никто не предлагал.

В это весеннее утро Физмат Васильевич чуть припозднился. Шалило сердечко, и он полечил его в «Гиннесе» водочкой и томатным соком. Физмат разложил столик, достал из «дипломата» ордена и медали, протер их замшевым лоскутиком. Лоскут был отрезан от замшевого пальто, подаренного министром еще во времена «бассейнов». Пальто

было длинное, пятый рост, другие роста ушли налево, и оказалось настолько длинным, что подметало лестницы; в министерстве — ничего, а вот в его «хрущобе»! Поэтому Физмат полы отрезал, а само пальто продал, вернее, обменял на три бутылки «Перцовки» во времена антиалкогольной компании. Сын его, от первого брака, очень был рад этому обмену. А потом сын стал «челночить» к китайцам и выбросил это пальто. Был жаркий день, сын потел и думал: «А зачем оно мне? Грязное и старое?» И выбросил. И достал из огромной сумки новое, кожаное, там было еще таких пять. «И что я все время это мерзкое пальто носил? Тыфу!» И — в мусорный контейнер. Потом его еще Митька-костыль достал. До сих пор носит.

Только Физмат Васильевич выложил ордена и медали, только протер их лоскутиком от пальто... И «За освобождение Одессы» протер, и «Мать-героиню», и «Отличника боевой и физической подготовки»... Кстати, по причине лечения сердца он не обратил внимания, что ни справа, ни слева торгующих не было. Ни Левы с матрешками в виде членов бывшего Политбюро, ни Мани с «хохломой» из комбината слепых. Никого. Как подошел к нему клиент. Симпатичный. С прозрачными глазами. Подошел, потрогал ордена и медали и спокойно спросил:

— Папаша. А этот, «50 лет Академии»... Он почему?

— По двадцать, милый, — ответил Физмат.

— А этот? «Труженик Космоса»?

— Этот? Этот — пятнадцать.

— А «Ветеран Подмосковья»?

— Тоже пятнадцать. Бери все, за сорок отдам.

— Мне все не надо, — усмехнулся клиент. — Все — много. Не заслужил.

Он перебирал знаки отличия, подбрасывал их, как бы пробуя на вес, искоса поглядывал на Физмата Васильевича.

— А чьи это медальки, твои?

«Начинается, — подумал Физмат Васильевич. — И чего я не уехал в Штаты, в Силиконовую долину? Ведь звали, умоляли».

— Мои, миленький, мои.

Физмат говорил правду. Основной товар здесь был его, личный. Но лучше продавались чужие, боевые.

— Да ты у нас герой! — восхитился молодой человек. Но как-то с издевкой, не по-настоящему.

— Может, и герой.

— И ученый, и почетный?

— Покупаешь или нет? — стал заводится Физмат.

— Может, ты еще и лауреат премии Государственной? — не унимался покупатель.

Это был явный перебор. Физмат Васильевич не выдержал. Ненависть застлала глаза. Так было всегда: и в академии, и на встречах в правительстве. В эти мгновения он не думал о последствиях. И он заорал на симпатичного молодого человека:

— Да. Рожа твоя чекистская! Да. Я — лауреат.

И распахнул полы своего плащика.

На старом, в «кольчужку», свитере, том самом, что связала Лизуня до ухода ее к Слепушкину, который подсел его в ученом совете, сияли два лауреатских значка, оба выданные ему по закрытому списку. Он никогда не продал бы их, только в крайнем случае, когда уж совсем было б не на что водочки купить.

— Может, и их возьмешь?! Я — лауреат. Я государству нашему славу создал, а ты кто? Стукач! Ты что создавал? Я теперь славу свою продаю, а ты на мне снова жируешь!

Молодой понял, что перехватил. Он оглянулся по сторонам:

— Тихо, папаша. Тихо... Указы читал? Нельзя больше славой народной торговать. Понял? Если ты гений, должен явиться по адресу прежней работы. Вот, смотри.

И протянул свежий номер газеты, которую, конечно же, как и все другие, Физмат Васильевич не читал по принципиальным соображениям.

Неожиданно сбоку подошел большой крепкий мужчина, он отодвинул молодого в сторону:

— Превышаете, лейтенант.

По-хорошему обнял Физмата:

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Надо поговорить.

Физмат Васильевич хотел его оттолкнуть, но учуял еле ощутимый запах любимого напитка, и это, и весь облик животастого, уверенная сила, добродушные желтые глаза на бандитском лице, внушали доверие.

Прямо по тротуару подъехала белая «Волга».

— Вещички не забудьте, — сказал животастый. — Помоги, лейтенант.

Потом уже, в светлой уютной комнате, лейтенант долго извинялся, а полковник Малышко разливал по стопкам ароматный греческий коньячок. Под рыбку, под лимончик, под рассказы про Амина и Дубчека, под чаек с пирожками. Потом рассказывал Физмат Васильевич. Под «височку», под кофе с орешками. Как важна его профессия для страны, сколько народу уехало, какие это были головы, какие светильники разума...

Сошлись на том, что раз снова их призывают, значит — поняли наконец. И со спокойной душой Физмат Васильевич продиктовал адресок ближайшего друга.

12. Операция «Мизинец»

Операция «Мизинец» прошла удивительно быстро, за какие-то пятнадцать минут. Гений смазал рану собственной конструкции мазью — и рана тут же, на глазах изумленной публики, затянулась. Впрочем, никакой публики не было. По требованию гения все сотрудники Блинова были удалены. Осталась лишь одна медицинская сестричка, проверенная до десятого колена, включая ее собственное. И все было бы хорошо — замечательно, распрекрасно-удивительно, но...

В этом «но» и проблема. Гений удалил мизинец не с левой руки, как требовалось, а с правой. Как? Что? Почему?! Кто недоглядел? Все недоглядели. Нельзя идти на поводу у гениев. А то они такого натворят, что нам, негениям, всю жизнь не расхлебать.

Как мы уже докладывали, все происходило без свидетелей, в помещении медсанчасти. «Президент» возлежал в кресле и размышлял о новой военной доктрине: стоит ли присоединять Прибалтику, чтоб осадить НАТО, или лучше ввести войска в Крым и вернуть Севастополь. При этом правой рукой он набрасывал заметки на клочке бумаги, а левая, по устоявшейся привычке, находилась в кармане. И когда гений четко и ясно скомандовал: «Руку!» — пациент протянул правую. Гений же, как и всякий гений, все свое внимание сосредоточил на сосудах и фалангах. Что гениям правое — левое? И только когда они оба вышли и «Президент», широко улыбаясь, поднял над головой наброски новой доктрины в правой руке, все увидели, что на ней не хватает того, чего должно было не хватать на левой.

Через несколько минут все собрались в кабинете Блинова. Настроение было, словно у каждого отрезали по мизинцу.

— Не повезет, так не повезет, — мрачно сказал Блинов, — была проблема, стало две.

Тикали старинные часы с маятником, отсчитывая секунды. И с каждой секундой неотвратимо приближалась пенсия. Это все понимали.

Заведующий сектором оккультизма и магии нарушил тишину:

— А что, если...

Он выдержал паузу, придавая своим словам значительность:

— ...пересаживают же почки, сердце, клапана разные... а палец... раз-два...

— Может, лучше вас пересадить? — спросил Блинов. — На прежнее место работы в подвал ЖСК?

Завсектором увял и больше не вступал в дискуссию.

— Дрянь дело, — констатировал первый зам. Каринов, — правая еще важнее левой. Ею бумаги подписывают, стреляют. Здороваются, будь она неладна.

И тут Малышко осенило. Именно слово «здороваются». Именно оно. Он вспомнил, как в детстве, когда не было

двадцати копеек на кино, родственница-билетерша пускала его за экран. И там все выглядело наоборот. Здоровались левой рукой, танки на Красную площадь въезжали не с правой стороны, а с левой.

— И что? — не понял его мысль Блинов.

— Объясняю, — сказал Малышко. — Если на пленку снять, а потом прокрутить как бы на просвет... то правая рука — станет левой. А левая...

— Правой, — понял Блинов.

— И если левой поздороваться, что получится? На экране?

— Получится, что правой, — сказал Каринов.

— Что и требовалось доказать!

— Малышко! — воскликнул Блинов. — Да с такой головой... На генерала пора. Вот выберемся из дерьма.

— Погодите, Иван Кузьмич. Сначала выберемся.

И вот Малышко едет на телевидение, на встречу с самым главным директором самого главного канала. Убедить, объяснить, потребовать. Полномочия самые широкие. Лично Блинов звонил.

У бюро пропусков его ждала симпатичная девчушка. Темненькая, худенькая. В ушках — брильянтики, на пальчиках — колечки. От родителей или нет — сам догадайся. Ей было наплевать и на Малышко, и на положение в стране. «Автоматом» поздоровалась, провела сквозь милиционеров, поднялась в лифте и повела по запутанным коридорам. Неожиданно из-за поворота вынырнул Мишка Кувалдин. Небритый, с мешками под глазами. Ни глазом, ни мускулом Мишка не вздрогнул. Будто не они вместе натаскивали «красных кхмеров».

— Кто это? — поинтересовался Малышко.

— Замглавного наш, — вдруг улыбнулась Юлечка. — И на гитаре, и на водных лыжах...

«А стреляет!» — подумал Малышко.

Директор канала, вальяжный седой джентльмен, лет пятидесяти-шестидесяти, посасывал трубку. Он поздоровался, встал, поправил темно-вишневый галстук. Кивнул

на кресла в углу. Только присели, вошла секретарша, не по-весеннему загорелая:

— Чай, кофе, джус?

— Кофе, — сказал Малышко.

— А мне джус. Какой там у вас, в Греции?

— Апельсиновый, Евгений Дмитриевич.

Секретарша крутанула юбкой и вышла.

— Вот такая «сэ ля ви», — вздохнул директор. — Секретарши просто так в Грецию летают. На весенний загар.

— И пусть себе летают, — никак не отреагировал Малышко, — лишь бы нам с вами «не залететь».

Директор вопросительно вскинул брови.

— Да, да, Евгений Дмитриевич, — сказал Малышко. — Положение в стране сложное. Вы в курсе, что пишут, какие треплют байки. А что творится в газетах?!

— Иначе их читать не будут, — съязвил директор.

— И так не будут, — сказал Малышко. — И очень скоро.

И выразительно посмотрел на директора:

— Кстати. Почему Николай Борисович не появляется на экране?

— Я звонил, пытался! — подпрыгнул директор. — Не время, говорят, не время!

— Время. Именно сейчас. Самое время. Это я вам ответственно заявляю.

— Где и когда?

Директор раскрыл блокнот.

— Завтра. У вас. В прямом эфире... только...

— Говорите, не стесняйтесь. Я пойму.

— Эфир прямой, но должен быть не прямой.

— Пара пустяков. Часы поставим на время трансляции. И пойдет все в записи.

— То есть? — уже не понял Малышко.

— Это совсем просто, — усмехнулся директор. — Предположим, в эфир мы выходим в десять. Ну, и часы в студии ставим на десять. А записываем когда захотим. В два, одиннадцать, семь сорок пять. А для всех будет десять. Прямой эфир!

— Отлично, — похвалил Малышко. — Но это еще не все, главное — впереди. Голос у него тихий. Связки. Осложнение после прошлогодней болезни.

— Понимаю. Можем усилить.

— Не надо. Есть актер один. Очень, кстати, талантливый.

— Озвучка? — с полуслова понял директор.

— Вот-вот, — обрадовался Малышко. — Озвучка.

Он с удовольствием произнес это, раньше никогда не слышанное им слово.

— А теперь, Евгений Дмитриевич, самое главное. Надо подобрать нескольких человек, особенно авторитетных. Из деятелей науки или культуры. Которые не подведут. Президент с ними попьет чайку. Побеседует. Но вначале поздоровается. Левой рукой.

— Левой? Но зачем? Там же у него...

— Там у него — как у всех! — твердо сказал Малышко.

— Вырос! — ахнул директор.

— Считайте, что так...

— А-а... на правой?

— Не могу разглашать. Поэтому и прошу. Чтоб левой рукой здоровались. Левой.

— Но так не принято. Нас не поймут.

— А вы прокрутите на просвет. Технически возможно?

— Сейчас все возможно! Технически.

— И что получится? Если поздороваться левой, а показать на просвет?

— Получится? — Директор вконец измучился. — Получится, что правой.

— Отлично, Евгений Дмитриевич! Просто отлично. Но учтите. Люди эти нигде и ни при каких обстоятельствах не должны разглашать. Подписка — не подписка... ну, вы понимаете...

— Людей, конечно, таких можно найти. Многие были недовольны. Сдавали квартиры, голодали. Сейчас, когда деятелям науки и культуры деньги прибавили, пособия, пайки, они согласны не только левую, обе руки пожать.

— Вот этого не надо! Никакой отсебятины. Значит, завтра запись, а потом, как это? По-вашему?

— Озвучка?

— Вот, вот! Озвучка! А прямой эфир — это я вам позво-ню, когда... Чтоб часы поставили точно. На время показа.

13. Новая древняя профессия

Сюз привыкла все раскладывать по полочкам. С детства у нее находилось все на определенном месте: книги, велосипед, друзья. Она просто брала их, а потом ставила на место. Что же случилось теперь? Почему вместо работы она думает совсем о другом? Она ли это? Та самая Сюз? Что происходит?

После приема в посольстве она решила немного пройтись. В голубой гостиной разговаривали мало, больше пили. Из приглашенных пришли только самые закаленные диссиденты. Все напоминало «пир во время чумы». Никто не понимал, что делать. Собрать вещички или радоваться переменам?

Сюз бросила машину на Патриарших, со стороны «булгаковских» переулков. Вечер был душный, не весенний. Листочки в городе еще не распустились, и каждый порыв ветра поднимал столбы пыли, приходилось отворачиваться, прятать нос в шарфик, и некому было защитить ее, ни деревьям, ни листьям, ни полковнику Малышко. Ч-черт!!!

Сюз хотела заглянуть в «Маргариту», деревянную забегаловку на углу Патриарших, отойти душой среди музыкантов и шлюх.

Но она оказалась закрытой, «по техническим причинам», — как извещало объявление.

Так ничего и не решив, не расставив все по местам, она брела переулками, пока не вышла на Тверскую, напротив гостиницы «Минск», но какую-то иную Тверскую. Сюз присмотрелась и поняла, в чем дело. Вывески на иностранных языках не горели, всегда праздничная толпа пе-

шеходов выглядела и поредевшей, и потускневшей. Съюз вытащила из кармана сигареты. А зажигалка?.. Бог ты мой! Она оставила сумочку в машине. Там — документы, деньги!

У киоска с напитками стояло несколько девиц характерной внешности: в черных мини-юбках, джинсах, свитерах, хорошо подчеркивающих их прелести. Чуть поодаль, за пластмассовым столиком, потягивали пиво и посматривали на своих подшефных сутенеры, больше похожие на обыкновенных деревенских парней, да и сами девицы выглядели не шибко аппетитными, не самыми «центральными», будь Съюз мужчиной, она бы их заставила платить.

Самая бойкая, душа компании, спелая во всех местах, между приступами хохота курила. Съюз подошла к ней и знаками попросила огонька, ей не хотелось говорить, а так — иностранка, сойдет.

Девушка дружелюбно ткнула сигареткой:

— На! А у вас почему? Если в подъезде?

Подружки скорчились от хохота.

И тут что-то произошло. Со стороны сутенеров закричали:

— Автобус!! Беги!

В вихре пыли возник автобус. Из переулка выскочил милицкий «газик».

Рослые парни в черной форме спецназа окружили девчонок. Визг, крики, мат... Под локотки, под ягодицы, под что попадется подхватывали девушек и забрасывали в автобус. Мускулистый детина обхватил Съюз, поднял на руки. Сквозь вязанку на его лице оглушил запах лука и колбасы.

— Прочь! Я — журналистка!

— Вот и опишешь все! Мать твою.

Автобус был набит девчонками. Их «кустик» оборвали не первым. Курили, матюгались, но весело, без страха, «просто времени жаль, отпустят, куда они денутся, хотя могут и в лес завезти. Менты, чего от них ждать?»

Но вопреки ожиданиям, никуда не завезли, всего через несколько минут автобус остановился. Ба! «Газетный переулок». Центральное управление. Какой почет. «Может, наградить хочут?»

Сюз подбежала к милицейскому капитану: «Я — американский журналист, документы в машине...» Но тот только усмехнулся: «Иди, иди, татарка, американка. У нас все равны».

Под присмотром милиции всех подняли в актовый зал. На сцене уже ожидал публику полный, в распахнутом кителе полковник. Он не спешил, вытирал лицо и шею платком. И так жарко, а тут еще — одеколон, духи, косметика. Девуцы притворно ахали:

- Ка-кой мужчина... И в чине...
- Телефончик дашь? Я — тоже...
- Хороший мой, толстенький...

Полковник не обижался, он выжидал, пока все рассядутся, наконец по-доброму, почти по-отечески улыбнувшись, начал свою речугу:

— Вечер добрый, красавицы. Извините, коли что не так. Может, грубо. Может, тронули за что трогать девушек не следует. Извинения прошу. Но ребят надо понять. Вы такие красивые, аппетитные. Даже я тоже, в какой-то степени, мужик. Иногда идешь по улице, смотришь. А вы стоите. И на виду все прелести ваши. И думаешь, а может, подойти? А потом вспомнишь, что в кармане. Зарплата у нас маленькая, не то что у вас. И домой, в семью. А жена еще спрашивает, что такой печальный? И не скажешь. Так вот, красавицы. К чему я все. Раньше мы входили в положение. Не очень вас наказывали. Сквозь пальцы смотрели, всем жить надо. Но время изменилось. Сами знаете. Новые указы, распоряжения. И нам приказ сверху вышел. По-новому решили к вашей проблеме отнестись. С нас сейчас другой спрос. Какой? Вам сейчас расскажет все и объяснит генерал Тренев.

Появился сухощавый строгий генерал. Черные как смоль волосы, набриолиненные, с пробором. Девчушкам он, в отличие от полковника, сразу не понравился.

— Здравствуйте. В соответствии с новыми указами Президента по борьбе с преступностью и другими уродливыми явлениями нашим ведомством разработана программа по искоренению явления, которое вы представляете.

Девчонки шумно отреагировали, кто свистом, кто аплодисментами.

— Вы слушайте, слушайте, — остановил их полковник, выступавший ранее. Сейчас он сидел за столиком, сбоку сцены и подчеркнуто внимательно подыгрывал начальству.

— Так вот, — продолжил генерал. — Первой нашей мыслью было принятие самых жестких мер, вплоть до отрезания волос и выселения из Москвы. Но потом, поразмыслив, мы поняли: это дело прошлое. Так и раньше боролись. Еще с вашими мамами.

— И с бабулями, — донеслось из зала.

— Вот-вот. А результат — ноль.

— Без палочки!

В зале подхватили шутку:

— С палочкой!

— Прекратить! — это рявкнул полковник. Совсем не по-отечески. Зал затих, испугался.

— Ничего, ничего, — сказал генерал. — Пусть шутят, я люблю юмор. Не надо осаживать, Евгений Никонович. — Значит, на чем мы... Да... И мы приняли решение бороться, чтоб всем была польза. И вам, и всему обществу. Так использовать...

— Рельсы класть, что ли?

— Нет, уважаемые. Не рельсы. А по прямому назначению.

— Как, как?

— Сексологи нам подсказали. Представьте себе далекий гарнизон. Красивые молодые ребята служат. А девушек нет. Что им делать?

— Онанизмом заниматься!

— Вот-вот... А лучше, если вы к ним приедете. И служба у них иначе пойдет, и замуж кое-кто выйдет.

— Вот еще. Ехать в глушь.

— Тогда другой пример. Городской. Мужчина в возрасте. Разведен или вдовец. Важный для общества член...

Зал опять чуть не лопнул от смеха.

— В смысле, член общества. Ученый, писатель. Лауреат призов. И нам не безразлично его настроение. Его вклад в общее дело. А он, возможно, стесняется. Или денег нет.

— Что? Стариков обслуживать? Бесплатно?!

Генерал рассердился, что его не поняли:

— Нет у него денег, нет. Что делать?

— Пусть прочит!

— Нет, милые, — ехидно сказал генерал. — Дрочить он и без вас может. И я не то чтоб вашего согласия спрашиваю. Нет. Я вам новое положение разъясняю. Согласно которому вы... То есть каждая из вас с этого дня считается призванной на трудовой фронт. Хотите, как та беленькая сказала, рельсы кладите. Не хотите — по основной профессии. Подробности вам Евгений Никонович объяснит. Срок вашего призыва — один год. А там — посмотрим. Кому понравится — в вольнонаемные. Нет — идите на все четыре стороны. Если снова не попадетесь.

Под топот и свист генерал ушел с трибуны.

На авансцену снова вышел полковник:

— Девчата. Напрасно вы так. Он мужик правильный. Мы все как лучше хотим. Так уж получилось. Сейчас спуститесь на этаж, там столики, ну, как на выборах. Если есть пожелания, записывайтесь. В армию или там во флот. К полярникам или к геологам. Ну, а кто в городе хочет остаться, значит, как сказал генерал. Ученые в годах, деятели культуры. Если кто есть на примете, не стесняйтесь.

Когда зал опустел, Сюз поднялась к полковнику на сцену.

— Тебе чего, милая? — спросил полковник, измученный, жалкий.

— Есть у меня на примете один человек. Запишите. Пожилой.

— Кто? Как фамилия, адрес?

— Малышко. Алексей Петрович. Вот его телефон...

Полковник записал номер. Отошел с ним в кабинет. Через несколько минут вышел:

— Нет его, милая. Уехал. Иди, записывайся.

14. Подводный щит Родины

Напрасно Малышко летал в Мурманск, никакого Президента там не оказалось. Сотрудники тамошнего ФСБ были введены в заблуждение предпринимателем Зуевым. Празднуя свадьбу дочери, он нанял в областном театре актера и загримировал его под Президента, что и вызвало панику.

Проклиная все на свете, Малышко решил перед обратным полетом немного оттянуться. Недалеко от главного проспекта он заметил лесенку, резные перила, дверь в медном орнаменте. «Северное сияние» — объясняло название.

Крепкий паренек открыл дверь, внимательно осмотрел Малышко:

— У нас не дешево.

— Ничего. Вытерпим.

Несмотря на ранний час, все столики заняты. В углу беседовали «мафиози». Чуть поодаль — две «интердевочки». Несколько молодых пар — не подсядешь. Может, к морскому капитану с юнгой?

Капитан не возражал. Он был в прекрасном настроении. Две трети «Абсолюта» переключало в его трюм.

— Майор? Полковник? — спросил он. — Я коллегу за версту чую. А это — Сашка, племянш мой. Хочу моряка из него сделать. Можно налить? Пока принесут?

И, не дожидаясь ответа, налил в фужерчик и скинул с салатной горки пару помидорин в луковых крошках и майонезных подтеках.

— Что там у вас, в столице? И нас уже трясет. Начальство меняют. Указы, депеши. Черт-те что!

Малышко сделал неопределенный жест.

— Осторожный ты больно, — сказал капитан. — Они все про нас знают. Недавно получаю шифровку: «Зачем, Рунин, жене изменяешь?» А-а?

— Товарищ капитан, — сказал юнга. Голос у него был неоформившийся, женский. И румянец от вина — яркий, молодой.

— Не буду, — извинился капитан. — Не любит племян мой про семейное положение слышать. Жена моя тебе кто?

— Стерва, — сказал юнга.

Малышко пригляделся и обнаружил под матроской у юнга, где и положено, две явные припухлости.

Капитан чмокнул юнгу в щеку, тот оттолкнул его и зло сказал:

— Юр! Ты что? Совсем, да? Сдурел?!

— Не обижайся, Сашок. Моряцкое дело тяжелое. Но перспективное. Поплаваешь со мной, цацки себе купишь, квартиру.

— Надоело, Рунин. Или женишься, или...

Юнга отбросил условности:

— Я детей хочу, Рунин.

— Хватит, юнга, отставить!

«Юнга» вскочил и вскинул руку к «козырьку»:

— Так точно, товарищ капитан второго ранга.

И капитан встал:

— Пойду отолю. Ты без меня не очень...

«Юнга» вытер слезы:

— Надоело. Под водой, знаете, страшно. Ни солнышка, ни дождика. Тоска. Увезите меня.

Появился протрезвевший капитан:

— Братцы. Поехали на лодку. Продолжим. У меня все есть. Этому «Сиянию» и не снилось.

Малышко прикинул. До самолета пара часов. Какая разница, когда он прилетит? Ночью или завтра утром. А ночь — она длинная. Он посмотрел на Сашку.

На многих объектах пришлось за свою долгую жизнь побывать Малышке, но вот на атомных подводных лодках — никогда. Он и не представлял, что капитанская каюта может быть такой просторной и уютной. Не говоря о начинке: музыке, японском телевизоре, мебели.

— Конверсия, — объяснил капитан. — Каждый выруливает как может. Половина ушла, половину я «ушел». Три каюты объединил, жить можно. Не как раньше. Плаваешь... ни денег, ни бабы. Ты пей, Петрович. Эта «височка» самая дорогая. Американцы ящик скинули, когда я на хвост ихнему «Брату Кеннеди» сел.

Пили, ели, слушали музыку. Но вскоре выдохлись и разошлись.

Среди ночи Малышко проснулся. Покачивались стены каюты, описывала дугу кобура на стуле. Любого мужчину это б не удивило: хлопнул бы стаканчик пивка, все бы и прекратилось. Но не такой был Малышко: сколько бы он ни пил накануне, от него всегда пахло только зарубежным одеколоном. Не только качаний-шатаний, но и анализ крови ничего б не показал.

Раздвинулась перегородка, вошел капитан. Подтянутый, в форме. С пилоткой на голове. Хоть картину с него пиши: «Утро нашей Родины». Если б не второй план. Кровать и ножка из-под пледа. Отнюдь не куриная.

— Плыдем, Петрович. Не хотел будить.

— Что? Куда?

— Боевое задание.

Малышко качнуло, он упал на койку.

— Это вам — не Сочи, господин полковник. Баренцево море. Уйдем вниз, метров на сорок — там полный штиль.

— Юр, — раздался капризный голосок. — Хочу вниз. Ты знаешь, меня укачивает. Ну, Юр...

— Сейчас, сейчас, ласточка. Потерпи чуток.

Капитан вышел.

Малышко быстро оделся и выбрался из каюты. По переходам, коридорчикам, лесенкам и трапам, преодолевая качку, он поднимался все выше и выше, пока в овальном

отверстии над собой не увидел звездное небо. Дохнуло холодом, морем. Куда ни глянь, темная поверхность воды, серебристые барашки, ни огонька, ни лучика на горизонте. А рядом, в огне прожекторов — гигантский, как гора, танкер. Такой огромный, что десятиэтажная рубка субмарины ему по пояс. С танкера свисал тяжелый, чуть ли не в метр толщиной, шланг. Он уходил в люк лодки, в самое ее чрево.

Капитан оглянулся на Малышко:

— Топливо качаем, полковник.

— Топливо? Так она же атомная?

— Так точно, — усмехнулся капитан.

— Сколько с меня?! — это он крикнул на танкер.

— Сто тридцать, капитан!

— Вы стебанулись?

— Газеты читал?! Что теперь полагается? Плати и уходи!

Капитан выругался, затем сказал помощнику:

— Иди, Вань, принеси кейс. У меня под кроватью. Сашка покажет.

И добавил тихо, уже Малышке:

— Почти даром. Эти на Кольском берут, прямо из трубы.

— Из какой трубы?

— Где авария была. Где фауну залили. Просто так, господин чекист, трубы не лопаются.

Помощник принес «дипломат». Щелкнули замки. Малышко увидел крепкие зеленые пачки. С танкера кинули канат. «Дипломат» весело пополз вверх. Танкер стал потихонечку отваливать.

— Все, Петрович. Айда вниз!

— Конечная остановка?! — спросил Малышко.

— Станция Канада. Под полюсом пройдем. В нейтральных водах америкашка подойдет. Мы нефть перекачаем, и все! Был один чемодан, станет два! Не печалься, Петрович. Время такое. Вы-жи-ваем... Кто нефтью, кто «градом». Спасайся, кто может.

Что было делать? Броситься в море и плыть к родным берегам? За двадцать минут не доплывешь, а свыше два-

дцати — смерть. Ну, двадцати пяти, учитывая жировые запасы.

Спустились в каюту. Снова появились бутылки, закуски.

— Матросов почти не осталось. Кто ушел, кто женился. Часть отсеков под нефть пустили, часть — под металл. И алмазы возим, «якутики», и золотишком не брезгуем. Море! Под водой не видно. Оставайся, а? Сашка тебе подружку найдет. Такие дела закрутим!

В дверь постучали. Вошел помощник.

— Шифровка. От главкома, нового.

— От Гундарева?.. Фу ты, ну ты... — Капитан поставил стакан и поднес к глазам шифровку.

— Главком у нас новый. Из Москвы... Расшифровали? Ага... «Приказываю вернуться на базу!» Ишь чего захотел. Значит, отвечай, Вань. «Приказа не понял, повторите». А сам — полный вперед! Нам бы до льдов добраться. Ну, беги. Выполняй.

Помощник ушел.

— Так о чем я? Ах да... Про выживание. Все можно, но оружие! Они же, гады, этим оружием...

Снова появился помощник:

«Отказ вернуться на базу расцениваю как измену родине».

— Во дает, — сказал капитан. — Как при Сталине. Может, он нас бомбить будет? Поглубже уходи, ничего не отвечай! Пошел он!

Выпили. Капитан поставил Тома Джонса.

Лодку качнуло. Удар был глухой, будто по бочке стукнули.

— Бомбят! — заорал капитан и выбежал из каюты. За ним — Малышко. Углы, лестницы, железки били его большое тело, но он не отставал. В рубку они вбежали почти одновременно. Капитан осмотрел экраны радаров.

— Сволочи! Противолодочник и крейсер. Там кто? Зубарев капитан.

Он сорвал с пульта трубку, пробежал пальцами по кнопкам:

— «Отважный!»! «Отважный!»! Вызывает «Акула». Колька, ты? Рунин говорит. Ты чего бомбишь, сдурел?

— А ты чего не всплываешь? — слышалось сквозь треск эфира.

— Не могу я, Колян. Мне нефть накачали. Я только вниз могу. Войди в положение.

— Гундарева знаешь? Под трибунал мне идти?

— А мне куда? Рыб кормить?

— Твои проблемы, старик.

— Как мои? Как мои? — заверещал капитан. — Ты что, Колян, меня убивать будешь?

— Откуда я знаю, что это ты? Может, голос твой. А сам ты в ЦРУ сидишь. Прощай, старик. Мне еще возвращаться.

— Постой! — заорал капитан. — Ну, давай по-мужски. Грубо. Пятерку даю. Зелеными. Понял?

— Пятерку? Рассмешил.

— А сколько? Сколько хочешь, Колян?

— Десятку. Минимум.

— Десятку?! За десятку я сам тебя потоплю.

Ответа не последовало. Вместо ответа раздался еще более сильный «удар по бочке».

— Ну, хорошо, Колян. Не будем мелочиться. Десять — так десять. Подавись!

Капитан вытер рукавом пот:

— Жлобьяра! Вместе учились, все делили пополам.

Опять раздался грохот.

— Колян, ты что? Мы ж договорились?

— Это не я. Это с крейсера бьют. С «Мирного». Там Винников капитан. Новенький.

— Ты знаешь его, Колян?

— «Непроходняк»!

Снова раздался грохот.

— Ах, так?! — сказал капитан. — Ах, вот вы как? За все, что я для Родины сделал?! Хорошо. Я вам за все заплачу!

Он стал отщелкивать тумблеры, срывать с рычагов пломбы. Завыла сирена, замигали табло.

— Постой, капитан, — обхватил его Малышко. — Что делаешь? Осознаешь?

— Осознаю. Готовлюсь к атомной атаке.

— На кого?

— А на кого бог пошлет!

Спорить с ним было бессмысленно. В распоряжении Малышки было несколько минут. Внизу, в чемоданчике, пульт спутниковой связи.

— Что случилось? — спросила Сашенька. — Все воеет, орет. Заснуть невозможно.

«Если лодка пустит ракету, даже ни на кого не нацеленную, ее тут же засекут. В ответ полетят другие. Им в ответ — третьи. Все придет в движение. Подводные лодки, бомбардировщики. Все. И ничего нельзя будет остановить».

Москва долго не отвечала. Наконец сонный голос произнес:

— Бушуев слушает.

— Бушуев? Это — Малышко. Оборону мне, министра!

— Малышко? Живой? — Обрадовался Бушуев. — Ты где?

— Министра мне!

— Ну, хорошо, хорошо, — обиделся Бушуев. — Соединяю.

Опять пауза.

— Слышишь, Петрович. Не берут трубку У них, кажется, код изменился. Там номера меняют А новые не знаю. Не доложили.

— Соединяй по «вэ-чэ»!

— Я аппарат грохнул. Завтра починят.

Все, понял Малышко, это конец. Удивительное безразличие накатило на него. Он опустился на койку. Все, конец!

В каюту ворвался капитан:

— Сашка! Где ключ?

— Какой еще ключ?

— От пульта.

— С закорючкой на конце? Ты пиво им открывал. Вспомнил?

— Точно. Куда ж я его дел? — Капитан стал выворачивать карманы.

На пол полетели монеты, расческа, зажигалка.

— В плаще посмотри!

— Нашел. Слава богу!

Можно было, конечно, не дать уйти капитану. Зацепить, бросить головой вперед, в перегородку. Чтоб вылетели мозги. Или схватить за хохолок и рвануть вбок, до хруста. Но зачем? Дергать, хватать? Надоело! Все надоело. Так вся жизнь прошла.

Малышко отвернулся к стенке. Кто-то тронул его за плечо:

— Эй! Ты чего? С кем разговаривал? — Рядом стояла Сашенька.

Малышко зачерпнул ее и перенес на койку.

— А Юрасик как?

— Не узнает. Никто не узнает. Скоро все кончится. Двадцать-тридцать минут.

— Ты про что?

Лодка вздрогнула. Наверно, пошла первая ракета. Еще толчок. Вторая. Хлопнула дверь каюты — опять капитан:

— Вы что, сдурели?! Горим. Ванька, зараза, микронасосы продал. Выхлопа нет, все внутрь пошло. И аварийка не сработала — платину выпаял.

Он выбросил из ящика спасательные жилеты, плотик. Перекрестился.

Раздался взрыв. Хлынула вода. Малышко понял, что летит вверх, как пробка из бутылки. Той самой, что пил в Крыму... в Форосе... с Раисой Максаковной...

15. Прямое попадание

Кот сидел на подоконнике и с изумлением смотрел в окно. Закатное солнце празднично высвечивало лужайку перед Белым домом. И на ней, в самом центре, зияла ог-

ромная воронка. С обгорелыми краями, глыбами вывороченной земли. Она так нарушала романтическую чистоту ровного, как бильярдный стол, зеленого ковра. А в глубине воронки чернели останки русской ракеты, самой страшной ее части, боеголовки. Чудом она не взорвалась. Спасло невероятное везение. В одной из полусфер сотрудники спецслужб не обнаружили ядерной начинки. То ли выпала по дороге, то ли ее там и не было. Нервный тик пробежал по черной спинке кота: «А если б она там была?»

За овальным, орехового дерева столом собрались члены президентской команды. Молча, без обычных шуточек и похлопываний. Охранник бесшумно затворил высокую дверь.

— Господа, — начал Президент. — Мы переживаем трудное время. Мир снова оказался на грани катастрофы. То, что произошло днем, выходит за рамки. С глубоким сожалением я констатирую, сколь легкомысленна и не продумана была наша политика. Курс на развал Союза, гибель коммунистической доктрины привели мир к новым проблемам. Никто из самых искушенных политиков не мог предвидеть, каковы будут последствия. Границы, система власти — все рушится! Прежний мир, основанный на силе и вражде, был хоть и хрупким, но стабильным. Нынешний оказался и хрупким, и нестабильным. Вы только посмотрите. Чечня, Приднестровье, Таджикистан. А неслыханные богатства «новых русских»? Никто не знает, откуда они появились. Кто знает — молчит, кто не молчит, того убивают. Убийц не находят, и это порождает новые убийства. А сегодня?! Ядерная ракета! Чудо, что она не взорвалась!

— Господин Президент, — сказал начальник штаба генерал Мэйс. — Она не могла взорваться. Кто-то вскрыл боеголовку.

— Кто?! Партизаны?

— Не знаю. Но сделал это чрезвычайно умело.

— Когда речь идет о воровстве, — сказал бывший посол в России мистер Сомсон, — русские все делают чрезвычай-

но умело. Из моей машины в Москве, которая стояла в гараже под семью замками, отсосали бензин и похитили магнитолу. Причем все замки были целы.

— А у меня, — сказал бывший военный атташе...

— Господа, господа! — Президент постучал по столу карандашом. — Не время предаваться ностальгии. Кто-то из русских спас нас, но это не снимает вины с генералов. Как ракета вообще долетела? Почему ее не сбили? Черт возьми!

Президент отбросил карандаш. Такое он позволял себе чрезвычайно редко.

— Господин Президент, — снова встал начальник штаба. — Ракета летела по странной траектории. Несколько раз она меняла курс. Компьютер не смог вычислить ее параметры. Специалисты объясняют это отсутствием в ракете целого ряда узлов из ценных металлов. Это и привело к перемене курса.

— Мы тратим миллиарды на оборону, — сказал Президент. — А что получается? Они сильнее. И только потому, что воруют?

— Мы запустили еще один спутник-шпион, — сказал начальник штаба. — Он будет сообщать о фактах воровства.

— Хорошо, — сказал Президент. — А что нам делать пока? Я звонил в Кремль. Говорил с Елкиным. Он все объясняет случайностью. Говорит, что это был лишь непроизвольный пуск. И голос его... Как сказать... Опять был не очень... Ну, вы понимаете. А эти указы, смена политики.

— Пытается поднять свой рейтинг, — сказал госсекретарь. — Вернуть любовь народа. Отсюда и новые оклады, пенсии.

— Но где он возьмет деньги?

— Может, они нашли золото партии, — пошутил министр финансов.

— Пару лет протянут. А больше не надо. Они дальше не думают.

— А где это золото? — спросил Президент. — Кто-то хоть знает?

— Только один человек, — сказал шеф ЦРУ. — Но его уже нет. Бывший генеральный секретарь. Леонид Брежнев. Швейцария, Люксембург — мы все обшарили. Оно может оказаться в самом неожиданном месте. Даже под ногами.

За дверью послышался шум. Кто-то пытался проникнуть в кабинет.

— Что там еще? — крикнул Президент.

Охранник приоткрыл дверь, в кабинет ворвался начальник средств информации.

— Извините, господа. Чрезвычайное событие. Вчера российский Президент встречался с деятелями науки и культуры. Мы сделали видеозапись и пришли в ужас!

Подкатили столик с видеоаппаратурой. Поставили кассету. Засветился экран. Возник Кремль, зал приемов. Вошел Президент. Все дружно зааплодировали. Он поздоровался с некоторыми за руку...

— Видите? Видите? — заверещал начальник информации. — Смотрите, как он здоровается. Правой рукой!

— И что?

Начальник перегнал пленку назад, на крупный план какого-то деятеля.

— Обратите внимание на этого человека. Прозаик Болдырин. Вот! Он улыбается. Видите его зуб золотой? Третий справа?

— Что вы мучаете нас загадками? — рассердился Президент.

— Хорошо. Не буду. На самом деле у Болдырина золотой зуб не справа, а слева. Вот фотография!

Все уставились на фотографию, а потом на застывшее изображение прозаика. Действительно. На фотографии золотой зуб был слева, а на «стоп-кадре» — справа.

— И что из этого следует? — спросил госсекретарь. — Какое нам дело до зубов русских прозаиков? Пусть они даже неплохо пишут.

— Тогда еще один кадр, — не унимался человек из информации. — Вот! Видите часы на руке у академика Щел-

кунова? Смотрите! В замедленном движении. Видите?! Они идут наоборот!

И все действительно увидели секундную стрелку. Она шла наоборот, против движения.

— Что за чушь! — воскликнул бывший посол. — Что это значит?

— Это значит, — сказал начальник средств информации, — что русские пустили пленку на просвет. На самом деле часы шли как и должны были идти. Зуб у Болдырина находился на положенном месте, слева. А Президент здоровался с собравшимися не правой рукой, а левой...

— Это неслыханно. Но зачем? Там же у него...

— Именно. А здесь — все в порядке.

Следовательно...

Все затаили дыхание.

— Следовательно, он вырос. Или это не русский Президент.

Собравшиеся находились в состоянии шока.

— Да, — сказал Клинтон. — Тогда многое становится понятным. Но это еще надо проверить. Я предъявлю русским ультиматум. В связи с пуском ракеты. Очень серьезный. И попрошу вручить самому Президенту! Вот мы все и проверим. Что есть, а чего нет. И на какой руке.

На этом чрезвычайное собрание окончилось.

16. «Ну, блин...»

Заявление американского Президента было сделано официально. Посол приехал на Смоленскую площадь, в роскошном автомобиле с флажком, полчаса проговорил с министром, а потом министр отзвонил по «вертушке» и передал все Колобкову. Колобков был похмельно хмур и отвечал односложно: «Да... да... нас этим не запугаешь...» На вопрос, когда посол может встретиться с Николаем Борисовичем, Колобков под диктовку «Николая Борисовича» ответил: «Как только сочтем нужным».

Блинов был свидетелем разговора и понял: дальше так продолжаться не может. Ракеты, ультиматумы — это не хухры-мухры. Силовики ропщут, второе лицо подало заявление об отставке, в Думе — до рукопашной дошло, стенка на стенку. Половину парламента отвезли в «Склифосовского». И вчерашняя встреча с деятелями науки и культуры никого не убедила. Все прошло гладко, как задумывали. Здоровались левыми — получилось правыми, и озвучку сделали, чин-чинарем — не верят. «Почему тех пригласили, а не этих?» Почему, почему? Потому!

Пора эти игры кончать. Пусть отставка, пусть пенсия, но интересы страны выше. Нельзя. Заигрались маленько.

С твердым намерением убедить «Президента», уговорить его вернуться в родные Огрызки, Блинов направился в кабинет.

«Президент» был не один, он гонял чай с дружками. Те приехали вчера из Твери и расположились в комнате для почетных гостей. Они еще вчера Блинову не понравились. Сапоги в грязи, пахнут махоркой, но «сам» пригласил, пришлось пропустить. Давно в загородной резиденции не было такого, со времен Ленина, наверно. Если верить книжкам. В кабинете — не продохнуть. Один, самый здоровый, развалился на ковре и грыз конфеты из метровой коробки. Брал их черными задубленными пальцами, не разворачивая сдергивал фантики. И коробка, и стакан были тут же, на ковре. Двое других, лет по сорок ребята, в нижних темно-серых рубашках, забивали «козла». Прямо на президентском рабочем столе. При каждом ударе стаканы с чаем позвякивали, но это никого не смущало, стол был длинный, массивный, всем хватало места, и чаю, и домино, и раскрытым папкам. Колобков расположился на другом конце стола за бокалом пива. Блинову показалось, что его ждали, все чуточку напряглись при его появлении.

— Здравия желаю. Я по делу.

— Валяй, не стесняйся, — сказал «Президент».

Блинов сделал глазами, мол, не хотелось бы при посторонних.

— При Ваське да Ермолае? И при шурина моем? У меня нет секретов. Да и не поймут ничего, мозгами не вышли. А шурин, — он кивнул на пожирателя конфет, — и вовсе глухой, на левое крайнее.

Делать нечего, пришлось говорить. Блинов вздохнул и изложил наболевшее:

— Нельзя так дальше, порохом пахнет. Пора на попятный. Заигрались. Признаться надо, авось простят.

«Президент» хмыкнул. Хмыкнул и Колобков. Друзки из Твери сохраняли молчание.

— Ладно, Блинов, — сказал «Президент», — возможно, ты прав.

— Кстати, с дружками моими так и не познакомился. Это — Василий, а вон тот — Ермолай, а это — шурин, Руслан, ничего пацанчик?

Шурин встал с ковра во весь свой богатырский рост, вытер о галифе конфетную руку и протянул Блинову. Тому ничего не оставалось, как протянуть свою:

— Блинов, — сухо представился он.

Шурин, не называя себя, до боли сжал руку и медленно завернул за спину. К ней присоединил вторую и там, за спиной, стал чем-то связывать.

Блинов рванулся, ударил пяткой — словно в стену попал.

— Вот и познакомились, — сказал «Президент». — Руслан — мой новый начальник безопасности. Давно я этих финтов ждал. Америкашек испугался. Силу надо иметь, а не в штаны класть. И хорошо, что ракету пустили, жаль не взорвалась.

— Но это война, — шепотом сказал Блинов.

— Не война, а силовое давление. Чтоб цветочки с балконов попадали. Они нам — НАТО к границам. А мы им фи-га-то! А то у Колобкова язык распух, военных успокаивать.

Колобков кивнул и выпил пивка.

— Значит, все! По новой начнем, — сказал «Президент». — Васька оборонкой займется, а Ермолай — Петров-

кой. Их не запугаешь, плотники. Как я. И в «зоне» работали, и на воле. С биографией парни.

— Дума не пропустит, — вяло сказал Блинов.

— Не ее ума дело. Разжирила слишком Дума твоя. Пузо — до пола, рожи гладенькие. Пропустит — не пропустит... Надоело! Только худых оставлю, остальных распушу. И коммуняк, и демократов. Всех! Тьфу! Одна говорильня.

— Нет такой статьи, — снова не согласился Блинов.

— Будет! А для начала вот что сделаем. Ты, Вась, звонок организуй. Мол, так и так. В Думе бомба. Мол, в одном из кабинетов. Они сами разбегутся, не надо и распускать. А обратно — во! Не скоро разминируем. И здесь, и в других местах, где большие залы.

Он обернулся к Колобкову:

— Распорядись, Ген, чтоб лимузин прислали. И указы продиктуй о смене силовиков. Звони сейчас же, прямо в секретариат.

Колобков допил пиво и снял трубку. Он не просто диктовал, а метал громы и молнии. Импровизировал, блистал. Не хватало только зрителей и аплодисментов.

— Даешь, — похвалил «Президент». — Форменный артист! Про лимузин не забудь. Для Ермолая. На Петровку поедет.

— Че я там забыл? — спросил Ермолай.

— Указ слышал? Министром будешь.

— Над кем? Над «легавыми»?

— А хоть бы над ними. И среди них есть люди. И они — артель. Деньжат пообещай. Обиженных верни. Ты всю область держал, а там — один дом.

— Ха! Один. Там целый квартал.

— И что? Меньше, чем колония.

— Сравнил. В колонии — порядок. Зона, побудка. А здесь как? Они же на ночь разбегаются.

— Ермолай! — строго сказал «Президент». — Ты меня знаешь? Будешь перечить, на «химию» пойдешь. Министром.

— Уж нет, лучше с ментами.

— Топор не бери, там охрану дадут.

— Я Лаптя да Фармазона вызвал. И более не надо. Трутней плодить.

— Умница, молодец, — похвалил «Президент». — Казну сэкономишь.

— А где она, та казна? — оживился Василий.

— Где, где? Не твоего ума дело. Так я и сказал. В надежном месте. И в мыслях не имей. С тебя хватит. Танки теперь у тебя, самолеты.

— Ты что, Митрофа... э-э... Николай Борисович, что я, не понимаю? Никогда не возьму. У фраеров разных — да. А здесь — что я, не понимаю?

— Ну, ладно. Раскудахтался. И с кнопкой поосторожней. С ядерной. Одна у меня, другая у тебя. Понял? Без обшей команды не нажимай. Ничего не получится. Если прижмут, тогда сообщу. Тогда вместе нажмем. Разом.

— Понял, Николай, — сказал силовик Василий. — А с этим что делать? — Он кивнул на обалдевшего от таких слов Блинова. — И с ребятами его? Они парни шустрые.

— Этот здесь посидит, первое время. В кладовке. Под личным присмотром. А ребят его, всех — с повышением. Послами в другие страны. И пусть сразу улетают. Не тяни! Попутного ветра!

— А стран на всех хватит?

— На кого не хватит, пусть атташе летят. Культурным либо по спорту. А вместо них — я сказал. Плотников зови. Наши! Трудяг. Говорил или нет? Что плотников не хватает?! Леса-то у нас какие?! Объяви призыв!

— Едут уже, — сказал Василий. — Я вчера еще телексы дал. Скоро придут. Первый отряд.

— И хорошо. Деньжат всем ребятам раздай, костюмы. Чтоб от городских не отличались. Давай! Когда придут, доложишь. Встретить по-хорошему. Баньку, щей домашних, с мясом. Но с водочкой...

Он кивнул на Колобкова.

— Не злоупотребляй. Это — актер, толку с него. А ребят береги. На них осталась надежда. Страну поднимать.

«Президент» прошелся по кабинету, выглянул в окно:

— Э-эх, какая страна! Богатая, большая. Еще больше сделаем. Еще богаче! А небо какое, а сосны. Их одним ударом не сваляешь.

И Ермолай, и Василий, и даже Колобков приблизились к окну. Только Руслан продолжал удерживать Блинова.

— Одним-то нет, — сказал Василий. — А с трех ударов готов.

— Да будет тебе! — сказал Ермолай.

— Не будет, а спорим?

— На что?

— А хоть на ведро!

— Чистого иль какого?

— А хоть и чистого.

— Я в долю вхожу, — сказал Колобков.

— Отставить, спорщики, — сказал «Президент». — Вечером доспорите. А сейчас — за дело. Вот и лимузин приехал. Ну, все. Как уговорились. Этого — в чулан. Ребятишек его — сказал. И по новой начнем!

17. Усы усам рознь

Из Тель-Авива Николай улетел только на шестые сутки. Мишка бросил все и примчался из Женевы. Пять дней они пили, ходили по кабакам. Кроме пятницы, в шабат. В шабат пили дома. На шестой день Николай сбежал. Собрал ранним утром вещички, спустился со второго этажа Мишкиной виллы. Мимо пальм, бассейна с голубой водой, прошел к воротам, охранник открыл: «Шолом!» — «Шолом, шо-лом!» — и быстренько в аэропорт.

Через несколько часов Николай увидел под крылом родные перелески, речушку с баржой, замелькали крыши домов — легкий толчок и — здравствуй, родина!

В зале аэровокзала Николая поразили толпы народа. Дамы в норке, мужики в коже, французские духи, американские сигареты. Еле-еле протиснулся наружу.

— Что происходит? — спросил он водителя «мерса», который согласился его подвезти.

— Отваливает народ. Пачками. Ты что прикатил?

— Так, — неопределенно сказал Николай. — Родина.

— Родина, Родина... — пропел водитель. — Моя уродина.

Он кивнул на вереницу машин вдоль развилок аэропорта:

— Садись в любую и езжай.

— Как?

— Ничьи, брошены. Эту тачку я за триста баксов купил. Недорого?... И пусть отваливают. Знаешь, сколько улететь стоит? Пять тысяч баксов. Остальные на полу кучкуются. Летчики и в кабину берут, и в туалет. Во как!

Встречная полоса была забита машинами. «Мерседесы», «Вольвы». Реже — «Волги», «девятки».

Водитель кивнул в их сторону:

— Насосались, клопы! Я бы их не выпускал. Пока все не отрыгнут.

Раздался треск, грохот. Впереди, на их сторону, выбросило машину. Она перевернулась пару раз и скатилась в кювет. Могучий «Лендровер», поддевший ее, как бык рогами, лишь вильнул в сторону. Все произошло быстро, как в кино. Как часто делал этот трюк сам Николай.

— О дают! — восхитился водитель. Они проскочили мимо искореженной машины, она задымила. Из нее выби-
рались мужчина и женщина.

— А мне их не жаль, — сказал водитель. — Пусть огнем горят!

Сзади громыхнуло. Николай обернулся. Машина превратилась в факел. В поле убегали двое.

Встречная полоса мигала фарами, гудела, как Садовое кольцо в часы пик. И вдруг впереди кто-то не выдержал и переехал на их сторону, за ним еще несколько машин. Мгновение — и вся полоса забита машинами.

Водитель еле успел раскрутиться:

— Сволочи! Стрелять их мало!

Он рванул обратно к аэропорту:

— Махнем через «Шереметьево-1».

Снова они прошелестели мимо подбитой машины. Та превращалась в обгоревший скелет. Дохнуло огнем. Двое стояли в поле, не в силах приблизиться.

После аэропорта стало полегче. Редкие автобусы, самосвалы. Кустики и деревья за несколько дней покрылись легким желто-зеленым туманом. Напротив аэропорта «Шереметьево-1» — негусто. И публика попроще: внутренние линии. Кто-то голосовал, но они не останавливались. Впереди по движению, метрах в ста, стоял животастый мужчина. В летной куртке, на голове — бинты. Без всякой надежды он чуть поднял руку.

— Давай подвезем? — сжалился Николай.

Они притормозили.

— Подкиньте, мужики!

— Где тебя так? — спросил Николай, когда они вновь набрали скорость.

— В океане-море, — усмехнулся животастый.

Он не был склонен к подробностям.

— Меня тоже однажды, — сказал Николай. — Мы фильм про подводников снимали. Ну, там авария, взрыв... Меня вверх как пробку кидает. Все, хана! И вдруг вертолет...

Животастый обернулся к Николаю и пристально уставился тигриными глазами...

— И канат кидают, — сказал Николай.

— И флягу спирта дают? — спросил животастый.

— Теплую.

Животастый обнял Николая:

— Братишка! Ну прямо как в жизни!

Они с ветерком летели к Москве.

— Как идет! — восхитился водитель. — Сто сорок, а не чувствуешь.

Впереди просматривался пункт ГАИ. Сбросили скорость. И с той, и с другой стороны стояли «броники». Проезжая часть сужена каменными блоками. Гаишник, перепопсанный белыми ремнями, в бронежилете, сделал от-

машку. «Мерс» притормозил и съехал на обочину. Водитель вздохнул и полез в карман:

— Всем жить надо.

Он выскочил из машины и засеменял к гаишнику. Они поговорили и направились к машине. Гаишник открыл дверь:

— Кто такие?

Животастый достал из кармана лист бумаги, протянул.

— Понятно, полковник. А это? Кто с вами? Кавказской национальности?

— Ты чего? — возмутился Николай. — Русский я. Не видишь?

— А усы?

— Такие усы еще наш царь-батюшка носил.

Гаишник стянул с руки перчатку, зажал ее под локтем, раскрыл паспорт:

— Русский говоришь, а здесь не написано. Сейчас все русскими быть хотят.

— Послушай, браток, — сказал Николай. — Ты видишь, паспорт заграничный. Здесь не пишется нация. Ты на фамилию глянь. Бодунов я, Николай. Ну?

— А может, ты паспорт купил? Почему я знаю? Вылезай из машины.

— погоди, командир, — заступился водитель.

Он наклонился к Николаю и зашептал:

— Гони баксы. Не понял? Замотает тебя.

— За что? Я — русский! — обиделся Николай. — За что гнать? Ну за что? За что баксы?

Гаишник выдернул Николая из машины и потянул к «бронику». Оттуда вылезал другой парень, здоровее первого. Вдвоем они заломили Николаю руки, приперли к «бронику», затем первый стал обшаривать карманы. Николай отбрыкивался ногами. Гаишник размахнулся и вlepил ему по челюсти.

— Давай задним ходом, — сказал животастый. — И будь наготове!

Он вылез из машины:

— Постойте, ребятки. Осадите маленько.

Но те вошли в раж и с матюгами били Николая.

— Не встрейай, полковник!

Николай уворачивался, но ему приходилось туго. Били его и по почкам, и по зубам.

— Ребятки, не надо, — сказал Малышко. — Мирное же время.

Тогда тот, кто остановил машину, отпустил Николая, взял дубинку наперевес и шагнул к Малышке. Размахнулся, но...

От сильного удара ногой в пах взвыл и покатился на землю, второй «гаишник» отпустил Николая и передернул затвор автомата. Но Николай одним ударом выбил его из рук, а вторым сбил с ног — тот отъехал по мокрой земле, как в кино...

— Прыгай в машину! — крикнул Малышко.

Мотор взревел, грязь из-под колес. Саданула автоматная очередь. В заднее стекло они увидели, как омоновцы бегут к синей милицейской машине, как из «броника» напротив выпрыгивают другие, разворачивается еще одна машина...

«Господи, — подумал Малышко. — За что? Только решил жить по-человечески...»

— Молодцы, ребята, — сказал он вслух. — Теперь слушай мою команду! Если жить хотите.

18. Под крышей дома своего

Телефон Блинова долго не отвечал. Наконец сонный голос сказал:

— Руслан слушает.

Малышко решил, что ошибся. Повесил трубку, снова кинул жетон, набрал номер.

— Руслан у телефона. Ну, кто там балует?

— Здравия желаю, — сказал Малышко. — Можно Блинова?

— Блинова? А кто его хочет?

— Знакомый один.

— Слышь, знакомый, — сказала трубка. — Нет его. Больше не будет. Не звони. Понял? В твоих интересах.

— Понял, — понял Малышко.

Он спустился в метро и поехал домой. Вряд ли так быстро его вычислили. Скинуть чужое белье, выспаться.

Когда он шел от своего «Парка культуры» к дому, то поразился отсутствию палаток. Их словно ураганом смело. Черные прямоугольники асфальта означали прежнее место стоянки. К булочной, напротив дома, тянулась длинная, аж от самого кинотеатра «Фитиль», очередь.

— Что дают? — поинтересовался Малышко.

— Обещают завезть, — сказала старушка, явно не расслышав его вопроса.

Малышко вошел во двор, направился к подъезду, но наметанный глаз заметил субъекта. В черном немодном пальто, ушанке, крепких ботинках. Нескладный, несегодняшний. Курил, сплевывал. Поглядывал по сторонам. Увидел Малышко — напрягся.

Малышко сразу подошел к нему:

— Здоров, — бодро сказал он. — А третий подъезд где?

В третьем жила Сюз.

— А кто его знает? — сказал субъект.

— Не здешний? — спросил Малышко.

— Не. Из Торжка.

— Ну?

— Ага. Плотник. По приказу прибыл. Порядок наводить. А ты?

— Я? Из Мурманска. Моряк.

— Понятно. А в третьем чаго?

— Барышня.

— Ну, ну...

Субъект достал из внутреннего кармана фото, на котором Малышко узнал себя. Но при параде. В кителе и фуражке.

— Не знаком?

— Ну-ка? — Малышко взял фото.

— Нет.

— Он в первом живет.

Субъект поглядел на Малышко.

— Ну роста твоего. И фигура. Только бинта нет. Не знаком? Жаль. Простыл весь, вторые сутки сижу.

— А чем он провинился?

— Знаю? Велено начальством. Понял?

— Понял.

— Слышь? А пузо у тебя чего?

— Что?

— Большое пузо. Ты в комиссию ходил? За справкой?

— Завтра пойду!

Малышко пошел к третьему подъезду. Поднялся. Нажал на звонок. Дверь открыла немолодая женщина. Долго смотрела в глазок. Наконец открыла.

Малышко слышал, что тот субъект идет за ним. Проверяет. Хороший чекист получится.

— О! — сказала женщина. — Хай! Я вас узнала.

Ей было лет сорок, говорила с акцентом. Малышко быстро захлопнул дверь, приложил палец к губам.

— Вам письмо, — прошептала женщина. — От Съюз.

И протянула конверт.

Письмо было без обратного адреса. «Дорогой полковник, хай! Это письмо даст мой охранник, лейтенант. И у меня есть охранник. Жаль, не ты».

В дверях раздался звонок.

— Не открывайте!

Малышко выглянул в глазок. На лестничной площадке стоял тот тип, «хороший чекист». Малышко оценил обстановку. Уложить его здесь — значит подставить американку. Спрятаться — некуда. Один выход — балкон.

— Через минуту откроете, — шепнул он. — Вы меня не видели, никто не заходил.

Последний его прыжок без парашюта был с пятого этажа, в Каире. Здесь — четвертый, но прыгать не хотелось. Может, с балкона на балкон?

Малышко перегнулся вниз. Под ним был точно такой же балкон, уставленный бутылками. Чуть раскачавшись на руках, он прыгнул на свободное место. Попал. Есть еще порох в пороховнице! Осторожно заглянул в комнату: никого. Чуть приоткрыл дверь — тишина. Обыкновенная холостяцкая квартирка: на стульях — рубашки, пыль. На стенах — фотографии. Ба! Колобков. Колобков-подпольщик, Колобков-подводник. Малышко присел на диван, обдумал ситуацию. Можно выйти через дверь, но лучше переждать. Скоро вечер. А почему бы не принять душ? Перекусить? Выспаться? Выспаться для Малышки означало закрыть глаза и отключиться на несколько минут. Где бы он ни был — в машине, в самолете, он тут же засыпал.

В холодильнике ничего кроме скисшего молока и варенья не было, в прозрачном пакете еще просматривался обглоданный скелет воблы. Остатки растительного масла в пластиковой бутылке. Вот, пожалуй, и все. «Значит — душ!» — решил Малышко.

Когда он выходил из душа, послышались характерные звуки. Кто-то пытался открыть дверь, искал и не попадал ключом в замок. Малышко подхватил свои вещички и спрятался на балконе.

В комнату вошел Колобков. Сильно «навеселе».

Он напевал. В одной руке — бутылка «Бюфитра», в другой — рация. Плюхнулся на диван. Подумал. Подтянул к себе кнопочный телефон:

— Детка? Ты? И я — ничего. Какое такси? Я машину пришло.

Другой рукой он поднес рацию:

— Прохор? Нет, деточка, не тебе. Не слышу! Нет, деточка, слышу... Я Прохора не слышу, дурак не отвечает. Прохор! На левую кнопку нажми! Вот теперь слышу. Сейчас поедешь. Деточка, говори адрес. Не тебе, Прохор. Ну говори... Не тебе, Прохор! Говори, детка... Заткнись, Прохор! Так. Земляной вал... Прохор, запиши! Знаешь, где Земляной вал? Рядом с Курским. Вокзал Курский знаешь? А ты с какого приехал? Ладно, записывай. Что? И писать не уме-

ешь. Деточка, я сам за тобой приеду. Шофера мне дали. Только из леса.

Малышко нажал на рычаг, выключил рацию.

— Не время, Геннадий Пантелеевич. Обстоятельства не позволяют. Сделаем по-другому. Вместе выйдем, сядем в машину. Тип там один крутится, вы его отошьете. А дальше по ходу...

— Постойте, постойте, — сопротивлялся Колобков, — у меня выходной. Имею право?

— Имеете. Я дам отгул.

— Когда? Я сегодня хочу. С деточкой.

Пришлось чуть повернуть Колобкову руку, чтоб отошлось в локтевом суставе.

— Хорошо, хорошо. Но завтра — отгул.

— Обещаю, — сказал Малышко.

Он быстро оделся, и они спустились к машине.

Письмо Сьюз

Дорогой полковник, хай!

Это письмо даст мой охранник, лейтенант. И у меня есть охрана. Жаль не ты. Значит, я важный очень человек, я рада, что сюда попала. У меня апартамент — на сорок человек. Девушки все добрые. Меня любят. Говорят, я лучше черных американок, что летом приезжали. Они весь бизнес ломали. Брали больше, а трудились меньше. Только за цвет. Мы много работаем. Нет. По-другому. Не по профессии. Строим в лесу метро. Зачем? Не знаю. Здесь свежий воздух, я много дышу. Делаю физическую работу, копаю землю. Мне очень это полезно. Я рада, что вышло так. Еда хорошая — свекла, капуста, картошка. Очень здоровая еда. Я похудела, сбросила лишний жир. Видны кости. Но нам всем весело. Русский характер очень хороший. Я теперь знаю много историй. Буду писать. Как Мопассан. Все. Надо идти в баню. Есть горячая вода. Помнишь? Целую. Скажи нашему посольству — где я. Но не надо меня находить. Я очень, очень довольна.

Сьюз.

19. День лесоруба

Утро выдалось влажное. Ночью шел дождь, распогодилось перед рассветом. Но лужи и туман не мешали празднику. Давно Москва не выглядела столь веселой и многолюдной. Десятки тысяч посланников со всех концов страны, лесорубы и плотники, прибывшие накануне, изменили пасмурный вид столицы, вдохнули в городской пейзаж неповторимый аромат леса и стружек. Они разместились в гостиницах или просто в палатках. Лесорубы — народ ко всему привыкший: и к морозам, и к комарам, что им дождь и слякоть столичных улиц. Главное вспомнили, поняли наконец, кто самый главный, самый нужный в стране человек. Прямо на улицах — столики с водкой, бутербродами, всевозможными соками и пирожными. Хочешь — подходи, выпей сто граммов из пластикового стаканчика, кинь в рот кисло-сладенький огурчик или маслинку и в радостном настроении спеши к месту сбора района, а оттуда, с другими гражданами, в колоннах, с песнями и танцами, как в золотые коммунистические годы, все вместе, все едины, все рядом — к центру города, к знаменитой на весь мир Красной площади.

В местах сбора возвышались деревья. Сосны, ели, березы. В кадках, на тросах-растяжках, они преобразили городской пейзаж. Тут пели частушки, звучали гармонь и аккордеон — инструменты, также подзабытые за последние годы.

Эх, ма-а,
В бровь кума,
Лучше я дам, чем она-аа...

Горожане братались с плотниками и лесорубами. Выпивали, целовались. Не все, конечно. Были и такие, что при виде человека с топором или пилой крепче запирали дверь, опускали тяжелые заграничные шторы. Ничего, всему свое время. «Ле-со-рууубы... На-ши ру-уууки к то-по-рам...» Кажется, так поется в песне. Те, кто за стальными дверями и зеркалами, те, понятно, не спешили на

праздник. Врачи, учителя, артисты всякие?! Им денег прибавили, оклады, а они... Им, значит, а они... Не-хорошо! Нет, конечно, некоторые из них веселят народ. Выступают. И фраки выбросили, и бабочки. В ковбойках и сапогах удобней. Проще. И юмор лучше доходит. И конкурс новый объявили — «Золотой Иван». Сами, без принуждения. И сами в Иваново поедут. А куда же денутся? И молодежь! Хо-рро-шая у нас молодежь! Не та, что на компьютерах в банках, а настоящая. Которая по окраинам пряталась да по подъездам. И сейчас вместе с дедулями да бабулями в одних рядах.

У дедуль да бабуль пенсия теперь — во! Хоть каждый день икру лопай. Или за границу езжай. К теплым морям. Силенок нет? Армия поможет. И она скоро двинет. Вернет все, что утеряно. И присовокупит. И грузин вернет, и армян. И чурок с их дынями, и монголов. И пакистанцев, и моджахедов. А потом за холодные моря примется. За полярников да рижан. Финнов и пикилли-микилли... Силу надо иметь. И правильно, что жажнули по Белому дому. Жаль, в Клинтона не попали. А то разжирел в Вашингтоне на нашем сырье.

«Да здравствует 1 Мая — всемирный День лесоруба и плотника!»

«Ур-раааааа!!!»

«Да здравствуют Новые Указы — умные, хорошие, верные!» — «Урра-ааааа!»

«Да здравствует нерушимая дружба русских, татар, хохлов, жидов, чурок — всех тружеников нашей страны!» — «Ур-рааааааа!!!»

Люди стекались к центру праздничными ручейками. Не столь полноводными, как в прежние годы, но все же... Чувствовался боевой задор и настрой на будущее. Наконец-то определены цели, даны ясность и гарантия. Флагов и транспарантов поменьше. Не успели, и не надо. И цвета красного не видать. Тоже наелись. Больше — зеленый. Не-е, не мусульманский. А в виде веток, листьев и отдельных деревьев. Лес, значит, праздник. Те, кто физически в

состоянии, и целые стволы несли, и не только приезжие, но и городские. Из парков и садов.

Один из таких праздничных ручейков вытекал со стороны Кутузовского. Никто из демонстрантов не удивился треску вертолетного двигателя, да и сама белоснежная птица, летевшая от Минского шоссе, — блестящие винтовые плоскости так тщательно вписывались в атмосферу праздника, что ей махали, кричали, поднимали стаканы, завидовали, жалели, что не они там, наверху.

«Президент» вместе с силовиками и новым начальником охраны тоже готовился к празднику. Через несколько минут он должен взойти на Мавзолей. Поприветствовать народ, обратиться с речью. Вчера ее записали. Колобков произнес. Надо только в такт его задушевному словам открывать и закрывать рот. Телевизионщикам дан строгий приказ. Держать оратора на дальнем плане, ближе не брать. Нечего баловать народ, есть фотографии. И в газетах, и в журналах. Испугались, напечатали. Куда ж денутся?

— А где Колобков? — вдруг спросил «Президент».

— Не знаю, — сказал Руслан. — Не объявлялся. На что он сейчас?

— Быть должен здесь. Рядом. Мало ли что? Пленка оборвется. У них пока все здесь японское.

— Ладно, найдем. Шляпу поправь.

— А ну ее! Дай вон ту, кепку.

— Как Ильич? Еще броневик возьми.

В помещении, где происходил разговор, вдруг раздался звонок.

— Слушаю, — взял трубку Руслан. — Ча-во?!

Он зажал трубку рукой:

— Слышь, чего говорят. Террористы летят. Наши их догоняют. Не волнуйтесь, говорят, собьем. Продолжайте праздник.

«Президент» сжал кулаки.

— Сволота! Не уследили!

Он подскочил к Ермолаю:

— Ты куда смотрел?!

— Чего размахался? — ответил Ермолай. — Собьют его, факт. Знаешь, кто дежурит? Юрик да Ахмет. За ними — Карабах, Чечня. Никуды твои фраера не денутся.

— Смотри, — строго сказал «Президент». — Только начинаем строительство. Бревна первые рубим. До крыши еще далеко.

— Все путем, — успокоил его Ермолай. — Еще раз проверю.

Между тем вертолет перелетел через мост, напротив Белого дома, тот самый, исторический, с которого били танки, и продолжил полет над Садовым кольцом.

Он летел, как бы повинаясь изгибам улиц, нащупывая наиболее безопасный путь, зависая в воздухе, осматриваясь, прикидывая следующий отрезок движения.

Красная площадь заполнялась народом. На Лобном месте, рядом с собором Василия Блаженного, возвышался гигантский дуб. Его привезли вчера из брянских лесов. И вот сегодня десятки посланцев из разных концов страны, сильные загорелые парни, срубят его ударами своих стальных топоров. И это возвестит о приходе весны, времени надежд и труда.

А народ все стекался и стекался на праздник. И с правой стороны, мимо Исторического музея, и с левой, сквозь новые, построенные Лужковым, Вознесенские ворота. Приближалась минута, когда на Мавзолей взойдут руководители страны.

И они взошли.

«Урраа-ааааа!» — взорвалась площадь.

Сейчас раздадутся уверенные и ясные слова.

«Президент» откашлялся. Это был момент начала речи. Далее включалась фонограмма и говорил Колобков.

— Дорогие сограждане...

Раздался грохот вертолетного двигателя. Вертолет пролетел над самыми головами. Обогнул храм Василия Блаженного и по широкой дуге пронесся в сторону ГУМа. Здесь он завис, чуть опустился, казалось, присел на верушки деревьев, повернул носом к Мавзолею, и все увиде-

ли животастого человека, выпрыгнувшего из кабины на ступеньку. Он как-то уж совсем буднично вытянул из кабины ствол автомата, уперся поудобнее руками-ногами, справляясь с вибрацией и воздушными потоками, и совершенно недвусмысленно направил автомат в сторону Мавзолея.

И в эту секунду в жутком грохоте над площадью появились два вертолета, две хищные военные птицы. Одна рванулась к Мавзолею, развернулась боком, перекрывая траекторию автоматных очередей, другая сразу стала палить по белому из всех своих пулеметов, вышибая из гумовских стен кирпичную пыль. Стрелявшего заносило из стороны в сторону, столь резок и неожиданен был боевой разворот. Пули хлестали веером, разрывая портреты на стенах, сея ужас и панику в толпе.

Белый взмыл и сразу превратился в черную стрекозу. Малышко, задетый пулей, будто бритвой по плечу полоснули, перебросил автомат в левую руку:

— Давай, Кузя. За тем! За первым!

Белый бросился сверху на того, что раскручивал кренделя над площадью, пытаясь предугадать развитие событий. Белый бил короткими очередями.

Военный задымил, закрутился и в агонии понесся над трибунами.

— Ну, теперь один на один!

И они начали танцевать, уносясь за стены Кремля, за башни, и только чуть приглушенный рев двигателей выдавал их, напоминал, что смертельный поединок продолжается. И снова они появились, как два боксера, сначала над куполом Верховного Совета. Затем продолжили танец вокруг Спасской башни. Военный пытался перехитрить, делал финты, дергался то вправо, то влево. Преимущество в силе огня было на его стороне. И тогда маленький «Белый» упал вниз, раскрутился над самыми кремлевскими стенами и саданул снизу в брюхо автоматной очередью.

Военный попытался обернуться, ответил огнем, но лишь расстрелял часы, а сам бухнулся на рогашины башни.

Запахло керосиновой гарью, все бежали прочь от площади, стрелки часов на Спасской башне повисли на половине шестого.

Новые сотрудники недолго оказывали сопротивление. Запас патронов у них быстро кончился, да и стреляли не очень метко. Единственной жертвой стал голубь, наблюдавший поединок с крыши. Охранники взялись за топоры, но еще никому не удавалось победить Егорыча в рукопашной. Скоро все было кончено.

— Пошли, Тихон Митрофанович, — ласково сказал Егорыч.

А Николай-диггер добавил:

— Вы что предпочитаете? Огрызки или Лефортово?

А над площадью все еще разносился голос Колобкова. Он взлетал, набирал силу, доверительно затихал, вселяя веру и надежду:

— ...Мы смотрим сегодня уверенней, чем вчера. Самое трудное — позади. С праздником, дорогие сограждане!

20. Верховный главнокомандующий

В кабинете царило тягостное молчание. Первым нарушил его Блинов:

— Надо что-то делать.

Он окинул взглядом мусор, бутылки, доминошные костяшки, телогрейки, рубанок...

— Наведем порядок! Не кабинет — а красный уголок в сельском клубе.

Это было мудрое решение. Появились веник, ведро, тряпки. Все взялись за дело. Никто не заметил, как из соседней комнаты вышел усталый седой человек в перемазанных грязью ботинках, с рассеченной бровью, на которой висела красная капелька.

— Николай Борисович?

— Уборку затеяли?

Президент скинул плащ, взял со стола какую-то бумагу, чтоб протереть ботинки, мимоходом взглянул.

— Указ? «О мерах по борьбе...»

Не дочитал, вытер указом ботинки, скомкал, бросил по-баскетбольному в ведро. Попал. Все обрадовались. Улыбнулся и Президент.

— А мы вас обыскались, — сказал Блинов.

Рассказ Николая Борисовича о своих злоключениях

Заблудился, понимаешь...

Еды нет, питья нет. Есть только куда по нужде сходить. Шел до последнего. Вижу — дверь. Стальная. Рычаг нажал — открылась. Мрамор, чистота. Солдатик службу несет. Меня увидел — к козырьку: «Здравия желаю, товарищ Верховный главнокомандующий!» — «Здорово», — говорю. А форма у него не наша. Наша, но как раньше была. С ромбами в петлицах. «Что здесь?» — спрашиваю. «Ставка, — отвечает, — Верховного главнокомандующего. Ваша ставка, товарищ Сталин». Дошло до меня, что он здесь со времен войны дежурит. «Лет-то тебе, — спрашиваю, — сколько?» — «Двадцать». — «А Сталина видел?» — «Нет, — говорит. — Дед мой видел и бабка. А отец и мать — только на портретах». Отец у него был политрук-майор, а мать — сержант, повариха... «Ну, а портреты где?» — «Три было. Один сгорел, а два мыши съели. Так что не видел вас никогда раньше». Такие дела. Один он там остался. Поумирали все. Но службу несет. Ефрейтор Жилин, двадцати лет...

Президент задумался, переживая свое, сокровенное:

— Какие люди! Я понимаю все: инфляция, преступность... Неурожай. Цены растут. И невыплаты. И коррупция везде. И пенсии маленькие. И на культуру денег нет, и наука разваливается. Но люди-то какие! Какие люди! Нете, что здесь, наверху, нытики да журналисты, а настоящие — народ. Вот наше золото.

При слове «золото» Николай Борисович загрустил:

— Конечно, деньжата бы не помешали, елки-палки! Конечно! Но где их взять? Бюджет так и сяк шьем. Армии дашь — у аграриев дырка. Аграриям...

Президент махнул рукой:

— А-а... Им сколько ни давай... Э-эх! Вот бы золото найти. Партийное, будь оно неладно.

Диггер Николай вспомнил. Как же он забыл?

— Николай Борисович. Разрешите мне. Позвольте. Только не через пролом. Дайте команду меня пропустить.

— Куда?

— В Мавзолей.

— Что там забыл? Вождь пролетариата на месте. Сам видел.

— Знаю. Я хочу его карманы проверить. Не взял ли он что с собой. Я быстро. Пять-десять минут.

— Пусть идет, — сказал Николай Борисович. — Дай команду, Блинов.

Николай ушел. Все посматривали на часы... Ждали. Разговор не клеился.

И он появился. С конвертом в руках. Из конверта Николай вынул простой листок бумаги. Развернул. С трудом начал читать. Почерк был детский, крупный, неразборчивый: «Чек. Золото партии. Придет нужда — возьмете. Раньше — ни-ни! Прошу никого, кроме преданных партии людей, не брать. Все. Здесь 10 000 000 000 долларов. Выдан мною, 1 ноября неважно какого. Генеральный секретарь партии, Леонид... Брежнев...»

Когда Малышко открыл глаза, то увидел два склоненных над ним лица. Одно — с каштановыми волосами, чуть усталое, глаза карие — жена... Другое — молодое, веселое, стрижка — под мальчика, на щеках — ямочки.

— Наконец-то, — сказала жена. — Живой.

— Хай! — сказала Сьюз. — Как дела?

— О'кей! — с трудом сказал Малышко. Жутко болело плечо, ребра с правой стороны груди. И нога, но левая. Ребра срастутся, не первый раз. А вот с ногой что?

— Мы тут с утра дежури́м, — сказала жена.

— Зря. Я же говорил, со мной ничего случиться не может.

— А сейчас, — спросила Сюз, — что?

— Мелкий ремонт.

В палату вошла медсестра:

— Сделаем укольчик.

Малышко приподнял свинцовые веки. Брюнеточка. Чуть полновата снизу, при ее росте. А в остальном — все пышет, все дышит.

Когда сестричка закатывала ему рукав, он, как бы незначай, коснулся ее рукой. Кончиками пальцев. Она вздрогнула и вопросительно взглянула на Малышку:

— Бо-ольной?

Малышко не понял вопроса, но твердо знал: «Проскочила!»

Дверь за медсестричкой захлопнулась. Сюз и Ольга Алексеевна пристально рассматривали Малышку.

— На поправку пошел, — сказала жена.

— Не очень ли скоро? — спросила Сюз.

Малышко тяжело вздохнул. Простреленное плечо, нога, сломанные ребра — это так, пустяки. Самое трудное — впереди. Это он хорошо понимал. Собачьим нюхом чекиста.

Необыкновенное происшествие в деревне Огрызки

(записки бывшего алкаша)

**Льву Мухину —
другу по жизни и учителю
по ее возникновению**

Этим летом я гостил у своего друга

художника Д., километрах в двухстах от Москвы. Однажды вечером, когда солнце пошло на снижение, а гудение комаров сделалось невыносимым, мы решили разжечь самовар. Собрали шишки, приготовили щепки, мой друг принес из сеней какие-то бумажные листочки, я поднес было к ним спичку... Но зацепился за первую попавшуюся мне фразу.

Ни о каком самоваре больше не было и речи.

Я собрал листочки, сложил их в строго пронумерованном порядке и удалился в дом, где несколько часов предавался чтению. Прочитав все до конца, я поинтересовался у своего друга, кто автор этих записок.

— Бывший хозяин дома, — ответил мой друг. — Алкаш был — каких свет не видел. Жил здесь лет двадцать назад, куда потом делся — никто не знает. Я купил этот дом у его жены.

Несколько месяцев я пытался разыскать бывших хозяев дома, навел справки, ездил в разные учреждения, но так и не выяснил ничего.

И тогда я перепечатал эти записки на компьютере, смягчил чересчур уж откровенные выражения, исправил огромное количество грамматических ошибок и вот...

Думаю, автор простит мне подобное самоуправство.

В тот момент, когда тучки над Чернобылем вспыхнули яркими красками, завывли одна громче другой сирены пожарных машин, я, ваш покорный слуга, и в мыслях не имел, что стану описывать эти события, потому как, кроме стакана, ничего в руках держать не мог, а чтобы вот так, как сейчас, запросто карандашиком по бумажке или — шлеп-шлеп, на пишущей машинке, скажи мне тогда, я бы помер со смеха, а про другие свои качества, проявившиеся впоследствии, и сказать боюсь, сочтут за фантазмагорию. Но обо всем по порядку...

Итак.

В тот памятный для всего человечества день мы, то есть я, Валерий Прохоров, и дружок мой по проживанию на одной улочке Алексей Глухарев, сидели на поездных путях и размышляли о судьбах мира. Точнее — размышлял Лешка, а я внимательно слушал. Он после принятых, не буду говорить сколько, был склонен к философированию. А я как товарищ настоящий выслушивал. Хотя меня очень тянуло домой к Наташечке моей, которая поругает-пругает, да отойдет.

Было темно, сыро, пахло оттаявшей землей и первыми травяными ароматами. Все дышало живительными соками природы. Лешка говорил о единении человечества перед загадками мирового космоса — вот тут-то и грохнуло.

Собственно, грохнуло не у нас, а за сотни километров, но в силу определенного состояния атмосферы мы увидели яркую вспышку. Все озарилось будто в летний полдень, и так это было страшно и непонятно, что если б не ставшие ватными ноги, бежать куда глаза глядят, бежать от всего этого кошмара, бежать и бежать.

Потом все погасло, стало темнее, чем прежде, и только по небу бегали разноцветные молнии, и возникали на об-

лаках то тут, то там какие-то лица, машины, обломки бетона, пожарные шланги. И еще очень важная деталь. И я, и Леха, когда страх прошел, это мы потом обменивались, во всем теле почувствовали странное покалывание и необычайную легкость.

Сейчас, спустя много лет после атомной аварии, я оцениваю происшедшее со мной и моими деревенскими сожителями как влияние отраженной радиации и наложение ее на еще один, возможно самый главный в этой истории, фактор. Все участники описываемых мною событий: и Леха, и дед Михей, и Димок, и Лизуня с фермы употребили в тот день странный портвейн краснодарского розлива, имеющий вкус и запах натурального коньяка. Завезен он был вместе с турецким чаем и морской капустой в обед, стоил чрезвычайно дешево, и через три часа от семи ящиков осталась только разбитая неосторожно бутылка и мокрый подтек на полу, а евший на этом подтеке голову сардинеллы кот Мурзик, что немаловажный фактор, стал участником нашей истории. Вот и гадай после этого, какая материя первична, а какая — нет. Впрочем, обо всем по порядку.

Утро следующего дня выдалось яркое, солнечное. Все сияло и пело, как в зарубежных фильмах. Я вышел из дома пораньше, пока Наташечка моя не проснулась, имея идею заглянуть к тете Груше, которая несмотря на указы и приходы милиционера, промышляла изготовлением лучшей во всем мире «грушовки». За свои слова я несу полный ответ и когда наступит время, дам им соответствующее разъяснение.

Ноги мои по привычке завернули к утоптанной всей деревней тропинке, как вдруг неожиданно для себя я понял, что ничего подобного мне не требуется. Более того. Я ощутил прилив сил, будто только попарился в баньке. Весь окружающий пейзаж полыхал разными красками. И вроде все это я видел впервые. И этот туман в низиночке речушки нашей, нежный и ласковый. И кустики над ним в

листочках первых. И небо над гречишным холмом в рассветных розовых облаках. И все было так необычайно празднично, и такая в этом была грусть и красота, что захотелось песню запеть или поделиться с первым встречным своими чувствами, вроде подъема души перед первым стаканом. И еще одна деталь. Кот магазинный Мурзик в затажном прыжке за воробьем пролетел метров тридцать, плюхнулся перед забором, между кучей ржавых банок и телеграфным столбом, подпрыгнул будто на четырех пружинах чуть ли не до вершины столба, и оттуда сверху стрельнул на меня желтым, почти человеческим взглядом, мол, ну и ну, видал, какие делишки? И вроде как завис на пару секунд в воздухе с этим немым вопросом.

Через несколько дней я обратил внимание, что друг мой сердечный Леха совсем исчез с моего горизонта. Раньше мы с ним двадцать раз на дню виделись. То он стакан принесет, то я, а тут напрочь исчез. Если б не Леха, а кто другой, я бы к нему не пошел. Самолюбие собственное имеется, но Леха — это особый вариант, одно слово — Леха.

Вот я и решил проверить: здоров или нет. Если помер — и обижаться нечего, если жив — другой разговор, тогда состоится беседа.

Подхожу — сапоги у крыльца стоят. Чистые, мытые. Или перед Лизуней грехи замаливает, или в самом деле случилось чего.

Лизуня его — вроде Наташечки моей, ни грамма не одобряет. Даже в форме сухого вина. Иногда после дружеской встречи спросишь его:

«А что, друг дорогой, у тебя под глазом?»

«Так, — отвечает, — на угол наткнулся. В сених темно, лампочка сгорела».

Знаем, конечно, что это за угол. И он, и я. Знаем. Но дальше справляться не следует, чтоб дружбу не напрягать.

«Ты поосторожнее, — скажешь, — с лампочками этими».

«Да, — ответит он, — все ввернуть собираюсь».

«Вверни. А то без глаз останешься».

«Естественно. Сегодня куплю и верну».

Так он мне наворачивает, а я ему. И он знает, что я не верю про лампочку, и я знаю, что он знает. Потому что с таким синяком и лампочек вворачивать не надо. И так светло.

Дома, кроме хозяина, никого не было. На столе прибрано. Чашки, тарелочки — под беленьким полотенчиком. Цветы на клеенке блестят как живые, хоть в вазочку ставь. Видать, Лизуня только-только ушла. Все помыла, прибрала, клееночку влажной тряпкой протерла.

«Сам» сидел на кровати и в окно смотрел. Кровать высокая, с металлической спинкой. Лехины ноги до пола не достают. На одной шлепанец, а другая просто так болтается. Вхолостую.

— У Груши был? — спросил я.

— Еще чего. Груша.

И смотрит в окно. Пристально-пристально. Как с перепоя, только абсолютно трезвый. Уж я-то знаю.

Я тоже посмотрел — ничего особенного. На стекле трещина, она всегда здесь была. За стеклом — солнышко, листочки всякие.

— Эй! — позвал я его. — Дорогой товарищ.

Он перевел глаза, будто видит меня впервые.

— А-а, это ты.

— Кому ж еще быть?

— И правда, кому.

И снова — в окно.

— Милый, да ты живой?

— Живой, живой.

И опять — в окно.

— Что там увидел?

— Солнце, Валер, солнце.

— Ну, удивил. Солнце он увидел. Вот удивил. Да тебе, друг дорогой, к Груше срочно бежать. Если она не поможет, тем же ходом в психушку.

Леха спустился с кровати, попрыгал на одной ноге, натянул штаны, заправил под пояс синюю майку.

— Это ты правильно сказал. Это точно. Туда мне самая дорога. В психушку. Выхода иного для себя не вижу.

И сел за стол. Налил в стакан чаю. Похрустел сухарем. И опять — в окно, на солнце.

— Все, — сказал я. — Ухожу. Я ли не товарищ твой? В чем дело? Скажи.

— Хорошо, скажу. Сам напросился. Не хотел говорить, но скажу. Скажу.

Он сидел за столом неуклюжий, худой. Шея длинная, как у петуха. Не человек, один сплошной профиль.

— Понимаешь, — говорит, — пацан мне задачку принес. Утром после нашей гулянки. «Помоги, говорит, папаша, задачку решить». А как я ему помогу? Пять классов без четырех, да еще после этого. «Ладно, говорю, неси. Хотя своим трудом должен по жизни шагать». А сам думаю: подгоню к ответу, чтоб авторитет не терять. Сын все же, не хухры-мухры. Он приносит. Про бассейны там, с иксами. И вдруг... Будто озарило меня. Будто я всю жизнь про бассейны решаю. Бац! — и решил. Он еще, про поезда. Я снова — бац! Весь задачник в пять минут прикончил. Пацан рад, хохочет. И тут он решил на мне эксперимент поставить. Помнишь — доходяга у нас прошлым летом жил? Докторскую сочинял. А сам водку жрал и про звезды трепался. Ну, Лева, из академии. «Вселенная разбегается, вселенная сбегается». Никто ни черта понять не мог... Тащит мой пацан с чердака его книжки. И черновики всякие. Летом я листал — ни хрена не понял. Значки какие-то, закорючки как глисты. А тут смотрю — все ясно. Все! Формулы для меня как семечки. И как планеты вертятся, и как галактики расходятся. И отчего звезды энергию выбрасывают. Даже ошибку нашел. Там, понимаешь, в протонном цикле, когда четыре ядра водорода сливаются, разница в массе идет, согласно Эйнштейну, на разогрев, а не остается в веществе.

Леха долго еще чего-то болтал, а я смотрел и думал: «Да, друг дорогой, тетя Груша вряд ли тебе поможет. За что тебя так?»

— Впрочем...

Леха взглянул на меня.

— Чего я перед тобой выкобениваюсь? Для тебя все это лес темный... Так говорю?

И в глазах его было такое, что я объяснить не в состоянии. Такая пронзительность ума, такая глубина и ясность, ну будто человек все на свете усек. Такие глаза я лишь однажды видел. У барана нашего Федьки, когда резать его вели.

Я не стал Леху пугать про свои ощущения. Если с портвейна, тогда вместе пойдем. По одной дорожке. Всю жизнь рядом, что нам психушка?

И вдруг меня прошибло до слез. Такая грусть и тоска взяла, что жизнь наша общая лет двадцать идет. И этого дурака я знаю насквозь. И люблю, сил моих нет. И походку его, и шею петушиную, и сердце доброе, безотказное.

— Чего это с тобой? — спрашивает Леха.

— Та-ак, — говорю, — муха в глаз попала.

— В два сразу?

— В один. Второй сам заслезился.

— Смотри, мухи разные летают. Помнишь Петра с газопровода?.. Вот-вот. Как бы и тебе палец не отрезали.

— У меня — не палец, глаза.

— Вот-вот. И у него с глаз начиналось. Смотрит, а пальца уж нет. Такая, брат, экология.

И снова — в окно.

— Понимаешь, Валерочка. Только не хохочи. После случая этого я о жизни задумался. Планеты, например. Не вечны они. Я подсчитал. Солнце наше. Дорогое, любимое. Вот оно, ласковое, в окошечко светит. Думаешь, всегда будет нас согревать? Черта лысого! Всего пару миллионов лет, а потом расползется в объеме как гнилой помидор. Хрясь! И вся наша планетная система накрылась. И Земля-матушка, вместе с Марсом твоим и прочими Венерами.

Что ни делай. Сей, паши, дома строй, кукарекай. Конеч всему один.

— Бро-ось...

— Точно. Я подсчитал, а потом в книги доходяги того взглянул. И нашел полное тому подтверждение.

— Ну и хрен с ним! Это ж когда? Ни нас с тобой, ни внуков, ни внуков внуков не будет. Может, люди придумают что.

— Нет, Валера. Если мы с тобой не придумаем, никто за нас не сделает. И придумать надо срочно. Пока есть время.

И опять у меня все в душе подпрыгнуло. Такая любовь к товарищу. Что он за все человечество убивается. Сердцем своим готов всех обнять.

— Валерий, — говорит Леха. — Не нравится мне эта муха. Смотри, как из глаз течет. Запрягай трактор и — в город. К Егору Фомичу.

— Он же по свиньям врач.

— Ничего. Глаза у всех одинаковые. Что у свиней, что у человека. Два, не четыре. Только брови разные.

— Не буду запрягать. Проходит вроде.

Я отошел к окну и посмотрел на солнце. Не выдержал, зажмурился. Не верилось, что когда-то оно погаснет.

И снова открыл глаза.

Весь мир сиял и радовался. Переливалась зелень. А небо, небо. Такое голубое, что песню хотелось запеть:

— ...Я люблю-ю... тебя, жи-и-изнь...

— Ну, ты даешь. Не мне, а тебе, брат, пора в психушку.

— И пусть!

Я подскочил к Лехе, обнял его — он весил пушинку, и принялся вертеть и носиться с ним по комнате.

— Пусти, пусти, черт. Совсем сбрендил, пусти. Ну, отпусти, а то обижусь... Да пусти, некогда мне. Пусти!

Я посадил его снова на стул. Леха поправил жиденькие волосенки.

— Надо придумать, как катастрофы избежать. Обязательно. Нельзя допустить, чтоб вся наша планетная систе-

ма погибла. Нельзя. Это будет преступлением перед человечеством. Нельзя.

Он взял листок из-под сухарной обертки, карандашный огрызок и принялся рисовать разные кружки и спирали. И цифры, цифры. И еще какие-то закорючки как глисты, и буквы не наши. И все быстро, быстро, и при этом шептал что-то и про себя, и вслух. Как пианист на концерте. Я когда этих хмырей по телевизору вижу, всегда думаю, что они перед нами выпендриваются, которые в их музыке ни черта не понимают. Мол, смотрите, какие мы гении, вам и не снилось... Но они — понятно, а Леха что? Он-то не выпендривается. На кой черт я ему сдался? Я же не «миллионы телезрителей»? Значит, он и правда гений?

Эта мысль меня потрясла. Гений, точно гений. Все человечество спасает. На него одного теперь надежда.

Я хотел потихонечку выйти, стал пятиться, пятиться и ткнулся в Лизуню. Она только-только вошла. Пахнуло сеном, навозом. Вся она была такая веселая, ядреная. Как солнце. И с хохотом, и громким голосом.

Сначала я испугался. Лизуня сильно не одобряет нашей дружбы, может из дома попросить и кастрюлей шандарахнуть, но в данный момент мы оба не употребляли, чистые как молодая зелень. О Вселенной рассуждаем, о людях думаем. О всем человечестве.

— Знаю, что не употребляли, — сказала Лизуня. — Все знаю. Эту, значит, Зорьку дою, ту, что в болоте тонула. И думаю, значит: «А что мои орлы? У Груши или где?» Тут Танька кричит: корма разгружать! «Сейчас, говорю, иду...» И вдруг так ясно услышала про солнце, и чепуху всякую, что вы болтаете. Было так, а? Или нет?

Не ищите на карте деревню Огрызки. Нет ее там. Не найдете. Ни на областной, ни на районной. Может, на военной есть. На которой все занесено. На других картах все перепутано. Реки черт-те куда текут, моря черт-те что омывают. А на военной все есть. Каждый кустик, каждая тропка на строго отведенном месте. Как в действительной жизни.

ни. Поэтому военная карта — самый большой в жизни секрет.

Я однажды только такую карту видел. Когда лейтенант велел нам трубу проложить. Из пункта «а» в пункт «б». Названия, сами понимаете, секретные. Сколько лет прошло, все раскрыть боюсь.

Развернул наш лейтенант карту, стряхнул с нее хлебные крошки, осколки сургуча, яичную скорлупу — отчего я понял, что карта эта выполняет и другие функции. Взглянул и быстро-быстро накрыл рукой, чтоб я ничего не запомнил. Затем ткнул пальцем в окружающее пространство и сказал:

— Вот там, Валер, будешь копать.

— Где?

— Там... Между березой и вон той желтой бабочкой. Чертежей пока нет. позже пришлют. А работу требуют. Ты копай, копай. И чтоб земли больше было. Чтоб работа была видна.

Я тогда уже до сержанта дослужился, командира взвода, и вместе со своими солдатами стал копать.

Пахло свежей землей, жужжали мухи, ревели бульдозеры. Жара стояла дикая. И освежиться негде. Ни речки, ни ручейка. Зато по вечерам, когда все стихало, мы долго мылись, а потом с лейтенантом ехали в город, на танцы. Я — в его, лейтенантской. Он — в моей, гражданской. Были у нас девушки, две подружки. Одна — дачница, другая — ее хозяйка. И все мы четверо были почти одногодки. Ох, как было весело. Днем копать, вечером танцевать, а ночью добираться на попутках к себе в городок.

Потом, когда мы прокопали траншею, уложили бетон, опустили огромные трубы, хоть в футбол в них играй, пришли наконец чертежи. Лейтенант смотрел в них ошалелым взглядом. Но что он мог понять, что увидеть? Он — выпускник пехотного училища. А я до армии трактористом был, в чертежах разбирался.

И увидел я себя на Крайнем Севере. На Новой Земле. Туда обычно сгоняли всех нарушителей воинской дисципли-

лины. Там, как рассказывал капитан Сивков, проводили испытания новейшего атомного оружия. И там однажды капитан Сивков вместе с майором Беспальым лежали в одной койке, укрывшись всеми одеялами, и ждали, куда повернет атомное облако, к острову или в океан. Облако повернуло в океан, иначе бы я не узнал этой истории...

А увидел я себя на Крайнем Севере потому, что место, указанное лейтенантом для рытья траншеи, отстояло от суровой действительности ровно на столько, на сколько танцевальная площадка от Новой Земли. И огромные наши трубы для заправки ракет напоминали те самые реки, которые текут, текут и никуда не впадают.

— Ты чего? — спросил лейтенант.

— Ничего. Суши, Николаич, сухарики.

Но нам повезло. Сушить сухарики не пришлось.

Лейтенант схватил энцефалитного клеща, а меня отправили в противоположную сторону. На Кубу. Так срочно, что я не успел с рядовым Моисеенко допить бутылку «перцовки». Вошел штабной старшина, вручил пакет, взревел «газик» — пыль из-под колес... И я — на Кубе. Строю ракетные площадки, которые потом и взрываю... Но о Кубе — потом. Куба — не Новая Земля. И не Огрызки. Кубу все знают. И Кастро кубинского... А вот деда Михея из Огрызок... Хотя борода его ничем не уступает кастровской. Но я эту несправедливость исправлю. Расскажу... Только потом.

Значит, Огрызки... Идешь себе, идешь... Лес, поле... снова лесок. Собираешь ягоды, грибы. Малину, землянику, в зависимости от сезона. Чего только в наших местах не водится. Если найдешь гриб, белый или подосиновик, обязательно крепкий и на шляпке хвойная игла будет. Почти всегда. Оторвешь иглу, останется шрам. Вроде как от сердца оторвал. Эх, любовь, любовь. Коротки летние ночи. Он такой крепкий, молодой. Лезет из земли вверх, к запахам, к звездам. Встретил ее. Усталую, прошлогоднюю. Встретились на миг, а расстались навсегда. Но это так, романтика. Занесло вдруг.

А когда выйдешь из леса, вдали, за желтым полем гречихи, на холмистом пригорочке, в тени ползущих по земной поверхности облаков — деревенька, десяточек крыш. Уползет тень от облачка, она и засверкает празднично, хотя сверкать особенно нечему. Все старенькое, покосившееся. И стены, и крыши ржавые. У кого и вовсе из соломы. Небо голубое, солнце, и яркое поле, и желтый гречишный цвет из чего уютно картинку сделают.

До деревеньки еще надо идти. И через поле спуститься к речке. И перейти ее вброд. Прыгнуть на башню утонувшего в войну немецкого танка. Еще прыжок — и на том берегу. А не перепрыгнул, поскользнулся на глинистом берегу — лететь тебе в студеную воду. И выбираться на берег, цепляясь за скользкие стебли. И хорошо, если сразу вылезешь. Утонуть не утонешь, но простудиться — запросто. Вода в речушке холодная, ключевая. Не хуже, чем на Новой Земле.

Ночью я проснулся от странного чувства. Будто кто-то гладит меня. Открываю глаза — Наталья, родная жена. Что это с ней? Хорошо, со сна имени чужого не назвал, резких движений не делал.

— Ты чего?

— Ничего.

Ну и дела. Двадцать лет вместе прожили, а такого не припомню. Первый год, правда, случилось иногда рассвет встречать, но то молодость была, цветение всех душевных и физических сил. А сейчас? После стольких лет супружеской жизни!

— Спи, — сказал я. — Мне рано вставать.

— Как рано?

— В семь. Молоко везти.

— А мне — в шесть. Еще ранее тебя.

И ко мне подбирается. Рубашка на ворота оттянулась, и такие дыни свисают.

Не удержался, дотронулся.

— Аа! — вскрикнула Наташечка.

Я не на шутку испугался. Во-первых, раньше таких криков за ней не числилось. Как дочь родилась, всегда первой к стене отворачивалась. Вроде задача наших отношений выполнена, можно и поспать. Отсюда и Люська «брянская» завелась, и Верка с молокозавода, и Шуреночек. Как начнешь вспоминать — кто всплывает ярким пятном на фоне стога сена или бутылки «полынной», а кто навеки забыт. Винегрет вспомнишь, селедку, чей-то голос женский. А чей? Все в забвение ушло. И какая красавица за этим голосом прячется? Не узнать никогда. Сколько ни вспоминай.

— Что дочь родная подумает?

— А мы что, не люди?

Я по-настоящему рассердился.

Дочь шестнадцати лет спит рядом за тонкой перегородочкой, и это ей не помеха.

— Уйди, — говорю, — по-хорошему.

Оленька от наших разговоров проснулась.

— Нельзя ли потише? Совсем с ума сбрендили?

— Спи, дочурка, — говорит Наташечка. — Мы так себе, разговариваем.

— Знаю я эти разговорчики, не маленькая.

— Слышишь? — шепчет Наташечка. — Она поболе нашего знает.

Я встал, накинул ватник, во двор вышел.

А на природе — весна. Лунная ночь. Все дышит, шевелится, цветет и пахнет. И соловьи поют, и лягушки. У каждого своя песня. В зависимости от талантов и душевного трепета. И каждый всем существом к другому тянется, иначе нельзя. Так устроена жизнь. Вот о чем я подумал в данный момент.

И Наташечка вышла. В плаще поверх рубашки. Но рубашка длиннее. В предрассветной тишине — будто плащ с белой каймой.

— Простудишься, иди, — говорю ей, хотя знаю, что не простудится. Такой холод в ее лавке бывает, закалилась давно.

— Не простужусь.

И на скамейку у дома садится.

— Посидим, Валер? Просто посидим.

Присел.

— Что дальше?

— Не знаю, что со мной. Будто от сна очнулась. Спала, спала. И глаза открылись, и еще одно. Стыдно сказать... Ну, это... Тебя разбудила. Извини.

Мне стало жаль — жена, родной человек. А я ее муж, мужик. Не только по добытию средств, заготовке дров. Средства, в основном, она добывает, дрова, огород — тоже она. Дочка — опять она, стирка, готовка... А я как трутень, как худший паразит. Вся жизнь в стакане. И даже прямую свою обязанность исполняю не чаще в месяц раз, когда Шурка моя болеет, Шуреночек мой. Голубоглазенькая, скуластенькая. Ох, эта Шурка. Ох, Шурка!

— Пошли!

— Куда, Валер?

— На сеновал.

— Ты что? Там же холодно.

— Ничего. Разогреемся.

Наташечка засмеялась, я обнял ее, она сопротивлялась. Но так, для вида, а сама шла охотно, но делала вид, будто я ее тащу, а не она идет.

— Отстань! Ты что? Сдурел, да? Сдурел? погоди, тут скользко. Постой, не беги.

В сарае было холодно и пахло плесенью. И сено — не сено, а солома также была влажной.

Я взобрался наверх, сдернул с гвоздя клеенку. Постелил.

— Влезай.

— Дай руку, помоги.

И понял я вскоре свою ошибку. Но поздно. В самый решающий момент понял. Не надо было все затевать. И место непривычное, и утренний час, и все, что хорошо для незнакомой женщины, для родной жены никак не годится.

Привычные рефлексы разрушаются — где подушка, спинка кровати, чтоб ногой упереться? Где?

— Ты что, миленький?

— Холодно.

— Возьми мой плащ.

— Не надо.

Я завернулся в клеенку, уткнулся мордой в солому, и так было нехорошо на душе, что не расскажешь. Обычно в таком состоянии я предпочитаю сразу стакан, а потом гляжу, стоит ли продолжать. Если не отпускает — не стоит, и дальше не поможет, сколько ни пей.

— Конечно, — говорит Наташечка, — некоторые вертихвостки не пашут, как я, с утра до утра. И постирать, и приготовить. И тебя, алкаша, обмыть и спать уложить. С такой жизни любая пенсионеркой сделается.

— Пенсионерка? — возмутился я. — В зеркало посмотри. Такие формы в стриптизе показывать, а не в глуши прятать.

— Правда?

Надо было спасать положение. Намеки Наташечки на некоторых вертихвосток внушали опасение. Шурочку она засекала как-то со мной на тракторе. Но я тогда уверял, что она прислана с завода по рекламациям на двигатель и проверяла расход солярки на километр пробега. Тогда все вроде сошло. Что за намеки теперь? Я обнял Наташечку и даже поцеловал, а чтобы привести себя в форму, стал рисовать картинки. Будто не с Наташечкой я, а с Шуреночком своим. Ну, с Шуркой. Она, зараза, жилистая, крепкая. Схватит — не вырвешься, дрожит. Такая в ней сила. И молже, конечно, Наташечки моей лет на десять. И как я ее, скуластенькую, представил, дела на лад пошли. И слова всякие, и прибамбасы. Наташечка совсем обомлела.

— Валер, — говорит, — чего с тобой?

А я весь в своем воображении:

— Ничего, — говорю, — Шуреночек. Ничего.

Очнулся я на полу сарая. Руки у Наташечки сильные, к ящикам привычные. Если очень перед ней провинился, как кот Мурзик летишь.

Потом уже, на следующий день, я разобрался в причинах ее состояния. В обычной жизни она — ни грамма. А в тот злополучный для всего человечества день «краснодарского» отведала. Бутылка разбилась — не выбрасывать. Ну и добавила грамульку в кипящий чайник. И эта грамулька боком мне вышла.

Наташечка моя в магазине работает, не помню, говорил или нет. Небольшой магазин на колесах. Точнее — вагон. Очень давно, перед самой войною, рельсы через нашу деревню тянули. Особую секретную ветку. В сторону Турции. По этим рельсам бронепоезда должны были двинуть, когда время придет южные страны завоевать. В целях победы мирового пролетариата над ихним. Работали на этом участке строительства то ли чукчи, то ли эскимосы. Их несколько тысяч сюда завезли. Решили: раз они наш язык не знают и место не знают, большая вероятность, что все в тайне останется, и никого не надо будет после расстреливать. Тоже преимущество — на патронах экономия. Лучше они на поле боя сгодятся, чем тратить их в мирное время. Так вот... Чукчи сами — народ мелкий. И бабы их — такие же. Не больше собаки. А у нас — порода другая. Наши бабы — и рост, и размеры. Для чукчей просто цирковое зрелище. Спрячутся за забором и пучат глаза, как наши Дарьи да Марьи вилами орудуют. И языком цокают. Сначала бабы пугались, а потом проучить эскимосов решили. Похитили одного и приволокли в баню. В нечетное число, в женский день. Во-первых, эскимос этот никогда в бане не мылся. От одной мыльной пены чуть с ума не сошел. Решил, что из тела она сама собой лезет. А во-вторых, понимаете... Когда пена смывается и все прелести на виду? Короче — эскимоса этого пришлось назад отправлять. В родные края. Какой после этого зрелища из него работник? И дружки его под заборами прятаться перестали. Испуга-

лись. Видно, тот эскимос все рассказал. А рельсы до Турции так и не довели. Война грянула. Эскимосов наших в конницу призывали. Командующий сказал: «На оленях ездят, а чем конь не олень?.. Рогов нет — еще лучше. Не забодает всадника». И первый бой наши эскимосы выиграли. Немцы как увидели их на конях, в шкурах и с родными копьями, решили: конец света настал. А после войны по этим рельсам вагон прикатили, «Продуктовую лавку». Единственный вагон, который по секретному пути прошел. Много продавцов в вагоне работало. Кому пять лет дали, кому три, некоторым условно. А Наташечка моя лет пятнадцать в нем трудится. И ни одна комиссия к ней не подкопалась. Все чин-чинарем!

А поженились мы так. Я только-только из армии вернулся. Слаще морковки, естественно, ничего не видел. Служил я в стройбате, в дремучих лесах. После Кубы, конечно. До бабы ближайшей километров тридцать. Болота, комары... А строим мы метро, как уверяет начальство. Все под землей, только нет туннелей. «Станция Междуреченская»... «Станция Лесная»... И все, конечно, хорошо знают, какое это метро. И наши, и деревенские, и тем более американцы... Так вот... Нас на этом «метро» гавриков тридцать. И еще старшина. Просеки рубим. Бульдозеры, экскаваторы. Котлованы под землей копаем. Ну, вроде станции. А разговоры, естественно, только об одном. Особенно по ночам в палатке. Все с ума сходят. А баба во всей округе одна, стрелочница. Сначала надо идти на север, потом через болото на юг, потом по узкоколейке километров двадцать, тогда на ее будку и выйдешь. Главное — узкоколейку не пропустить, она незаметная. Наших, стройбатовских, она уважала. «Во всей армии, — говорила, — лучше стройбата нет! Как мужа похоронила в Гражданскую, верность стройбату несу. Ни на танкистов, ни на артиллеристов, ни на кого не променяю». Я ее понимал. У тех — танки, «БТРы», пара часов — и в городе. Танцуй — не хочу. И кто, кроме «стройбата», к ней за тридевять земель пой-

дет? Никто. Поэтому она стройбат уважала. Кормила, поила, на дорожку узелок давала. Конечно, тем, кто дошел. Но бывали случаи, и не доходили. В сугробах замерзали. Хотя в смысле болот — зимой легче, не утянет. Зимой болото — форменный асфальт. Поэтому спорили, когда лучше ходить. Зимой или летом? Я решил серединку взять. Поздней осенью пошел, по первому морозцу. Но, как выяснилось впоследствии, немного заблудился. На север круче взял и вышел совсем на другую ветку. Там тоже будка была. Я радуюсь, что дошел, ногой дверь открываю... Вижу — стрелочница. Пышная, красивая. Ну, вся в моем вкусе. Решил: врут ребята про внешность, чтоб конкурентов не плодить.

«Привет, — говорю, — пришел передать от всей строительной роты».

Она хохочет: «Спасибо, красавец! Закусить не желаешь?» — «Желаю, — говорю, — но лучше потом». И гимнастерочку через голову — рраз! От спешки, видимо, или от сильного волнения пуговички нужные не все расстегнул. И голова моя в воротнике застряла. Ни туда, ни сюда... Никуда не проходит. Темно, душно, ничего не видно. А пуговицу на ощупь найти не получается. Наконец — надоело, дернул. По шву хрустнуло, и вылез на божий свет. В синей своей армейской майке. А красавица моя уже не одна. С ней мужик стоит. Угрюмый, с лопатой. Про мужика мне наши не рассказывали. «Вы кто, — спрашиваю мужика, — будете?» — «А ты как думаешь, кто?» — говорит мужик и смотрит на майку: «Уж так и жарко?» И тут до меня дошло. Это ее мужик, уж очень по-хозяйски он рядом стоит. И от волнения все в голове моей перепуталось. «Я знаю, — говорю, — вы кто. Вы муж ее. Вас по ошибке похоронили в Гражданскую...»

Ну а после, когда из армии пришел, естественно, куда первым делом? В магазин. Куда же еще? Вбегаю в магазин, в любимый вагончик, там — девушка. Совсем как стрелочница. Вся в моем вкусе. Только без мужа. Ну, и осе-

нью мы поженились. Только не пьет ни грамма. И меня не одобряет. Она и бутылку может разбить, вся бешенеет. Рука у нее тяжелая, к ящикам привыкшая. Иной раз так махнет, что как кот Мурзик летишь. Впрочем, это я уже говорил.

Утром я молоко в город повез, с Лизуниной фермы. Ну, ферма — это так говорится, ферма. На самом деле пять коров осталось после очередной зимы. А доярок еще меньше, одна Лизуня. Кто помоложе — в город, постарше — на пещу. У Лехи права по пьянке отняли, вот мне и приходится совмещать: собственный трактор и его «молоковоз». Смешно, конечно, молока во всей цистерне ведер десять, не больше. В цистерне оно болтается, до города — час с лишним. И привозишь, в зависимости от количества ухабов, молоко, сметану, а то и масло.

Ну вот... Еду я из города обратно. На природу люблюсь. Все зеленым цветом покрылось: деревья, кустики, овраги. Только лес дальний — синий-синий. Не яркой синевы, а будто выцветший. Как тети-Марусин забор. Мужик ее, лет тридцать назад, на лакокрасочном работал и три бидона синей краски припер. И все у них стало синим: дом, забор, крыша. Только поблекло вскоре. Стало как дальний лес. Краска та для тканей годилась, для ситца, но не для деревянных поверхностей. И что характерно, когда он забор красил, на пиджак краской этой капнул. И вот где она первоначальным блеском сверкает. Но это, правда, на другом мужике.

И вот еду я себе, еду... Красотами люблюсь, кои никогда ранее не замечал. Сердце поет и прочие восхищения. Смотрю и глазам не верю. Со стороны оврага к дороге танк немецкий ползет. Вперевалочку, спокойно. Сизый дымок от выхлопа, спереди — дуло. Влезает на дорогу, поворачивает в мою сторону и дулом прямо в кабину целит. Тут я вообще... За что, думаю... Ах, гады, ах фашисты! Я ж не воевал. И в Германии Восточной не служил... За что?! Люк у башни отскакивает с грохотом, и оттуда высовывается...

Димок! Наш Димок. О нем расскажу впоследствии подробней, а сейчас скажу только, что алкаш — почище нас с Лехой. Пятый год у бабки Маруси живет, лет ему за пятьдесят, остальное — потом, чтоб истории не мешать...

— Что, — орет, — испужался?!

А я ему ору:

— Ты что, спятил?! Башня у тебя поехала?!

А он хохочет:

— Испужался. Думал, немцы опять войною пошли? Вне пакта о ненападении.

— Дурак, — говорю, — одно слово, дурак!

— Может, и дурак. Но танк из Вилюйки поднял. Почти полвека пролежал, а я поднял, завел и хоть снова на Москву иди.

— Ка-ак, — спрашиваю, — тот самый танк? Вилюйский?

— Ага. Мотор перебрал, аккумулятор подзарядил, распредвал и форсунки подточил, гусеницы заклепал, электрику подчистил...

— Постой. Ты же не танкист, а летчик. Ты сам говорил, что самолет испытывал. Что от гибели город спас. Что в госпитале три года лежал, пять операций, семь наркозов. И потому пьешь, что к морфию привык.

— Говорил. Мало ли что говоришь, когда выпить не на что. Слесарь я. С завода выгнали. В городе меня все знают, вот я по деревням брожу. Спасибо Марусе, приютила.

Но мне все не верилось:

— Неужели тот танк?! Вилюйский? Но как? Как?!

— Не знаю, Валер. Иду из магазина, «Краснодар» несу. Темень, слякоть. Вдруг светло стало, как днем. Смотрю — Вилюйка. Я на башню прыгнул, оскользнулся, вниз поехал. А вода — не дай тебе, Валерочка. Выбрался еле, дрожу. Хлебнул из горла «Краснодара». Что-что, а ее, родимую, ни за что не выпущу. Сам утону, она будет целехонька. И вдруг — такое тепло, такая ясность в голове и теле. И решение неожиданное: танк этот надо поднять. И знаю, как

его поднять и что делать для этого. И поднял, и ремонт сделал, и завел.

— Ясно, — сказал я и вспомнил о Наташечке. — После «краснодарского» и хуже бывает, танк — это пустяки.

— Ладно тебе, Валер. Все загадки, загадки... Садись за рычаги. Ты ж тракторист. Ну? Куда едем?

— Куда, куда? А если к Шурке? В утиное хозяйство. В прошлом году немцы туда приезжали. Селезней привезли. А деньги им дали — хрен! Ну, а теперь вроде они на танке вернулись. Обратно. За своими деньгами.

Димок хохочет. Зубы у него редкие, желтые, как у вампира. «Пить брошу, говорит, из фарфора сделаю. Музейный экспонат. Буду экскурсантам показывать».

— Жми! — говорит Димок. — И еще шлем немецкий надень. Под гильзами валяется. И я надену. И «хайль» будем кричать. Вместе, хором.

Я молоковоз на обочину поставил, и мы поехали.

Танк идет как новенький. Мягко, без стуков. Не танк, а партийная «Чайка». Ай да Димок!

— Наташка ревнует?

— Я повода не даю. Хотя трудно бывает. Утиный помет пахучий. После Шурки приедешь, ведро одеколona выльешь — не перешибет.

— Откуда и пьешь? — спросил Димок. — Чтоб запах убить.

— Ладно, шутник. Лучше скажи, что впереди за овражек?

— Вроде «мысинский». Вдоль него иди. А там — налево, через переезд. Мимо деревни — и твоя Шурка.

— Нет. Лучше сделаем крюк. В деревне до сих пор немцев помнят. Как бы не случилось чего.

— Верно, — говорит Димок. — После переезда уйдем в кусты. Через осинки, а там и озеро. Далее, но надежнее.

Он вздохнул:

— Многие здесь в партизанах были. Увидят немецкий танк, могут и под гусеницу прыгнуть. У ветеранов — за просто. Не то что мы, молодая смена. Ни во что не верим.

— А в стакан?

— Знаешь, Валер? Я восьмой день не пью. Мечта у меня есть...

— Потом доскажешь. Где твой переезд?

Димок высунулся из люка:

— Наверное, проскочили. Давай через лесок. Озеро здесь где-то рядом. Я влажность чую.

Лесок мы прошли, будто не лес, а солома. Но с той стороны было не озеро, а какое-то поле.

— Че-то я не помню про поле, — сказал Димок. — Здесь озеро должно быть, тростник.

— И где же он? Твой тростник?

— Кажется, вон. Серееет. Пошли через поле.

Поле было какое-то странное, в воронках. И не росло на нем ничего, даже трава. И то, что сначала выглядело кустиками, оказалось танками. Боком повернутыми. Из фанеры.

— Что за маскарад? — удивился Димок.

Но я уже понял.

— Знаешь, куда нас занесло? На Васинский полигон.

— Да ну?!

В подтверждение моих слов невдалеке ухнуло. Комья земли рядом подбросило, и они застучали как град по крыше.

— Это они по мишеням бьют, — сказал Димок.

— Это они по нам бьют, — сказал я. — Мы для них мишень. Причем живая. И еще с крестом. Представляешь, как интересно?

— Мы же свои, — сказал Димок и высунулся из люка: — Эй! Мы свои! Свои!

Снова ухнуло. Совсем рядом. Димок упал внутрь.

Я чудом удержал танк на краю воронки.

— «Свои»? Ты бы хоть шлем фашистский снял. Теперь они точно знают, какие мы «свои».

— Надо отваливать. Жми, Валер. Время переговоров кончилось.

Я рванул танк вбок, влево, стал петлять, менять скорость.

Разрывы следовали строго периодически. Р-раз, два, три — выстрел. Р-раз, два, три — выстрел.

Били скорее всего не из одной пушки, а из нескольких. И как я ни крутил, подбирались все ближе. Голова Димка в шлеме моталась из стороны в сторону.

— Н-не нра-авится м-мне, Валер, мишенью быть.

— А самолет испытывать нравится?

Ответ я не услышал. Грохнуло так, что заложило уши. Нас подбросило, танк закрутился на месте. Запахло паленым.

— Че, Валер?

— Гусеницу перебили.

— Ах, гады!

Димок, цепляясь за держательные скобы, подтянулся:

— Не сдадимся! Будем отстреливаться, Валер. У нас есть пушка. Я сейчас им так залеплю. Мать родная не узнает.

Но отстреливаться нам не пришлось. Следующим выстрелом накрыло начисто. Верх переместился вниз, низ подпрыгнул вверх. Нас кинуло на железяки, тряхнуло, перевернуло. Все заволокло дымом, дышать стало совершенно невозможно. Потом все ушло — и дым, и боль, и стало легко, свободно.

Дальнейшее я совершенно не помню. Кто интересуется, отсылаю к командующему учебным полигоном подполковнику Людвиченко, он все и доскажет.

Когда я очнулся, первое, что увидел, — портрет Клина Ворошилова. Рядом в углу икона. Ниже справа — оконце. Пыльное, с ватными уплотнениями. Печка. На печке, на плите, булькает варево. Пахнет щами. Из угла вышел кот, серый с полосками. Подошел к моему лежбищу, замурлыкал. Почувствовал, подлец, что я очнулся. По этому коту и по другим предметам я понял, что нахожусь у тети Груши, нашей лекарши и целительницы.

Кстати, «грушовка» названа была так не потому, что сделана из груш, хотя возможно и груши, и яблоки, и сли-

вы, все, что росло в саду, являлось ее основой, а в честь ее изготовительницы, самой тети Груши.

Лучше и чище напитка в своей жизни я не пил. И то, что сейчас жив, что про это рассказываю, что после перенесенного мною и Димком прямого попадания снаряда, вдыхания ядовитых газов и нервного шока я в здравом уме и твердой физической силе, все это — ее заслуга. Ее, то есть чудодейственной «грушовки», и самой тети Груши.

Потом я выяснил, что тетя Груша трое суток нас отпаивала из ложечки, добавляла всяких травок целебных — и выходила. Хотя ложечка для нас с Димком очень непривычная тара. Обычно мы эту «грушовку» пьем стаканом, но не более одного. Иначе тетя Груша сердится. «Всякая польза в излишнем количестве во вред идет», — ее прямые слова. А нам что стакан? Начало разговора. Если одним стаканом все оканчивается — зачем жить? Но это мои прежние мысли, до ядерной аварии. А возвращаясь к самому напитку, скажу, что сделан он был по старинной технологии еще бабки тети Груши, а возможно, и ее бабки. Многие пытались выведать тайну рецепта, но так и не узнали. И вот еще одна история в этой связи.

Во время кукурузной кампании, когда Никита обязал всю страну кукурузу сажать, приехал из Москвы хмырь. Небольшой такой, в шляпе. Как Хрущев, только тощий. На «ЗИМе», кажется, черном. До «Волги» все они на «ЗИМах» ездили. Не понравился он нашим: тощий, злой, в глаза людям не смотрит. Ничего не пил, не ел, все только из термоса своего. Он этих термосов штук двадцать привез. Больших, маленьких — на все случаи жизни. «Ванек» его в рюкзаке их таскал и раскручивал по первой команде. Так вот... Пришло время с нашим руководством ему стопаря принять. Никуда не денешься. Из Москвы ты, с Луны — надо быть с народом. Тем более, что кукурузу никто сажать не собирается. Понимает народ, ничего путного из нее не вырастет. Собрались в правлении. Накрыли стол. Огурчики, помидорчики. Картошечка наша, рассыпчатая. Сальце.

Грибочки — одни шляпки. По специальному рецепту, в русской печи, в молоке. Ешь, пей — не хочу. А наш герой все из термосов своих. Кашку, чай, соки. Ну, ладно, думает народ. Может, болезнь у него тяжелая, пища такая нужна. Но выпить-то он должен? И наливает ему Фомич стопку нашей «грушовки». Он отказывается наотрез, выпучивает глаза, тычет пальцем в живот: «Язва... никак не могу. На особо строгом питании». Ну, выпили без него по первой, затем по второй... По третьей. Естественно, без него. Фомич мужик тихий, совестливый, по-хорошему всегда, почти без мата. Но когда выпьет... И вот, значит, после пятой стопки характер его и проявился. Когда этот язвенник в очередной раз отказался, он взял его за галстук, намотал на кулак, как на ошейнике подтянул и сказал: «Ежели ты, так тебя-растак, сей момент не выпьешь вот этот стакан чудеснейшего на всей земле напитка, нашей любимой в веках и народах прославленной «грушовки», не только, мать твою, кукурузу, я тебя самого посажу и буду ждать, что из тебя вырастет. Понял меня, друг разлюбознейший?» И дает уже не стопку, а полный стакан. Тот стал бледный, потный. А деваться некуда. Одна смерть. Либо от самого-на, либо от кукурузы. Ясно — не будут сажать. И ему приговор за это объявят. И решил он выбрать быструю смерть. Сразу. От самогона. Перекрестился вдруг в окно, на церковь нашу, точнее на склад, что там тогда был, вздохнул тяжело, партбилет на стол выложил — и рраз! Полный стакан. До единой капли. Фомич наш протрезвел. Понимает, что сейчас будет. Язва — она и в Африке язва. Вдруг раскроется сейчас, а медицины — за сто верст никакой. Смотрят все на него пристально, молчат, и баянист затих, и разговоры. И вроде мухи жужжать перестали — чуют добычу. А он не падает. Наоборот — румянец в лице появился, глаза заиграли, еще просит. И второй стаканчик, правда, поменьше, уже не стакан, а стопку — бац! И до капли.

Короче, не буду мучить. Через несколько недель привозят от того деятеля благодарственное письмо — все, вылечился напрочь от всех своих страшных болезней. И приво-

зит то письмо один ученый, из высокого института и просит дать «грушовку» на экспертизу, потому как от той болезни, что наш герой страдал, вовсе не язвы, нет никакого лечения и помереть по всем прогнозам он должен был ровно через столько времени, что письмо к нам шло. И умоляет этот ученый дать ему «грушовки», потому как вся его жизнь ломается. Все его научные труды. Раз тот выздоровел, значит, он неправильно лечил.

Тетя Груша, естественно, ничего не дает, пей, говорит здесь. На вынос не дам. Не могу я вековую клятву нарушить. Он деньги сует, плачет. А она — нет! Никак не могу.

И тогда он, знаете, что придумал? Алкоголь в крови держится — он подсчитал сколько. В зависимости, разумеется, от дозы... И если ему до Москвы — сутки, значит, он должен выпить три стакана, чтобы в организме тот секрет довести. А там, в центре столицы, по пробиркам его кровь расфасуют и девчушки в белых халатиках всю тайну прочтут.

Так он и сделал. Первый стакан явно выпил, а когда тетя Груша из дома вышла, хлопнул еще два. И слова ее прямо в поезде и оправдались. Насчет один стакан — польза, а в излишнем количестве — вред. Хватил его «кондратий» чуть не доезжая столицы. Руки-ноги в растопырку. В дверь купейную не пролазит, еле через окно вынули. Все на свете забыл, откуда, кто, куда путь держит. Правда, через год все вернулось. За исключением самого факта принятия трех стаканов — тут полный провал. Такая, значит, история.

Леха с помощью Димка соорудил телескоп. Быстро, за тройку дней. Я слышал, что изготовить линзы для такого дела — невозможная вещь. Точат их, шлифуют на станках при помощи всяких примочек, на месяцы счет идет. И мастера высочайшей квалификации, почище академиков. А наши герои за три дня управились. Леха все рассчитал, сделал чертежи, а Димок смастерил. Линзы он сделал из автомобильных фар. Снял их с «жигуленка», шлифанул на станке, сложил вместе, выпуклостями наружу. Залил меж-

ду стекол какой-то одеколон в смеси с топленным маслом. А чтоб не вытекало, изоляцией обмотал. И получились линзы, страшно увеличительные. В процессе работы я в одно заглянул, оно на траве лежало, и не то чтоб микробов, а их ножки и ручки увидел. По расчетам, согласно чертежам, шесть таких линз установили в трехдюймовую трубу — обрезок ее валялся у фермы. Эту трубу водрузили в церкви, под куполом. И направили свою пушку в дырку, память о немецком снаряде. Но самое главное в их изобретении, что к первой трубе они приварили вторую. Под углом, не помню сколько градусов. Димок утверждал, что угол такой расслаивает лучи и позволяет увидеть то, что обычные телескопы видеть не в состоянии. Когда конструкция была готова, в ближайшую звездную ночь и произошло испытание.

Мы взобрались на мостки, укрепленные при помощи вертикальных бревен. Леха сел в соломенное кресло у окуляра и стал медленно крутить ручку «жигулевского» стеклоподъемника. Один стеклоподъемник перемещал «дуло» вверх-вниз, другой — направо-налево. Сам «астроном» был в состоянии сильнейшего возбуждения. Петушина его голова вздернута к окуляру, кадык торчит, руки дрожат:

— Надо найти место во Вселенной со сходственными условиями жизни, — все человечество туда переместить и спасти от неизбежной и неминуемой смерти.

— Милый, — спросил я, — это же сколько ракет потребуется?

— О будущем идет речь. Когда на «тарелках» будут летать. Или вовсе перемещаться при помощи телекинеза.

— Правильно, — сказал Димок. — Нельзя жить сегодняшним днем. Я скоро двигатель один испытаю. На воде. Он все существующие перекроет. Сначала на твоём тракторе, Валерий, попробуем, а в последующем — и на ракетах.

— Не надо на моем, — попросил я. — Мой и так еле дышит. Лучше уж сразу на ракетах.

— Вот-вот. И я так считаю. На ракетах так на ракетах.

В церковном куполе, в дырке, куда Леха глядел своим телескопом, светили звезды. Яркие, колючие. Красота, как в детстве. Я и забыл, когда раньше на них смотрел.

— Здорово, — сказал Леха. — Луна, ну как живая. Каждую дырочку видно, каждый камешек. И следы от лунохода нашего, и все-все. Та-ак... А что там дальше? Млечный Путь... Поехали дальше, в дальние края Галактики и Вселенной.

Он крутил ручки стеклоподъемников, и труба медленно направлялась в соответствии с его намерениями.

— Ой! — вдруг воскликнул Леха.

— Что?

— Бог!

Мы ахнули.

— Не может такого быть.

— Сами смотрите.

Я сел на его место и посмотрел в окуляр.

Из темноты, из неясной расплывчатой перспективы, на меня глядел бог. С нимбом на голове, в окружении ангелов. Я чуть не свалился вниз с наших мостков.

— Значит, что, правда?! Значит, ОН есть?

— Правда, — говорит Леха. — Сам видишь.

— Братцы! — вдруг закричал Димок. — Вы не звезды, а купол разглядываете. Фрески, что на нем. Вот где ваши святые, а не в небе.

— Фу-ууу, — вздохнул Леха. — А я уж думал, до самого главного добрались. Такая мощность у телескопа. Испугался — жуть.

— Испугаешься, — сказал Димок. — Никто его не видел, один Лексей Васильевич чести удостоился.

— И я испугался, — сказал я. — Врожденный атеист всегда был. Не верил никогда, а тут засомневался.

Алексей наш выглядел до смерти усталым, чего-то думал-думал, позабыв про телескоп. Потом не выдержал и сказал:

— А я стал верить, да. Иначе ничто в этом мире понять невозможно. Чем дольше думаешь, тем больше не понима-

ешь. Раньше я тоже... Как все. Глядишь вверх — какая будет погода? Надевать сапоги или нет. А теперь... Если Вселенная из точки произошла и все разбегается... Что раньше-то было, когда ничего не было. Было что или ничего так и не было? Или планковая константа все же не верна? И на расстояниях меньше десять в минус тридцать третьей степени константа пространство-времени распадается? А?

— Что, что? — переспросил Димок.

Лешка опомнился, вроде из забытья вышел:

— Ничего. Увлёкся, простите. Но должно что-то быть. Разум человеческий должен во что-то упереться? Иначе пустота, бессилие. Я не в смысле наличия ортодоксальной веры, но дух, идея?

Димок поддержал:

— Раньше я в коммунистов верил, пока мою квартиру третьему секретарю не отдали. И жена ушла, и пить тогда начал. А теперь тоже думаю. Не так чтоб о боге, а так... Про все, про всех и про себя, конечно.

И я поддержал разговор своими мыслями:

— Должно что-то быть. Как иначе? Живет человек, потом — бац! И что? Смысл какой во всей этой петрушке? Если нет ничего?

— Вот-вот, — сказал Димок. — Все хапают оттого. И в партии вступают от этого.

Лешка скривился:

— Примитивно очень. Я о высшем разуме, а вы «партия — наш рулевой». Еще о Горбачеве с Ельциным начните.

Прав Леха, прав, подумал я. Он о высших материях, а мы о ерунде всякой, о партии.

— Не обижайтесь, братцы, — продолжил Леха. — Я о сути всего. Не может, конечно, наука на данном этапе всех ответов найти, на все наши философские запросы ответить. Но найдет. Ответит. Обязательно. Я в науку верю и в разум высший тоже... И надо успеть только до всего докопаться. Не нам, уж конечно, а далеким потомкам. Успеть

должны. До скончания Солнечной нашей родимой системы. Найти место для нового места жительства.

— И найдем, — уверенно сказал Димок. — Поддержим тебя, Лексей Васильевич. Ночей спать не будем — найдем!

И во мне уверенность окрепла.

— Можешь и на меня рассчитывать. И средства для этих целей найдем. Пить не будем — найдем.

Внизу, в темноте у входа послышалось движение. То ли камни поехали, какие-то шорохи.

— Эй, кто там?

Из темноты в лунный свет вышла моя Наталья.

— Я виноватая. Думала, опять пить ушли. И мой, и ты, Алексей, и вся ваша компания. Не знала, что вы здесь умные разговоры ведете. Шли бы в избу. Че здесь прятаться?

— И Лизка тоже пришла? — спросил Алексей.

— И Лизка. Не хотела идти, я привела.

— Эх, женщины, — сказал Леха. — Мы о вечном, о важном. А у вас одно на уме. Будем переселять человечество, вас не возьмем.

— Да как без нас справитесь? — хохотнула Лизуня. — А закусить кто даст? Слезайте, слезайте. Пошли в избу. Чай пить, индийский.

Хочу сказать еще об одном факте, сильно характерном для нашей быстротекущей жизни. В Огрызках каждый житель хорошо известен, каждый каждого знает наперечет. И кошка чья, и собака, и петух — все знают. И если родственник приехал или дачник молочка попить — тоже знают. А тут... Что ни день — новые жильцы объявляются. Какие-то странные, незнакомые. Кто? Откуда? Какими судьбами? Однажды негр по деревне ходил. Хижину свою искал. Томом назвался. Через день я девицу встретил. Красивую, в длинном платье. Танечкой ее звали. Стихами со мной разговаривала. Про жениха своего плакала, убитого на дуэли. Я ее утешал, утешал, но она вдруг исчезла. И Григорий-казак в речке купался, коня в воде мыл. И собачка какая-то за немым бежала. Он ее и позвать не мог.

Ни «бэ», ни «мэ». Только — «му» да «му». Со всеми этими гостями можно было разговаривать, жать им руку. Но никто долго не задерживался, исчезал, таял в воздухе. А перед тем как исчезнуть навсегда, бледнел, вроде тети-Марусин забор, пожатие руки становилось слабее, а потом и вовсе пропадал. Я не понимал, в чем причины и следствия, пока не обнаружил, что вся эта фантаσμαгория исходит от деда нашего — Михея.

Нас еще на свете не было, а дед Михей уже в трактире Тестова служил, там к выпивке и пристрастился. А бросать любимое занятие на исходе жизни считал недостойным предательством.

В тот памятный для всего человечества день он, как и мы, отведал «краснодарского» и, как рассказывала потом бабка Дуня, сильно после этого преобразился. Буквально на следующий день бутылку от себя отодвинул, вышел во двор, убрал граблями прошлогодние листья, снова вернулся в дом, долго вздыхал, пил чай, снова вздыхал. Увидел старый журнальчик на окне, стал читать, прочитал весь от корки до корки. Потом принялся за настенный календарь. И его прочитал. Все, что было в доме: книжонки, журнальчики, — все прочел запоем, да простят мне это, напоминающее о прошлом, слово. Если книга увлекала его, он читал ее и один раз, и другой, и третий. Переживал. Сильное потрясение, видимо, непонятным образом преобразилось в энергию. А та еще более непонятным способом рождала зрительные образы из плоти и крови. К счастью... или уж там к несчастью... стоило волнению пройти, и все эти герои таяли, вроде как испарялись. Но это я потом понял.

Бабка Дуня решила сделать по случаю выздоровления деда от пагубной привычки ремонт. Горница, где летом спал дед, была оклеена старыми обоями, такими грязными, что мух и комаров на них не было видно. Первым делом бабка отмочила обои, отодрала их от стены. Под обоями обнаружили слой старых, пожелтевших газет. Фотогра-

фии Хрущева, Косыгина, штурм целины, кубинский кризис. Дед как увидел их, так сразу принялся читать. Ахал, переживал, материл империалистов, готовых задушить молодую кубинскую республику во главе с вождем кубинского народа Фиделем Кастро.

И вот однажды у себя на задворках я встретил этого самого Кастро. Не теперешнего, усталого и поникшего, с седой бородой, а того, тогдашнего, с горящими глазами. Рядом с ним шел Микоян. Его я сразу узнал по телевизору. Микоян говорил о суровой необходимости увезти наши ракеты, а Кастро с ним не соглашался.

— Комрад Анастас, — кричал он. — Я взорву этих поганых янки, пьющих кровь моего народа.

— Фидель, — убеждал его Микоян. — Подожди немного. Не спеши. Они сами себя взорвут.

— Пора делать революцию. В Чили пора, в Аргентине. В Японии, в Новой Зеландии, в Африке. В Австралии. Везде.

Они скрылись за углом забора, в распутившихся кустах черноплодной рябины. Я так и не узнал, где еще пора делать революцию.

Семь месяцев моей службы в армии прошли на Кубе, на острове Свободы, но там мне не случилось познакомиться с Кастро по причине моего низкого звания. Я был сержант, а он майор. И вот теперь я решил эту ошибку исправить. Я выследил его, он остановился у деда Михея.

Наступил вечер. Солнце опустилось за дальний лес — полыхнуло оранжевым, сиреневым, затем все размазалось фиолетовым и весь окружающий мир стал загадочным и таинственным, будто в фильме о привидениях.

К деду Михею я всегда ходил запросто, без приглашений — столько я им всего на тракторе привез: и дрова, и навоз, и внучат из города.

Просто толкнул дверь и вошел.

Бабка Дуня шуровала на кухне, а дед Михей и Кастро расположились в избе, хрумкали капустой, жевали картофелины. Еще я заметил на столе яичную скорлупу и бу-

тылку рома, отпитого наполовину. Но пил один Фидель, в дальнейшем я это отметил.

Лампочка над столом была яркая, но без абажура, и все подробности встречи до мелочей выделялись. Абажур, кстати, по рассказам очевидцев, здесь был, но его разбили в двадцатые, когда в доме искали зерно. Комиссар продотряда размахнулся наганом, чтобы огреть деда, зачисленного в «кулаки», — тот сидел как сейчас, на том же самом месте, но еще молодой, — а попал в абажур. Лампочки тогда еще под абажуром не было, но зато был керосиновый фонарь. Лампочку вкрутили после, перед самой войной, когда Васька-электрик влез на столб и подключил дом к городскому проводу. Абажур был толстый, из бутылочного стекла, но комиссар хорошо размахнулся, чтобы деду врезать, а врезал по абажуру. Тот и рассыпался сразу на много осколков. А «кулаком» дед стал по причине наличия у него кобылки, списанной по старости с городского ипподрома. Дед купил ее у живодера за четыре рубля, кстати, крупные по тем временам деньги. Кобылку списали не только за старость, а главное за неудачи — не было случая, чтобы она не пришла последней. А звали ее наоборот — Виктория, в честь древней богини победы, потому и списали. Так вот... Посыпались осколки, погас керосиновый свет, и дед Михей, резвее своей кобылки, прыгнул в окно. Бабку Дуню сразу посадили в кутузку и потребовали данные, куда скрылся дед. Она, может, и сама рада сказать, но не знала, а узнала после войны, когда дед вернулся из партизан... Так вот...

Кастро пил и пил, подпирая головой потолок, но не пьянел, это я с пониманием отметил. Капусткой хрумкал, пережевывал, вроде одну мысль жует. На наше знакомство совсем не среагировал и радости не высказал про мою службу на острове. Есть я — нет, все ему одинаково.

— Федь, а Федь? — вдруг спросил дед. — Скажи по совести. У нас порядок ты бы смог навести, ну в России-матушке?

— Си! — ответил Фидель.

— А что надо, Федь?

— Ракеты!

— Сколько? — спросил дед.

— Одна, две лучше. А самое лучшее пять.

И Кастро растопырил огромную ладонь:

— Пять! Лучше пять. И вонючий янки...

— При чем тут янки, — вступил в разговор я. — Мы за свою страну боеем, за нашу великую родину.

— И у вас янки! — гаркнул Фидель. — Они везде — янки!

— Си, — сказал дед. — Мы спину гнем, ни колбаски хорошей, ни рыбки свежей, ни мясца... а они едят себе, жрут. Все у них в ихнем Кремле есть.

— Си! — сказал Фидель. — Я до них доберусь. Ракеты. Дай мне только ракеты.

Дед задумался и подошел к стене. Стал рассматривать газету с фотографией наших ракет на каком-то давнем первомайском параде.

— Валер. Подь сюда. Эти ракеты ядерные? Такие хотишь, Федь? Пять? Или более? Сколько нужно тебе?

Я понял, к чему идет дело, и старался всячески отвлечь деда. Раньше, когда он пил, — было запросто, но сейчас никак не получалось. Глядел и глядел на стенку и бормотал что-то тихо. Наверно, ругал всех янки, и наших, и заграничных...

На другой день, идя мимо забора деда и смотря себе строго под ноги, я заметил длинную тень. За домом, прямо на дедовском огороде, стоял огромный вездеход с зачехленной на нем ядерной ракетой. Уж я-то их знаю, не зря три года в армии отслужил.

Но страхи мои по поводу Третьей мировой войны, к счастью, не оправдались. Ракеты исчезли так же неожиданно, как и появились. И дело вовсе не в фантазмагориях деда. В чем? Сейчас поясню.

В Огрызках, как и в других деревеньках, люди выживают по собственному усмотрению. У кого курочка есть, ого-

род, кто картошечку горячую к дальним поездам носит — тот, считай, выжил. А у кого ни того, ни другого, ни третьего? Тому что, помирать? Нет, дорогие мои, жить всем хочется. Значит, какой остается выход? Правильно. Заниматься исконно народным промыслом, то есть воровать. И воровать, к счастью, пока есть что, не иссякли закрома родины. Кто лесом промышляет: купит по лицензии три сосенки, а нарубит целую рощу, финнам по дешевке продаст, те на тягачах своих приедут, погрузят и — домой, в «страну фиников». Там они этот лес на досочки распилят и, пока не остыли моторы, обратно к нам везут:

«Теккеле-меккеле, мы к вам приек-келе!»

У кого леса нет, тот нефтью торгует, икорочкой, рогами оленей молодых. Говорят, если их в ступке растолочь да на спирте настоять, у самого как рог торчать будет. Особенно этот товар у японцев ценится. Гейши ихние его в чай подмешивают. А потом еще удивляемся, отчего у них плотность большая. Ясно отчего, от наших рогов.

У нас в Огрызках лес жиденский, и финны далеко. Нефть только в речке плавает в виде пятен. Рыбка вся к тем же японцам ушла через моря, океаны и бамбель-суэцкие каналы. И промышляет наш народ всем, что под руку подвернется: трубами, крышами с домов, гусеницами тракторов. Да. Научились их снимать прямо по ходу движения. Едет трактор, едет... Вдруг р-раз — и встал. Что, почему? Отчего застрял на ровной дороге? А потому застрял, что перед ним яма вырыта. И пока трактор над ней проезжал, нужные болты все отвернули. Наши умельцы уже и гусеницы сдают в металлолом, вместе с болтами. В Сучках, что в пяти километрах, рельсы со шпал отвинчивают прямо по ходу поезда. В Озерном — трубы с котельных, в Заболотном — провода высокого напряжения. Раньше у нас из-за них света не было, но Димок, спасибо, выручил. Научился электричество из грозowych туч добывать. Какую-то хреновину на мачту повесил, провода к водокачке протянул, и каждый раз, как гроза собирается, наша водокачка светится, будто Седьмое ноября. А воду с водокач-

ки вся деревня по домам разбирает. Опускают в ведра шнуры от приемников, вилки от настольных ламп. И все начинает работать. Приемники — говорить, холодильники — морозить, лампы — светить. Правда, и наоборот иногда случается, вдруг лампочка покроется инеем или холодильник заговорит. Но Димок обещает довести свое изобретение до полной кондиции, чтобы все работало по назначению.

А когда слух про ракеты прошел, из соседних деревень тут же гости пожаловали. Налетели как муравьи, и миг от ракет ничего не осталось, до гаечек все разобрали, до винтиков. Чистота. Полная экологическая безопасность. Хоть операцию на мозге делай.

Вот пишу я эти свои размышления, строчка за строчкой бумагу порчу, а сам думаю: сколько до меня писателей было и сколько еще будет, сколько книг понаписано, не считая газетных статей. И в стихах, и без рифмы. И я туда же, только меня и не хватало. У писателей слог яркий, густой, читаешь, будто все видишь. И людей, и природу, и запахи — все как в натуральной жизни. А я? Так... Заметки на полях. Но очень уж рассказать хочется. Так уж терпите великодушно. Возможно, в дальнейшем я свой слог исправлю, а пока терпите. И вот еще что. Я не для денег пишу, как многие, а чтоб правильные выводы сделать. Поэтому как молчать не могу. Душа горит. А если задуматься глубоко, возможно, никому моя писанина и не нужна. Как и другая всякая. Возможно, все потому и пишут, что и у них горит. И все они алкоголики, только другого рода. И женщины среди них также встречаются. Лучше бы дома сидели и рожали детей.

Утром, дней через пять после «кубинского кризиса», вышло еще событие, характерное для нашей быстротекущей жизни.

Мы еще позавтракать не успели, как открывается дверь и в дом входит Лизуня. Кофточка распахнута, волосы растрепаны, гребешок съехал куда-то набок — такой Лизуню я никогда не видел.

И прямо с порога кричит:

— Не могу дальше так жить, что хотите делайте, не могу!

— Да что случилось? — спрашивает Наталья.

— Какие-то силы во мне объявились, непонятного происхождения. Вона, смотрите.

Она взглянула на чашку, и та вдруг поехала, будто не чашка это, а танк. Мимо сахарницы поехала, мимо блюда, отодвинула в сторону краюху хлеба и остановилась перед самым обрывом.

Мухи со стола в ужасе разлетались по мере этого ее продвижения. Мы хоть и не мухи, но испугались не меньше.

— Видали? — спросила Лизуня.

— Видали, — сказал я. — «Краснодарский» пила?

Наталья сразу за нее вступилась:

— Бутылка разбилась, я говорила, а тут Лизка зашла прямо в обед, чайник вскипел, я и угостила. А что, не имею права? Не имею? Имею или нет, чего ты молчишь?

— А говорила, все на пол вылилось.

— Ну да, почти все, чуточку на донышке осталось.

— Из разбитой бутылки? Эх вы, алкаши.

— Молчал бы уж, — сказала Наталья. — Моралист хренов. Тоже мне... Давно ли сам по лужам валялся?

Меня сильно задело это заявление:

— Что было, то было, я не отрицаю. И прошлое свое не меньше вашего осуждаю. Зато теперь трезвый образ веду. Так или нет?

Наталья сразу умолкла, придвинула к себе банку варенья и стала из нее ягоды выцеживать. И в чай эти ягоды кидать, и ложкой в стакане размешивать.

Я взял Лизунину чашку и внимательно осмотрел. Чашка как чашка, как и другие на столе, а надо же — движется.

— И как это у тебя получается?

— Откуда я знаю, — отвечает Лизуня. — Я смотрю на нее, вроде приказ даю: «Вперед, милая, езжай!» Она и едет.

— А если я попробую?

Я поставил чашку на то самое место, что у Лизуни стояла, уставился на нее и сказал про себя, как Гагарин перед полетом: «Ну, поехали...»

Чашка продолжала стоять, будто никакого приказа от меня не получала.

Наталья рассмеялась:

— Это тебе не на тракторе ехать.

— Езжай! — крикнул я тогда уже громко и прибавил несколько слов про себя, которые не привожу по понятным причинам.

И она вдруг поехала, представляете, поехала, совсем как у Лизки. У моей Натальи, да и у меня, глаза на лоб тоже поехали.

А Лизуня смеется:

— Это я ее сдвинула.

— Как ты?

— А так. Хочешь остановлю?

И чашка остановилась. И сколько я дальше приказов ни давал, продолжала стоять, будто Ленин на постаменте.

— С чашкою ясно, — сказал я. — Что еще умеешь?

— Могу в будущее заглянуть.

— В светлое?

— Не знаю, какое оно, светлое или нет, но заглянуть могу.

— Ладно-то врать.

— Хочешь, скажу? Ну про тебя, например? Что было, что будет, чем сердце успокоится?

И посмотрела на меня так пристально, будто все знает. У меня мурашки по спине забегали, и волны еще какие-то пошли, даже голова закружилась.

— Нет, — сказала Лизуня. — Не буду говорить.

«Шурка, — решил я. — Про Шуренка узнала!»

— А про меня? — спросила Наталья. — Про меня что скажешь?

— И про тебя не буду, вы люди семейные.

— Хорошо, — сказал я. — Не будем переходить на личности. А в общей картине что? Ну в масштабе родины нашей, в Москве сейчас кто бал правит, Горбачев или новый какой президент?

— И про Москву говорить не буду.

— Тогда скажи в мировом масштабе, какая жизнь нас всех ожидает? Что впереди, какая картина?

— Картина такая мне ночью открылась. Летит наша земля черт-те куда, сквозь небо, сквозь звезды, сквозь мировое пространство. Потом солнце над нею светит. Не наше, новое. А потом...

— Леха, — сказал я. — Его рук дело.

— Не знаю, чье дело, что видела — говорю.

— Ладно, — сказала Наталья. — Давайте чай пить. Что будет, то будет. Хуже, чем было, быть не должно.

Она взяла чайник и разлила чай.

Тут Оленька вышла, вся заспанная, неубранная. Рубашка короткая, чуть ниже пупка. Подошла к зеркалу и руки еще вверх поднимает, причесывается. И жопа, и другие прелести — все как на ладони.

— Эй, красавица, — не выдержал я. — Ты бы хоть халатик накинула, не маленькая уже. Нечего нам здесь стриптизы устраивать.

— Да ладно тебе. Будто и сам без трусов не ходишь.

И села на лавку, и ногу на ногу положила.

Раньше, в бытность моей прежней жизни, да за такие слова... Полетела бы с лавки быстрее птицы. А теперь... Дочка ведь, дочурка. Давно ли соплюшкой была, в пеленки писала, а теперь — невеста. Годик-другой, и ее обрюхатят. И писать снова начнет, но уже не она. Вот ведь какой севооборот в природе.

Я задумался о таинствах жизни, погрузился в философские размышления.

— Ну? Я пойду? — сказала Лизуня.

— Куда ты пойдешь?

Я решил ей поднять настроение, нельзя отпускать человека в таком состоянии:

— Ты чего? Чего нос повесила? Перед тобой такое сейчас открывается... Хочешь — в цирк иди или в большую политику... Теперь и выборы проводить не надо, все ясно, какой выиграет кандидат. Кто президентом станет, а кого и сажать пора.

— Не хочу я в политику, — говорит Лизуня. — Какой из меня политик? С мужем одним справиться не могу.

— Дура, — сказала Наталья. — Тебе квартиру дадут, в город переедешь.

— Машину купишь, — сказала Оленька.

— Брысь, — не выдержал я. — От горшка два вершка, а тоже мне, со своей философией. Поменьше дать да побольше взять.

— А с вашей философией вся жизнь и пройдет. Даже «видик» купить не можете.

Олька фыркнула и пошла назад, в свою комнату.

Я запустил ей вслед тапочек. Чтоб знала, засранка, кто в доме хозяин.

И снова повернулся к Лизуне:

— Ладно, пойдем с другого конца. Не будем говорить о большой политике. Представь на секунду: пришла весна. Время картошку сажать, а ты знаешь наперед — не вырастет она, дождливое будет лето. Сгниет вся твоя картошка прямо на корню.

Лизуня повеселела:

— А и правда. Чего ее сажать, если не вырастет ничего? Я цыплят лучше куплю.

— Вот-вот. Или лотерейный билет. Никто не берет, а ты знаешь, что выиграешь. Купишь билет или нет?

— Куплю, и не один.

— Умница, молодец. А потом купишь доильную установку.

— А и правда, куплю.

— А с молока того, от новой установки, купишь еще лотерейных билетов. И снова выиграешь. И скоро так мил-

лионершей станешь. Дом новый построишь, цветной телевизор...

— Зачем цветной? Мне этот смотреть некогда.

— Время у тебя будет, хоть отбавляй. Все само собой будет делаться. Молоко — доиться, бидоны в кузов прыгать. Ты на него глянула, он уж и в кузове.

— Не, этого я пока не умею, тяжелы слишком.

— А ты тренируйся, талант развивай.

— Правильно, — сказала Наталья. — Или Лешка твой, пришел домой пьяный. И начал, как мой, тебе шарики вкручивать. А ты знаешь наперед, где был и что делал.

— Я и так знаю...

Так весело мы шутили, смеялись, поднимали себе и ей настроение... И до того доподнимались, что хохочем как дети, все новые и новые шутки придумываем. Применительно к Лизуниному таланту.

Вдруг из Олиной комнаты скрипка зазвучала. Три года учим — все научить не можем... А тут... Не то чтобы ноты, а целая мелодия. Моцарт или какой другой композитор, я с трудом различаю, но здорово звучит, душевно. И сразу мысль у меня возникла...

Взглянул на Наталью, она все поняла, без слов:

— Ну, самую капельку в чаек налила, дочка же родная.

«Э-эх, — подумал я. — Ну, что за народ? Сколько талантов загублено безвозвратно. Сколько книг не написано, полей не вспахано. Возможно, и я человеком бы стал. Если б папаня меня не приучал, не таскал с собою по привокзальным буфетам. Возможно, и я бы на скрипке играл, не хуже чем Ойстрах или Оленька».

Вот о чем я подумал в данный момент.

Прежде чем перейти к дальнейшему повествованию, самое время о чувствах рассказать, которые я к Наташечке стал испытывать.

Куда делась Шурка с голубыми глазками, скуластеньким личиком и задницей, возможно самой лучшей в мире?

Ушла напрочь, как с белых яблонь дым, как сказал бы Пушкин. Растаяла в тумане дня без остатка.

Вот сижу я на крыше, сарай чиню, хочется, чтоб красиво все было, как у людей, а мысли мои о ней — не о крыше, конечно, о Наташечке. Возможно, это и есть любовь, в которую раньше никогда не верил, глупостью считал.

Наталя моя, с чего я начал, все лучше и лучше становится, все моложе с каждым днем, с каждым часом. Грудь упругая, как у девушки, волосы сами блестят, без всяких шампуней. Ей теперь ее возраст не дашь, совсем как девочка.

Об этом ей как-то сказал, а она смеется:

— Сама знаю. Вроде годы назад пошли. Если и дальше, скоро девицей обратно стану.

— Этого еще не хватало, хочешь, чтоб меня посадили?

А она хохочет:

— Пользуйся, алкаш. Месяц-другой у тебя в запасе.

— Почему алкаш?

— Ну, прости, прости.

Она обняла меня, я сидел на стуле, и такие упругости я спиной почувствовал, так сладко от нее пахло...

— Перестань, Валер, утро еще.

Я перестал. Чего спешить, если месяц в запасе.

— Валер, не обижайся. Можно спрошу? Чего бумагу круглый день изводишь? Скоро в туалет не с чем будет ходить.

— Про жизнь нашу пишу, про деревню нашу.

— А чего писать, и так все ясно.

Я ей прочитал несколько страниц. Про солнце, про армию. Не все, конечно, с цензурными сокращениями. Ей понравилось, даже очень, поцеловала меня:

— Талант ты у меня, Валер, как Пушкин. А я и не знала.

Солнышко грело, я прилег на крыше — такого неба, такой голубизны никто, наверно, изобразить не сможет.

Если закрыть глаза, а потом снова открыть и сказать при этом, когда глаза открываешь: «Все, что сейчас уви-

жу — вижу впервые, будто только на свет родился», — и тут же глаза открыть... Весь мир так засияет. Будто и правда только родился на свет. Трава, зелень... Все сочное, яркое. И диву даешься, что раньше не замечал. Птички поют, ветерочек ласковый по тебе пробегает. А травяные запахи, а цветочные ароматы. А гудение пчел...

Я зажмурил глаза, потом сквозь веки осторожно взглянул.

Вот солнышко наше. Светит себе да светит. И на все ему наплевать. Родился я, оно светило, и помру — не меньше, чем сейчас, светить будет. При мамонтах оно светило, при динозаврах и еще миллионы лет будет светить.

И так мне обидно стало, что и передать нельзя. Зачем все тогда, если меня не будет? Смысл какой? Это коммунисты нам мозги пудрили — все для будущих поколений... На хрена мне они?

Тут новая мысль пришла. Сколько людей поумней меня про это все думали. И что? Придумали? Где они? Там, где и мне быть суждено. Значит, человечество не подошло еще к разгадке этой великой тайны. И не мне с моими куринными мозгами опережать время.

Стрижи летали низко-низко, будто и правда стригли небо, и кричали при этом. И так хорошо мне стало, как в детстве, когда на сене лежишь. Сено попадает в рубашку, трусы, вытряхиваешь его оттуда, разглядываешь, что отличает мальчика от девочки, трогаешь. Что это, зачем?.. Хотя я рано узнал, для чего эта фиговина предназначена. Дружок мой верный, тот же Алексей Васильевич, оттащил меня в угол, соединил два пальца кольцом, а пальцем другой руки стал в кольцо тыкать:

«Знаешь, что это?»

«Что?»

Ну, он мне и объяснил. Я не поверил, пока папку и мамку за этим тыканьем не застал, но и тогда не поверил.

Эх, хорошо быть маленьким. Живешь как трава, как цветы, без всяких забот, где деньги взять, на что выпить. И для чего все в жизни вертится.

«Вот сарай починю, возьмусь за крыльцо. Подниму избу, на фундамент поставлю, за что-нибудь еще возьмусь».

— Валер, спускайся. Обедать пора!

Наташечка кричит. Любимая. Такой суп с грибами сварганила, что и на крыше здесь пахнет. Грибочки — белые, суп с перловой крупой, разваристый.

Я спустился по приставленной лестнице вниз. Прошел через участок, мимо огорода, мимо пожелтевшей ботвы... Надо бы и здесь навести порядок — а то грядки уже вровень с землей. Все запущено, брошено.

Поднялся на крыльцо, снял сапоги, тапочки надел:

— Ну, Марья Ивановна, чем кормить будешь?

— Почему Марья Ивановна?

— Пословица есть такая, — соврал я. — Иван да Марья.

Только зачерпнул ложкой суп, только-только поесть приготавлился, стук в дверь. Художник пришел, сосед наш — Гриша. Про него не говорил, сейчас скажу. Раньше месяцами его не видел, а теперь зачистил. Заходит запросто, цветочки приносит. У нас этих цветочков полон огород, а он несет. А Наталья радуется: «Не в цветах дело».

Когда она прежней была, старой да толстой, где его внимание, где его цветочки? А сейчас любой дурак букетик принесет, даже я на днях умудрился.

— Чего пришел? — не выдержал я. — Выпить или так?

— Не пью я теперь. Картину принес.

— Ну, поставь и уходи.

— Валер. Ты чего? Невежливо это, — сказала Наталья.

— А чего он без спроса?

— Могу и уйти.

— Погодите, Григорий Михайлович. Покажите картину.

Он снял веревки, развернул газеты...

Такой красоты я никогда не видел. Деревня наша — ну копия наша, только в золоте вся. А люди — кто на дереве сидит, кто букеты вяжет, и все в ярких цветах, будто праздник. Но больше всего потрясла одна голова. Огромная, лохматая, гусиное перо за ухом. А рядом с ним — женщина небесной красоты. Чутьочку на Наталью мою похожа.

- Здорово! — сказал я. — А это кто? Пушкин?
- Нет, — говорит он. — Это не Пушкин.
- А кто?
- Это ты, Валер. Так я тебя сейчас представляю.

Тут самое место про художника рассказать, про этого нашего Гришу.

Григорий Михайлович, Гриша то есть, жил на окраине деревни, перед самым лесом. Он жил, и собака его, спаниель Верка, жила. Об ней чуть позже. Дом они купили лет десять назад у бабки Дарьи. Они — это художник и его жена, а не спаниель, конечно. Спаниеля тогда еще не было, а была жена. А потом ее не стало, бросила она его, уехала. А как было дело? А так. Приехал к Григорию Михайловичу друг его верный, охотиться на уток. Трех уток убил, они упали в озеро, и спаниель их достать не смог. Сентябрь месяц, вода холодная, никак не хотел, мерзавец, в воду идти. И как его друг-охотник ни просил, как ни кричал, а он мастер был на словесные выражения. Такие слова орал — каких в нашей деревне никогда не слышали, не лез и все. Так вот. Спаниель в озеро не полез, всю жизнь он провел в городской квартире и, кроме ванны, где мыли ему ручки-ноженьки, никакой воды не знал. Охотник разозлился и продал его художнику за три пол-литры и кружку пива и уехал вместе с его женой. Оказывается, они давно любовь крутили, а никто и не знал. Художник первое время здорово переживал, переименовал спаниеля, в честь жены Веркой назвал, но тот на это имя не отзывался. Только когда ему мясо давали, шел, а так — «Вера! Вера!» — ноль внимания. А может, и обижался. Тем более что кобелем был, а не сукой, как его жена.

Так вот... Вернемся к началу истории. Как художник приобрел дом. Бабка Дарья собралась помирать, но никак это у нее не получалось. То тетя Груша ее спасала, то своими силами из болезни выходила. И тогда она решила еще пожить. Решение хорошее, но на что жить? Огорода нет, живности — тоже. «А продам-ка я дом, — решила она. — Но

с условием. Пока жива — буду в нем жить, а потом — пожалуйста, царствуйте на здоровье!»

И продала нашему горе-художнику. Почему «горе»? Нет, не потому, что жена его бросила, тогда она еще с ним жила. А потому... Об этом чуть позже. Так вот. Дарья свой дом продала, чтоб жить на эти деньги и жизни радоваться. И ровно через неделю померла. Вот какие анекдоты у нас здесь случаются.

А художник с женой своей Веркой купил этот дом. Причем на последние деньги, потому что художник он был неважнецкий. В Москве он вождей рисовал, маршалов, космонавтов. В самые высшие сферы пробился, стал Брежнева рисовать, дочку его, хахаля ее — цыгана, зятя-генерала, которого впоследствии посадили, а потом впоследствии выпустили, и он бизнесом занялся. И только стал он их рисовать, только денежка хорошая пошла, как помер наш вождь и полководец, который на Малой Земле победу ковал.

Первое время Григорий Михайлович, тогда еще просто Гриша, его портреты на Андропова переделывал. Потом на Черненко, а потом и на Горбачева. Пятно на лбу сделает, брови густые замажет и — вперед. С цыганом хуже пришлось, из него Раиса Максимовна никак не получалась. Но и здесь он вершин достиг. Но тут и Горбачев «дуба дал». В переносном, конечно, смысле. Вместо целостной страны с одним своим пятном и остался.

И тогда наш Григорий запил. По-настоящему, как и я в свои годы не пил. Все пропил, все. Вплоть до красочного растворителя. А когда врачи его протрезвили, и велели обстановку сменить, и нарисовали свои картины: что будет, если он их не послушается, — только тогда он продал городскую квартиру и купил этот дом.

А в тот памятный для всего человечества день я сам его с «краснодаром» видел — не выдержала, значит, душа поэта, у нас это часто случается, правда, больше зимой, когда электричество выключают и, кроме как постельной работой, заниматься нечем.

И видно, после «краснодара» талант его, долгое время скрывааемый, новую силу обрел. А что Наташечка ему нравится, на то и художник. И какая ерунда вся моя ревность перед волшебной силой искусства. Вот о чем я подумал в данный момент.

Так размышлял я, лежа на широкой трубе газопровода, на солнышке, подставляя всего себя его ласковым лучикам, на поляночке, между лесом и речкой.

Жужжали мухи с утиной фермы, надоела им, милым, ежедневная пища, о красоте мира подумали, вот и прилетели сюда, на чистый полевой воздух. Где-то далеко залаяла собака, но не художника нашего Верка, у той лай тонкий, а какой-то другой пес, басовито залаял, скорее всего пришлый. Сейчас многие собак бросают, они к нам потянулись, в деревню, на подножный корм, будто у нас легче.

Так я лежал под солнышком, в тепле и ласке, вдруг слышу голос родной:

— Валер. Это ты?

«Господи! Неужели Шурка?»

Обычно я по запаху ее чувствую. Кто на утиной ферме работал — знает. Запашок там — ой-е-ей. А тут — только травой да медом пахнет, ни уток, ни фермы, и вдруг она.

Я голову поднял — точно она, хотя в глазах после солнца круги зеленые. И голова Шурки как у святых, в ярком солнечном нимбе. Только ее сейчас и не хватало.

— Шурка! Шуреночек!

— Я думала, не узнаешь.

— Что ты, Шуреночек.

Последнее время я и думать о ней забыл. Чувств особых никогда не испытывал, а как Наташечка моя молодеть стала, тут вообще. Вроде и не было ее.

Шурка присела рядом, в ногах.

— Что случилось, Валер?

— Машина сломалась, а запчастей нет, нет запчастей, понимаешь? Я механику говорю, у дочки его шестой месяц пошел, а хахаль ее третий месяц в запое...

— Ты мозги мне не пудри.

Она погладила меня по сапогу:

— Я соскучилась, Валер.

— Правда?

Пришлось сесть и обнять ее.

Шурка засмеялась и немного отодвинулась:

— Мне нельзя, Валер. Понимаешь? Нельзя.

Так она цену себе набивает. Чтоб долго-долго ее упрашивать, слова красивые говорить, а потом оказывается — все это вранье, кокетство одно. Обычно я всегда своего добивался. Злюсь, конечно, а ей только и надо, силу свою почувствовать. Но сегодня я очень ее словам обрадовался.

— И мне нельзя, — сказал я. — И у меня дела.

Сказал просто так, имея в виду происшедшее. С Лехой, с солнцем и вообще, с мыслями своими.

— У тебя?!

Шурка вылупили глаза. Глаза у нее были синие-синие. По утрам я всегда удивлялся. Вечером не до этого, не до глаз. А утром, когда опохмелился, все детали отлично видны. И глаза, и другие прелести...

— У тебя, Валер?! У тебя дела?

И вдруг мне пришла идея, как от нее отвертеться. Вспомнилось всякое, что по телику показывают.

— Да, — говорю. — Я... это... пол поменял.

— Ка-ак?

— Надоело упрашивать, слова говорить. Пусть меня теперь все спрашивают.

— Врешь!

— Зачем мне врать?

— А ну, покажи.

— Что показать? Не зажило еще.

— А обо мне ты подумал?

— А чего мне думать? У тебя муж есть, главный бухгалтер, и Васька еще есть, из яичного цеха. И этот, нормировщик... Как его?

— Кузьмич?

— Вот-вот. Пусть они думают.

— Значит, ты из ревности? Да, Валер?

— Как хочешь, так и понимай.

Шурка заплакала.

— Прости меня, Валер.

Она всегда всему верила. По скуластенькому лицу побежали слезинки. Мне стало жаль ее.

— Не плачь. Может, не приживется еще.

— Что?

— Ну, это... Что мне хирурги сотворили. Ну, из-за чего я к тебе всегда ездил, ну это.

— Это?

— Да, это... Не то, что ты думаешь. То мне отрезали. А сделали другое, как у тебя. Это.

— Значит, теперь у тебя все есть?

Шурка встала, отряхнула задницу от ржавчины. Задница у нее отличная, крепкая. Такая, что я пожалел о своих словах. Все прошлое в голову ударило и в другие места.

Я отодвинулся от нее.

— Ты чего?

— Ноги отсидел.

— Может, чего другое?

— Нет. Этого больше у меня нет.

— Ладно, Валер. Я пошла. Хороший ты мужик был. Хоть и алкаш, но хороший. Полюбила я тебя. И вовсе не из-за этого. Понимаешь?

— А из-за чего?

— Сама не знаю. Душа у тебя хорошая, добрая.

Такая жалость вдруг на меня накатила, такая нежность заполнила, до самых потрохов. Почти как к Наталье... Ну, почему так устроено? Почему нельзя сразу двух любить? Чем они виноваты?

— Шурка, Шуреночек. Голубоглазенький мой, скуластенькая.

— Поздно, Валер. Поздно.

— Не поздно.

Вдруг меня осенила идея:

— А может, тебе... Тоже операцию сделать?

— Зачем?

— Станешь как я был, до операции. И тогда ты... То есть ты и я... Могли бы как раньше... Только наоборот. Ты понимаешь?

Ответа не помню. Так она мне сапогом врезала. По этому самому, что не зажило еще.

Неделя прошла, как мы с Лешкой не виделись, вот я к нему и пошел.

Лешку я застал в глубокой задумчивости. Перед ним стоял школьный глобус, он вертел его направо-налево, тыкал шариковой ручкой то в Уральский хребет, то в Японские острова, будто нацеливался для ракетно-ядерного удара. На глобус иногда садилась муха, но дело было не в ней. Если бы он по мухе хотел попасть, то бил бы мухобойкой, а не этим карандашом. У мухи тогда бы не было ни единого шанса в живых остаться.

Лешка не обернулся, когда я вошел, а когда сел рядом за обеденный стол и задел его локтем, уставился на меня, будто это не я, друг его сердечный, а неопознанный летающий объект.

— Здорово, товарищ.

— Здорово, Валер.

— Чем шарик тебе наш земной не нравится?

— Нравится, даже очень. Все думаю, как его от смерти спасти. Понимаешь, Валер. Если сдвинуть с орбиты...

— Ты сам, дружище, не сдвинулся?

Леха улыбнулся.

Улыбка у него была добрая, открытая. Как у актера Табакова.

— Понимаешь, Валер... Есть в туманности Андромеды звездочка, вроде Солнца нашего по всем показателям. Много-много миллиардов лет светить еще будет. Наше погаснет, а оно будет. Туда бы нам, Валер. Понимаешь? Лишний миллиардик будем вертеться...

— Кто это «будет»?

— Ну, не мы, конечно. Потомки наши.

Он опять улыбнулся:

— Не сумасшедший я, нет. Есть много способов туда добраться. Способ первый. Сверхтяжелое вещество взять...

— Откуда?

— Из черной дыры, и кинуть его сюда...

Он ткнул ручкой в Японские острова.

— ...Центробежная сила вынесет нас с околосолнечной орбиты... И с жуткой скоростью понесет...

Лешка положил ручку на стол и вздохнул:

— Вот только загвоздка есть... Не пройдет ли это вещество сквозь Землю, как нож сквозь масло.

— И еще, — сказал я. — Есть загвоздка. Эти острова не наши, а Японии принадлежат.

— Об этом я не подумал.

Помолчали.

— Послушай, — сказал я. — А может, Лизуня? Может, она нас вывезет? Стакан двигает? Двигает. Если поднапрячься, может, и в Андромеду задвинет?

— Ты что, смеешься? Как это? Сама себя за уши? Как Мюнхгаузен? Ты что, Валер?

Он немного подумал, потом решительно сказал:

— Есть, правда, еще один способ. До туманности этой много, много световых лет, если по старинке ехать. Но можно и напрямую.

— Как?

— Мучить тебя не буду. Слышал об искривлении пространства?

— Че-го?

Лешка вырвал лист из тетрадки сына. Поставил на нем шариковой ручку точку:

— Это наша Земля, наша Солнечная система.

В другом конце листа поставил другую точку:

— А это — Андромеда. Далеко до нее?

— Сантиметров двадцать.

— Дурак. Тысячи световых лет. Если лететь со скоростью света, нам никогда не долететь.

— А теперь?

Он перекрутил лист бумаги, так что одна точка оказалась строго под другой.

— А теперь это созвездие где? Почти рядом. Дошло?

— Нет, не дошло.

— Объясняю. Вот стоишь ты перед кривым зеркалом. Рожа у тебя — как с перепоя. Нос на лоб залез, рот на шею спустился. От уха до уха — полметра. А на самом деле в жизни не так. Ты — красавец. Недаром Шурка... не буду, не буду... В чем дело, спрашивается? Почему ты в одном случае красавец, а в другом урод? В искривлении пространства. В данном случае зеркального. И во вселенском масштабе такое. На самом деле с этой Андромедой мы почти соседи. Она совсем рядом. Вот в этой точке....

— С той стороны листа?

— Молодец. Чтобы эту ерунду преодолеть, пробить эту плоскость и перейти в другую, энергия нужна... тысячи атомных бомб. На всей нашей земле не хватит. Где ее взять?

— Откуда я знаю?

— То-то и оно.

И вдруг меня осенило:

— Димок, — закричал я. — Он танк немецкий поднял, электричеством нас обеспечил и с этой задачей справится.

— Думаешь, что говоришь?

— Думаю!

Лешка встал из-за стола и медленно прошелся по комнате. Как Сталин, когда его по телевизору показывают. Только без трубки.

Приблизился к окну, посмотрел на солнце. Обрадовался. Вроде Кремль за окном увидел. Затем вернулся, налил из чайника квас, отхлебнул. Кадык его подпрыгнул как пинг-понговский шарик.

— А что? — сказал он. — Чем черт не шутит? Может, не выйдет ни хрена, но попробовать можно. Судьба человечества решается. А? Все в наших руках.

— Да, — согласился я. — В наших. В моих, твоих и Димки.

А дни, между тем, шли за днями. В работе по дому, в огородных делах. Пашешь с утра до ночи, а что сделал? Нет, раньше писателям легче было. Толстой или тот же Пушкин. У одного няня, у другого душ триста крестьян. Няня за тебя сказки сочиняет, крестьяне пашут. А тут все сам, никто не поможет, будь ты хоть самый великий генерал. И писать самому, и забор ставить. И вот я о чем хотел рассказать, раз уж разговор пошел о заборе.

Мужик тети Маруси, помните? У той, что синий забор. Не тот, что красил его, а другой, тот, что краску на пиджаке своем обнаружил. Так вот... В молодости он агрономом был, такие фрукты и цветы выращивал, что в Москве ему павильон поставили. Поэтому он и запил. Славы не перенес. И фрукты, и цветы стал воспринимать только как закуску.

В тот памятный для всего человечества день купил он бутылку «краснодара», а штопора нет. А выпить-то хочется. Пробка там крепкая, рукой бьет — не вылезает. И так, и этак... руку до мозолей отбил — не идет пробка. Будто прессом ее туда загоняли. Тогда он к последнему средству прибег. Бутылочку решил об забор открыть. Тот, что синего цвета. В заборе заповедный гвоздь был, который всегда всех выручал. Он наоборот был вбит — шляпкой в забор, острием наружу. Первый Марусин мужик вбил его так, когда ставил забор по пьянке. А когда обнаружил ошибку, вытащить не смог — шляпка как якорь в заборе застряла. Он со злости топором по нему врезал, забить не забил, но погнул хорошенько. Образовалась загогулина, она-то всех и выручала. Если пробка тугая, шли прямо к забору и на эту загогулину бутылку насаживали. Потом упирались ногами в забор, тянули «репку» и вместе с ней отлетали.

Так этот мужик и сделал. Федор, Федя.

Насадил на загогулину пробку, уперся в забор...

Но как ни тянул, как ни кряхтел, пробка не вылезала. Тогда он накинуд на горлышко петлю, другой конец веревки к козе привязал и дал ей поджопешника. Коза рванула как бешеная, будто снова ее доить собираются. Пробка пу-

лей выскочила из бутылки, вернее бутылка из пробки. Все хорошо, но большая часть «краснодарского» пролилась на забор, тот, что синего цвета. Обидно, но не в этом суть. История наша только начинается. Федя все, что осталось в бутылке, конечно, допил, а утром подходит к забору, опохмелиться же надо, может, на земле что осталось, и видит: краска на досках, куда попало вино, так синим и полыхает, а гвоздь просто как нить лампочки светится. И самое интересное — тюльпаны, что у забора с той стороны росли, уж и отцвели давно, а снова выросли. И такого цвета, просто закачаешься. Синий цвет у тюльпана — редкость. Это что зеленый рубин или красный изумруд. В Голландии за них жизнь отдают, не говоря о деньгах и валюте. Мужик этот, Федор, цену таким тюльпанам знал. По прошлой своей трезвой жизни, когда ему павильон ставили. Он срезал их аккуратненько, завел свой мотоцикл, который еще от немцев остался, и в город, на «жэ-дэ» станцию. А там и без него цветочников тьма. Кто с розочками, кто с гвоздичками, и с синими тюльпанчиками тоже, но чернильного происхождения. Когда чернилами поливают, синюшные иногда вырастают.

Цветочники сразу отличие заметили. Его тюльпаны синим горят, а их еле-еле светятся.

— Чем красил, папаша? — спрашивают его.

— Портвейном, — отвечает Федор. — Краснодарского происхождения.

Общий хохот в рядах — веселый дядя притопал.

— Портвейном так портвейном, только цену не сбивай.

Тут поезд с юга подходит, из Азии, в нем военный вагон, с красным крестом, медицинский. С афганской границы. И с повязками солдатики из окон выглядывают. У кого — на руке повязка, у кого на лбу — все в окна смотрят. У одного — на глазах, но тоже смотрит в окно, хотя что он может увидеть? Ясно — ничего. Второй, рядом с ним, рассказывает, какая станция сейчас, названия читает.

В это время наш Федор вдоль вагонов идет, цветочки предлагает. И к этому вагону тоже подходит:

— Цветочков не желаете?

И вдруг тот, что с повязкой, через окно перегибается:

— Тюльпаны, — говорит. — Синие.

Как он увидел, как разглядел, повязка на глазах.

Всполошились все, и друзья, и врачи:

«Видит, видит!»

Но как он мог увидеть, когда повязка?

Федя ему все тюльпаны отдал, он сам на заре юности воевал с Германией, не с той, что наша сейчас, а с другой, настоящей, что напала при Сталине.

Вот такая история. Про Федю и про его тюльпаны... А какое отношение ко всему имеет, сказать не могу, и сам не знаю.

Деревья начинали желтеть, проплешины в листьях становились все больше, и солнце не шпарило, как летом, а чуть согревало, вроде тоже готовилось к зиме, экономило тепло. Хотя чего его экономить? У него тепла на многие миллионы лет.

Димка я встречал, но он не вступал со мной в разговоры. Был утрюм, молчалив, весь в новом задании — достать энергию для перемещения Земли.

Как-то мы встретились на озере, я по берегу шел, а он по воде. Да, да, по воде. Шел по ней, яко по суху. Я чуть не свалился с обрыва:

— Ты че? На воздушной подушке?

Он хохочет:

— Не-а. Пленка такая сверхтонкая, из той же воды.

— Какая пленка?

— Уголь, например, и алмаз — по сути одно и то же. Как лед и вода. У воды до сих пор было три состояния. Жидкое, ледяное и пар. А я обнаружил четвертое, совсем недавно. Капельку в реку кинул, она по поверхности растеклась, и вода стала как асфальт. Ходи по ней или на тракторе твоём ехай.

— А капелька эта — что?

— Та же вода, но в четвертом состоянии. Я молекулы у ней местами поменял.

— Ну, ты даешь!

— Даю, — сказал Димок. — Только с Лехиной задачей никак не справлюсь. Слышал про озоновый слой?

— Ага.

Тут он взобрался на берег, достал из штанов помятый рисунок.

— Озоновый слой весь энергией заряжен, до самых потрохов. Если ее привлечь для нашей задачи, ответ будет найден.

Димок развернул рисунок, и я увидел огромную сетку, в ней наш земной шар. Земля как баскетбольный мяч лежала в корзине. А трос от сетки шел в наши Огрызки.

— Здесь у меня — пульт управления, вся энергия из озонового слоя стекается сюда, в водокачку. Тут она вся собирается, я включаю рубильник и... Ба-бах — жуткий выброс энергии... И мы в другой галактике, вопреки всем законам природы.

— Здорово. Но где такую сетку возьмешь?

— То-то и оно, в этом и загвоздка. Сетка должна быть тонкая, почти невесомая. Метра полтора я сделал, но здесь нужен другой стандарт, миллион километров. Хочу...

Он перешел на шепот:

— У Михея одолжить. Если его поднапрячь, а? Он что хочешь вообразит. И эту сетку. Как думаешь, Валер?

Деда Михея последнее время я видел редко, он все книжки свои читал, почти не выходил из дома. Но присутствие его в Огрызках ощущалось. Появились в нашей деревне красавицы полуголые. Дед какой-то журнальчик нашел, вот они и стали гулять по нашим просторам, загадочные, молчаливые, а чуть коснешься рукой, исчезают. Одна лишь не исчезла — Наташечка моя, я в темноте ее за михевскую принял. Чуть задел, она рассердилась: «Ты че, Валер, на своих бросаешься?»

К девицам этим все отнеслись спокойно, не кричали, не ругались. Ну ходят и ходят, нас же не трогают. Раньше бабы подняли бы визг: «Штаны еще сними, бесстыдница!» А сейчас — молчат. Может, и сами не прочь так походить, да фигура не позволяет.

И только Груша сердилась:

— Нельзя, не по-нашему. Это наша земля, не Америка.

А дочь ее, наоборот, радовалась:

— И хорошо, пусть ходят. Жаль, что не Америка.

И проводила ладонью по горлу:

— Мне эта земля — во!

Дочь Груши жила в соседнем доме, но не разговаривали они лет двадцать. Что произошло — не знаю. Знаю, что дочь пила по-черному. Женский алкоголизм — самый страшный. От нашего можно излечиться, от ихнего — нет. Единственный способ — пол поменять. Как я. Возможно, только тогда получится.

К деду Михею мы направились делегацией, вчетвером: я, Димок и Лешка. И художника еще прихватили, с картинами, он специально их нарисовал по такому случаю.

Дед Михей лежал на высокой кровати и что-то читал. Вид у него был торжественный: белые подштанники, тесемочки внизу на бантики завязаны, а из-под них синие носочки выглядывают, абсолютно целые, без дыр. А около кровати тапочки стоят, слева — на левую ногу, справа — на правую.

— Ты что, дед, помирать собрался? — спросил Леха. — Чего так вырядился?

Дед положил книгу на тумбочку, снял очки. Их тоже положил на тумбочку, потом окинул нас ласковым взглядом:

— Зачем помирать? Жениться.

— Же-ниться?! На ком, если не секрет?

— На ком, на ком... На ней, конечно.

Бабка Дуня затряслась от хохота:

— Не расписаны мы, он и выдумал жениться. Совсем спятил от книжек своих.

— Сначала — свадьба, — сказал дед. — Потом я завещаю тебе оставлю. И всю недвижимость тебе, дура, отпишу. А ты — «спятил, спятил». Выбирай выражения.

— Какую недвижимость?

— Изба — наша недвижимость. Не сдвинешь ее, вот она и «недвижимость».

Я повернул книжку, чтоб прочесть название. «Карл Маркс. Капитал». Все ясно.

— И капитал тоже тебе оставлю, — сказал дед.

— И много его у тебя?

— Коммерческая тайна.

Мы переглянулись.

— Каждый своей жизни хозяин, — сказал Димок. — Хочешь жениться, имеешь право. Но сначала надо новоселье устроить.

— Какое еще новоселье?

Мы поняли. Димок издалека заходит, с тыла атаку ведет.

Леха подмигнул Грише, тот быстро распутал картину, снял с нее веревки, освободил от обоев, повернул к свету лицом...

Оранжевое солнце высоко в небе, наша деревенька вся позолоченная. А люди — кто на дереве сидит, кто букеты собирает. А в небе — кот Мурзик. В оранжевых лучах. И рядом с ним — воробьи да галки.

Я смотрел на всю эту галиматью, и такое волнение меня охватило, такая гармония душевных сил...

— Это что? — спросил дед.

— Наша Земля.

— А солнце почему такое, а кошка в небе зачем?

Тут Леха стал свой текст говорить, описывать, как наше солнце погаснет, «хрустнет, как гнилой помидор, и вся наша система одним органом накроется». А с другой стороны, если осуществить задуманное, какая жизнь наступит под другим солнцем, какие таланты расцветут и какое сча-

стве наступит под лучами его, и у нас в Огрызках, и во всем мире. И много, много еще всякого-разного говорил, чего не привожу по причине забывчивости. Он показывал деду атласы звездного неба, говорил так, что и мы заслушались.

Дед вдруг спросил:

— А меня там распишут?

— Распишут, конечно, распишут.

Тут вступил Димок, развернул свой чертеж, где Земля в сетке лежит и озоновый слой ей энергию дает. И подробно рассказал про свою затею.

Дед его рисунки молча проглядел, но без видимого интереса. То ли не понял идею, то ли устал от наших рассказов. Глаза его неожиданно затуманились, губы что-то забормотали...

И дед заснул. Посреди наших рассказов.

Мы немного подождали, посидели рядом. Но дальше ждать не имело смысла.

— Ничего не получится, — сказал Димок. — Пошли, братцы, к выходу.

— Идите, голубчики, — сказала Дуня. — Теперь он не скоро проснется.

Когда мы вышли на улицу, была почти ночь. Светили звезды, плавал осенний туман. Ночи теперь холодные стали, осень. По утрам трава в инее, серебрится как зимой, а под солнышком тает. Утром — зима, днем еще лето.

— Жаль, — сказал Леха. — Не успеем мы человечество спасти, жизни нашей не хватит.

— Ничего, — сказал Димок. — Я чертежи оставлю. Возможно, потомки этот вопрос решат.

Мы проходили мимо водокачки, она как-то странно светилась во тьме, не так, как раньше, когда Димок электричеством ее наполнял. Тот свет был голубой, а этот фиолетовый, тревожный.

Подошли ближе.

— О, черт! — вдруг ругнулся Лешка.

— Чего?

— На дерево напоролся.

— Откуда здесь дерево?

Димок достал фонарик.

Это было не дерево, нет. Это был канат. Сверху, прямо с неба, свисал очень толстый канат, толщиной с бревно, покрытый гладкой электрической оболочкой. А из каната много-много разных вилок и соединений торчало. Совсем как на рисунке Димка, на его чертеже.

Мы поняли, что это был за канат. Это был кабель. Кабель с неба, из озонового слоя, в котором наша Земля теперь находится.

— Ура! — закричал Димок.

Он ухватился за канат, повис и стал раскачиваться на нем как на качелях:

— Ай да дед!

Лешка схватил его за ноги, остановил:

— Хватит шутки шутить.

И очень серьезно добавил:

— Будем готовиться. К перемещению.

И наступил наш «последний и решительный бой».

Ровно в девятнадцать часов без одной минуты, двадцать пятого числа августа месяца, состоялось перемещение нашей матушки Земли в другую галактику.

Последний вечер выдался совершенно замечательный. Всю неделю шли дожди, а тут и солнышко, и теплый ветерочек, и запахи влажные, и красно-фиолетовый закат с края неба. В такой вечер не то что переезжать, а и думать об этом не хочется.

Все, кого волновало это историческое событие, собрались на пригорке около водокачки, на вытоптанной от частого хождения «по электричеству» траве. Здесь были и дед Михей с бабкой Дуней, и тетя Маруся с Федором, и Лизуня, и художник наш, и тетя Груша со своими внуками да зятьями. И, конечно, главные участники события — Лешка да Димок. Но были и воздержавшиеся, которые не пришли по причине неверия во всякие перемены. Сколько их было

в нашей жизни? Объединений-разъединений, сливаний-разливаний. То коммунизм вот-вот наступит, то пустыни вот-вот отступят. То реки по новым руслам потекут и обеспечат всех невиданным урожаем, и будет он трехметровым слоем по всей стране лежать, пока не сгниет к чертовой бабушке.

Бабка Дуня сидела рядом с дедом Михеем. Время от времени она поглядывала на деда — чтобы тот не свалился со стула. Дед сидел молча, положив руки на колени, и что-то бормотал, вздыхал, приговаривал, смотрел на часы, на небо, нельзя было понять, нравится ему все или нет.

Лешка выхаживал у водокачки, как командир перед сражением. Сапоги надраены, ремень затянут, над воротом рубахи торчит кадык. Кривой нос, в память о драке в привокзальном буфете, саблей вздернут к переносице, волосы переброшены через лысину как гусарский плащ.

Ко мне повернулась Наталья:

— Завтра ветрено будет, смотри, какой закат.

— Завтра? Думай, что говоришь.

Как она была красива на фоне заката. Юная, стройная, в глазах фиолетовые искорки:

— И зачем вы это затеяли? Жили себе да жили. Плохо нам было?

— Надо о будущих поколениях думать.

— Пусть они сами о себе подумают! Почему мы за них думать должны?

К нам подлетел кот Мурзик, в полном смысле этого слова подлетел. Спланировал откуда-то сверху, из облаков, и замер, вращая вертолетным хвостом. Глаза горят, шерсть взъерошена. Посмотрел на меня презрительно:

— Привет.

То есть он не сказал этих слов, но я их отчетливо услышал в черепушке своей.

— Привет, — ответил я так же молча.

— Валерий прав, — сказал он Наталье, опять молча.

— Заткнись, — разозлилась она. — Тоже мне птичка большого полета.

Мурзик опустился на землю, потерялся о мой сапог — так он всегда делает, когда жрать хочет, вроде любит меня безмерно, а поест — все, конец любви, больше ты ему и не нужен.

— Как это у тебя получается? — спросил я. — Летать, говорить.

— Я и сам не знаю.

— Выходит ты — мыслящее существо?

— Мыслящее, как и все коты, цветы, камни.

— Вот те раз. А мы из камней дома строим. А цветы, те вообще за людей не считаем.

— Напрасно.

Тут у меня и вовсе крыша поехала. Если и камни мыслят, что ж получается? Не от обезьяны мы. В печени когда камни, понять можно. Возможно, они и живые, когда болят. А эти, что на берегу реки, галька всякая, мелкота.

— Все одно живое пространство, — сказал Мурзик, будто прочитав мои мысли. — Вот так-то, Валерий.

«Может, вся Вселенная — единый организм? — подумал я. — Может, это и есть бог?»

От этих мыслей голова кругом пошла. Я чуть не упал, такая глубина мне открылась.

А Мурзик снова потерялся о сапог:

— Дай пожрать, рыбки хочу.

— Рыбки? Она же живая?

Мурзика не смутили мои слова:

— В едином организме все равно кто-то кого-то жрет. Даже лимфоциты и эритроциты жрут друг друга. Закон природы!

— Брысь! — вдруг сказала Наталья. — Разговорился. Лучше б мышей ловил.

Мурзик обиделся, мяукнул, поднялся в воздух, сделал крутой вираж и полетел к своим новым друзьям, галкам да воронам. К нему примкнул воробей, что-то чирикнул, и они полетели рядышком, как большой самолет в сопровождении истребителя.

— Дела-а.

Время приближалось к семи. Самое удобное, по расчетам Лехи, время.

Димок возился со своими рубильниками, проверял контакты, сверял в который раз часы.

Напряжение все возрастало.

— Пора, что ли? — спросил с вышки Димок.

— Пора! — крикнул Лешка.

Димок перекрестился и задвинул рубильник.

Мы замерли.

Из-под рубильника полетели искры, снопы искр.

Потом стало темно, как во время взрыва, когда мы сидели на поездных путях, в начале рассказа. Потом ударили молнии. И не одна-две, а десяток-другой. Били они со всех сторон неба и были странного красного цвета. Потом разверзлись хляби небесные и полил дождь, толстыми, как канаты, струями. Ударял больно по всем доступным и недоступным местам.

Ужас овладел нами — неужели конец света настал?!

И сразу вдруг все прекратилось, внезапно, как началось. Стало светлеть, светлеть... Сначала рассветный туман, потом светлее... И вдруг из-за облаков показалось солнце. Но какое? Не наше. Оранжевое и очень, очень большое.

И в лучах его все засияло, засверкало. И лес, и поле, и дома — все стало оранжевым. Не осенним, нет. Таких красок осенью не бывает. Золотисто-оранжевым, даже объяснить не могу. Ну, как на картине художника нашего Гриши. Возможно, хлорофилл из листьев весь вышел и какой-то новый элемент вошел, но не земной стал мир, не прежний, не тот, что раньше. Солнце это светило неярко, спокойно на него можно было смотреть.

СВЕРШИЛОСЬ!

— УРРА!!! УРРРААА! — закричали все.

Бывает, в новый дом переезжаешь или город, а тут, шутка сказать, в новую галактику переехали, всей деревней, всей Землей, под другое Солнце.

Тетя Груша «грушовку» принесла, но не пьет почти никто, так что самовар пришлось раздувать.

До поздней ночи все гуляли, целовались, плясали.

А когда звезды зажглись, поняли, что не наши они, другие. Ни знакомого ковшика нет, ни Медведицы любимой, ни-че-гошеньки.

Я подумал — если у нас так, то что же во всем мире делается, праздник-то теперь какой. И не только в Москве, Костроме, Туле, а и других городах, Париже да Лондоне.

Домой когда пришел, включил приемник, а он молчит, старенький он у меня. И в других домах молчит. Непонятно. Из-за магнитных бурь, что ли?

И вот теперь мы подходим к финалу, к самому концу истории, которую я рассказать хотел. Для чего, зачем — делайте выводы.

Новое солнце грело почти как старое. Размеры его были, правда, больше, но зато сутки как прежде, ровно двадцать четыре часа. Ни больше, ни меньше. Разница, конечно, была. Но это в цвете. Будто смотришь сквозь цветное стекло. Не пивное, оно слишком темное, а винное. Бывают, знаете, такие бутылки не наши, а с длинными ногами, как у Буратино, стекло у них чуть-чуть золотистое. Вот какое стекло я имел в виду.

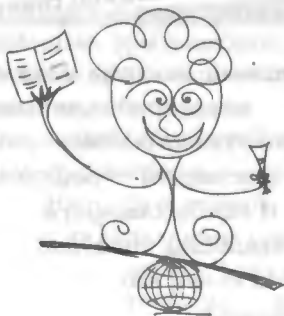
Ну, а через некоторое время, дня через три-четыре, все в норму стало приходить. Погасло наше золотое солнце. Как лампочки гаснут. Вспыхнуло раз-другой и погасло. И на его месте старенькое возникло. Нет, никакой коллизии в этом не было, оно и не пропадало, оказывается, никуда. А вся эта трехмудия только в мозгах наших была. От деда Михея возникшая. Всей деревне одно и то же при виделось, в один и тот же момент. Массовый гипноз, как хотите, так и называйте.

И радио снова заговорило.

А самое главное, вместе с солнцем и все у нас стало приходить к общему знаменателю. Люди, события, факты.

Леха, дружок мой верный, в лес пошел и три дня пропада. Где был, чем питался — молчит, ни слова из него не вытянешь.

А меня все больше и больше к стакану тянет, честно скажу. Просто сил никаких нет. И во сне, и наяву. Вот думаю, заброшу всю эту писанину да развяжу...

Тварь, или 13-я «ножка Буша»

В одной далекой заокеанской стране

живет очень богатый мистер. Назовем его условно Тристер. Все у него есть: холдинги-шмолдинги, билдинги-шмилдинги. Нет только одного — любви к России. Он знает, он кожей чувствует — реформы победят. Они уже побеждают. И тогда хлынут в его страну российские товары: автомобили, холодильники, телевизоры, компьютеры. Тогда конец его холдингам-шмолдингам, билдингам-шмилдингам...

НЕТ!

ЭТО ДОПУСТИТЬ НЕЛЬЗЯ!

И вот в подземных лабораториях создается жуткий монстр.

Тварь на тринадцати «ножках Буша-старшего». Биоклибер, пожирающий любые металлы. Но особенно золото, серебро, платину. А также якутские алмазы и прочие драгоценности. Тварь способна съесть все это в неимоверном количестве, перерабатывая на обыкновенное дерьмо.

Именно она, эта Тварь, должна уничтожить золотой запас русских и завалить Россию многометровым слоем дерьма.

И вот уже Тварь по частям перебрасывается в Россию.

Тринадцать «ножек Буша» вместе с обыкновенными, замороженными, пересекают границу.

А страшная голова Твари сплющивается под прессом и в виде подарка вручается российскому банкиру, отбывающему с кратким визитом на родину. Ему же подбрасывается и тело Твари, переработанное в таблетку от головной боли.

1. И вкладчики кровавые в глазах

Банкир Сопленский летел в Москву со странным чувством страха и радости. Страх — от боязни встречи с обманутыми вкладчиками, а радость он испытывал от надежды увидеть любимые брильянтики, чуть желтоватые «якутики», спрятанные в надежном месте, кои тогда летом, в жаркие августовские дни кризиса, он так и не успел вывезти из этой прекрасной, обманутой им страны.

«Заодно и с мамой повидаться, — взгрустнулось банкиру. — Как она там? На ее-то пенсию?»

Вряд ли кто-либо из вкладчиков узнал бы в этом пожилom темнокожем (да, темнокожем!) джентльмене прежнего бледнолицего, страдающего всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями, банкира. (Что только нельзя купить в цивилизованной стране за деньги!)

«Я могу вас и синеньким сделать, — сказал профессор. — И серо-буро-малиновым в крапинку. Фокус в другом — как этот цвет сохранить. Вот вам таблетки. И никаких стрессов и волнений».

Сопленский быстро прошел паспортный контроль, теперь у него был новенький темно-синий американский паспорт. Затем — таможня. Румяный таможенник покопался для приличия в чемодане и вдруг обнаружил странный предмет — сплюсненную голову Твари.

— Это еще что?

— Маска, — ответил на ломаном русском языке Сопленский. — Я родом из Бурундии. В таких масках у нас принято жениться.

Таможенник усмехнулся:

— Хороший обычай. После нее любой мордоворот красавцем покажется.

Через тридцать минут Сопленский уже мчался на яичного цвета «Волге» по городу.

За окнами мелькали знакомые улочки, деревья в свежих зеленых листочках... И вдруг он оказался на площади перед родным банком. Сопленский заметил около дверей толпу народа.

— Останови-ка, дружок, — попросил он таксиста.

— И ты, братан, попал?

— Нет. Мама моя... мутер, — соврал банкир.

— А я на всю катушку, — грустно сказал таксист. — Пять тысяч баксов.

«Так тебе, дураку, и надо, — подумал Сопленский. — За легкими деньгами погнался».

— Встретил бы я этого Сопленского, — с ненавистью сказал таксист. — Я бы его за одно место подвесил.

«А я бы тебя, — подумал Сопленский. — Чтоб не клал все яйца в одну корзину».

Они вышли из машины.

Оказалось, что новое руководство банка обещало вернуть вкладчикам часть потерянных ими денег. Но денег было меньше, чем вкладчиков. Потому здесь и стояли, надеялись, что им-то хватит.

Таксист пришел в жуткое возбуждение, попытался влезть в середину очереди, но его вежливо оттеснили. За время стояния все давно перезнакомились, знали о своих соседях все, вплоть до имен детей и любовниц.

Таксист повернул к банкиру перекошенное лицо:

— Мне бы этого Сопленского. Вот ТВАРЬ!

Сопленскому показалось, что от этих слов в сумке, с которой он теперь не расставался, произошло некое шевеление.

— ТВАРЬ! ТВАРЬ! — повторял в бессильной злобе таксист.

С момента предыдущей фотографии прошло несколько лет. Не будем говорить сколько.

Это наша вилла, наша лопата и наша Ина, которая сажает здесь цветы, крыжовник, клубнику, которые здесь не хотят расти по причине недостаточного ухода, который автор книги не может им обеспечить по причине своей любви к городской жизни.

А это друзья, они приехали из Израиля. Талантливый доктор и поэт, автор слов песни «Кохана», Игорь Барах с супругой Линой, автором его детей. Ради друзей можно пренебречь городским комфортом.

Иногда, когда позволяют время и средства, можно попутешествовать. Например, омыть руки в Иордане. Думали — река, оказалось — ручеек, не больше Клязьмы.

В храме Благовещения представлены изображения Богородицы со всего мира. Так она выглядит по представлению японцев.

За этим столиком творил сам Хемингуэй.
Если бы я сидел здесь, то тоже бы написал
«Старик и море».

Около здания казино в Монте-Карло — две скульптуры. Мужчина и женщина. Легенда гласит: стоит их потрогать за неприличные места — и выигрыш обеспечен. Мы так и сделали.

После выигрыша 400 евро чувствуешь себя хозяином жизни. Можно посмотреть свысока на всяких миллионеров и миллиардеров.

В Америке, на презентации новых киноидей, меня встретила родная американская сестра. Все как раньше. Как будто она не уезжала, а я не приезжал.

А это моя сестра со своим мужем и моим любимым племянником.

Ах, Канары!
Ах, Канары!
Когда идут съемки
и такие великие
актрисы, как
Орбакайте
и Королева,
принимают участие,
сценаристу некогда
искупаться.

Очередной «круглый» юбилей среди друзей
и знаменитостей. Живых и на фотографиях.

Я люблю тебя, жизнь!

И с каждым криком сумка раздувалась все больше и больше.

— ТВАРЬ!

Молния на сумке вдруг разъехалась. Из нее вылезло нечто совершенно ужасное: голова, похожая на змеиную и на крокодилю одновременно. Голова повисла над толпой чуть покачиваясь, словно это была голова сказочного дракона.

Жуткий вопль раздался в толпе.

Ужас охватил и Сопленского. Он опустился на тротуар, голову его будто стиснули железные облучи.

Дрожащими руками банкир нашел в кармане таблетку от головной боли, кто-то из очереди заботливо протянул ему пластмассовый стаканчик, кто-то булькнул в него минеральной водой. Сопленский кинул в стаканчик таблетку. Но та не стала растворяться, она вдруг зашипела и превратилась в змею. Змея раздулась, покрылась чешуйчатым панцирем, всплыла над толпой, соединилась в воздухе с головой, и с мяукающим звуком чудовище исчезло в небе.

Толпа перевела взгляд на Сопленского.

Банкир увидел в глазах людей ужас: его рука со стаканом воды стала абсолютно белой. Он посветлел. Куда делся темный, с таким трудом добытый, пигмент. На голове его зашевелились волосы. Он почувствовал, что курчавость их тоже исчезает, что они приобретают родной седой цвет.

— Сопленский, — вдруг ахнул кто-то из толпы. — Это Сопленский. Это он украл наши деньги!

Банкир понял — ему конец. И как неоднократно бывало с ним в минуту опасности, он взял себя в руки. Вернее, ноги — в руки.

Резким ударом он опрокинул стоящую перед ним женщину, отбросил в сторону какого-то парня, перепрыгнул через бросившегося ему под ноги старичка и кинулся наутек.

А за ним гналась ненавидящая его толпа.

СОПЛЕНСКИЙ!!!!!!!!!!!!!!

2. Иногда лучше жевать, чем... голодать!

Странные события стали происходить в городе после приезда банкира. Популярные в народе «ножки Буша», купленные в магазине и будучи размороженными, вместо того чтобы спокойно жариться на сковородках, вдруг стали соскакивать с них и убегать в неизвестном направлении.

По городу поползли нехорошие слухи.

Артистка театра и кино Марина Шпикачка, известная больше по рекламным работам, чем по пьесам Чехова и Захарова, проезжала на своем новеньком «Ауди» мимо Новоярбатского гастронома. Ей очень хотелось есть. Очень. Дело в том, что вот уже три последних месяца она рекламировала средство для похудения. По контракту она должна была за эти месяцы похудеть на десять кило. При ее-то любви ко всему жирному и сладкому, о чем совсем недавно свидетельствовали пышность тела и могучий бюст. За них-то ее и выбрали из сотен других претенденток. Но... хочешь жить, умей вертеться. Она и вертелась, то есть худела, просто таяла на глазах доверчивых телезрителей, и вовсе не из-за этих противных капсул. В отличие от предыдущих работ: реклам стирального порошка, отбеливающего испачканную кофточку до уровня белоснежной матроски сына, бульона из куриных кубиков, не оставляющих следов после мытья посуды, туалетной бумаги, нежность которой можно сравнить лишь с поцелуем возлюбленного, эта реклама давалась ей нелегко. По ночам ей снились торты, шашлыки, сочные окорока, румяные цыплята. Но завтра — последний день, последняя съемка, и она получит честно заработанные деньги. Радость омрачалась лишь одним — жутким желанием есть, жрать, хавать. Аж губы дергались.

«Ну, что со мной будет, — подумала актриса, — если я съем кусочек колбаски или малюсенькую отбивную. Или цыпленочка, даже не целиком, а половинку... Нет, всего одну ножечку?»

У актрисы потекли слюнки, и она нажала уже своей ножечкой педаль тормоза.

Строгий милиционер хотел было наказать актрису за остановку в неполюженном месте, но, увидев знакомое лицо, расплылся в улыбке:

— Не тормозни — сникерсни! — крикнул он.

— Иногда лучше жевать... чем штрафовать, — отшутилась актриса.

Через каких-то двадцать минут Марина была в свой квартире.

Она быстро разморозила ножку в микроволновке, кинула ее на сковородку, предварительно плеснув туда оливковым маслом, и пошла в гостиную, где позволила себе выпить рюмочку мартини, даже без апельсинового сока.

Когда она вернулась, ножки на сковородке не было.

«Что за черт?»

Сковородка вхолостую брызгала маслом — ни на плите, ни на полу куриной конечности тоже не оказалось.

Актриса на всякий случай заглянула под кухонный диван.

Ей показалось, что там кто-то шевелится.

«Проклятая голодовка! — подумала актриса. — Какие-то глюки начинаются. Завтра же нажрусь до отвала!»

Она взяла щетку для мытья полов и пошарила под диваном.

Ножка. Дорогая. Как ты сюда попала?

Актриса ополоснула ножку под краном и снова положила на сковородку. На этот раз, на всякий случай, она накрыла сковородку крышкой. Она решила не уходить, пока процесс жарки не доведет до конца. Вот только еще глоточек мартини.

Резкий звук упавшей с плиты крышки заставил ее обернуться.

«Ножка Буша» короткими прыжками, как кенгуру, убежала из кухни. Вот она преодолела порог и выскочила в коридор.

«Ах, вот ты как?! — разозлилась актриса. — Врешь! Не уйдешь!»

И она кинулась вслед за беглянкой.

Ножка забралась на подоконник и сделала попытку допрыгнуть до форточки, но Марина сбила ее щеткой. А заодно и цветочный горшок с любимыми фиалками.

Падение с подоконника ножку не остановило, она приняла попытку проскочить на балкон.

Но и тут ее ждала неудача. Марина зажала ножку балконной дверью, взмахнула щеткой, чтоб как следует накачать...

Сверху посыпались осколки чешской люстры, купленной еще во времена Дубчека, а ножка метнулась в туалет, где и заперлась на задвижку.

Настойчивые звонки в дверь вывели Марину из полуморочного состояния.

«Марина, открой! — кричал за дверью мужской голос. — Я знаю, ты дома!»

Это был Олег. Ее Олег. Из рекламы про быстрорастворимую манную кашу. Только его сейчас не хватало!

Олег был жутко ревнив. Ревновал ее даже к прокладкам «Олби», которые она в прошлом году рекламировала. А когда она снялась в ролике, где два молодца купали ее в подсолнечном масле, после чего волосы навсегда излечивались от перхоти, он и вовсе озверел.

«Как ты могла? — кричал он. — Сниматься у этого креатива? (Он имел в виду режиссера ролика.) Ты видела его рекламу про семяизвержение? А про... про... про...»

«Про систему ПРО?» — пришла на выручку Марина. (Когда Олег нервничал, он начинал заикаться.)

«Нет! Про про... простатит».

«Не видела. Зато я видела твою рекламу, про зубной карьер!»

(У Олега были прекрасные зубы. Он недавно рекламировал зубную пасту. «ДИБОЛЬ — ТРОЙНАЯ ЗАЩИТА ДЛЯ ВАШИХ ЗУБОВ!» Олега три раза били молотком по зубам, но он продолжал вертеться на турнике.)

Олег тоже любил поесть, поэтому Марина его все эти долгие месяцы не подпускала. Вот он и заподозрил что-то неладное.

— Марина! Открой!

«Ножка Буша», казалось, понимала русский язык. Она спокойно вышла из туалета, допрыгала до дверей и спряталась за Маринин сапог. Казалось, она только и ждала, когда дверь откроется.

— Мари-и-на! Открой!!!

— Я не могу, Олег.

— У тебя кто-то есть?!

— Да, — не выдержала актриса. — «Ножка Буша»!

— Какого Буша?! — орал из-за дверей Олег.

— Старшего!

— Я буду ломать двери!

Раздался стук то ли молотка, то ли топора. Потом визг дрели. Будучи жутко ревнивым, Олег подобные инструменты всегда носил с собой.

Грохот и скрежет металла наполнили дом.

«Он не отстанет, — вздохнула актриса. — Придется и сегодня спать голодной».

Она глубоко вздохнула и открыла дверь...

«Ножка Буша» с радостным мяуканьем выпрыгнула на свободу.

3. Пришелец

В районе Московской окружной дороги голова Твари, ее чешуйчатое тело и «ножки Буша» соединились в единый организм. Ножки вдруг стали расти, расти... И выросли. Стали уже не цыплячьими, а скорее даже страусиными. На них появились когти, мускулы, они, как и тело, покрылись жестким чешуйчатым панцирем. И все существо стало напоминать какого-то жуткого доисторического ящера.

В голове биоробота заработал сложный электронный механизм.

Тварь стала принюхиваться к золоту и прочим драгоценностям.

В это время «вольва» с мигалками и охраной на джипе летела по Рублевскому шоссе. Внутри, уютно развалившись на мягких сиденьях, беседовали двое мужчин. Один — молодой, коротко стриженный, в черной фирменной майке под серым пиджаком. Другой — постарше, в белом костюме и при галстуке. Отцы преступных группировок вели разговор о жизни.

— Приезжаешь с работы, — жаловался тот, что постарше. — Хочется расслабиться, отдохнуть. Включаешь телевизор, а там все то же самое — пальба, кровища.

— Да, — поддержал его молодой. — Передачи на производственную тему.

— Ну, хорошо бы по одной программе, а то ведь по всем. И днем, и ночью. И в будни, и в праздники.

— Сколько есть прекрасных комедий, — сказал молодой. — Балеты, оперы...

— Про «оперов» не надо, — улыбнулся пожилой, и оба дружно захохотали.

— Нет, серьезно, — продолжал молодой. — У меня парню семь лет. Смотрит «ящик» с утра до вечера. Кто из него вырастет? Ясно кто. Такой, как я. А кто же еще?

— А у меня дочка, — сказал пожилой. — Пятнадцать. А в этом «ящике» одни проститутки да секс. В кого она пойдет? Ясно в кого, в мамашу.

И оба снова захохотали.

— У американцев — понятно, — вытерев лысину платком, сказал тот, что постарше. — Они по-другому воспитаны. Они подобную ерунду всерьез не принимают. У нас же другая культура. Чехов, Толстой, Достоевский.

— Тургенев, Паустовский, — поддержал его молодой.

— Пушкин, Мандельштам.

— Пастернак, Набоков.

— Да, — сказал пожилой. — У нас корни другие, христианство.

— Выдирают, Павел Васильевич, эти корни. Как больной зуб.

— И без наркоза.

— Все как у них хотим, — сказал молодой. — Только не умеем. Наша «мочилровка» в кино — смех. Я тут один боевик смотрел — обхохотался.

— А ты жаловался, что комедий не бывает.

— Это для нас комедия. Другие же всерьез принимают. И получается что?.. Убить — тьфу! Вот и растет преступность. Скоро все друг друга перестреляют. И останемся мы с тобой, Павел Васильевич, без работы.

— Мы тогда в Останкино нагрянем. Объясним им, что к чему. Чтоб народ не разлагали.

«Вольва» по отмашке милиционера свернула на Окружную.

— О деле поговорим? — спросил молодой и достал «дипломат».

— Успеется. Скажи лучше, как роман твой?

— С Машкой?

— Нет, что раньше писал.

— Ро-ман? Да ты что, Павел Васильевич? Какой роман? Ты видел, что народ читает? Чтоб тебя прочли, такой «пиар» нужен, никаких «бабок» не хватит.

— Не скажи. У меня бабки что надо. Одна Верка трех Клавов стоит.

— Каких Клавов?

— Ну этих... как ее? Шиффер.

— Шифер? Тот, что на крыше?

— Какая крыша? Я сам себе «крыша».

И оба опять засмеялись.

— Николай, — сказал пожилой. — А может, мне подъехать со своими ребятами? Поговорить. Чтоб тебя напечатали.

— Да ну их, Павел Васильевич. Скажи лучше, как у тебя? Как двигатель твой на ионах?

— Расчеты закончил, но к строительству не приступал. Вот накоплю денег, возможно, тогда.

— Эх, Павел Васильевич. Никому твой двигатель не нужен.

— Людям нужен, Коля. Людям. До Марса лететь — пятнадцать минут. До других миров — пару часов. А там все новое, другие формы жизни. Мы даже и представить не можем.

— Это все фантазии твои.

— Фантазии? Ты думаешь, чего они к нам летают? На тарелках своих?

— Ну?

— А затем летают, Коля, что изучают. Пора нас за грехи наши отсюда попросить или нет.

Машина взвизгнула тормозами и вылетела на обочину.

Из джипа раздались выстрелы.

Пожилой выскочил из машины первым.

Огромный ящер, повалив охранника, срывал с него золотые цепочки, бирюльки, часы. Другой охранник с криком удирал в лес.

Молодой выхватил из кармана пистолет, но пожилой ударил его по руке:

— Не стреляй, Коля. Вот они... Прилетели.

4. Скрипка полковника Курочкина

Всем известно, что знаменитый сыщик Шерлок Холмс в минуты напряженной работы любил поиграть на скрипке. Комиссар Мегрэ предпочитал музыке пиво. А Джеймсу Бонду для вдохновения нужна была подружка.

У полковника ФСБ Александра Захаровича Курочкина был свой метод. Он усаживал на колени любимого кота и, поглаживая его по мягкой спинке, спрашивал:

«Как думаешь, Мурзик, стоит брать этого «крота»? Или дать ему немного покопаться?»

(«Кротами», как все знают, называют не тех кротов, что копают норки, а тех, что копают и откапывают наши секреты.)

«С одной стороны, он далеко зашел, — продолжал между тем полковник. — Украл чертежи нашей последней, строго засекреченной шашлычницы... Но с другой...»

Кот отвечал либо мурлыканьем, либо шипением, что означало либо «да» — стоит брать, либо — «нет», не стоит.

За голову кота западные спецслужбы давали огромные деньги, но наши спецслужбы пресекали все попытки его выкрасть или отравить просроченным «Вискасом».

Однажды кота решили переманить. Забросили в нашу страну редкой красоты ангорскую кошечку. Пушистую, белее снега. Кошечка спускалась вниз по водосточной трубе, ласково мяукала, строила коту глазки и всячески старалась его обольстить. Но Мурзик не поддался на провокацию, он продолжал верно служить Родине. Красота юной прелестницы на него не действовала, тем более он был кастрированный.

Возглавив штаб по поимке Твари, Александр Захарович сразу же опустился в кресло перед телевизором и усадил на колени кота.

По телевизору как раз передавали новости о последних похождениях Твари. Взломанные банковские сейфы, пустые витрины ювелирных магазинов, плачущие кассирши и продавцы валюты.

— Как ты думаешь, — размышлял Александр Захарович вслух, — зачем это милое создание... (он имел в виду Тварь) ест столько золота и валюты?

Кот злобно шипел.

— Правильно. Это — наш враг. И пожаловал он к нам неспроста, не ради красивых глазок. Он хочет затормозить наши, с таким успехом идущие, реформы.

Так шаг за шагом полковник выяснил, что и зачем. Он определил, что главной целью Твари является растущий час от часу золотой запас.

— Хватит гладить кота, — вошла в комнату жена. — Мой руки! Чай будем пить.

— Ты же знаешь, — возмутился Александр Захарович, — я руки после кота не мою. Зачем ты его обижаешь? Ты хочешь, чтоб он опять прыгнул с балкона?

Однажды кот, обидевшись, уже прыгал с балкона. Тогда все обошлось сломанным внизу зонтиком генерала Пурова. Дом, где они жили, был ведомственный, военный. Несмотря на тридцать лет совместной жизни, жена и не догадывалась, что Александр Захарович — полковник ФСБ, работник самого секретного его отдела. Она всегда удивлялась, что им дали квартиру в таком замечательном доме. В военной форме своего мужа она никогда не видела, по легенде он работал заведующим овощной базой.

Правда, однажды секретные службы не уследили, и в телевизионный эфир попали кадры, где Александр Захарович идет по партизанской тропе вместе с ангольскими патриотами.

— Смотри, смотри, — сказала жена. — А он на тебя похож. Просто вылитый ты, только черненький.

Она не знала, что черненьким Александра Захаровича сделал обыкновенный гуталин, других средств под рукой у партизан не было. А сам он по легенде ездил не в Анголу, а за свежей редиской на Камчатку. «Там солнце раньше встает, вот она в тех краях раньше и всходит».

В другой раз, когда полковник якобы уезжал за картофелем в Белоруссию, жена увидела очень похожего на него человека среди японских рыбаков. Человек, похожий на ее мужа, удил вместе с японцами рыбу и поглядывал на новый американский авианосец, стоящий на якоре. Если б не косые глаза — копия муж. Когда он вернулся из Белоруссии, они вместе посмеялись над таким сходством.

Правда, ночью полковник вдруг заговорил по-японски, но утром объяснил, что на их овощную базу по ошибке завезли японскую клубнику. А некоторая косина во взгляде — следствие работы, овощи с базы норовят растащить. И направо уходят помидоры, и налево.

Не желая ссориться с женой, Александр Захарович встал с кресла и бережно опустил кота на пол.

— Ты слышал, что в городе делается? — спросила жена.

— А что? — наивно переспросил полковник.

— Какая-то Тварь объявилась. Грабит всех подряд, жрет валюту и золото.

— Нам-то бояться нечего, — пошутил Александр Захарович. — Единственная валюта у нас — это ты.

— Значит, ты не боишься, что твое «золото» украдут? Конечно, ты кота больше любишь. Вечно гладишь его, ласковые слова говоришь. Не то что мне. Если мы разведемся, так и знай, я кота не отдам.

Вот. Вот разгадка, почему полковник живет с любимой женой тридцать лет. Первые двадцать он не мог развестись, работа не позволяла. А потом появился кот.

— Как тебе не стыдно? — закричал полковник. — Если в этом все дело, забирай его. Да, забирай. Что, я себе другого кота не найду?

Полковник говорил неправду. Другого такого кота он никогда б не нашел. И тогда в нашей стране расплодились бы негодяи и шпионы.

— Ах так? — обиделась жена. — Так ты мной дорожишь? Я тебя человеком сделала, на овощную базу устроила...

Когда-то, очень давно, в очень давние времена, еще совсем в другом доме, в коммунальную квартиру подполковника Курочкина, тогда еще простого лейтенанта, под видом слесаря-сантехника зашел генерал Пуров, тогда еще простой полковник. Он-то и предложил жене тогдашнего лейтенанта, теперешнего полковника, устроить ее мужа на овощную базу. Жена с радостью согласилась, она не знала, что муж ее — уже лейтенант, а думала, что он капитан дальнего плавания, тем более что все время пропадал в командировках.

— Пуров-то, — продолжала жена, — из сантехников в генералы выбился, а ты... Как был на овощах, так и остался...

Сказала и пошла греметь посудой на кухне.

И вдруг...

На экране возникла ТВАРЬ, и диктор с перекошенным от страха лицом объявил:

«Срочное сообщение!»

Полковник как был в тапочках и халате, так и выскочил за дверь.

— Ты куда? — крикнула ему вслед жена.

— На базу! — крикнул на ходу полковник. — Нам персики из Индии завезли.

Машина уже ждала полковника у подъезда.

5. Жертва эпидемии

Полакомившись золотыми цепочками, часами и прочими побрякушками, Тварь решила передохнуть, для чего и забралась в ближайшее болото. Очевидно, ее желудок, да и компьютер, нуждались в покое. Надо было переварить полученную информацию.

Через несколько часов Тварь вылезла из болотной грязи, отряхнулась, повертела головой направо-налево и взяла курс на виллу из красного кирпича, стоявшую недалеко от дороги.

Алексей Телятин возлежал на кровати времен французского короля Луи XVI, как известно, обезглавленного на гильотине. Кровать Телятину была коротка — ноги не помещались, свисали. «Вряд ли на ней спал обезглавленный король, — часто думал Телятин. — Наверно, в магазине обреза́ли».

На днях Алексей осуществил одну из самых гениальных своих комбинаций: продал российской фирме крупную партию ящурного мяса.

Как? А вот как...

Сначала английские фермеры поднимали зараженные ящуром туши вертолетами в воздух и бомбометали их в Атлантический океан.

В океанских водах мясо просаливалось и превращалось в отличную солонину.

После этого к операции подключались наши рыбаки. Они вылавливали солонину тралами и прятали в трюмы кораблей. Далее — на палубы опускались уже наши вертолеты, забирали солонину и переносили ее на полуразрушенную партизанскую базу в лесах Белоруссии. Там на мясо ставили ветеринарные печати, означающие, что мясо местное, произведенное в дружественной стране, а не в Англии, где обнаружены следы нехороших болезней. После этого туши отправляли на родину — не в Англию, конечно, а на нашу родину, то есть в Россию.

И все шло хорошо. Но новый санитарный врач оказался жутко упрямым. Не верил ни печатям, ни бумагам, а только своим пробам и анализам. Пришлось прибегнуть к дорогим подаркам и обильным возлияниям. Причем закусывали все той же солониной.

Алексей каждый кусок незаметно выплевывал, после чего старательно прополаскивал горло водкой. Он был человеком мнительным: хоть и говорят, что ящур не заразен — пес его знает.

И вот сейчас, с тяжелой головой от выпитого, он решил все же встать с кровати и позвонить знакомому профессору, чтобы отбросить всяческие сомнения по поводу заразности болезни. Но прежде чем встать, он с нежностью посмотрел на стену, где в потайной нише хранилась выручка. И не только за последнюю операцию.

Он встал. Шатаясь, подошел к зеркалу и...

Вместо знакомого изображения чуть постаревшего, но все же симпатичного мужчины он увидел странное существо с крокодильей рожей, множеством лап и телом гигантской ящерицы.

Сердце Алексея бешено забилося, на лбу выступили холодные капли пота. Все ясно. Он заразился. Он превратился в ящерицу, нет — в ящур! Именно так он представлял носителя этой болезни.

Алексей читал Кафку и его замечательное произведение, где человек превращался в таракана или клопа, что по сути одно и то же. Но в ящуре? Это слишком!

Он ощупал себя с головы до ног. Руки, ноги — как у людей. Посмотрел в зеркало — ящур.

Алексей схватил телефонную трубку:

— «Скорая»?! Пожалуйста, выезжайте. Я превратился в ящуре... Что?.. Не понял... Чем номер набираю? Руками, то есть лапами. Пальцами то есть.

«Пить надо меньше! — крикнула трубка. — А то и в таракана превратиться недолго».

Этот окрик привел Алексея в чувство.

«Они правы. Не мог я превратиться в ящуре. То есть в ящера. Не мог».

Он снова ощупал себя.

«Руки мои и ноги. И лицо небритое мое, нос... уши... рот... Из рта пахнет водкой... Все как у людей... Человек я. Че-ло-век. Это звучит гордо... Но там тогда кто?»

Он подошел к зеркалу...

Оттуда на него смотрел ящер.

Что за бред?!

Звон разбитого стекла вывел Алексея из состояния прострации.

Сквозь стеклянную дверь, которую он принял вначале за зеркало, в комнату пролезло страшное существо. С крокодильей мордой, когтистыми лапами и телом ящера.

Существо постояло, повертело головой и устремилось напрямик к заветной стенке.

Когтистые лапы разорвали обои...

Из потайной ниши на пол полетели золотые монеты, пачки валюты, с таким трудом собранные Алексеем за долгие годы работы.

Существо понюхало все это, потрогало когтистой лапой и вдруг стало с аппетитом жевать.

— Нет! — крикнул Алексей и бросился на чудовище. — Не дам. Брысь, гадина!

С таким же успехом он мог броситься на бетонную стену или стальной сейф.

В отвратительной пасти монстра одна за другой исчезали его ценности.

Алексей выхватил из бара бутылку «Бюфитра» и огрел чудище по голове.

Но в ответ оно лишь повернулось к нему задом, а из-под хвоста посыпались вонючие кашки.

«Лучше бы я превратился в ящера», — в бессильной злобе подумал Алексей.

6. Заблудшие в «Трех сосенках»

В подмосковном санатории «Три сосенки» проходил съезд патриотическо-демократического союза. Но работа съезда вдруг приняла неожиданный оборот. Вместо индонезийской кухни, как было обещано в повестке дня, депутатов потчевали китайской, да и то не самого лучшего качества. Трепанги скорее напоминали распаренную воблу, а в супе из акульих плавников плавали куски сазана. Поэтому вместо разговора о путях выхода из экономического кризиса созрело решение переизбрать руководящие органы.

— Мало того, что номера без кондиционеров, — возмущались делегаты, — так еще и суточные платят в рублях. Такого не было со времен распада Союза.

— Пусть выйдут и отчитаются, куда идут народные деньги.

Конфликт разрастался.

— Господа, — пытался урезонить своих коллег представитель правого крыла партии. — Сейчас не время. Надо готовиться к следующим выборам. Вот победим мы, тогда... И машины будут, и заграничные поездки, «и кофе с какавой».

— У меня дочка на выданье, — крикнул со своего места несогласный депутат. — Она не может ждать. Я письменно

умолял дать ей двухкомнатную, и знаете, что мне ответили?

— Что?!

— Чтобы я разменял свою пятикомнатную.

— А я, — возмущался другой народный избранник, — купил подержанную «вольву». Естественно, прав у меня нет, и на обратном пути сбил мотоциклиста, что характерно, члена нашей же партии. И знаете, что от меня требуют? Чтобы я чинил мотоцикл.

Недовольство все нарастало. Группа депутатов подала заявление о выходе из партии и переходе к коммунистам: «Хоть там и нет особых льгот, зато надежнее. Если, конечно, кому-то не взбредет в голову брать власть. Но, судя по всему, там умные люди».

Другая группа, состоящая из иногородних депутатов, решила образовать фракцию и добиваться смещения руководства. «Их и по телевизору каждый день показывают, они и в газетах свои лица печатают. А нас никто не знает, даже избиратели».

Короче. Первый день съезда не дал никаких надежд выхода из кризиса. Ни того, что был обозначен в повестке, ни другого, более важного. Поэтому решили продолжить дискуссию на следующий день, а пока разойтись, тем более что светила луна и в баре давали бесплатное пиво.

Вечер выдался просто фантастический. Все цвело и пахло. Погода в этом году переплюнула все рекорды. Рост температуры опережал рост инфляции, и каждый на себе это чувствовал.

Часть народных избранников разошлась по номерам. Кто-то продолжил споры в беседках и на аллеях парка. А кое-кто просто наслаждался теплым весенним вечером на берегу реки, не догадываясь, что Тварь на тринадцати «ножках Буша-старшего» уже приняховалась к запахам презренного металла, которые доносил до нее ветерок из «Трех сосенок».

Первой жертвой Твари стал заместитель заместителя председателя партии сорокапятилетний Егор Бутынин.

Он сидел над рекою в беседке совершенно один и предавался грустным мыслям: что будет с ним и со страной, если развалится любимое дело.

«Ну, со страной — ясно. Ничего с ней не будет. Выстоит. А вот со мной... Ну, во-первых, придется снова идти в институт и проситься на профессорскую должность. Возьмут, не возьмут — это еще вопрос. Сейчас бы взяли, сейчас он нужен. И денег может подкинуть, и оборудование пробить. А вот завтра? На кой хрен он им нужен завтра?»

От этой мысли у Бутынина зануло под лопаткой.

«И чего я полез в политику? Чтобы пробиться к «пирогам», нужен такой «пиар», никаких денег не хватит. Ни у меня, ни у моих жалких спонсоров».

В прибрежных кустах послышался шорох и какой-то странный звук. Вроде кошачьего завывания, но более сиплый и зловещий.

«Лягушки. — решил Егор Иванович. — Весна. Природа торжествует, на дровнях обновляя путь... Нет, это, кажется про осень».

Шорох приближался, и звук — тоже.

«Странно, — подумал депутат. — Что-то уж очень они большие, эти лягушки. Хотя, говорят, тут недалеко атомный центр. Мутировали, наверно».

И в этот же момент кто-то бросился на него, сорвал с руки позолоченные часы, подарок спонсора-банкира, нагрудный медальон со знаком зодиака, преподнесенный представителями нефтяного бизнеса, и даже вытащил из кармана зажигалку с маленьким рубином, которую он купил в Индии всего за три доллара у местного бомжа.

В темноте мелькнула страшная рожа грабителя: клыки, когтистые лапы. Грабитель повалил его на землю — ни о каком сопротивлении нечего было и думать.

«Где же наши секьюрити, черт возьми?! — мелькнуло в голове депутата. — За что им, черт возьми, по «штуке» в месяц платят?»

Больше Егор Иванович ничего не помнил.

Зловонное дыхание Твари затмило его сознание.

7. Вместо свалки — детям скакалки!

Сытно поужинав в «Трех сосенках», Тварь побродила немного по окрестному лесу и отправилась спать. Для ночлега она выбрала свалку километрах в десяти от престижного санатория. Эту свалку знали все и старательно объезжали ее, так как запашок от нее шел ой-е-ей!

«Зеленые» неоднократно устраивали акции с требованием ликвидировать свалку. Приковывали себя наручниками к скелету догнивающего экскаватора, поднимались на воздушном шаре и сбрасывали на город листовки: «Вместо свалки — детям скакалки!» В результате свалку обнесли бетонным забором и поставили сторожа с приказом никого сюда не пускать, кроме как с разрешения «эм-дэ» Губченко. Какую должность занимал Губченко, сторож Семеныч не знал. Но знал, что каждую неделю должен выплачивать ему дань. Потому что, кроме ржавых радиаторов, обломков бетона, дырявых ванн, тряпья и склянок, на свалке можно найти и драгметаллы с секретных заводов, и новенькие ракетные двигатели, и вполне годные к употреблению фугасы. Если покопаться, и атомную бомбу найти можно. А если наоборот: не унести, а принести сюда что-то или кого-то... то и концы в воду, никакой Шерлок Холмс не докопается. Вместе со своим Соломиным.

Сторож Семеныч быстро понял, что лучше места ему не найти. Бомжей он пропускал бесплатно, от них только польза, что-то съедят, чего-то выпьют, глядишь, и гадости меньше останется, а остальные — плати. С каждой машины, с каждого человека. Ему ведь тоже платить надо.

Проснувшись на свалке, Тварь легко позавтракала останками проводов с серебряной пайкой, которые она раскопала под частями довоенного рентгеновского аппарата, как вдруг ее внимание привлек странный шум.

У ворот происходила типичная для этого места сцена.

Сторож кричал: «Не положено, не пущу. У вас радиоактивность — аж зашкаливает!»

В ответ ему кто-то отвечал:

— Да брось ты, Семеныч. В страну скоро ядерные отходы завезут, а ты упираешься.

— Не пущу.

— Ну, не обратно же нам ехать, Семеныч. Сколько?

Семеныч повел своим чутким носом-датчиком:

— У вас тут не меньше двухсот рентген. По сотне с рентгена.

Сговорились на полутора тысячах рублей. За все. И на трех бутылках спирта, которые тут же сели распивать. Попытались присоединиться еще два местных бомжа, но Семеныч их строго отогнал:

— Брысь! Квартплату не беру, так они совсем обнаглели. Может, еще вам и кофе в койку, и душ-джахуязи?

Бомжи ушли искать выпивку в водочных бутылках и реактивах с химического завода, а Семеныч стал прикидывать, какую часть заработанного он должен отдать Губченко.

Он сидел на пружинной двухспальной кровати, полованной еще во времена татаро-монгольского ига каким-нибудь ханом с наложницей, как вдруг заметил над собою тень.

Над ним стояла Тварь.

Семеныч не испугался.

— Ты кто ж, милая, будешь? — спросил он ласково. — Как звать-то тебя? Чего молчишь? Не бойсь. Я в Чернобыле и не таких видел. И телят с двумя головами. И грибы с тебя ростом... Чего молчишь?

Тварь с интересом разглядывала Семеныча. Судя по всему, ей нравился этот человек.

— Ну? Кто ты? Местная, из «Курчатова»? Или из-под Курска пришла? У них, на АЭС, слышал, и не такие водятся.

Тут раздался длинный музыкальный гудок.

— Начальничек мой приехал, — сказал Семеныч. — Погоди здесь маленько, пока я с ним разберусь.

И он побежал к выходу.

«Эм-дэ» Губченко приехал сильно не в духе. Вчера его подержанный «мерс» столкнулся с джипом, и по самым

скромным подсчетам ремонт обойдется не в одну сотню баксов. Вот он и стал вымещать свою злость на Семеныче:

— Ты че мне даешь? Почему так мало? Учти, Семеныч, таких, как ты, — тысячи. А место одно.

— Максим Дмитриевич. Слово даю. Это все, что есть.

— А ты еще поскреби. Поскреби.

— Я уж до дыр доскребся.

И в доказательство Семеныч вывернул карманы.

Там действительно, кроме дыр, ничего не было. Свой навар сторож держал в глушителе от «Запорожца».

— Эх, Семеныч, — только и махнул рукой начальник. — Не умеешь работать. Это — золото, а не свалка, Клондайк. Здесь миллионером стать можно, а ты...

И пошел, не обернувшись, к своей машине.

Когда начальник выезжал со свалки и поворачивал на шоссе, он услышал сзади какой-то хруст.

«Подшипник полуоси накрылся, — решил он. — Считай, еще сотня баксов!»

Он бросил взгляд в зеркало и...

Его нагоняло Чудовище.

Вот оно зацепило когтистой лапой за бампер, распахнуло дверцу...

На заднем сиденье лежал кувшинчик, купленный им в подарок дорогой Галочке по случаю ее семнадцатилетия, о чем и свидетельствовала надпись на его боку. И эта надпись, буква за буквой, исчезала в пасти Чудовища.

Максим Дмитриевич понимал, что больше ничего подобного купить не сможет, а без подарка любимая его и на порог не пустит. Отправит назад, к жене.

Он схватил с пола монтировку, которую всегда возил с собой, и с криком: «Ты что же, тварь, делаешь!» — огрел Чудище по мордам.

Но Чудище перехватило монтировку, хрумкнуло ею, как только что хрумкало кувшинчиком, и выплюнуло. Монтировка Чудищу не понравилась. Потом, видимо обидевшись на Максима Дмитриевича, схватило его когтистой лапой и со страшной силой выкинуло из машины.

8. Кровавая рапсодия

Недалеко от Москвы, километрах в пяти-семи от Окружной дороги, снимался фильм «КРОВАВАЯ РАПСОДИЯ».

Это был по-настоящему семейный фильм. Деньги на кино дал папа, преуспевающий бизнесмен, сценарий написала мама, преуспевающая в тратах домохозяйка, в главной роли снималась троюродная племянница, преуспевающая топ-модель. Ну, а режиссером, естественно, был сыночек, прошедший практику у самого Спилберга, которому папа как-то помог с деньгами.

Поскольку семейство в основном жило за границей, это не могло не отразиться на сценарии будущего фильма.

«На берегу подмосковного озера, в своей роскошной вилле живет районный врач-терапевт. В озере водится чудовище. Однажды врач после ужина при свечах с медсестрой топ-моделью предложил ей искупаться... Первой нырнула в озеро девушка. (Надо же показать красоту ее не тронутого еще чудовищем тела.) И только она проплыла десяток-другой метров, только она послала воздушный поцелуй врачу, как...»

Этот эпизод и снимался сейчас неподалеку от Окружной дороги.

Рабочие уже подтащили к берегу бочки с томатной пастой, которая должна изображать кровь, механики последний раз проверили зубы куклы-чудовища, гримерша прошлась кисточкой по выпуклым формам топ-модели, удаляя с них пух одуванчиков и шелуху семечек, помощник режиссера поднял хлопушку...

— Стоп! — вдруг крикнул папа-бизнесмен. — Почему Жанка (так звали героиню) в купальнике?

— Здесь дети, — смутилась героиня, кивнув на толпу зрителей по берегам озера.

— Детей — вон! — скомандовал папа. — Потом все увидят по телевизору.

— И вода холодная, — не сдавалась героиня.

— Ничего, потерпишь. Не «Титаник» снимаем.

Топ-модель отошла за кусты и стала стыдливо раздеваться.

— Где кровь? — крикнул папа рабочим.

В озеро полилась томатная паста.

— И еще...

На этот раз папа обратился к сынку:

— Пусть она громче орет. Чтоб кровь стыла в жилах. Чтоб и глухого хватил кондратий... А этот врач...

Папана повернулся к герою:

— Напрасно мы его взяли. Дохлый какой-то, ручонки тонкие.

— Папа, — тихо сказал сынок. — Он народный артист. У Тарковского снимался.

— И зря. Надо было взять Шварценеггера.

В разговор вступила мама:

— По сценарию он должен быть умным, а не «качком», как твой Шварценеггер. Ты понял? Умным.

— Это ты в сценарии отрази. Пусть в гараже он прячет наркотики. Если такой умный. Ведь он врач. Потом придет полицейский, и они с медсестрой его прикончат. И вывезут труп на двух машинах.

— Сразу на двух?

— А почему бы нет? На одной — руки, на другой — ноги.

— А на третьей что?

— На третьей я тебя вывезу.

— Папа, прекрати! — разозлился сынок. — Ты срываешь мне съемку.

— Это ты мне — «прекрати»? Мне — папочке? А кто за все платит? Кто министру деньги на молодое кино давал, лишь бы тебя из ВГИКа не выгнали? А теперь — прекратить?!

— Мне холодно, — пролепетала актриса. — Можно я оденусь?

— Нет! Привыкай. Скоро тебе тонуть.

— Мы будем снимать или нет? — вдруг вспыхнул народный артист. — Я у Тарковского столько не ждал.

— Тогда лезь первым в воду! — скомандовал папа.

— Это не по сценарию, — возразила мама. — Если он первым полезет, чудовище его первым и съест.

— Не велика потеря. Если честно, мне вон она больше нравится.

Папа кивнул на модель.

— Ах, так? — Мама не на шутку вспыхнула. — Теперь мне понятно, что это были за пробы.

Папа с мамой часто ссорились. И мама тогда уходила из дома, а папа на огромных щитах за огромные деньги размещал плакаты по городу:

«Где ты, моя любовь?»

Иногда мама отвечала:

«Ослик. Я тоже скучаю».

Их переписка продолжалась порой несколько недель, пока мама не возвращалась. Тогда и жители города успокаивались.

Но сейчас ссора носила принципиальный характер. Мама даже запустила в папу сценарием.

Вместе со сценарием с ее руки слетело кольцо. С большим десятикратным изумрудом, подаренным папой по случаю поступления сыночка во ВГИК.

Мама побледнела. А папа позеленел. Еще больше, чем тот изумруд. Ни слова не говоря, он скинул с себя рубашку, майку, трусы... и нырнул в воду.

Все сгрудились на берегу.

Вот папа вынырнул, набрал в легкие воздух... Снова нырнул... Вынырнул... Нырнул... Вынырнул... и победоносно поднял руку. В руке его все увидели кольцо.

— УРРА! — закричали на берегу. — УРРАА!

Но папа почему-то поплыл с кольцом не к их берегу, а к другому, противоположному.

— Ты куда? — крикнула мама.

— Больше ты этого кольца не увидишь!

— Ты бы хоть трусы надел, — пролепетала мама. — Кому ты без трусов нужен?

И тут все заметили, как вода за плывущим папой вспенилась, пошла кругами. Из воды показалась страшная голова. Чудовище! И вовсе не механическое.

Ужас овладел стоящими на берегу.

Папа оглянулся и засмеялся. Он почесал чудовище за ухом. Он думал, что это всего лишь кукла.

Но чудовище издало такой рык!

Оно вырвало из папиной руки кольцо, самого же подбросило над водой...

Описав дугу, папа вновь упал в воду и вынырнул весь в кровавой пене — томатная паста успела разойтись по озеру.

Картинка была столь ужасная, что настоящая уже кровь стыла в жилах.

— Мотор! — крикнул сынок. — Мотор! Снимаем!

Но Тварь с жуткой скоростью устремилась к берегу и, ломая сучья, скрылась из вида.

9. Каждой твари — по харе

Слухи о чудовищном монстре быстро распространились по городу. Они обрастали самыми фантастическими подробностями. Тем более что сфотографировать Тварь никому не удавалось. Один отдыхающий будто бы видел ее из окна автобуса, направил на нее видеокамеру, но касета оказалась засвеченной. Тварь была недоступна для фото- и видеокамер, как истребитель-бомбардировщик «Стелс». Появление ее неподалеку от Рублевского шоссе навело некоторых на подозрение: «Нет ли тут чего-то такого, в смысле того, чтобы?..» Ну, вы понимаете...

Компетентные органы тут же отреагировали:

«Ничего такого, в смысле того, чтобы... нет. А если бы и было, мы бы тут же бы пресекли. У нас для этого и сил, и средств хватает. Все это чушь собачья, придуманная недобросовестными журналистами. Кстати, все ли они уплатили за прошлый год налоги?»

«Московский комсомолец», знаменитый своими броскими заголовками, разразился статьей «Каждой твари — по харе!», где он клеймил нуворишей и олигархов, расплодившихся в питательной газово-нефтяной среде.

Более солидные органы (да пусть простит нас любимый «М.К.») увидели в похождениях Твари чеченский след. Об этом сразу и заявил не названный, но вполне авторитетный источник из правительственных кругов.

Радиостанция «Эхо столицы» сумела каким-то образом записать жуткие мяукающие звуки, издаваемые Тварью. На вопрос к слушателям: «Верят ли они, что эти звуки принадлежат монстру?» — отрицательно ответили пятнадцать процентов. Остальные восемьдесят пять, услышав звуки, были срочно госпитализированы.

В программе «Сегодня» на шестой кнопке академик Мадашев, всю жизнь посвятивший поискам следов цивилизаций в Гималаях, сказал, что он склоняется к мысли, что монстр — это чудом оживший ген, оставленный на случай гибели нашей цивилизации и способный все начать сначала.

Зато на других программах тот же Мадашев утверждал, что гибель нашей цивилизации, в том числе и нашей страны, в принципе невозможна.

В программе «Завтрачко» была показана пенсионерка, которая своими глазами видела летающую тарелку, спустившуюся на картофельное поле, и несколько синих головастиков, копавшихся в грядках.

«А при чем здесь ящер?» — спросил ведущий.

«При том, что они клубни выкапывали, — ответила пенсионерка. — Мы их садим, а они выкапывают. Сильно голодные, там хуже, чем у нас».

«Может, они, наоборот, сажали?»

«Может, я с ними в контакт не вступала. Годы не те».

Но эту, казалось бы, немыслимую версию о внезапном происхождении Твари подтверждали анализы зловонных шариков, которые она в огромном количестве оставляла на месте преступления. Наряду с естественными элемен-

тами там были и следы явно внеземного происхождения: золота, платины, алмазов, которые при анализе земных существ встречаются только при пограничном досмотре.

И в городе началась паника.

Особенно паниковали те, кому было из-за чего паниковать. У кого в баночках, скляночках, настольных лампах, холодильниках, консервных банках, под половицами, в цветочных горшках, стенных блоках, мусорных ведрах, детских горшках, матрешках, радиоприемниках, кухонных комбайнах, тыквах, семечках, смывных бачках и многих других предметах хранилось кое-что, представляющее интерес для чудовища. Все они лихорадочно искали способ переправить ценности за границу. Но таможня была начеку. Стоимость подобных операций так возросла, что они теряли всякий смысл.

Золото упало в цене, а доллар подскочил. Потом он тоже упал, но продукты все равно подорожали. Цены никогда вниз не опускаются.

Было объявлено усиленное патрулирование улиц. Милицию перевели на круглосуточное дежурство. Гражданам было предложено следить за своими домами и о каждом подозрительном животном, будь то собака, лошадь или осел, немедленно сообщать в милицию.

В Думе состоялось внеочередное заседание, закончившееся потасовкой. Левые кричали: «Вот до чего нас довел преступный режим».

Они требовали немедленной отставки правительства.

Правые же клеймили левых: «Хоть мы не во всем согласны с президентом, но надо было вовремя провести коммунальную реформу. Мы предупреждали».

Партии центра практически не принимали участия в дискуссии. Они не знали, как на все реагировать. Никаких сигналов на этот счет не поступало.

Но вот выступил депутат Шанбырин:

«Это все происки американских империалистов! — заявил он. — Это дерьмо американское. Я по запаху чувствую!»

Над ним смеялись, не подозревая, как на этот раз он прав.

Наконец один из самых ярких представителей оппозиции вдруг сформулировал назревший в обществе вопрос:

«Интересно, а ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ПРЕЗИДЕНТ?»

«Потому что в отъезде, — тут же ответил представитель президента Коновранов. — Он в горах, и с ним нет никакой связи. Вот приедет, тогда все и скажет».

И общество сразу успокоилось.

10. Всем лечь на пол!

В погожие летние дни, да еще в субботу, в городе остаются лишь обделенные судьбой людишки, у которых нет ни машин, ни дач, ни друзей с дачами и машинами.

У Ивана Ивановича все было: и дача, и машина, и друзья с дачами и машинами. Но он все же остался в городе. Почему, зачем? Нетрудно догадаться. В связи со сложившейся обстановкой он решил забрать в банке свои ценности.

Обычно по субботам банк не работал, но сегодня, опять-таки в связи со сложившейся обстановкой, было сделано исключение.

Пока Иван Иванович спускался в сейфовое отделение банка и открывал специальным ключиком свой заветный ящичек, никем не замеченная Тварь благополучно пересекла зеленую, в липовых деревьях улочку и толкнула стеклянную дверь банка.

— Стоп! — крикнул охранник.

Он подумал, что кто-то пришел в банк с коровой или лошадьёю.

Чего только не взбредет на ум этим новым богатеям. На днях один с удавом пришел. Обмотал всего себя наподобие Лаокоона и стал требовать повышения процентной ставки.

Вместо ответа охраннику Тварь схватила его когтейстой лапой и выбросила сквозь пуленепробиваемое стекло.

Другой охранник попытался применить оружие, но не успел. Он последовал вслед за первым.

В глубине банка работали только два окошечка. В одном юный клерк оформлял доверенность клиенту. В другом... А вот в другом томила от безделья мечта всех клерков и клиентов Надежда. Как у каждого человека, у нее была мечта. Нет, не выйти замуж. Выйти замуж для нее — тьфу. Мечта ее была совершенно иного рода. Она мечтала, чтобы на банк напали грабители. А она бы стала на их пути. И о ней бы написали во всех газетах. И показали бы ее по всем телевизионным программам. И вот только тогда она нашла бы себе достойного спутника и вышла замуж.

Поэтому когда перед ней возникла голова Твари, сердечко ее екнуло: «Вот оно! Наконец!»

И она закричала радостно, как часто видела в заграничных фильмах:

— Всем лечь на пол!!! Это ограбление!

Клерк, который работал в соседнем окошечке, тут же грохнулся на пол, в отличие от Надежды у него не было мечты прославиться. А по другую сторону окошечка тут же грохнулся его клиент. Он тоже не мечтал прославиться, а мечтал сохранить собственную жизнь.

А наша девушка тихонечко, нежным голоском прожурчала «грабителю»:

— Ну и масочка у тебя. Просто сдохнуть!

«Грабитель» ничего не ответил. Вместо ответа он просунул когтистую лапу туда, где находилась валюта.

Девушка не испугалась, она и это видела в кино.

— Бери, бери, милый, не жаль. Грабь награбленное.

Девушка хитрила, она тянула время. Несколько раз ногой она уже нажала кнопку сигнализации и теперь только ожидала приезда милиции и статей в газетах.

— Мешочек-то хоть у тебя есть? Могу свой дать.

И опять же вместо того чтобы взять мешок и набить его валютой (как опять же не раз она видела в заграничных фильмах), «грабитель» стал запихивать деньги в рот. Мало того. Он, будто бы не ел ничего вкуснее, стал с аппетитом

их жевать. В его пасти исчезали доллары, фунты, немецкие марки, которых хватило бы на сотни ужинов, обедов и завтраков в самых дорогих ресторанах мира.

Это было слишком. Суровая жизнь, обеды супами из пакетиков и ужины лапшой «Доширак» возбудили у девушки классовую ненависть:

— Ты что же, гад, делаешь? Ты что, их заработал? Такие деньги, а ты их просто так хаваешь?!

Ничего не ответив, «грабитель» отвернулся и безошибочно направился к дверям, ведущим в сейфовое отделение банка.

А в это время Иван Иванович, оставшись один на один со своим ящичком, любовался собранной коллекцией. Ах, какое это наслаждение — перебирать любимые безделушки. Гладить портсигары из желтоватой слоновой кости, ласково пропускать сквозь пальцы, как волосы любимой, золотые цепочки.

«Помру — все в музей завещаю, — подумал Иван Иванович. — В наш музей. По борьбе с уголовными преступлениями. Пусть все видят, какие ценности скрывались от глаз народа, как они чудом не ушли за границу... Это, например, кольцо. Сколько за него крови было пролито... Или эти запонки с рубинами... Прятали их, прятали, ни разу, наверно, и не надели...»

За его спиной послышался странный шум. Кто-то царапался в стальную дверь сейфового отделения.

«Вот еще новости, — подумал Иван Иванович. — Кошек тут развели».

В дверь стукнули.

— Рано еще! — крикнул Иван Иванович. — Я не успел.

Но стук повторился с возросшей силой.

— Сейчас, сейчас.

В ответ так бабахнули в дверь, что любимые безделушки подпрыгнули в ящичке.

Иван Иванович не на шутку испугался и стал рассовывать свою коллекцию по карманам брюк и пиджака.

За спиной послышалось жужжание, будто в двери сверлили отверстие. Затем появилась трещина, все больше, все глубже... И вот... Показалось... Нет, это ему показалось... Из отверстия вылезла страшная морда, похожая на крокодила и на змеиную одновременно.

Голова перестала вращаться. На чудовищных клыках сверкали металлические стружки. Затем голова исчезла, раздался сильнейший удар, и дверь вывалилась внутрь помещения.

Появилось все чудовище, во всей своей жуткой красе. Оно взглянуло на Ивана Ивановича нехорошим взглядом, рыгнуло... И, отпихнув в сторону, стало пожирать цепочки, колъе, золотые часики, серьги.

Иван Иванович заорал благим матом.

И тут наконец сквозь выломанную дверь ворвался наряд милиции, вызванный нашей Надеждой.

— Руки вверх! — заорал командир наряда, старший сержант Бабичев.

Но руки поднял только трясущийся от страха Иван Иванович, а чудовище не обратило на грозный окрик никакого внимания. Более того, оно вдруг присело — и сзади повалились вонючие какашки.

Наряд открыл огонь, но пули отскакивали от панциря Твари словно пинг-понговые шарики, а одна даже срикошетила и больно обожгла плечо Иван Ивановича.

Тогда младший сержант Бабичев достал из кармана гранату, отобранную у рыночного торговца, которую он берег на самый крайний случай, и выдернул чеку:

— Ложись!

Все, в том числе и Иван Иванович, легли на пол. Но чудовище даже не обернулось.

Лейтенант бросил гранату. Раздался взрыв.

Когда дым рассеялся, все увидели жуткую картину. Отдельные части чудовища, разбросанные по комнате, словно детские пазлы, собирались в единое целое, и вот уже вся Тварь встала в полный рост и не спеша пошла к выходу.

11. Точечный удар по объекту

После серии нападений Тварь долго себя не проявляла, но полковник Курочкин знал, что затишье это мнимое. И, как всегда, его предположение подтвердилось.

Один из стрелочников Московско-Ярославской железной дороги сообщил, что видел в районе Софрина огромное животное: «Не корова, не бык, на задних ногах, но без рогов». Животное это, по его словам, перешло рельсовый путь и углубилось в лес, сопровождая свой путь треском сучьев и сломанных деревьев.

«Хорошо, что электрички в тот момент не ходили, — сказал стрелочник, — а то, как всегда, был бы стрелочник виноват».

Полковник Курочкин срочно выехал на объект и вскоре обнаружил Тварь недалеко от места, указанного стрелочником. Она мирно спала на пригорочке, подставляя чешуйчатое тело и все свои тринадцать «ножек Буша» летнему солнышку.

— Близок локоток, да не укусишь, — сказал полковник Курочкин, разглядывая чудище в артиллерийский бинокль.

— Почему не укусишь? — спросил командир особого войскового подразделения, приданного полковнику. — Еще как куснем! Пули ее не берут, применим более совершенное оружие.

— Это какое? — поинтересовался Курочкин.

— Средство залпового огня «Ураган». Нанесем по ней точечный удар. И капут старушке.

— Там же поселок рядом, — возразил полковник. — Дома, люди, дачный кооператив.

— Ничего не попишешь. А ля гэр, ком а ля гер. Людей эвакуируем. А дома потом отстроим.

Так бы, наверное, и случилось, но дачный кооператив тот оказался военный. Курочкин позвонил в округ, и оттуда пришел приказ: кооператив не трогать, а применять любые другие возможные средства.

— Какие еще другие? — возмущался командир приданного подразделения. — Авиацию, что ли? У них летний сезон начался, керосина нет. Керосин они еще весной прокеросинили. Танки сюда не пойдут, фермерам землю пахнут. Мины, гранаты — не берут ее. Может, ракетой? А? Они у нас самые точные. Из Мурманска на Курилы в пяточок попадаем.

— Скоро в йену попадать будем, — мрачно сказал Курочкин. — Вот отдадим японцам Курилы...

— Не отдадим. Скорее они всей страной себе хакарири сделают.

Идея точечного удара, как ни сопротивлялся Курочкин, в округе понравилась. Только удар, сказали они, обязательно должен быть точечным. Чтоб в кооперативе и смородинка с куста не упала.

— Так точно, не упадет, — отрапортовал командир приданного подразделения и приступил к осуществлению операции.

Первым делом он позвонил по мобильному в ракетные войска и, ссылаясь на полученный приказ, попросил связать его с наиболее подготовленными частями. На том конце провода долго совещались, и Курочкин (мобильный телефон принадлежал ему) с ужасом подсчитывал, во что обойдется ему этот точечный удар.

Наконец там ответили:

— Наиболее подготовленные части с честью выполняют поставленные задачи, а из наименее подготовленных наиболее является часть майора Сивушина. Можете связаться с ним, если найдете. Вот вам телефон его штаба, домашний, закуской и магазина.

Получив приказ о ракетном ударе по объекту с координатами 004-74-200, майор Сивушин, командир части, расположенной в лесах Брянска, пришел в неопишное возбуждение. Давно в их полку не проводились учения. А что цель засекречена и стрелять надо всего одной ракетой — просто замечательно.

«Что, интересно, там? — думал он. — Вражеский объект или просто мишень? Хорошо бы — объект. И хорошо, чтоб натовский. А то они совсем, блин, обнаглели. Где раньше в отпуске грибы собирал, там ихние сортиры стоят. Ну, ничего. Мы вам устроим. И по малой нужде, и по большой».

Вот только где найти эту одну ракету? Часть ракет отслужила свой срок, их списали, а сложную электронику продали на металлолом. Оставшиеся нуждались в капитальном ремонте, корпуса проржавели, внутренности как на рентгене видны, из хвостовой части сыплется твердое топливо.

«Ну, ничего, из десяти как-нибудь одну соберем».

И командир части вызвал младшего сержанта Глухова.

Глухов был и Кулибиным, и Левшой одновременно. На гражданке он хакером был. Прославился тем, что без труда входил в компьютерные сети Пентагона. Все их неудачные запуски, срывы и стрельба самолетов по своим — его рук дело. За поимку Глухова Пентагон давал миллионы долларов, но он так запутал свое местонахождение, что только наш военкомат сумел его поймать и призвать в армию.

— Справишься, Игорек? — спросил его командир.

— Так точно, товарищ майор, справлюсь.

— Смотри не опозорь. За нами, возможно, весь мир следит. Все страны и города, штаты и веси. Судьба земного шара в данную минуту от нас зависит. Каким быть миру, однополюсным, вроде флюса, или равноправно-дружески-паритетного и мирного содружества...

Майор Сивушин любил иногда показать свою образованность.

— Справлюсь, товарищ майор. И не волнуйтесь. Только мне клей «Момент» нужен, обязательно непросроченный. Гвозди самые мелкие, желательно не ржавые, паяльник, олово, три квадратных метра шкурки-нулевки и два ящика пива.

— А пиво зачем?

— Один ящик — мне, другой — паяльник охлаждать. Он у меня после пива как зверь работает.

— Может, самогонку тогда?

— Не-е. После нее я как зверь становлюсь.

Майор выполнил все просьбы подчиненного. И через три часа ракета уже стояла на боевой позиции. В бортовой компьютер сержант ввел вышеназванные координаты. Весь полк, включая жен, детей, кошек, свиней, коз, кур и прочую живность спустился в укрытие...

— По объекту 004-74-200... ОГОНЬ! — сам себе скомандовал майор и дрожащей от волнения рукой нажал красную кнопку.

Из хвостовой части ракеты ударила струя раскаленных газов.

И ракета со свистом ушла в голубое небо.

12. Неадекватный ответ

Выпущенная из брянских лесов ракета в цель так и не попала. Уж слишком сложные переделки произвел в ее механизме младший сержант Глухов. И вместо подмосковного пригорка, на котором дремала Тварь, она по сложнейшей траектории, петляя и путая следы, сливаясь с местностью и прячась в ложбинках, преодолела сотни и тысячи километров, территорию Белоруссии, Польши, Балтийское море, Атлантический океан... И врезалась в лужайку перед Белым домом. В то самое время, когда президент Буш в очередной раз рассказывал журналистам об огромном впечатлении, которое произвел на него наш президент при встрече в Москве.

— Я посмотрел в его глаза и понял — с ним можно иметь дело. Мы обменялись рукопожатием. Больше всего в этот момент я опасался, что он кинет меня через бедро. Но этого не произошло. И это был хороший знак.

— Скажите, господин президент, что объединяет наши страны, а что разъединяет?

— И у меня, и у господина Путина — две дочери. Это нас объединяет. Но его дочери могут пить пиво, а мои почему-то нет... Господин Путин любезно пригласил моих дочерей в Россию, пока им не исполнится 21 год. А я в ответ пригласил его, когда он выйдет на пенсию.

— И он согласился?

— Да. У них такая пенсия, что трудно отказаться.

— Господин президент. Что означало ваше похлопывание по плечу русского президента?

— Я проверял, нет ли у него оружия.

— Скажите, почему ваша встреча продолжалась больше, чем запланировано?

— Русский президент говорил по-английски, а мой переводчик не знал этот язык.

— Господин президент. Вы говорили про ПРО?

— Не успели. К тому же, я думаю, у русских нет адекватного ответа. Поэтому они и пугают нас неадекватным.

Присутствующие засмеялись шутке президента.

И в этот момент раздался сильный хлопок, будто истребитель преодолевал звуковой барьер.

Удар! Комья земли подброшены в воздух... И эти же комья падают на президентский шатер, на многочисленных журналистов, гостей, сотрудников Белого дома.

Крики, паника.

Охрана президента накрывает его в два ряда своими телами, так что бедный президент чуть не отдает концы.

К счастью, взрывной механизм ракеты не сработал, его попросту там не было. Он давно был обменян командиром части на картошку для солдат. А фермер, который обменял на картошку, перепродал потом его какому-то туристу. Тот сказал, что собирает предметы старины: самовары, ложки... Правда, он плохо говорил по-русски, эстонец, наверное. Фермер радовался удачной сделке, пока не увидел портрет «эстонца» в газетах. Оказалось, что он не эстонец, а шпион, и получил не одну тысячу долларов за этот механизм. Тогда фермер очень расстроился. Во-первых,

потому что он помог шпиону. А во-вторых... можно было и подороже продать.

Но вернемся на лужайку перед Белым домом.

После воплей и стонов наступила тишина. Все стали потихонечку подниматься с земли, отряхиваться, приводить себя и одежду в порядок.

Охрана встала с президента, а он встал с земли. И сразу же попытался шуткой исправить положение:

— А кто-то говорил, что у русских нет адекватного ответа? Вот вам и ответ.

Раздался хохот. Но вскоре все поняли — не такая это и шутка.

Работники ЦРУ провели тщательный осмотр осколков и обнаружили на одном из них надпись: «Мэйд ин Рашен». И серийный номер, который зашкаливал за миллион. Миллион ракет нового поколения, способных преодолевать системы ПРО.

От этой новости у Буша потемнело в глазах.

Тут же состоялся телефонный разговор между двумя президентами.

— Вы меня убедили, — сказал Буш. — Я думаю, вместе мы достигнем больших успехов в борьбе с террористами.

— Да. Но есть одно обстоятельство, которое может нам помешать.

— Какое обстоятельство?

И тут наш президент выложил свои козыри. Но уже с позиции силы.

Он не просто так молчал все это время. Оказывается, с первых же сообщений о похождениях Твари профессиональным чутьем бывшего сотрудника посольства в ГДР он знал — все это неспроста. А когда анализы шариков и лепешек подтвердили иностранный след... Вот тогда он стал изучать английский язык. Чтобы прямо сказать об этом на встрече в Москве. Но, к сожалению, Буш не придал тогда значения его словам, он их просто не понял.

— Какое обстоятельство? — спросил Буш.

Теперь он не мог делать вид, что не понимает нашего президента, — они говорили через переводчика, хорошо знающего английский.

— Тварь, которую вы забросили в нашу страну. На ножках вашего папы. Этот недружественный акт мы не можем воспринимать спокойно.

Но Буш ничего о Твари не знал, хотя его папа тоже работал в разведке.

— Я требую доказательств!

Вещественными доказательствами были только круглые шарики и лепешки, оставляемые Тварью.

— Они у вас будут!

Буш не был бы коренным техасцем, если бы не ответил ударом на удар.

— Хорошо, — сказал он. — Вы мне высылаете шарики, а я вам сотрудников вашего посольства. Это будет равноценный обмен.

Наш президент не смог стерпеть такого сравнения и, не попрощавшись, повесил трубку.

Тот же час он отдал приказ закончить антитваревую операцию в 24 часа.

13. Цыпленок жареный

Полковник Курочкин понимал: рано или поздно Тварь должна предпринять попытку овладеть золотым запасом. Об этом говорил и кот. То есть говорил полковник, а кот шипел, шерсть его становилась дыбом, что полностью подтверждало предположение полковника.

И она появилась. В самом центре города, в разгар летнего дня, на Кузнецком Мосту.

Несмотря на многочисленные предупреждения, газетные статьи и репортажи, никто не догадывался, что по улице идет именно та Тварь, которая ограбила столько банков. Многие подумали, что это очередной зазывала, мало ли их сейчас ходит, всяких «Кроликов Нестле» да Карлсонов с пропеллерами и без.

Даже милиционер, у которого был в кобуре портрет Твари, столкнувшись с ней лицом к лицу, лишь взял под козырек:

— Здравия желаю, товарищ крокодил Гена!

Около трактира «Елки-палки», у самого подножья Кузнецкого Моста, на пересечении его с Неглинной, навстречу Твари бросился огромный цыпленок. Внутри цыпленка находился студент Щукинского театрального училища. Увидев Тварь, студент решил, что это конкуренты из африканского ресторана, которые хотят перехватить его клиентов.

— А ну, вали! — крикнул студент.

Тварь остановилась и с удивлением посмотрела на цыпленка. Таких цыпят ее компьютер еще не видел.

— Я кому сказал — вали?!

Из глубины «своего» цыплячьего тела студент не мог видеть острых когтей, множества лап и чешуйчатого тела Твари. А молчание ее он воспринимал как трусость и все более и более распалялся.

— Мое это место, понял, африканец хренов?!

Студент подпрыгнул и вlepил крылышком по морде монстра.

Тут наконец компьютер выдал Твари необходимый ответ.

Она схватила цыпленка, подняла его над головой и забросила на летний тент «Елки-палки». При этом она издала такой рык, что все поняли: никакой это не зазывала, а самая настоящая Тварь.

Народ в ужасе разбежался, Тварь же, не обращая ни на кого внимания, приседая и опираясь на хвост, повернула к Неглинной.

Стало ясно: путь ее шел к Центральному банку, к золотому запасу Родины.

Здесь ее и поджидал полковник Курочкин.

Он выстрелил три раза из ракетницы. Синий, желтый, зеленый... Завыла сирена.

Огромные самосвалы, стоявшие у тротуара, взревели моторами и перегородили подступы к банку. Спецназ занял заранее обозначенные места. Снайперы ловили в оптические прицелы Тварь. Один сидел на крыше банка, два других — на Петровском пассаже. Но она почему-то не ловилась: раздваивалась, растревалась, а то и вовсе в перекрестье прицела появлялась фигура.

Тварь как ни в чем не бывало продолжала идти к банку, будто вся суeta ее и не касается.

У одного из водителей не выдержали нервы, он дернул рычаг, дал полный газ и направил машину на Тварь, та остановилась и с любопытством смотрела на приближение самосвала. В последнее мгновение Тварь совершила невообразимый для огромного ящера прыжок и оказалась в кузове. Проломив лапой крышу будто скорлупу ореха, она вытащила из кабины водителя, поднесла к морде, будто решая, что с ним делать дальше.

Снайперы открыли огонь.

Но пули, как и при стрельбе в банке, отскакивали от чешуйчатого панциря, хотя стреляли разрывными, запрещенными международной конвенцией, но разрешенными (в виде исключения) нашим Министерством обороны для подобных операций.

Со стороны Трубной площади раздался грохот двигателей и показался вертолет. Грохот нарастал с каждой секундой. Вертолет как по ущелью летел ящеру в лоб.

Раздался треск пулеметных очередей. Затем бабахнул гранатомет.

Граната пролетела чудище насквозь, оставив в его теле дырку. Но дырка тут же стала зарастать, а сама граната угодила в здание японского ресторана напротив, и в воздух полетели японские блюда, салфетки и неоплаченные счета...

Один из самосвалов вывалил перед Тварью полный кузов бетона. На какое-то мгновение ноги ее завязли, но она оставила их в бетоне и продолжила свой путь на новых, тут же выросших цыплячьих ногах.

А вот и ворота.

Одним движением Тварь разорвала цепи и распахнула их.

Путь к золотому запасу Родины был открыт.

И тогда из своего укрытия вышел полковник Курочкин.

Он скинул бронежилет, отбросил в сторону автомат, резким движением рванул на груди рубаху:

— Ах, Тварь. Ну, подходи, подходи!

Полковник давно мечтал встретиться с Тварью один на один. Но начальство не разрешало. Зато сейчас, позабыв все на свете, он шел на нее, как шел на противника в горячих точках. Как летел в лоб вражескому вертолету, как прыгал с небоскреба на спину агента, подозреваемого в шпионаже. Глаза его сверкали, зубы скрипели, как несмазанные гусеницы танка, и при этом он говорил такое, что ни на один язык мира перевести нельзя. Он вспоминал всех родственников Твари, все ее жизненно важные органы и все, что они производят. Всех тварей, которые до нее и после нее еще встретятся ему на жизненном пути.

Тварь остановилась.

А полковник шел на нее и шел. Без всякого оружия. Без бронежилета, с распахнутой на груди рубахой, под которой не было ничего, кроме татуированного двуглавого русского орла.

И Тварь попятилась.

Сделала шаг, другой... оступилась.

(Вот уже две недели около банка прокладывали трубы, но наткнулись на высоковольтный кабель, который не значился в чертежах. И на этот самый кабель вдруг упала Тварь.)

Ударил сноп искр.

Нет — фонтан.

Нет, скорее фейерверк!

Тварь обмякла и стала плавиться прямо на глазах, как плавится олово при электрической пайке. Десятками раскаленных ручейков она потекла в траншею.

И вот вся до последней капли утекла в огромную трубу.
Наступила мертвая тишина.

Полковник Курочкин застегнул рубашку. Лицо его не выражало ничего, кроме удовлетворения от хорошо проделанной работы.

— Отбой. Прошу извинить меня за некоторые выражения.

Раздались дружные аплодисменты, возгласы «Ура!».

Все решили — это конец. Конец страхам, волнениям, тревожным ожиданиям непоправимого.

И только полковник знал, что затишье это временное. Там, в темной глубине, расплавленные ручейки снова соберутся в единое целое, и новая невредимая Тварь выйдет на поверхность, чтобы продолжить свое подлое дело.

Самое страшное еще впереди!

14. Золотой запас Родины

В самом главном нашем банке царило настроение, близкое к панике. Глава банка тянул любимое виски и раздумывал, что можно еще предпринять в столь ответственный момент. Мурашки бегали по коже банкира, как крысы на тонущем корабле.

«А что, если обратиться к теневикам? — подумал он. — Они-то уж знают, как спасти свои денежки. Двадцать с лишним миллиардов каждый год уводят за границу».

Он набрал номер одного из них, знакомого еще по учебе в институте.

— А-аа... Это ты? — вяло приветствовал его бывший сокурсник. — А сколько их у тебя, ну зеленых?

— Около ста миллиардов, — с гордостью сказал банкир.

Бывший сокурсник захохотал:

— Ста миллиардов? Из-за таких денег я бы и дергаться не стал.

Банкир допил виски и подошел к окну.

Вдоль тротуара стояли самосвалы. Около них разгуливали автоматчики. Напротив банка, на крыше Петровского пассажа, он заметил двух снайперов. Они сидели, положив ружья с оптическими прицелами на колени, пили пиво и хохотали.

Из глубокой задумчивости банкира вывел звонок правительственной связи. Звонил глава одного из весьма солидных ведомств. Он умолял дать кредит. В другое время банкир ни за что бы не дал. Но сегодня... Он даст. Обязательно даст. А когда страсти улягутся, потребует свои деньги назад. Вот вам и выход.

— Сколько? — спросил банкир.

— Миллиардик. Но лучше полтора.

— А вы знаете положение в городе?

— Ну и что? Это уже форс-мажорные обстоятельства. Ни вы, ни я за них не отвечаем.

Вот оно что! Он возьмет кредит, а потом все спишет на Тварь. На форс-мажор. И плакали эти денежки.

На другом конце провода почувствовали перемену. Голос перешел на шепот:

— И лично вам десять процентов. Это хороший откат.

Банкир бросил трубку.

Было еще много звонков. Все просили кредит. Под любые проценты. Под двадцать, под сорок... Даже под семьдесят пять...

Чтобы окончательно не разувериться в руководящих кадрах, он отключил телефон. Не хватало еще, чтобы премьер позвонил. У него тоже, кажется, не все в порядке с деньгами.

И вдруг страшное подозрение сверкнуло в голове банкира. Как могла Тварь ограбить столь много банков почти одновременно? Причем в разных районах города, а иногда и в разных городах?

Он позвонил в УВД и попросил справку.

Его подозрения подтвердились. Либо Тварь совершала свои преступления каким-то немыслимым образом... Либо? Либо грабила вовсе не Тварь.

От этой мысли на голове зашевелились волосы. Вернее, остатки волос.

«Да что же у нас за страна такая? Каждый только и стремится побольше наворовать. И чем больше должность, тем больше и аппетит».

Банкир кинул пустую бутылку в корзину для бумаг. Попал. Но и это его не обрадовало. Уж слишком мрачные были выводы.

Чтобы поднять настроение, он спустился в хранилище, самое любимое свое место.

Вид презренного металла успокаивал. Ничто так не вселяло уверенности, не радовало, как эти золотые слитки. Он гладил их как детей. Нет, еще ласковей. Как внуков. Он шел мимо аккуратно сложенных золотых брусков. Они приветствовали его блеском рядов, как солдаты командира. Один золотой штабель, другой, третий. Какого труда стоило их собрать. А эта операция с «черным вторником»? Он чуть не поплатился карьерой! Из-за чего? Из-за своих любимых золотых птенчиков. Чтобы их стало еще больше. Чтоб они оперились и встали на крыло.

И вдруг ему показалось, что в одном из штабелей не хватает нескольких слитков. Не может быть, это нервы шалят. На всякий случай он велел пересчитать.

Пересчитали. И не один раз, а целых три. Потом еще раз. И еще. Так и есть! Не хватает пяти брусков.

Как они могли пропасть из строго охраняемого помещения? С тройной защитой и специальной сигнализацией?!

Через несколько минут в его кабинет была вызвана охрана.

Начальник охраны долго оправдывался, говорил, что он сам не понимает, что этого не может быть, что все наряды были на местах. Что даже мышь у них не проскочит... Разве что...

— Что?! — закричал банкир.

— А может, Тварь... Говорят, она меняет обличье... Сегодня она ящер, завтра — собака... Но может и кошкой стать и, кстати говоря, той же самой мышкой... Что, если она...

— Что?!

— Здесь побывала...

Банкир захохотал. Это был жуткий смех. С таким смехом без всякого осмотра кладут в психушку.

Начальник охраны, желая подыграть банкиру, тоже улыбнулся.

И тут банкир увидел у него во рту совершенно новенькие золотые зубы. Раньше он их не замечал.

Банкир перевел взгляд на помощника — у того в галстук сверкнула золотая булавка.

Банкир выскочил из кабинета и пошел по банку.

Золотые цепочки, значки, кулоны, сережки, запонки, часы, авторучки с золотыми перьями...

Он был потрясен.

Надо срочно спасти золотой запас. Спасать, как спасали во времена революции. В Свердловск... то есть в Екатеринбург. И немедленно.

Наконец нужное решение было принято.

15. Хороша была животина

Первые десять миллиардов золотого запаса были упакованы в контейнер и размещены в пуле-, пыле-, водо-, грязнепроницаемом бронебункере. Он должен был доставить груз в Шереметьево, где его ждал новый сверхмощный российско-украинский шестимоторный «Антей».

«Заодно и новый самолет испытаем, — сказал генеральный конструктор. — Он еще ни разу не летал с подобным грузом. Да и с другим тоже».

Чтобы не привлекать внимания, бронебункер был раскрашен под машину для перевозки творожных сырков. А водитель и охранник были в фирменных «творожных» май-

ках, хотя за тонированными стеклами их вряд ли можно было увидеть.

Сопровождающие милицейские «Волги» также были заgrimированы под сырки, а их мигалки — под ореховую начинку.

В этот поздний час город спал. Редкие машины проносились навстречу. Как правило, это были иномарки. По траекториям их пути можно было определить, кто из водителей сколько выпил.

— Э-эх, с женой я не попрощался, — сказал вдруг охранник. — Кто знает, встретимся ли еще?

— И я не попрощался, — сказал водитель. — Если нас подорвут, скажи жене, чтоб дочку Машкой назвала.

— А ты скажи, — смахнул слезу охранник, — если нас, конечно, подорвут, чтоб сына назвала Петькой.

— Твоя на каком месяце? — спросил водитель.

— Ни на каком. Это я так... Если она замуж вдруг выйдет.

Выехали на Ленинградский проспект. Проехали стадион «Динамо», метро «Аэропорт». Впереди была развилка. Если в туннель — то на Ленинградское шоссе, если над ним — то на Волоколамское.

Нырнули в туннель. И тут произошла странная история. Вместо быстрого выезда из туннеля они все ехали по нему и ехали, а он никак не кончался. Что за черт?! Но наконец показался просвет. Броневи́к вынырнул из туннеля, но только не на Ленинградском шоссе, как было ему положено, а где-то среди заборов и гаражных строений.

Тут же к нему подбежали какие-то люди в масках, поставили автоматы... А сопровождавшие машины и вовсе исчезли.

Но вернемся на Ленинградское шоссе. Как ни странно, но броневи́к, раскрашенный под сырки, продолжал свой стремительный путь в сторону аэропорта.

Вот он просвистел мимо метро «Войковская»... Мост через Москву-реку, пересечение с Окружной дорогой, пост ГАИ... А вот и поворот на Шереметьево.

Несмотря на хорошее освещение, темный лес с двух сторон внушал тревожные мысли. В таком лесу растут не только грибы.

Так и есть!

Из леса метнулся темный силуэт. Это была Тварь!

Она бросилась наперерез броневнику. Первая машина сопровождения, стараясь увильнуть, выскочила на обочину. Вторая наскочила на первую.

Броневик затормозил, юзом его вынесло с дороги.

Водитель и охранник, вместо того чтобы открыть стрельбу, почему-то кинулись в лес. И оттуда с ужасом наблюдали за происходящим.

Вот Тварь подошла к броневнику. В свете луны сверкнули страшные зубы. В одно мгновение она раскроила когтистой лапой стальное железо... Рыча и облизываясь, залезла внутрь броневика. Раздался громоподобный рык. Затем жадные всхлипывания и чавканья.

Тварь пожирала золотой запас Родины.

Если бы кто-то находился рядом, в кузове броневика, он бы увидел, как в пасти чудовища исчезают упакованные в прозрачные пакеты доллары, как с хрустом перемалываются золотые бруски.

Все!

Только золотые крошки на полу да клочки ассигнаций.

С огромным, полным золота и валюты брюхом Тварь вылезла из машины, шатаясь из стороны в сторону, побрела в сторону леса.

И вдруг рухнула на шоссе.

Крокодилья голова соскочила с шеи и превратилась в ритуальную маску. А тринадцать ее когтистых лап стали уменьшаться и уменьшаться в размерах, пока не стали обыкновенными куриными окорочками.

От огромного чудовища остались «рожки да ножки».

И только самая последняя, тринадцатая ножка все не хотела сдаваться. Она грозила лапой всему свету, пока три ее когтистых пальца не сложились во всем известную комбинацию.

И тут подъехала машина с полковником Курочкиным.

Он не спеша вылез на бетонку шоссе. За ним, стараясь не зацепиться животом за дверь, последовал и командир приданного спецподразделения.

Полковник взглянул на жалкие останки чудовища:

— Хороша была животина. Все умела. Кроме одного...

— Чего? — подобострастно спросил майор.

— Отличить настоящую валюту и настоящее золото от фальшивого.

— Ка-ак?

— Да, Василий Спиридоныч. Я подменил броневик. Иногда в самой сложной схеме преступник допускает элементарный промах.

— Не понимаю...

— Кофемолка у меня сломалась, японская. Моторчик вышел из строя. Я наш ставлю, точно такой же. И размером, и амперами... Не работает. Как ни включу — перегорает. Тут мне эта мысль и запала... Заменить валюту. Нашу ей валюту всучить, то есть фальшивую... Вот она и перегорела.

— У нас фальшивомонетчики — класс! — с гордостью сказал майор. — Кого хочешь запутают.

Около них остановился другой броневик, в кабине которого сидели знакомые уже нам водитель и охранник.

— Езжайте, милые, домой, то есть в банк, — улыбнулся полковник Курочкин. — Передайте Виктору Дмитриевичу — все в порядке. Золотому запасу Родины больше ничего не угрожает!

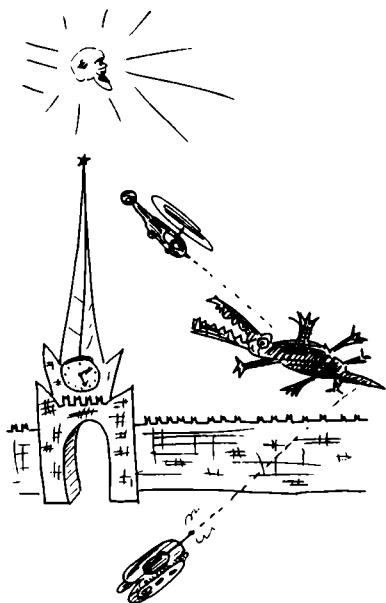
Над аэропортом заметно светлело небо. Полковник Курочкин обернулся ко всем участникам операции и добавил:

— И вот еще что. Огромная благодарность нашим строителям и лично мэру столицы, которые за одну ночь такой туннель соорудили. Без их помощи мы бы ни за что не справились.

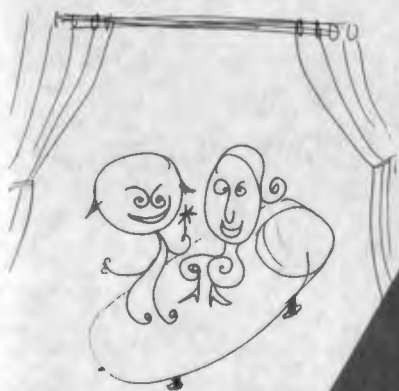
На этом заканчивается наша история.

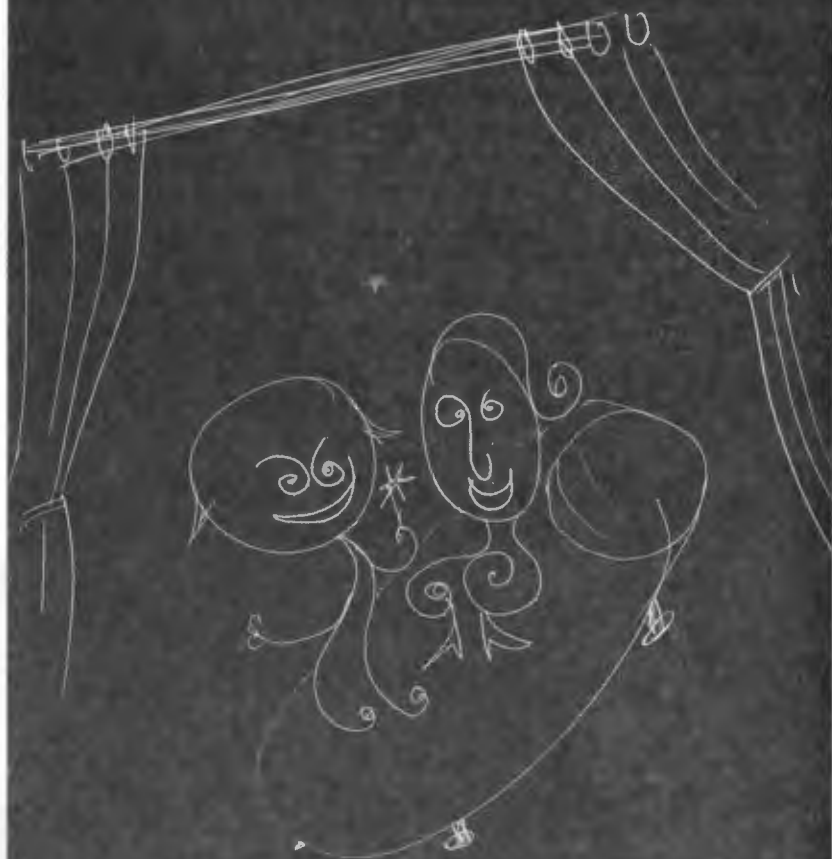
А что стало с мистером Тристером? — спросите вы. — Успокоился ли он? Нет, не успокоился. В настоящее время он разрабатывает новый план, чтобы остановить наши, с таким успехом идущие реформы.

На этот раз он хочет заполнить все реки и озера страны некачественной водкой.

Пьесы

С четверо с одним чемоданом

(комедия в 2-х действиях с одним чемоданом)

Действующие лица:

Алексей

Света

Вика

Вася

Каждый актер в этой пьесе играет две роли.

1

Обычная малогабаритная квартира.

Вечер.

Света — хозяйка этой квартиры. Она кого-то ждет.

В передней раздается звонок.

Входит Алексей. Современный мужчина. И прическа у него современная, и костюм, и особенно чемодан.

Алексей (с любопытством осматривается). А что?.. Ничего. Очень и очень мило. Скромненько, но со вкусом. И обои, и лампа, и этот диванчик... А книги. (Подходит к полкам.) Сколько их у тебя... Фолкнер, Толстой... Да, ты умница...

Света с любопытством посматривает на его чемодан.

Сделай радио тише. Я жене позвоню... (Подходит к телефону, набирает номер, зажимает нос, говорит женским голосом.) Алло, алло?.. Москва! Минск вызывает... (Снова переходит на мужской.) Киса?.. Это ты? Да, род-

ная, уже долетел... Все нормально... Что? Плохо слышно?.. Я с почты звоню. Нет. Телефона у меня нет. Да, да... И я соскучился. Да... Очень. Ах ты, моя родная. Киса ты моя... и я... и я... и я... *(Снова переходит на женский голос.)* Заканчивайте разговор!.. *(Мужским.)* Целую... целую... *(Нажимает на рычаг, достает платок, вытирает лоб.)* Фу-у... Аж взмок...

Света. Потрясающе!

Алексей. А? *(Хохочет.)*

Света. И она тебе верит?

Алексей. А как же? Я не даю ей повода. *(Достает какие-то бумажки.)* Вот... Счета из гостиницы... Это — билет на автобус... это — на самолет. Видишь? И число сегодняшнее. Специально в аэропорт ездил. Так-то, роднуля.

Света *(с иронией)*. Хорошо иметь такую жену.

Алексей. Жена у меня — блеск! Я ее ни на кого не променяю. *(Спохватившись.)* Извини...

Света. Ничего.

Алексей. А готовит — пальчики оближешь.

Света. Повезет так повезет.

Алексей. Надо уметь выбирать. Семья — дело серьезное. Тут сердцу доверять нельзя. Любовь проходит, дети остаются.

Света. Брак по расчету?

Алексей. Угадала. Я ее на Урале высчитал.

Света. В командировке?

Алексей. Нет. На электронно-счетной машине «Урал». Заложил данные, нажал кнопки и — вуаля! На перфокарте ответ: «Женись, сукин сын. Лучше тебе не найти!»

Света. Я одно не пойму. Ты сказал жене, что находишься в Минске.

Алексей. Ну?

Света. Значит, ты сегодня не собираешься возвращаться?

Алексей. Умница. *(Показывает билет.)* Вот!.. Билет на послезавтрашний рейс.

Света. И где ты будешь жить?

Алексей. Как где? Здесь.

Света. Но у меня не гостиница.

Алексей. А зачем нам гостиница? В гостинице паспорта спрашивают. А они у нас разные. Соображаешь?

Света. Нет. Не соображаю.

Алексей. Чудачка. Да что ж тут непонятного? Я приеду домой только послезавтра... *(Открывает чемодан.)* Вот. Все с собой... Коньяк, сухая колбаска. Кофе... Не какой-нибудь там... Английский... Тапочки...

Света берет его вещи, складывает обратно в чемодан.

Что ты делаешь?

Света. Собираю тебя в дорогу.

Алексей. В какую?

Света. Обратную.

Алексей. Как в обратную? *(Растерянно.)* Мне еще рано... Я только приехал. У меня — командировка... *(Показывает.)* Вот...

Света. Будем считать, что ты справился с командировкой досрочно.

Алексей. Да кто ж мне поверит? Утром улетел, вечером вернулся. Что я жене скажу? Поставь себя на ее место.

Света. Я не хочу становиться на место твоей жены.

Алексей. Ничего не понимаю.

Света. Тут и понимать нечего.

Алексей. Но ты же сама...

Света. Что?

Алексей. Я же тебе звонил. Ты сказала, что муж на два дня уехал.

Света. И что?

Алексей. Вот я и пришел.

Света. С чемоданом?

Алексей. А чем тебе мой чемодан не нравится? Другого у меня нет.

Света *(защелкивает замки)*. Прекрасный чемодан. Крепкий, надежный.

Алексей (*раздраженно*). Что ты дурочку из меня строишь? Я — солидный человек. У меня — жена. Ребенок в английской школе. Мальчик. Что тебе еще надо?

Света. Пожалуйста, не устраивай сцен. Мы не так хорошо знакомы.

Алексей. Ах вот оно что! Не так хорошо знакомы... Тебе надо, чтобы я за тобой ухаживал. Корчил из себя влюбленного. Да?.. Месяца три вздыхал, распуская нюни... Стихи читал, да? В театры водил. А когда человек откровенно, по-честному... Без задних мыслей.

Света. Куда уж откровенней.

Алексей. Да пойми, глупая. Нет у меня времени. Это раньше, при крепостном праве. Когда на всем готовеньком жили. А теперь — рынок. Мани-мани надо делать. Поняла?

Света. Поняла. Но я-то при чем?

Алексей. При том, что надо войти в положение. А не подходить с допотопными мерками.

Света. Исправлюсь, в следующий раз. Честное пионерское.

Алексей (*шлепает себя по лбу*). Болван, кретин. Олух... Провела как мальчишку. Я только одно не пойму. Зачем ты мне шарики вкручивала?

Света. Когда?

Алексей. Ну тогда, в поезде. Когда познакомились. Зачем в ресторан пошла, а?

Света. Ты пригласил, я пошла. Есть хотелось, вот и пошла.

Алексей. А когда я анекдот рассказал. Про мужа. И подмигнул. Ты еще засмеялась.

Света. И что из этого следует?

Алексей. Что ты поняла.

Света. Я и правда поняла. Иначе б не засмеялась.

Алексей (*зло*). Но если ты поняла. И засмеялась. Чего же в гости зовешь? Сначала. А потом выгоняешь?!

Света. Я не знала, что за этим последует.

Алексей. А ты сама подумай. Что может последовать. У мужчины и женщины. После того как пообедали в ресторане и посмеялись над анекдотом?

Света. Можно и поговорить.

Алексей. О чем?

Света. О книгах, например.

Алексей. Мне читать их некогда, не то что разговаривать. У меня и без твоих книг голова пухнет... Э-э, да что тебе объяснять! *(Берет чемодан, делает несколько шагов, останавливается... Жалобно...)* Можно я хоть в кухне? На диванчике?

Света. Он короткий.

Алексей. Я подставлю стул.

Света. Это неудобно.

Алексей. Я потерплю.

Света. Мне неудобно.

Алексей. Но не могу я к жене вернуться. Как ты не понимаешь? Только звонил, и на тебе — прилетел.

Света. Она у тебя всему верит.

Алексей. Всему, но не этому. Нет еще таких самолетов, чтоб так быстро летали.

Света. Хватит. Надоело. Я замужняя женщина.

Алексей. Но его же нет!

Света. Не имеет значения.

Алексей. Имеет. Если б он был, я б ни за что не остался. Клянусь. Но раз его все равно нет... *(Смотрит жалобно, ищет сочувствия. Не найдя, вытаскивает записную книжку.)* Можно хоть от тебя позвонить?.. Это хоть можно? *(Набирает номер.)* Василий Семенович?.. Добрый день... А где Олечка? Вышла?.. Куда?.. Замуж?.. *(Убитым голосом.)* Поздравляю... *(Кладет трубку.)* Это я ей никогда не прощу! Человеку ночевать негде, а она... *(вычеркивает номер)* замуж... Нашла, понимаешь, время... *(Снова набирает.)* Киса?.. А кто?.. А?.. *(Игриво.)* А меня Лешик... да... А что вы сейчас делаете?.. А можно я у вас переночую... А?.. *(Растерянно смотрит на трубку.)* Повесила... Конечно. Кто ж на ночь глядя пустит... А-а, ладно. *(Махнув на все*

рукой.) Пойду ночевать на улицу... *(Идет к дверям. Неожиданно раздается звонок.)* Кто это?! Муж?

Света. Не знаю.

Алексей. Не знает... А потом мерзни всю ночь на балконе.

Света идет открывать дверь.

Алексей ищет, куда бы на всякий случай спрятаться.

На пороге — Вика, подруга Светы. Она рыдает.

Света. Что случилось? А ну, проходи.

Вика *(сквозь слезы)*. Муж...

Света. Что?

Вика. Из-ме-еня-ет...

Света. Фу ты, господи. Я думала, случилось чего.

Вика. А тебе мало?

Света. Прости. Я не то хотела сказать. И потом... Может, ты ошибаешься?

Вика. Не-ет... Он каждую субботу куда-то улетает. То в Питер, то в Минск. Говорит, дела у него, аварии. Если каждую субботу аварии, это уже не аварии, а диверсии. Звонит из гостиниц, а звонок обычный... И билеты. Вот, посмотри. Дырки не там проколоты. Видишь?.. Девяносто семь на девяносто девять исправлено... на другой год...

Света. Два года по одному билету летает. Ты проходи... Я тебя с одним типчиком познакомлю... Не каждый день увидишь.

Алексей, внимательно прислушивающийся к разговору, вдруг прячется в ванной. Запирает за собой дверь.

Света и Вика проходят в комнату.

Света. Куда же он делся? *(Идет в кухню, дверь ванной приоткрывается.)*

Алексей *(испуганно)*. Умоляю. Это моя жена.

Света. Кто? Вика твоя жена?

Алексей. Да.

Света. Что же ты раньше не сказал?

Алексей. Я говорил. Но тебя моя жена не интересуется.

Света. Вика. Твоя жена! Этого еще не хватало.

Алексей. Выводи ее скорей.

Света (тихо). Как я могу? У нее горе. Ей муж изменяет.

Алексей. Я не изменяю. Я здесь. В ванной.

Вика (выходя из комнаты в коридор). С кем это ты разговариваешь?

Дверь ванной поспешно захлопывается.

Он что, в ванной, этот типчик?

Света (растерянно). Да. У них, понимаешь, воду отключили.

Вика улыбается.

Света. Нет. Ты не думай.

Вика (обнимает ее). Светочка. Я тебя нисколько не осуждаю. И молодец, и умница. И правильно делаешь. Это мужчины — существа без возраста... А мы? Постареем, кому мы нужны? Если он сейчас от меня бежит, что будет потом... Сплошные командировки?

Света. Перестань.

Вика. А что?.. Жизнь стала богаче, веселее. Потребности у людей возросли. Сейчас одной жены мало!

Света. Что ты несешь?

Вика (обидевшись). Простите, сударыня. А кто у вас в ванной прячется? Он что, перепутал твою квартиру с баней? (Подходит к дверям ванной.) Э-эй! Выйдите на минуточку. (В ванной раздается шум воды.) Представьтесь! Я хочу с вами познакомиться!

Света (обнимает ее за плечи, отводит). Викачка, успокойся.

Вика. Я к тебе откровенно... А ты... а еще подруга!

Света. Ну хорошо... я тебе все объясню... понимаешь... Ну, ехали мы в поезде. В одном вагоне... Познакомились. Потом пошли в ресторан... А потом... (Махнув на все рукой.) Ну, сама знаешь, что бывает потом... Между муж-

чиной и женщиной. Когда все съедено... Поели, попили — пора и честь знать... Он — не мальчик, да и я не школьница.

Вика (с завистью). Молодец! А я, дура, всегда самолетом.

Света. Поездом! Только поездом. Куда торопиться? Сэкономил минуту — потеряешь жизни!

Вика. А он красивый?

Света. Как тебе сказать?.. Тебе бы он не понравился.

Вика. А зовут его как?

Света. Зовут... (Вспоминает.)

Вика. Светик... Я не ханжа. Но это, пожалуй, слишком.

Света (продолжая играть). Я их вечно путаю. Миши, Пети, Алеши...

Вика (внимательно смотрит на нее). Ну, Светик... не ожидала. С виду тихоня...

Света. А что, подруга? Один раз живем.

Вика. А твой?

Света. Он меня мало волнует. Не будет на охоту ездить. (Снимает со стены рога, приставляет к голове.) Сам заслужил. В честной спортивной борьбе.

Вика. Ну и ну...

Света. Придет время помирать, хоть будет что вспомнить.

Вика. А у меня, как замуж вышла, всю память отшибло.

Света. И зря. Думаешь, они ценят?

Вика. Как интересно. А этот твой... (Кивает в сторону ванной.) Женатый?

Света. Конечно! Если он жене не нужен, зачем нам такой?

Вика. И жена ему верит?

Света. Она у него — прелесть. Мы ее ни на кого не променяем. (Обнимает Вика.)

Вика. Ты, пожалуй, права... Я тоже хочу. Чтоб у меня кто-то мылся. У меня тоже есть ванная... Все не так одиноко, муж уедет, хоть вода будет течь... Хоть что-то... Хоть какой-то звук... (Всхлипывает.)

Света. Не надо... Не надо, Викочка... Давай лучше... Сейчас мы с тобой... *(Открывает чемодан Алексея, достает коньяк, колбасу.)*

Вика. Надо же... *(Смотрит на чемодан.)* И у моего Кисы такой.

Света. Ничего удивительного.

Вика. И тапочки как у него.

Света. Стандартизация жизни. Сейчас многое у всех одинаково. *(Наполняет бокалы.)* Ну? За новую жизнь!

В передней раздается звонок...

Света открывает дверь. Появляется Вася, Светин муж, с ружьем на плече.

Вася *(хохочет)*. Привет! Давно не виделись. На поезд опоздал. Представляешь, хохма?... Мишка за хлебом в очереди, а поезд ушел... *(Хохочет.)* Правильно одна женщина про поезд говорила: «Лучше я его подожду, чем он меня ждать не будет». А? *(Хохочет, присматривается к жене.)* А что ты такая серьезная? Может, у тебя кто-то есть?.. А? *(Хохочет.)* Муж — за дверь, а в комнату — зверь?.. Пиф-паф, ой-е-ей... *(Идет в комнату и вдруг спотыкается о чемодан.)* Что это?

Света. Где?

Вася. Вот. Чуть шею не сломал.

Света *(безразлично)*. А-а... Это чемодан.

Вася. И правда, чемодан. *(Смотрит вопросительно на Свету.)*

Света. Ну что ты смотришь? Чемоданов не видел?

Вася. Он чей?

Света. Немецкий.

Вася. А почему он здесь? А не в Германии?

Света. Согласно торговому соглашению.

Вася. Я такого соглашения не подписывал.

Света. Ты что, ревнуешь? Это смешно!

Вася. Я не ревную. Я просто хочу знать. Откуда у нас чемодан?

Вика *(выходя из кухни)*. Это мой чемодан!

В а с я. Ваш?

С в е т а. Познакомься. Вика, моя подруга.

В а с я. Фу-у... как гора с плеч... Очень приятно. Фу-у. (Смеется.) Поезд у нас ушел... (Хочет.) Пронесло... Пойду освежусь маленько... (Идет к ванной, толкает дверь — заперто.) Заперто... Там кто-то есть... (Прислушивается.) Я слышу, вода течет... (Вопросительно смотрит на Свету.)

С в е т а. Опять?

В а с я. Нет, не опять... Но все же... согласись... это странно. Там кто-то моется.

С в е т а. И что?

В а с я. Ничего. Я просто хочу знать. Кто моется в нашей ванной?! Я как муж имею право знать?

В и к а (снова вырывает подругу). Там — мой муж.

В а с я. Ваш муж?

В и к а. Да. У нас отключили воду. Вот мы и пришли. С чемоданом. Чтоб помыться.

В а с я. Фу-у... Как гора с плеч... А то знаете... Ну и ну... Это чудесно! Это замечательно, что у вас воду отключили. Вы ужинали? Нет?.. Прекрасно! Сейчас мы поужинаем. Давай, Светик. Накрывай на стол... (Подходит к дверям ванной, стучит.) Вы скоро? (Молчание.) Мы вас ждем... Как его зовут?.. Алеша?.. Мы вас ждем, Алеша. (Возвращается к столу.) А мы, понимаете, на охоту собрались. На вальдшнепа. Птица хитрая. По прямой не летит, а зигзагом, зигзагом... Пока ее возьмешь. Ну скоро он? Ваш муж?

В и к а. Боюсь, не скоро. Он любит помыться.

В а с я. Странно.

В и к а. Почему? Он у меня чистюля. Иногда по три часа моется.

В а с я. Но сегодня можно бы сделать исключение. Все же в гостях.

В и к а. А вам что? Воду жалко?

В а с я. Нет. Воду мне не жалко. Но как-то невежливо. Мы все ждем... А он даже не отвечает... (Снова подходит к дверям.) Эй, любезнейший. Вы не могли бы потом домыть-

ся? Мы вас ждем... *(Молчание.)* Ответьте! *(Молчание.)* Вы живы? *(Раздается кашель.)* Да-а... Странный у вас муж!

Вика. И пусть. Я его все равно люблю.

Света. Давайте не будем его ждать.

Вика. Правильно!

Вася *(поднимает бокал)*. Я предлагаю — за любовь. За верность! Это ерунда, что любви нет... И всякое такое. Если любить, то крепко, по-мужски. Навсегда... За вас, за наших подруг... Которым мы верим... Куда бы ни забросило... В далекие края... На охоту... Все равно... Да, Светик?... За любовь! *(Кричит в сторону ванной.)* За любовь, Алешка, друг!!!

Вика *(поднимает бокал, вдруг всхлипывает)*. Извините.

Вася. Что с вами?

Вика. Ничего. Я не буду пить за любовь.

Вася. Почему?

Вика. Он меня не любит.

Вася. Не любит?

Вика *(сквозь слезы)*. Да. Он мне изменяет. Каждую субботу. Сначала — в Питере, а теперь в Минске...

Вася. Но он же в ванной?

Вика. В какой ванной? Он — в Минске.

Вася *(оборачивается)*. А там тогда кто?

Вика *(вдруг сообразив)*. Ой, что это я... Конечно, он там... в ванной...

Вася. Нет. Я хочу знать. Кто там, в ванной?

Вика. Муж.

Вася. Не верю.

Света. Перестань. Там ее муж.

Вася. Хватит!

Света. Клянусь.

Вася. Поклянись моим здоровьем. Нет. Лучше своим. Нет, здоровьем своих родителей.

Света *(медленно)*. Клянусь здоровьем...

Вика. Ой, Светочка...

Света. ...моих родителей... Там — ее муж!

Вика (тихо). Светик.

Вася. Но почему он не выходит? Черт его дерит?

Вика. Стесняется. Вы уйдите, он сразу выйдет. (Свете, тихо.) Уведи его...

Света. Пойдем. Может, он и выйдет. Хотя я, честно говоря, сомневаюсь... (Уходят в другую комнату.)

Вика (подбегает к дверям ванной). Эй... Как вас там? Я желаю вам добра... Вы — мой муж... Ясно? Меня Вика зовут. Выходите. Не стесняйтесь... С кем не бывает? Жизнь есть жизнь. Мой настоящий муж тоже такой... Как вы... Ну и что?.. Выходите, пожалуйста... А то всем будет плохо. Я скажу, что вы мой муж. (На последних словах появляется Вася.)

Вася. Я так и знал. Сговорились! (Хватает ружье, целится в дверь.) А я верил... Верил... А здесь — заговор. Откройте двери!.. Иначе... Я буду стрелять... Считаю до трех... Раз... два...

Вика. Не надо!

Вася. Три! (Нажимает на курок, осечка.) А, черт!.. (Переламывает ружье, заряжает патронами.) У меня патроны на кабана! Слышите? Я заряжаю картечью. На кабана, свинтус вы этакий! (Снова целится.) Раз... два...

Открывается дверь ванной, появляется мокрый Алексей.

Вика. Ты?!

Алексей. Киса...

Вика. Ты?! Здесь, в ванной?!

Алексей. Я заблудился.

Вика. И вместо Минска попал в ванную?

Алексей. Киса. Мне холодно. Я весь промок.

Вася. Кто это?

Света. Ее муж.

Вася (недоверчиво). Правда? Это ваш муж?

Вика (убитым голосом). Да. Мой муж.

Вася. Вот и славненько. Как гора с плеч. (Жмет Алексею руку.) А я черт-те что подумал. Извините. От души рад. Очень рад. От души, друг.

Вика (Свете). И ты моя подруга?

Вася. Очень хорошо, что вы подруги.

Вика. Ноги моей здесь не будет.

Вася. Что случилось?

Вика. Что? Мой муж мылся у нее в ванной.

Вася. Ну и что? Если у вас воды нет.

Вика. У нас есть вода.

Вася. И горячая?

Вика. И горячая.

Вася. Тогда я не понимаю. Чего он у нас мылся?

Вика. Я бы тоже хотела знать.

Вася (Свете). Ты понимаешь?

Света. Я давно ничего не понимаю.

Вася (Вике). Это ваш муж?

Вика. Мой.

Вася. Так что вам еще надо?

Вика. Мне надо, чтобы мой муж мылся дома. А не здесь в ванной. Понятно?

Вася. Нет, не понятно. Если хотите, чтоб он мылся дома, нечего в гости ходить. Да! И еще с чемоданом.

Вика. Нечего на охоту ездить.

Вася. Забирайте своего мужа... и...

Вика. Возьмите его себе. Он вам больше нужен.

Алексей (жалобно). Киса... Я не хочу у них... я хочу домой.

Вася. Сначала она рада, что он моется. Теперь — нет.

Вика. Сначала я думала, что там — не мой муж. Поэтому была рада. А теперь, когда там — мой, лучше был бы не мой!

Вася. Мой, мой... не мой... Мой — не мой, он уже мытый!

Света. Мы все сходим с ума.

Алексей (стуча зубами). М-мне х-холодно. Я хочу домой...

Вика. В Минске твой дом! Вот... (Показывает билет.) Можешь лететь!

Алексей. По этому билету не улетишь. Он фальшивый.

Вика. Каждую субботу. Когда вы уезжаете на охоту...

Вася. Стоп, стоп, стоп!

Света. Ерунда!

Вася. Нет, не ерунда!

Вика. Конечно. Для нее все ерунда. Пети, Миши, Алеши... *(Снимает со стены рога, приставляет к Васе.)* А что? Вам очень идут... *(Приставляет к себе.)* Да и мне тоже...

Вася *(снова хватается за ружье)*. Я думал, ты друг, а ты... Эх, ты... *(Поднимает ружье.)* Обманщик...

Алексей. Не стреляйте. Умоляю. Дайте слово сказать. Последнее! *(Вике.)*

Киса, клянусь. Она не виновата. Она — подруга, клянусь. Перед смертью не лгут. Мы только ехали в одном вагоне. Ужинали, и все. Все, все... Я очень тебя люблю. Прости... *(Васе.)* Я готов. Стреляйте!

Вика бросается к Васе, но раздается выстрел. Алексей хватается за сердце, падает. Все в ужасе..

Вика. Что вы наделали?!

Вася *(в ужасе)*. Я... я...

Вика. Вы убили его! *(Опускается на колени перед телом мужа.)* Киса... моя бедная... мокрая Киса...

Вася. Я холостым... Честное слово... холостым... Вика *(ощупывает Алексея, показывает мокрую ладонь)*. Холостыми?.. У него — вся рубашка в крови!

Света *(присматривается)*. Да... Похоже, он из великосветской семьи... Голубая кровь.

Вика *(разглядывает свою руку)*. И правда... Никогда не думала... А с виду совсем простой. И отец, и мать... Простые тружущиеся...

Света. По-моему, это чернила...

Алексей *(приподнимаясь)*. Ну вот... Моя лучшая рубашка. И ручка... *(Достает из кармана обломки.)* Настоящий «Паркер».

Вика (бросается ему на шею). Ты жив, жив. Киса ты моя!

Алексей. Прости.

Вика. Киса...

Алексей. Я больше не буду... (Достает из кармана билеты, рвет.) Прости, если можешь... (Становится на колени.)

Света (с усмешкой). У нас пол грязный. Испачкаетесь.

Алексей. Ничего. Я помоюсь.

Вася. Что? Опять?!

Алексей. Не бойтесь, у нас тоже есть ванная... Да? (Вика молчит.) Можно я дома помоюсь?

Вася (Вике). Забирайте его. Я за себя не ручаюсь. Холостные патроны кончились.

Вика. Пошли...

Алексей. Правда?

Вика. Убьют тебя, что тогда делать? Лучше с живым мучиться.

(Идет к дверям.)

Алексей бежит за ней.

Света. Чемодан!

Алексей. Что?

Света. Чемодан не забудьте!

Алексей (берет чемодан). Не забудем... (Складывает в чемодан кофе, коньяк... тапочки.) Такое не забывается!

Уходят.

Вася (виновато). Прости... (Света молчит.) Прости... Ну, понимаешь... Все кругом говорят, шутят... Куда ты, мол, от жены... Да от такой красивой... Прости... (Света молчит.) Вот я и решил проверить. Придумал эту историю с поездом... Прости... Никогда не ревновал, а тут... как с ума сошел. Кажется, и правда, убил...

Света. Хотя бы какой-то трофей был. А то всегда мажешь...

В а с я. В следующий раз не промажу. Клянусь.

С в е т а. Ладно уж, охотник.

В а с я. Я тебе всегда верил, всегда...

Звонок в дверь.

Кто это?

С в е т а. Не знаю.

Снова звонок.

В а с я. А все же... Кто?

С в е т а. Опять?

Звонок.

В а с я. Прости. Наверно, ошиблись... Пусть себе звонят.

Затемнение

2

Та же квартира, что и в первом действии.

С в е т а — хозяйка этой квартиры.

Она кого-то ждет.

Входит А л е к с е й. В руках у него — чемодан.

А л е к с е й (с любопытством осматривается). А что?..
Очень и очень мило... И обои, и лампа, и этот диванчик...
(Ставит чемодан.) Я только одно не понимаю... Зачем ты
велела мне взять чемодан?

С в е т а. Потом. Все потом... Жена ничего не знает?

А л е к с е й. Нет. Она у мамы... Что-нибудь случилось?

С в е т а. Да...

А л е к с е й. Что-нибудь серьезное?

С в е т а. Очень!

А л е к с е й. Не тяни.

С в е т а. Я тебе нравлюсь?

А л е к с е й. Что?!

С в е т а. Нравлюсь или нет?!

А л е к с е й (смущается). Нравишься.

Света. Вот и хорошо. Значит, и притворяться не надо.
Алексей. То есть как?

Света. А так... Приходит он с охоты... мокрый, усталый. Открывает дверь ванной... А там — ты!

Алексей. Я?!

Света. Да. В мыльной пене. С головой!

Алексей. Зачем? С головой...

Света. Чтобы он тебя не сразу заметил. Иначе и убить недолго.

Алексей. За что?!

Света. Как ты не понимаешь?.. Он — на охоте... А ты — здесь, в ванной. За это убить мало.

Алексей. Но я не хочу... в ванной.

Света. Не бойся. Как только он поднимет ружье, я закричу на весь дом... *(Кричит.)* Спасите! Помогите! Убивают! Он и пальцем тебя не тронет...

Алексей. Спасибо.

Света. Пожалуйста... Сейчас ты позвонишь жене и скажешь, что тебя срочно отправили в командировку... Или... как там у вас делается?

Алексей. Не знаю.

Света. Не знаешь?!

Алексей. Нет.

Света. Врешь...

Алексей. Клянусь здоровьем детей.

Света *(грустно)*. У тебя есть дети. А нам даже детей завести некогда... То у него — «клев», то — «утренняя зорька», то — «вечерняя»... Перестреляли бы всех этих птиц и успокоились... *(Всхлипывает.)*

Алексей. Не надо...

Света. Тебе — хорошо. У тебя — дети, жена... Ты ее, наверно, любишь...

Алексей. Очень.

Света. А она тебя?

Алексей. Тоже.

Света. Она красивая?

Алексей. Да...

Пауза.

А твой муж?

Света. Не помню... Когда он приходит, я сплю. А утром, когда я убегаю — он спит. Иногда в отпуске встречаемся. Мне надо уезжать, а он только прилетел... Ну, отдам ему ключи от комнаты и — сразу на самолет.

Алексей (*пораженный*). Но так же нельзя! Надо что-то делать.

Света. Я хотела, а ты...

Алексей. Если б я знал, что это поможет.

Света. Поможет. Он у меня знаешь какой ревнивый! Только я поводов ему не давала... Дура...

Алексей (*грустно*). Ну, если поможет...

Света. Ура!

Алексей. А он меня не убьет?

Света. Что ты?! Он у меня — мазила. За все время — лишь одна утка.

Алексей. Но я все же... покрупней утки...

Света. Естественно. Ты у меня — не утка. Ты — орел.

Алексей (*вздыхает*). Видела бы это моя жена.

Света. Видеть ей не обязательно, а позвонить надо. (*Придвигает к нему телефон.*) Скажи ей, что тебя срочно отправили в командировку. Зачем ее волновать? Известно, когда мой еще явится.

Алексей. Моя этому не поверит. Она знает, что я не люблю ездить в командировки.

Света. А чемодан? Я все предусмотрела. (*Открывает его чемодан, достает пижаму, тапочки.*) Молодец. Все сделал, как я просила. Пижамы, тапочки... кофе... не какой-нибудь там... английский... Пусть попробует не поверить... Ну? Звони!

Алексей снимает трубку, неуверенно набирает номер.

Алексей. Алло?.. Нина Сергеевна?.. А Киса у вас?

Света *(выхватывает трубку, голосом телефонистки)*. Алло, алло?! Москва?! Вызывает Минск! Минск вызывает!.. Минуточку, соединяю... *(Протягивает трубку Алексею, тот в полной растерянности. Шепотом.)*

Света. Скажи что-нибудь... Она слушает...

Алексей растерянно смотрит на Свету, потом на телефонную трубку.

Света. Ну?! Говори!

Алексей *(шепотом)*. Что говорить?

Света *(шепотом)*. Неважно...

Алексей *(в трубку)*. Киса?.. Это ты?.. Да, это я, Лешик... Да... Где я? *(Смотрит на Свету.)*

Света *(шепотом)*. В Минске...

Алексей *(в трубку упавшим голосом)*. Я — в Минске... Как попал?.. *(Снова смотрит на Свету.)*

Света *(шепотом)*. Самолетом...

Алексей *(в трубку)*. Самолетом попал... Быстро?.. *(смотрит на Свету, та пожимает плечами)*. А я... я... *(Сображает, что сказать.)* А я — военным самолетом попал... *(Света одобрительно кивает.)* У них знаешь какая скорость?.. Не успеешь оглянуться... *(СВЕТА кивает.)* Зачем?.. Так уж получилось... да... Время сейчас знаешь какое?.. Тревожное... И я... И я соскучился... да... очень... и я... да... Ну ничего, родная... Скоро приеду. Скоро... Ах, Киса ты моя... Киса...

Света *(выхватывает трубку, голосом телефонистки)*. Заканчивайте разговор! *(Бросает трубку на рычаг, смеется.)* А?! Каково?!

Алексей *(вытирает платком лоб)*. Фу-у... Аж взмок...

Света. Потрясающе!

Алексей *(вдруг хватается за голову)*. Что я надеялся?!

Света. Ничего страшного. Даю слово... Я буду вести себя по-джентльменски. Он нас застучает, и все... Ты — свободен. Можешь идти на все четыре стороны... А сейчас

приведи себя в порядок... Постарайся быть привлекательней. Иначе он не поверит...

А л е к с е й. Хорошо бы... не поверил.

С в е т а. Кстати... Мы познакомились в поезде. Ехали в одном вагоне... Ты меня пригласил в ресторан... Ну, в общем, все как было. *(Ставит на стол вино, бокалы.)* Кажется, так в подобных ситуациях полагается?

А л е к с е й. Кажется...

С в е т а *(кокотливо)*. А цветы?.. Почему ты не принес мне цветы?.. Розы, тюльпаны, орхидеи?

А л е к с е й. Я все деньги отдаю жене. Обычно она покупает.

С в е т а. Вот пусть она и купит. В следующий раз без цветов не пушу. Понял?

А л е к с е й *(тихо)*. Я и не приду... в следующий раз...

С в е т а. Что ты сказал?

А л е к с е й. Я сказал, что в следующий раз обязательно приду с орхидеями.

С в е т а. Умница. *(Включает музыку.)* Эта подходит?

А л е к с е й *(прислушивается)*. Чересчур веселая.

С в е т а. Так и должно быть. Не к жене пришел... Так и быть. Я сделаю чуть потише... А то явятся еще соседи... Им-то ничего не докажешь... *(Гасит люстру, зажигает ночник.)* В кино так всегда делают. Похоже?

А л е к с е й. Очень... Только свечей не хватает!

С в е т а. И цыган... *(Поет.)* «Две-е... гита-ары... за сте-еной...» Цыгане, свечи. Класс! А сейчас — всюду электричество. Нажал на кнопку — и все! Окончен бал, погасли свечи... А что ты такой печальный?

А л е к с е й. Поздно уже. Обычно в это время я ложусь спать.

С в е т а. Сегодня тебе будет не до сна. Это я обещаю. Ну? Веселей, веселей! Один раз живем!

А л е к с е й *(прихлопывает ладошками под цыганочку)*. Так? Так весело?

С в е т а. Замечательно! У нас с тобой — любовь, страсть... чувства... цветы... *(Всхлипывает.)*

Алексей. Перестань...

Света. Я бы все на свете отдала... Чтобы мой на твоём месте сейчас был... *(Всклипывает.)*

Алексей. Не надо, Светик... Успокойся...

Света. Лешенька...

Алексей *(ласково)*. Киса...

Света *(отстраняясь)*. Что?!

Алексей. Извини. Жёну вспомнил.

Света. Бывает... Ничего... это бывает... *(Звонок в дверь. Оба вздрагивают.)* Это — он!

Алексей. Он?!

Света. Да. По звонку чувствую... он...

Алексей бежит по комнате, ищет, куда бы спрятаться. Открывает дверь шкафа.

Света. Нет! Там он тебя не найдет.

Алексей. А куда? *(Пытается залезть под кровать.)*

Света. Мы же договорились... В ванну...

Алексей бежит в ванную.

Света. Ну?! Ни пуха ни пера!

Алексей. К черту!

Света открывает дверь. На пороге — Вика, её подруга.
Она рыдает.

Света. Что случилось? А ну, проходи.

Алексей прислушивается к разговору, в ужасе захлопывает дверь.

Вика *(сквозь слезы)*. Му-уж!

Света. Что — муж?

Вика *(отнимает от лица платок, хохочет)*. Уе-ее-е-хал!

Света. Фу ты, господи. Я думала, случилось чего.

Вика. А тебе мало? За десять лет — первая командировка!

Света. Я думала, у вас — любовь.

Вика. Конечно. Без любви выдержишь такое?.. Каждый день — одно и то же. Встали, поели, ребенка — в школу, сама — на работу. Пришли, попили чай, посмотрели телевизор и — спать. Вот ты спроси меня, что я буду делать через год, через два, через пять... И я отвечу. Да, отвечу. Если раньше не попаду в психушку. *(Смотрит на стол, замечает вино, бокалы.)* Ты не одна?

Света. Да... то есть нет... муж...

Вика *(берет в руки бокалы, рассматривает, как будто ищет отпечатки пальцев)*. Муж, говоришь? А может, не муж, а?

Света. Муж, муж.

Вика. Как скучно... муж... Одна радость — хоть чужой муж... Познакомь. Я твоего мужа ни разу не видела.

Света. Ничего не потеряла.

Вика. Какой он у тебя?

Света. Какой?.. *(Вспоминает.)* Руки, ноги и еще желудок. Очень, очень большой.

Вика. А посмотреть на него можно?

Света. Посмотреть?

Вика. Не бойся. Я посмотрю, и все... И сразу уйду.

Света. Конечно, можно... Одну минуточку...

Бежит в ванную. Дверь ванной приоткрывается.

Алексей *(испуганно)*. Умоляю. Это — моя жена.

Света *(шепотом)*. Кто? Вика — твоя жена?

Алексей. Да.

Света. Вика — Киса? Этого еще не хватало.

Алексей. Выпводи ее скорей.

Света. Не могу. Я обещала вас познакомить.

Алексей. Мы знакомы. Честное слово.

Света. А она говорит, ни разу тебя не видела.

Алексей. Она забыла. Я ей потом напомню. А сейчас пусть уходит. Пожалуйста.

Вика выходит в коридор, дверь ванной поспешно захлопывается.

Вика. Ну?.. Где же он?.. «Наш» муж?

Света. Он ванну решил принять.

Вика. Ванну?

Света. Да. Перед сном.

Вика. А бокалы, вино? По-моему, вы не собирались спать.

Света. Да. Мы сначала собирались поужинать, а потом — спать.

Вика. Вот и хорошо... Поужинаем вместе... а потом спите себе на здоровье.

Света. Вряд ли получится. Он очень долго ванну принимает. Иногда — час, иногда — два.

Вика. Но может быть, сегодня сделает исключение? Как-никак гости, подруга пришла.

Света. Нет. Не сделает. Когда он в ванне, он ни для кого не делает исключений.

Вика. А я попробую... *(Подбегает к ванной, кричит в дверь.)* Эй, вы скоро?.. Хотелось бы познакомиться. Меня Вика зовут. А вас как?.. *(Прислушивается — слышен только плеск воды.)* Не слышу!.. *(Свете.)* Как его зовут?..

Света. Э-э. Вася!.. Василий... то есть...

Вика. Василий! Выходите! После домоетесь... *(Прислушивается.)* Он жив там, вообще? Может, он утонул.

Света. Жив, жив.

Вика. Невежливо как-то. Я к нему обращаюсь, а он даже не отзывается. Как в рот воды набрал.

Света. Я же тебе говорила...

Вика. А может, там — не твой муж? А? Вот было бы интересно.

Света. Да. Интересней не придумаешь.

Вика. А что тут особенного?.. Человек рожден для счастья, как птица для полета. Цветов хочу, шампанского! Чтобы ветер в лицо, и ноги — в росе!

Света. Не простудишься? Посмотри кругом. Какая смена подросла! Какие ноги, какая кожа! Что на лице, что на пальто... А у тебя?.. *(Смотрит на ее руки.)* Как у слесаря. Такую руку можно протянуть для поцелуя?.. Только слепому. Нет, дорогая. Нам за своих мужей держаться надо. В ножки им кланяться.

В и к а. Хватит, наклонялись. Рубашки стирать — поклон. Полы мыть — поклон... Ребеночек заболел — сплошные поклоны... Я хочу, чтобы мне кланялись, а не рубашкам.

С в е т а. Поздно хватилась.

В и к а. В самый раз... *(Оглядывается в сторону ванной, переходит на шепот. Плеск воды в ванной стихает. Очевидно, там прислушиваются к разговору.)* На днях из прачечной иду. Белье несу. Вдруг — сзади машина. Распахивается дверь — вас подвезти?.. Сам улыбается... Костюм, галстук — а па-ахнет. Сплошное Бельмондо!.. Я думаю: была не была... И — в машину... Сразу музыка заиграла, такая неприличная, со стонами. Я сделала вид, что не слышу... Он — громче... Я говорю: мне такая музыка не нравится, он спрашивает: почему?.. Я говорю: одни стоны да вопли. Как у зубного врача.

С в е т а. А он?

В и к а. Засмеялся. Потом пошли в бар. Тут я, дура, испугалась. Уж больно тратится он. Трудно будет задний ход давать. Сказала, что надо позвонить, и убежала. Он, бедняга, наверно, до сих пор ждет.

С в е т а. Сомневаюсь.

В и к а. Почему?

С в е т а. Современный мужчина ждет в двух случаях. Когда у тебя зарплата или когда вы идете на развод подавать.

В и к а. Этот не такой. Он ждет не ради денег.

С в е т а. Поди проверь.

В и к а. И пойду. Наверняка еще ждет... *(Подходит к дверям ванной.)* До свидания. Рада была познакомиться... *(Прислушивается.)* Да, странный у тебя муж...

С в е т а. И пусть. Я его все равно люблю.

В и к а. Я пошла... Видно, и этот вечер пропал...

Идет к дверям. С в е т а идет к ванной.

Неожиданно дверь в квартиру открывается. На пороге — В а с я, Светин муж. В сапогах, брезентовой куртке, в руках — ружье.

В и к а *(вскрикивает.)* Вы?! Как вы меня нашли?

В а с я (обалдело). Как вы сюда попали?

В и к а. Сапоги, ружье... Вы пришли, чтобы меня убить? Чтобы убить? Да?

В а с я. Вот так встреча!

В и к а (играет). Не убивайте! Нет! Я больше не буду. Клянусь честью, я исправлюсь. Я искуплю вину. Ровно на ту сумму, что вы потратили в баре. (Вася пытается уйти.) Нет, нет! Ни за что! Мы теперь не расстанемся никогда.

В а с я. Пустите, умоляю.

В и к а. И не просите!

В а с я. Я забыл ключи. Там, в машине.

В и к а. Я принесу.

В а с я. Вы не найдете.

В и к а. Так настоящие мужчины не поступают. Нашли, а теперь бежать.

В а с я. Ну, пожалуйста... пустите... умоляю... (Пытается пробиться к дверям.)

В и к а (преграждает дорогу). Только через мой труп. Убейте — и уходите!

Появляется С в е т а.

С в е т а. С кем это ты? (Увидев Васю, застывает от изумления.)

В и к а. Это он... Ну тот, который на машине. С музыкой... Он меня разыскал. Чтоб убить. За то, что я его обманула. Видишь ружье? Оно настоящее.

С в е т а. Вижу.

В и к а. Познакомьтесь, Миша... Это моя подруга Света.

С в е т а. Миша?

В и к а. Да.

С в е т а. Какое прекрасное имя... Михаил... Как Лермонтов... Вам сколько лет, Михаил?

В а с я. Тридцать два... лет...

С в е т а. А Лермонтов в двадцать семь погиб... Какая несправедливость... Он погиб, а вы живы... Если б вы погибли в двадцать семь лет, может, спасли жизнь другому человеку... Тогда еще было не поздно...

Вика (ничего не понимает). Кому спасли? Какому человеку? Ты о чем?

Света. Так... Михаил наваял на меня романтические чувства.

Вика. И на меня... Правда, он — прелесть?

Света. Правда.

Вика (настороженно). Только, чур, на меня он наваял первую. Он меня пришел убивать.

Света. Меня он уже убил.

Вика (шепотом). Перестань. Я тебя прошу... Не порти всем вечер. Может, это единственный вечер за все десять лет... Проходите, Михаил. Не стесняйтесь. Будьте как дома.

Вася. А я и не стесняюсь. Я и так «как дома». (Проходит.)

Вика. Снимите куртку, ружье... Наденьте тапочки.

Вася (внимательно разглядывает тапочки). Странно.

Вика. Что?

Вася. Тапочки.

Вика. Обыкновенные тапочки. У моего — тоже такие.

Вася (примеряет). Велики...

Света. Что вы говорите?

Вася. Наверно, сорок второй. А я ношу — сорок первый.

Света. Не люблю карманных мужчин.

Вася. Каких, каких?

Света. Маленьких, карманных. Вечно у них — комплексы. То ли дело сорок второй!

Вася (берет в руки тапочки, рассматривает). Да... Сорок второй... Если не больше.

Света. Не надо завидовать. Мне, может быть, тоже завидно. Любовь с первого взгляда!

Вика. Да. Я сразу поняла. Как только его увидела. Почувствовала какой-то огонь. Как только та ваша музыка заиграла. (Придвигается к Васе, тот отодвигается.) Ну что вы, Михаил. Будьте пораскованней.

Света. Да, Мишенька. Раскуйтесь... то есть расковайтесь...

В а с я. Хорошо. Я сейчас. Раскуюсь... *(Решительно придвигается к Вике.)*

В и к а. Ой!

В а с я. Что?

В и к а. Это уж как-то чересчур...

В а с я. Вы же сами сказали: пораскованнее. Вот я расковался.

В и к а. Очень уж быстро, Михаил, расковались. Не говорили еще... Что дальше-то будет?

В а с я. Что будет, то будет!

В и к а. Какой вы... Даже страшно.

В а с я. Волков бояться, в лес не ходить!

В и к а. Вам хорошо не бояться. Вы... с ружьем... А я — женщина.

В а с я *(играет)*. И какая!

В и к а. Ой! От этих слов еще страшнее, чем когда вы просто придвинулись.

В а с я. А глаза у вас... синие-синие... Скажите. Они у вас от неба или от моря?

В и к а. От стирки. Когда я стираю, я всегда синьку кладу... очень много...

В а с я *(берет ее за руку)*. А руки — как шелк...

В и к а. Мишенька, умоляю... *(Выдергивает руку, Свете.)* А ты говорила: «Как у слесаря».

С в е т а. А вы женаты, Михаил?

В и к а *(укоризненно)*. Света.

С в е т а. А что? Надо по-честному. Чтоб все было ясно. Мы не школьницы. Да и Михаил... судя по всему... уже не студент.

В а с я *(Свете)*. Да. Я женат.

С в е т а. И какая у вас жена? Умная, добрая, красивая?

В а с я. Вам бы она не понравилась.

С в е т а. А вам?

В а с я. Мне?.. Как-то не задумывался. Жена как жена.

С в е т а. А сейчас она где?

В и к а. Немедленно прекрати! Жены, мужья... Надое-
ло! Не хватало, чтоб я еще про своего вспомнила... (Спахва-
тившись.) Извините... Я вас не обидела?

В а с я. Что вы?.. Напротив... Не люблю холостых жен-
щин. От них всего можно ожидать. А когда у нее свой есть,
она чужому зла не сделает.

С в е т а. Какая умная мысль.

В а с я. Семья — одно, любовь — другое!

В и к а. Правильно. Давайте за это! (Наливает в бокалы
вино.)

С в е т а. С удовольствием.

В и к а (Свете). Зови своего.

В а с я. Кого, кого?

В и к а. Мужа.

В а с я. Мужа?

В и к а. А вы что удивляетесь? У Светы тоже есть муж.

В а с я. Я не сомневаюсь. Я сказал, что люблю женщин,
у которых есть мужья. Только зачем его звать?

В и к а. Чтобы посидел с нами.

В а с я. Он и так посидит. Его и звать не надо.

В и к а. Так он не посидит. Он же в ванной.

В а с я. Кто в ванной?

В и к а. Муж.

В а с я. Ваш?

В и к а. Нет, Светин.

В а с я. Не может быть.

С в е т а. А что вас так удивляет? Вы считаете, что у ме-
ня нет ванной или мужа?

В а с я. Я знаю, что я считаю.

В и к а. Но там действительно ее муж.

В а с я. Не надо меня разыгрывать.

В и к а. Честное слово!

В а с я. Не бросайтесь словами!

В и к а. Почему вы мне не верите? Ее муж — в ванной!

В а с я. Ее муж не может быть в ванной, потому что он
здесь.

В и к а. Где?

В а с я. Ее муж — это я!

В и к а. Вы?!

В а с я. Да, я!

С в е т а. А что тут особенного? В наше время и не такое бывает.

В и к а. Это твой муж?

С в е т а. Да. И зовут его не Миша, а Вася... Правда, Миша?

В а с я. Правда, Света.

В и к а. Вы — Вася?

В а с я. Увы...

В и к а. Вот не ожидала.

В а с я. А вас как зовут?

В и к а. Я — Вика... По-прежнему. Можете меня так и дальше называть.

В а с я. Как жаль.

В и к а. Почему?

В а с я. В женщине должна быть загадка.

В и к а. Вы правы... *(Мечтательно.)* Сегодня ты одна, завтра — другая... Он думает, что ты Вика, а на самом деле ты Света... или... Аграфена... Как интересно... Каждый день не похож на предыдущий...

С в е т а *(с иронией)*. И на последующий.

В и к а *(мечтательно)*. И на последующий. Как я вам завидую! Миша... э-э... то есть Василий... И тебе — Света... У вас такая яркая жизнь. Такая неповторимая... Только я не понимаю. Наверно, я глупая... Если твой муж здесь, то кто же тогда там? *(Кивает в сторону ванной.)*

В а с я. Там может быть кто угодно.

В и к а. Вот не ожидала... *(Внимательно смотрит на Свету.)* А с виду тихоня...

В а с я. В тихом омуте черти водятся.

В и к а. Да-а... *(Смотрит в сторону ванной.)* А все же интересно, кто там?

В а с я. Не все ли равно?.. Если хотите, там может быть даже ваш муж.

В и к а. Мой? *(Хохочет.)*

В а с я. Да.

Вика. Если б там был мой муж, я бы только обрадовалась. *(Подбегает к ванной.)* Но мой на это не способен. Нет. Он у меня, знаете, несовременный... У всех мужья — как мужья... А этот... Такая размазня. Не пьет, не курит. Вечно дома сидит... Киса, я тебе цветочки принес... Киса, дай я тебя поцелую... Сил моих нет. Хоть бери за ручку и к подружке веди. Я бы все на свете отдала, если б он там был... отдала бы вот эти мамины серьги, дубленку... Иди, милый, на все четыре стороны... Только не будь размазней...

Шум воды постепенно стихает. Дверь ванной открывается. На пороге — мокрый Алексей.

Вика. Ты-ы?!

Алексей. Я.

Вика. Не может быть.

Алексей. Почему?

Вика. Ты же в Минске.

Алексей *(смеется)*. В каком Минске?

Вика. Но ты же звонил... Из Минска... час назад... Ты уже прилетел?

Алексей. Я и не улетал.

Вика. Как?!

Алексей. Так... *(Подходит вплотную.)* Снимай! Мамины серьги, дубленку. Снимай! Очень деньги нужны.

Вика. Постой. Ничего не понимаю. Ты что? Действительно не был в Минске?

Алексей. Действительно.

Вика. И все время был здесь, в ванной?

Алексей. Да.

Вика. Но зачем? Что, у нас ванной нет?

Алексей. Мне наша ванна надоела.

Вика. Но я же моюсь.

Алексей. Ты — женщина.

Вика. Какая разница?

Алексей. Раньше я тоже не понимал. Спасибо добрым людям. Объяснили.

Вика (начинает заводиться). Это каким добрым людям? Что ты мелешь?

Вася (успокаивает ее). Перестаньте. Ошибся человек дверью. Хотел уйти — заклинило замок. Чтоб время не терять, решил принять ванну.

Вика. Как ошибся, как ошибся? Мы что, в одном подъезде живем? А она? Где она была? Почему эту ошибку не исправила?

Света. Зачем? На ошибках учатся.

Вика. Ах, вот... Я думала, ты — подруга. А ты, оказывается... учительница....

Алексей. Учительница пе-рвая мо-оя.

Вика. И последняя! (Бросается в коридор, возвращается с ружьем.)

Вася. Эй, осторожнее... Оно заряжено.

Вика (Алексю). Отвечай! Немедленно отвечай. Что ты делал в ее ванной?

Алексей (решительно). Мылся!

Вика. Врешь!

Алексей. Мылся. И еще с шампунем.

Вика (всхлипывает). С шампунем?

Алексей. Да. С шампунем. Перед смертью не лгут.

Вика. Последний раз спрашиваю. (Поднимает ружье.)

Вася. Отдайте ружье!

Вика. Скажешь?

Алексей. Стреляй! Лучше умереть стоя, чем жить на коленках.

Вика (считает). Раз... два... Ну?... Скажешь?... Ради детей.

Алексей. Мылся.

Вика. Три!.. Ну?!

Алексей. Мылся, мылся, мылся! И три, и четыре, и пять! Мылся!

Вася бросается к Вике, хватая ружье...

Выстрел!

Алексей падает.

Вика. Что я наделала?

Света. Ты убила его?!

Вика (*опускается на колени*). Киса... моя бедная, мокрая Киса...

Света. Она убила его!

Вася. Там же — холостые... Честное слово, холостые.

Вика (*ощупывает Алексея, показывает мокрую ладонь*). Холостые? У него вся рубашка в крови.

Света (*присматривается*). Да... Похоже, он из великосветской семьи... Голубая кровь.

Вика (*разглядывает руку*). И правда. Никогда б не подумала... А с виду совсем простой. И отец, и мать. Простые трудящиеся.

Света. По-моему, это чернила.

Алексей (*приподнимаясь*). Ну вот... Моя лучшая рубашка. И ручка... (*Достает из кармана обломки*.) Настоящий «Паркер»...

Вика (*обнимает его*). Ты жив, жив, жив. Киса ты моя!

Алексей. Кажется, жив.

Вика. Прости. Никогда не ревновала. А тут... Как с ума сошла. Кажется, и правда, убила...

Алексей. А серьги, а дубленка?

Вика. Все забирай!

Алексей. Ладно уж... Носи.

Вика (*помогает ему встать с пола*). Ах, Киса ты моя... Киса... Грязная, мокрая Киса...

Алексей. Я помоюсь. (*Идут к дверям*.)

Вика. Только дома. У нас тоже есть ванна.

Вася. Чемодан!

Вика. Что?

Вася. Чемодан не забудьте.

Алексей (*возвращается, берет чемодан, как бы извиняясь*). Я с ним в химчистку хожу. Очень удобный... Он, понимаете, с виду маленький. Но зато растягивается.

Вася. А тапочки... Они не растягиваются?

Алексей. Нет. Они не растягиваются. Растягивается чемодан...

Вася. Тогда забирайте.

Алексей. Спасибо...

Уходят. Пауза.

Света. Все ясно. Так ты на охоту едешь?

Вася. Так... *(Достает из рюкзака утку, бросает на стол.)*

Света. В «Дарах природы» купил?

Вася. В каких «Дарах природы»? Светик? Это же смешно...

Света. А Вика?

Вася. Что — Вика?

Света. Где ты ее подстрелил?

Вася. Светочка. Даю честное слово. Я в нее не стрелял. Она сама... Чуть меня не подстрелила...

Света. Как?

Вася. Еду на днях с работы. Усталый, голодный... Вижу — женщина улицу переходит. В одной руке — сумка, в другой — тук... Согнулась пополам... Думаю, дай подвезу... Довез... А она выходить не хочет... «Музыки, шампанского и чтобы обязательно ноги в росе...» А глаза у самой грустные, усталые... Ну, решил сделать человеку праздник... Пригласил в бар на чашечку кофе... А ее с этого кофе совсем развезло... Видно, кофе давно не пила... Стала домой звонить, что задерживается... Тут я и дал стрелкача...

Света. А почему она тебя Мишей зовет?

Вася. Был в ее жизни какой-то Миша... Который по росе с ней бегал... Ну вот и я решил Мишей назваться, чтоб не разочаровывать...

Света. А музыка со стонами?

Вася. Светочка. Ты же знаешь. Магнитофон в машине барахлит... Как включишь, будто стонет кто... А выключить она не давала...

Света. Это правда?

Вася. Клянусь. Ну почему ты мне не веришь?

Света. Я не дурочка.

В а с я. Но также нельзя. Стоит уехать, обязательно сюрприз. То в ванной кто-то моется, то в шкафу прячется. А если б я ревновал?

С в е т а. Тогда б ты не ездил на свою дурацкую охоту... Но, кажется, я придумала.

В а с я. Что еще?

С в е т а. Я сама с тобой буду на все охоты ездить. А то сейчас знаешь их сколько?

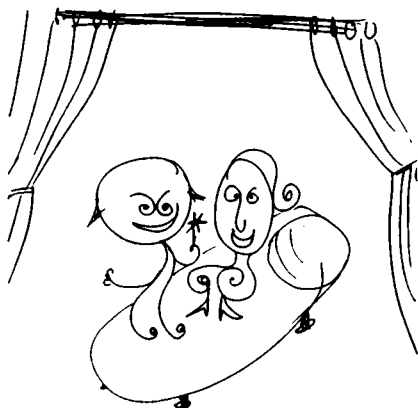
В а с я (*радостно*). Уток?!

С в е т а. Нет. Тех, что «босиком по росе»... Патронов не напасешься!

Вступает музыка. Актеры выходят на авансцену.

Заключительная песня.

Занавес.

С четверо с одним пистолетом

(комедия в двух действиях, с одним пистолетом)

Действующие лица:

Василий Дмитриевич, он же:

Дмитрий Васильевич, мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти.

Ольга — его жена, лет тридцать пять.

Наташа — двадцать три.

Петя Преснюк — друг Наташи, двадцать пять.

Каждый актер в этой пьесе играет две роли.

1

Загородный дом. Атмосфера разрухи. Все давно просит ремонта.

За окнами синева позднего летнего вечера.

Некоторое время сцена пуста. Но вот раздаются голоса.

Появляется хозяин дома, Василий Дмитриевич, мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти и его молодая спутница

Наташа.

Василий Дмитриевич (он сильно навеселе). Заходи. Располагайся.

Наташа (осматривается). Не слабо.

Василий Дмитриевич. Пить будешь?

Наташа. Можно.

Василий Дмитриевич. Тебе чего?

Наташа. Мартини с лимоном.

Василий Дмитриевич. Покажи губу!

Наташа (показывает). У-ууууу!

Василий Дмитриевич. Губа не дура!

Наташа (смеется). Нормально.

Василий Дмитриевич. Извини. Кроме водочки, ничего нет (наливает).

Наташа (берет бутылку, рассматривает). Где брали? Не в палатке, надеюсь?

Василий Дмитриевич (шутит). Надейся, надейся... (Наливает.) А ты, вообще, кто? Не сейчас, конечно, а вообще...

Наташа. Не сейчас. А когда? Днем? (Смеется.) Вообще звать меня Наташа. Остальное неважно.

Василий Дмитриевич. Как хочешь. Наташа — так Наташа. (Протягивает ей бокал.) В Турции знаешь кого «наташами» зовут?

Наташа. Таких, как я?

Василий Дмитриевич. Все наши девчонки там — «наташи». Выпьем? Наташа.

Наташа. Давайте.

Чокаются, выпивают.

Василий Дмитриевич. Можешь со мной на «ты».

Наташа. Слушаюсь.

Василий Дмитриевич. Еще налить?

Наташа. Нет, спасибо.

Василий Дмитриевич. Чуть-чуть?

Наташа. Ну, налей.

Василий Дмитриевич. Ну, налью.

Наливает, выпивают.

Наташа (морщится). Отвыкла от водки.

Василий Дмитриевич. А зря. Я водочку люблю. Ни на что ее не променяю. Любил, люблю и буду любить.

Пауза.

Василий Дмитриевич. Давай еще.

Наташа. Хватит.

Василий Дмитриевич. Ну, давай.

Наташа. Мне хватит.

Василий Дмитриевич. Один глоточек.

Наташа. Послушайте. Я что? Пить сюда пришла?

Василий Дмитриевич. Как хочешь. А я выпью *(наливает, выливает)*. Не хочешь пить — не надо. Хочешь на «вы» — пожалуйста.

Наташа. Вы всегда так много пьете?

Василий Дмитриевич. Нет. Когда волнуюсь. Первый раз все-таки.

Наташа. Ка-ак?

Василий Дмитриевич. Нет. Конечно, не первый... За деньги первый раз.

Наташа. Ну, вы даете. До старости дожили...

Василий Дмитриевич. Извини.

Наташа. Извиняю.

Василий Дмитриевич. Сегодня все у меня первый раз. И ты... И казино это чертово... Ой. Голова раскалывается.

Наташа. Пить надо меньше.

Василий Дмитриевич. Это все — коньяк. Терпеть его не могу. Пил бы водку...

Наташа. Кто вам мешал?

Василий Дмитриевич. Дружочек мой... Гена.

Наташа. А сила воли?

Василий Дмитриевич. Какая уж тут сила... *(Достает из холодильника лед.)* Какая воля... *(Прикладывает лед к голове.)*

Наташа. А кто он?.. Этот ваш Гена.

Василий Дмитриевич. Ноль. Ноль без палочки. За пивом всегда бегал. А теперь... Два магазина, пять булочных...

Наташа. Завидно?

Василий Дмитриевич. Я, милая, только тем завидую, кто талантом вышел. Больше, чем я. А поскольку таких, как я, ты понимаешь, нет...

Наташа *(смеется)*. Класс!

Василий Дмитриевич. Тем более Гена. Есть кому завидовать. Обхохочешься.

Наташа. Тогда зачем вы с ним пили?

Василий Дмитриевич. А что? Послать его надо было, да? Столько лет не виделись — и... «А пошел ты». Да? Так у вас принято?

Наташа. Почему бы и нет?

Василий Дмитриевич. Извини. Не так воспитаны. Его вина, что он на коне, а я... Ну, ты понимаешь. В рифму... Знаешь, что такое рифма?

Наташа. Не-е-а...

Василий Дмитриевич. Рифма... Это когда... Ну, когда в рифму... Ну, когда любовь — кровь... Весна — красна...

Наташа. Пришла — ушла...

Василий Дмитриевич. Вот-вот.

Наташа. Полковник — подполковник.

Василий Дмитриевич. Умница.

Наташа. Майор — генерал-майор.

Василий Дмитриевич. Правильно.

Наташа (*декламирует*). «Ты помнишь, в нашей бухте сонной спала зеленая вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда...» Это, что ли, рифма?

Василий Дмитриевич (*поражен*). Блок... Откуда ты знаешь?

Наташа. А черт его...

Василий Дмитриевич (*настороженно*). Ты раньше кем была?

Наташа. Председателем совета отряда.

Василий Дмитриевич. А потом?

Наташа. Потом — суп с котом!

Василий Дмитриевич. Я серьезно.

Наташа. Что все — я да я? А вы? Кто вы? Я тоже хочу знать.

Василий Дмитриевич. Неважно.

Наташа (*капризно*). Ну, скажите.

Василий Дмитриевич. Скажу, не поверишь.

Наташа. Ну?!

Василий Дмитриевич. Лучше не надо.

Наташа. Пожалуйста! *(Падает на колени.)*

Василий Дмитриевич. Что ты, что ты? *(Поднимает ее.)*

Наташа. Тогда говорите.

Василий Дмитриевич. Я... Этот... Ну, я режиссер...

Наташа. Да ну?!

Василий Дмитриевич. Не веришь?

Наташа. Многие так говорят. Режиссеры они, писатели... Кино всякие снимают. Из Голливуда только приехали...

Василий Дмитриевич. Предъявить документик? *(Достает из кармана.)* Вот... Пожалуйста. Паспорт у меня украли... А это... Удостоверение... Видишь? Читать умеешь? Читай. Союз кинематографистов... Эс... эс... эс... И еще — эр...

Наташа *(с восторгом)*. Правда?!

Василий Дмитриевич. Правда.

Наташа. Здорово!

Василий Дмитриевич. Только я бывший режиссер. Когда этот «эсэсэсэр» был. Тоже сейчас бывший.

Наташа. У меня режиссеров никогда не было. Даже бывших. Актеры — были. Писатель был... один. А чтоб режиссер...

Василий Дмитриевич. Невелика потеря. Раньше я был режиссер. РЕЖИССЕР. Это звучит гордо. А теперь — как в Польше. У кого денег больше...

Наташа. Ладно вам прибежаться.

Василий Дмитриевич. Слово даю.

Наташа. А я бы все отдала, чтоб в кино сняться.

Василий Дмитриевич *(польщен)*. Раньше мне тебя снять, что два пальца... Клянусь. А теперь...

Наташа. Где ж вы были? Раньше?

Василий Дмитриевич. На Мосфильме был. На фестивалях. В комиссиях разных по приему молодых членов...

Наташа. Не надо ругаться.

Василий Дмитриевич *(смеется)*. Не буду... Какая была жизнь! Пили, гуляли, снимали кино. И кому все это мешало?

Наташа. Вы и сегодня... Пили, гуляли.

Василий Дмитриевич. Гена. Все Гена! Я в казино-то пошел не чтобы пить. А чтоб денег зат выиграть. Юбилей у меня, понимаешь, надвигается. И ни выпить, ни закусить. Не на что.

Наташа. А сколько вам лет?

Василий Дмитриевич. А сколько дашь?

Наташа. Сорок?

Василий Дмитриевич. Что, что?!

Наташа. Ну — тридцать семь?

Василий Дмитриевич. Шутишь.

Наташа. А сколько? Я старше тридцати не разбираюсь.

Василий Дмитриевич. И не надо.

Наташа. Ну, скажите.

Василий Дмитриевич. Ты в обморок не упадешь?

Наташа. Не.

Василий Дмитриевич. Лучше не рисковать.

Наташа. Ска-ажите *(снова падает на колени)*.

Василий Дмитриевич. Ты что, припадочная?
(Поднимает ее.) Сорок пять мне.

Наташа. Как папе моему.

Василий Дмитриевич *(усмехается)*. Папе... Твой папа мне...

Наташа. Вы его знаете?

Василий Дмитриевич. Нет. К счастью.

Наташа. Почему — к счастью?

Василий Дмитриевич. Не догадываешься?

Наташа. Нет. Он у меня тоже водочку любит. Вы бы с ним подружились, выпили.

Василий Дмитриевич. Молодец. Твой папочка. Давай выпьем за папочку.

Наташа. Давайте. За папочку я всегда готова.

Выпивают.

Василий Дмитриевич. Вроде легче стало... (Снимает с головы повязку.) Кажется, отпустило.

Наташа. И слава богу.

Василий Дмитриевич. Все водочка, все она. Оттянула, милая. (С облегчением вздыхает.)

Наташа. Не надо было вам коньяк пить.

Василий Дмитриевич. Не надо было.

Наташа. И играть на рулетке...

Василий Дмитриевич. И играть...

Наташа. Авообще... У нас некоторые и выигрывают.

Василий Дмитриевич. Такие, как Гена. Чтоб играть, милая, надо подпор иметь. А когда фишка — пять долларов... Двадцать фишек — вся моя зарплата... Тут бы живым остаться. Думаешь, я пить хотел? Нет. Геннадий Васильевич, все он... Наверно, стоит все это? Крабы, коньяк...

Наташа. Вы какой пили?

Василий Дмитриевич. А черт его знает. «Наполеон», кажется.

Наташа. «Наполеон» у нас — семь условных единиц.

Василий Дмитриевич. Пол-литра?

Наташа. Что вы? Пятьдесят грамм.

Василий Дмитриевич. Ты что?! А ракушки, а лягушки? А песня... «У моря, у синего моря»?

Наташа. Друг ваш заплатил.

Василий Дмитриевич. И за море?

Наташа. И за него.

Пауза.

Василий Дмитриевич. Послушай... А это... Сколько у вас стоит?

Наташа. Вы про что?

Василий Дмитриевич. Ну... Про это. Как по телевизору. Про это.

Наташа. Ах, про это?.. Это у нас очень дорого стоит.

Василий Дмитриевич. А все же?

Наташа. Пятьсот баксов.

Василий Дмитриевич. В месяц?

Наташа. За ночь.

Василий Дмитриевич. Да ты что?!

Наташа. А вы как думали?

Василий Дмитриевич. Я думал, пятьдесят. Ну, от силы семьдесят.

Наташа. Я похожа на уличную?

Василий Дмитриевич. Нет... к сожалению.

Наташа *(смеется)*. Не волнуйтесь, Василий Дмитриевич. Друг ваш и за это заплатил.

Василий Дмитриевич. Правда?! Дай я тебя поцелую. *(Спохватившись)*. Послушай. Откуда ты мое отчество знаешь?

Наташа. Друг ваш сказал.

Василий Дмитриевич. Когда? Он меня всю жизнь — Вася. Я его — Гена.

Наташа. Когда вы звонить ходили. «Кому это наш любезнейший Василий Дмитриевич звонить пошел? Уж не женушке ли своей?»

Василий Дмитриевич. Женушке? Ха! *(Присматривается)*. Постой! Что-то мне лицо твое знакомо...

Наташа. Ну?!

Василий Дмитриевич. Очень, очень знакомо.

Наташа. Ну же!

Василий Дмитриевич. Прохорова!

Наташа. Наконец-то, Василий Дмитриевич!

Василий Дмитриевич. Прохорова. Вот так встреча!

Наташа. Что ж вы раньше не признали?

Василий Дмитриевич. Ты такая стала...

Наташа. Приходится, Василий Дмитриевич. Старуюсь. Иначе не заработаешь.

Василий Дмитриевич. Прохорова. Это же надо.

Наташа. А я как вас увидела... Подумала... Вы такой крутой. В казино ходите. А были тихий, тихий. Скромный, скромный... Студенточки ему глазки. А он и не замечает.

Василий Дмитриевич. Замечал, замечал.

Наташа. А вида не показывали.

Василий Дмитриевич. У меня всегда со студенточками плохо кончалось.

Наташа. Как?!

Василий Дмитриевич. Жениться приходилось. Ну, это раньше. При коммунистах. Однажды чуть из партии не вышибли. За это. С тех пор ничего и никого не замечаю.

Наташа. А я?

Василий Дмитриевич. Что?

Наташа. Мне казалось, я вам нравилась.

Василий Дмитриевич. Нравилась. Но только как актриса.

Наташа. А вы мне. И сейчас. Нравитесь. И не только как режиссер.

Василий Дмитриевич. Спасибо. Выпьем за встречу?

Наташа. Выпьем.

Выпивают.

Василий Дмитриевич. Хорошо, что мы с тобой встретились. А то я уж и не знал... Как от тебя избавиться.

Наташа. Чего?

Василий Дмитриевич. Криминал кругом, убийства. И дом могут обчистить. И самого. Ножки — в одну сторону, ручки — в другую. И... Пое-ехали!

Наташа. А я? Как я боялась. Вроде вас знаю. А вдруг вы садистом стали? Или мазохистом.

Василий Дмитриевич. Я?! Мазохист?!

Наташа (смеется). Мазохист — это не страшно.

Василий Дмитриевич. Не понимал никогда. И не понимаю.

Наташа. Потому что не мазохист.

Василий Дмитриевич. Не мазохист.

Наташа. И хорошо. Я тоже не люблю. Я люблю, когда все по-хорошему. Как у нас с вами. А чтоб бить...

Василий Дмитриевич. Зачем?!

Наташа. Они по-другому не могут. Сейчас кругом — сплошные извращенцы. «Эммануэль» смотрели?

Василий Дмитриевич. Еще бы.

Наташа. Помните, как она с жокеем? В конюшне? На глазах у мужа?

Василий Дмитриевич. Да.

Наташа. А знаете почему? Ее это вдохновляет. И мужа ее. По-другому ни он, ни она не могут. А когда она... На его глазах... Он просто звереет.

Василий Дмитриевич. Ужас.

Наташа. Правильно. Ужас. Мой бы за это мне так на-костылял.

Василий Дмитриевич. И правильно бы сделал.

Наташа. Естественно.

Василий Дмитриевич. Потому что нормальный человек.

Наташа. Естественно.

Василий Дмитриевич. И я бы на-костылял.

Наташа. И правильно бы сделали.

Василий Дмитриевич. Естественно. *(Вздыхает.)*
Только не могу на-костылять...

Пауза.

Бросила она меня.

Наташа. Как?!

Василий Дмитриевич. Меня все жены бросают. Я для них — первая ступень ракеты. Вывожу на орбиту. Ба-бах... Они полетели... А я сгораю. В плотных слоях атмосферы.

Наташа. Бедненький вы мой.

Василий Дмитриевич. Про последнюю... Честно говоря, не думал. Думал, вместе сгорим. В атмосфере. Или еще где... Когда время придет.

Наташа. И давно?

Василий Дмитриевич. Что?

Наташа. Сгорели.

Василий Дмитриевич. Полгода скоро... Когда режиссером был — все было. И деньги, и любовь. А теперь: «Не могу жить на твое пособие». Не можешь — заработай. А она ни дня не работала. Погоду, правда, объявляла однажды. И то благодаря связям моим... «Над Антарктикой — циклон, в Москве — холодно, плюс пятьдесят пять...» Это мне пятьдесят пять. Если хочешь знать.

Наташа. Я знаю.

Василий Дмитриевич. Откуда?

Наташа. Мы все про вас знали.

Василий Дмитриевич. Вот уж не думал.

Наташа. Да, Василий Дмитриевич... А где она сейчас? Ваша жена?

Василий Дмитриевич. Откуда я знаю? Развернулась... И... кильватерной колонной... Как у Блока...

Наташа. А дети?

Василий Дмитриевич. Какие дети?! Дочка... Первая... от второго брака... третий месяц... То ли с одноклассником живет, то ли с учителем. А про вторую... от первого... И вообще... Говорить не хочется... Тебе-то самой сколько?

Наташа. Я уже старенькая, скоро двадцать три.

Василий Дмитриевич. Как моим женам... Бывшим. Всем по двадцать три было.

Наташа (с намеком). Ва-асилий Дмитриевич... И мне — двадцать три.

Василий Дмитриевич. Хватит, Прохорова.

Наташа (покорно). Хватит — так хватит.

Василий Дмитриевич (переводит разговор на другую тему). Парень-то у тебя есть? Бойфренд по-вашему?

Наташа. Лучше б не было.

Василий Дмитриевич. Чего?

Наташа. Три года ждала. Пока в армии был. И вот. Дождалась. Не хочется и говорить.

Василий Дмитриевич. Ну, хоть какой он? Внешне?

Наташа. Какой? Ну, как вам объяснить. Вот... (Показывает.) Вот такой... Десантник. Девяносто кило.

Василий Дмитриевич. Как в моей овчарке.

Наташа (вздрагивает). Ой!

Василий Дмитриевич. Не бойся. Я другу ее отдал. Прокормить не могу.

Наташа. Извините. Я больших собак боюсь.

Василий Дмитриевич. Твоему сколько мяса надо?

Наташа. Пару кило в день — точно.

Василий Дмитриевич. Как моей овчарке.

Наташа. С собакой легче. У меня такса была. Скажешь ей «место» — она и лежит. А мой...

Василий Дмитриевич. Что?

Наташа. Ничего.

Василий Дмитриевич. Не хочет лежать?

Наташа. Не хочет.

Василий Дмитриевич. Да-а. Не позавидуешь.

Наташа. Василий Дмитриевич. Если б вы только знали.

Василий Дмитриевич. И знать не хочу.

Наташа. Да. Так лучше.

Пауза.

Василий Дмитриевич. Эх, Прохорова. Нехорошо все это.

Наташа. Чего уж тут хорошего.

Василий Дмитриевич. Вот ты сейчас где?

Наташа. На репетиции. Ночной.

Василий Дмитриевич. А этот твой... Девяносто кило. Наверное, ждет, волнуется. А ты...

Наташа. А что — я?

Василий Дмитриевич. А ты...

Наташа. Что?

Василий Дмитриевич. А ты — актриса...

Наташа. А знаете, Василий Дмитриевич, сколько актрисы зарабатывают?

Василий Дмитриевич. Знаю.

Наташа. Знаете, а говорите. Пробовали сами прожить на эти деньги? *(Всхлипывает.)* А то, что мой десантник наркоманом вернулся?! Вы знаете?! А то, что он пьет, травку курит?

Василий Дмитриевич. Брось. Этого я не знал.

Наташа. Все мои деньги на наркотики уходят. А травка? Знаете сейчас почему?

Василий Дмитриевич. Нет.

Наташа. А мясо?

Василий Дмитриевич. Не знаю. Жена всегда покупала.

Наташа. Самое дешевое. Которое он не ест. Сто с лишним рублей за одно кило. Представляете? А в нем их — девяносто пять.

Василий Дмитриевич. Да-а...

Наташа. А прачечная, а за квартиру?!

Василий Дмитриевич. Большая квартира?

Наташа. Маленькая. Но триста долларов отдай. А ему — хоть бы хны! Хорошо родители есть. То картошечку пришлют, то грибочки. И дочка у них. В Рязани.

Василий Дмитриевич. Дочка?

Наташа. Да. Хоть подружка вырастет. И в армию не возьмут. Как моего десантника.

Василий Дмитриевич. Постой. Какая дочка? Какая Рязань? Я твоих родителей знаю. Они в Москве, на Кутузовском проспекте живут.

Наташа. Вы давно их видели?

Василий Дмитриевич. Месяца три.

Наташа. Отец проигрался в карты. В пух и прах. Пришлось квартиру продать. И переезжать в Рязань. Всем семейством. Сейчас они свиней там разводят. И коз.

Василий Дмитриевич. Вот те на-а.

Наташа. То они мне помогают, то я — им. Если клиентов много — я им. Но чаще — они.

Василий Дмитриевич. А твой... этот... десантник?

Наташа. Все у меня отбирает. И бьет еще! *(Рыдает.)*

Василий Дмитриевич. Не надо, Прохорова. Не надо.

Наташа. Не буду.

Василий Дмитриевич. Все равно... Нехорошо.

Наташа. Знаю.

Василий Дмитриевич. Нельзя так опускаться. Молодая, красивая. Та-лант-ли-вая. И куда пошла? По какой дорожке? И куда пришла? В группу риска!

Наташа *(взрывается)*. Что?! А сами вы где? В какой группе?

Василий Дмитриевич. Не обо мне речь.

Наташа. А о ком?

Василий Дмитриевич. О тебе, глупенькая.

Наташа. Хватит! Мораль мне взялся читать. Попробовали бы сами прожить. На пенсию его армейскую. Жена, видите ли, его бросила. И правильно сделала.

Василий Дмитриевич. Не надо переходить на личности.

Наташа. Сами начали.

Василий Дмитриевич. Прекрати, Прохорова!

Наташа. Я вам — не Прохорова. Мы сейчас не во ВГИКе!

Василий Дмитриевич. Ладно. Давай закончим этот разговор. По-хорошему. *(Роется по карманам, достает деньги.)* Вот... На такси. Держи.

Наташа. Это что?

Василий Дмитриевич. Сотня.

Наташа. Баксов?!

Василий Дмитриевич. Разбежалась. Сто рублей. Тебе хватит. Отсюда на такси не больше полтинника.

Наташа. Дешево хотите отделаться.

Василий Дмитриевич. Не понимаю. Что ты хочешь? Гена тебе за все заплатил. Я даю еще сверх. Что тебе еще надо?

Наташа. Я привыкла честно зарабатывать деньги.

Василий Дмитриевич. В каком смысле?

Наташа. В прямом. Вдруг вы жалобу напишите. Мол, плохо вас обслужила. Мне это надо? Я за свое место держусь.

Василий Дмитриевич. Не так за свое место держишься, Прохорова. Не так за него надо держаться.

Наташа. Ха! Очень остроумно.

Василий Дмитриевич. Окончен бал, погасли свечи.

Наташа. Не окончен. Я люблю при свечах.

Приближается к Василию Дмитриевичу, тот отодвигается. Она снова приближается — он снова отодвигается.

Василий Дмитриевич (*испуганно*). Прохорова... Что с тобой?

Наташа. «Ты помнишь, в нашей бухте сонной спала зеленая вода?..»

Василий Дмитриевич. Помню, помню... «Когда кильватерной колонной вошли военные суда...»

Наташа (*приближается*). «Случайно на ноже карманном найди пылинку дальних стран...»

Василий Дмитриевич (*отходит*). «И мир опять предстанет странным, окутанным в цветной туман...»

Василий Дмитриевич загнан в угол.

Дальше отступать некуда.

Но!

Неожиданно раздается выстрел.

Из камина вываливается перепачканный сажей человек...

С пистолетом.

Человек отлетает в одну сторону. Пистолет — в другую.

Наташа, увидев ЕГО, в испуге прячется в ванной.

Василий Дмитриевич (*в ужасе*). Кто вы?! У меня ничего нет. Клянусь! (*Протягивает бумажник.*) Это все, что осталось.

Человек (*с изумлением смотрит на Василия Дмитриевича*). Василий Дмитриевич?

Василий Дмитриевич (*присматривается*). Преснюк?

Человек. Да. Преснюк.

Василий Дмитриевич. Вот так фокус! С третьего курса, кажется.

Преснюк. Да, Василий Дмитриевич. С пятого.

Василий Дмитриевич. Вот так встреча.

Преснюк (*осматривается*). Значит, это вы... вы здесь живете?

Василий Дмитриевич. Значит, я.

Преснюк. Извините. Кажется, я перепутал.

Василий Дмитриевич. И мне так кажется.

Пауза.

Преснюк. Извините.

Василий Дмитриевич. С удовольствием. А то я подумал....

Преснюк. И я подумал.

Василий Дмитриевич. Вы что подумали?

Преснюк. А вы?

Василий Дмитриевич. Я подумал, что вам деньги нужны.

Преснюк. Какие деньги?! За кого вы меня принимаете?

Василий Дмитриевич. Хорошо. Хоть кому-то не нужны деньги.

Преснюк. Нет. Вообще-то мне нужны. Но не сейчас.

Василий Дмитриевич. А что вам нужно сейчас? Ночью... Пришли в чужой дом. Таким необычным способом. Вернее, упали.

Преснюк. Я?.. Пришел экзамен сдавать.

Василий Дмитриевич. Ночью?

Преснюк. Днем я работаю. Деньги эти самые зарабатываю. Поэтому ночью пришел. В другое время я работаю.

Василий Дмитриевич. Люблю, когда все по-честному. Я вас и спрашивать не буду. Давайте зачетку.

Преснюк (*роется по карманам*). Я ее... забыл.

Василий Дмитриевич. Что ж вы, миленький. Идете на экзамен и забыли зачетку... А этот предмет...

(Протягивает пистолет.) Вы, кажется, не забыли? Зачем он вам? Если пришли экзамен сдавать.

Преснюк. Это? На крайний случай. Если бы... вы... не приняли... зачет...

Василий Дмитриевич. Понятно. Вы бы стали угрожать мне, да? Заставили принять. Да?

Преснюк. А что остается? Мне стипендия нужна.

Василий Дмитриевич. Но вы же работаете?

Преснюк. Да. Но стипендия не помешает. Деньги к деньгам.

Василий Дмитриевич. И какая у вас стипендия?

Преснюк. Пятьдесят рублей.

Василий Дмитриевич. И вам хватает?

Преснюк. Когда как.

Василий Дмитриевич. Вы один живете?

Преснюк. Нет. Девушка у меня.

Василий Дмитриевич. Очень интересно.

Преснюк. Но она...

Василий Дмитриевич. Что?

Преснюк. Она... как бы помягче выразиться... Она... проститутка.

Василий Дмитриевич. Что вы говорите?!

Преснюк. Клянусь. Это уже — чистая правда. (Всхлипывает.)

Василий Дмитриевич. Да-а... Не зря я вас на актерский принял.

Преснюк (не слышит). И знаете где она работает? В казино. Да. Девушкой по вызову. Как вам это нравится? Я ее выследил. Следил, следил и выследил.

Василий Дмитриевич (оглядывается на ванную). Пойдите, пойдите...

Преснюк. Говорит, у нее репетиция, а сама... Каждую ночь. Представляете?

Василий Дмитриевич. Представляю.

Преснюк. Если это репетиция, то что же тогда спектакль?!

Василий Дмитриевич. Значит, вы... Преснюк?

Преснюк. Да, это я.... Василий Дмитриевич... Преснюк.

Василий Дмитриевич. С третьего курса?

Преснюк. С пятого.

Василий Дмитриевич. А вы... Извините... Не наркоман?

Преснюк. Что?!

Василий Дмитриевич. Вы в армии не служили? Десантником?

Преснюк. Какая армия? Таких, как я, не берут. У меня нет пальца... *(Показывает.)* Самого главного. Каким курок нажимают.

Василий Дмитриевич. Извините.

Преснюк. Ничего. Я таким родился. Четырехпалым. Сначала все с ума сходили, а потом дошло. Радоваться надо. В армию не возьмут.

Василий Дмитриевич. А как же пистолет?

Преснюк. По секрету... Только вам... *(Шепчет на ухо.)* Я — левша.

Василий Дмитриевич. Ого. Значит, вы «косили»?

Преснюк. А что делать? Жить-то хочется... Когда я узнал... что она... Я чуть с ума не сошел. А когда увидел... своими глазами. Как она с клиентом пошла. В машину села. В роскошную, такую длинную...

Василий Дмитриевич. Это — Гена... Его машина.

Преснюк. Что?

Василий Дмитриевич. Это все — гены.

Преснюк. Нет. Родители у нее нормальные. Мать — актриса, отец — юрист. А она? В кого она такая? И вот что я у нее нашел... *(Достает листок, читает.)* «...Парень у меня — десантник, девяносто кило. Есть ему надо? Надо! Одного мяса...» Значит, у нее еще десантник есть.

Василий Дмитриевич. Постойте. Дайте мне листок... *(Рассматривает.)* Очень похоже на сценарий...

Преснюк. Какой еще сценарий?

Василий Дмитриевич. Сценарий фильма... *(Оглядывается на ванную.)*

Преснюк. Василий Дмитриевич. Я очень вас уважаю. Очень. Ваша работа с нами... по актерскому мастерству... Это... Это такой класс... Но скажите... Как мужчина мужчине... Если дома все есть. И родители помогают. И ее, и мои. Я еще в фирме вкальваю, по маркетингу. А она... С каким-то десантником... Выходит, ей меня мало... Выходит — она без этого не может. Выходит, она из любви к искусству? Да?!

Василий Дмитриевич. Погодите, погодите. Может, все не так страшно? Она же — актриса. Она всю жизнь играет. И в жизни, и на сцене.

Преснюк. Стерва она, а не актриса.

Василий Дмитриевич. Успокойтесь.

Преснюк. Я бы сказал... Кто она еще... Какая актриса. Есть такое слово... Которое их характеризует. Тех, что ради любви к искусству...

Наташа выходит из ванной.

Наташа. Ну?! Скажи. Скажи это слово. Говори!

Преснюк. Ты?!

Наташа. Я.

Преснюк. Как ты сюда попала?!

Наташа. Я? Через дверь. А ты?

Преснюк. Я. Кажется, через камин.

Наташа. Очень мило.

Преснюк. А почему ты в халате?!

Наташа. Потому что мылась.

Преснюк. Зачем?

Наташа. У нас нет горячей воды.

Преснюк. И что?

Наташа. Вот я и решила помыться.

Преснюк. Здесь?

Наташа. А что тут особенного?

Преснюк. Ночью?

Наташа. Освежиться никогда не поздно.

Преснюк (*грозно*). Почему ты в халате?!

Наташа. А почему ты с пистолетом?!

Преснюк. Я первый спросил.

Наташа. Хорошо, отвечу. Из-за любви к искусству. Чистому. Вот я и решила помыться.

Преснюк *(еще более грозно)*. Перестань паясничать.

Наташа. Я — проститутка. Ты же сам сказал.

Василий Дмитриевич. Постойте, постойте. Я все объясню. Я был в казино. С другом. Ну, выпили. Он решил меня разыграть. Подарить вот ее. То есть... не ее, конечно, а персонаж... по вызову, который... А она... Видимо, готовилась к роли...

Преснюк. Эх, Василий Дмитриевич.

Василий Дмитриевич. Вы не дослушали.

Преснюк. Хватит мне лапшу на уши вешать!

Наташа. Правильно, Петенька. Он такой режиссер... Как я — космонавт... Он иначе не может. Как на крыше дома... своего. *(Поет.)* На кры-ы-ше до-о-ма сво-его.

Преснюк. Это как?

Наташа. Я сама не знала как. Он мне объяснил. Сначала надо залезть на крышу. На телевизионную антенну...

Преснюк. Зачем?

Наташа. Чтобы все видели. Миллионы телезрителей. И в городе, и в деревне. По всем каналам.

Преснюк. Каким еще каналам?

Наташа. Телевизионным.

Преснюк. А почему нельзя так, без телевизора?

Наташа. Можно. Но эти мазохисты без телевизора не могут. Не получается у них. Если никто не видит. А когда на глазах у миллионов телезрителей...

Василий Дмитриевич. Да не слушайте вы ее. Она же — актриса. АКТРИСА. Она играет. Неужели не понимаете?

Наташа. Играю? А кто меня в ванную затащил? Кто напоил? А этот халат? А пена... Из кокоса...

Преснюк. Из ко-ко-са?! Ты иди, Наташенька, иди. Я сейчас... Поговорю с этим... профессором.... Я быстро...

Василий Дмитриевич. Не верьте ей.

Преснюк (*сжимает пистолет*). Значит... Пена? Из ко-косс-са?!

Василий Дмитриевич. Да нет у меня никакой пены. И кокоса нет. Там только мыло. Одно. Детское.

Преснюк. А я вам верил. Ваши лекции... По актерскому мастерству. (*Поднимает левой рукой пистолет.*)

Наташа. Постой.

Преснюк. Что еще?!

Наташа. Эх, Петюнчик. Так ты обо мне думаешь?

Преснюк. А что?

Наташа. Как ты меня назвал?

Преснюк. Стерва.

Наташа. А еще как?

Преснюк. Больше никак. Я только хотел назвать. По-другому. Но не назвал.

Наташа. Петя-Петюнчик... Поверил?

Преснюк. А что?

Наташа. Роль мне дали. А ты...

Преснюк. Какую еще роль?

Наташа. Главную... Он — бывший десантник. Она, чтоб его прокормить, становится «девочкой по вызову»... Знакомится с человеком...

Василий Дмитриевич. Со мной?

Наташа. Вроде... И закручивается история...

Преснюк. Значит... это роль?

Наташа. Ага. Вживалась.

Преснюк. А казино?

Наташа. Там я кучкуюсь. Разговоры слушаю, истории. Изучаю жизнь.

Преснюк. Ну ты...

Наташа. Кто?

Преснюк. АКТРИСА. С большой буквы.

Наташа. А ты... Есть такое слово... Хочется сказать. Но при Василии Дмитриевиче стесняюсь.

Василий Дмитриевич. Ничего, можно. Я разрешаю.

Наташа. Сказать?

Преснюк. Ну, скажи!

Наташа. И скажу.

Преснюк. Скажи, скажи!

Наташа. А ведь скажу.

Преснюк *(всхлипывает)*. Я чуть с ума не сошел...

А она... Я от ревности весь...

Наташа. Вижу. Весь черный.

Преснюк. Это не от ревности. Это от сажи.

Наташа. Пойдем, дурачок. Я тебя умою.

Преснюк. Ты меня уже... Умыла.

Наташа. Пойдем, пойдем... *(Уводит его в ванную.)*

Василий Дмитриевич. Фу-у... Ну, и денек.

Неожиданно в гостиную входит какая-то женщина. Это — Ольга, последняя жена Василия Дмитриевича. Ей лет тридцать пять.

Василий Дмитриевич *(в недоумении)*. Ольга?!

Ольга. Картина Репина... «Не ждали».

Василий Дмитриевич. Что правда, то правда.

Ольга. Как живешь? Режиссер.

Василий Дмитриевич. Хорошо живу. Коньячок попиваю... «Наполеон».

Ольга. Ты же водочку любил?

Василий Дмитриевич. Разлюбил. Слишком она... дешевая.

Ольга. На свою зарплату пьешь? Или как?

Василий Дмитриевич. На свою. Прибавили мне... сто двадцать рублей. Теперь целых семь сотен получаю. На них и гуляю. А как живешь ты?

Ольга. Тоже неплохо. В Париж съездила. Летом на Сейшелах была.

Василий Дмитриевич. Гену там не встречала?

Ольга. Какого Гену? Крокодила?

Василий Дмитриевич. В некотором роде.

Ольга. Нет, не встречала.

Василий Дмитриевич. А где ты сейчас?

Ольга. Из Лондона прилетела. Бизнес там у меня.

Василий Дмитриевич. Какой? Если не секрет?

Ольга. Игрный.

Василий Дмитриевич. Казино?

Ольга. Да, что-то вроде.

Василий Дмитриевич. А приехала почему?

Ольга. Хочу здесь бизнес открыть.

Василий Дмитриевич. Тоже игрный?

Ольга. Ага.

Василий Дмитриевич. Игрный бизнес — самый лучший. Думать не надо. Одни дураки ставят фишки, другие на них зарабатывают. Вот и вся работа.

Ольга. Точно. Ты сам не пробовал?

Василий Дмитриевич. Пробовал. Не понравилось. Надоело выигрывать. И так деньги девать некуда.

Ольга. Может, одолжишь?

Василий Дмитриевич. С удовольствием. Только они у меня в швейцарском банке. Приходите завтра.

Ольга. Ну, что ж... Приду. Рада была повидаться... Вот — ключи... *(протягивает)*. Возьми. Может, кому понадобятся. Жене твоей новой. Или любовнице... С кем ты сейчас?

Василий Дмитриевич. Как всегда.

Ольга. Ты молоденьких любил... Двадцать три, кажется?

Василий Дмитриевич. Вот именно, мой любимый возраст. Помнишь?

Ольга. Еще бы. Мне самой было двадцать три... Дура дурой. Ну?.. Я пошла?

Василий Дмитриевич. Может, на дорожку?

Ольга. Водка? А где коньяк?

Василий Дмитриевич. Не хочется ящик открывать.

Ольга. Как знаешь.

Выпивают.

Из ванны выходит Наташа, замечает Ольгу.

Наташа. Ой! Извините.

Ольга. Наташа?!

Наташа. Ольга Тимофеевна?!

Ольга. Ты?!

Наташа. Я...

Василий Дмитриевич (Ольге). Ты знаешь ее?

Ольга. Кто же ее не знает. Поздравляю.

Наташа. Я... экзамен пришла сдавать. По актерскому мастерству.

Ольга. А-аа... экзамен... По мастерству? А зачем? Вам же мастерства не занимать. Эх, ты... Старый дурак!

Наташа. Нет. Он — не старый. В смысле — не дурак... И вы... Очень даже не дура.

Ольга. Спасибо. (Василию Дмитриевичу.) Ты хоть знаешь, кто она?

Василий Дмитриевич. Знаю. Моя студентка.

Ольга. Студентка? Ха! Она в казино работает. По вызовам.

Василий Дмитриевич. Ты откуда знаешь?

Ольга. Потому что я тоже... там работаю.

Василий Дмитриевич. По вызовам?

Ольга. Нет, к сожалению. Возраст не тот.

Василий Дмитриевич. Может, поварихой? Ты всегда любила готовить.

Ольга. Точно. Поварихой.

Василий Дмитриевич. А как же Лондон?

Ольга. Так же, как французский коньяк.

Из ванной выходит Преснюк. Он все слышал.

Преснюк. Теперь понятно. Вы все в сговоре.

Наташа. Ничего тебе не понятно!

Преснюк. Ты мне врала. Врала. Роль у нее. Теперь я знаю, какая роль.

Наташа. Как был дурак, дураком и остался.

Преснюк. Пусть я дурак. Но не потерплю... (Сжимает пистолет.)

Наташа. Ха-ха! Стреляй! Из своей зажигалки. Напугал. (Достает сигареты.) Только сначала... Дай, пожалуйста, огонька.

Преснюк. Я тебе дам огонька.

Наташа. Ой, как страшно.

Преснюк. Прекрати! *(Направляет на нее пистолет.)*

Наташа *(играет)*. Я — вещь. Вещь! Наконец-то нашлось для меня слово. Я — вещь, вещь!!!

Преснюк. Перестань паясничать. Я сейчас...

Василий Дмитриевич. Хватит. Прекратите.

Наташа. Я вещь, вещь!

Преснюк. Убью!!!

Наташа. Что же ты не стреляешь?! Стреляй!

Василий Дмитриевич бросается к Преснюку, бьет его по руке...

РАЗДАЕТСЯ ВЫСТРЕЛ!!!!!!!!!!!!

Наташа падает.

Василий Дмитриевич. Что вы наделали?!

Ольга. Какой ужас!!!

Преснюк. Не понимаю. Там холостые. Это игрушка, зажигалка...

Ольга. Ничего себе игрушка. Ничего себе холостые... *(Склоняется над Наташей.)*

Василий Дмитриевич. Вы убили ее.

Ольга. У меня все пальцы в крови.

Василий Дмитриевич *(приглядывается)*. Похоже, она из великосветской семьи. Голубая кровь.

Преснюк. Странно. Я знаю ее родителей... Мама — актриса, отец — юрист...

Наташа *(встает)*. Ну, вот... Моя тушь... Любимая... Раздавил, негодяй.

Преснюк. Ты жива, жива!!!

Наташа. Кажется.

Преснюк. Слава богу!

Василий Дмитриевич. Ох, уж эти актрисы.

Наташа. Пойдем отсюда, стрелок. Пока кого-нибудь не утробил.

Преснюк. Пойдем.

Наташа. Извините, Василий Дмитриевич. Не получилась из меня... Проститутка.

Преснюк. Получится, получится. Если долго мучиться...

Уходят.

Пауза.

Василий Дмитриевич. Значит, в казино? Повариха? Или тоже роль? Ты ведь мечтала стать актрисой.

Ольга. И стала бы. Наверняка. Если бы вечно у плиты не стояла.

Василий Дмитриевич. А разве плохо? Стоять у плиты? Ты — у плиты, я за книгами? Или за машинкой. Или на съемках. А? Разве плохо нам было?

Ольга молчит.

Василий Дмитриевич. Вечером — по рюмочке. Разговоры о том о сем... Под телевизор, под огурчики, помидорчики... Потом...

Ольга. Потом — суп с котом.

Василий Дмитриевич. Почему потом? Может, сейчас... А?... Суп с котом?

Ольга. Идти к плите?

Василий Дмитриевич. Не надо к плите... Можно и к дивану...

Обнимает Ольгу.

Телефонный звонок.

Ольга (*вынимает из сумочки мобильный, говорит в трубку*). Да? Сколько? Нет, по тридцать не буду. В евро перефасуйте. Остаток бросьте... Вы знаете кому...

Василий Дмитриевич. Что это все значит?

Ольга. Что?

Василий Дмитриевич. Ну, это все.

Ольга. Какая разница?

Василий Дмитриевич. Нет, скажи.

Снова звонок.

Ольга (*в трубку*). Да?

Василий Дмитриевич. Кто тебе все время звонит?!

Ольга. Тише! *(В трубку.)* Я слушаю...

Василий Дмитриевич. Не хочу «тише». Оля!

Ольга *(в трубку)*. Нет, слишком дорого...

Василий Дмитриевич *(кричит)*. Оля!!!

Ольга *(шепотом)*. Потом, потом.

Василий Дмитриевич. Нет. Сначала. А потом — суп с котом!!!

Отбирает трубку. Выкидывает мобильный в окно.

С улицы раздается крик.

Василий Дмитриевич *(подбегает к окну)*. Я кого-то убил. Кто там?

Ольга. Наверно, охранник.

Василий Дмитриевич. У тебя охранник?!

Ольга. Да, милый.

Василий Дмитриевич. У поварихи?

Ольга. Ты меня всегда недооценивал. Я — хозяйка...

Василий Дмитриевич. Какая еще хозяйка?

Ольга. Этого самого... казино.

Василий Дмитриевич *(опускается на диван)*. Вот это да-а!

Ольга. Водички?

Василий Дмитриевич. Нет. Денег. Де-нег!

Ольга. Зачем тебе, милый?

Василий Дмитриевич. Были бы у меня деньги...

Ольга. То что?

Василий Дмитриевич. Я бы такое кино снял...

Всем этим «девочкам по вызову» и не снилось!

Ольга. Да ну?!

Василий Дмитриевич. Клянусь. Ты в меня веришь?

Ольга. Как в режиссера?

Василий Дмитриевич. Представляешь... Она — «девочка по вызовам». Он — режиссер... Или писатель...

Ольга. Вроде тебя?

Василий Дмитриевич. Вроде... У нее — парень... девяносто кило... Десантник... А у меня... то есть у него... жена...

Ольга. Я?

Василий Дмитриевич. Не совсем...

Ольга *(вздыхает)*. Очень интересно.

Василий Дмитриевич. Правда?

Ольга. Да. Придется дать.

Василий Дмитриевич. Оленька!

Ольга. Что, Оленька?

Василий Дмитриевич. Я в тебя всегда верил.

Ольга. А я — нет, не всегда.

Василий Дмитриевич. Но сейчас ты веришь?

Ольга. Сейчас? Не знаю.

Василий Дмитриевич. Но ты дашь денег?

Ольга. Наверно, дам. Ничего не поделаешь... Искусство требует жертв.

Конец 1-го действия.

2

Съемочная площадка.

Юпитеры, камеры, тележки, микрофоны...

Интерьер загородного дома.

За окнами синева позднего летнего вечера...

Голос за сценой. Внимание. Начали!.. «Четверо с одним пистолетом!» Эпизод первый, дубль — раз! Дмитрий Васильевич... Наташа! Пошли, пошли. Быстрее. Камера!!!

Появляется хозяин дома Дмитрий Васильевич и его молоденькая спутница Наташа.

Дмитрий Васильевич *(он несколько навеселе)*. Заходи. Располагайся.

Наташа *(осматривается)*. Не слабо.

Дмитрий Васильевич. Пить будешь? У меня есть практически все.

Наташа. Можно.

Дмитрий Васильевич. Тебе чего?

Наташа. Мартини с лимоном.

Дмитрий Васильевич. Покажи губу!

Наташа (*показывает*). У-ууууу!

Дмитрий Васильевич. Губа не дура.

Наташа (*смеется*). Нормально.

Дмитрий Васильевич (*наливает*). Ты, вообще, кто? Не сейчас, конечно.

Наташа. А когда? Днем?

Дмитрий Васильевич. Вот именно. Днем.

Наташа. Звать меня Наташа. Остальное неважно.

Дмитрий Васильевич. Как хочешь. Наташа — так Наташа. (*Протягивает ей бокал*.) Выпьем? Наташа.

Наташа. Давайте.

Чокаются, выпивают.

Дмитрий Васильевич. Можешь со мной на «ты».

Наташа. Хорошо.

Дмитрий Васильевич. Еще налить?

Наташа. Ну, налейте.

Дмитрий Васильевич. Опять? «Налей-те»?

Наташа. Ну — налей!

Дмитрий Васильевич. Ну, налью.

Наливает, выпивают.

Пауза.

Наташа (*неожиданно*). Давай еще.

Дмитрий Васильевич. Может, хватит?

Наташа. Один глоточек.

Дмитрий Васильевич. Послушай. Ты что, пить сюда пришла?

Наташа. Как хочешь. Не хочешь, чтоб пила, — не надо. Хочешь на «ты» — пожалуйста.

Дмитрий Васильевич. Ты всегда много пьешь?

Наташа. Нет... Когда волнуясь. Первый раз все-таки.
Дмитрий Васильевич. Ка-ак?!

Наташа. Нет. Конечно, не первый... За деньги первый.

Дмитрий Васильевич. Правда? И я.

Наташа. И вы?

Дмитрий Васильевич. За это уж точно надо выпить.

Наташа (смеется). Еще бы!

Наливает, выпивают.

Дмитрий Васильевич. Фу-у! Как гора с плеч. А то... Знаешь? Криминал кругом, убийства.

Наташа. Как не знать!

Дмитрий Васильевич. И дом обчистят. И самого. Ножки — в одну сторону, ручки — в другую. И... пое-ехали!

Наташа. Ая? Как боялась! С виду приличный. А там... Кто вас знает. Вдруг вы садист. Или мазохист.

Дмитрий Васильевич. Дура. Мазохист — это когда наоборот. Это когда не я тебя, а ты меня бьешь или еще что... А я ору от счастья. Будто слаще ничего не видел.

Наташа. Что в этом хорошего?

Дмитрий Васильевич. Откуда я знаю? Я же не мазохист.

Наташа. Я люблю, когда все по-хорошему. Даже у нас с вами. А чтоб бить...

Дмитрий Васильевич. Они по-другому не могут. Поняла?

Наташа. Поняла. Не маленькая.

Дмитрий Васильевич. Ты не обижайся.

Наташа. Еще чего!

Дмитрий Васильевич. Я просто объясняю.

Наташа. Знаю.

Дмитрий Васильевич. Знаешь, а говоришь. Сейчас кругом — сплошные извращенцы. Им необыкновенное подавай. На крыше поезда. Или на крыле самолета. «Эммануэль» видела?

Наташа. А то!

Дмитрий Васильевич. Помнишь, как она с жоке-
ем? В конюшне?

Наташа. На глазах у мужика своего?

Дмитрий Васильевич. Вот-вот. А знаешь поче-
му? Ее это вдохновляет. И мужика ее — тоже. По-другому
он не может. А когда он видит, как она... на его глазах... Он
просто звереет.

Наташа. Мой бы мне так накостылял!

Дмитрий Васильевич. И правильно бы сделал.

Наташа. Естественно.

Дмитрий Васильевич. Потому что нормальный
человек.

Наташа. Естественно.

Дмитрий Васильевич. И я бы накостылял.

Наташа. И правильно бы сделали.

Дмитрий Васильевич. Естественно. *(Вздыхает.)*
Только не могу... накостылять...

Пауза.

Бросила она меня.

Наташа. Ка-ак?!

Дмитрий Васильевич. Ничего. Я привык.

Наташа. И давно?

Дмитрий Васильевич. Кто ее знает. Может, неде-
лю, а может, месяц. Сначала я и не заметил. Ну, нет —
и нет. Может, к подружке пошла. Или к родителям укатила.
А потом... Нахожу записку... «Мне все надоело... больше не
могу...» И так далее... На двадцати страницах. Там в конце
еще приписка была. «Три дня сроку даю. И номер телефо-
на». *(Смеется.)* С тех пор и живу один. «Одын, одын... Со-
всем одын!»

Наташа. А дети?

Дмитрий Васильевич. Какие дети?! Был сын...
Уехал. На негритьянке женился. С острова Мадагаскар. Слы-
хала о таком?

Наташа. В школе проходили.

Дмитрий Васильевич. А он не прошел. Женился.

Наташа. Здорово! Она — черненькая, он — беленький. Дети будут...

Дмитрий Васильевич. В полосочку. Как у зебры.

Наташа. А вы веселый.

Дмитрий Васильевич. Раньше был.

Пауза.

Сама откуда? Не из Москвы?

Наташа. Как догадались?

Дмитрий Васильевич. Улыбчивая. И за других переживаешь.

Наташа. Из Кирпиченска я. Слыхали? Город такой в Сибири.

Дмитрий Васильевич. Кто ж Кирпиченск не знает?! Кирпичи там делают. Да?

Наташа. А то? И не только кирпичи. Меня там сделали.

Дмитрий Васильевич. И давно?

Наташа. Я уже старенькая, скоро двадцать три.

Дмитрий Васильевич (*мечтательно*). Хороший возраст. Все впереди. Мужья, любовники...

Наташа (*обиженно*). У меня любовников нет.

Дмитрий Васильевич (*с иронией*). Понимаю.

Наташа. Не верите?

Дмитрий Васильевич. Почему же...

Наташа. Думаете, если я с вами... Так и вообще...

Дмитрий Васильевич. Ничего я не думаю.

Наташа. Думаете, думаете. По глазам вижу.

Дмитрий Васильевич. Не думаю — сказал.

Наташа. Дайте честное слово.

Дмитрий Васильевич. Честное слово.

Наташа. Ну, тогда хорошо.

Дмитрий Васильевич. С ума можно сойти.

Наташа. Что?

Дмитрий Васильевич. Я говорю — с ума можно сойти.

Наташа. Почему?

Дмитрий Васильевич. Жизнь такая. Сумасшедшая. Понимаешь?

Наташа. Понимаю.

Дмитрий Васильевич. Ни черта ты не понимаешь. Что ты про жизнь знаешь?

Наташа. А то? Я все про жизнь знаю. Из Кирпиченска я.

Дмитрий Васильевич. Она из Кирпиченска. Она все про жизнь знает... А я из Мухосрамска. Думаешь, Кирпиченск твой... И есть жизнь?!

Наташа. А то?

Дмитрий Васильевич. Прекрати это дурацкое «а то»!

Наташа. Напрасно вы сердитесь.

Дмитрий Васильевич. Она все про жизнь знает. Это же надо!

Наташа. Еще я книжки читаю.

Дмитрий Васильевич. Врут все твои книжки. Я столько их прочитал, тебе и не снилось. Все — вранье. Сплошное. «Три товарища», «Два капитана», «Четверо в одной лодке». Чушь!

Наташа. Неправда. А вот вы читали «Тайны роковой любви»?

Дмитрий Васильевич. Что, что?

Наташа. «Тайны роковой любви»... Не читали? А я вся обревелась. Там один маркиз... Очень красивый. Тоже старенький... Женатый, как вы... Влюбляется в служанку...

Дмитрий Васильевич. И что?

Наташа. А у нее — жених, конюх.

Дмитрий Васильевич. Прекрасно! А у конюха — лошадь.

Наташа. Да... И еще жена.

Дмитрий Васильевич. У конюха?

Наташа. Нет. У маркиза. И она узнает.

Дмитрий Васильевич. Про что? Про лошадь?

Наташа. Нет. Про служанку.

Дмитрий Васильевич. И тогда они убегают из дома. Но лошадь ломает ногу. И конюх женится на маркизе.

Наташа (поражена). Откуда вы знаете?! А говорили, что не читали.

Дмитрий Васильевич. Такие книжки я могу писать. Знаешь где? В сральнике! Только времени жалко.

Наташа. Да ладно вам!

Дмитрий Васильевич (бросается к полкам, скидывает оттуда одну за другой книжки). Вот! «Работа актера над ролью...» «Станиславский, Мейерхольд и другие»... «Мои встречи с Михалковым»... Автор этих книг... Знаешь кто?

Наташа. Кто?

Дмитрий Васильевич. Дмитрий Дмитриенко.

Наташа. Это кто?

Дмитрий Васильевич. Это — я!

Наташа. Не может быть.

Дмитрий Васильевич. Может.

Наташа. Вы та-акой умный. Столько книг написали. Денег у вас, наверно... Куры не клюют.

Дмитрий Васильевич (хохочет). Куры не клюют... Цыплята... Цып-цып-цып!

Наташа. Что вы смеетесь? У вас такой дом. Такая люстра... И... Диван... Мягкий-мягкий.

Дмитрий Васильевич. Блеф! Все — блеф. Остатки былой роскоши. Когда я человеком был. Когда книжки писал, а их покупали. И читали еще. А теперь... А теперь меня хотят убить.

Наташа. Да вы что?!

Дмитрий Васильевич. Клянусь.

Наташа. За что вас убивать? Вы такой умный. Та-акой... Завидуют, наверно?

Дмитрий Васильевич. Мне теперь не позавидуешь.

Наташа. Но за что?

Дмитрий Васильевич. За долги.

Наташа. У вас? Долги?!

Дмитрий Васильевич. Да. Вчера записку прислали (*Достает.*) Прочитать?

Наташа. Конечно.

Дмитрий Васильевич. Хорошо. (*Читает.*) «...Если ты... такой-то сякой...» Извини, тут ненормативная лексика... пропускаю... «в течение трех суток не отдашь...» Ну, это коммерческая тайна... пропускаю... «то мы тебя...» Опять ненормативная лексика... Пропускаю... Дальше опять... пропускаю... Вот... Это можно... «То мы тебя... такого-то сякого... через три дня...» И дальше, до конца, все пропускаю.

Наташа. Могли бы и прочесть. Я — из Кирпиченска. Когда кирпичи обжигают, знаете? Чтоб крепче были... И не такое услышишь...

Дмитрий Васильевич. Догадываюсь. Но не привык... (*Раскланивается.*) При дамах.

Наташа. Ка-акой!

Дмитрий Васильевич. Простите, сударыня.

Наташа (*церемонно*). Прощаю.

Пауза.

Наташа. И много задолжали?

Дмитрий Васильевич. Коммерческая тайна.

Наташа. Ну, скажите.

Дмитрий Васильевич. Десять тысяч.

Наташа. Всего-то? Были б у меня...

Дмитрий Васильевич. Ха!

Наташа. Правда. Вас же могут убить.

Дмитрий Васильевич. Поэтому я в казино и пошел.

Наташа. Проиграли?

Дмитрий Васильевич. А то?

Наташа (*смеется*). Теперь вы — «а то...».

Дмитрий Васильевич. Извини.

Наташа. И много?

Дмитрий Васильевич. Всю зарплату!

Наташа (*в ужасе*). Всю?!

Дмитрий Васильевич. Целых... Тысячу семьсот рублей.

Наташа. Всего-то?

Дмитрий Васильевич. Так меня государство ценит.

Наташа. Все равно жаль... Хоть и небольшие, а деньги.

Дмитрий Васильевич. Притом последние.

Наташа. У нас и выигрывают. И сорок тысяч, и пятьдесят. Правда, на следующий день приходят — и все спускают.

Дмитрий Васильевич. Я бы не пришел.

Наташа. И правильно. Выиграли немножко и хватит. Главное — вовремя остановиться.

Дмитрий Васильевич. И я так думаю.

Пауза.

Наташа (*грустно*). И как вас угораздило?

Дмитрий Васильевич. А тебя?

Наташа. Я первая спросила.

Дмитрий Васильевич. Дружок мой, Гена. Подсолнечное масло, говорит, на Украине почти бесплатно. А здесь... Мы такое наварим! Только деньги нужны, первоначальный капитал. Тысяч десять... Где бы одолжить? Ну я, дурак старый, уши развесил. И одолжил. У типа одного... Под двадцать процентов... А что мне? Без пяти минут миллионер... А теперь — ни Гены, ни масла... Ни хре... Теперь из меня масло жмут.

Наташа. Господи!

Дмитрий Васильевич. Не будем о грустном.

Наташа. Ничего себе — «не будем». А если придут?

Дмитрий Васильевич. Не придут. Я калитку запер. И окна занавешены. Нет меня дома. Поняла? Нет!

Наташа. А если не поверят?

Дмитрий Васильевич. Ну, тогда... Тогда, значит, не повезло.

Наташа. С ними шутки плохи. У нас, в Кирпиченске... Знаете? Одного, как вы... Должника... Прямо вместе с глиной... В кирпичи...

Дмитрий Васильевич. Спасибо, дорогая.

Наташа. Я не хотела.

Дмитрий Васильевич (*идет к бару*). Пил, пил... И трезвый совсем.

Наташа (*радостно*). Можно я налью?

Дмитрий Васильевич. Можно.

Наташа. Авам чего? (*Шутит*.) У меня есть практически все.

Дмитрий Васильевич. Ну, тогда... Тогда... (*Тоже шутит*.) Мартини с лимоном.

Наташа. Покажите губу.

Дмитрий Васильевич. У-ууу!

Наташа. Губа не дура (*наливает*).

Дмитрий Васильевич. В Кирпиченске все такие?

Наташа. Какие?

Дмитрий Васильевич. Такие. Здесь таких не осталось. Каждая смотрит, как бы с тебя три шкуры содрать.

Выпивают.

Парень хоть у тебя есть? Бойфренд, по-нашему.

Наташа. Лучше б не было.

Дмитрий Васильевич. Чего?

Наташа. Три года ждала. И... дождалась.

Дмитрий Васильевич. Что так?

Наташа. Не будем о грустном.

Пауза.

Дмитрий Васильевич. Какой хоть он у тебя?

Наташа. Вот такой... (*показывает*). Девяносто кило.

Дмитрий Васильевич. Как в моей овчарке.

Наташа (*вздрагивает*). Ой!

Дмитрий Васильевич. Не бойся. Я ее другу отдал. Прокормить не могу.

Наташа. Извините. Я больших собак боюсь.

Дмитрий Васильевич. Твоему сколько мяса надо?

Наташа. Пару кило в день — точно.

Дмитрий Васильевич. Как моей собаке.

Наташа. С собакой легче. У меня такса была. Скажешь ей — «место», лежит. А мой... То дом кому-то строит, то машину чинит. И все бесплатно.

Дмитрий Васильевич. Добрый.

Наташа. Слишком.

Дмитрий Васильевич. Сейчас это плохо.

Наташа. А мясо? Знаете почему?

Дмитрий Васильевич. Нет. Жена всегда покупала.

Наташа. Самое дешевое. Которое он не ест. Больше ста рублей за одно кило. Представляете? А в нем их — целых девяносто пять.

Дмитрий Васильевич. Представляю.

Наташа. А прачечная, а за квартиру?! А ему — хоть бы что. Хорошо родители есть. В Рязани. То картошечку пришлют, то грибочки. И дочка у них.

Дмитрий Васильевич. Дочка?

Наташа. Да. Хоть подружка вырастет. И в армию не возьмут. Как моего десантника.

Дмитрий Васильевич. В Израиле берут.

Наташа. Знаю. Поэтому их не любят.

Дмитрий Васильевич. Люди как люди. Всякие есть. Хорошие, плохие. Такие, как ты, — тоже. Одна там ко мне прицепилась. На набережной, в Тель-Авиве. Пойдем да пойдем. По-ихнему лепечет... И в кусты тянет.

Наташа. А вы?

Дмитрий Васильевич. Испугался. Кусты там колючие. (Смеется.)

Наташа. А я бы хоть куда уехала. Даже в Израиль. Только не на что.

Дмитрий Васильевич. Были бы деньги, я б тебе одолжил.

Наташа. Я бы вам тоже...

Пауза.

Дмитрий Васильевич. Мне тебя жаль.

Наташа. И мне вас тоже.

Дмитрий Васильевич. И как тебя угораздило?

Наташа. А вас?

Дмитрий Васильевич. Я — мужчина, выкручусь.

Наташа. И я... как-нибудь...

Дмитрий Васильевич. А твой сейчас где?

Наташа. Дома. Где же ему быть.

Дмитрий Васильевич. А ты сейчас где?..

Наташа. У подруги.

Дмитрий Васильевич. А если позвонит?

Наташа. Не позвонит. Он телефона не знает.

Дмитрий Васильевич. А если прикатит?

Наташа. Не прикатит. Он мне верит.

Дмитрий Васильевич. Ну, просто как в кино.

Наташа *(вздыхает)*. Он думает, я у Верки. А я тут, с вами.

Дмитрий Васильевич. Нехорошо.

Наташа. Чего уж тут хорошего. *(Смеется.)*

Дмитрий Васильевич. А ты веселая.

Наташа. И вы.

Дмитрий Васильевич. Раньше был веселый, при коммунистах. А с этим подсолнечным маслом... Одни цифры в голове.

Наташа. И у меня — одни цифры.

Дмитрий Васильевич. Раньше по улице идешь — все видишь. И ручки, и ножки. А теперь? Ну — ручки, ну ножки. И плюнешь. Хоть сама Клавдия Шиффер перед тобой. «Димочка, любимый. Всего один поцелуй».

Наташа *(шутит)*. Димочка, любимый. Всего один поцелуй.

Дмитрий Васильевич. Как же, как же.

Наташа. Все вы на себя наговариваете. Разжалобить меня хотите. Не можете просто так. Как все. Вам душу изволь подать. Одного этого мало.

Дмитрий Васильевич. Клянусь. Все чистая правда.

Наташа. Если так, то меня бы здесь не было. Если вы такой...

Дмитрий Васильевич. От одиночества, клянусь. Проигрыш этот, и масло... Как представил. «Одын, опять одын»... Такая тоска... А тут ты... Молодая, красивая.

Наташа. Да ладно вам прикидываться.

Дмитрий Васильевич (взрывается). Знаешь?! Если не веришь...

Наташа. То что?

Дмитрий Васильевич. Уходи!

Наташа. Как?

Дмитрий Васильевич. Нормально. Ножками. Парень у тебя есть. Десантник. Девяносто кило. А ты...

Наташа. Что я?

Дмитрий Васильевич. В группе риска.

Наташа. А вы сами? В какой группе?

Дмитрий Васильевич. Не обо мне речь.

Наташа. А о ком?

Дмитрий Васильевич. О тебе, глупенькая.

Наташа. Хватит. Мораль мне взялся читать.

Дмитрий Васильевич. Вот мы и перешли на «ты»!

Наташа. Попробовали бы сами прожить. На пенсию его армейскую. «У меня есть практически все... Мартини с лимоном!» А хрен в ступе у тебя есть?

Дмитрий Васильевич (смеется). О как!

Наташа. Жена от него ушла. «Одын, опять одын...» И правильно сделала, что ушла. От такого...

Дмитрий Васильевич. Это слишком. Не надо переходить на личности.

Наташа. Сами начали.

Дмитрий Васильевич. Давай закончим по-хорошему. Вот... (отсчитывает деньги). Пятьдесят долларов. Как договаривались. Держи.

Наташа. Что-что? Я что вам, уличная?

Дмитрий Васильевич. На еще сто, на такси.

Наташа. Баксов?

Дмитрий Васильевич. Разбежалась. Рублей. Отсюда на такси не больше полтинника.

Наташа. Дешево хотите отделаться.

Дмитрий Васильевич. Не понимаю. Чего ты хочешь? Я плачу. Даю сверх. Что тебе еще надо?

Наташа. Я привыкла честно зарабатывать деньги.

Дмитрий Васильевич. Ах, так?!

Наташа. Да, так.

Дмитрий Васильевич. Хорошо. Там — ванная, халат, полотенце.

Наташа. А вы?

Дмитрий Васильевич. Я утром мылся.

Наташа. А я — нет. Горячей воды не было.

Дмитрий Васильевич. Вот и чудненько. Заодно и помоешься.

Наташа. Как прикажете. *(Уходит.)*

Дмитрий Васильевич. Фу-у!

Наташа *(выглядывает из ванной)*. Эй! А пена у вас есть?

Дмитрий Васильевич. Какая еще пена?

Наташа. Кокосовая. Я с кокосом люблю.

Дмитрий Васильевич. А с шампанским? Не любишь?

Наташа. Люблю.

Дмитрий Васильевич *(достает из бара бутылку шампанского)*. Держи.

Наташа. Одной бутылочкой не отделаетесь. Здесь ванна большая.

Дмитрий Васильевич. А ты стоя поливай.

Наташа. У меня не получится. Лучше вы. Я буду стоять, а вы поливайте...

Дмитрий Васильевич замахивается бутылкой, Наташа исчезает в ванной.

Дмитрий Васильевич. Ну и «субчик». Как бы от нее избавиться? *(Стучит в дверь ванной.)* Эй!

Голос Наташи. Еще рано, я позову!

Дмитрий Васильевич (*кричит*). Я спать хочу!
Голос. Что?

Дмитрий Васильевич (*кричит*). Мне рано вставать!

Голос. Пожевать?

Дмитрий Васильевич. Ну и черт с ней! Украсть у меня нечего... Пусть себе моется.

Кладет на столик деньги, пишет записку:

«Сударыня. Наша встреча была ошибкой... Простите за все... что не было и было... Дверь можешь захлопнуть... Орриведерчи... Рома... То есть Наташа...»

Наташа выходит из ванной. В халате. С интересом наблюдает за этой сценкой.

Наташа. Это нечестно. Я уже помытая.

Дмитрий Васильевич. Понимаешь, милая. Пошутили — и хватит. Окончен бал, погасли свечи.

Наташа. Понимаю. А у нас воду горячую отключили. Как сказали про ванную, я чуть с ума не сошла... Чутьку обсохну... Ладно?

Дмитрий Васильевич. Выпьешь на дорожку?

Наташа (*с готовностью*). Выпью.

Дмитрий Васильевич. Мартини с лимоном?

Наташа. Как догадались?

Дмитрий Васильевич разливает в бокалы мартини.

Неожиданно раздается выстрел.

Из камина вываливается перепачканный сажей Человек с пистолетом. Человек отлетает в одну сторону. Пистолет — в другую. Человек с пистолетом (*теперь уже без пистолета*) в неподвижности застывает на полу.

Дмитрий Васильевич. Это он!

Наташа. Кто?

Дмитрий Васильевич. Киллер!

Наташа (*всматривается*). Какой киллер? Это Петя!

Дмитрий Васильевич. Какой еще Петя?

Наташа. Ну, Петя, Петя. Мой Петя! *(Склоняется над Петей.)* Петя, Петенька. Прости меня, глупую. Я для тебя. Все для тебя. Девяносто кило прокормить думаешь легко? Кашу овсяную ты не ешь. Манную тоже. А мясо? Знаешь, сейчас почему?

Дмитрий Васильевич. Он этого никогда не узнает.

Наташа *(заламывает руки)*. Пеее-етя!!!

Дмитрий Васильевич. А пистолет? Если это Петя. Откуда у твоего Пети пистолет?

Наташа. Это — не пистолет, это награда. За героический поступок. Когда он над «зеленкой» летел, его вертолет сбили.

Дмитрий Васильевич. За это не награждать, а сажать надо.

Наташа. А Петю наградили. За то, что он не погиб.

Дмитрий Васильевич. Тоже мне подвиг.

Наташа. Как вы можете?! *(Снова склоняется над ним.)* Пе-ееетя!

Дмитрий Васильевич *(рассматривает Петю)*. И что ты в нем нашла? Волосенки жиденькие, лицо в шрамах. А глаз... вообще не видно.

Наташа. Глаза у него... Утонуть можно.

Дмитрий Васильевич. Если не умеешь плавать.

Наташа *(пытается привести Петю в чувство)*. Петенька. Я больше не буду. В уборщицы пойду, в грузчицы. Только не умирай.

Дмитрий Васильевич. Ая бы бросил его к чертям собачьим.

Наташа. Я без него жить не могу. Пока он в армии был, я на десять кило поправилась.

Дмитрий Васильевич. Вот это любовь!

Наташа. Как услышу про «горячую точку», так сразу — торт. Или мороженое. Чтоб стресс снять.

Дмитрий Васильевич. А моя женушка... Бывшая... Всегда пятьдесят семь. В любую погоду.

Наташа. А рост?

Дмитрий Васильевич. Рост? *(Показывает на себе.)* Вот... Если без каблучков... А на каблучках... Не помню. Последний раз на каблучках я ее в загсе видел.

Наташа. А мой Петя меня в загс на руках нес. Три автобусные остановки.

Дмитрий Васильевич. Не было такси?

Наташа. Было. Все было. И любовь была... Пеее-етяяя!!!

Дмитрий Васильевич. Все проходит. И любовь, и такси... Голосуй, не голосуй...

Наташа. Петя. Я больше не буду. Дружи с кем хочешь. Помогай кому хочешь. Пусть все на тебе ездят. Дураков у нас любят. Пе-тя!

Дмитрий Васильевич *(вдруг замечает фото, выпавшее из кармана Пети)*. И дур. Тоже у нас любят. Ты самая настоящая дура.

Протягивает ей фотографию. Наташа с удивлением рассматривает фото.

Наташа. Это кто?

Дмитрий Васильевич. Это я.

Наташа. Что-то не похож.

Дмитрий Васильевич. Потому что с паспорта.

Наташа. Да?

Дмитрий Васильевич. Я говорил, мой паспорт украли.

Наташа. А зачем Пете ваша фотография?

Дмитрий Васильевич. А ты как думаешь?

Наташа. Не знаю.

Дмитрий Васильевич. Может, он у вас «голубой»?

Наташа. Не замечала.

Дмитрий Васильевич. Жены всегда узнают последними.

Наташа. Пусть «голубой», пусть «фиолетовый», пусть хоть «в синий горошек». Лишь бы живой.

Снова склоняется над ним.

Пе-етя. Пе-етенька... Ты слышишь меня? Петя?!

Петя (вдруг открывает глаза). Слышу, слышу.

Наташа (обнимает его). Пе-етя!!!

Петя. Наташа? Как ты сюда попала?

Наташа. А ты? Как ты сюда попал, Петенька?!

Петя. Я?.. (Осматривается.) Не помню. Кажется, через камин.

Наташа. А я, кажется, через дверь.

Петя. Через дверь?

Наташа. Да, Петенька. Через дверь.

Петя. А почему ты в халате? Ты здесь живешь?

Наташа. Что ты, Петенька? Я здесь не живу. У нас с тобой свой дом есть. Своя, хоть и маленькая, но квартира. Ты вспомни, Петенька.

Петя. Вспомнил. Но почему ты в халате?

Наташа. А ты, Петенька? Почему ты с пистолетиком?

Петя (грозно). Почему ты в халате?!

Наташа. А почему ты с пистолетом?

Петя. Я первый спросил.

Наташа. Нет, я!

Петя. Вспомнил. Все вспомнил. Ты к Верке пошла.

Наташа (радостно). Видите. А я что говорила? Он меня выследил. Он такой ревнивый. Ах ты, Петенька. Петюнчик.

Петя вдруг замечает Дмитрия Васильевича.

Петя (в ужасе). ВЫ?!

Дмитрий Васильевич. Я. А что?

Петя. Что-то мне лицо ваше знакомо.

Дмитрий Васильевич. Что вы говорите?!

Петя. Вы в Афгане не служили? В вертолетном полку?

Дмитрий Васильевич. Не приходилось.

Петя. А в Чечне?

Дмитрий Васильевич. Не служил.

Петя. Вспомнил! Я же вас должен...

Наташа. Что ты болтаешь, Петенька. Что несешь?

Дмитрий Васильевич. А я что говорил? Ваш Петя — киллер.

Н а т а ш а (Петя). Что ты вспомнил? Что? Посмотри на меня! Видишь? Я — в халате... В чужом доме. Видишь?!

П е т я. погоди! Не мешай.

Н а т а ш а. Родная жена. В чужом доме. В халате. А он — «не мешай»!

П е т я. Кстати. Почему ты в халате?

Н а т а ш а. Это — другой разговор.

П е т я. Что значит — другой?!

Н а т а ш а. Я в халате, Петенька. Потому что принимала душ.

П е т я. Не понимаю. Зачем принимать душ в чужом доме?

Н а т а ш а. Он мне не чужой, Петенька. Он мне родной. Вот уже целых два часа.

Д м и т р и й В а с и л ь е в и ч. Не слушайте ее.

Н а т а ш а. Не слушайте? А кто меня подцепил? В машину закинул. Кто? И пытался... да-да... Петенька. Пытался... Шампанское, фрукты. Мартини с лимоном!.. Кто?! Доллары, фунты... Кто?!

П е т я. Кто?

Н а т а ш а. Он!

Д м и т р и й В а с и л ь е в и ч. Ни слова правды.

Н а т а ш а. Милый! Ты кому веришь? Мне? Или этому... этому... Мазохисту. Который иначе не может, как на крыше дома... (напевает)... сво-о-его.

П е т я. Это как?

Н а т а ш а. Я сама не знала как. Он мне объяснил. Надо влезть на крышу. На телевизионную антенну...

П е т я. Зачем?

Н а т а ш а. Чтобы все видели. По всем телевизорам.

П е т я. А почему нельзя так? Без телевизора?

Н а т а ш а. Можно. Но эти мазохисты без телевизора не могут. Не получается у них.

П е т я. Ты иди. Я сейчас... Поговорю с ним... Выйди в другую комнату... Я быстро...

Н а т а ш а. Ты что?!

П е т я. Ну выйди. Я тебя прошу. Так надо.

Дмитрий Васильевич. Идите. Он быстро управится. Он же — десантник. Это его профессия.

Наташа. Петя!

Петя. Выйди, я тебе говорю!

Дмитрий Васильевич. Интересно. Если не секрет. И сколько я стою? В «уе»?

Петя. Коммерческая тайна.

Дмитрий Васильевич. А все же?

Петя. Не могу. Подписку давал.

Дмитрий Васильевич. Ну хоть намекните. Больше пяти тысяч?

Петя. Меньше.

Дмитрий Васильевич. Меньше?!

Наташа. И ты... Из-за каких-то жалких... пяти тысяч...

Петя. Меньше.

Наташа. Даже меньше. Готов человека убить?!

Дмитрий Васильевич. Он же десантник. Привык убивать. Причем бесплатно. А тут еще и платят.

Петя. Что ты сказал? Я тебя сейчас и правда... прикончу.

Наташа. Вот ты какой!

Петя. А ты — вот какая!

Наташа. Какая?

Петя. Такая... В халате.

Наташа. А ты хотел, чтобы я была без... халата?

Петя. Хотел. Только не в чужом доме.

Наташа. А я хочу здесь. *(Прибавляет громкость музыки, пританцовывает, подражая стриптизерше... вот-вот снимет халат.)*

Петя. Только попробуй!

Наташа продолжает танец, не обращая на него внимания.

Петя *(Дмитрию Васильевичу)*. Отдай пистолет!

Дмитрий Васильевич. Не отдам!

Пытается отнять.

Петя. Отдай!

Дмитрий Васильевич. Не получишь!

Неожиданно в гостиную вбегает женщина. Это — Ольга, жена
Дмитрия Васильевича.

Ольга. Не стреляйте. Я принесла деньги.

Дмитрий Васильевич. Ольга?

Петя. Ольга Тимофеевна?!

Наташа. Кто это?

Дмитрий Васильевич. Моя жена.

Ольга (*открывает сумочку, достает несколько па-
чек*). Вот. Десять тысяч. Что и требовалось доказать.

Петя. Ничего не понимаю.

Ольга. И не надо. Берите и уходите. Отдайте их...
знаете кому.

Петя. Но...

Ольга. Без всяких «но»!

Дмитрий Васильевич. Откуда ты его знаешь?

Наташа (*Пете*). Откуда ты ее знаешь?

Ольга. Отвечаю. Петр Васильевич работает в моей
фирме.

Дмитрий Васильевич. В какой еще фирме?!

Ольга. У меня — фирма. По выбиванию денег. Со зло-
стных неплательщиков. Таких, как ты.

Дмитрий Васильевич. У тебя фирма? Выходит,
ты... Моя жена. Меня... «заказала»?!

Ольга. Выходит. Бизнес есть бизнес.

Дмитрий Васильевич. О!!!

Наташа (*Пете*). Выходит, ты... Мой муж...

Петя. Бизнес есть бизнес.

Наташа. О!!!

Дмитрий Васильевич. Как ты могла?!

Наташа. Как ты мог?

Ольга. Он ни в чем не виноват. Работа есть работа.

Наташа. Это работа?!

Петя. Не вечно мне... Жить на твои деньги.

Дмитрий Васильевич. Не может быть!

Ольга. Успокойся. Ко мне обратился клиент. Показал расписки. Твои расписки... Попросил помочь. Заплатил аванс. Что мне оставалось делать?

Дмитрий Васильевич. Что делать?! Бросить ему в лицо... этот аванс.

Ольга. А потом? Что потом? Кто ко мне обратится?

Дмитрий Васильевич. Выходит... Деньги для тебя дороже... дороже...

Ольга. Дороже.

Дмитрий Васильевич. Я отказываюсь от твоих подачек. (Петя.) Верните ей деньги. Лучше смерть, чем это... Стреляйте!

Наташа (Ольге). Почему вы раньше не пришли? Его могли убить!

Ольга. Раньше? Было жалко...

Дмитрий Васильевич. Меня?!

Ольга. Нет. Денег.

Дмитрий Васильевич. О!!!

Ольга. А потом стало жалко... тебя. Десять лет все-таки...

Дмитрий Васильевич. По тысяче за год?

Ольга. Опять ты про деньги.

Дмитрий Васильевич. Десять лет вместе. И моя жена.. Меня...

Ольга. Не я... Мне тебя «заказали».

Дмитрий Васильевич. Стреляйте!

Петя. Постой, командир. Не ты здесь начальник. Как Ольга Тимофеевна скажет, так и будет.

Ольга. Отлично.

Дмитрий Васильевич. Стреляй!

Петя. Постой, мужик. Не горячись. Все ж нормально. Она расплатилась. Чего еще надо? Ну, какого хрена?!

Дмитрий Васильевич. Тебе ничего не надо. Жена работает в поте... э-э... тела... своего. А он... Альфонс!

Петя. Кто альфонс?!

Дмитрий Васильевич. Ты!

Петя. Это — слишком.

Наташа. Он прав. Он в сто раз лучше тебя. Киллер!

Петя. Лучше? Конечно. Я альфонс. Альфонс. Уж лучше быть киллером, чем альфонсом.

Дмитрий Васильевич. Он прав. Ха-ха. Этот альфонс.

Петя. Помолчал бы, братан.

Дмитрий Васильевич. Она из-за него...

Петя. Замолчи!

Дмитрий Васильевич. А этот бирюк. Девяносто кило.

Наташа. Девяносто пять.

Дмитрий Васильевич. Девяносто пять.

Петя. Замолчи!

Сжимает пистолет. Вот-вот выстрелит.

Наташа бросается к нему, бьет по руке.

Раздается выстрел. Дмитрий Васильевич падает.

Наташа. Что ты наделал?!

Петя. Не понимаю. У меня — холостые. Только попугать хотел. Как договаривались.

Ольга. Холостые?!

Петя. Ну, может, один боевой затесался. На учениях так делают. Иногда. Чтоб не расслабляться.

Наташа. Предупреждаю. Тебя посадят — я ждать не буду. С меня хватит.

Петя. Странно. Не мог же я.

Ольга. Холостые? Вы убили его!!! *(Склоняется над Дмитрием Васильевичем.)* У меня все руки в крови!

Наташа. Какой ужас!

Ольга. Он жив, еще дышит.

Наташа. Надо вызвать «Скорую».

Петя. Чтоб всех нас накрыли?

Ольга *(в истерике)*. Ди-има!!!

Наташа *(подбегает к телефону)*. Я позвоню.

Петя *(отнимает у нее трубку)*. Я тебе позвоню!

Наташа. Ты что? С ума сошел?!

Петя. Спокойно. Без паники. *(Вкладывает Дмитрию Васильевичу в руку пистолет.)* Раньше должники что делали? Стрелялись. Нет денег — пулю в лоб. И порядок.

Ольга. Кто ж нам... то есть ему... поверит?

Петя. А при чем тут мы? Нас тут и не было.

Наташа. Ты что говоришь?

Петя. Спокойно. Не суетись.

Наташа *(снова берет трубку)*. «Скорая»?

Петя *(вырывает трубку)*. Милая. Не нарывайся. Я и по-другому могу... Думаешь, не знаю... Как ты здесь оказалась.

Наташа. Что, что?

Петя. А то.

Ольга. Надо принимать решение.

Петя *(внимательно осматривает комнату, замечает бокалы, Наташе)*. Ты из какого пила?

Наташа. Я помню?

Петя. Помада. Значит, из этого... *(Прячет бокал в карман.)* Кажется, все... И быстро... по домам...

Наташа. Я никуда не пойду!

Петя. Пойдешь. Как миленькая.

Наташа. Нет!

Ольга. У нас нет выхода.

Наташа. Есть. Вызвать врача.

Петя. Вызывай. Мне — лет десять дадут. А то и «вышку». *(Ольге)* Вам... Как заказчику — лет семь... А тебе *(Наташе)*. Года три, не меньше.

Наташа. А мне за что?

Петя. За соучастие. Как наводчице. Устраивает?

Наташа молчит.

Все... По домам.

Наташа *(плачет)*. Я не могу.

Петя. Пошли.

Наташа. Нет.

Ольга. У нас нет выхода...

Петя чуть ли ни насильно уводит Наташу, за ними уходит и Ольга...

На сцене остается только Дмитрий Васильевич.

Длинная, длинная пауза....

Голос за сценой. Стоп! Не пойдет... Хватит чернухи. И в жизни, и в кино. Переснимем финал.

Дмитрий Васильевич встает.

Снова появляются Наташа, Петя, Ольга.

Голос. «Четверо с одним пистолетом!». Дубль два.

Действие как бы возвращается назад.

Петя (*сжимает пистолет*). А каково мне?! Ты об этом подумала? Жить на твои средства. Альфонс! Нет уж. Лучше быть киллером, чем альфонсом.

Дмитрий Васильевич. Он прав. Ха-ха! Этот альфонс.

Петя. Помолчал бы, братец.

Дмитрий Васильевич. Она из-за него...

Петя. Замолчи!

Дмитрий Васильевич. А этот бирюк. Девяносто кило.

Наташа. Девяносто пять.

Дмитрий Васильевич. Девяносто пять.

Петя. Замолчи!

Сжимает пистолет. Вот-вот выстрелит.

Наташа бросается к нему, бьет по руке.

Раздается выстрел. Дмитрий Васильевич падает.

Ольга. Что вы наделали? Вы убили его! У меня все руки в крови!

Наташа (*склоняется над Дмитрием Васильевичем*). Голубая кровь. Похоже, он из великосветской семьи.

Ольга. Странно. Я всю его семью знаю. И мать, и отец... простые трудящиеся.

Дмитрий Васильевич (*встает, рассматривает сломанную авторучку*). Ну, вот. Мой любимый «Паркер».

Ольга. Ты жив, жив!

Дмитрий Васильевич. Кажется.

Ольга. Я так испугалась.

Дмитрий Васильевич. Я — тоже.

Ольга *(обнимает его)*. Дима!

Дмитрий Васильевич. Что?

Ольга. Господи. Ну что за жизнь? Деньги, деньги. Все только деньги.

Дмитрий Васильевич *(отряхивается)*. И не говори.

Ольга. Прости меня, дуру.

Дмитрий Васильевич. Прощаю.

Наташа *(Пете)*. Пошли, стрелок!

Ольга. Пойдите.

Наташа. Что еще?

Ольга *(достает из сумочки еще одну пачку денег)*. Это вам... Ваша доля.

Петя *(берет)*. Спасибо. Вот и я наконец что-то заработал. *(Наташе.)* Ты рада?

Наташа. А то!

Петя. Перво-наперво курицу куплю. И съем ее всю. Целиком. И крылышки, и ножки, и грудку. *(Наташе.)* Ты какое мясо любишь? Белое?

Наташа. Серое. *(Отбирает у него деньги.)* Перво-наперво кашу овсяную сварю... Серую. И ты съешь ее всю... Целиком... *(Возвращает деньги Ольге.)*

Петя. Ты что? С ума сошла?!

Наташа. Еще чуть-чуть... и сошла бы.

Петя *(Ольге)*. Отдайте деньги. Она того...

Наташа. Нет. Я еще «не того». И не этого.

Петя. Но я не могу есть... эту овсянку...

Наташа. А я могу? Руки у нас есть? Есть. Голова? Есть... Хоть одна на двоих, но есть... Как-нибудь проживем.

Петя. Но я не люблю... овсяную...

Наташа. Тогда сварю манную...

Уводит его, слышны голоса:

— И манную не люблю....

— А пшеничную?

— Тоже!

— А рисовую?..

Пауза.

Дмитрий Васильевич. А мне не верится, что ты — моя жена и...

Ольга. Да, я... твоя жена.

Дмитрий Васильевич. А записка? Ненормативная?

Ольга. Я написала.

Дмитрий Васильевич. Неправда. Ты таких слов не знаешь.

Ольга. Знаю. Ты меня всегда недооценивал.

Пауза.

Ольга. И как тебя угораздило?

Дмитрий Васильевич. А тебя?

Ольга. Я-то в полном порядке. У меня — фирма.

Дмитрий Васильевич. Ну, и иди... В свою фирму.

Ольга. И пойду.

Дмитрий Васильевич. И иди.

Ольга. И пойду.

Пауза.

Дмитрий Васильевич. А помнишь? Шел дождь... Я печатал, сидел за машинкой. Ты была на кухне. Курицу жарила. И вдруг — солнце. Мы открыли балкон. Радуга. В воздухе туман. После дождя. Все цветет и пахнет.

Ольга. Нет. Не помню.

Дмитрий Васильевич. Ну, как ты не помнишь? Курица тогда еще сгорела.

Ольга. Не помню.

Дмитрий Васильевич. Ну мы тогда еще поджарили черный хлеб и съели... вместе с чесноком и томатной пастой.

Ольга. Не помню.

Дмитрий Васильевич. Ты должна помнить, ты не любишь чеснок...

Ольга. Что ты пристал? Не помню, и все.

Дмитрий Васильевич. От меня пахло чесноком, а ты не замечала.

Ольга. Отстань.

Дмитрий Васильевич. Помнишь, ты все помнишь. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Пауза.

Ольга. А курицу мы потом все же съели.

Дмитрий Васильевич. Как было хорошо.

Ольга. Прекрасно.

Дмитрий Васильевич. Я бы все на свете отдал, чтобы...

Ольга. Чтобы «что»?

Ольга. Ты знаешь.

Ольга. А все же?

Дмитрий Васильевич. Чтобы все было, как тогда.

Ольга. И я... наверно... все бы отдала.

Дмитрий Васильевич. Послушай. Все отдавать не надо. Отдай... Нет. Одолжи... Только на месяц... Тысяч пять. А? Я верну. Клянусь.

Ольга. Пять тысяч? Зачем они тебе?

Дмитрий Васильевич. Подсолнечное масло. С Украины. Здесь оно в сто раз дороже. Понимаешь?

Ольга. Понимаю.

Дмитрий Васильевич. Я отдам. Хочешь расписку напишу? Хочешь?

Телефонный звонок.

Ольга вынимает мобильный из сумочки.

Ольга (в трубку). Да, да... отдал. Куда же денется? Как?.. Ну, плакал, умолял... Конечно, смешно... Нет, вы меня знаете... Что? Сколько?.. Отлично, пишу адрес... Заказ принят.

Прячет трубку, собирается уходить.

Ольга. Извини, мне пора. Понимаешь, бизнес.

Дмитрий Васильевич. Понимаю.

Ольга. Пять тысяч, говоришь? Хорошо, я подумаю.

Дмитрий Васильевич. Правда?

Ольга. Да. Под десять процентов.

Дмитрий Васильевич. Ты с ума сошла. Семь, не больше.

Ольга. Восемь.

Дмитрий Васильевич. Семь с половиной.

Ольга. Восемь.

Дмитрий Васильевич. Семь и одна четверть.

Ольга. Три четверти...

Дмитрий Васильевич. Одна четверть, остальное маслом.

Ольга. Нет. Только не маслом.

Дмитрий Васильевич. А чем?

Ольга. Ты знаешь.

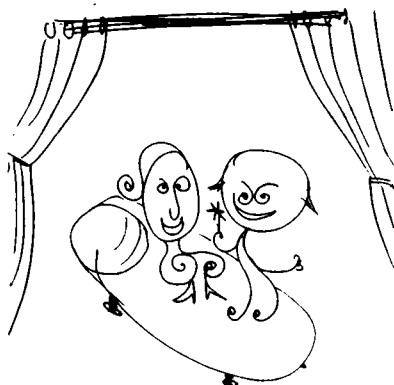
Дмитрий Васильевич. Правда?

Ольга. Да. Только когда будешь отдавать... не ешь чеснок.

Дмитрий Васильевич. Не буду. Честное слово.

Ольга. Пиши расписку!

Занавес.

Предисловие

Многоуважаемый читатель.

Не удивляйся. Это не издательская ошибка. Вместо «Послесловия», которому положено быть на этом месте, вдруг появилось «Предисловие».

Дело в том, что все в нашей жизни начинается с конца. С конца учебника мы решаем задачки, с конца очереди идем в ее начало, в конце газет или журналов находится уголок юмора.

Эту книгу ты, наверно, тоже будешь читать с конца. Вот почему здесь, именно на этом месте, «Предисловие».

Ну, что тебе сказать об авторе, то есть обо мне? (Всегда, прежде чем читать, интересно узнать кое-что об авторе.)

Я родился в те далекие времена, когда еще не было «Ну, погоди!». Образование получил высшее, но не то, которое мне потом пригодилось. Я окончил Московский строительный институт. Два года работал прорабом на стройках коммунизма. Ставил унитазы и смывные бачки. Затем три года был офицером Советской армии. Строил всякие секретные объекты, которые сейчас взрывают. То замечательное время я отразил в повести «Необыкновенное происшествие в деревне Огрызки».

Творить начал с детства. Выгоняли из школы, из института (шутка). Из школы — не шутка. В пятом, кажется, классе начал сочинять. Сам писал и издавал рукописный журнал «Клизма». Эпиграфом там было: «Назначение «Клизмы» — прочищать застои и запоры в мозгах людей».

Классная руководительница обнаружила в журнале свой портрет и послала меня за родителями, «прочищать застой...». Так я понял, что сатира — жанр опасный. Я был прогульщиком, вместо школы часто бегал в кинотеатр «Колизей». Любил бродить по Москве, кататься по улицам на велосипеде. Это летом. А зимой — на коньках, по льду Чистых прудов, что рядом с тем же «Колизеем». Потом, спустя много лет, детские эти приключения стали повестью «Моя бабушка — ведьма», которая сначала была сценарием фильма. Про него говорили, что это изящная литература, но никакой не сценарий. Под этим предлогом фильм, конечно, не сняли. Раз это «изящная литература», я стал предлагать ее в различные издательства. Но мне сказали, что это никакая не литература, а обыкновенный сценарий. «Несите его скорей в кино». В конце концов я настолько запутался, что сам не понимал, что написал.

В институт я пошел строительный, хотя мечтал в юности строить ракеты и даже запускал их прототипы из фотопленки (горючее) и фольги от сигарет (корпус). Ракеты часто взрывались на пусковой площадке, то есть на подоконнике, и вся квартира окутывалась ядовитым дымом. Но не это меня отпугнуло от поступления в «ракетный» институт, а слишком большой конкурс. Почему я пошел в строительный? Москва в те времена начинала строиться. Она хорошела, расширялась, и была надежда остаться в ней надолго и радоваться ее красотам. А с ракетами я все же встретился, но намного позже. Перед кубинским кризисом меня призвали в Советскую армию. Я был глубоко мирным человеком и веселил однополчан, называя фуражку кепкой, солдат — ребятами, а спирт — водкой. Тем не менее мой взвод был одним из лучших, а моя фотография висела на Доске почета.

Но я опять забегая вперед.

В институте я не очень отягощал себя учебой, играл в шахматы, футбол. Имею по тому и другому первые разряды, что мне дает право говорить: «Я спортсмен с головы до ног». (Для тех, кто не понял: шахматы — голова, футбол —

ноги.) Но особенной страстью осталось сочинять смешное. За это уже не выгоняли, наступила «оттепель». Я писал капустники, затем юмористические рассказы в различные печатные и непечатные (радио, телевидение) органы. Стал автором популярных передач «С добрым утром», «Голубой огонек», отдела сатиры и юмора «Литературной газеты» — «Клуб 12 стульев».

Но опять я забегая вперед.

Работа мастером на стройке дала мне многое. И темы для первых рассказиков, и первые гонорары.

Но настоящая профессиональная жизнь началась после демобилизации из армии. Я должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Мой отец, очень остроумный человек, который мечтал, что я стану, как и он, инженером, по этому поводу шутил: «Как вам нравится? Я всегда шутил бесплатно, а Сашка еще получает за это деньги!» Но шутить за деньги оказалось не так уж просто. Приходилось шутить с утра до вечера, без выходных и праздников. Юморески, эстрадные номера. Почти все в те годы написано в соавторстве с Аркадием Хайтом.

Работал я и в кинематографе. За годы шутовства мною придумано более 50 сюжетов для «Фитиля» и «Ералаша». Мультфильмы? Очень много, думаю, штук 30. Особенно популярны серии «Ну, погоди!» (в соавторстве), «Великолепный Гоша» и «Возвращение блудного попугая» (совместно с режиссером В.Караваевым).

В настоящее время я сочиняю пьесы, повести, книги. Взрослые и детские. Некоторые ты прочтешь в этой книге.

Премии? Государственная СССР (1988 г.), Болгария, Италия, Испания. И еще «Ника» — тоже 1988 г.

Вот пока и все. За эту книгу, я думаю, ничего не получу. И последнее, читатель.

Если ты все же начнешь читать книгу с самого начала, не удивляйся: там будет маленькое «Послесловие».

Это для тех, кто читает книги с конца.

Литературно-художественное издание

Александр Курляндский

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том сорок второй

Ответственный редактор *М. Яновская*
Художественный редактор *А. Мусин*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 12.05.2005.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Букмэн».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 34,44

Тираж 6000 экз. Заказ 4741.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

друзья, которые
свернули свое
существование 99 лет
назад, тогда, прежде
чем вдали от
руки от концы
его расценил
мне язык
оно, как говорю
"о том, что
аудирование по
мне, чтобы
свободы, в его
поклонении и

Приветствую переселенца
каменного муромца
в этом году
тобиком, ему
если не сибиряк
как в дикси-бел
Росины, который
уже до своих
так как это
будущий муромец
"в поселении",
через не года
урагане текут
от сибиряка
поселении и

друзья, когда
справил
ситуацию
и в то
время

и от покупки
его рождения
мне удалось
ее, как говорится
о том, как
развивалась по
ее мысли и
ее, в это
по моему мнению

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Александр Курляндский

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

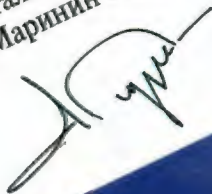
Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Биокибер, пожирающий любые
металлы, но особенно золото,
серебро, платину. Тварь способна
поедать это в неимоверных
количествах, перерабатывая
в обыкновенное дерьмо.

★★★

«Ножка Буша», казалось, понимала
русский язык. Она спокойно вышла
из туалета, допрыгала до дверей
и спряталась за Маринин сапог.

ISBN 5-699-11184-0

9 785699 111848 >